АРХИВЪ

ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ,

ОТНОСЯЩИХСЯ

ДО РОССІИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Калачовымъ.

КНИГИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
въ Типографіи Александра Семена,
на Софійской улицѣ.
1855.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Марта 5 дня, 1855 года.

Цензоръ В. Флеровъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Стр.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Издавая въ свѣтъ вторую книгу нашего сборника, мы считаемъ себя обязанными поставить на первомъ планѣ то лестное одобреніе, котораго онъ удостоился и въ печатныхъ и въ изустныхъ объ немъ отзывахъ. Конечно, такое общее сочувствіе должно приписать не столько достоинству самого изданія, сколько важному значенію близкихъ для Русскаго сердца предметовъ, коихъ изслѣдованію и разработкѣ посвящены разные отдѣлы «Архива;» но было бы несправедливо умолчать объ немъ, когда оно послужило поводомъ къ новымъ плодотворнымъ для науки разысканіямъ. Мы разумѣемъ здѣсь въ особенности тѣ *указанія*, *поясненія*, *поправки* и *дополненія*, какія вызваны были тѣми или другими статьями нашего изданія и высказаны въ рецензіяхъ. Съ этой точки зрѣнія они безспорно могутъ быть признаны какъ пріобрѣтеніемъ науки, такъ и пріобрѣтеніемъ нашего сборника,— и вотъ причина, почему мы рѣшаемся предложить ихъ читателемъ въ Предисловіи, впереди всѣхъ другихъ статей настоящей книги (*).

(*) Рецензіи на 1-ю книгу «Архива» помѣщены въ слѣдующихъ изданіяхъ: 1) Въ Отечеств. Запискахъ 1850, т. LXX (№ 5), Отд. V стр. 1—28, статья *К. Д. Кавелина*. 2) Въ Современникѣ 1850 г., т. XX, Отд. III, № 4, стр. 45—74, статья *А. Н. Афанасьева*. 3) Ibidem 1851 г., т. I, Отд. III, стр. 24—29, *его же*. 4) Въ Москвитянинѣ 1850 г. № 7, Отд. IV, стр. 71—84, статья *М. П. Погодина*. 5) Ibidem № 9, Отд. IV, стр. 29—30, статья *Ѳ. И. Буслаева*, подъ заглавіемъ: «Лингвистическое недоразумѣніе (М. П. Погодину)». 6) Ibidem, № 7, Отд. IV стр. 85—88, статья *Д. А. Шеппинга*, подъ загла-

Обратимся прежде всего къ тѣмъ замѣчаніямъ, которыя вызваны изслѣдованіями, помѣщенными въ 1-й книжкѣ «Архива,» и изъ нихъ стоящею на первомъ мѣстѣ статьею г. Соловьева: «Очеркъ нравовъ, обычаевъ и религіи Славянъ, преимущественно восточныхъ, во времена языческія».

Одинъ изъ даровитѣйшихъ рецензентовъ этой статьи, занимающійся преимущественно разъясненіемъ религіозныхъ вѣрованій нашихъ языческихъ предковъ, связываетъ разборъ свой съ разсмотрѣніемъ начала и развитія языческихъ вѣрованій у народовъ вообще и у Славянъ въ особенности. Этотъ самостоятельный трудъ, на сколько онъ пополняетъ, а отчасти и исправляетъ статью г. Соловьева мы приведемъ здѣсь вполнѣ.

віемъ: «Еще нѣсколько словъ о статьѣ г. Соловьева». 7) Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1850 г., № 87, статья *К. С. Аксакова* подъ заглавіемъ: «Родовое или общественное явленіе былъ изгой?» 8) Въ Журналѣ Министерства Народн. Просвѣщенія 1850 г., ч. LXVI, Отд. VI, стр. 158—174, ст. *А. Л.* 9) Въ Сѣверной Пчелѣ 1850 г., 18 марта № 62, и 24 марта № 67, статья *Ѳ. Б.* 10) Въ Временникѣ, изд. Московск. Обществомъ Ист. и Древн. Росс., 1851 г., кн XI, въ ст. князя *П. П. Вяземскаго* «Замѣчанія на Слово о полку Игоревѣ», стр. 34 и дал. сдѣланъ разборъ нѣкоторыхъ мнѣній Эверса, выраженныхъ имъ въ статьѣ, помѣщенной въ V отдѣлѣ «Архива» въ переводѣ. 11) Сюда же отчасти можетъ быть отнесена статья *К. С. Аксакова* въ Московскомъ Сборникѣ, изданномъ въ 1852 г., подъ заглавіемъ: «О древнемъ бытѣ у Славянъ вообще и у Русскихъ въ особенности». Сверхъ того въ Редакцію доставлены въ рукописяхъ два прибавленія: одно отъ *М. Н. Капустина* (Дополненіе къ его Указателю книгъ, вышедшихъ въ 1848 г.), другое *А. Н. Афанасьева* какъ предисловіе къ его Указателю періодическихъ изданій. Имѣя въ виду воспользоваться исчисленными статьями для дополненія и исправленія статей, напечатанныхъ въ 1-й книжкѣ «Архива,» мы должны однако прибавить, что считаемъ здѣсь неумѣстнымъ отвѣчать на тѣ изъ мнѣній, выраженныхъ въ рецензіяхъ, которыя кажутся намъ невѣрными или недостаточно доказанными. Отвѣтомъ на нихъ будутъ служить новыя изслѣдованія касательно тѣхъ или другихъ спорныхъ предметовъ Русской Исторіи и Русскаго Права, которыя мы намѣрены помѣщать въ слѣдующихъ книгахъ нашего сборника.

« Языческія вѣрованія у всѣхъ народовъ, говоритъ г. Афанасьевъ (*), имѣютъ свою исторію; они создаются не вдругъ, а постепенно съ развитіемъ народной жизни, съ медленнымъ усвоеніемъ уму и памяти внѣшнихъ явленій природы. Первоначально религіозныя языческія вѣрованія создаются одинаковымъ образомъ у всѣхъ различныхъ народовъ, потому что все основывается на непосредственныхъ чисто естественныхъ условіяхъ. Впослѣдствіи привходятъ рѣзкія отличія ради мѣстныхъ особенностей и разныхъ историческихъ вліяній и событій. Изложеніе догматическое, котораго держался г. Соловьевъ, не представляетъ въ данномъ случаѣ такого интереса, какъ изложеніе историческое. Безъ сомнѣнія, излагая народныя вѣрованія въ процессѣ ихъ созданія, надобно будетъ основываться на логическихъ законахъ всякаго развитія, ибо осязательнаго указанія хронологическаго не имѣемъ. Но это не должно устрашать: самый характеръ того или другаго преданія и повѣрья укажетъ на ближайшее или отдаленнѣйшее время его появленія. Всякое развитіе начинается ab ovo; какъ изъ непримѣтнаго зародыша выростаетъ цѣлый организмъ, такъ изъ едва сознаваемыхъ зачатковъ какой либо идеи образуется полная система. Обращаясь къ Славянскому язычеству, замѣчаемъ, что вопросъ религіи воплощалъ въ себѣ всѣ успѣхи народнаго развитія въ его стремленіи отъ непосредственности къ жизни ума и чувства. Первый шагъ этого развитія долженъ былъ состоять въ смутно-зародившейся въ человѣкѣ мысли объ отношеніяхъ его къ міру окружающему. Славянинъ почувствовалъ, что есть что-то могучее, имѣющее сильное вліяніе на его собственное существованіе; отдѣливши себя отъ остальной природы, онъ увидѣлъ свою слабость и ничтожность предъ тою силою, которая заставляла его испытывать жаръ и холодъ, свѣтъ и отсутствіе свѣта, которая могла дать ему пищу и лишить пищи. Природа явилась человѣку и могучею силою, требующею полнаго и безотчетнаго подчиненія, и матерью, которая вскормила его собственною грудью. Онъ призналъ ее за нѣчто высочайшее и повергся предъ нею съ смиреннымъ чувствомъ младенческаго благоговѣнія. Человѣкъ былъ еще дитя, которое впервые улыбалось блестящей, красивой формѣ и впервые чувствовало боязнь при взглядѣ на что нибудь безобразное или ему чуждое. Для него еще не существовалъ анализъ. Вся природа представлялась цѣльною,

(*) См. приведенную выше рецензію въ «Современникѣ;» но въ нашей выпискѣ она вновь пересмотрѣна и исправлена самимъ г. Афанасьевымъ.

единою; вся она являлась однимъ великимъ чудомъ; слово «божество», вылетѣвшее изъ устъ человѣка, обняло собою все богатство и все разнообразіе образовъ и силъ, составляющихъ природу. Отсюда понятно, что языческая миѳологія начинается съ единобожія, но единственно вслѣдствіе отсутствія анализа: божествомъ является недѣлимая природа. Слѣдовательно, отъ этого представленія еще далеко до единобожія, признаваемаго при конечномъ развитіи язычества вслѣдствіе вліянія философскаго. Съ бо́льшими успѣхами ума, условливаемыми наблюдательностію и новостію впечатлѣній, человѣкъ начинаетъ знакомиться съ многоразличіемъ явленій природы, умъ вызывается къ работѣ, и понятіе о божествѣ дробится. Слѣдовательно, въ эпоху первоначальнаго язычества многобожіе указываетъ на бо́льшую или меньшую развитость народа. Исчерпавши источникъ познанія, заключенный въ живомъ наблюденіи явленій природы, умъ человѣческій обращается въ область чистаго мышленія, и тогда начинается отрицаніе многобожія.

Въ періодъ своего младенчества Славянинъ былъ погруженъ въ жизнь непосредственную; онъ любилъ природу съ дѣтскимъ простодушіемъ, и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за ея явленіями, которыми опредѣлялись его естественныя нужды. Въ ней находилъ онъ живое существо, сочувствующее человѣку; въ ней видѣлъ онъ родное. Самъ не сознавая того, онъ былъ поэтомъ, жадно всматривался въ картины обновляющейся природы, съ трепетомъ ожидалъ восхода солнца и долго засматривался на старые, но дѣвственные лѣса. Первыя наблюденія, первые опыты его ума принадлежали окружающему физическому міру, къ которому тяготѣли и религія человѣка и его познанія; и та и другіе составляли одно цѣлое, были проникнуты однимъ пластическимъ духомъ поэзіи. Оттого въ наивныхъ повѣрьяхъ Славянина столько теплаго, столько изящнаго!

Когда настала пора анализа, тогда болѣе уловимыя для впечатлѣнія силы природы отдѣлялись прежде и обоготворялись въ особенныхъ божествахъ. При такомъ раздробленіи общее понятіе о божествѣ, воплотившее въ себя всю природу, какъ единую, мало по малу затемнялось, потому что съ нимъ не соединялась опредѣленная субстанція. Могущество, старѣйшинство, благотворное вліяніе, соединившіяся съ этимъ понятіемъ, переносились на другихъ главныхъ боговъ. Вотъ почему тамъ, гдѣ еще не утратилось совсѣмъ преданіе о божествѣ, какъ общемъ, безъ всякаго опредѣленія его существа, тамъ смѣло можно говорить о неразвитости язычества. Такое преданіе встрѣчаемъ мы у Славянъ: въ договорѣ Игоря съ Греками читаемъ: «да не имуть помощи отъ *бога*, *ни отъ Пе-*

руна»; «да будетъ клятъ отъ *Бога и отъ Перуна*»; тоже преданіе занесено въ записки Прокопія и Гельмольда. Этого-то «бога» могли называть *старымъ, великимъ* (т. е. старшимъ), *прабогомъ* (сличи: прадѣдъ); слѣдоват. его ставили въ родоначальники боговъ, за которыми потому оставляли названіе *прибоговъ*. Послѣ это старѣйшинство было перенесено на Сварога отъ санкр. *сварга* (*свар*—небо, *га*—хожденіе) — небесный (солнечный) путь. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ умъ человѣческій подмѣчалъ различныя проявленія элемента свѣта и тепла, понимаемаго имъ въ началѣ цѣлостно. Такое дѣленіе, вносимое познающею способностію, не противорѣчило поэтическому чувству, которое все облекаетъ въ живой образъ. Дѣло ума поэтически выразилось въ естественной формѣ рожденія новыхъ божествъ отъ Сварога. Здѣсь — первый актъ обожествленія человѣческой субстанціи. Одни только отношенія и зналъ и понималъ человѣкъ; въ нихъ онъ самъ обращался и ихъ перенесъ на божества, какъ отношенія, воспитывающія въ человѣкѣ нравственное чувство. Изъ классическаго мѣста Ипатьевской лѣтописи, указаннаго Шафарикомъ, ясно видно, что у Сварога былъ сынъ Дажьбогъ—*солнце*, отъ *дагъ*—день, дневной свѣтъ; *дажь*—прилагательное притяжательное. У Сварога былъ и другой сынъ; въ Словѣ Христолюбца читаемъ: «и *огневи* молятся, зовутъ Сварожицемъ». Отечественная форма прямо указываетъ, что Огонь Сварожичъ былъ сынъ Сварога, братъ Дажьбога. И такъ Небо родило свѣтъ солнечный (небесный) и огонь. Объ этомъ родствѣ упоминается и въ статьѣ г. Соловьева; но отношенія между другими божествами оставлены имъ безъ объясненія. Такое опущеніе весьма замѣтно. Нельзя сказать, чтобы не было уже никакой возможности далѣе продолжать дѣло: есть нѣкоторыя данныя, которыя могутъ и должны быть приняты въ соображеніе. Прежде всего надо спросить: какое мѣсто занимаетъ Перунъ въ іерархіи Славянскихъ боговъ? Г. Соловьевъ считаетъ Перуна тождественнымъ Сварогу; а г. Срезневскій — Сварожичу. Мы не можемъ согласиться съ обоими этими мнѣніями. Всѣми археологами Перунъ былъ принимаемъ за божество молніи, что̀ подтверждаетъ и филологія: въ Польскомъ языкѣ *піорунъ*—громовой ударъ, въ Литовскомъ *perkunos*—громъ. Молнія—огонь небесный—не можетъ быть смѣшиваема съ Сварожичемъ—огнемъ земнымъ: это два совершенно различные вида. Равнымъ образомъ не одно и Сварогъ съ Перуномъ. Различныя филологическія значенія, выражаемыя въ ихъ названіяхъ, указываютъ на отдѣльныя олицетворенія небесныхъ божествъ. Сварогъ есть общій источникъ небеснаго свѣта, Дажьбогъ—свѣтъ солнечный, Перунъ—свѣтъ молніи; какъ Дажьбогъ раз-

личенъ отъ Сварога, такъ и Перунъ: и тотъ и другой особенныя проявленія силъ природы (*).

Но въ какихъ родственныхъ отношеніяхъ былъ Перунъ къ прочимъ *свѣтлымъ* божествамъ, рѣшить трудно, ибо опредѣлительныхъ свидѣтельствъ нѣтъ. По преданію, Сварогъ, оставаясь въ вѣчномъ покоѣ, предоставляетъ творчество и управленіе міра своему роду. Творческая, оплодотворяющая сила бога приписана Славяниномъ Дажьбогу, безъ животворящихъ лучей котораго не возможно никакое развитіе: холодъ и мракъ убиваютъ жизнь. Отдѣляемыми отъ себя лучами солнце оживляетъ природу и даетъ ей возможность производить. Когда восходитъ солнце, то отъ лучей его разбѣгается мракъ; темную, *нечистую* силу божества, по повѣрьямъ, разитъ молнія. Какъ лучамъ солнца приписывается сила, возбуждающая плодородіе, такъ таже сила приписана и молніи. Сербская пѣснь говоритъ о гармоніи, данной міру молніею; а Хорутанское преданіе свидѣтельствуетъ, что на землѣ началась жизнь только съ того времени, какъ внутри ея загорѣлся огонь. У насъ вѣрятъ, что первый весенній громъ оживляетъ природу послѣ зимняго сна. Только съ того времени деревья начинаютъ распускаться. Когда раздается ударъ перваго грома, то всѣ спѣшатъ умыться водою, которая въ это время *молодитъ и краситъ лицо*, *даетъ здоровье и счастье*. Тоже говорятъ и о первомъ весеннемъ дождѣ. И Дажьбогу, и Перуну языческія вѣрованія приписывали одинаковое вліяніе на дѣторожденіе. Душа человѣческая почиталась животворною искрою небеснаго огня, а жизнь даромъ свѣтлыхъ боговъ. Дажьбога преданіе называетъ *дѣдомъ* всѣхъ людей; относительно же молніи оно даетъ намъ цѣлый рядъ сказаній о связяхъ огненнаго змѣя съ женщинами, о похищеніи имъ красавицъ. Отсюда, пожалуй, можно бы заключить о тождествѣ Перуна съ Дажьбогомъ; но и такое заключеніе будетъ поспѣшно. Оба явленія: свѣтъ солнца и сіяніе молніи представляютъ между собой много сходнаго, аналогическаго: отсюда произошла, во первыхъ, та тождественность, какая замѣчается въ культѣ того и другаго божества, и во вторыхъ та неопредѣленность, вслѣдствіе которой язычники верховное владычество въ мірѣ приписывали то солнцу, то молніи, — и только при

(*) О невѣрности отождествленія г. Соловьевымъ Перуна съ Сварогомъ говоритъ и г. *Шеппингъ* въ своей приведенной выше рецензіи въ Москвит. См. стр. 86—87.

болѣе полномъ развитіи язычества могла исчезнуть такая неопредѣленность (*).

Славянинъ не могъ не обратить вниманія на различіе проявленій свѣта въ *лунѣ, звѣздахъ, зарѣ и радугѣ*, и всѣ эти проявленія свѣтлой силы обоготворилъ въ особенныхъ божествахъ. Въ преданіяхъ западныхъ Славянъ находимъ прямыя указанія на родственныя связи этихъ божествъ: *князь* (старшій) — солнце имѣетъ *12 сыновей, которые живутъ на звѣздахъ*. Солнце, какъ источникъ жизни, представляется *молодымъ* и *прекраснымъ* юношею: оно сидитъ на *золотомъ* престолѣ и ѣздитъ въ колесницѣ, запряженной *бѣлыми* лошадьми; ему прислуживаютъ *двѣ солнцевы дѣвы :* заря утренняя и заря вечерняя, которыя всегда сопровождаютъ солнце. Въ одной Русской пѣснѣ заря названа *сестрой* солнца:

> Заря-ль моя зоринька,
> Заря, солнцева сестрица!

Утренняя заря выводитъ бѣлыхъ коней Дажьбога ; потому въ Каринтіи ее называютъ *дѣжкица*, т. е. утреница — слово, близкое съ денницей (Венерой). Эта звѣзда въ Сербской пѣснѣ также называется сестрой солнца. Изъ того повѣрья, что сыновья солнца жили на звѣздахъ, можно представлять звѣзды дѣтьми Дажьбога; отчасти это подтверждается нашими колядками , въ которыхъ отецъ—домовладыка—сравнивается съ мѣсяцемъ, жена его съ солнцемъ, дѣти съ звѣздами. По Литовскимъ преданіямъ, звѣзды родились отъ божественной четы солнца и мѣсяца.

Таже оплодотворяющая сила, которую народная фантазія отнесла къ Дажьбогу и Перуну, приписывается преданіями и звѣздамъ. Въ половинѣ Февраля овчары окликаютъ звѣзды, испрашивая обильнаго плодородія овецъ: «засвѣтись звѣзда ясная по поднебесью на радость, загорись огнемъ негасимымъ на утѣху. *Ты освѣти, звѣзда ясная, огнемъ негасимымъ бѣлоярыхъ овецъ*. Какъ по поднебесью звѣздамъ нѣсть числа, такъ бы у раба такого-то *уродилось овецъ болѣе того*». Оплодотворяющее вліяніе звѣздъ, вѣроятно, простиралось не на однихъ овецъ, а на всѣхъ животныхъ. Этимъ преданіемъ *Велесъ (Волосъ)* получаетъ тѣсную связь съ божествами свѣта и тепла. Г. Срезневскій въ своей статьѣ «объ обожаніи солн-

---

(*) См. Соврем. 1852 г., N 10. Критика на I т. исторіи Соловьева, А. Афанасьева.

ца у древнихъ Славянъ», утверждаетъ эту связь самыми положительными доказательствами. Г. Соловьевъ напрасно видитъ въ божествѣ Велеса финское вліяніе (*). Любопытно бы опредѣлить мѣсто, которое занималъ Велесъ въ ряду прочихъ божествъ: но едва ли возможно рѣшить это окончательно въ настоящее время. Изъ сравненія Святославова договора съ Греками и Несторова показанія объ языческихъ божествахъ отчасти видно тождество Велеса съ Дажьбогомъ; у Нестора второе мѣсто послѣ Перуна занимаетъ Хорсь и вовсе нѣтъ имени Велеса, въ договорѣ же второе мѣсто послѣ Перуна занимаетъ Волосъ. На тоже тождество указываетъ и названіе Бояна Велесовымъ *внукомъ*, ибо дѣдомъ всѣхъ людей преданіе называетъ Дажьбога. Вопросъ этотъ заслуживаетъ особеннаго и обстоятельнаго разсмотрѣнія (**).

Не менѣе трудный вопросъ представляется при разсмотрѣніи родственныхъ отношеній солнца къ мѣсяцу. Въ одной Сербской пѣснѣ солнцева сестра называется «мјесечева првобрату чеда», т. е. племянница мѣсяца, слѣдоват. мѣсяцъ является *дядею* солнцу; въ другихъ же пѣсняхъ онъ называется *братомъ* солнца. Но изъ нашихъ колядокъ можно заключать, что мѣсяцъ почитается мужемъ солнца, которое представлялось въ женскомъ полѣ; такому олицетворенію солнца въ образѣ женщины соотвѣтствуютъ и нѣкоторыя народныя преданія. Поворачивая на лѣто, солнце наряжается въ праздничный *сарафанъ* и *кокошникъ;* на Ивановъ день оно выѣзжаетъ на встрѣчу къ своему супругу мѣсяцу, пляшетъ и разсыпаетъ по небу плодотворные лучи; когда съ окончаніемъ лѣта погребаютъ Ладу (имя, придаваемое солнцу), то куклу, ее представляющую, одѣваютъ въ женскій нарядъ. Г. Буслаевъ прекрасно доказываетъ, что самое слово «солнце», въ первоначальной своей формѣ, было женскаго рода; въ древнихъ памятникахъ оно пишется «сълнце,»— *це* есть суффиксъ существительныхъ ласкательныхъ и уменьшительныхъ, *сълнь* (солонь), оставшееся въ словѣ «посолонь», — женскаго рода (сличи: долонь, длань). Слѣдов. солнце, представляемое первоначально въ женскомъ полѣ, впослѣдствіи перешло въ мужеское олицетвореніе Дажьбога. Слово о Полку уже называетъ

(*) Тоже думаетъ и г. *Кавелинъ* въ приведенной выше рецензіи: «Самыя сомнѣнія, говоритъ онъ, въ славянствѣ Волоса показались намъ весьма произвольными; авторъ сомнѣвается потому только, что всѣ прочіе, исчисляемые Несторомъ, языческіе боги—стихійные, одинъ Волосъ богъ скота».

(**) Смотри о Велесѣ въ Соврем. 1852 г., № 10, Критика, стр. 24—25.

солнце господиномъ. Первоначальное представленіе солнца въ женскомъ полѣ имѣло связь съ бо́льшею непосредственностью человѣка, который силу творческую видѣлъ и признавалъ только въ актѣ рожденія Съ дальнѣйшимъ развитіемъ Славянинъ убѣдился, что солнце не само рождаетъ, но что воздѣйствіемъ своихъ лучей оно оплодотворяетъ *мать* сырую-землю, которая все производитъ изъ своихъ нѣдръ.—Тогда-то солнце женскій полъ перемѣнило на мужескій. Такимъ образомъ въ нашихъ преданіяхъ о солнцѣ и мѣсяцѣ уцѣлѣли гораздо древнѣйшія вѣрованія язычества, нежели у западныхъ Славянъ; замѣчательно, что въ Литовской пѣснѣ солнце также представляется женою мѣсяца, который разсѣченъ Перуномъ на двѣ половины за то, что ночевалъ съ утренницею.

Въ такихъ образахъ Славянинъ поклонялся творческой силѣ жизни, которая для живаго существа есть благо, добро, красота. Человѣку естественно чувствовать привязанность къ жизни и страхъ смерти. Обоготворивъ, какъ благое, все связанное съ развитіемъ и жизнію, Славянинъ долженъ былъ инстинктивно отступить съ боязнію отъ всего, что̀ было противно развитію и жизни. Это противоположное начало должно было высказаться въ явленіяхъ, совершенно отличныхъ отъ явленій, признанныхъ благими и прекрасными: въ этомъ случаѣ также должна была сказаться внѣшняя, физическая природа. Когда скрывается благотворный свѣтъ солнца— наступаетъ темнота; иногда свѣтъ этотъ потемняется и днемъ туманомъ и тучами. Съ элементомъ свѣта сливается элементъ теплоты, отсутствіе котораго производитъ враждебный человѣку холодъ. Мракъ отнимаетъ способность видѣть и различать вѣчную дѣятельность природы; съ нимъ соединяется сонъ, образъ смерти: вѣчная тьма вредна произрастительности. Холодъ убиваетъ развитіе и жизнь во всѣхъ царствахъ природы, если не будетъ отстранено это гибельное вліяніе; онъ вызываетъ человѣка на непріятный трудъ строить жилище, заготовлять пищу и теплую одежду. Человѣкъ долженъ поселиться у домашняго очага. Вотъ почему эти физическія явленія (мрака и холода) для Славянина были выраженіемъ силы недоброй, *нечистой (чистый* — свѣтлый, очищеніе въ религіозномъ смыслѣ). Будучи младенцемъ, находясь въ полной власти природы, Славянинъ обоготворилъ и эту силу, какъ высшую, неотвратимую; за темнотою до сихъ поръ остается въ народѣ понятіе чего то таинственно страшнаго. Такъ возникъ дуализмъ: въ началѣ онъ истекалъ не изъ нравственной основы человѣка, а изъ естественныхъ физическихъ условій и ихъ различнаго воздѣйствія на живой организмъ. Нравственныя основанія приходятъ послѣ и прикрѣпляются уже къ готовымъ положеніямъ дуализма. Первона-

чально все понимается съ внѣшней матеріальной стороны. У западныхъ Славянъ такой дуализмъ прямо выразился въ божествахъ: *Бѣлбогъ* (*бѣлый*—свѣтлый) и *Чернобогъ*. Подобное выраженіе дуализма существовало и у Славянъ восточныхъ, о чемъ ясно свидѣтельствуютъ географическія названія урочищъ и городищъ, собранныя Ходаковскимъ. У Бѣлоруссовъ преданіе о Бѣлбогѣ сохранилось въ разсказахъ о миѳическомъ лицѣ *Бѣлукѣ* (*). Филологія превосходно подтверждаетъ существованіе у Славянъ дуализма. Слова̀, означающія блескъ и свѣтъ, выражаютъ понятія блага, счастія и красоты, тогда какъ слова̀, означающія темноту, выражаютъ понятія зла, бѣдствія, безобразія; такъ: *красный* (красное солнышко, красная дѣвица, красный молодецъ), прекрасный, краса, красота; *черный* — черная душа; черти всегда представляются черными и безобразными. Со свѣтлыми, бѣлыми божествами Славянинъ сознавалъ свое родство, ибо отъ нихъ ниспосылается человѣку жизнь, между тѣмъ какъ боги темные, нечистые все мертвятъ и убиваютъ. Боги свѣта и тепла, какъ представители жизни, были олицетворены народною фантазіею въ юныхъ прекрасныхъ образахъ; съ ними соединялось понятіе о высшей справедливости и благѣ. Во многихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ «солнце» значитъ счастіе; къ свѣтиламъ дня и ночи обращены всѣ заговоры съ мольбою о помощи. Подобное обращеніе къ солнцу высказывается и въ словахъ Ярославны и въ слѣдующемъ причитаніи, сохранившемся въ устахъ нашего народа:

Солнышко, Солнышко,
Выгляни въ окошечко,
Твои дѣтки плачутъ,
Пить - ѣсть просятъ.

Слова̀: *жилой* (теплый), *зажиточный* (богатый), *зажило* (выздоровѣлъ), *жизнь*, *жито*, и друг. имѣютъ одинъ корень, указывающій на связь этихъ понятій въ эпоху язычества.

Напротивъ съ темною и холодною силою природы, съ черными божествами было соединено все старое, безобразное, злое. Отсюда объясняется и филологическая связь всѣхъ понятій, означающихъ что либо непріятное или враждебное человѣку; сличи слова: мракъ, мразъ (морозъ), моръ, морена, смерть, мерзость, хмара (туча), марать, смрадъ, смердѣть. Главнымъ олицетвореніемъ не-

(*) См. Прибавл. къ Ж. М. Н. Пр., 1846 г., кн. I, стр. 7—8.

чистой силы была *Морена* (смерть, отъ *моръ, морить*), имя, до сихъ поръ упоминаемое въ Малороссійскихъ пѣсняхъ. Понятно, почему смерть на лубочныхъ картинахъ представляется черною и уродливою; почему моры и болѣзни олицетворены народною фантазіею въ безобразныхъ формахъ, почему наконецъ нѣкоторые недуги почитаются испорченностію, насланною при помощи нечистой силы, а животныя, родившіяся съ какимъ нибудь порокомъ, признаются порожденіемъ той же силы и потому нечистыми.

На этотъ религіозный дуализмъ г. Соловьевъ не указываетъ, не смотря на такое обиліе фактовъ, и это есть главный недостатокъ его труда.

Божества свѣтлыя и темныя имѣли свои особенныя жилища, соотвѣтственно своему различному характеру, и находились между собою въ постоянной борьбѣ—на что̀ статья г. Соловьева также не обратила никакого вниманія. Впрочемъ такое опущеніе уже условливалось самымъ непризнаніемъ Славянскаго дуализма.

Жилище свѣтлыхъ боговъ, по преданіямъ западныхъ Славянъ, полагается на *востокѣ*, откуда восходитъ солнце. Здѣсь-то вмѣстѣ съ своимъ родомъ живетъ оно въ чертогахъ и отсюда отправляется гулять по небу. Здѣсь страна вѣчнаго лѣта. Противоположно жилищу свѣтлыхъ боговъ, жилище нечистой силы представляется въ безплодныхъ горахъ, гдѣ царствуютъ вѣчный холодъ и вѣчная тьма. Можно думать не безъ основанія, что язычники полагали страну нечистой силы на *западѣ*; въ одномъ словѣ Туровскаго сказано: «мука далеко лежитъ на западѣ». Преданія говорятъ, что лихоманки жили въ *снѣжныхъ горахъ*, а морозы на лѣто заключались въ *желѣзныя горы;* всѣ олицетворенія нечистой силы представляются *замороженными*. Вспомнимъ, что созданіе горъ, по суевѣрному убѣжденію, приписывается дьяволу; Богъ создалъ землю, ровную какъ гладь (гладь Божья благодать).

Между божествами свѣта и тьмы, тепла и холода происходитъ вѣчная, нескончаемая борьба, потому что обоготворенныя въ нихъ естественныя явленія несовмѣстны и взаимно другъ друга исключаютъ. У Славаковъ сохранилось слѣдующее знаменательное преданіе: когда солнце выходитъ изъ своихъ чертоговъ гулять по свѣту, то нечистая сила собирается и ожидаетъ его возвращенія, надѣясь захватить нечаянно свѣтило дня и умертвить его. Но при одномъ приближеніи солнца она разбѣгается, чувствуя свое безсиліе. Въ этой эпической формѣ разсказано, какъ первые солнечные лучи, прорѣзавшіе горизонтъ, прогоняютъ мракъ; будто испуганный онъ прячется въ разсѣлины *скалъ*, бѣжитъ къ подошвамъ *горъ* и останавливается только въ глубинѣ *пещеръ* и въ *бездпахъ*, куда

не достигаютъ лучи солнца. Каждый день повторяется борьба, и каждый день побѣждаетъ солнце. Въ день св. Иліи, Перунъ поражаетъ нечистую силу; крестьяне ожидаютъ въ это время дождя и тучь. Такимъ образомъ молнія (Перунъ) разбиваетъ тучи, затемняющія небо и благотворные лучи солнца. Г. Буслаевъ приводитъ въ своей статьѣ любопытныя загадки, выписанныя изъ одной старой рукописи: «кои два супостата борются? смерть да животъ. Кои два супостата препираются? день и нощь» (Арх. I, Отд. IV, стр. 48). Оттого всякое затмѣніе лучей солнца, особенно во время необыкновенное, почиталось худымъ предзнаменованіемъ. «*Погибе* солнце и бысть яко мѣсяцъ, его же глаголютъ *невъиласи снѣдаемо солнце.*» Божествамъ свѣтлымъ былъ посвященъ пѣтухъ, *предвѣщающій утро*; вотъ почему крикъ его былъ страшенъ нечистой силѣ, которая убѣгаетъ тотчасъ, какъ закричитъ пѣтухъ. Дѣятельность нечистой силы соединяется преданіями съ *ночью и зимою*; напротивъ того свѣтлыя божества любятъ день и лѣто. 9-го ноября зима встаетъ на ноги, нечистая сила выходитъ изъ *ада* и *своимъ выхожденіемъ производитъ* холода, мятели, вьюги, оковывающіе природу; отъ желѣзныхъ горъ прилетаютъ морозы. 12-го декабря «солнце поворачиваетъ на лѣто, а зима на морозъ». Начинаются самые сильные холода, истребляющіе сады, огороды и хлѣба: являются простудныя болѣзни, и нечистая сила, вылетающая на бѣлый свѣтъ, связывается съ *вѣдьмами*, бѣгаетъ по полямъ и дуетъ въ кулакъ, отъ чего бываютъ тресвъ и мятель, морозъ и холодный вѣтръ. Пятаго Января на всѣхъ окнахъ и дверяхъ чертятъ противъ нечистой силы *кресты, ходя съ двумя пирогами*. Пироги говорятъ о жертвѣ; извѣстно, что жертвы приносились и нечистой силѣ; такъ предъ Великимъ днемъ даютъ морозу ложку киселя, чтобъ не билъ коноплей, льну и овса. Нечистая сила любитъ темноту и во время пребыванія своего на землѣ поселяется въ мрачныхъ лѣсахъ и болотамъ: «въ тихомъ *омутѣ* (мутный, темный) черти водятся». Всѣ чары, при совершеніи которыхъ призывается нечистая сила, и собираніе чародѣйственныхъ травъ совершаются ночью. Вѣрнѣйшимъ средствомъ противъ нечистой силы считаютъ начерченный *кругъ*, какъ знаменіе образа небесныхъ свѣтилъ и ихъ оборота. Обрядъ «опахиванія» состоитъ въ начертаніи около села круга, потому что чрезъ эту черту не можетъ перейти смерть. И такъ нечистая сила обнимаетъ всѣ явленія смерти, мрака, холода. Повальныя и обыкновенныя болѣзни олицетворены въ безобразныхъ образахъ и причислены къ злымъ божествамъ· лихоманки представляются тощими, слѣпыми, безрукими, *уродами хуже смерти*. Въ образѣ коровьей смерти и цынги (у промышленниковъ на Шпиц-

бергевѣ) представляется Морена, смерть, общая для всего живаго; различныя названія придаются ей, смотря по обстоятельствамъ. Это доказывается тѣмъ, что обрядъ опахиванія, обыкновенно употребляемый противъ коровьей чумы, во время первой холеры въ нѣкоторыхъ селеніяхъ употреблялся противъ этой болѣзни. Смерть представляется уродливою женщиной, у которой руки съ граблями. Но почему нечистая сила олицетворена въ женскомъ полѣ, на что указываютъ также имена болѣзней, Морены, смерти? почему въ обрядѣ опахиванія, совершаемаго противъ нечистой силы дѣйствуютъ женщины, а мужчинамъ не позволяется даже присутствовать при его совершеніи? Вотъ любопытный, но чрезвычайно трудный вопросъ, который выставляемъ мы вниманію археологовъ.

О нечистой силѣ сохранилось у насъ древнее и весьма знаменательное преданіе, по которому она представляется *безродною*, *незнающею ни семьи*, *ни рода*... У враждебной, нечистой силы человѣкъ отнялъ родъ и семью, ибо это были единственныя формы, которыя поддерживали и воспитывали нравственныя отношенія. Нечистая сила представлялась безродною и потому, что бракъ и семья были условіями, поддерживавшими жизнь; а нечистая сила была противна жизни. Впослѣдствіи, однако, это первоначальное вѣрованіе должно было затемниться, особенно съ перенесеніемъ на образы, олицетворившіе этотъ миѳъ, человѣческихъ свойствъ. Лихоманки являются уже сестрами, которыми управляетъ старшая сестра.

Мы разсмотрѣли обожаніе одной стихіи свѣта и связаннаго съ нимъ тепла; но Славяне обожали и другія стихіи: и землю, и воздухъ, и воду, которую признавали искони-сущею и изъ которой родилась земля. На все это преданія представляютъ несомнѣнныя доказательства. Эти преданія собраны въ сочиненіи г. Срезневскаго: о богослуженіи языческихъ Славянъ. Мы припомнимъ только, что преданія наши говорятъ о водяныхъ и морскомъ чудѣ, что Стрибогъ (*стри* на Моравскомъ языкѣ значитъ воздухъ) былъ дѣдъ вѣтровъ, что мать-сыра-земля обожалась; къ ней обращался Славянинъ въ августѣ, заговаривая жниву отъ враждебной нечистой силы: «Мать-сыра-земля! уйми ты всяку гадину *нечистую* отъ приворота, оборота и лихаго дѣла», и проч. Какое же отношеніе имѣли эти стихіи въ языческой системѣ Славянъ? Вопросъ важный и трудный. Г. Соловьевъ, къ сожалѣнію, не обратилъ на него вниманія. Не беремся и мы рѣшить его, потому что такая задача требуетъ долгихъ сравненій между различными преданіями и осторожнаго медленнаго анализа. Теперь можемъ сказать только, что стихіи: земля, воздухъ и вода, какъ стихіи, вліяющія на раз-

витіе жизни, обоготворялись Славяниномъ, но не могли стать въ основаніи его религіозной системы. Причина та, что главное условіе жизни находится внѣ ихъ—въ элементѣ свѣта и тепла. Только дѣйствіемъ благотворныхъ весеннихъ лучей солнца земля получаетъ силу производительности, вода сбрасываетъ ледяные оковы и воздухъ наполняется живительною теплотою. Съ отсутствіемъ этихъ лучей земля застываетъ, воды сковываются льдами, воздухъ сгущается и начинаются вихри и мятели. Зима мертвитъ природу во всѣхъ ея стихіяхъ, а весна ее возрождаетъ. Оттого основнымъ исходнымъ началомъ Славянской религіи былъ элементъ свѣта и тепла; для выраженія этого поклоненія народная фантазія создала столько божественныхъ образовъ! Обоготвореніе другихъ стихій развивалось по мѣрѣ участія ихъ въ творчествѣ и по степени ближайшей или отдаленнѣйшей связи съ свѣтомъ и теплотою. Такъ вѣтры зимніе почитались порожденіемъ нечистой силы, которая бѣгаетъ по полямъ и дуетъ въ кулакъ. Напротивъ лѣтніе и весенніе вѣтры сопровождаютъ молнію и громъ, прогоняютъ вредныя испаренія и очищаютъ атмосферу, они приносятъ весною сѣмяна на землю изъ страны вѣчнаго лѣта; они навѣваютъ въ грудь человѣка любовь; наконецъ ими доносится и молнія, все оплодотворяющая въ природѣ. Дождь и росы, по связи перваго съ громомъ, а послѣднихъ съ зарями, получили особенно важное значеніе въ обрядахъ; снѣгу *мартовскому* приписали благотворную силу, и проч. Такимъ образомъ обожаніе свѣта и теплоты проникало всѣ повѣрья и всѣ обряды Славянскаго язычества.

Стихіи обожались въ началѣ какъ непосредственныя явленія природы; но впослѣдствіи онѣ принимаютъ человѣческіе образы. Такое перенесеніе человѣческой субстанціи на божества было плодомъ долгаго развитія. Нѣкоторыя силы природы и не достигли полнаго олицетворенія, что̀ опять указываетъ на неразвитость нашей миѳологіи. Кромѣ указанныхъ выше божествъ, Несторъ упоминаетъ еще о кумирахъ *Мокоша* и *Симаргла* (Сима и Регла), о которыхъ въ настоящее время нельзя предложить ничего вѣрнаго.

Въ честь этихъ божествъ стихійныхъ совершались праздники, за которыми теперь осталось названіе простонародныхъ. Годъ распадался на двѣ части: зимнюю и лѣтнюю. Названія мѣсяцевъ у Славянъ, по прекрасному изслѣдованію г. Буслаева, выражали живое сочувствіе съ природой. Они были заимствованы изъ царства растительнаго и преимущественно указываютъ на бытъ земледѣльческій. Славянинъ съ ревностнымъ вниманіемъ слѣдилъ за всѣми физическими перемѣнами, потому что ими условливались урожай и благосостояніе. Главная мысль, которая болѣе или менѣе таится во

всѣхъ простонародныхъ праздникахъ можетъ быть выражена такъ: смерть природы зимою и обновленіе или воскресеніе ея весною. Съ первыми признаками весны поселяне уже начинаютъ *закликать весну*. Въ старину у Славянъ существовалъ обычай—встрѣчая весну, совершать *изгнаніе смерти* или *зимы*: 1-го марта Славяне выносили изъ деревни соломенное чучело, представляющее смерть, сожигали его, а пепелъ бросали въ рѣку. Въ Богеміи при совершеніи этого обряда пѣли:

> Giz nesem smert ze wsy,
> Nowe leto do wsi:
> Witey leto libezne,
> Obiliczko zeleno!

т. е. уже несемъ смерть изъ веси, а новое лѣто въ весь; здравствуй, любезное лѣто, зеленый посѣвъ! У другихъ Славянскихъ племенъ подобный обрядъ встрѣчи весны и изгнанія смерти совершался въ маѣ мѣсяцѣ: вынося изъ деревни чучело, наряженное въ женской уборъ, они пѣли:

> Wyniesli sme
> *Murienu* zo wsi,
> Priniesli sme
> May nowy do wsi.

Въ Малороссіи до сихъ поръ при встрѣчѣ весны носятъ по деревнямъ и полямъ чучело *мары*, или *марены* (слово это означаетъ и смерть и зиму), одѣтое въ женское платье, и поютъ весеннія пѣсни (веснянки); потомъ ставятъ это чучело на возвышенномъ мѣстѣ и зажигаютъ его; въ то время, когда оно горитъ, поселяне пляшутъ и зазываютъ весну обычными причитаніями. Въ другихъ мѣстахъ крестьяне наши *прогоняютъ смерть* изъ своего села метлами и кочергами въ полночь, во время Радуницкой недѣли; на Красную горку дѣвицы ходятъ встрѣчать весну на ближайшіе холмы съ краснымъ яйцомъ и хлѣбомъ, при чемъ онѣ обращаются на востокъ. Но лѣто, по необходимому закону природы, проходитъ и смѣняется зимою. Солнце, достигнувъ самаго полнаго проявленія своихъ силъ, поворачиваетъ на зиму и болѣе и болѣе начинаетъ терять свою животворную теплоту; дни начинаютъ умаляться, ночи удлиняются. Этотъ поворотъ солнца, когда оно отправлялось въ дальній зимній путь, былъ временемъ особеннаго празднованія. На-

канунѣ Купальскаго праздника дѣлали изъ соломы идола купалу величиной иногда съ ребенка, иногда въ ростъ человѣка, надѣвали на него *женскую* рубашку съ лентами и намистами, украшали вѣнкомъ и цвѣтами и потомъ ставили его подъ нарочно-срубленное и воткнутое въ землю дерево, которое также обвѣшивали лентами и вѣнками; за тѣмъ разводили костеръ и прыгали чрезъ него, держа въ рукахъ чучело. На другой день вечеромъ, по закатѣ солнца, приносили идола къ рѣкѣ, снимали съ него украшенія и бросали въ воду. Купальская пѣсня поетъ: «купався Иванъ, да въ воду упавъ!» Подобный обрядъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ совершается 30 іюня и называется *проводами весны:* также приготовляютъ соломенную куклу, убираютъ ее въ кумачный сарафанъ, ожерелье и кокошникъ, носятъ по деревнѣ съ пѣснями, а потомъ раздѣваютъ и бросаютъ въ рѣку: это былъ символическій обрядъ проводовъ солнца, которое уклонялось къ зимѣ. Такое уклоненіе свѣтила языческіе народы почитали слѣдствіемъ зловреднаго вліянія нечистой силы, которая въ образѣ *вепря* или *волка* нападаетъ на солнце, мало по малу одерживаетъ надъ нимъ верхъ, и, покоряя своей власти, уничтожаетъ, или *умерщвляетъ* его животворящую, оплодотворяющую способность. Припомнимъ, что солнце, по народному повѣрью, выѣзжаетъ на небо въ своей колесницѣ въ праздничномъ сарафанѣ и кокошникѣ; тотъ же нарядъ надѣваютъ на куклу, когда провожаютъ весну Но особенно важны для насъ обряды, которые еще недавно совершались на всесвятской недѣлѣ и назывались *похоронами Костромы (кострома* — прутъ. розга*), Лады* или *Ярила.* Ладо означало юность, красоту; слово это, прилагаемое къ нѣжнолюбимому другу, любовнику, было постояннымъ эпитетомъ Дажьбога: его, какъ родоначальника всего сущаго, называли во всѣхъ обрядовыхъ пѣсняхъ: «Дидъ (дѣдъ) — Ладо!» У Хорватовъ поютъ: «Ладо, свети Боже!» Названіе *Ярило* (ярый, яркой, ярь—въ значеніи весны, яриться, и др.) также приписывалось солнцу. Похороны Костромы совершались такъ: избирали дѣвицу, которая должна представлять Кострому, подходили къ ней съ поклонами, клали на доску, и съ пѣснями несли къ рѣкѣ, гдѣ купались и водили хороводы; или дѣлали соломенное чучело, перевязывали его веревками, одѣвали въ платье и относили на берегъ озера или рѣки; здѣсь поселяне раздѣлялись на двѣ половины: одна защищала куклу (Кострому), а другая нападала и старалась похитить ее. Борьба оканчивалась похищеніемъ куклы, съ которой тотчасъ же срывали платье и перевязки, а солому топтали ногами и бросали со смѣхомъ, между тѣмъ какъ защитники предавались *заунывному плачу, закрывая лица свои руками, какъ бы оплакивая смерть Костромы.* Похороны

Ярилы состояли въ слѣдующемъ обрядѣ: старикъ несъ *гробъ* съ чучелою Ярилы въ поле; *женщины повторяли на распѣвъ похоронныя причитанія, мужчины пѣли и плясали, потомъ вырывали могилу и хоронили въ ней куклу съ воемъ и плачемъ.* За тѣмъ слѣдовали пляски и игры, напоминающія языческую тризну. Въ Малороссіи кукла *Ярила* дѣлалась тоже. Пьяныя бабы провожали его рыданіями и восклицаніями: «померъ овъ, померъ!» Если съ поворотомъ солнца на зиму соединялась мысль о замираніи плодотворной силы, то съ другимъ поворотомъ этого свѣтила на лѣто естественно должна была соединяться мысль о возрожденіи и обновленіи этой силы. Умирающее на зиму, оно какъ бы возставало къ новой жизни весною: начало такого возрожденія солнца относится къ зимнему его повороту, къ празднику коляды; съ этихъ поръ мало по малу начинаетъ увеличиваться его вліяніе: день, по народному выраженію, тогда же прибавляется на куриный шагъ, а чрезъ нѣсколько недѣль лучи солнечные уже нагрѣваютъ у коровы одинъ бокъ; небо начинаетъ проясняться; отъ того декабрь назывался *просинецъ* (просинѣть — просвѣтлѣть; сличи *ясень*, неправильно: *овсень*, *таусень* отъ *ясный*, яснѣть). Это рожденіе солнца воспѣваетъ обрядовая пѣсня (колядка):

Уродилась Коляда
Накануне Рождества.

Припомнимъ, что о молодомъ мѣсяцѣ также говорится: «*народился* новый мѣсяцъ». Въ февралѣ уже начинаютъ закликать весну, а на масляницѣ прогоняютъ смерть, что̀ потомъ снова повторяется въ мартѣ или маѣ мѣсяцѣ. Подобнымъ образомъ Египтяне ежегодно праздновали весною возвращеніе къ жизни Озириса (бога свѣта), убитаго Тифономъ. Праздникъ Адонису выражалъ туже мысль; праздникъ этотъ совершался два дни: въ первый день носили изображеніе Адониса, пѣли печальныя пѣсни и приносили погребальную жертву; въ Александріи дѣлали чучело Адониса, несли на носилкахъ, ставили на колосальный катафалкъ, а потомъ топили его въ водѣ. На другой день совершался обрядъ обрѣтенія, или возстанія Адониса, сопровождавшійся шумными и веселыми оргіями. Адонисъ — солнце, смерть его — зима, которая представлялась въ образѣ вепря, поразившаго Адониса; возстаніе — весна (*).

(*) См. статью А. Афанасьева—въ Соврем. 1852 г. N. 10, критика, стр. 30—33.

Перейдемъ въ избу Славянина; сюда перенесъ онъ тоже обожаніе стихійныхъ божествъ. *Очагъ*, доставлявшій человѣку свѣтъ и тепло, обожался какъ пенатъ, охранявшій домашнее счастіе; съ развитіемъ язычества это божество олицетворено въ дѣдушкѣ-*домовомъ*, чтò подтверждается обрядомъ при переходѣ на новоселье. Въ Польшѣ домовой называется «Выгорище», а у Бѣлоруссовъ *Падпечка*. Въ домовомъ выразилось идеальное представленіе Русскаго хозяина, домовладѣтеля. По повѣрью должно отличать *своего* домоваго отъ *чужаго;* послѣдній—лихой, тогда какъ первый—добрый. Оттого въ заговорахъ испрашивается защита «отъ чужого домоваго», а при переходѣ въ новый домъ перезываютъ съ собою стараго домоваго, чтобы чужой не раззорилъ двора. По связи съ огнемъ домовой живетъ за печкою, и ему приносили въ жертву пѣтуха. Поклоненіе источникамъ и рѣкамъ особенно наглядно выразилось въ образѣ дѣдушки - *водянаго*, которому былъ посвященъ *гусь*. *Своего* водяваго также должно отличать отъ *чужаго*. Преданія о водяномъ тѣсно связываются съ вѣрованіемъ въ русалокъ и мавокъ. О русалкахъ въ статьѣ г. Соловьева находимъ превосходное изслѣдованіе. Жаль только, что онъ не постарался опредѣлить, чтò въ данныхъ повѣрьяхъ древнѣйшее и чтò принадлежитъ позднѣйшимъ олицетвореніямъ. Догматизмъ здѣсь особенно былъ не у мѣста.

За изслѣдованіемъ о русалкахъ «Очеркъ» (г. Соловьева) предлагаетъ свѣдѣнія о богослуженіи, которое совершалось *старшими* въ родахъ и семьяхъ. Не останавливаясь на этой части сочиненія г. Соловьева, замѣтимъ только, что авторъ несправедливо представляетъ первоначальную жертву въ формѣ *покорма*, а въ формѣ *сожженія* признаетъ за явленіе позднѣйшее (стр. 47). Напротивъ, самое слово жертва (*жрать, жрѣть, горѣть*) указываетъ, что первоначально она совершалась чрезъ сожженіе: священный огонь, для поддержанія котораго необходимо какое либо вещество, пожиралъ все приносимое ему въ жертву; покормъ возникъ вмѣстѣ съ олицетвореніемъ силъ природы въ человѣческіе образы, когда молнія перешла въ Перуна, огонь въ Сварожича, а такое олицетвореніе совершилось поздно (*).

(*) Г. *Кавелинъ* въ своей рецензіи, по видимому, того же мнѣнія объ этомъ предметѣ (см. 19. стр. его рецензіи).

За сочиненіемъ г. Соловьева въ 1-й книжкѣ Архива слѣдуетъ наша статья: «о значеніи изгоевъ и состояніи изгойства въ древней Руси». Относительно этой статьи, г. Погодинъ, разбиравшій ее въ Москвитянинѣ (*), справедливо замѣтилъ, что въ изчисленіи различныхъ свидѣтельствъ, встрѣчающихся въ древнихъ памятникахъ объ изгояхъ, мы пропустили свидѣтельство Русской Правды, въ 1-й статьѣ которой сказано: «ащели будеть (т. е. убитъ) Русинъ, любо гридь, любо купець, любо тивунъ бояреск, любо мечникъ, любо *изгой*, любо Словенинъ, то 40 гривенъ положити зань». Хотя изъ этого мѣста нельзя сдѣлать объ изгояхъ никакого другаго заключенія, кромѣ того, что при Великихъ Князьяхъ, какъ мы и замѣтили въ своей статьѣ, изгой (какое бы значеніе онъ ни имѣлъ) пользовался защитой Правительства наравнѣ съ другими второстепенными членами тогдашняго общества (изъ числа коихъ преимущественно упоминаются княжескіе чиновники и особенно лица, входившія въ составъ княжеской дружины), и въ случаѣ его убійства, если ему не было частнаго мстителя, виновный подвергался вирѣ, установленной закономъ; но полнота изслѣдованія дѣйствительно требовала такого указанія; почему мы и считаемъ себя обязанными присоединить его здѣсь къ приведеннымъ нами прежде свидѣтельствамъ объ изгояхъ. Гораздо важнѣе, по нашему мнѣнію, еще слѣдующее замѣчаніе, сдѣланное также г. Погодинымъ (сверхъ того лично мы слышали такое же сужденіе отъ нашего знаменитаго археографа П. М. Строева) по поводу предложеннаго нами объясненія любопытнаго мѣста объ изгойствѣ, встрѣчающагося въ одномъ сборникѣ въ толкованіяхъ на молитву Отче нашъ, и другаго подобнаго мѣста въ томъ же сборникѣ, гдѣ изгойство изчисляется вмѣстѣ съ другими грѣхами и считается изъ

(*) См. первое примѣч. Предисловія.

нихъ самымъ тяжкимъ, самымъ страшнымъ по отвѣтственности, какой онъ подвергаетъ виновнаго. « Г. Калачовъ, говоритъ г. Погодинъ, поступилъ не совсѣмъ удовлетворительно, приведя это мѣсто безъ подробнаго описанія рукописи, изъ коей оно заимствовано: переводное ли оно или подлинное, свое или чужое; не надо забывать, что слова перемѣняютъ иногда свое значеніе, распространяются и стѣсняются, на что есть множество примѣровъ въ исторіи». Вполнѣ основательное требованіе, и хотя, по нашему убѣжденію, выполненіе его само по себѣ не можетъ разъяснить вопроса объ изгойствѣ опредѣлительнѣе, чѣмъ самыя мѣста, приведенныя нами изъ означенной рукописи; но для рецензентовъ нашей статьи, для читателей ея, интересующихся дѣломъ, которымъ вовсе неизвѣстно, почему и основательно ли мы сдѣлали такое опущеніе, мы выполнимъ здѣсь съ возможною точностію справедливое желаніе гг. Погодина и Строева.

Рукопись, въ коей находятся выписанныя въ статьѣ нашей мѣста объ изгойствѣ, принадлежитъ библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ хранится по старому каталогу подъ № 958, а по новому подъ № 478. Она писана въ четвертку, на 563 листахъ, изъ коихъ первыхъ 13 недостаетъ, и судя по одинаковому (во всей рукописи) полууставному, довольно тщательному почерку, должна быть отнесена къ концу XV-го или, какъ кажется вѣрнѣе, къ XVI-му вѣку. Что касается до ея содержанія, то это сборникъ духовно-нравственныхъ статей, состоящихъ преимущественно изъ текстовъ Священнаго Писанія и разныхъ мѣстъ, выбранныхъ изъ сочиненій Отцевъ Церкви. Послѣднія предлагаются бо̀льшею частію какъ толкованія къ первымъ. Но кромѣ такихъ выписокъ, которыя, очевидно, переведены прямо или же посредственно съ Греческаго, въ видѣ прибавленій къ нимъ, встрѣчаются вставки Русскаго сочиненія; есть

также отдѣльныя самостоятельныя Русскія статьи, извѣстныя отчасти изъ другихъ рукописей и напечатанныя въ разныхъ изданіяхъ. Въ подробности, составъ разсматриваемаго нами сборника слѣдующій:

л. 14—119 обор. Тексты, выписанныя изъ книгъ Ветхаго Завѣта: Исаіи пророка, видѣнія Іезекіилева, закона Моисеева, притчей, псалмовъ, и проч., съ толкованіями на нихъ (въ поученіе Жидамъ, о Христѣ) блаженнаго Ѳеодорита, Іоанна Златоустаго, Василія Великаго, Григорія Богослова, и другихъ. Начала недостаетъ.

л. 119 об.—136 обор. «*Сбраніе толкованіамъ отъ различныхъ святыхъ отець и учителей въ книгу псалмомъ, сбрана отъ святѣйшаго митрополита Ираклійскаго кирь Никиты, иже Сурьскый, сказаніе въ сто и 50 псалмовъ* (заглавіе, писанное въ подлинникѣ киноварью).» Начало: «*П*редлежить убо намъ священнѣйшихъ псалмовъ сказаніе, подобаетъ же преже изложити нѣкая разуму слагающаяся, и тако пріити къ псаломному разгнутію, суть убо сіа взысканію достойна. *П*рьвое убо когда отъ Жидовьскаго въ Еллиньскій языкъ ветхое и божественое писаніе преложися и коиждо и которое толкованіемъ пріахомъ. *В*торое же, кая вина пророческихъ книгъ не явѣ глаголаніа. *Т*ретіе, что псалтырь и что псаломъ и что глаголемое діапсалъма, многажды въ псалмехъ обрѣтаемо...»

л. 136 об.—139. «*Уставъ святыхъ отець... всѣмъ хотящимъ дрьжати псалтырь въ молчаніи живуща (живущимъ?) инокомъ и бѣлцемъ богобоязнивымъ, въ мірѣ живущимъ* (заглавіе, писанное киноварью)». Начало: «*Б*огоносніи и преподобніи и преблаженніи отци наши, всему міру свѣтила». Въ концѣ Устава находится слѣдующее прибавленіе Русскаго переводчика: «*А*ще ли, брате, къ уставленому приложиши, то отъ Бога сугубу мзду пріимеши, яко пять талантъ пріемъ, а десять ему вдаси, то ту въ прележаніи твоемъ *помяни и мене худаго мниха Саву*, да твоимъ свершеніемъ мой недостатокъ наполнится. *А*зъ же недостойный и худый и лѣнивый мнихъ, слышавъ и видѣвъ сицевый псалтырь написанъ *Грѣческимъ языкомъ*, сжаливси велми помысливъ свое неразуміе, *понеже не разумѣхъ добрѣ Грѣчески;* но паки убоявся оного лѣниваго раба, скрывшаго талантъ и прикупа имъ не сътворьшаго и муку, данную ему за то помянухъ и потщахся Божіею благодатію, по силѣ изложихъ елико мощь постиже и предахъ вамъ истинымъ торжникомъ да вы сътворите ими прикупъ».

л. 139—140 обор. «*Правило келейное въ безмолвіи сѣдящему*». Подъ этимъ заглавіемъ помѣщено сначала правило «нощное» (начало: «Зашедшу солнцу, сѣди въ кельи безмолвнѣ»); потомъ «дневное» (начало: «Въ дни же отъ утра даже до времене ястію проводити сице). »

л. 140 обор.—142. «*Преданіе устава псалтыри и часословцу, сіирѣчь послѣдованію по церковномъ и по вседневномъ пѣніи иже въ общемъ житіи пребывающимъ инокомъ и бѣлцемъ богобоязнивымъ въ мірѣ живущимъ, не умѣющимъ книжнаго писанія*». Начало: «*Буди* же вѣдомо и о семъ, яко сице пріахомъ уставъ пѣнія, не умѣющимъ книжнаго писанія».

л. 142—183 обор. Толкованія на псалтырь и псалмы. Начало: «*А се начну повѣдати прьвое псалтырь красенъ съ гусльми. Толков. Псалтырь есть умъ, а гусли мысли душевніи...*»

л. 183 обор.—345. «*Толкованіе дѣяніомъ святыхъ Апостолъ иже въ святыхъ отца нашего Іоанна Златоустаго и иными святыми* (заглавіе, писанное киноварью)». Начало: «*Глава 1-я. П*ервое убо слово сътворихъ, о Феофиле, еже начатъ Іисусъ творити же и учити. *Толкованье. П*очто ради Феофилу въспоминуеть еуангеліе...» Въ концѣ этихъ толкованій находится вставочная статья, по видимому Русскаго сочиненія, подъ заглавіемъ: «*Нѣкоего Христолюбца къ етеру брату*»; начало ея: «*Б*рате мой милый, почто не вѣруеши въ реченныя святыя книги; а вѣренъ буди пареміа, псалтырь, еуангеліе, апостолъ, съставныя книгы; а въ отреченныя отнюдь не приникати, яже суть : волхвовникъ, зелейникъ, громникъ, коледьникъ, птичій, чарове, астрологіи, родопочитаніе, и все сущее въ мартолои и всякое мечтаніе и прочая вся книгы отреченыя...»

л. 345—373. Выписки изъ Евангелистовъ съ толкованіями. Начало: «*Иже въ святыхъ отца нашего Іоанна Златоустаго толкованіе еуангельскаго словеси предсловіа. Въ преполовленіе праздника Владычня взыде Іисусъ въ церковь.*» Не беремся рѣшить, Русское ли это или иностранное сочиненіе; но, судя по нѣкоторымъ мѣстамъ, можемъ положительно сказать, что если оно въ основѣ своей не Русское, то по крайней мѣрѣ многое въ немъ передѣлано Русскимъ; сверхъ того встрѣчаются дополненія, несомнѣнно принадлежащія Русскому сочинителю. Мы приведемъ для примѣра нѣсколько мѣстъ, заслуживающихъ особеннаго вниманія.—Впереди толкованій помѣщено разсужденіе, въ которомъ авторъ или переводчикъ явно хотѣлъ соблюсти риѳму:

«Шипокъ, яблоко, финикъ, смаслица,
Сія плодове овощьнія плотнаго гортани услажають,
Божіа же словеса святыхъ учитель любовію растворени
И слухомъ вѣрныхъ пропущають и душевную гортань услажають,» и пр.

л. 347 обор. *П*реполовя же праздникъ взыде Іисусъ въ церковь, церкви жъ Богу единому вселеніе изъочищена душа вѣрнаго человѣка, въ ней же лежить любы, миръ, чистота, а не якожъ Еллини имуть церковь, въ ней же кровѣпролитіе, и вутаніе требамъ бѣсовьскимъ и піаньству же ихъ нѣсть проспаніа, и скаканіа и плясаніа жрътвамъ идольскимъ...»

л. 352. «*С*е буди всѣми вѣдомо, яко Несторій еретикъ научи трапезу ставити рожаничьную, мня Богородицу человѣкородицу, святіи же отци Лаодикійскаго собора.... писаніемъ повелѣша не творити того».

л. 354 обор. «*Л*ука рече: да открыются отъ многъ сердець помысли. *Толков... И* последи всѣхъ Рускому языку открыся вѣровати во имя Отца и Сына и Святаго Духа, а не бывшу никоемужъ Апостолу въ Рустей земли, по истинѣ Рускому языку милость Божіа открыся».

л. 365. «Вседръжитель, иже единъ бесмертенъ и непогибающихъ Творецъ, дуну бо ему (человѣку) на лице духъ жизни, и бысть человѣкъ въ душю живу: то ти не Родъ, сѣдя на вздусѣ мечеть на землю груды и въ томъ ражаются дѣти, и паки аггль ли вдымаеть душю, или паки иному отъ человѣкъ или отъ аггль судъ Богъ предасть, сице бо нѣціи еретици глаголють отъ книгъ Срачиньскихъ и отъ проклятыхъ Болгаръ; о такихъ блядословцехъ пророкъ рече: попелъ сердце ихъ и перьсти хуже надежа ихъ и безчестнѣе кала житіе ихъ, яко не разумѣша Творца своего, създавшаго ихъ и вдохнувшаго въ нихъ духъ жизни и вложившаго душу дѣйствену, всѣмъ бо есть Творецъ Богъ, а не Родъ» (*).

(*) Не безполезнымъ считаемъ въ дополненіе къ этому чрезвычайно важному мѣсту о значеніи Рода у язычниковъ, привести два выраженія, указанныя намъ Ѳ. И. Буслаевымъ, именно на слово «*плоди*» (плоди же бѣху по земи), въ Паремейникѣ В. И. Григоровича, XII в., Болгарскаго письма, соотвѣтствующее слову «исполини», которое поставлено въ текстѣ исправ-

л. 373 обор.—379 об. Толкованія на молитву Отче нашъ, подъ заглавіемъ: «*Господь учаше ученики своя како молитися, се же есть молитва и съ толкомъ*». Начало: «*Отче нашь иже еси на небесѣхъ. Сказаніе: Прьвое* убо показати въ вѣри житіе чисто, добрыми дѣлы тружатися, правый будеть сынъ Богу роженъ крещеніемъ, се жъ мню и о Іоаннѣ Предтечи... *П*розря же духомъ и на Рускаго Царя Владимера, како крестися въ градѣ Корсуни и принесе въ Рускую землю вѣру и крещеніе и крести вся люди Рускіа земля и приведе ихъ къ святѣй Троици Отцу и Сыну и Святому Духу и добродѣтелью получи жизнь вѣчную, бысть убо вторыйі Коньстянтинъ».

л. 375 обор. (Продолженіе той же статьи). «*И остави намъ долги наша. Сказаніе. Р*екше грѣхи... гнѣвъ, сварбу, клевету, зависть, ненависть, злопомненіе, рѣзоимавіе, татьбу, разбои и всякую злобу».

л. 376 обор. (Продолженіе). «*Якожъ и мы оставляемъ должникомъ нашимъ. О* горе, аще начнеши лжа глаголати, а не оставя должникомъ, рѣза не лишася, ни прикупа корчемнаго, ни мзды и грабленіа и кривыя судбы».

л. 378 об. (Продолженіе). «*Но избави насъ отъ лукаваго. Сказаніе: Л*укавая суть злая дѣла, хула, осуженіе, клевета, гнѣвъ, гордость, злопомненіе, и прочее. *В*сего же есть горѣе изгойство взимати, иже взимающеи, тіи не отдадуть опять тѣмъже; изгойство же толкуется бесконечная бѣда, непрестающая слезы, немолчно въздыханіе, неусыпающій чрьвь, несъгрѣемая зима, неоугасаяй огнь, нестерпимая гроза, неисцѣлимая болѣзнь, вся же та суть безъ конца».

л. 379 об.—563. Толкованія на разныя притчи, изреченія Священнаго Писанія, Отцевъ Церкви, и пр. и на отдѣльныя слова, въ томъ числѣ Греческія и Еврейскія (*). Начало: «*Г*осподь рече: человѣкъ нѣкій схожаше отъ Іерусалима въ Ерихонъ и въ разбойники впаде». Считаемъ долгомъ указать особенно на встрѣчающіяся

ленной Библіи (бытія гл. 6, ст. 4), и на слово *«родьствоъ»*: «а еже убогыхъ не миловати и родьство обѣштано е(сть) и огнь негашуштии и съ бѣсы мученіе» (см. Изборникъ Святославовъ 1073 г., л. 89 обор.)—въ значеніи ада. Родъ подъ вліяніемъ христіянскихъ понятій долженъ былъ обратиться въ діавола, бѣса.

(*) Между прочимъ: «Рѣчь Жидовьскаго языка преложена на Рускую, неразумное на разумъ», и проч. (л. 438 об.).

въ этомъ отдѣлѣ разсматриваемой нами рукописи вставочныя мѣста и цѣлыя статьи, важныя въ томъ или другомъ отношеніи для изслѣдователей Славянской и Русской старины:

л. 401 обор.—2, въ отвѣтѣ на вопросъ: «Что есть въ бытійскихъ книгахъ о отриганіи еще»? читаемъ между прочимъ: «учитъ ны... не въ тмѣ ходити, сіирѣчь не въ грѣсехъ, но въ свѣти, иже есть въ правдѣ. Всего же есть горѣе изгойство взимати. Писанъ въ Отче нашъ».

л. 406, въ объясненіи на «Слава въ вышнихъ Богу» — «Еритици любяще и почитающе отметныя книгы и прю дѣюще... ваши же отметныя книгы, нарицаемыя мартолои, звѣздочетіе, астрологы, птичій, чарове, сновидецъ, громъникъ, колядникъ, метаніа, и прочая ваша писаніа не суть богодушны, но ненавидими суть Богомъ и обратили есте Божію славу твари на славу и на прорицанье и на кощуны.»

л. 494 — 5. Въ числѣ разныхъ важныхъ происшествій, случившихся отъ начала міра, записано: «Въ лѣто 6496 крещена бысть Руская земля. Въ лѣто 6499 заложена бысть церкви святая Богородица десятинная въ Кіевѣ. Въ лѣто 6580 бысть прьвое принесеніе святую мученику Бориса и Глѣба. Въ лѣто 6582 преставися игуменъ Феодосій Печерьскій. Въ лѣто 6523 убіенъ бысть Борисъ на Алъти. Въ лѣто 6623 принесеніе мощій святую мученику Бориса и Глѣба въ каменую церковъ. Въ лѣто 6625 заложена бысть церкви на Алътѣ. Въ лѣто 6625 създана бысть церкви святую мученику Бориса и Глѣба въ Царѣградѣ въ Испигасѣи.»

л. 501 об. — 502. Въ слѣдъ за «толковыми азбуками» здѣсь помѣщена «*Молитва Коньстяньтина философа, нарицаемаго Кѵрила, сътворена азбукою*», съ нѣкоторыми варіантами противъ текста, напечатаннаго въ сочиненіи О. М. Бодянскаго: «О времени происхожденія Славянскихъ письменъ», 1855 г., примѣч. стр. LIX и д., гдѣ также объяснено, что эта молитва не можетъ быть признана сочиненіемъ Константина философа.

л. 506 — 517. Выписки изъ житія Стефана Пермскаго, подъ заглавіемъ: «*Писано въ житіи святаго отца нашего Стефана, бывшаго въ Перми Епископа, отъ него же и крещени быша*». Начало: «Должно есть взыскивати и распытовати и извѣсто увѣдати о Прьмской земли, гдѣ есть и въ какихъ мѣстехъ отстоитъ...» Тамъ

же, л. 510 и д., «*О азбуки Пермьстей;*» начало: «*Не* токмо бо святымъ крещеніемъ просвѣти я, но и грамотѣ сподоби я...»

л. 519—528 об. Разговоръ между философомъ (Грекомъ?), Коварином и Жидомъ. Начало: «*Что есть философіа? Толк.* Божіимъ человѣческимъ бытіемъ разумъ, елико можетъ человѣкъ приближитися Бозѣ яко дѣтелью (sic) учить человѣка по образу и по подобію быти сътворьшему и». Въ концѣ приписка: «*Въ* лѣто 6377 Конъстантинъ философъ, нарицаемый Кирилъ, учитель Словеньску языку, преставися мѣсяца февраля въ 14 день, живъ 40 и два лѣта, и многи просвѣтивъ ученіемъ Божественымъ, къ Господу отиде въ вѣчную жизнь, и положено бысть честное его тѣло въ градѣ Римѣ въ церкви святаго Климента.»

л. 528 обор.—530 об.: «*О крещеніи Владимеровѣ*». Подъ этимъ заглавіемъ помѣщенъ отрывокъ изъ похвалы Владиміровой, напечатанной въ «Кириллѣ и Меѳодіи» Добровскаго. См. Русскаго перевода, М., 1825 г., стр. 118—120. Тамъ-же см. предыдущій разговоръ, стр. 110 и д.

л. 538 обор.—541. Въ статьѣ подъ заглавіемъ: «*Притча и заповѣди Господня*» (Начало: «*Рече* Господь: не помѣщите бисера моего предъ свиньями...») читаемъ слѣдующее любопытное разсужденіе о грѣхахъ: «Тѣлесніи бо суть грѣси: убійства, блуди, чародѣйства, потворы, волъшба, наоузи, идоломоленіе, требы идоломъ и бѣсомъ, и потомъ великое злое лихоиманіе, иже есть матици всему злу; а другая матица всему злу піаньство, и всего того нужа есть велика исписати. А се душевьніи грѣси: хула, злія помысли, ереси, злопомненье, зависть, клевета, ненависть, презорство, уныніе, отчаяніе, неупованіе еже къ Богу, иновѣріе, иже чюжую вѣру хвалити и примѣшатися къ иновѣрнымъ, и лгати, и неправо глаголати, и росоки дѣяти и оболгати правыя, и клятися и иного клятвѣ догонити, и ко иной вѣри правой къ поганой приступити, и по кривемъ прю дѣяти и неправо глаголати, и учитися астрологіи, и вѣровати въ метаніа, и въ лживая писанія вь Еллиньскіа кощуны, и баснотворья, въ стрячю, и въ кошь, и въ сновидѣніа, громникъ, колядникъ, птичіи, чарове, и весь мартолой проклятый, иже творять злыа дни и часы, да будуть прокляти, и нужа велика писати, да тѣхъ грѣховъ не вси ся кають, ни за то опитемьи пріемлють, тѣмъ же не вси спасутся...»

л. 551 об.—554. Здѣсь встрѣчается опять изчисленіе грѣховъ съ замѣчательными варіантами противъ предыдущаго мѣста: «Того

ради завязано небо, не пуститъ дождя на землю, понеже человѣци кленутся Богомь и святыми его и другъ друга догонять клятвы... Томуже подобна и другая вина: жертву приносять бѣсомъ и недуги лѣчать чарами и наузы и немощнаго бѣса, глаголемаго трясцу прогонять нѣкими писмены лживыми проклятыхъ бѣсовъ Еллиньскихъ, пишуще на яблоци и покладають на трапезѣ... того ради Богъ гнѣваяся не пущаеть дождя съ небесѣ, понеже Богъ не велить человѣка догонити до клятвы и до роты, ни бѣсы искати цѣльбы и ловитвы и куклѣ и милости отъ царей чарами и наузы. О, горе христіаномъ тако дѣющимъ и мука горѣе поганыхъ: аще ся останутъ того и пріидутъ на покаяніе спасени быша были; аще ли не пріидуть на покаяніе, то вѣкъ сей коротокъ, а мука долга, сирѣчь безъ конца... А се другая бѣда злая, противу же той велице и зли бываеть ратью усобичною казнь, яко же безъ вины порабощають человѣки поклепомъ, клеветою, лжею, завистію, гнѣвомъ, судбами неправедными, мздами кривыми, лихоиманіемъ, рѣзоиманіемъ, грабленіемъ и пожарнымъ грабленіемъ, и обрѣтенымъ взятіемъ, всего же того горѣе изгойство. А то все ротящеся, кленущеся, ходяще ротѣ и водяще и тѣми дѣлы приводяще на ся рать, ратници же сѣкуть и бьютъ, мучать и грабять и въ работу влекуть и бываеть казнь противу казни и месть противу мьсти и мука противу муки. Аще ли не будеть казни на семъ свѣти, ни ся покають, ни възвратять опять тѣмъ же, большу мученію сподобятся въономъ вѣци, сій вѣкъ коротокъ, а мука долга. А се третіая золь, сіи меньши обою золью оною, сію золью въ себѣ дръжимъ, и противу той зліи казнь въ насъ же есть, се есть золь въ насъ познавше Бога живаго и оживляюща всяческая Сыномъ и Духомъ, и не творимъ воли Его и заповѣди Его не съхраняемъ, а вѣрьни суще и христіане, время нынѣ (sic) уставилъ, въ не же все дѣяти въ славу Божію... мѣра же есть въздръжаніе похотѣнію всему дѣлесемъ духовнымъ и тѣлеснымъ, спасенію время и мѣра, похотѣніе ядѣнію время и мѣра, похотѣніе питью время и мѣра... да аще та вся похотѣніа дѣяти будеть безъ времене и безъ мѣры, то грѣхъ будетъ въ души, а недугъ въ тѣлеси, недугъ бо весь ражается въ тѣлеси человѣчи и въ кручинѣ, кручина же ссядеть отъ излишняго питіа и ядѣніа и спаніа и женоложіа безъ времене и безъ мѣры, кручины жъ три въ человѣци: желта, зелена, черна, да отъ желътыя огненая болѣзнь, а отъ зеленой зимняя болѣзнь.»

л. 556. «Псалмопѣвець рече въ 28 псалмѣ: и скрушить Господь кедри Ливаньскіа, сирѣчь бѣси убо яко кедри радують же ся присно ливану, ливанъ же нарицается жрътва идольская... ливанъ

бо сказуется идольская жрътва и жилище бѣсовьское: то же ми сказа попинъ Грѣческій въ Селуни, азъ же бѣхъ купилъ много ливана въ Іерусалимѣ, и то слышавъ разсыпахъ и здѣ пришедъ сказахъ Георгію князю». Любопытно было бы знать, какому князю Георгію разсказано это объясненіе ливана?

л. 563. «Аще кто съгрѣшить къ человѣку, то да накажуть его иманіемъ по сили его, да не пріидеть въ работу; аще ли зла вина, да и въ работу продасться, токмо душа не погубити и своея ны душа всяко стрещи, вѣкъ бо сіи коротокъ, а мука долга... аще бо кто здѣ оставить стяжаніе свое и не послеть его предъ собою, то оставшее въ кую же ему есть пользу, но и мученію болшему... се же есть всего горѣе иже своего работника оставить въ работѣ, а самъ тамо поидеть свободы ища: охъ, кто дасть тому свободу мученіа; о, како речемъ: остави намъ долги наша, а сами не оставляемъ, но токмо и станемъ оставляти, но къ тому и наклады емлюще; разбойникъ горьши будеть мука рѣзоимцу и грабителю: они бо ся бояще смотрять и блюдуще себе, а сіи ни Бога ся боять, ни человѣкъ; о, что такого срама студнѣе и горѣе въ семъ вѣци и въ будущемъ; поне останемся того и пріимемъ здѣ наказаніе по сили нашей и въ мало время, да не тамо казними будемъ и безъ конца мучими, понудимся сами здѣ добро дѣяти, да тамо благую часть пріимемъ о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ». За симъ непосредственно оканчивается рукопись слѣдующими словами: «*Здѣ положимъ конець святыхъ сихъ книгъ ученіа и заповѣди* (писано киноварью), понежъ Еуангелистъ Матфѣй рече: аще быша вся по единому писана была, то ни самому, мню, всему міру вмѣстити пишемыхъ книгъ».

Не смотря на сдѣланное нами описаніе сборника, откуда заимствованы были мѣста приведенныя въ нашей статьѣ объ изгойствѣ, мы не можемъ сказать положительно, переводныя ли онѣ, или составлены въ Россіи, какъ кажется впрочемъ вѣроятнѣе. Точно также не беремся мы рѣшить, было ли у Византійцевъ особенное слово для выраженія грѣха, соотвѣтствующаго нашему изгойству. Но считаемъ долгомъ замѣтить здѣсь, что со времени открытія г. Буслаевымъ въ рукописномъ сборникѣ Царскаго новаго свидѣтельства объ изгойствѣ, которое напечатано нами во второй половинѣ 2-й книги нашего сборника (см. отдѣл. VI, стр.

42), для насъ уяснилось выраженіе «изгойство имати» иначе, нежели мы его понимали. На основаніи этого свидѣтельства оно означаетъ взиманіе лишнихъ денегъ съ продаваемаго или откупающагося на свободу раба противъ той суммы, за которую онъ былъ купленъ самимъ продающимъ или выпускающимъ его на волю господиномъ. Взиманіе такого излишка считается продажей «неповинной крови» и называется прямо грѣхомъ, который можетъ быть искупленъ лишь покаяніемъ и возвращеніемъ обиженному взятой съ него лихвы. Изъ сличенія этого свидѣтельства съ мѣстами, выписанными нами изъ Архивской рукописи объ изгойствѣ, видно, что такой грѣхъ, по убѣжденію современниковъ, входилъ въ составъ понятія о неправомъ стяжаніи имущества, какъ о страшномъ грѣхѣ, и стоялъ рядомъ съ рѣзоимствомъ, но считался еще болѣе тяжкимъ по отвѣтственности, какой онъ подвергалъ виновнаго на страшномъ судѣ. Если, однако, предположить, что и подъ словомъ «изгойство» разумѣется этотъ же самый грѣхъ, то еще остается неяснымъ, почему однимъ и тѣмъ же словомъ называлось и состояніе извѣстнаго лица, вышедшаго (волей или неволей) изъ сословія, къ которому прежде принадлежало, и означенный выше грѣхъ? Намъ кажется, что мы еще въ правѣ спросить: почему «изгои», въ значеніи лицъ, вышедшихъ изъ извѣстнаго сословія, и «изгойство», въ значеніи новаго ихъ состоянія (состоянія изгоевъ) упоминаются лишь въ памятникахъ XIII вѣка, между тѣмъ какъ «изгойство» въ смыслѣ лихоимства встрѣчается уже въ рукописяхъ позднѣйшаго времени и все мѣсто объ немъ пропущено въ древнѣйшихъ спискахъ «Впрашанія Кюрикова»; почему въ уставѣ Всеволода-Гавріила «изгои» называются людьми церковными, богадѣльными; почему въ уставѣ Ярославовомъ «о мостѣхъ» и въ уставѣ Смоленскаго князя Ростислава они упоминаются состоящими подъ защитой и покровительствомъ Епископа? Вотъ основанія, почему мы все еще остаемся въ убѣжденіи, что самое состояніе изгойства когда нибудь считалось грѣхомъ

если въ переносномъ значенiи это слово было принято впослѣдствiи также для означенiя грѣха.

Въ дополненiе къ нашей же статьѣ объ изгояхъ, исправимъ здѣсь ошибку, сдѣланную г. Морошкинымъ, принятую нами и подкрѣпленную съ новыми выводами г. Погодинымъ. Въ примѣчанiяхъ къ извѣстному сочиненiю Рейца: «Опытъ исторiи Рос. государств. и гражд. законовъ (см. стр. 412 Русскаго перевода)», г. профессоръ Морошкинъ произвелъ изгоя отъ Готскаго uss-gauja, что означаетъ, говоритъ онъ, изгнанника или выходца. На этомъ основанiи мы замѣтили (Архива кн. I, отдѣл. I, стр. 60-й примѣч.): «Совершенно тождественное значенiе съ нашимъ *изгой*, въ отношенiи къ быту Германскихъ народовъ, имѣетъ терминъ *uss-gauja*, которымъ на Готскомъ и Латышскомъ языкахъ обозначается выходецъ, изгнанникъ: существительное «gauja (gau)» указываетъ здѣсь на ту форму общественнаго быта, какая у древнихъ Германцевъ была преобладающею, такъ точно какъ у Славянъ такой преобладающей формой была кровная связь, соединявшая членовъ рода въ одну отдѣльную самостоятельную общину и въ отношенiи къ землѣ, на которой онъ жилъ и которою пользовался.» На томъ же основанiи г. Погодинъ въ рецензiи своей на «Архивъ» (*) написалъ: «не значилъ ли изгой вообще человѣка бездомнаго, безземельнаго, на что указываетъ какъ не льзя лучше Германскiй uss-gauja, выходецъ, изгнанникъ». Тамъ же, въ другомъ мѣстѣ, онъ замѣтилъ: «званiя не принадлежатъ Славянамъ. Онѣ были принесены къ намъ чуждымъ племенемъ, Варягами-Русью, поддержались у насъ не долго, преимущественно на сѣверѣ, и потомъ пропали, уступивъ домашнему раздѣленiю по занятiямъ. Долго ли велось у насъ имя смердовъ, гридьбы, и проч.! Изрѣдка слышатся онѣ тамъ-сямъ! Изъ того, что

(*) См. приведенную выше рецензiю его въ Москвитянинѣ.

велись онѣ не долго, я и заключаю, поведя съ другой стороны разсужденіе, что онѣ были первоначально не наши, что принесены кѣмъ-то, а эти кто-то были Варяги-Русь, Норманны!» Изъ «Изслѣдованій» г. Погодина (см. т. III с. 407 и 408) извѣстно, что къ числу этихъ «званій» онъ относитъ и *изгоевъ*.—Всѣ приведенныя мнѣнія (что касается до происхожденія изгоевъ) должны быть признаны несостоятельными на основаніи слѣдующаго сдѣланнаго противъ нихъ ученаго возраженія *Ѳ. И. Буслаевымъ* (*).

«Германскаго слова uss—gauja нѣтъ и никогда не было на свѣтѣ!... Въ Готскомъ языкѣ дѣйствительно есть простое слово gauja, которымъ Ульфила переводитъ *περίχωρος*, а также и *πλῆθος τῆς περίχωρου*, т. е. не только *страна*, но и *народъ области*, какъ значится въ Остромировомъ Ев. отъ Лук. III, 3, 8, 37. Сложнаго же uss-gauja въ Ульфилѣ нѣтъ. Да и что такое эта приставка *uss*? ужъ не предлогъ ли *изъ*? Но по Готски онъ не такъ: изъ Гот. просто *us*; да и въ другихъ Нѣмецкихъ нарѣчіяхъ онъ звучитъ и пишется иначе: Скандин., древнесакс., Англосакс., древнефризск. *ut*, древне-верхне-Нѣмецк. *uz*. Слѣдовательно по приставкѣ *uss* слово uss-gauja не бывало: его не было и не могло быть ни въ одномъ изъ коренныхъ Нѣмецкихъ нарѣчій, ни въ Готскомъ, ни въ Скандинавск., ни въ Саксонскомъ, ни въ Фризскомъ. Касательно же второй половины слова *uss-gauja*, именно: gauja, должно замѣтить, что она принадлежитъ языку Готскому: происходитъ отъ Гот. gavi— страна, земля, *χώρα*: это коренное слово есть только въ древне-верхне-Нѣмецкомъ kouwi, въ древне-Саксонск. ga, въ древне-Фризск. go, и потомъ уже въ новѣйшемъ Нѣм. gau. Но и его рѣшительно нѣтъ въ Англо-Саксонскомъ и Скандинавскомъ. Слѣдовательно uss-gauja могло бы придти только отъ Готовъ, а не отъ Скандинавовъ; въ Готскомъ же языкѣ такое слово несбыточно. Вотъ мои доводы. Изъ этихъ простыхъ доказательствъ вывожу и самое простое слѣдствіе: *такъ какъ ни въ одномъ изъ Нѣмецкихъ нарѣчій нѣтъ слова uss-gauja, то производство нашего изгоя отъ этого слова ложно*».

(*) См. Москвит. 1850 г. №9, отд. IV, стр. 29—30.

Третья статья, помѣщенная въ отдѣлѣ изслѣдованій: «о наслѣдственности древнихъ сановъ (по лѣтописямъ) въ періодъ времени отъ 1054 до 1240 года», принадлежитъ академику М. П. Погодину. Важность и интересъ этой статьи налагаютъ на насъ обязанность перепечатать здѣсь сдѣланное на нее замѣчаніе *Ѳ. В. Булгаринымъ* (*) и объясненіе, предложенное въ отвѣтъ ему самимъ г. Погодинымъ.

«*Саны* или достоинства, *высшія должности* принадлежали у насъ въ древности извѣстнымъ родамъ, и передавались *какъ бы* по наслѣдству, отъ отца къ сыну, подобно сану княжескому». Авторъ (говоритъ г. Булгаринъ) передаетъ читателю это опредѣленіе какъ доказанную теорему или даже какъ аксіому, а между тѣмъ въ самомъ опредѣленіи двѣ важныя неточности. *Санъ* или *достоинство* вовсе не то̀, что *должность*. Санъ, чинъ высшаго разряда, а должность «отправленіе возложеннаго дѣла при казенномъ или же какомъ нибудь другомъ мѣстѣ. *Быть при должности. Отрѣшить кого отъ должности. Трудная, легкая, должность* (см. Общій церк.-Славяно-Росс. Словарь П. И. Соколова)...»

«Что̀ значитъ: «передавая *какъ бы* по наслѣдству?» Тутъ должна быть математическая точность: по наслѣдству или нѣтъ, и это *какъ бы* уничтожаетъ совершенно предложеніе автора. Представляется вопросъ: если саны принадлежали родамъ, то какимъ же образомъ они переходили къ потомкамъ? Фраза *какъ бы* оставляетъ вопросъ неразрѣшеннымъ».

«Признаю справедливость замѣчанія (отвѣчаетъ г. Погодинъ), и пользуюсь случаемъ, чтобъ пояснить и оправдать первую часть моего положенія, и исправить второе.

«Сановъ съ должностями я не смѣшивалъ; я не сказалъ: саны или должности, а сказалъ: саны, должности,—слѣд. тѣ и другія.

«Выраженіе мое: «принадлежали извѣстнымъ родамъ», соглашаюсь, двусмысленно, т. е. можетъ значить, что та или другая должность,

---

(*) См. приведенныя выше рецензіи въ Сѣверной Пчелѣ и Москвитянинѣ.

тотъ или другой санъ принадлежалъ исключительно одному такому-то роду—Вышаты, Жирослава, Тукія, а я этого не думалъ и не думаю, за неимѣніемъ данныхъ. Мысль моя: было нѣсколько родовъ, коихъ членамъ доставались главные саны и должности. Случалось, что членамъ одного рода, сряду въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ, доставался одинъ и тотъ же санъ, слѣдовательно *какъ бы* (вотъ что значило мое нарѣчіе) по наслѣдству, на пр., воеводою былъ Борисъ Жирославичь, его сынъ и внукъ, отецъ и дѣдъ (NB. Это все воеводы, отвѣчу кстати Сѣверной Пчелѣ, безъ натяжекъ, а что Иванко, отецъ Борисова отца Жирослава, былъ внукомъ Иванка 1106 года,—предположеніе, но не натяжка). Совокупность бояръ—можно ли счесть сословіемъ, которому принадлежали главныя должности, было ли это сословіемъ наслѣдственнымъ, и какъ оно восполнялось—эти вопросы входятъ въ изслѣдованіе о древнихъ боярахъ, которое принадлежитъ къ 6-му тому моихъ Изслѣдованій о Русской Исторіи».

2-е отдѣленіе 1-й книги Архива начинается статьею: «О подлинномъ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича», которая сообщена въ редакцію *И. Е. Забѣлинымъ*. Въ одномъ изъ ея приложеній (именно III-мъ) помѣщены указанія, находящіяся при разныхъ статьяхъ подлиннаго Уложенія, откуда онѣ заимствованы. Указанія эти подали поводъ *К. Д. Кавелину* (*) высказать слѣдующія въ высшей степени замѣчательныя мысли касательно ихъ значенія и вмѣстѣ съ тѣмъ касательно редакціи самого Уложенія:

«Отмѣтокъ и указаній (откуда, т. е. изъ какихъ источниковъ заимствованы тѣ или другія статьи Уложенія) всего 177; изъ нихъ видно, что 56 статей взято изъ Литовскаго Статута, 24 изъ Градскихъ законовъ, 62 частью изъ того же Уложенія, частью изъ разныхъ предшествующихъ Уложеній и законовъ, 12 изъ «Стараго» Судебника, наконецъ 17 составлено вновь. Весьма-небольшое число статей (всего пять) заимствованы частью изъ Моисеева закона, частью изъ Стоглава, и даже Земскаго Приказа. Противъ одной статьи

(*) См. приведенную выше рецензію его въ Отечеств. Запискахъ.

3

отмѣчено: *попомнить*; противъ двухъ другихъ указаны источники и прибавлено: *поговорить съ бояры*. Судя по языку, должно думать, что всѣ эти замѣтки современныя. Весьма было бы любопытно узнать, кѣмъ и когда сдѣланы замѣтки и почему только при нѣкоторыхъ статьяхъ, а не при всѣхъ? Если это не случайность, то разрѣшеніе предложенныхъ вопросовъ можетъ пролить большой свѣтъ на ходъ редакціи Уложенія, о которомъ мы доселѣ ничего не знаемъ и который между тѣмъ представляетъ много загадочнаго. Въ 7156 году 16 іюня (іюля?) происходилъ совѣтъ о составленіи Уложенія, а въ 7157 году 3 октября оно было уже слушано и подписано. И такъ на редакцію его было употреблено во всякомъ случаѣ не болѣе *трехъ (двухъ?) мѣсяцевъ* и *шестнадцати дней*. Спрашивается, какъ могло быть составлено Уложеніе въ такой изумительно-короткій срокъ? Не забудемъ, что оно состоитъ изъ 25 главъ и 967(8) статей. Что Уложеніе «сочинено» изъ готовыхъ матеріаловъ, вписанныхъ въ него большею частью слово въ слово не объяснитъ дѣла, если предположимъ, что весь трудъ былъ исключительно возложенъ на редакціонную коммиссію. Одна матеріальная работа уже сама по себѣ огромна, не говоря о необходимости соглашать источники, свѣрять ихъ, располагать по извѣстному порядку, даже составлять нѣкоторыя статьи вновь. Для разрѣшенія всѣхъ этихъ трудностей, осмѣливаемся высказать слѣдующее предположеніе, основанное на ходѣ и порядкѣ дѣлопроизводства въ древней Россіи, особенно въ Приказахъ. Извѣстно, что каждый Приказъ имѣлъ особую книгу, въ которую вписывались всѣ вновь выходившіе законы и постановленія, относившіеся къ кругу его вѣдомства. Оттого во многихъ законоположеніяхъ XVII вѣка мы находимъ въ концѣ повелѣніе *тотъ государевъ указъ записать въ такомъ-то Приказѣ* (П. С. З. т. I. № 169), или *записать въ книгу* (тамъ же №№ 212 и 221) *въ такомъ то Приказѣ* (тамъ же № 247) *впредь для вѣдома*. Нѣкоторыя изъ этихъ записныхъ или указныхъ книгъ сохранились до нашего времени и представляютъ болѣе или менѣе полныя хронологическія собранія законовъ по разнымъ отраслямъ управленія. Приказы, завѣдывавшіе нѣсколькими частями, по всѣмъ вѣроятіямъ, имѣли столько же отдѣльныхъ указныхъ книгъ, сколько было въ нихъ отдѣльныхъ управленій; такъ, по крайней мѣрѣ, заключаемъ мы изъ того, что встрѣчаются особливыя записныя книги для указовъ о помѣстьяхъ и особыя для законовъ о вотчинахъ, хотя тѣ и другія дѣла, какъ извѣстно, вѣдались въ одномъ Приказѣ. И такъ указныя книги представляли по разнымъ частямъ готовыя уложенія, съ подробными указаніями на отмѣненные и измѣненные законы, а доклады Приказовъ, еще невне-

сенные въ Думу, заключали въ себѣ новые случаи, неразрѣшенные законодательнымъ порядкомъ, слѣдовательно всѣ матеріалы, нужные для написанія новыхъ статей. Редакціонной Коммиссіи оставалось только собрать эти указныя книги и заготовленные доклады изъ разныхъ Приказовъ, выбрать текстъ законовъ, сгруппировать статьи, выбранныя изъ старыхъ законовъ съ текстомъ новыхъ, которые ихъ дополнили или измѣнили, наконецъ составить, на основаніи заготовленныхъ докладовъ, нѣсколько примѣрныхъ статей— и главная существенная часть работы была готова. Такимъ образомъ мы думаемъ, что распредѣленіе статей Уложенія по главамъ сдѣлано на основаніи записныхъ книгъ, а порядокъ главъ опредѣлился старшинствомъ Приказовъ, изъ записныхъ книгъ которыхъ онѣ выбраны, конечно, съ нѣкоторыми необходимыми отступленіями; по крайней мѣрѣ, очень вѣроятно, что это старшинство имѣло на расположеніе главъ большое вліяніе. Отношеніе нѣкоторыхъ главъ къ Приказамъ очевидно; наприм., *вторая* по всѣмъ вѣроятіямъ составлена изъ указныхъ книгъ Тайнаго Приказа, *шестая* — Посольскаго, *седьмая*—Большаго Разряда, *десятая*—Судныхъ Приказовъ, *одиннадцатая*, *шестнадцатая* и *семнадцатая*—Помѣстнаго Приказа, *двѣнадцатая*—Патріаршаго Суднаго, *тринадцатая*—Монастырскаго, *восьмнадцатая*—тоже Помѣстнаго или Печатнаго, *девятнадцатая* — Приказа Большія Казны, *двадцатая* — Холопья, *двадцать первая*—Разбойнаго, *двадцать третья*—Стрѣлецкаго, *двадцать четвертая*—Казачьяго, *двадцать пятая*—Новой Четверти. Ближайшее разсмотрѣніе укажетъ, можетъ быть, Приказы, соотвѣтствующіе прочимъ, здѣсь неозначеннымъ главамъ. Нѣкоторыя, наприм., 14-я «о крестномъ цѣлованіи», 15-я «о вершеныхъ дѣлахъ», 22-я «указъ, за какія вины кому чинити смертная казнь», и т. д. по видимому составлены изъ книгъ разныхъ Приказовъ—на что указываетъ ихъ общее содержаніе—или собраны изъ разныхъ иностранныхъ источниковъ права, какъ свидѣтельствуютъ указанія на источники статей 22-й главы, въ которой изъ 26 статей только 6 оставлены безъ указаній. Если все сказанное выше имѣетъ за себя нѣкоторое вѣроятіе, то сдѣланныя въ подлинномъ спискѣ указанія и отмѣтки получаютъ важное значеніе и смыслъ. Не относятся ли онѣ только къ тѣмъ статьямъ, которыя не находились въ текстѣ записныхъ книгъ, и прибавлены къ нему при составленіи Уложенія? Можетъ быть, этимъ объяснится, почему при нѣкоторыхъ статьяхъ есть ссылки не только на иностранные, Греческіе и Литовскіе, но и на Русскіе источники, и почему въ тоже время нѣтъ этихъ ссылокъ при множествѣ другихъ статей, которыхъ источники положительно извѣстны. Примѣромъ можетъ служить 11-ая глава Уложенія «о

посадскихъ людехъ». Къ ней вовсе не сдѣлано указаній, а между тѣмъ постановленія, изъ которыхъ выписаны многія ея статьи, извѣстны, и напечатаны въ «Актахъ Археографической Экспедиціи», (т. IV, № 32). Все это, конечно, требуетъ еще многихъ подробныхъ изслѣдованій и соображеній. Рѣшаясь высказать свое мнѣніе, мы заранѣе и смиренно признаемъ его за ипотезу, которая, можетъ быть, и не подтвердится при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла. Теперь, покуда, она намъ кажется имѣющею нѣкоторую вѣроятность, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ.»

Изъ прочихъ статей 1-й книги Архива въ рецензіи же Отечеств. Записокъ дополненъ «Указатель книгъ по Русской исторіи, географіи, статистикѣ и Русскому праву, вышедшихъ въ 1848 году, составленный М. Н. Капустинымъ». Это дополненіе, сдѣланное К. Д. Кавелинымъ, по указанію Е. И. Бреверна, содержитъ въ себѣ слѣдующія заглавія сочиненій, изданныхъ въ томъ же году:

1) Die Livländische Reimchronik des Dittlieb von Alnpeke (1296), in das Hochdeutsche übertragen und mit Anmerkungen versehen von E. Meyer. Reval.

2) (Napiersky) Chronologischer Abriss der älteren Geschichte Livlands (1165—1562). Riga.

3) Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-Ehst-und Kurlands, herausgegeben von der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der russischen Ostseeprovinzen. Vierten Bandes zweites Heft. Riga. 1848. (Находится въ Указателѣ подъ № 121, но съ неполнымъ заглавіемъ). Содержаніе:

v. Busse: Kriegszüge der Novgoroder in Ehstland in den Iahren 1267 und 1268, nebst dem Friedensschlusse und andern Urkunden.

Ueber alte Gräber und Alterthümer in Polnisch-Livland, mit lithographischen Abbildungen (отмѣчена въ Указателѣ особою статьею, подъ № 51).

Auszüge aus einer Sammlung Reval's Vorzeit betreffenden Nachrichten und Verordnungen, aus dem 17-ten Jahrhunderte.

Zwei Hausurkunden des Fahrensbachischen Geschlechts, von 1494 und 1531.

Nachträge zur Biographie des Rembert Geilsheim, eines livländischen Staatsmannes des 16-ten Jahrhunderts.

4) Das alte auf unsere Undeutschen Gedichte Liedlein, so wie über Livländisch - Deutsche Volksdichtung, Volkssprache überhaupt. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte des älteren Livland's, von Eduard Pabst. Reval.

5) Ein Blick auf die geschichtliche Entwickelung des älteren russischen Erbrechts, bis zum Gesetzbuche des Zaren Alexei Michailowitsch. Eine zur Erlangung der Würde eines Magisters der Rechtswissenschaft, einer hochverordneten Juristenfacultät der Kaiserlichen Universität zu Dorpat vorgelegte, von derselben genehmigte und öffentlich zu vertheidigende Abhandlung, verfasst von Fedor Witte. Dorpat.»

Съ своей стороны, *М. П. Капустинъ* доставилъ намъ заглавія двухъ изданій, опущенныхъ имъ въ «Указателѣ» и свой отзывъ о приведенномъ сей часъ сочиненіи г. *Витте:*

«1) *Сводъ Уставовъ счетныхъ*, СПБ., 2 части, 967 и 1022 стр. (8).— Добавленіе къ Своду Законовъ. Главныхъ раздѣловъ здѣсь три: 1) о счетоводствѣ; 2) объ отчетности и 3) о ревизіи; сначала излагаются эти правила для всѣхъ министерствъ вообще, а потомъ для каждаго особо.

2) *Bidrag till de Nordeuropeiska folks lagens historia, utgifna af Fredr. Cygnaeus*. Helsingf. Это собраніе актовъ, относящихся къ исторіи сѣверныхъ народовъ и заимствованныхъ изъ архивовъ Италіи и Франціи. Г. Цигнеусъ къ изданнымъ матеріаламъ присоединилъ свои собственныя замѣчанія и объясненія. Большая часть актовъ относится къ исторіи Карла XII; кромѣ того есть актъ о пріемѣ Христиною Шведскою посольства Московскаго въ 1646 году, объясненіе повода къ посольству, въ свитѣ котораго Олеарій посѣтилъ Россію, и проч.

3) Изслѣдованіе г. *Витте* написано сообразно современному взгляду на исторію нашего права; но уже по самой краткости своей не могло рѣшить сложнаго вопроса о наслѣдствѣ. Авторъ со-

бралъ нѣсколько фактовъ, но весьма отрывочно; много препятствуетъ правильному взгляду его желаніе уловить въ Русской жизни тѣ явленія, которыя были у Римлянъ. Все сочиненіе дѣлится на два періода—до Судебника и послѣ него; въ развитіи семейства авторъ видитъ два момента—общности и особенности; въ періодъ послѣ Судебника онъ находитъ въ наслѣдствѣ проявленіе личнаго начала.»

Здѣсь же въ Предисловіи мы считаемъ всего удобнѣе помѣстить доставленное намъ *А. П. Афанасьевымъ* Введеніе къ составляемымъ имъ и другими учеными для нашего сборника «Указателямъ матеріаловъ и статей, напечатанныхъ въ разныхъ Журналахъ по Русской Исторіи, географіи, статистикѣ и Русскому праву». Важность такихъ Указателей, хотя уже нынѣ достаточно всѣми признанная, еще болѣе уясняется для насъ доводами, предложенными г. Афанасьевымъ:

«Рѣдкій изъ нашихъ журналовъ не поставлялъ себѣ, между прочимъ, задачею—содѣйствовать изученію Россіи. Не только литература, но и географія, статистика и исторія Русскаго міра находили всегда мѣсто на журнальныхъ листахъ, такъ что мало по малу образовался цѣлый отдѣлъ матеріаловъ и статей, разбросанныхъ по разнымъ періодическимъ изданіямъ. Матеріалы эти, не касаясь особеннаго значенія ихъ въ томъ или другомъ памятникѣ, важны уже для насъ какъ матеріалы. Многія статьи, конечно, должны были устарѣть по взгляду и, при новыхъ успѣхахъ науки, могутъ показаться для нѣкоторыхъ безполезными. Однако такое мнѣніе было бы слишкомъ поспѣшно и строго. Не говоря о томъ, что многое бываетъ полезно отрицательно, скажемъ, что собраніе и объясненіе фактовъ, хотя бы сдѣланныя подъ вліяніемъ не совсѣмъ зрѣлыхъ идей, для историка никакъ не лишены всякаго значенія. Объяснить, какъ смотрѣли люди прошедшаго времени на значеніе Исторіи и ея разработку также важно, какъ раскрыть убѣжденія прошедшей эпохи и ея логическіе пріемы.

Сверхъ того, знать эти матеріалы и статьи необходимо и для цѣлей библіографическихъ, чтобы не затрудняться — гдѣ и что искать и не перепечатывать по нѣскольку разъ уже напечатаннаго; знать ихъ необходимо и для цѣлей ученыхъ, чтобы не повторять

давно отвергнутыхъ догадокъ и не дѣлать давно указанныхъ ошибокъ. Въ области науки должны уважаться не только изслѣдованія, раскрывшія духъ и начала цѣлой эпохи или угадавшія смыслъ цѣлаго отдѣла фактовъ народной жизни, но и всякая дѣльная замѣтка и всякое добросовѣстное объясненіе двухъ или трехъ словъ памятника. Пренебреженіе или незнаніе здѣсь, какъ и вездѣ, непремѣнно поведетъ къ недосмотрамъ и ошибкамъ. Укажемъ на два примѣра, замѣченные нами при ближайшемъ обзорѣ только одного журнала. Въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Росс. при Московск. Университетѣ (годъ 3-й, 1848, № 9.), была напечатана собственноручная записка А. В. Суворова о его происхожденіи и службѣ подъ такимъ заглавіемъ: «біографія Суворова, имъ самимъ писанная». Москвитянинъ поспѣшилъ перенести ее на свои листы, какъ новость; а новость эта была уже напечатана въ Сѣв. Архивѣ за 1823 г. (№ 2, 3 и 4.), и притомъ гораздо полнѣе. Если уже нужно было перепечатывать старое, то слѣдовало бы перепечатывать полнѣйшій списокъ, и не худо бы при этомъ указывать, гдѣ и когда былъ помѣщенъ памятникъ впервые. Другой примѣръ: въ Древн. Росс. Вивліоѳ. (ч. V, стр. 104—126) и въ Собр. Гос. Грам. и Догов. (ч. I, № 147), была напечатана духовная грамота Князя Дмитрія Іоанновича, съ объясненіемъ, что Князь этотъ былъ внукъ Іоанна III. Въ Сѣв. Архивѣ за 1823 г. (№ 12) доказано, что духовная принадлежала не внуку, а сыну Іоанна III — Дмитрію, о которомъ сообщены всѣ нужныя свѣдѣнія. Не зная этой статьи Сѣв. Архива, г. Соловьевъ повѣрилъ издателямъ духовной грамоты и, не видя возможности согласить ея содержаніе съ извѣстіемъ о заключеніи внука Іоанна III «въ нужѣ» и оковахъ, неосмотрительно отвергъ единогласныя показанія иностранцевъ и Русскихъ лѣтописцевъ (См. Отнош. Кн. Рюрик. Дома, стр 541—542).

У насъ немногіе знакомы съ журналистикою старыхъ годовъ. Причина понятна: съ одной стороны представляется рѣдкость старыхъ періодическихъ изданій, которыя надо собирать въ розницу, по нумерамъ; съ другой—нѣтъ возможности пользоваться ими даже въ библіотекахъ хорошо-составленныхъ, ибо не знаешь, какую именно книгу спросить. Нужно перечитывать все изданіе, а это соединено съ тратою времени, и часто, можетъ быть, не принесетъ никакихъ результатовъ для вашей спеціальной работы. Необходимы слѣдовательно указатели, изъ которыхъ можно бъ было узнать, съ чѣмъ и въ какомъ мѣстѣ справиться. Потребность такихъ указателей чувствуютъ и у насъ; но удовлетворять ей начали недавно. Мы знаемъ только весьма немногіе труды въ этомъ родѣ. Одинъ принадлежитъ г. Быстрову, ко-

торый издалъ первую часть Указателя къ нѣкоторымъ періодическимъ изданіямъ; но онъ ограничился обозначеніемъ однихъ заглавій, не говоря о содержаніи и достоинствѣ статей. Но иное заглавіе обѣщаетъ больше, нежели сколько даетъ статья, и обратно. Гораздо болѣе удовлетворителенъ трудъ г. Тарнавы-Боричевскаго, помѣщенный въ Журн. Мин. Нар. Пр., въ которомъ указаны статьи, напечатанныя въ нѣкоторыхъ Губерн. Вѣдомостяхъ по предметамъ Русск. статистики, географіи, этнографіи и исторіи. Замѣчателенъ наконецъ Указатель, составленный г. Полуденскимъ къ Московскому Вѣстнику, изд. Погодинымъ (см. Временника, изд. М. Общ. Ист. и др. Рос. кн. 19). Конечно задача составить подробные указатели ко всѣмъ періодическимъ изданіямъ, съ обозначеніемъ содержанія и духа статей и матеріаловъ, въ нихъ помѣщенныхъ и съ отмѣткою, не напечатаны ли они гдѣ въ другомъ мѣстѣ не можетъ быть выполнена однимъ, а требуютъ содѣйствія многихъ ученыхъ.»

Въ заключеніе нашего отчета о дополненіяхъ, поправкахъ и объясненіяхъ, предложенныхъ разными рецензентами на 1-ю книгу Архива мы не можемъ не принести имъ искреннѣйшей благодарности также за нѣкоторыя мелкія замѣтки касательно всего нашего изданія и разныхъ входящихъ въ составъ его отдѣловъ: мы не выставляемъ ихъ здѣсь на видъ единственно потому, что такія замѣтки не могутъ имѣть интереса для большинства читателей; но благородные сподвижники науки увидятъ, что мы не оставили ихъ безъ вниманія и при составленіи слѣдующихъ книгъ Архива воспользуемся тѣми изъ нихъ, которыя, по нашему мнѣнію, должны быть приняты къ свѣдѣнію для лучшаго выполненія ученой цѣли изданія. Скажемъ еще болѣе: мы глубоко цѣнимъ и эти мелкія замѣтки какъ доказательство искренняго сочувствія къ предпринятому нами дѣлу и надежды на ту пользу, какую оно можетъ принести наукѣ, продолжаясь постоянно и добросовѣстно. Вотъ почему, съ своей стороны, мы осмѣливаемся опять обратиться къ нашимъ читателямъ съ просьбою чтобы они были, по возможности, нашими строгими рецензентами и тѣмъ самымъ доставляли намъ вѣрный способъ къ достиженію истины, къ которой стремится каждый изъ

нашихъ сотрудниковъ въ своихъ разысканіяхъ. Имѣя единственно въ виду эту цѣль, мы скажемъ нѣсколько словъ по поводу одной статьи, входящей въ составъ 2-й книги Архива, именно статьи *Т. Н. Грановскаго* : « О родовомъ бытѣ у древнихъ Германцевъ.»

Изслѣдованія о родовомъ бытѣ у народовъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ государственнаго развитія, а въ частности о значеніи родовыхъ отношеній въ древнѣйшемъ періодѣ Русской Исторіи (къ коимъ относятся труды Эверса, Кавелина, Соловьева и нѣкоторыхъ молодыхъ, примкнувшихъ къ нимъ ученыхъ) мы никакъ не должны считать окончательными, а потому самому должны признать ихъ еще во многомъ неудовлетворительными для науки. Вотъ почему порицанія, вызванныя этими изслѣдованіями, имѣютъ свое значеніе и заслуживаютъ полное вниманіе. Они ясно доказываютъ, что вопросъ о родовыхъ отношеніяхъ или поставленъ не такъ какъ слѣдуетъ или разработанъ съ опущеніемъ тѣхъ или другихъ условій, подъ вліяніемъ коихъ развивались, измѣнялись или ограничивались эти отношенія. Сами ученые, признающіе всю важность родоваго начала въ первобытномъ состояніи государствъ, не отрекаются выставлять ошибочные взгляды изслѣдователей, смѣшивающихъ отношенія нравственныя съ юридическими. Таково, между прочими, мнѣніе Зибеля о знаменитой книгѣ Эверса, которое выписано г. Грановскимъ (см. отд. I стр. 164—5), мнѣніе не только справедливое, но и весьма поучительное для изслѣдователей родоваго быта въ древней Россіи. Имъ слѣдовательно остается обширное поле, на которомъ еще конечно не разъ сойдутся поборники разныхъ мнѣній до тѣхъ поръ, пока выработается истина, сознательно установятся убѣжденія о справедливости или ложности извѣстнаго взгляда, составленнаго подъ вліяніемъ системы, развиваемой въ настоящее время большинствомъ молодыхъ ученыхъ, по видимому, въ слишкомъ обширныхъ размѣрахъ. И такъ для установленія истинныхъ мнѣній

касательно вопроса о родовомъ бытѣ и о родовыхъ отношеніяхъ въ древней Россіи мы признаемъ необходимыми новыя изслѣдованія. Но чтобы имѣть твердую опору въ такихъ разысканіяхъ, не безполезно призвать на помощь и исторію и филологію вообще. Мы думаемъ исполнить первое изъ этихъ требованій, предлагая въ нашемъ сборникѣ разысканія о родовомъ бытѣ у разныхъ народовъ, преимущественно Индоевропейскихъ. Изслѣдованіе о родовомъ бытѣ у древнихъ Германцевъ мы поставили во главѣ другихъ изслѣдованій этого рода, ибо вопросъ о происхожденіи Варяговъ-Руси у насъ еще окончательно не рѣшенъ и многіе считаютъ ихъ Германцами; почему особенно любопытно для насъ взглянуть пристальнѣе на родовой бытъ этого народа. Въ слѣдующихъ же книгахъ нашего сборника г. Грановскій обѣщалъ намъ помѣстить статью о родовомъ бытѣ у Кельтовъ, а г. Леонтьевъ статьи о томъ же бытѣ у Грековъ, Римлянъ и другихъ народовъ древности. Надѣемся, что эти статьи, писанныя извѣстными знатоками своей науки, останутся не безплодными и для юридической разработки древней Русской Исторіи.

Н. Калачовъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И КРИТИЧЕСКІЙ РАЗБОРЪ

ПАМЯТНИКОВЪ

по части

ИСТОРІИ, СТАТИСТИКИ И ПРАВА

ДРЕВНЕЙ РОССІИ.

I.

УЧРЕЖДЕНІЕ ВЪ РОССІИ ПАТРІАРШЕСТВА.

сочиненіе

А. Зернина.

Печатать позволяется, іюня 4 дня 1851 года. Московская Духовная Академія.

Цензоръ, Профессоръ Протоіерей Θеодоръ Голубинскій.

УЧРЕЖДЕНІЕ ВЪ РОССІИ ПАТРІАРШЕСТВА.

Въ 1586 г., въ іюнѣ мѣсяцѣ, прибылъ въ Москву Антіохійскій патріархъ Іоакимъ за милостынею. При свиданіи съ Царемъ онъ разсказалъ о бѣдствіяхъ и кручинахъ своей паствы. Набожный Θеодоръ отъ души соболѣзновалъ объ угнетенныхъ восточныхъ христіанахъ; между прочимъ разсказъ патріарха поселилъ въ его душѣ важную мысль. Созвавъ высшее духовенство и своихъ бояръ на совѣщаніе, Царь началъ имъ говорить: «Богу тако извольшу, въ наказаніе наше, яко сущимъ тамо (на Востокѣ) патріархомъ и прочимъ святителемъ нареченіемъ святительства токмо именоватися, власти же едва ли не всяко лишенѣмъ; наша же страна, якоже зрите, благодатію Божіею во многоразширеніе приходитъ, ноипаче же благочестивая наша вѣра, еже на основаніи Апостолъ и пророкъ утверждена, возрастаетъ и множится, и сего ради хощу, аще Богу угодно будетъ и писанія божественная не пререкуютъ, яко да въ царствующемъ градѣ Москвѣ устроится превысочайшій престолъ патріаршескій; аще бо угодно вамъ сія, возвѣстите ми, азъ бо мню, яко ничтоже въ сихъ благочестію повреждение, но паче предспѣваніе вѣрѣ Христовѣ (1).»

Митрополитъ и прочіе члены думы одобрили Царскую мысль; однако сдѣлано было замѣчаніе, что объ этомъ прежде всего нужно извѣстить восточныхъ патріарховъ, ибо такое важное дѣло, какъ учрежденіе Московскаго патріархата, должно быть совершено по приговору всей Восточной Церкви и съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формъ, — «да не возмнитца инѣмъ языкомъ, ноипачеже пишущимъ на святую нашу вѣру Латыномъ и прочимъ еретикомъ, яко въ царствующемъ градѣ Москвѣ патріаршескій престолъ устроился единою ти царскою властію.»

Здѣсь вниманіе наше останавливается на слѣдующихъ пунктахъ: 1) Царь Θеодоръ говоритъ, что восточные патріархи существуютъ только по имени; 2) онъ поставляетъ на видъ обширность и постепенное распространеніе области Русской Церкви; 3) предла-

гаетъ учредить въ Россія патріаршество. Очевидно, что онъ указываетъ на несообразность подчиненія Русскаго клира Константинопольскому патріарху и вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаетъ средство уничтожить эту несообразность. Въ отвѣтѣ Царю думы поражаетъ насъ предусмотрительность и стараніе отклонить всѣ толки со стороны враговъ Греческой Церкви.

Взявъ все это въ соображеніе, мы видимъ, что главная причина учрежденія у насъ Патріаршества таилась во внутреннемъ состояніи и взаимныхъ отношеніяхъ и той и другой Церкви. Такимъ образомъ вопросъ нашъ самъ собою распадается на слѣдующіе отдѣлы: 1) должно показать, какъ самое внутреннее состояніе Византійской Церкви въ XVI-мъ столѣтіи способствовало учрежденію у насъ патріаршества; 2) какъ все историческое развитіе нашей іерархіи, особенно съ XIV-го вѣка, вело къ тому, что она должна была явиться вполнѣ самостоятельною, какою она дѣйствительно явилась по учрежденіи патріаршества въ Москвѣ. По изложеніи этихъ двухъ отдѣловъ, займемся разборомъ тѣхъ обстоятельствъ, которыми сопровождалось разсматриваемое нами событіе.

I.

Очеркъ исторіи Константинопольскаго Патріархата отъ взятія Константинополя Турками до конца XVI-го столѣтія.

Обращаясь къ отношеніямъ Русскаго клира къ Цареградскому патріарху, мы прежде всего останавливаемся на слѣдующемъ вопросѣ: какъ могли восточные патріархи допустить такую важную перемѣну, какою было учрежденіе новаго патріархата. Мы увидимъ, что они не только не противились тому, но еще содѣйствовали, потому что смотрѣли на Россію, какъ на единственный источникъ облегченія ихъ скорбной участи. « Или не вѣдаете, писалъ патріархъ Іерусалимскій Нектарій, что когда наши церкви находятся подъ игомъ рабства, мы уподобляемся кораблямъ, потопляемымъ безпрестанными бурями отъ разныхъ искушеній языческихъ? Только на вашу Церковь благочестивыхъ Руссовъ, мы взираемъ какъ на второй Ноевъ ковчегъ, ибо она достигла спасенія отъ всякаго языческаго потопленія

и сохраняетъ въ себѣ чистыя сѣмена благочестія (2).» Такъ отзывался о Русской Церкви патріархъ Нектарій. Отзывъ его есть лучшее подтвержденіе сказаннаго нами, въ чемъ мы еще болѣе убѣдимся, бросивъ взглядъ на внутреннее состояніе Константинопольскаго патріархата въ XVI-мъ столѣтіи.

Разбирая отношенія Грековъ къ Туркамъ, видимъ, что сначала султаны не думали стѣснять Греческой Церкви. Такъ современникъ и очевидецъ паденія Константинополя, Георгій Франца, повѣствуетъ слѣдующимъ образомъ объ отношеніяхъ Грековъ къ Туркамъ: «На третій день по взятіи города султанъ учредилъ великое торжество; онъ объявилъ вмѣстѣ съ тѣмъ безопасность всѣмъ, кто только искалъ убѣжища въ мѣстахъ сокровенныхъ. Султанъ приказалъ также удалившимся изъ города возвратиться въ свои дома и жить по прежнему, сохраняя свою вѣру. Вслѣдъ за симъ приказано было избрать патріарха по прежнему порядку. Послѣ чего немногіе, находящіеся въ городѣ епископы, другіе духовные и міряне избрали Георгія Схоларія, не взирая на то, что онъ не былъ духовнымъ (λαϊκὸν ἔτι ὄντα) и поставили его патріархомъ, наименовавъ *Геннадіемъ* (3). При христіанскихъ императорахъ было въ обыкновеніи, что императоръ вновь поставленному патріарху вручалъ золотой жезлъ, украшенный драгоцѣнными каменьями и жемчугомъ; при выходѣ изъ дворца патріарху обыкновенно подводили богато убраннаго коня съ императорской конюшни, на которомъ патріархъ возвращался въ свои палаты, сопровождаемый клиромъ и царедворцами при громкихъ кликахъ народа. Султанъ Магомедъ II поступилъ сообразно съ прежнимъ обычаемъ; обласкавъ Геннадія, вручилъ ему жезлъ; при выходѣ изъ дворца патріарху подвели богато убраннаго коня; мало того — царедворцы, по повелѣнію султана, провожали его до патріаршаго дома.... При этомъ султаномъ руководило не благочестіе или расположеніе къ Геннадію, но онъ имѣлъ свою цѣль: ему хотѣлось побудить тѣмъ христіанъ снова собраться въ городъ, совершенно опустѣвшій. Чтобы еще болѣе привлечь къ себѣ христіанское народонаселеніе, Магомедъ далъ патріарху охранную грамоту, которою постановлялось: 1) чтобъ никто не смѣлъ обижать и притѣснять патріарха; 2) предоставлялась совершенная свобода отъ податей и

пошлинъ не только Геннадію и всѣмъ его преемникамъ, но и всѣмъ подвластнымъ ему архіереямъ (4).» — Изъ этого повѣствованія видно, что Магомедъ II не только не стѣснялъ свободы христіанской религіи, но еще покровительствовалъ патріарху, располагая, быть можетъ, на его содѣйствіе къ утвержденію своей власти.

Геннадій черезъ пять лѣтъ и нѣсколько мѣсяцевъ сложилъ съ себя патріаршій санъ и удалился въ монастырь Іоанна Предтечи. На мѣсто его избранъ былъ іеромонахъ *Исидоръ*. Отношенія новаго патріарха къ султану были тѣже, какъ и при Геннадіи; Греки любили и уважали его; впрочемъ онъ вскорѣ умеръ. За Исидоромъ слѣдовалъ *Іоасафъ Коккасъ*; надъ нимъ первымъ разразился гнѣвъ султана за то, что онъ не разрѣшилъ незаконнаго брака султанскому протовестіарію (5). Это случилось около того времени, когда палъ Трапезунтъ (въ 1461 г.). Преемникомъ Іоасафа былъ *Марко Ксилокарабъ*. Всѣ эти четыре патріарха поставлены безъ платы султану. — Съ паденіемъ Трапезунта многіе изъ Трапезунтскихъ Грековъ переселились въ Константинополь; непріязнь, раздѣлявшая Цареградскихъ и Трапезунтскихъ Грековъ цѣлыя два столѣтія, не только не угасла, но еще возобновилась теперь съ бо̀льшею силою. Все Греческое народонаселеніе Константинополя раздѣлилось на двѣ партіи; и та и другая старалась имѣть на патріаршескомъ престолѣ кого нибудь изъ своихъ. На первый разъ превозмогли Трапезунтцы. Они прибѣгли къ средству, которое было корнемъ всѣхъ послѣдующихъ бѣдствій для Константинопольской Церкви — склонили султана и пашей на свою сторону деньгами. Не успѣвъ низложить Марка по рѣшенію собора, они обратились прямо къ султану, предложивъ ему тысячу червонцевъ съ тѣмъ, чтобы онъ приказалъ низвергнуть Марка. Магомедъ разсмѣялся, слушая враговъ патріарха и долго не рѣшался, дивясь недальновидности Грековъ; потомъ взялъ деньги и постановилъ, чтобы на будущее время каждый вновь поставленный патріархъ вносилъ въ султанскую казну тысячу червонцевъ (6). Марко былъ низложенъ; его мѣсто занялъ Трапезунтіецъ *Симеонъ*, который впрочемъ торжествовалъ недолго. Султанова мачиха — Гречанка — стала ходатайствовать у Магомеда за своего духовника, *Діонисія* Филиппопольскаго; она принесла султану двѣ тысячи дукатовъ, за

что онъ предоставилъ ей полную свободу смѣнить патріарха (7). На мѣсто Симеона поставленъ Діонисій. Такъ даръ султану удвоился и притомъ безъ всякаго побужденія съ его стороны. Послѣ Діонисія на патріаршескій престолъ вступилъ снова Симеонъ и управлялъ Церковью мирно въ теченіи трехъ лѣтъ. Но безпорядки снова начались, когда одинъ проживавшій въ то время въ Константинополѣ монахъ *Рафаилъ*, родомъ Сербъ, пользовавшійся расположеніемъ нашей, условился съ ними ежегодно вносить въ султанскую казну двѣ тысячи дукатовъ, если его сдѣлаютъ патріархомъ. Магомедъ отдалъ приказъ свергнуть Симеона и возвести Рафаила. Такимъ образомъ еще при жизни Магомеда II грамота, данная имъ, была нарушена: патріархъ обязанъ былъ платить султану двоякую дань — единовременную « πεσχήσιον » и постоянную « χαράζιον »; и та и другая росла съ теченіемъ времени (8). Рафаилъ не имѣлъ возможности уплачивать обѣщанную сумму, за что и былъ заточенъ (въ 1480 году) (9). Мѣсто его занялъ *Максимъ*, человѣкъ ученый, какъ замѣчаетъ Филиппъ Кипрянинъ. Новый патріархъ представилъ султану толкованіе на символъ вѣры (10); въ его управленіе Церковь наслаждалась спокойствіемъ. Максимъ патріаршествовалъ шесть лѣтъ. По смерти его (въ 1486 г.) избранъ Θессалоникійскій митрополитъ *Нифонтъ*, вскорѣ низверженный по интригамъ Трапезунтійца Амерузы, ренегата (11). Далѣе снова патріархомъ былъ Діонисій, удалившійся черезъ два года въ монастырь. За Діонисіемъ слѣдовалъ *Максимъ II*, Серскій митрополитъ, котораго низвергли въ слѣдствіе распространившейся о немъ худой молвы (12). Послѣ него патріархомъ былъ опять Нифонтъ, а за нимъ слѣдовалъ *Іоакимъ*, Драмскій митрополитъ, юный лѣтами, прославившійся смиреніемъ и добродѣтельною жизнію (13). При Іоакимѣ, Селибрійскій митрополитъ, желая достигнуть патріаршества, обѣщалъ пашамъ увеличить χαράζιον еще тысячью червонцевъ. Іоакима потребовали во дворецъ и предложили ему на выборъ: или быть патріархомъ и платить ежегодно тысячу червонцевъ болѣе, или быть низложену. Добродѣтельный пастырь соглашался лучше на послѣднее, чѣмъ обременять Церковь новыми налогами. Свѣдавъ объ этомъ, Греки рѣшились платить тысячу дукатовъ болѣе, чѣмъ лишиться Іоакима и

[illegible] патріархомъ всѣмъ ненавистнаго Селибрійскаго митрополита. Но хотя Іоакимъ и остался патріархомъ, однако вскорѣ султанъ приказалъ его низвергнуть за то, что онъ разрѣшилъ самовольно построить церковь въ одномъ изъ предмѣстій Константинополя (14). На мѣсто Іоакима избранъ *Пахомій*. Черезъ годъ приверженцы Іоакима принесли султану пятьсотъ дукатовъ, и Іоакимъ снова былъ назначенъ. По смерти его патріархомъ былъ Пахомій въ другой разъ. За Пахоміемъ слѣдовалъ *Θеолептъ*, управлявшій Церковью 8 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ (15). Онъ былъ нетерпимъ за предосудительный образъ жизни, за что и былъ низложенъ (16). За Θеолептомъ слѣдовалъ *Іеремія I*, Софійскій митрополитъ. Въ то время, какъ онъ отправился путешествовать по востоку, въ Константинополѣ противъ него образовалась партія: враги его увеличили ежегодную дань пятью стами дукатовъ, и Іеремія заочно былъ низложенъ, а на мѣсто его возведенъ *Іоанникій*, Созопольскій митрополитъ. Свѣдавъ объ этомъ, Іеремія немедленно предложилъ свое дѣло на рѣшеніе прочихъ восточныхъ патріарховъ, которые низложили Іоанникія по соборному опредѣленію. Іеремія, по возвращеніи своемъ въ Константинополь, снова вступилъ въ свои права. Вскорѣ прибылъ туда же Охридскій епископъ Прохоръ. Явившись въ диванъ, онъ, на основаніи документовъ, доказывалъ, что городъ Берея, принадлежащій Θессалоникійской митрополіи, долженъ быть подчиненъ Охридской; просьбу свою онъ подкрѣпилъ сотнею дукатовъ. Патріархъ приведенъ былъ въ затрудненіе и, не смотря на то, что съ своей стороны также подлинными актами доказывалъ, что Берея двѣсти лѣтъ считалась за Θессалоникійскою митрополіею, только тогда выигралъ дѣло, когда увеличилъ ежегодную дань сотнею дукатовъ. Іеремія умеръ во время объѣзда своей епархіи въ Терновѣ (17). На его мѣсто возведенъ Діонисій, Никомидійскій митрополитъ. Все время его правленія, [illegible] словамъ Филиппа Кипрянина, прошло въ постоянныхъ волненіяхъ. За Діонисіемъ слѣдовалъ *Іоасафъ*, пользовавшійся сначала общи[illegible]женіемъ; [illegible]емъ песцезій былъ убавленъ тысячью дукатовъ. Онъ скоро раз[illegible]ъ съ клиромъ и вельможами, особенно съ М[illegible]ъ К[illegible]ъ, имѣвшимъ сильное вліяніе на д[illegible] Цер[illegible] [illegible], по свидѣтельству Малакса, былъ [illegible] вино[illegible]омъ

свержения Іоасафа (18). Враги патріарха дали его низложенію форму закона, отрѣшивъ его по соборному опредѣленію 52 высшихъ духовныхъ лицъ. Послѣ Іоасафа патріархомъ былъ *Митрофанъ*, человѣкъ, по свидѣтельству современниковъ, очень ученый. Въ 1572 году его принудили сложить санъ патріаршій за склонность къ уніи (19). Здѣсь опять главнѣйшую роль игралъ Михаилъ Кантакузенъ, покровительствовавшій новому патріарху *Іереміи II*, бывшему прежде сего митрополитомъ въ Ларисѣ. Такъ какъ Іеремія II, при учрежденіи въ Россіи патріаршества былъ однимъ изъ главныхъ лицъ, то обстоятельства его жизни должны быть изложены нѣсколько подробнѣе. Мы изобразимъ его по личному достоинству и отношеніямъ его въ Византіи; въ своемъ мѣстѣ разсмотримъ также отношенія его къ Москвѣ. Лично Іеремія былъ замѣчателенъ: 1) по стремленію искоренить симонію; 2) по своимъ ученымъ занятіямъ. Къ рѣшенію вопроса о симоніи Іеремія приступилъ немедленно. По его настоянію созванъ былъ соборъ, на которомъ возобновлены всѣ положенія противъ симоніи и рѣшено: «что если кто, епископъ, священникъ или дьяконъ, за деньги получитъ свой санъ или какую нибудь должность въ церкви, то не только назначившій и назначенный отрѣшаются отъ должности, но еще должны быть лишены общенія съ Церковью (20)». За симъ подтверждено было всему клиру строго соблюдать соборное постановленіе, которое внесено было въ кодексъ и скрѣплено подписью патріарха и присутствовавшихъ на соборѣ лицъ. — О склонности Іеремія къ ученымъ занятіямъ свидѣтельствуетъ Филиппъ Кипрянинъ. Онъ говоритъ, что Іеремія до патріаршества былъ неученъ, достигши же «этого сана, предался книжнымъ занятіямъ, проводя цѣлые дни за изученіемъ богословія, философіи и другихъ предметовъ» (21). Мы знаемъ также, что Іеремія велъ переписку съ Тюбингенскими лютеранскими богословами, которые въ 1575 году прислали ему на разсмотрѣніе Аугсбургское исповѣданіе. Патріархъ написалъ имъ отвѣтъ уже въ слѣдующемъ году; отвѣтъ этотъ изложенъ спокойно и съ соблюденіемъ должнаго уваженія къ Греческой Церкви. Не довольствуясь отзывомъ объ Аугсбургскомъ исповѣданіи, Тюбингенскіе богословы прислали патріарху на разсмотрѣніе всю систему лютеранскаго богословія, пе-

реведенную Крузе на Греческій языкъ. Но разныя обстоятельства не позволили патріарху заняться этимъ дѣломъ (22).

Что касается до отношеній Іереміи въ Константинополѣ, то онъ давно враждовалъ съ своимъ предшественникомъ Митрофаномъ. И тотъ и другой старались найти себѣ покровителей въ приближенныхъ къ султану. «Между тѣмъ какъ невѣрные рѣшали споръ, говоритъ Крузе, каждый изъ враждовавшихъ не жалѣлъ даровъ, чтобы только снискать покровительство сильныхъ. Враждѣ не предвидѣлось и конца. Между тѣмъ Церковь расхищалась, потому что патріархъ всѣ доходы, обыкновенно получаемые съ митрополитовъ, передалъ Туркамъ, отстаивая свои права. Да и долгъ Кантакузена султану большею частію, какъ говорятъ, уплачивался церковными деньгами. Патріархъ положилъ объѣхать Грецію, Македонію и Валахію, чтобы помочь своему патрону Кантакузену собранными деньгами (23).»

Отношенія Іереміи къ султану были тѣже, какъ и его предшественниковъ. Такъ напр.: когда въ 1574 году умеръ Селимъ II и на его мѣсто вступилъ Мурадъ III, патріархъ долженъ былъ отправиться къ нему съ дарами на 2000 дукатовъ. За то султанъ подтвердилъ его права, приказавъ выдать новую хартію въ замѣнъ обветшавшей прежней. Не смотря на все это, чрезъ десять лѣтъ управленія Церковью Іеремія былъ изгнанъ. Мѣсто его занялъ врагъ его Митрофанъ, который впрочемъ чрезъ девять мѣсяцевъ умеръ. Іеремія по смерти своего противника снова былъ патріархомъ; потомъ снова изгнанъ, обезчещенъ и заточенъ на островѣ Родосѣ. Одною изъ причинъ несчастія Іереміи была переписка его съ папою, старавшимся ополчить на Турокъ всѣхъ христіанъ. Была и еще причина: султанъ предложилъ синоду на разсмотрѣніе свой планъ переселенія нѣсколькихъ Греческихъ семействъ въ мѣста запустѣлыя; Іеремія назвалъ такую мѣру жестокостію и несправедливостію. Іеромонахи Ѳеофанъ и Пахомій донесли объ этомъ Мураду, который, въ награду Пахомію, велѣлъ сдѣлать его патріархомъ (24). Пахомія свергнулъ Ѳеолептъ, человѣкъ грубый и невѣжественный. Послѣ Ѳеолепта, по приказанію султана, вызвали Іеремію и въ третій разъ возвели на патріаршій престолъ, на которомъ онъ теперь оставался до своей смерти (25).

Во все это время положеніе Греческой Церкви въ Константинополѣ было самое бѣдственное. «Немного недоставало, говоритъ Давидъ Хитреусъ, для того, чтобы всѣ христіанскіе храмы въ Константинополѣ (которыхъ около 30, считая и въ монастыряхъ) были обращены въ мечети по приказанію верховнаго Турецкаго первосвященника, муфти называемаго. Когда Греки, Армяне и прочіе христіане униженно просили о соблюденіи привиллегій, данныхъ Магомедомъ II и его преемниками на свободное отправленіе обрядовъ христіанской религіи, то данъ былъ такой отвѣтъ: «тогда сдѣлана была льгота по причинѣ запустѣнія города и по малочисленности мусульманъ; теперь же, при такой многолюдности поклонниковъ пророка, нужно болѣе мечетей; то справедливость требуетъ, чтобы христіане уступили свои храмы мусульманамъ (26).»

Іеремія, прибывши съ Родоса, не зналъ, гдѣ остановиться, ибо дворъ патріаршій былъ опустошенъ, домъ разграбленъ, церковь обращена въ мечеть. Хотя султанъ разрѣшилъ постройку новой церкви, но гдѣ было взять средства? Прибѣгнуть къ новымъ налогамъ патріархъ не хотѣлъ, считая такую мѣру слишкомъ обременительною. Посему самая необходимость заставляла его обратиться къ доброхотному подаянію вѣрныхъ сыновъ Церкви. Не трудно угадать, въ какую сторону обратился патріархъ, — то была Россія, болѣе всѣхъ соболѣзновавшая о бѣдствіяхъ и кручинахъ Восточной Церкви. Мы уже не разъ подавали руку помощи бѣдствующимъ восточнымъ братіямъ. Христіанское милосердіе государей Московскихъ громко славили въ Палестинѣ, Сиріи, Египтѣ, въ самой Византіи, нѣкогда державной, теперь уничиженной до рабства! Для Іереміи представился и благопріятный случай: тогда въ Москвѣ рѣшался вопросъ о самостоятельности Русской Церкви. Умалчивая о своихъ верховныхъ правахъ на Русскую Церковь, онъ спѣшилъ предоставить ей полную самостоятельность. Мало того — *онъ готовъ былъ патріаршествовать въ Москвѣ, отказавшись отъ достоинства вселенскаго патріарха.*

И такъ, обозрѣвъ рядъ событій внутренней исторіи Константинопольской Церкви въ концѣ XV-го и въ теченіи XVI-го столѣтія, мы приходимъ къ заключенію: *Патріархъ Цареградскій уже по*

одному своему положенію долженъ былъ исполнить желаніе царя Өедора Ивановича.

Перейдемъ теперь ко второй части рѣшаемаго нами вопроса — покажемъ, что *учрежденіе патріаршества Московскаго было результатомъ всего историческаго развитія нашей іерархіи, выражая въ себѣ фактъ окончательнаго достиженія самостоятельности нашею Церковью.*

II.

Очеркъ историческаго развитія Русской іерархіи до учрежденія патріаршества.

На развитіе нашей іерархіи сильнѣйшее вліяніе имѣли два обстоятельства: отношенія ея къ Константинопольскому патріарху и отношенія ея къ Великимъ Князьямъ; и тѣ и другія съ теченіемъ времени измѣнялись; укажемъ какъ на главныя фазы этихъ перемѣнъ, такъ и на обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ онѣ совершались.

Во все пространство времени отъ окончательнаго введенія христіанства до самаго XIV-го столѣтія, для уясненія связи нашей іерархіи съ Византійскою, мы имѣемъ весьма мало извѣстій. Византійскіе историки ровно ничего не сообщаютъ объ этомъ. Посему мы должны довольствоваться только тѣми немногими данными, которыя сохранились въ нашихъ лѣтописяхъ и другихъ историческихъ памятникахъ. Пополняя эти извѣстія нѣкоторыми данными, почерпаемыми изъ офиціальныхъ документовъ (27), мы можемъ сказать про отношенія нашей іерархіи къ Константинопольскому патріарху слѣдующее: 1) митрополитъ Кіевскій и всея Руси, отъ самаго начала Русской митрополіи, былъ въ полномъ подчиненіи у Византійскаго патріарха на ряду съ прочими епархіальными начальниками Византійскаго патріархата; 2) въ Византійской іерархіи онъ занималъ второстепенное мѣсто; 3) изъ лѣтописей мы знаемъ, что до самаго XIV-го столѣтія митрополитами у насъ были почти исключительно Греки.

Что же касается до положенія, въ какомъ находился Русскій митрополитъ въ своей епархіи, то до самаго XIV-го столѣтія и даже далѣе, власть его не подчинялась никакому высшему авторитету.

Дѣйствительно въ XI, XII, XIII и даже XIV-мъ столѣтіяхъ мы видимъ, что весьма многое благопріятствовало свободному развитію у насъ духовной власти. Тогда какъ при постоянныхъ усобицахъ членовъ Рюрикова Дома власть великокняжеская долгое время не могла достигнуть свойственнаго ей значенія и зависѣла отъ личности В. Князя; тогда какъ Русь въ теченіи трехъ столѣтій распадалась на отдѣльныя сферы, власть духовная митрополита Кіевскаго равномѣрно простиралась на всѣ области, служа для нихъ нѣкоторымъ образомъ общимъ средоточіемъ. Весьма много содѣйствовало самостоятельному положенію нашего клира и то обстоятельство, что, какъ мы сказали, до самаго XIV-го столѣтія митрополитами Кіевскими были почти исключительно Греки. Пріѣзжая въ страну, имъ мало извѣстную, они по большей части являлись на сторонѣ В. Князя Кіевскаго, содѣйствуя усиленію его власти. «Подобаетъ бо княземъ, яко отъ Бога избраномъ и призваномъ на правовѣрную вѣру его, Христова словеса разумѣти извѣсто, и основаніе церковное твръдое, да ни ти будутъ основаніе, якоже есть святыя церкве, на свѣтъ и наставленіе порученымъ имъ людемъ отъ Бога. *Единъ бо Богъ царствуетъ небесными, вамъ же, съ его помощію, царьствовати земными, долѣшнимъ симъ въ роды и роды* » (28)... такъ писалъ Владиміру Мономаху митрополитъ Никифоръ, какъ природный Грекъ: вѣрный преданію Византійскому, онъ внушалъ и Русскому Князю высокое понятіе о его верховной власти.

Съ своей стороны Князья наши вполнѣ постигали значеніе духовной власти митрополита всея Руси; кто изъ нихъ стремился утвердить свой перевѣсъ надъ прочими, тотъ старался имѣть на своей сторонѣ митрополита. Такъ В. Князь Андрей Боголюбскій, покидая южную Русь и сознавая невозможность установить тамъ перевѣсъ власти великокняжеской, утвердился въ странѣ, мало причастной родовымъ отношеніямъ южно-русскихъ Князей. Чтобы дѣйствовать съ большимъ успѣхомъ, онъ заботился объ основаніи отдѣльной митрополіи во Владимірѣ на Клязмѣ (29).

Со времени нашествія Монголовъ, когда въ слѣдствіе сдѣланныхъ ими опустошеній Русь приведена была въ крайнее разстройство, спасителемъ явилось тоже высшее духовенство. Къ счастію для Ру-

ся, при терпимости Монголовъ къ религіямъ покоренныхъ ими народовъ, Церковь Русская не только осталась неприкосновенною, но еще ей ханскими ярлыками предоставлена была полная самостоятельность и свобода отъ дани и пошлинъ. Не распространяясь о содѣйствіи нашего духовенства (во время Монголовъ) цѣлямъ государственнымъ, какъ о слишкомъ уже извѣстномъ, обратимся къ обзору главнѣйшихъ обстоятельствъ, имѣвшихъ вліяніе на развитіе нашей іерархіи. Посмотримъ, не произошло ли какой перемѣны въ отношеніяхъ ея: 1) къ Византійскимъ Патріархамъ, 2) къ Великимъ Князьямъ.

Изъ протоколовъ Константинопольскаго патріархата (30) мы видимъ, что патріарховъ и митрополита всея Руси съ XIV-го столѣтія особенно занимаетъ вопросъ о раздѣлѣ Русской митрополіи; приведемъ главнѣйшія данныя, относящіяся сюда:

Въ 1317 году патріархъ Іоаннъ Глика и императоръ Андроникъ въ первый разъ прислали отдѣльнаго митрополита на митрополію, каѳедра которой была въ Галичѣ. Митрополитъ Ѳеогностъ, родомъ Грекъ, какъ видно, сильно былъ встревоженъ этимъ обстоятельствомъ. Императоръ Іоаннъ Палеологъ, давая ему титулъ, не бывшій на Руси ни прежде, ни послѣ (31), успокоилъ его извѣстіемъ, что новая митрополія уничтожена и что ея епископіи по прежнему подчинены Кіевскому митрополиту. Далѣе императоръ писалъ къ князю Владимірскому Димитрію Любарту, извѣщая его, что «Галицкій митрополитъ поставленъ былъ во время смутъ въ Константинополѣ, что при новомъ патріархѣ опять все приведено въ прежній порядокъ, потому что *съ того времени, какъ народъ Русскій принялъ христіанство, положено было, что для всей Руси, Великой и Малой, назначаемъ былъ одинъ митрополитъ Кіевскій* (32)». Далѣе слѣдуетъ соборное опредѣленіе о подчиненіи Малой Руси митрополиту всея Руси. Въ слѣдъ за симъ Галицкій митрополитъ отозванъ въ Константинополь.

Замѣчательно дѣло о возведеніи на митрополичью каѳедру Владимірскаго епископа Алексѣя (1354 г.); здѣсь между прочимъ сказано: «что *хотя не дозволено назначать въ митрополиты кого нибудь не изъ Константинополя;* но на сей разъ для

епископа Алексѣя сдѣлано исключеніе въ уваженіе свидѣтельствъ Великаго Князя и покойнаго митрополита (33) ». Вопросъ о раздѣлѣ митрополіи опять подымается при св. митрополитѣ Алексѣѣ (въ 1361 г.); въ протоколахъ находится объ этомъ дѣло (34); съ св. Алексѣемъ спорилъ митрополитъ Романъ, которому по снисхожденію (ςυγκαταβάςεως λόγω) и ради мира (διά τὴν εἰρήνην) императоръ дозволилъ править, кромѣ Литовскихъ митрополій, въ Полоцкѣ, Туровѣ и Новогродкѣ. Митрополиту же Алексѣю опредѣлено согласно съ прежнимъ обычаемъ (κατά τὴν ἄνωθεν ἐπικρατήςαςαν ςυνηθείαν) быть начальнымъ архіепископомъ Кіевскимъ и всея Руси. Но такъ какъ, не смотря на все это, Романъ, возвратившись въ Кіевъ, дерзнулъ называться всеобщимъ митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси, то были отправлены въ Россію сакелларій Вселенской церкви и дьяконъ киръ Георгій съ порученіемъ, собравъ письменныя свидѣтельства съ собственноручными подписями епископовъ, князей (τῶν ῥηγων) и другихъ достовѣрныхъ мужей, препроводить оныя къ императору и патріарху. Обо всемъ этомъ извѣстили и Романа (35).

Весьма важенъ документъ, писанный въ 1362-мъ (6870) году. Изъ него видно, что патріархи сознавали необходимость поддерживать нераздѣльность митрополіи всея Руси. Въ означенной грамотѣ постановляется, что « земля Литовская на все послѣдующее время ни по какимъ причинамъ не должна отдѣляться отъ области и духовнаго управленія митрополита Кіевскаго (36), потому что одинъ подобный случай (съ Романомъ) произвелъ замѣшательство и много неумѣстнаго »...

По отношенію къ св. митрополиту Алексѣю замѣчательна грамота, писанная въ 1389 г., о низложеніи Пимена и о возстановленіи въ лицѣ Кипріана единства митрополіи Русской. Въ грамотѣ этой замѣчателенъ пунктъ, которымъ вмѣняется въ вину св. митрополиту Алексѣю его стараніе объ утвержденіи свѣтской власти (37). —

На основаніи приведенныхъ документовъ мы дѣлаемъ слѣдующія заключенія: 1) Константинопольскіе патріархи особенно смотрѣли за нераздѣльностію Русской митрополіи; — того требовалъ ихъ собственный интересъ. Но такъ какъ съ XIV-го столѣтія всѣ Русскія

земли сосредоточивались около двухъ пунктовъ, Москвы и Литвы, такъ какъ и В. Князья Московскіе постигали, что для упроченія ихъ власти необходимо содѣйствіе духовной власти митрополита, въ слѣдствіе чего и тѣ и другіе старались удержать въ своихъ владѣніяхъ митрополичью каѳедру, то интересы Константинопольскихъ патріарховъ пришли въ столкновеніе съ интересами В. Князей. Столкновеніе это, какъ показываетъ ходъ самыхъ событій, имѣло результатомъ *раздѣленіе митрополіи*, въ слѣдствіе котораго власть Великокняжеская упрочилась, вліяніе патріарха на Русь (особенно восточную) сперва ослабло, а потомъ вовсе уничтожилось. Все это дѣйствительно воспослѣдовало съ XV-го столѣтія.

2) Стараясь не допускать раздѣленія Русской митрополіи, патріархи уже по одному этому должны были остерегаться, чтобы митрополитомъ всея Руси не былъ Русскій и притомъ избранный Русскимъ Княземъ. Вотъ почему, когда рѣшено было, что Ѳеогносту преемникомъ будетъ св. Алексѣй, патріархъ поставилъ на видъ свое право назначать на Русь митрополитовъ въ Константинополѣ (38). Опасенія патріарха на счетъ св. Алексѣя были не безъ основанія: великій іерархъ дѣйствительно во все время управленія митрополіею употреблялъ все свое вліяніе на то, чтобы упрочить власть В. Князя Московскаго, въ чемъ и успѣлъ, заслуживъ признательность потомства.

Но не столько В. Князья Литовско-русскіе были виновниками ослабленія въ Русской Церкви вліянія Константинопольскаго патріарха, сколько В. Князья Московскіе. Послѣдніе не только старались о томъ, чтобы каѳедра митрополита всея Руси была въ Москвѣ, но чтобы и митрополитами были Русскіе и избранные Русскимъ клиромъ. Такъ дѣйствовалъ В. Князь Димитрій Ивановичь Донской; примѣру его слѣдовалъ и внукъ его В. Князь Василій Васильевичь. Сознавая всю важность своего стремленія, онъ хотѣлъ, чтобы право свободнаго избранія митрополита утверждено было за Русскою Церковью съ согласія самого Цареградскаго патріарха. Въ письмѣ своемъ къ патріарху В. Князь высказывалъ, между прочимъ, причину, побуждавшую его желать, чтобы митрополитомъ былъ Русскій: « *Еще же и за сію нужу*, писалъ онъ, *яко духовная*

вся каждому православному христіанину, и наша скровеннаа, а Господьскаа потребнаа словеса и дѣла нужно намъ дѣлати съ митрополитомъ, толкованно младыми человѣки, отъ нихъ же лѣпо есть что таити и тіи преже инѣхъ увѣдаютъ (39).

Можно сказать съ увѣренностію, что патріархи отказали бы нашимъ Князьямъ въ свободномъ избраніи митрополита Русскимъ клиромъ, еслибы это случилось столѣтіями двумя ранѣе; но въ XV вѣкѣ самое ихъ положеніе не позволяло отстаивать имъ своихъ верховныхъ правъ на Русскую іерархію. Константинополь былъ завоеванъ Турками и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнились и отношенія митрополита всея Руси къ патріарху. Перемѣна эта состояла въ слѣдующемъ: 1) въ Великой Руси окончательно утвердилось правило, что митрополитомъ долженъ быть избранный Русскимъ клиромъ; 2) избраніе его стало совершаться на соборѣ Русскаго духовенства; 3) избраннаго утверждалъ В. Князь. Византійскіе патріархи утверждали всѣ эти нововведенія (40). Но, предоставляя такія отличія Русской іерархіи, они не возвысили главы ея въ духовномъ отношеніи. Обстоятельство это очень важно: изъ него мы видимъ, что патріархи не имѣли въ виду предоставить полную самостоятельность митрополиту всея Руси; по праву онъ все еще былъ подвластенъ Византійскому патріарху. Слѣдовательно для пріобрѣтенія нашей іерархіи полной самостоятельности необходимо было, чтобы глава ея сдѣлался автокефаліемъ (самостоятельнымъ касательно духовнаго управленія епархіею) или достигъ сана патріаршескаго; мы увидимъ, что обстоятельства подготовили и эту важную перемѣну (41).

Половина XV-го вѣка ознаменована была перемѣною и въ отношеніяхъ митрополита всея Руси къ В. Князю, что совершилось при В. Князѣ Иванѣ III Васильевичѣ, утвердившемъ на прочномъ основаніи государственный порядокъ Великаго Княжества Московскаго. Византійская Имперія пала: послѣдніе Палеологи или искали покровительства Папъ и западныхъ государей, или, забывая свое прежнее величіе, унижали себя угодливостію Турецкимъ Султанамъ. Папа, зная уже силы Государства Московскаго, задумалъ обратить

нихъ въ пользу Запада. Съ этою цѣлію, какъ извѣстно, онъ устроилъ бракосочетаніе В. Князя Ивана III Васильевича съ Царевною Софьею Палеологъ, племянницею послѣдняго Императора Константина XII. Можно было предвидѣть, что обстоятельство это не послужитъ въ пользу Запада. Судя по характеру и основнымъ началамъ политики Ивана III Васильевича оно какъ нельзя лучше согласовалось съ его видами. Къ тому же и Царевна Софія, воспитанная въ правилахъ Византійскаго Двора, легко могла овладѣть душою такого Князя, какъ Иванъ III Васильевичь. Нѣтъ сомнѣнія, что она была виновницею многихъ перемѣнъ и нововведеній при Московскомъ Дворѣ (42). Несомнѣнно и то, что В. Князь Иванъ III, почитая себя преемникомъ Палеологовъ, явился въ такомъ видѣ, въ какомъ не являлся ни одинъ изъ его предшественниковъ, т. е. государемъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Естественно, что онъ, по своему новому положенію, долженъ былъ установить для себя новыя отношенія къ митрополиту. Отношенія эти были тѣже, въ какихъ находились въ Византіи Императоръ и патріархъ (43). Оставалось достигнуть, чтобы В. Князь явился въ полномъ смыслѣ *Царемъ*, митрополитъ — патріархомъ; и то и другое совершилось не вдругъ. Нужно было, чтобы прежде окрѣпъ новый порядокъ въ Москвѣ, чтобы верховныя права Государя Московскаго утвердились теоретически, чтобы власть монархическая существовала и по идеѣ. Это совершилъ внукъ В. К. Ивана III, Иванъ IV Васильевичь, который, вѣнчаясь на царство, хотѣлъ, чтобы это вѣнчаніе происходило именно такимъ чиномъ, *яковымъ цесари Римскіе, сущіе христіанскіе отъ папы и патріарха вѣнчаеми* (44). Онъ хотѣлъ быть самодержцемъ въ томъ смыслѣ этого слова, какой давали ему въ Римѣ и Византіи.

Но если мы обратимся къ взаимному положенію власти царской и митрополичьей, то увидимъ поразительную несообразность. Митрополитъ всея Руси по праву все еще былъ зависимъ отъ Константинопольскаго патріарха. Константинопольскому патріарху все еще принадлежалъ верховный судъ надъ нимъ (45). Митрополитъ всея Руси, глава и представитель клира обширнѣйшей Церкви, вѣнчающій Государей Московскихъ вѣнцемъ царскимъ, что считалось издавна ис-

ключительнымъ правомъ папы Римскаго и Византійскаго патріарха, (46), находился въ зависимости у патріарха, который былъ только *по имени патріархъ*. Посему необходимо было, чтобы митрополитъ всея Руси вполнѣ соотвѣтствовалъ величію и достоинству государства, чтобы онъ по праву пользовался всѣми тѣми отличіями, какія имѣлъ на дѣлѣ; нужно было, чтобы онъ въ случаѣ виновности судимъ былъ патріархами, какъ ровный, а не какъ младшій, — словомъ нужно было, чтобы онъ сдѣлался совершенно самостоятельнымъ въ духовномъ отношеніи. Неизвѣстно, какъ бы порѣшилъ этотъ вопросъ Царь Иванъ IV Васильевичь; но навѣрное можно полагать, что онъ устранилъ бы вліяніе Цареградскаго патріарха въ дѣлахъ Русской Церкви. Объ этомъ мы заключаемъ изъ того, что онъ, зная о подсудимости нашихъ митрополитовъ Цареградскимъ патріархамъ, въ дѣлѣ св. митрополита Филиппа не думалъ обращаться къ ихъ верховному суду. Съ другой стороны, судя по послѣдовательности, какая выражалась во всѣхъ дѣйствіяхъ Царя, мы можемъ предположить, что онъ устроилъ бы самостоятельность нашей Церкви сообразно съ ея величіемъ и достоинствомъ. Этого не случилось;—дѣятельность Царя постоянно отвлекаема была другими дѣлами, и вопросъ о самостоятельности нашей Церкви остался нерѣшеннымъ: — его покончилъ Царь Θеодоръ Ивановичь....

Этимъ мы заключаемъ нашъ краткій очеркъ историческаго развитія Русской іерархіи и переходимъ къ разбору самыхъ обстоятельствъ, которыми сопровождалось учрежденіе у насъ патріаршества.

III.

Учрежденіе патріаршества.

Мы видѣли выше, что главнымъ виновникомъ въ дѣлѣ учрежденія Патріаршества былъ Царь Θеодоръ Ивановичь; онъ собралъ думу, которой поставилъ на видъ причину, побуждавшую его произвести такую важную перемѣну въ Іерархіи. Но есть поводъ думать, что въ этой мысли его особенно поддерживало духовенство (47), представителемъ котораго въ 1586 г. былъ митрополитъ Діонисій, прозванный *мудрымъ грамматикомъ*. Современники изображаютъ его человѣкомъ съ твердымъ характеромъ, съ высокимъ представленіемъ о

своемъ достоинствѣ и полнымъ сознаніемъ своихъ верховныхъ правъ (48). Такой человѣкъ всего способнѣе былъ возъимѣть мысль сдѣлаться патріархомъ, тѣмъ болѣе, что со стороны Царя препятствій быть не могло: онъ находился подъ вліяніемъ «сладкорѣчиваго Митрополита». — Но займемся разборомъ обстоятельствъ, которыми сопровождалось разсматриваемое нами событіе. —

Лѣтомъ 1587 г. прибылъ въ Москву грекъ Николай; онъ словесно извѣстилъ Царя, что В. Патріархи согласны исполнить его желаніе и для рукоположенія уполномочили Іерусалимскаго патріарха (49). Слѣд. Царь Θеодоръ Ивановичъ былъ увѣдомленъ объ успѣхѣ своего предпріятія и ожидалъ Іерусалимскаго патріарха. Вдругъ Смоленскій воевода извѣстилъ его, что въ Смоленскъ прибылъ Цареградскій патріархъ Іеремія (24 іюня 1588 г.). Такая неожиданность съ одной стороны привела въ смущеніе Царя и правителя, съ другой — поселила въ нихъ подозрѣніе. Смоленскому воеводѣ сдѣланъ былъ выговоръ за оплошность и что онъ не развѣдалъ о причинѣ пріѣзда Іеремiи (50); между прочимъ наказано было обращаться съ патріархомъ какъ можно почтительнѣе. Іеремія, зная, что Царь ожидаетъ прибытія Іерусалимскаго патріарха, спѣшилъ объясниться и просилъ рѣшительнаго отвѣта: быть или не быть ему въ Москвѣ (51). Намъ уже извѣстна причина, заставившая Константинопольскаго патріарха ѣхать въ Москву.

Получивъ царское согласіе, онъ немедленно отправился въ дальнѣйшій путь. На дорогѣ и подъ Москвою ему были приготовлены почетныя встрѣчи. Въ Москвѣ ему отвели Рязанское подворье. Недѣлю Іеремія прожилъ въ Москвѣ (съ 13 по 21 іюля) — и все къ нему никто не являлся отъ Царя съ приглашеніемъ. Наконецъ ему назначена аудіенція. Царь принялъ его торжественно. Свиданіе было непродолжительно; послѣ того какъ Царь и патріархъ размѣнялись взаимными привѣтствіями и дарами — первый удалился во внутреннія палаты. Патріархъ же, по собственному его желанію, отведенъ былъ въ особую палату для разговора съ Борисомъ Годуновымъ. Они бесѣдовали въ присутствіи только дьяковъ, всѣ лишніе свидѣтели были высланы въ проходную палату. Борисъ прежде всего спросилъ патріарха о причинѣ его пріѣзда и о томъ, кто въ Ца-

реградѣ патріархъ въ его отсутствіи; также о странствіи его чрезъ Литовскую землю и разговорахъ съ *панами-Рады* и канцлеромъ. — Іеремія сталъ разсказывать уже извѣстную намъ повѣсть о его несчастіяхъ. Онъ удовлетворилъ также желанію правителя кое-какими извѣстіями о дѣлахъ Литовскихъ. Бесѣда ихъ заключилась *тайными рѣчами*, которыя патріархъ сообщилъ Борису и которыя послѣдній обѣщался донести « въ слухъ Царю » (52).

Вскорѣ послѣ этого разговора Царь совѣщался съ Царицею и правителемъ; потомъ созвана была дума боярская, въ которой Царь говорилъ слѣдующее: « прежде всего приходилъ къ намъ изъ « Антіохіи святѣйшій Іоакимъ патріархъ и мы тогда съ вами, бо- « яре, совѣтовали, какъ бы намъ Господь Богъ свое милосердіе даро- « валъ и устроилъ въ государствѣ Московскомъ патріарха; и святѣй- « шій Іоакимъ рекся о томъ посовѣтовать со всѣми патріархи. « Нынѣ же по неизрѣченной милости Божіей пришелъ къ намъ самъ « пресвятѣйшій патріархъ Іеремія Цареградскій и Вселенскій, чего досе- « лѣ при нашихъ родителяхъ не бывало, чтобы отъ такого великаго и « начальнаго въ вѣрѣ христіанской мѣста изъ православнаго Царе- « града пришелъ патріархъ. И мы, прося у Бога милости, разсудили, « чтобы Патріарху Цареградскому быть нашего государства въ на- « чальномъ городѣ Владимірѣ. »

Между тѣмъ во время царскихъ совѣщаній протекли многіе дни и недѣли; Іеремія началъ уже просить объ отпускѣ въ Царьградъ. Наконецъ къ нему присланъ Борисъ Годуновъ съ объявленіемъ царской мысли — « остаться ему въ Россійскомъ Царствіи и патріар- « шествовать на престолѣ Владимірскомъ и всея Руси, дабы такимъ « обычаемъ именоваться ему Вселенскимъ. » — Іеремія отвѣтствовалъ: « *будетъ на то воля Великаго Государя; и язъ того не* « *отмещусь; только мнѣ во Владимірѣ быти невозможно, занеже* « *Патріархъ бываетъ всегда при Государѣ; а то что за патрі-* « *аршество, что жить не при Государѣ* » (53). Отвѣтъ патріарха огорчилъ Царя; онъ нѣсколько разъ посылалъ къ Іереміи Годунова и дьяка Щелкалова уговаривать его, но все было тщетно (54).

Тогда Θеодоръ Ивановичь созвалъ думу, въ которой говорилъ: « по- « мыслили мы Вселенскому патріарху Іеремію быть у насъ на пре-

« столѣ Владимірскомъ и всея Великія Россіи; а въ царствующемъ « градѣ Москвѣ быть, по прежнему, отцу нашему и богомольцу Іо- « ву митрополиту, и Святѣйшій Іеремія сего не хочетъ, если мы « не произволимъ ему быть на Москвѣ у Пречистыя Богородицы; « мы же разсудили, какъ намъ такого сопрестольника Великихъ Чу- « дотворцевъ Петра, Алексія и Іоны, мужа житія достохвальнаго, « святаго и преподобнаго отъ Пречистыя Богородицы и Великихъ « Чудотворцевъ изгнать и учинить Греческаго патріарха, *а онъ « здѣшняго обычая и закона не знаетъ и намъ съ нимъ ни « о какихъ духовныхъ дѣлахъ безъ толмича бесѣдовать нель- « зя.* » — Послѣ чего Годуновъ и Щелкаловъ еще разъ посланы были къ Іереміи съ объявленіемъ царской воли, что если самъ не изволитъ остаться въ Россіи и патріаршествовать во Владимірѣ, то поставилъ бы, по крайней мѣрѣ, Патріархомъ кого нибудь изъ Русскаго клира; патріархъ далъ свое согласіе по долгомъ совѣщаніи съ присланными.

Все это мы знаемъ изъ нашихъ отечественныхъ извѣстій; посмотримъ какъ говоритъ объ этомъ Арсеній, архіепископъ Елассонскій, спутникъ Іереміи, описавшій его пребываніе въ Москвѣ и учрежденіе Русскаго патріаршества (55). Описавъ пріѣздъ патріарха, Арсеній въ своемъ повѣствованіи переходитъ къ слѣдующему: « прошло много недѣль (послѣ свиданія съ Царемъ), и Іеремія все еще « не получалъ рѣшительнаго отвѣта. Онъ сталъ говорить, что его « присутствіе необходимо въ Константинополѣ и просилъ разрѣшенія « отправиться въ обратный путь. Тогда присланъ былъ къ нему « Борисъ Годуновъ (56), который съ какимъ то страхомъ (non « sine timore) объявилъ патріарху волю царскую, чтобы онъ со- « всѣмъ остался въ Москвѣ и чтобы именовался Патріархомъ Вла- « димірскимъ, Московскимъ и всея Руси, получая богатое содержаніе. « Патріархъ благодарилъ, отказываясь отъ такой чести; но чтобы « нѣкоторымъ образомъ исполнить волю Царя, предложилъ поста- « вить въ патріархи кого нибудь изъ среды Русскаго духовенства. « Послѣ чего царь созвалъ на соборъ всѣхъ епископовъ и архиман- « дритовъ и передалъ имъ отвѣтъ Іереміи. Члены собора единогласно « но рѣшили, чтобы ихъ главою былъ патріархъ Іеремія. Царь те-

« перь вторично послалъ къ патріарху отъ себя и отъ лица всего « духовенства боярина Андрея Щелкалова (57) и брата его дьяка « Василія Щелкалова, чтобы побудить его къ выполненію всеобщаго « теперь желанія. Посланные, передавая патріарху рѣшеніе собора, « упомянули, что ему назначаются богатые дары, обширная область, « *большіе*, *малые* и значительные города, ежедневно мѣра хлѣба и « 1000 аспровъ Новгородскихъ (58); свитѣ его также обѣщаны « помѣстья и богатое содержаніе. Іеремія съ смиреніемъ вторично « отказался и повторилъ свое первое предложеніе. Такъ какъ Госу- « дарь и духовные теперь приняли это предложеніе, то и приступи- « ли къ выполненію его. » —

Извѣстіе это несогласно съ отечественнымъ въ главной мысли и въ частностяхъ. Арсеній говоритъ что: 1) Іеремія не могъ принять сдѣланнаго ему предложенія, 2) будто бы наше духовенство также раздѣляло мысль, чтобы Іеремія былъ его главою. Послѣдняго нельзя допустить по слѣдующимъ причинамъ: 1) духовенство наше, поддерживая общеніе съ Восточными патріархами по дѣламъ вѣры, въ тоже время постоянно питало какую то недовѣрчивость собственно къ личности Греческихъ духовныхъ; примѣровъ тому много въ исторіи нашей Іерархіи; 2) если бы Іеремія сдѣлался Русскимъ патріархомъ, то къ прежнимъ затрудненіямъ прибавилось бы еще новое, а именно: въ Византіи непремѣнно на мѣсто Іереміи избрали бы новаго патріарха, — спрашивается: въ какихъ же отношеніяхъ былъ бы къ нему Іеремія? — Обстоятельство это такъ важно, что не могло быть упущено изъ виду, а потому мы съ увѣренностію можемъ сказать, что наше духовенство не могло просить Іеремію, чтобы онъ патріаршествовалъ въ Россіи.

Но если духовенство было противъ того, чтобы Іеремія остался въ Россіи, то тѣмъ болѣе этого не могъ допустить Годуновъ, вполнѣ постигавшій всю важность замышляемой перемѣны въ Русской іерархіи. — Чтобы понять надлежащимъ образомъ участіе Годунова въ этомъ дѣлѣ, намъ необходимо объяснить одно обстоятельство, о которомъ умалчиваетъ Арсеній, — намъ нужно возвратиться къ первой бесѣдѣ Годунова съ патріархомъ. — Мы видѣли, что первая бесѣда ихъ окончилась *тайными рѣчами*, которыя Іеремія просилъ сооб-

щить Царю. Послѣ этой бесѣды, по предварительномъ совѣщаніи съ Царицею и Годуновымъ, Ѳеодоръ созвалъ думу, которой прежде всего изъявилъ свою радость по причинѣ пріѣзда въ Москву Цареградскаго патріарха; далѣе сообщилъ, что назначаетъ Іереміи Владиміръ съ титуломъ патріарха Владимірскаго и всея Руси. — Спрашиваемъ: почему Царь не хотѣлъ, чтобы Іеремія былъ въ Москвѣ? Мы думаемъ, что все это было дѣломъ Годунова. Умный и дальновидный правитель съ перваго взгляду понялъ, чего добивался Византійскій Патріархъ. Бесѣдуя съ нимъ съ глазу на глазъ, Годуновъ узналъ объ истинной причинѣ его пріѣзда, узналъ, что онъ готовъ навсегда остаться въ Россіи, претерпѣвши въ Константинополѣ столько несчастій (59). Но Борисъ зналъ также очень хорошо, какъ подѣйствуетъ на набожнаго Царя это неожиданное изъявленіе желанія патріарха; посему долженъ былъ употребить все свое вліяніе, чтобы объяснить Царю все неудобство, если Іеремія будетъ Русскимъ патріархомъ; далѣе — нужно было представить, что этимъ можно оскорбить достойнаго уваженія митрополита Іова. Что Годуновъ именно такъ дѣйствовалъ, это оправдывается послѣдующими обстоятельствами. Царь, какъ мы уже видѣли, не желая обидѣть и патріарха и Іова, первому предложилъ патріаршествовать во Владимірѣ, второму жить по прежнему въ Москвѣ. Но Іеремія, оставшись во Владимірѣ, все еще могъ быть опасенъ для Годунова по своему высокому сану и уваженію, какое питали къ нему Царь и народъ. Легко могло быть, что въ дѣлахъ затруднительныхъ и особой важности обратились бы прежде всего къ рѣшенію патріарха, а онъ могъ дѣйствовать и не согласно съ видами правителя. Вотъ почему, какъ говоритъ Арсеній, Борисъ *не безъ страху* объявилъ Іереміи о царскомъ желаніи, чтобы онъ патріаршествовалъ въ Россіи; онъ опасался, чтобы патріархъ не принялъ этого предложенія, хотя, тотъ, будучи вѣренъ Византійскому преданію, не могъ принять его въ томъ видѣ, въ какомъ оно было сдѣлано, объ этомъ мы заключаемъ по отвѣту, данному Годунову Іереміею.

Правда, что всѣ эти наши объясненія основаны болѣе на гипотезахъ, но гдѣ нѣтъ прямыхъ доказательствъ, тамъ и гипотеза имѣетъ свою силу, особенно если она удовлетворительно разъясняетъ дѣло.

Итакъ всѣ обстоятельства, которыми сопровождалось учрежденіе въ Россіи патріаршества будутъ совершенно понятны, если мы допустимъ: 1) что Іеремія самъ изъявилъ желаніе остаться въ Россіи; 2) что желанію его воспротивились духовные и Борисъ Годуновъ.— Послѣдующее изложеніе уже не представляетъ затрудненій.

Когда рѣшено было, что Іеремія не останется въ Россіи, приступили къ учрежденію патріаршества. Царь просилъ патріарха назначить кого нибудь изъ Русскихъ духовныхъ: Іеремія охотно согласился. Тогда Царь послалъ къ нему Годунова и Щелкалова, чтобы узнать, какъ совершается поставленіе патріарха въ Византіи. Когда Іеремія сообщилъ Византійскій церемоніалъ, то немедленно приступили къ дѣлу.—Слишкомъ извѣстно, какъ совершенъ былъ выборъ трехъ кандидатовъ: Іова митрополита, Александра, архіепископа Новгородскаго и Варлама Казанскаго, какъ они представлены были Царю, и какъ окончательный выборъ палъ на Іова, котораго 23 янв. 1589 г. посвятили въ патріархи Московскіе (60).

Мы считаемъ болѣе существеннымъ: 1) показать какія установились отношенія между новымъ патріархомъ и подвластнымъ ему клиромъ; 2) какія отношенія установились между нашимъ патріархомъ и Византійскимъ.

1) Что касается правъ новаго патріарха въ подвластномъ ему діоцезѣ: то онѣ были тѣже, какъ и митрополита всея Руси, а именно: a) патріарху, какъ и митрополиту всея Руси окончательно принадлежалъ судъ церковный, но съ прежнимъ ограниченіемъ: дѣла важныя для всей Церкви рѣшались соборомъ; b) патріаршеская область была очень обширна, но таже, какъ и митрополита всея Руси; c) дворъ и управленіе патріарха въ сущности остались тѣже, какъ и при митрополитѣ.

Перемѣна въ степеняхъ іерархіи, произшедшая по учрежденіи патріаршества состояла въ томъ, что установлено было 4 митрополіи, 6 архіепископій и 8 епископій; въ послѣдствіи число митрополій было увеличено (61).

2) Отношенія Русскаго патріарха къ Византійскому приняли слѣд. видъ: Патріархъ Іеремія при учрежденіи въ Россіи патріаршества, дѣйствовалъ, не унижая Константинопольской патріархіи: первенство ея

было утверждено въ ряду прочихъ патріархій (62). Русскому патріарху назначено мѣсто по Іерусалимскомъ, хотя Царь Ѳеодоръ Ивановичь желалъ, чтобы нашей патріархіи дано было 3-е мѣсто и старшинство надъ Антіохійскою и Іерусалимскою (63). Въ Москвѣ Іеремія далъ Іову уложенную грамоту, скрѣпленную подписью Русскихъ и Греческихъ духовныхъ, участвовавшихъ въ соборѣ (64). Здѣсь нельзя не упомянуть объ одномъ очень замѣчательномъ обстоятельствѣ: двое изъ Греческихъ духовныхъ: Арсеній, Елассонскій архіеп., и Іероѳей, митроп. Монемвасійскій, протестовали противъ учрежденія патріаршества въ Россіи; они утверждали: 1) что чрезъ это Византійскій діоцезъ лишается значительнѣйшей своей части, 2) что можетъ произойти расколъ въ Церкви (65). Впрочемъ вѣроятно они или уступили большинству, или склонены были обѣщаніемъ какихъ нибудь выгодъ (66), потому что согласились наконецъ подписать уложенную грамоту. — Хотя протестъ этихъ двухъ лицъ и не имѣлъ силы, все же онъ важенъ, какъ отголосокъ Византійской старины.

Возвратившись въ Константинополь, Іеремія созвалъ соборъ, на которомъ единогласно утвердили Русскую патріархію. Восточные патріархи признали Русскаго равнымъ себѣ. Любопытно, что къ учрежденію въ Россіи патріаршества примѣнили XXVIII правило Халкидонскаго собора, которымъ утверждены права и преимущества *Ново-Римскаго* патріарха и равенство его съ *древне-Римскимъ*. Москву Греки считали третьимъ Римомъ; посему и главѣ Московскаго духовенства предоставлены права патріарха на томъ же основаніи, на какомъ возвышенъ былъ глава Византійской іерархіи и сравненъ съ древне-Римскимъ архіепископомъ.

И такъ патріаршество въ Россіи учреждено было по приговору всей Греческой Церкви и съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей. Глава Русскаго клира явился вполнѣ самостоятельнымъ, хотя Лекіенъ и говоритъ, что Константинопольскій патріархъ отказался отъ правъ своихъ на Русскую Церковь подъ слѣд: условіями: 1) что Русскій патріархъ въ извѣстные сроки (statis temporibus) будетъ высылать ему 500 червонцевъ; 2) что утвержденіе Московскаго патріарха все еще должно зависѣть отъ Цареградскаго (67).

Личныя отношенія патріарха Іереміи, по учрежденіи въ Москвѣ патріархіи, къ царю Θеодору Ивановичу и Борису Годунову были самыя пріязненныя, сколько мы можемъ судить объ нихъ по дошедшей до насъ ихъ перепискѣ. Изъ писемъ ихъ замѣчательны слѣд: 1) письмо Царя Θеодора Ивановича къ Іереміи, въ которомъ онъ пишетъ, что послалъ въ Константинополь 1000 золотыхъ на сооруженіе храма Богоматери. 2) Письмо Бориса къ Іереміи, въ которомъ онъ, между прочимъ, увѣдомляетъ патріарха, что Царь исполнилъ его просьбу— писалъ къ султану Мураду, прося его не тѣснить христіанъ; далѣе Борисъ поручалъ Іереміи развѣдать въ Литвѣ: a) о Максимиліанѣ, братѣ императора Рудольфа; b) утвердился ли на Польскомъ престолѣ и В. кн. Литовскомъ Шведскій королевичъ — « *и на коковъ мѣръ* « *утвердился и что его впредь умышленіе къ государемъ на-шимъ* ». Замѣчательно заключеніе: « *послалъ бы еще письмо,* « *написавъ о вѣстехъ, тайно, закрыто своего святительскаго имени и моего ни въ чемъ не объявилъ* ». — Іеремія отвѣчалъ Годунову: « и видѣлъ все и выразумѣлъ подлинно, и о томъ, Богъ « дастъ, искусно отпишу какъ всякое дѣло было про Максимиліана и « про брата его Рудольфа и о Свейскаго короля сынѣ, и Ли- « товскомъ королѣ и о всемъ, что у нихъ не было ».

Слѣдуютъ письма Терновскаго митрополита и также письма Іереміи, съ нимъ присланныя: 1) письмо Терновскаго митрополита, въ которомъ онъ увѣдомляетъ о соборномъ рѣшеніи касательно учрежденія пятаго патріархата. 2) Письмо Іереміи о томъ же; 3) посланіе Годунову всего собора о томъ же. 4) Письмо Іереміи къ Борису, въ которомъ онъ проситъ на *сооруженіе патріархата Константинопольскаго 6000 червонцевъ*. Понявъ хорошо добродушнаго царя Θеодора, Іеремія, чтобы успѣшнѣе подѣйствовать на него, далъ ему титулъ « *новаго ктитора патріаршества Константинопольскаго* »; Бориса Іеремія просилъ походатайствовать у Царя и Царицы. Царь Θедоръ съ восторгомъ принялъ предложенный ему титулъ и отправилъ въ Константинополь съ Діонисіемъ, Терновскимъ митрополитомъ, разныхъ вещей на огромную сумму, 40 × 40 соболей, 30 × 40 горностайныхъ десятерицкихъ куницъ и 15 пудъ рыбьяго зуба. Кромѣ того въ 1593 г. отправлено было на Востокъ съ

Трифономъ Коробейниковымъ и Михайломъ Огарковымъ заздравной милостыни 5534 золотыхъ Венгерскихъ и 3 золот. Португальскихъ (3 зол. Порт. = 30 Венгер.), 40 × 8 соболей, 40 куницъ и разныхъ вещей. Кромѣ того Коробейникову велѣно взять въ Константинополѣ у Ивана Кошурина, за царскіе соболи, порученные ему въ Москвѣ, 660 золотыхъ Венгерскихъ (68).

Уже изъ одного этого показанія видно, какъ Восточные патріархи должны были дорожить расположеніемъ Царя Московскаго.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) Дополнен. къ Акт. Истор. II. N 76 стр. 190—192.

(2) *Οὐχ οἴσθε, ὅτι τὰς καθ' ἡμᾶς Ἐκκλησίας ὑπὸ ζυγὸν δουλείας τυγχανούσας, ναυσὶ βυθιζομέναις τῶν ἀλλεπαλλήλων πειρασμῶν τῶν ἐθνῶν ἀπεικάζομεν; μόνην δὲ τὴν τῶν εὐσεβῶν Ῥώσσων ὑμῶν Ἐκκλησίαν, ὡς ἄλλην τοῦ Νῶε κυβωτὸν ἐβλέπομεν παντὸς κατακλυσμοῦ ἐθνικοῦ σωτηρίας τυγχάνουσαν, καί τα σπέρματα τῆς εὐσεβείας ἐν αὐτῇ ἀκραιφνῆ διασώζουσαν.* (Собр. Госуд. Грам. IV, стр. 137).

(3) Corpus Script. Hist. Byzant: Georgii Phranzis historiarum libri III, § XI, pag. 304 et sequent.

(4) *Ἔδωκε δὲ καὶ προστάγματα, ἐγγραφῶς τῷ πατριάρχῃ μετ' ἐξουσίας βασιλικῆς ὑπογεγραμμένης κάτωθεν, ἵνα μηδείς αὐτὸν ἐνοχλήσῃ, ἢ ἀντιτείνῃ, ἀλλ' εἶναι αὐτὸν ἀναίτητον, καὶ ἀφορολόγητον, καὶ ἀδιάσειστον τε ἀπὸ παντὸς ἐναντίου, καὶ τέλους, καὶ δόσεως ἐλεύθερος ἔσηται αὐτὸς καὶ οἱ μετ' αὐτὸν πατριάρχαι εἰς τὸν αἰῶνα, ὁμοίως καὶ πάντες οἱ ὑποτεταγμένοι αὐτῷ ἀρχιερεῖς.* (Phranzis lib. III § XI, pag. 308). Въ хроникѣ Филиппа Кипрянина, жившаго въ І-й половинѣ XVII столѣтія, всѣ эти обстоятельства изложены съ большею подробностію; но я предпочелъ разсказъ Францы, какъ современника.

(5) Philippi Cyprii Magnae ecclesiae Const. protonotarii chronicon Ecclesiae Graecae edidit H. Hilarius. Lipsiae, 1687 anno. Смотри pag. 346 et sequ.

(6) Тамъ же, pag. 354.

(7) Тамъ же, pag. 356.

(8) Лекіенъ смѣшиваетъ *πεσκήσιον* и *χοράζιον* — ut ergo Simeon locum illius (Marci) occuparet, sultano 1000 aureos obtulerunt, unde ortum est tributum illud, quod *πεσκήσιον* et *χοραζιον* vocant» (Oriens Christ. I pag. 145 et sequent). Какія отъ того были послѣдствія Лекіенъ продолжаетъ: «Quot inde mala in Const. Ecclesiâ nata sint, nullus enarrare sermo sufficiat. «Inde fit imprimis, ut quum patriarchae suppremam hanc sedem maximo «pretio nec sine simoniae scelere emerint, ordines sacros, quoscunque aliaque «ecclesiastica munera non nisi aureorum exactione conferant; — далѣе — ut in

« patriarches provehantur homines eo honore indignissimi, nullius scientiae,
« nullius virtutis aut religionis, nullius prorsus meriti. — Sed etiam propter
« illos patriarcharum nundinationes, Byzantina ecclesia in maximo semper aere
« alieno est, quodsi forte cui frugi patriarchae persolvere contigerit, brevi
« subinde eo defuncto, vel amoto debita denuo crescant. Quamobrem vulgo fit.
« ut patriarcha, qui sede sua pellitur, custodiae tradatur ».

(9) Chronicon pag. 364 et seq.

(10) Тамъ же, pag. 363.

(11) Тамъ же, pag. 376 et seq.

(12) Тамъ же, pag. 378.

(13) Тамъ же, pag. 379.

(14) Тамъ же.

(15) Въ 1-мъ т. Актовъ Истор. N 121 находится посланіе Θеолента къ Москов. Митроп. Варлааму, гдѣ, между прочимъ, сказано: « Соборная Цер-« ковь сущая мати всѣхъ православныхъ христіанъ нужи и обиды великія « имать, яко же вѣсте, въ нихъ же ни откуду помощи не имать, токмо и « первое отъ Бога, и потомъ отъ ближнихъ дѣтей своихъ ». Въ адресѣ значится. « *Всесвященнѣйшему Митрополиту Московскому и всея Руси, намъ « же Государю и владыкѣ набожнѣйшему!...* »

(16) Chronicon, pag. 390.

(17) Тамъ же, pag. 398.

(18) Тамъ же, pag. 410.

(19) О склонности Митрофана къ Уніи свидѣтельствуетъ посолъ Импер. Фердинанда I: «Fuit mihi, говоритъ онъ, dum in illis insulis vixi, notitia « cum Mitrophane metropolita, qui coenobio in chalce unâ istarum insularum « praeest, viro humano, nec non indocto, *concordiae inter Latinam et Graecam « ecclesias percupido* ». Busbequii Ausgerii Gislanii Epist. IV.

(20) Oriens Christ. I pag. 143 et seq. Chron. pag. 418.

(21) Chron. pag. 419.

(22) Еще Меланхтонъ писалъ къ патріарху Іоасафу, убѣждая его « не вѣрить клеветамъ, взнесеннымъ на послѣдователей Лютерова ученія » (*δεόμεθα οὖν, μὴ πιστεύειν ἡμᾶς, σοφοὺς ἄνδρας διαβολαῖς, ας πλάττουσι καθ' ἡμῶν ἐχθροί τινες ἀληθείας*, (смотр. appendix къ хроникѣ Ф. К.; тамъ помѣщено письмо Меланхтона въ подлинникѣ на греческомъ языкѣ и латинск. переводѣ). Мы отсылаемъ желающихъ знать эту переписку къ хроник. Ф. К. стр. 421 — 427 — далѣе appendix.

(23) Turco-Graecia Crusii fol. 211.

(24) Султанъ злобился также на Іеремію по навѣтамъ одного Грека, который былъ подъ началомъ, а потомъ бѣжалъ и сдѣлался ренегатомъ. Іеремія самъ разсказывалъ объ этомъ въ Москвѣ. — Карамз. X. примѣчаніе 199. Сличи также chron. 428, 429.

(25) Іеремія въ 1-й разъ былъ поставленъ въ 1572 г., въ 1581 г. сверженъ, въ 1582 опять возведенъ, въ 1584 г. снова сверженъ и заточенъ на Родосѣ, снова возведенъ въ 1587, умеръ въ 1594 году.

(26) Chronicon pag. 428, 420.

(27) Изъ каталога Импер. Льва VI философа мы знаемъ, что митрополія Русская занимала 60-е мѣсто въ ряду епархій, подвластныхъ Царсградскому Патріарху. См. Leunclavii jus graecoromanum. Изъ каталога Импер. Андроника старшаго намъ извѣстно, что она низведена была до 70-го мѣста. Смотр. Codini, de officiis Венеціанск. изданіе. И въ томъ и другомъ каталогѣ Русь названа епархіею ἐπάρχια ʽΡώσια.

(28) Памятники Русской словесности XII вѣка, стр. 163.

(29) Никон. лѣтоп. II, стр. 179.

(30) Смотри журн. Минист. Народ. Просвѣщенія 1847 г. Іюнь.

(31) Ἱερώτατος Μητροπολίτης Κυγέβου, ὑπέρτιμος καὶ Ἔξαρχος πάσης ʽΡωσίας. Стр. 138 тамъ же.

(32) Ἀφʼ οὗ ἔθνος τῶν ʽΡώσσων ἐδέξατο θεογνωσίαν—εὑρίσκεται εἰς πᾶσαν ʽΡωσίαν τήν τε μεγάλην καὶ τὴν μικρὰν εἷς Μητροπολίτης. Стр. 139 тамъ же.

(33) Тамъ же, стр. 140.

(34) Тамъ же, стр. 142.

(35) Тамъ же, стр. 142.

(36) Μηδέποτε διʼ ἥντινα οὖν αἰτίαν ἀποσχισθῆναι, καὶ διαιρεσθῆναι τὴν τῶν Λιτβῶν χώραν τῆς ἐπικρατείας καὶ πνευματικῆς διοικήσεως τοῦ Μητροπολίτου Κυέβου стр. 144 тамъ же.

(37) Тамъ же, стр. 157.

(38) Право это основано на 28 правилѣ Халкидонскаго Собора.

(39) Акт. Истор. I, N 39.

(40).... «Таже належащія ради нужа греческимъ властемъ отъ нечестивыхъ варваръ, невозмогоша Рустіи митрополити въ Костянтинъ градъ поставленія ради святителскаго шествія творити, ниже посланія свободна имѣти; и тако одиною посланіемъ съ четырми Патріархи согласившеся, и по согласію пріяша и сіи Рустіи Митрополити власть отъ гречес. патріархъ, паче же отъ Константинополскаго еже не къ тому поставленія ради приходити Русск. Митрополитомъ въ Констянтинъ градъ, но своими Епископи избранія Митрополія творити и поставлятися, и власть имѣти и другихъ поставляти, якоже и прочимъ четыремъ Патріархомъ. Святителскою же честію судиша Патріарси Російскому Митрополиту предпочитатися паче всѣхъ Митрополитъ, и егда случитца всея вселенныя соборъ и предсѣданіе имѣти превысшее по Іерусалимскомъ Патріарсѣ. Допол. къ Ак. Истор. II N 76 стр. 189.

(41) Любопытно видѣть, какъ измѣнялись отношенія Митрополита всея Руси къ Визант. Патріарху. Томясь подъ игомъ Мусульманскимъ, Визан. Патріархи могли ожидать облегченія своей участи только отъ единовѣрной Москвы; они стали пріѣзжать къ намъ за милостынею. Мало того, что Митрополиты избирались и поставлялись Русскимъ клиромъ, былъ примѣръ, что въ Москвѣ поставили Митрополита Кесаріи Филипповой въ Патріархи Іерусалимскіе (Никон. лѣтоп. VI. 2). Патріархи и все Греческое духовенство давали нашимъ Митрополитамъ небывалые титулы (смотри примѣчанія 15 и 31), не смотря на то, что они, какъ второклассные епархіальные начальники, имѣли титулъ

Μητροπολίτης Ῥωσίας καὶ ὑπέρτιμος (смотр. Codini de officiis) *περὶ τάξεως τῶν θρόνων τῶν μητροπολιτῶν τινες αὐτῶν λεγόνται ἔξαρχοι καὶ ὑπέρτιμοι, τινες ὑπέρτιμοι μόνον* — такъ титуловался и св. Алексѣй Митроп. (Карамз. V, примѣч. 53).

(42) Исторія отношеній кн. Рюрикова дома стр. 530 и слѣд.

(43) Сравни чинъ поставленія Митрополита всея Руси въ Акт. Экспедиціи I, NN 184, 264, и чинъ поставленія Патріарха — Codini de officiis palatii Const. въ Corp. scrip. hist. Byzant. Bonnæ.

(44) « И призываетъ къ себѣ Царь Θеодорита, яко мужа искуснаго и мудраго посылающи его посломъ къ Патр. Константинопольскому, просяте благословенія о коронаціи и о *таковомъ благословеніи и о вѣнчаніи имъ же, яковымъ чиномъ цесари Римскіе сущіе Христіанскіе отъ папы и патріарховъ вѣнчаеми* .(Курбс. I. § VIII). Царь Иванъ Васильевичь вполнѣ сознавалъ всю важность совершеннаго имъ дѣла. Не уклоняясь отъ древняго обычая, по которому Визан. Патріархи считались у насъ начальными, особенно въ дѣлахъ Церкви, онъ увѣдомилъ о своемъ вѣнчаніи Визант. Патріарха, который прислалъ ему утвердительную грамоту (Курбс. I. § 8). Грамота эта напечатана въ XVI кн. Росс. Вивлioѳ. Византійскій Патріархъ мало того, что утвердилъ Ивана IV Васильевича *быти и именоватися царемъ*, но еще старался доказать исторіею и самымъ происхожденіемъ Царя отъ *деспины* Анны (супруги Владиміра св.), сестры Василія Багрянороднаго. Карамзинъ зналъ эту грамоту изъ Греч. дѣлъ (Ист. Г. Р. VIII, примѣч. 263). Въ пользу достовѣрности этой грамоты говоритъ и то обстоятельство, что она скрѣплена подписью высшихъ лицъ, бывшихъ на соборѣ; тѣже имена мы видимъ и на соборномъ актѣ низложенія Патріарха Іоасафа (1564 г.) Срав. Chronicon Phil. Cypr. exemplum dejectionis p. 404 — 410. Примѣчаніе : сочиненіе мое было написано прежде изданія кн. Оболенскимъ соборной грамоты духовенства православной вост. церкви, утверждающей титулъ Царя за В. Княземъ Іоанномъ IV.

(45) « Что же по сихъ начинаетъ (Царь Іоаннъ В.)? на святителя (Филиппа) дерзающе , не посылаетъ до Патріарха Константинопольскаго, подъ егоже судомъ Русскіе митрополиты ; аще бы были оклеветаны отъ кого въ чемъ, нигдѣ же инлѣ , точію предъ нимъ достойны о себѣ отвѣтъ дати ; и ни испрашиваетъ отъ престола патріаршескаго экзарха на испытаніе епископское (Курбск. I § 8).

(46) .... « Тѣмже и святѣйшій Митроп. Москов. и всея Руси Киръ Макарій оттуда пущенъ , увѣнча того во цари законнаго и благочестивѣйшаго и подобно образно просихомся увѣнчати того во цари благочестиваго, яко некрѣпоствуетъ , еже сотвори реченный Митропол. Московскій господинъ Макарій, и не токмо Митроп. или иныи, аще есть, можетъ или власть имать сіе творити , но ниже патріархъ инъ, токмо предъ законіе двумъ, Римскому, глаголю, и Константинопольскому ». Вивлioѳ. XVI, стр. 120.

(47) Лекіенъ говоритъ : « a Moschicis monachis conventus est (Hieremias) obnixe rogantibus, ut toti moschicae genti et imperio praeficeret archiepiscopum *αὐτοκέφαλον*, hoc est, qui sui juris esset, nulli superiori alteri subjectus » (Oriens christ. I pag. 1232 de Const. patriarchatus decrementis).

(48) Это далъ почувствовать Діонисій Антіохійскому Патріарху Іоакиму. См. Карамз. X. примѣч. 197.

(49) Карамзинъ X. прим. 197.

(50) Журн. Минист. Народн. Просвѣщ. XXV, 1840 г.

(51) Тамъ же.

(52) Тамъ же.

(53) Карамз. X. прим. 200.

(54) Ж. М. Н. Просв. XXV, 1840 г.

(55) Arsenii Elassonis Episcopi descriptio itineris in Moscoviam habiti à Hieremiâ II P. Const., ubi et patriarchatus Moscovitici institutio narratur. Извлеченія изъ этого сочиненія у Аделунга см. Uebersicht der Reisenden I стр. 383—401.

(56) Арсеній назвалъ Годунова: clarissimus archon, primus inter barones regis, atque reginae μαίμων (ὁμαίμων) et maximi Cazani, cujus regionis fama per omnes terrae partes celebratur, dux. Uebersicht der Reis. I стр. 385.

(57) Tzelcanes vir aetate provectus, mirabili prudentiâ, doctrina et virtute praeditus celeberrimusque. Тамъ же стр. 386.

(58) Нѣтъ никакого сомнѣнія, что все это преувеличено. По соображенію Аделунга выходитъ, что Патріарху одними деньгами приходилось 33$\frac{1}{3}$ дукатовъ въ день (полагая по 39 Новгород. серебр. коп. на одинъ дукатъ) и 12,161$\frac{1}{3}$ дук. въ годъ. Ubersicht. I. прим. 432; Аспръ Новгород. ἄσπρον νογράτιον, такъ назвалъ Арсеній сереб. копѣйку; ἄσπρον у Византійцевъ однозначуще съ δηνάριον λευκόν. Тамъ же прим. 431.

(59) Предположивъ, что въ *тайныхъ рѣчахъ* заключалось не иное что, какъ изъявленіе желанія остаться въ Россіи, мы представляемъ себѣ въ ясности всѣ обстоятельства.

(60) Ж. М. Н. П. XXV, 1840 г.; Исторія Русской церкви преосвященнаго Филарета — періодъ патріаршества.

(61) Мы въ этомъ совершенно согласны съ преосвящ. Филаретомъ, кромѣ одного пункта, — на стр. 9 (смотр. періодъ Патріаршества) онъ говоритъ, что *штатъ патріарха былъ образованъ по примѣру Царскаго* — это дѣйствительно было, но только не съ начала, а при Царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ, для Патріарха Филарета Никитича, который являлся вообще въ чрезвычайномъ блескѣ.

(62) «Хвалу воздавъ (Іеремія) Всемогущему Богу и упованіе положи на «его превеликихъ щедротъ милость и поставляетъ въ Велице Россіи па-«тріарха на Русскую митрополію бывшаго тогда Митроп. Іова, нарицая его «быти четвертому патріарху. Вмѣсте же Папино Константинопольскій па-«тріархъ оттуду почать нарицатися». Никон. лѣтоп. VII, стр. 324.

(63) Ж. М. Н. Просв. XXV. 1840 г.

(64) Соб. Госуд. Грам. II, N 59.

(65) Diploma dedit (Іеремія) slauonico sermone exaratum, quo novus archiepiscopatus, isque Moscuensis patriarchatus instar constituebatur; cuique (diplomati) demum subscripserunt quot quot cum ipso venerant sacerdotes et monachi; renuerunt vero Monembasiae Elassonisque praesules, quibus non arrideret illa novi patriarchatus institutio, quippe qua non Byzantina solum

dioecesis magna sui parte minuebatur, sed et ecclesiam scindi causabantur»— Oriens christ. I. Dioecesis Moscovitica. Лекіенъ это заимствовалъ изъ сочиненія Монемвасійскаго Митроп. Дороѳея (смот. Synopsis historiarum pag. 348, 349), ближайшаго преемника Іероѳея. Тоже самое говоритъ Іерусалимскій Патріархъ Хрисанѳъ въ своемъ сочиненіи: de sacris officiis (1715).

(66) Про Арсенія мы знаемъ, что онъ навсегда остался въ Москвѣ; такъ въ одномъ документѣ читаемъ: «Да на Москвѣ же безотлучно живетъ у Царьскихъ гробовъ у Архангела архіепископъ Еласунскій, изъ Грекъ, и служитъ завсегды по родителѣхъ Государскихъ». Записка о Цар. дворѣ во II т. Акт. Истор. № 355, стр. 422.

(67) Coeterum quando Moschica regio omnis ejus ecclesiae christ. Const. dioecesis amplissima pars erat, Byzantinus P. Hieremias ea conditione ac lege suis in eam juribus cesserat, ut Moschicus pontifex statim ab inauguratione suâ a Byzantino confirmari postularet, et eidem Byz. sedi statis temporibus 500 aureos Moscuensis solveret (Oriens christ. I. — dioecesis Moscovitica). Въ уложенной грамотѣ (Соб. Госуд. Грам. II. № 59) сказано, что Патріархъ Московскій и впредь избирается Рус. Клиромъ и утверждается Царемъ. Касательно отношеній его къ Константинопольскому сказано: *«и патріарху «новопоставленному царствующаго града Москвы о своемъ поставленіи «описать въ царствующій градъ Констянтинополя ко Вселенскому па- «тріарху, кто прилучитца, и патріархъ Вселенскій Констянтинополскіе «церкви отпишетъ противъ въ своей грамотѣ къ тому патріарху царст- «вующаго града Москвы великіе Росіи о его поставленіи»*. Т. е. чтобы Московскіе Патріархи увѣдомляли о своемъ поставленіи Цареградскихъ. Далѣе мы знаемъ, что Іеремія получалъ богатую милостыню отъ самого Царя, а не дань отъ патріарха. Впрочемъ Лекіенъ и самъ прибавляетъ: atqui posteriori aevo ut persolvi tributum istud desiit, ita et corfimatio postulari.

(68) Рос. Вивліоѳ. XII. стр. 333 — 408. Не знаю сколько стоилъ сорокъ соболей при Ѳеодорѣ Ив., но при Алексѣѣ Михайлов. пара отличныхъ соболей царскихъ стоила болѣе 20 тогдашнихъ рублей (Котошихинъ глава VIII, § 7), слѣд. если положить сорокъ въ 400 тогд. руб. то 40 × 40 = 16,000 рубл.; сорокъ горностайныхъ куницъ вѣроятно былъ еще дороже.

А. Зернинъ.

II.

ЗАМѢТКИ

(СТАТИСТИЧЕСКІЯ И АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ)

ОБЪ

ИНСАРѢ И ЕГО УѢЗДѢ.

СОЧИНЕНІЕ

Н. Калатова.

ЗАМѢТКИ

(СТАТИСТИЧЕСКІЯ И АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ)

ОБЪ

ИНСАРѢ И ЕГО УѢЗДѢ (*).

I.

Очеркъ новаго Инсара и его уѣзда. Обряды, обычаи и повѣрья Русскихъ и Мордвы.

Для того, кто захотѣлъ бы непремѣнно познакомиться съ достопримѣчательностями Инсара, или, вѣрнѣе, отыскать эти достопримѣчательности, скажемъ, что немногіе предметы, которые заслуживаютъ вниманія, суть конечно здѣшнія каменныя церкви, протекающія мимо города рѣки и рѣчки, его заводы и фабрики и наконецъ нѣкоторыя замѣчательныя по названіямъ мѣстности и улицы. Но гораздо любопытнѣе разсказы самихъ жителей о бытѣ простолюдиновъ, о промыслахъ въ городѣ и уѣздѣ и о своей старинѣ, къ которой они причисляютъ введеніе христіанства между Мордвою, *Пугачевщину*, или пребываніе Пугачева въ здѣшнемъ краѣ, Инсаръ до 1812 года и пожаръ, истребившій его въ этомъ году. Особенно духовенство, бывавшее по обязанностямъ своей службы въ разныхъ мѣстахъ

(*) Предлагаемая здѣсь статья есть отрывокъ, обработанный по древнимъ юридическимъ памятникамъ, изъ замѣтокъ, писанныхъ мною во время археографическаго путешествія по Россіи. Инсаръ — небольшой городъ Пензинской губерніи, въ которомъ и съ подгородными слободами считается не болѣе 7000 жителей. По кратковременности пребыванія моего въ этомъ городѣ, я въ отношеніи къ нему долженъ довольствоваться немногими статистическими данными, какія успѣлъ собрать на мѣстѣ; но полагаю, что все-таки они могутъ быть полезны для уясненія археологическихъ подробностей, о которыхъ буду говорить ниже. *Н. Калачовъ.*

уѣзда, хорошо сохраняетъ въ своей памяти и преданія о старинѣ и событія новѣйшаго времени. Оно не только разскажетъ вамъ, гдѣ какія древнія церкви и образа, книги, валы, или насыпи; не только передастъ обычаи и обряды, видѣнные имъ въ томъ или другомъ приходѣ, но также познакомитъ васъ съ замѣчательными пастырями мѣстной церкви, съ ихъ свойствами и привычками. Признаюсь, что въ настоящемъ случаѣ это былъ лучшій для меня источникъ, и, благодаря ему, я могу сообщить нѣкоторыя характеристическія черты, относящіяся какъ до Инсарскаго уѣзда, такъ и до Пензинской губерніи вообще (*). Но начнемъ съ города, съ его церквей, съ его рѣкъ, заводовъ и фабрикъ.

Въ Инсарѣ пять церквей; изъ нихъ одна соборная (Казанской Божіей Матери), три приходскія и одна, устроенная на кладбищѣ. Всѣ онѣ каменныя, но не отличаются ни особенной архитектурой, ни богатствомъ. Къ этимъ скуднымъ свѣдѣніямъ можно только прибавить, что въ соборѣ есть древній чудотворный образъ Казанской Божіей Матери и серебряный вызолоченный крестъ съ частями мощей, а въ церкви Вознесенской такіе же два креста съ мощами; изъ нихъ одинъ найденъ, послѣ Пугачева, въ саду г. Никоновыхъ, на мѣстѣ бывшаго здѣсь желѣзнаго и чугуноплавильнаго завода.

Изъ рѣкъ самая замѣчательная Исса. Она начинается въ 45 верстахъ отъ города, за селомъ Иссою; течетъ съ востока на западъ и впадаетъ въ Мокшу при селѣ Качалаевѣ. Протекая мимо города съ сѣверовосточной стороны, рѣка эта здѣсь же принимаетъ въ себя рѣчку Инсаръ (Инсарку), которая, проходя съ югозапада на востокъ, обтекаетъ городъ со стороны юговосточной. Еще незначительнѣе рѣчка Лапшайка, текущая въ томъ же направленіи какъ и рѣка Инсаръ и впадающая въ эту послѣднюю съ правой стороны ея, у города. Всѣ онѣ неспособны къ судоходству; но приносятъ выгоду мѣстнымъ жителямъ рыбною ловлею и двумя мельницами,

---

(*) Въ особенности обязанъ я здѣсь засвидѣтельствовать мою благодарность почтенному священнику церкви Вознесенской (въ Инсарѣ), отцу *Алексѣю Столыпинскому*.

изъ коихъ одна устроена на Иссѣ и принадлежитъ городской общинѣ, а другая, на Инсарѣ, составляетъ собственность Д. И. Либенау. Въ недавнее время, на этой же рѣкѣ, г. Либенау устроилъ еще круподранку, просодранку и маслобойню.

Отъ мельницъ прямой переходъ къ промышленности жителей Инсара, къ ихъ занятіямъ, ремесламъ и торговлѣ. Бо́льшая часть горожанъ въ собственномъ смыслѣ суть мѣщане, которые при томъ не имѣютъ достаточныхъ капиталовъ. Вотъ почему главные ихъ промыслы суть хлѣбопашество и пчеловодство въ соединеніи съ мелочной торговлей разными товарами. Купеческихъ домовъ едвали наберется десять; число фабрикъ и заводовъ незначительно: одинъ заводъ кожевенный; мойка Русской шерсти и фабрика для изготовленія изъ этой шерсти грубаго сукна; вновь устроенная табашная фабрика г. Либенау и заводъ поташный — вотъ, кажется, все, на что можно указать въ отчетѣ о промышленности Инсарской. Но изъ этого не слѣдуетъ заключать, чтобы въ прежнее время городъ былъ еще беднѣе. Напротивъ, въ концѣ прошедшаго столѣтія въ Инсарѣ считалось слишкомъ за двадцать купеческихъ домовъ и соразмѣрно тому было менѣе мѣщанъ, нежели теперь. Какой причинѣ должно приписать уменьшеніе купеческихъ капиталовъ, неизвѣстно; но вѣрно, что по словамъ жителей, да и по самому образу ихъ жизни и занятіямъ, въ настоящее время Инсаръ не можетъ быть отнесенъ къ числу городовъ, гдѣ бы процвѣтали торговля и промышленность. Конечно бѣдность жителей есть вмѣстѣ съ тѣмъ причина, почему до сихъ поръ въ городѣ нѣтъ даже уѣзднаго училища, такъ что небольшое училище приходское и училище духовное составляютъ здѣсь единственные источники и разсадники просвѣщенія.

Большаго вниманія заслуживаютъ названія нѣкоторыхъ мѣстностей и улицъ въ Инсарѣ. Въ числѣ слободъ встрѣчаются слободы *Стрѣлецкая*, *Пушкарская* и *Инвалидная*, напоминающія, что въ этомъ городѣ, какъ и въ другихъ древнихъ городахъ, въ старину жили слободами стрѣльцы и пушкари, а впослѣдствіи также слободою поселены солдаты здѣшней Инвалидной команды. Но во второй половинѣ прошедшаго столѣтія жители какъ этихъ, такъ и другихъ Инсарскихъ слободъ (именно: Казинской и Томковской) числились

уже однодворцами. — Въ числѣ улицъ извѣстная нынѣ подъ названіемъ *Базарной*, потому что находится противъ базара, въ старину называлась *Посольской*. Въ эту улицу, со стороны Пензинской дороги, въѣзжали воротами башни, которая называлась также Посольской. Изъ другихъ улицъ названія нѣкоторыхъ даютъ знать, что въ древнемъ Инсарѣ, кромѣ Русскихъ, жили Татары, Мордва и Черкасы (козаки), каждый на своемъ отдѣльномъ участкѣ. — До сихъ поръ еще мѣсто, гдѣ былъ устроенъ въ старину желѣзный и чугуноплавильный заводъ, называется не иначе какъ заводомъ, хотя этотъ послѣдній уже не существуетъ съ 1827 года. Наконецъ старожилы укажутъ вамъ также мѣсто, гдѣ въ прошедшемъ столѣтіи жили *будники*, или мастера поташнаго дѣла, съ приписанными къ нимъ рабочими людьми. Замѣчу кстати, что поташные заводы, устроенные на казенный счетъ, начиная уже съ царствованія Алексѣя Михайловича, если не ранѣе, находились во многихъ мѣстахъ здѣшняго края; но особенно славился поташнымъ производствомъ заштатный нынѣ городъ Кадомъ (Тамбовской губ.). Теперь хотя поташные заводы существуютъ во многихъ мѣстахъ, но составляютъ уже частную промышленность.

Нынѣшніе жители Инсара и его уѣзда (простолюдины) суть смѣсь Русскихъ съ Татарами, но въ особенности съ Мордвою; въ числѣ поселянъ встрѣчаются также Мещеряки. Впрочемъ во многихъ мѣстахъ уѣзда Татары и Мордва еще не слились съ Русскими, такъ что даже извѣстно число Русскихъ и число Татаръ или Мордвы, живущихъ вмѣстѣ въ одномъ и томъ же селеніи. Такъ, на примѣръ, села: Могилевки, Ключища, Болдово, Тиризморги и Сузгарья населены и Русскими и Мордвою; послѣднихъ считается на половину, а въ нѣкоторыхъ изъ изчисленныхъ селеній гораздо болѣе нежели Русскихъ. Въ селѣ Ускляѣ 79 душъ муж. пола изъ Татаръ, а 542 изъ Русскихъ; въ селѣ Костыляѣ 562 души Мещеряковъ; остальные Русскіе. Бóльшая часть Мордвы и Татаръ обращены въ христіанство еще въ половинѣ прошедшаго столѣтія, при чемъ имъ построены были храмы, надѣленные отъ казны утварью, книгами и колоколами. Но между Татарами есть и Магометане. Такъ въ селѣ Ключищахъ считается 978 Татаръ Магометанскаго вѣроисповѣданія,

Что касается до Мордвы, то между нею все болѣе и болѣе изчезають обычаи и обряды, несовмѣстные съ христіанствомъ. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ нихъ любопытны, и потому сообщу здѣсь читателямъ то, что̀ мнѣ удалось слышать отъ самовидцевъ этихъ изчезающихъ обрядовъ.

Бракъ совершается не иначе, какъ въ соединеніи съ *самокрутомъ*, или похищеніемъ невѣсты. Но это похищеніе хотя и дѣлается тайно, однако всегда съ согласія невѣсты и ея матери, и только обыкновенно противъ воли отца. Притомъ, чтобы бракъ могъ назваться пристойнымъ, невѣста должна быть похищена Мордвиномъ (женихомъ) не того селенія, гдѣ родилась и живетъ, а села сосѣдняго, гдѣ она и вѣнчается. Похищеніе совершается рано утромъ, а иногда и ночью, удалыми товарищами жениха. Сама мать невѣсты и ея родственники принимаютъ участіе въ этомъ дѣлѣ, ибо еще до похищенія, по согласію съ женихомъ, исхлопатываютъ вѣдѣніе отъ священника своего села священнику того селенія, откуда родомъ женихъ и гдѣ должна происходить свадьба. Такимъ образомъ отецъ невѣсты, хотя бы и узналъ вскорѣ о похищеніи своей дочери, не въ состояніи ничего сдѣлать: обыкновенно онъ пускается въ погоню за похитителемъ, но всегда опаздываетъ, заставая молодыхъ уже въ церкви, куда, по обычаю, не смѣетъ вступить. На другой день послѣ свадьбы начинаются переговоры между родственниками жениха и отцемъ невѣсты или его родственниками. Переговоры эти ведутся о денежныхъ условіяхъ, на которыхъ долженъ быть заключенъ миръ; другими словами, отецъ выговариваетъ себѣ то, что̀ онъ долженъ получить за свою дочь. Какъ скоро переговоры окончены, печется огромный коровай, который кладутъ на деревянное блюдо (донце) вмѣстѣ съ курицей, гусемъ, говядиной и другими припасами. Двое изъ свиты жениха (его дружки) несутъ это блюдо къ дому отца новобрачной, а за ними идутъ всѣ прочіе. Между тѣмъ отецъ сидитъ до̀ма, и даже ворота у него на запорѣ. Дружки вызываютъ его, при чемъ всѣ прочіе становятся на колѣни. Отецъ выглядываетъ въ окно и бранитъ пришедшихъ по Мордовски на чемъ свѣтъ стои́тъ. Дружки начинаютъ испрашивать у него прощенія молодымъ и умоляютъ его, чтобъ онъ отворилъ имъ ворота. Отецъ

продолжаетъ браниться. Наконецъ, послѣ троекратной просьбы дружекъ о прощенiи, кто нибудь изъ домашнихъ отворяетъ ворота. Поѣздъ жениха переходитъ во дворъ; но у избы сѣни еще заперты и въ дверь взойти не льзя. На дворѣ начинается опять таже церемонiя передъ запертыми сѣнями, какая была на улицѣ передъ воротами. Въ третiй разъ таже сцена повторяется въ самой избѣ, гдѣ отецъ, сидя на первомъ мѣстѣ, на лавкѣ, продолжаетъ браниться и выговаривать пришедшимъ, а они умоляютъ его о прощенiи, стоя на колѣняхъ. Эта церемонiя оканчивается только тогда, когда отецъ согласится простить, или, вѣрнѣе, устанетъ браниться. Тутъ онъ встаетъ съ мѣста, и дружески обнимается съ молодыми и ихъ свитой, а дружки ставятъ принесенный коровай съ припасами на столъ. За тѣмъ всѣ становятся на колѣни и что-то читаютъ, въ родѣ молитвы.

Вотъ обычный обрядъ, сопровождающiй Мордовскiе браки. Можно думать, что похищенiе, особенно теперь, играетъ въ нихъ роль лишь строго соблюдаемой формы. Но отцу невѣсты выгодно выказывать себя совершенно незнающимъ о похищенiи. Такъ какъ условiя о денежномъ его вознагражденiи дѣлаются уже послѣ брака, то онъ имѣетъ возможность требовать гораздо болѣе, нежели въ переговорахъ, предшествующихъ свадьбѣ. Съ своей стороны женихъ не долженъ жалѣть денегъ, ибо въ случаѣ, еслибъ не состоялась у него мировая сдѣлка съ тестемъ, послѣднiй, по законамъ, въ правѣ жаловаться на похищенiе у него дочери. Этимъ самымъ денежный договоръ между тестемъ и зятемъ у Мордвы отличается отъ такъ называемой *кладки* у Русскихъ. Кладка есть также денежное вознагражденiе, какое даетъ отецъ жениха отцу невѣсты, и притомъ часто даетъ послѣ долгихъ переговоровъ, смотря по своему состоянiю; но обыкновенно она получается передъ свадьбой и потому ограничивается двумя, тремя, много четырьмя рублями серебр., которые отецъ невѣсты употребляетъ ей же на приданое. Но имѣетъ ли Мордовскiй *самокрутъ* ближайшее сходство съ обычаемъ похищенiя, извѣстнымъ также подъ именемъ самокрута у Русскихъ въ Сибири, начиная съ Пермской губернiи, — объ этомъ я опредѣлительно сказать не могу.

Другой обрядъ у Мордвы, также замѣчательный, еще очень недавно совершался послѣ христіанскаго погребенія умершихъ. Онъ состоялъ въ томъ, что родственники и знакомые покойника, разрывъ нѣсколько землю, которая покрывала могилу, клали сюда табаку, куричью ногу, зайца и другіе припасы и все это поливали виномъ и пивомъ. За тѣмъ одинъ изъ нихъ, въ длинной бѣлой рубахѣ, представляя изъ себя вдохновеннаго высшей силой, вступалъ въ разговоръ съ покойнымъ. « Каковò тебѣ на томъ свѣтѣ »? спрашивалъ онъ его, и черезъ нѣсколько минутъ послѣ того передавалъ присутствующимъ, будто покойникъ отвѣчалъ, что ему хорошо, что у него есть и табакъ, и курица, и заецъ, и вино. Послѣ такого обряда начиналось поминовеніе по усопшемъ, которое состояло въ слѣдующемъ. Растягивали на землѣ кожу, а на кожѣ разставляли разные припасы, особенно множество куръ, хлѣбъ, медъ и вино. Всѣхъ присутствующихъ надѣляли этими припасами и, между прочимъ, непремѣнно куричьей ножкой. Угостивъ постороннихъ, родственники и друзья покойнаго начинали сами, въ честь его, ѣсть и пить. Такое поминовеніе по умершихъ совершалось кромѣ того нѣсколько разъ въ годъ въ разные дни, которые болѣе или менѣе совпадали со днями, когда православная Церковь совершаетъ свое поминовеніе по усопшихъ родителяхъ. Пиршества такого рода, происходившія также на могилахъ умершихъ, назывались *молянами*. На эти моляны приводили быковъ, рѣзали ихъ, варили въ котлахъ, а когда всѣ припасы были готовы, начинали по своему пировать. Съ молянъ одинъ изъ Мордвы, сѣвъ на лошадь, ѣхалъ верхомъ прямо въ деревню. Здѣсь онъ въѣзжалъ на лошади въ каждую избу, гдѣ его непремѣнно потчивали, а онъ разсказывалъ какую-то вѣсть отъ покойниковъ дóма. Кромѣ того каждый хозяинъ, возращаясь домой съ молянокъ, приносилъ съ собою часть припасовъ, тщательно во что нибудь завернутыхъ, на память о бывшемъ торжествѣ, смотря на эти остатки пира какъ на святыню.*— Когда священниками запрещено было совершать эти языческіе обряды и поминовенія на могилахъ усопшихъ, Мордвины стали править свою тризну въ лѣсу, у какого нибудь дерева. Здѣсь, по совершеніи погребенія, они точно также складывали припасы, которые имѣли обыкновеніе зарывать въ

могилу покойника; а потомъ пировали у дерева. Одинъ очевидецъ такого поминовенія, переведеннаго на новое мѣсто, въ лѣсъ, къ одному дубу, разсказывалъ мнѣ, что около этого дуба навалены были груды разныхъ припасовъ и остатковъ одежды. По его словамъ Мордвины зарывали прежде въ землю вмѣстѣ съ припасами и старую одежду покойника, а хорошую его рубашку отдавали какому нибудь бѣдному. Тоже самое стало повторяться и у завѣтнаго дуба, или другаго дерева, избраннаго для совершенія памяти по усопшемъ. Впрочемъ теперь эти тризны едва ли гдѣ удержались.

По окончаніи жнитва, Мордва совершаетъ у себя въ домахъ молебенъ, по христіанскому обычаю; но послѣ того дополняетъ празднество особеннымъ языческимъ обрядомъ. Для этого каждый хозяинъ приготовляетъ у себя разныя кушанья, мясо, вино и пиво. Какъ скоро все готово и разставлено по мѣстамъ, онъ садится на порогѣ избы и, обращаясь къ какому-то невидимому духу, произноситъ что-то въ родѣ мольбы о дарованіи всего этого и на будущіе годы. Такая мольба извѣстна у Мордвы подъ названіемъ *келеметъ*. За тѣмъ начинается пиръ обыкновеннымъ порядкомъ въ избѣ или подъ деревомъ, у какого нибудь родника.

Изъ обычаевъ или обрядовъ, встрѣчающихся у здѣшнихъ Русскихъ простолюдиновъ и изъ ихъ повѣрій замѣчательны слѣдующія:

По совершеніи брака, когда весь свадебный поѣздъ взойдетъ въ избу и сядетъ за столъ, дружка жениха прежде всѣхъ подаетъ стаканъ вина молодому и другой стаканъ молодой. Взявъ въ руки стаканъ, молодой говоритъ своей женѣ, а жена молодому: «поздравляю тея̀ (т. е. тебя)». Это привѣтствіе повторяется три раза съ каждой стороны. Потóмъ оба вмѣстѣ выпиваютъ вино и цалуются. Тутъ дружка выводитъ ихъ изъ за стола въ клѣть, гдѣ они должны спать; но передъ тѣмъ вручаетъ молодому плетку. Этой плеткой мужъ бьетъ слегка молодую жену свою по затылку, наклонивъ ее немного и приговаривая: «люби бачку, люби мачку, люби меня молодча̀». Не знаю, какъ далеко въ здѣшнемъ краѣ распространенъ этотъ обычай; но онъ совершенно въ томъ видѣ, какъ мною переданъ, соблюдается въ селеніи *Пурдышахъ*, Краснослободскаго уѣзда.

Во время повальныхъ болѣзней, чумы и скотскаго падежа, простолюдины Нисарскаго уѣзда, какъ и въ другихъ мѣстахъ, *опахиваютъ* свою деревню, чтобы предохранить себя или свой скотъ отъ заразы. Это опахиваніе состоитъ въ томъ, что вокругъ селенія проводится борозда сохами, которыя везутъ вдовы и дѣвицы, распустивъ себѣ волосы. Простолюдины думаютъ, что сама зараза или болѣзнь приходитъ въ видѣ женщины или дѣвицы съ распущенными волосами, и потому вѣрятъ, что черезъ проведенную такимъ образомъ борозду она не въ состояніи будетъ перейти. Но кромѣ заразы и всякія другія болѣзни объясняются обыкновенно у простаго народа дѣйствіемъ нечистой силы. Порча, какъ слѣдствіе колдовства, можетъ быть, по мнѣнію его, напущена вѣтромъ, пахнувшимъ въ лицо, слѣдомъ, на который кто либо наступитъ, не зная что онъ вреденъ, яствой и питьемъ, предложеннымъ колдуномъ, и наконецъ дурнымъ глазомъ. Порча называется здѣсь также *притокой*, и нростолюдинъ увѣренъ, что она не иначе можетъ быть уничтожена какъ знахаремъ, который долженъ отворожить ее. — Укажемъ еще на два повѣрья здѣшнихъ крестьянъ, на которыя справедливо нападаетъ духовенство. Они вмѣняютъ себѣ въ грѣхъ при старости дѣлать наставленія и наказанія дѣтямъ своимъ даже за дѣло. Точно также не охотно причащаются они святыхъ таинъ не только въ молодыхъ, но и въ зрѣлыхъ лѣтахъ, пока не состарятся. Причина та, что они опасаются сдѣлать еще новый болѣе тяжкій грѣхъ, если, очистившись причастіемъ, не сохранятъ себя на будущее время въ совершенной чистотѣ. Такое убѣжденіе сильно укоренено между простолюдинами не только въ Пензинской, но и въ сосѣднихъ съ нею губерніяхъ, такъ что многіе изъ нихъ, посѣщая постоянно церковь и принося покаяніе, какъ этого требуютъ священники, тѣмъ не менѣе иногда лѣтъ по десяти и болѣе не приобщаются святыхъ таинъ. Къ счастію, благодаря усиліямъ духовенства, ложное это убѣжденіе съ теченіемъ времени все болѣе исчезаетъ.

Въ заключеніе очерка здѣшнихъ обычаевъ, сообщимъ нѣкоторыя примѣты, относящіяся ко временамъ года и сельскимъ занятіямъ, по коимъ простой народъ даетъ свои особенныя названія днямъ, отличаемымъ именемъ того или другаго Святаго, которому церковь праз-

днуетъ въ извѣстный день (*). Такъ въ генварѣ 16-е число носитъ имя *Петра-полукормника*, въ слѣдствіе разсчета или примѣты, что съ этого дня остается столько же времени содержать скотъ до подножнаго корма, сколько кормили его на дворѣ съ осени по настоящее число; а 24-е называется *Аксиньей* (Ксеніей) *полухлѣбницей* по той примѣтѣ, что до этого числа съѣдается половина прошлогодняго хлѣба и остается половина года до новаго хлѣба, то есть до 24 іюля, когда здѣсь начинается непремѣнно жнитво. Въ мартѣ 4-е число называютъ *Герасимомъ грачевникомъ*, такъ какъ замѣчено, что въ этотъ день грачи возвращаются изъ теплыхъ странъ, въ знакъ чего хозяйки пекутъ изъ теста птичекъ, на подобіе жаворонковъ, и ѣдятъ ихъ въ своемъ семействѣ; 19-е число извѣстно подъ названіемъ *Дарьи-прорубницы* — отъ прорубей, которыя становятся грязны около этого времени. Въ апрѣлѣ 16-е число, памятное подъ именемъ *Ирины—урви берега*, а 17-е *Алексія Божія человѣка—съ горъ вода*, по примѣтамъ, суть дѣйствительно такіе дни, когда разливаются рѣки, и вода изрываетъ берега и льется съ горъ; 23-е число тогоже мѣсяца, *Георгій — рѣзвая соха*, день, когда въ сѣверовосточной Россіи выгоняютъ обыкновенно стада въ поле, въ губерніяхъ Пензинской и Саратовской отмѣчено какъ число, когда начинается уже пашня. Въ маѣ, 1-е число называется *Іереміей запрягальникомъ*, вѣроятно потому, что около этого времени уже всюду бываетъ пашня и посѣвъ; 5-е число извѣстно подъ именемъ *Ирины — разсадницы*, какъ день, когда начинаютъ садить разсаду; 20-го, прозваннаго *Ѳалалеи — огуречники*, начинаютъ сѣять огурцы; а 29-го, по примѣтамъ, начинаетъ колоситься рожь, почему этотъ день и называется *Ѳеодосія — колосяница*. Въ іюнѣ 13-е число отмѣчено прозваніемъ

(*) Читатели конечно замѣтятъ, что нѣкоторыя изъ приведенныхъ здѣсь названій встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ Россіи и довольно извѣстны; но мы не рѣшились выпустить эти названія какъ потому, что полезно знать тѣ мѣстности, гдѣ именно они встрѣчаются, такъ и потому, что въ настоящемъ случаѣ они заслуживаютъ вниманіе по тѣмъ объясненіямъ, какія намъ переданы и которыя мы здѣсь сообщаемъ. *Прим. автора.*

Акулины — гречишницы; это день, когда начинается посѣвъ гречи; онъ же называется *задери-хвосты*, потому что съ этого времени скотъ начинаютъ кусать оводы или слѣпни, которыхъ онъ смахиваетъ хвостомъ. 23-го обыкновенно уже купаются, почему это число называется *Аграфена — купальница.* Начиная съ іюля мѣсяца, я къ сожалѣнію не могъ собрать свѣдѣній о разныхъ дняхъ, по какимъ либо примѣтамъ отмѣченныхъ особеннымъ названіемъ въ простонародномъ сельскомъ календарѣ Инсарскаго уѣзда. Знаю, что въ октябрѣ мѣсяцѣ 9-е число извѣстно въ сѣверной Руси подъ названіемъ *Матрёны — вверни оглобли*, по той примѣтѣ, что не долго съ этого времени ждать до зимняго пути, для котораго и должно заранѣе приготовлять сани съ оглоблями; но этого названія мнѣ до сихъ поръ не удалось слышать ни въ Пензинской, ни въ Саратовской губерніи. Въ замѣнъ того я имѣю возможность представить еще другаго рода примѣты, собранныя мною въ здѣшнихъ мѣстахъ. Онѣ касаются будущаго урожая хлѣба, времени, когда слѣдуетъ начинать ту или другую полевую работу, равно какъ предстоящаго ведра или дождя въ извѣстное время года, судя по погодѣ, бывшей въ опредѣленные дни. Такъ, напр., снѣгъ, идущій 6-го числа (въ день Богоявленія) обѣщаетъ урожайный годъ хлѣбу; вьюга 16-го числа (въ день Петра полукорма) предвѣщаетъ продолженіе зимы далѣе обыкновеннаго срока. Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчаютъ каковъ генварь: таковъ, по мнѣнію хозяевъ, будетъ и іюль; а каковъ февраль, таковъ и августъ. 1-го марта, въ день Евдокіи, повторяется извѣстная всюду примѣта: « если курица напьется на улкѣ водицы, то въ Егорьевъ день овечка нащиплется травки ». Въ этотъ же день ясная погода предвѣщаетъ хорошій урожай пшеницы. — О дни 40 мучениковъ (9 марта) есть повѣрье, что въ этотъ день возвращается 40 разнородныхъ птицъ. О посѣвѣ овса есть примѣта, перешедшая въ пословицу: « кто посѣетъ въ грязь, тотъ будетъ князь »; почему стараются хотя часть его посѣять въ одно время съ горохомъ до св. недѣли. Но гречу, по замѣчанію простолюдиновъ, слѣдуетъ сѣять « когда вылетятъ молодые скворцы ». — 9-го мая (въ Николинъ день), если идетъ дождь, то, говорятъ, будетъ и рожь. — На Петровъ день замѣчаютъ, ка-

ково́ просо: если оно съ ложку, то будетъ и въ ложкѣ. — До Ильина дня (20 іюля) дождь; какъ говорятъ здѣсь, кладъ, а позже — накладъ. — Въ сентябрѣ мѣсяцѣ, если *бабье лѣто* (какъ называется здѣсь первая половина этого мѣсяца, отъ 1-го до 14 числа включительно) ненастливо, то за тѣмъ настанетъ вёдро; и на оборотъ спѣшатъ уборкой хлѣба въ бабье лѣто, если погода стоитъ хорошая, чтобы предстоящая за тѣмъ непогода не застигла сноповъ въ полѣ. — 8-е ноября или Михайловъ день считается срокомъ, до котораго скотъ можно пасти въ степяхъ или по полямъ на озимяхъ — постоянный обычай здѣшнихъ простолюдиновъ, и даже хорошихъ хозяевъ, полагающихъ, что это необходимо дѣлать, если рожь густа, для того, чтобъ она «не подопрѣла». Наконецъ замѣтимъ примѣту, извѣстную и въ другихъ мѣстахъ, что обиліе мышей предвѣщаетъ неурожай хлѣба.

Сверхъ всѣхъ изчисленныхъ выше дней есть еще нѣкоторые завѣтные дни у здѣшнихъ простолюдиновъ, такъ точно какъ и у простолюдиновъ въ бо́льшей части Россіи, въ которые они служатъ молебны разнымъ святымъ, какъ покровителямъ и защитникамъ ихъ имущества. Такъ въ день св. Фрола и Лавра (18 августа), которымъ приписывается покровительство надъ лошадьми, въ Инсарѣ подводятъ къ собору лошадей для окропленія ихъ св. водою послѣ молебна. Этотъ обычай напоминаетъ точно такое же окропленіе, совершаемое каждогодно въ Москвѣ, близь Мясницкой улицы, у церкви св. Фрола и Лавра. Святому Власію служатъ молебны, какъ покровителю надъ крупнымъ рогатымъ скотомъ; св. Анастасію, какъ покровителю надъ овцами. Св. Василію Неокесарійскому приписывается покровительство надъ свиньями; Св. Зосиму и Савватію — надъ пчелами; Св. Козьмѣ и Доміану (1 ноября) надъ курами; почему въ этотъ день ихъ варятъ или жарятъ въ каждомъ семействѣ; тогда же празднуютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣвицы, обѣдая другъ у друга, при чемъ, за обѣдомъ, въ числѣ блюдъ, подается пѣтухъ. — Въ великой постъ, на крестопоклонной недѣлѣ, пекутъ кресты изъ теста (иногда вкладыя въ нихъ деньги), которые и съѣдаютъ. Кромѣ того при нѣкоторыхъ деревняхъ Инсарскаго уѣзда есть родники, съ устроенными тутъ же часовнями, куда въ извѣстные дни, въ весеннее и лѣтнее время,

жители окрестныхъ селеній приходятъ молиться и пить воду для изцѣленія себя отъ болѣзней. Таковы именно родники близь деревни Симанки, близь деревни Пайгармы, и проч.

Обращаясь теперь къ описанію наиболѣе замѣчательныхъ селеній въ Инсарскомъ уѣздѣ, я долженъ сознаться, что только въ нѣкоторыхъ изъ нихъ мнѣ удалось быть самому и видѣть предметы, почему либо замѣчательные. Свѣдѣнія о другихъ селеніяхъ переданы мнѣ духовенствомъ; почему они касаются бо́льшею частію старинныхъ книгъ или образовъ и утвари въ церквахъ. Но переходя такимъ образомъ къ описанію уѣздныхъ церквей, я не могу не остановиться прежде на любопытной характеристикѣ, переданной мнѣ также Инсарскимъ духовенствомъ о Преосвященныхъ, бывшихъ на Пензинской каѳедрѣ (*); эта характеристика отличается притомъ вѣрностью, какъ я успѣлъ убѣдиться въ послѣдствіи изъ отзывовъ о тѣхъ же Преосвященныхъ въ другихъ уѣздахъ Пензинской и Саратовской губерній. Вотъ имена и свойства этихъ Пастырей церкви: ***Гаій***, знаменитый происхожденіемъ (онъ былъ Грузинскаго царскаго рода) и отличавшійся наръчіемъ; ***Моисей*** — благовидный, воодушевленный въ священнодѣйствіи, пылкій, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень разсудительный и справедливый; ***Иннокентій*** — мужъ просвѣщенный и святой; ***Аѳонасій*** — старецъ богобоязненный и строгій блюститель церковнаго чина; ***Амвросій I*** — памятный заботами о духовномъ просвѣщеніи своей паствы; объ немъ разсказываютъ, что его посѣщенія церквей были неожиданны и сопровождались строгимъ осмотромъ храмовъ съ ихъ принадлежностями и испытаніемъ мѣстнаго духовенства, которое онъ собиралъ въ уѣздномъ городѣ или благочиніи; наконецъ ***Ириней*** — ревностно слѣдившій въ теченіи своей жизни за нравственнымъ состояніемъ и паствы и священнослужителей; для мірянъ онъ ввелъ всенародное чтеніе въ церквахъ необходимыхъ молитвъ, отдѣльно отъ богослуженія, а для послѣднихъ пазначилъ положеніе за исправленіе разныхъ требъ, не

(*) Пенза, основанная въ 1666 году, была сначала подъ епархіальнымъ управленіемъ каѳедры Казанской, а потомъ Тамбовской; но въ концѣ прошедшаго столѣтія уже имѣла своего Преосвященнаго.

терпя съ ихъ стороны никакихъ притязаній. Такая характеристика Преосвященныхъ, сдѣланная мѣстнымъ духовенствомъ Инсарскаго уѣзда, ручается за то, что ихъ усилія не были напрасны.

Кромѣ Владыкъ, управлявшихъ Пензинской епархіей, въ памяти здѣшнихъ жителей сохранились и другія лица, коихъ дѣйствія связаны съ событіями, болѣе или менѣе важными для мѣстныхъ храмовъ. Такъ въ селѣ Могилевкѣ (въ 35 верстахъ отъ Инсары) старожилы еще недавно разсказывали о крещеніи ихъ (въ 1750 году) Саранскимъ протоіереемъ въ прудѣ, среди селенія. Въ селѣ Сузгарьѣ съ сожалѣніемъ воспоминаютъ о первомъ священникѣ, повѣшенномъ Пугачевымъ, по желанію тамошней Мордвы, просившей бунтовщиковъ о разрушеніи и самой церкви. Точно также въ селѣ Ключищахъ помнятъ, что сообщниками Пугачева убита помѣщица Кожина съ двумя дочерьми, и надъ ихъ трупами сооруженъ впослѣдствіи тамошній храмъ. Напротивъ, въ селѣ Костыляяхъ разсказываютъ о священникѣ, что онъ скрылся отъ злодѣевъ, а въ селѣ Иссѣ священнослужители даже оказывали имъ содѣйствіе, за что были разстрижены и отданы въ военную службу.

Изъ селеній, въ коихъ церкви заслуживаютъ вниманія, замѣтимъ, во первыхъ, находящуюся въ пяти верстахъ разстоянія отъ города небольшую деревеньку *Тумолку*. Здѣсь былъ нѣкогда монастырь, какъ можно заключать по уцѣлѣвшимъ доселѣ остаткамъ храма и большимъ камнямъ на бывшихъ прежде могилахъ. Жители деревни отличаютъ даже тѣ мѣста, гдѣ были ограда и монастырскія кельи; а за протекающей тутъ же рѣчкой Тумолкой въ горѣ показываютъ рытыя обвалившіяся пещеры. Но какой это былъ монастырь? Безъ сомнѣнія Тумольская мужская пустынь, о которой упоминается въ одной старинной описи Инсара (*). — Въ противоположной сторонѣ отъ города, въ церкви села Казевки (Верхняя Вязера тожъ) я видѣлъ тріодь Московской печати 1684 года, съ слѣдующею надписью

(*) См. Временникъ И. Общ. Ист. и др. Росс. 1852 г. кн. 14, смѣси стр. 14. Не эта ли пустынь въ Исторіи Росс. Іерархіи (т. VI, стр. 459) ошибкою названа Тумовской Преображенской, о которой здѣсь сказано, что она была въ Саранскомъ уѣздѣ и упразднена въ 1764 году?

по листамъ: «Лѣта 7201 (за тѣмъ нѣсколько словъ вырвано) ... великій господинъ святѣйшій киръ Адріанъ, архіепископъ Московскій и всеа Росіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріархъ далъ сію книгу въ домъ Пресвятыя Богородицы Печерскія въ дѣвичь монастырь, что въ городѣ Инсарскѣ въ вѣчное поминовеніе по братѣ своемъ блаженныя памяти по великомъ господинѣ по святѣйшемъ киръ Іоакимѣ Московскомъ и всеа Росіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріархѣ; а кто восхощетъ ю усвоити или утаити да отъиметъ отъ него Господь Богъ святую свою милость и затворитъ двери святыхъ щедротъ своихъ и да пріидетъ на него неблагословеніе и клятва и казнь Божія душевная и тѣлесная въ нынѣшнемъ вѣцѣ и въ будущемъ вѣчная мука.» Тамъ же показывали мнѣ древній, но недавно поновленный образъ Казанской Божіей Матери, на оборотѣ коего сохранилась надпись стариннымъ почеркомъ: «сему образу молитца старица Пелагея». Обѣ надписи объясняютъ, что какъ книга, такъ и образъ поступили въ здѣшнюю церковь изъ женскаго Печерскаго монастыря, бывшаго въ Инсарѣ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ. Монастырь этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ царствованіе Анны Іоанновны въ немъ содержались государственныя преступницы. — Въ селѣ Лухмѣ хранится черновая челобитная жителей (Мордвы) къ Преосвященному (мнѣ не могли сказать, къ какому именно?), о томъ, чтобъ имъ было дозволено построить свою церковь, такъ какъ въ Инсаръ, куда они были приписаны приходомъ, имъ опасно ходить отъ нападающихъ на нихъ медвѣдей («букъ ломаетъ»). — Въ церкви села Могилевки (построенной въ 1756 г.) есть Евангеліе и уставъ, съ надписями по листамъ, которыя свидѣтельствуютъ, что обѣ книги «казенныя» и выданы «изъ Конторы Новокрещенскихъ дѣлъ въ Саранскій уѣздъ въ Новокрещенское село Христорождественское Могилевка тожъ въ церковь Божію священнику Григорью Михайлову февраля 1 дня 1759 года». Съ такими же надписями есть книги и въ другихъ селеніяхъ, именно въ Тиризморгахъ Евангеліе, постная тріодь и слѣдованная псалтырь, а въ Сузгарьѣ также Евангеліе, три пролога, служебникъ и октоихъ; въ Сузгарьѣ же вниманіе посѣтителей обращаютъ на колоколъ съ надписью: «Литъ въ Екатеринбургѣ, 1752». — Въ церкви села

Иссы показываютъ Минеи, печатанныя при царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ и патріархѣ Іоакимѣ, и Евангеліе, печатанное при тѣхъ же царяхъ и патріархѣ Адріанѣ. — Наконецъ въ селахъ Яковщинѣ и Долгоруковѣ хранятся двѣ храмозданныя грамоты того же патріарха Адріана.

Мнѣ остается теперь сообщить немногія свѣдѣнія, собранныя въ кратковременное пребываніе мое въ Инсарѣ о промышленности уѣздныхъ жителей, объ ихъ средствахъ къ образованію и объ ходящихъ у нихъ преданіяхъ старины. Что касается до промышленности, то нѣтъ сомнѣнія, что хлѣбопашество и мѣстами пчеловодство составляютъ главное занятіе здѣшнихъ крестьянъ; но въ нѣкоторыхъ селеніяхъ сверхъ того извѣстны и другія отрасли хозяйства. Такъ въ селѣ Иссѣ занимаются подрядами подъ извозы; въ Шешкѣевѣ дѣлаютъ горшки и рѣшота, въ Шуварахъ сани и колеса; въ Тепловкѣ гребни, въ Ключаревѣ — лапти. Жители Сузгарья промышляютъ поставкою корья на заводы; а въ Долгоруковѣ крестьяне занимаются плотничествомъ, пилкою и крытьемъ крышъ подъ глину. Кромѣ того во многихъ селеніяхъ есть поташные заводы: въ Иссѣ до 10, въ Могилевкѣ до 30, въ Болдовѣ около 20; но на всѣхъ этихъ заводахъ поташъ гонится въ незначительномъ размѣрѣ, и именно потому что они принадлежатъ крестьянамъ. Говорю это, основываясь на томъ, что крестьяне въ здѣшнихъ мѣстахъ, какъ и бóльшая часть крестьянъ въ низовыхъ губерніяхъ, не имѣютъ достаточныхъ капиталовъ, даже можно сказать болѣе—вообще довольно бѣдны. Какъ ни страннымъ можетъ казаться такой отзывъ для того, кто привыкъ низовыя губерніи считать золотымъ дномъ и какъ ни справедливо то, что въ нѣкоторые года, повторявшіеся довольно часто въ прежнее время, урожай бываетъ очень изобильный, тѣмъ не менѣе недостатокъ крестьянъ слишкомъ очевиденъ. Онъ происходитъ отъ рѣшительнаго неумѣнья бóльшей части изъ нихъ пользоваться выгодами своей мѣстности и вести свое хозяйство по крайней мѣрѣ расчетливо. Не только въ урожайные годы они сбываютъ свой хлѣбъ за безцѣнокъ и употребляютъ его безъ всякой нужды у себя дома, но даже и въ другое время такъ дурно обгораживаютъ свои гумна, между тѣмъ какъ скотъ гуляетъ всюду безъ всякаго надзора, что хлѣбъ и сѣно тра—

вятся часто неизвѣстно чьимъ скотомъ и въ какомъ количествѣ. Изъ этого разумѣется есть много исключеній, но онѣ, какъ исключенія, въ разныхъ селеніяхъ введены не самими крестьянами, а помѣщиками или управляющими подъ строгою отвѣтственностью за всякой безпорядокъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти прекрасныя исключенія мало по малу перейдутъ въ общее правило; но пока такой утѣшительный переходъ лишь ожидается въ будущемъ, не льзя безъ сокрушенія сердца смотрѣть на безпорядочное хозяйство здѣшнихъ крестьянъ и на то, какъ безрасчетливо они располагаютъ часто тѣмъ, что имѣютъ уже въ рукахъ. Но возвратимся къ Инсарскому уѣзду.

Для образованія простолюдиновъ въ разныхъ селеніяхъ заведены уже училища. Такъ мнѣ извѣстно, что въ казенномъ селѣ *Шуварахъ* училище открыто въ 1843 году; въ заштатномъ городѣ *Шешкѣевѣ* въ 1839; а въ помѣщичьемъ селѣ *Иссѣ* частное училище существуетъ съ 1843 года въ домѣ приходскаго священника. Во всѣхъ этихъ училищахъ обучается отъ 30 до 50 мальчиковъ.

Преданія о старинѣ въ памяти жителей Инсарскаго уѣзда не простираются въ отдаленную древность. Мы уже видѣли, что они могутъ еще разсказать о времени крещенія Мордвы въ томъ или другомъ селеніи, помнятъ злодѣянія Пугачева, и даже укажутъ на остатки, уцѣлѣвшіе въ извѣстной мѣстности отъ бывшихъ монастырей или церквей; на пространства, нѣкогда покрытыя лѣсомъ, а теперь лежащія подъ пашней; на возвышенія, курганы или насыпи; но этимъ и ограничатся свѣдѣнія ихъ о старинѣ, если вы будете допытываться отчетливости и вѣрности въ ихъ преданіяхъ и разсказахъ. Вотъ почему многіе интересные вопросы, какіе вы могли бы предложить о здѣшнихъ древностяхъ: какъ, напр., постепенно населялся этотъ степной край; какъ столкнулись Русскіе съ Татарами и Мордвою въ селеніяхъ, гдѣ теперь построились вмѣстѣ; какой образъ жизни вели они въ здѣшнемъ краѣ до учрежденія у нихъ Русскихъ городовъ и укрѣпленій — всѣ эти и подобные вопросы остаются для васъ безъ отвѣта. Вамъ конечно разскажутъ о дремучихъ лѣсахъ, гдѣ когда-то производились разбои; припомнятъ даже, что нѣкоторые изъ иновѣрцевъ (напр. въ деревняхъ Шандасѣ и

Урмедимѣ) когда-то крестились въ избѣжаніе наказаній за преступленія; не забудутъ и о бѣглыхъ, стекавшихся сюда изъ Руси; но все это факты слишкомъ извѣстные и между тѣмъ слишкомъ неопредѣленные. Вы снова обращаетесь къ распросамъ о Пугачевщинѣ, и получаете отвѣты болѣе удовлетворительные. Время, когда былъ Пугачевъ въ здѣшнемъ уѣздѣ принимается за эпоху въ изчисленіи себѣ простолюдинами лѣтъ: они говорятъ: « въ Пугачевъ (т. е. бунтъ), или при Пугачевѣ мнѣ было столько-то годовъ », или: я родился въ тотъ годъ, какъ онъ былъ, или на другой, третій, четвертый годъ послѣ него. Слово *пугачь* обратилось вмѣстѣ съ тѣмъ всюду въ бранное для означенія человѣка самаго безпокойнаго и опаснаго. И дѣйствительно, сколько почти въ каждомъ селеніи можете вы собрать разсказовъ о злодѣйствахъ Пугачева и его сообщниковъ! Здѣсь они повѣсили или зарѣзали помѣщика, управляющаго или бурмистра; тамъ разграбили домъ, анбары или сожгли деревню; въ одномъ мѣстѣ едва не задушили въ погребѣ отрядъ солдатъ, посланный для ихъ усмиренія; въ другомъ—утащили съ собою въ плѣнъ дѣвицъ и женщинъ. Свои набѣги они сопровождали крикомъ: « *Иванъ; Марья; видимъ!*, — и эти слова наводили ужасъ на бѣдныхъ жителей, ибо, произнося ихъ, Кубанцы (такъ называютъ здѣсь этихъ козаковъ доселѣ) устремлялись на жертвы, указанныя ихъ начальниками, разумѣя подъ именемъ Ивана всякаго мужчину, а подъ именемъ Марьи всякую женщину. Въ одномъ селеніи сохранилось трогательное преданіе о госпожѣ, увлеченной въ плѣнъ Кубанцами. Отъ одного изъ нихъ она родила, въ плѣну, сына. Однажды, убаюкивая ребенка, она назвала его «по отцѣ *Татарченкомъ* (?), а по матери барченкомъ ». Эти слова случайно услышалъ крестьянинъ сосѣдняго селенія, также бывшій въ плѣну; онъ тайно разспросилъ объ значеніи ихъ мать, и помогъ ей спастись бѣгствомъ. Въ послѣдствіи ребенокъ выросъ, и старожилы, говоря объ немъ, всегда припоминаютъ и объ несчастной его матери.

О насыпяхъ и возвышеніяхъ, которыя видны въ разныхъ мѣстахъ уѣзда, жители не могутъ сообщить подробныхъ свѣдѣній. Они только помнятъ, что въ ихъ уѣздѣ устроенъ былъ валъ, или земляная насыпь, со рвомъ, который (валъ) имѣлъ направленіе къ Симбирску

и проходилъ въ весьма близкомъ разстояніи отъ Инсара. Къ этому городскіе жители прибавляютъ еще, что валъ былъ начатъ въ 1648 году и оконченъ въ 1653-мъ: что на устройство его ежегодно употреблялось отъ трехъ до пяти тысячь человѣкъ рабочихъ, и что онъ былъ назначенъ для защиты тогдашней юговосточной границы Россіи; почему былъ охраняемъ « войскомъ и козаками, число коихъ простиралось до 15,000 человѣкъ (?) ». Но эти свѣдѣнія, если мы захотимъ ихъ провѣрить, тѣсно связаны съ изслѣдованіемъ о древностяхъ Инсара и такъ называемой Инсарской черты, къ которымъ мы и перейдемъ въ слѣдующей главѣ.

II.

Древній Инсаръ и Инсарская черта съ ихъ укрѣпленіями и остатками старины.

Инсаръ основанъ около 1648 года, по всей вѣроятности въ одно время съ городами Саранскомъ, Керенскомъ, Корсунью и нѣсколькими годами позже городовъ Верхняго и Нижняго Ломова, Козлова, Тамбова (*) и Симбирска, вмѣстѣ съ которыми онъ въ актахъ причисляется къ *городамъ новымъ*. Такъ называются здѣсь эти города не только въ противоположность древнимъ городамъ Сѣверовосточной Руси, но и въ противоположность *стариннымъ городамъ понизовымъ*, т. е. находящимся въ низовьяхъ Волги и другихъ рѣкъ на юговосточномъ краю древней Европейской Россіи. Цѣль, для которой были основаны всѣ изчисленные выше города, заключалась въ необходимости охраненія Государства отъ набѣговъ кочевыхъ народовъ. Извѣстно, что для этого съ древнѣйшихъ временъ отечество наше ограждалось линіями или, какъ онѣ назывались, *чертами*, на

(*) Города Нижній и Верхній Ломовъ, Козловъ и Тамбовъ были основаны въ 1636 году. См. Акт. Экспедиціи, т. III №№ 260, 261, 268.

коихъ устроены были разныя укрѣпленія, именовавшіяся, смотря по своему значенію, *городами*, *городками*, *острогами*, *острожками*, *засѣками*, *валами*, *завалами* и *рвами*. До вступленія на престолъ Царя Михаила Θеодоровича вся юговосточная Русь, начиная на сѣверѣ отъ Звенигорода (Московской губерніи), а на востокѣ отъ Нижняго Новгорода была уже искрещена вдоль и поперекъ такими линіями укрѣпленій; но тѣмъ не менѣе для послѣдующихъ царствованій оставалось еще много дѣла, чтобы обезопасить окончательно государство отъ Крымцевъ, Нагайцевъ и Калмыковъ. И дѣйствительно, въ царствованіе Михаила Θеодоровича и его преемниковъ до Петра Великаго включительно, по свидѣтельству современныхъ памятниковъ, постоянно съ этою цѣлью производились работы въ разныхъ мѣстахъ древней Руси; безпрерывно строились въ степяхъ новые города и остроги съ новыми засѣками и слободами. Но оставляя въ сторонѣ относящіяся сюда болѣе или менѣе извѣстныя распоряженія Царя Михаила Θеодоровича и послѣдующихъ государей, мы займемся преимущественно устройствомъ древняго Инсара и приписанной къ нему *черты*. При этомъ мы будемъ основываться главнымъ образомъ на актахъ, найденныхъ нами въ архивѣ Инсарскаго Уѣзднаго Суда и на остаткахъ уцѣлѣвшей старины какъ въ городѣ, такъ и его уѣздѣ.

О построеніи и населеніи Инсара съ приписанной къ нему линіей укрѣпленій до насъ дошли слѣдующія немногія данныя. Городъ Инсаръ вмѣстѣ съ своею чертою долженъ былъ служить для защиты внутренней Россіи отъ прежняго обычнаго прихода Нагайцевъ со стороны рѣки Суры и по старинной Сурской дорогѣ. Въ строельныхъ книгахъ этого города, составленныхъ Инсарскимъ воеводой Григорьемъ Борняковымъ, въ 1648 году, объ Инсарской чертѣ уже упоминается, какъ объ существующей подъ названіемъ «засѣчныхъ крѣпостей на Сурской дорогѣ». Слѣдуетъ-ли однако заключать, на основаніи строельныхъ книгъ Борнякова, что онъ, а не другой воевода, положилъ первое основаніе Инсару? Мы знаемъ, что, кромѣ этихъ, были и другія строельныя книги, гдѣ позднѣйшіе Инсарскіе воеводы также записывали служилыхъ людей, коихъ они селили, или, какъ выражались тогда «строили на вѣчное житье у засѣчныхъ крѣпо-

стей ». Но какъ бы то ни было, мы имѣемъ по крайней мѣрѣ ясныя указанія на то, откуда были взяты испомѣщенные здѣсь служилые люди, равно и о времени, когда нѣкоторые изъ нихъ были сюда вызваны. Это были переведенцы и даже отчасти ссыльные изъ понизовыхъ городовъ безъ всякаго различія ихъ происхожденія и службы. Въ числѣ переселенныхъ были какъ Русскіе, такъ и иностранцы, но въ особенности Татары, Мордва и Черемиссы. Изъ послѣднихъ многіе переведены на Инсарскую черту прямо съ тягла и потому долго не могли привыкнуть къ военнымъ занятіямъ; они всячески старались освободиться отъ службы, ссылаясь на то, что ихъ дѣды и отцы были искони въ тяглѣ на своей родинѣ, и иногда имъ это удавалось. Собранные такимъ образомъ жители въ новый городъ распредѣлялись къ различнымъ должностямъ, по коимъ они и получали то или другое названіе. Одни изъ нихъ писались въ стрѣльцы, другіе въ козаки, пушкари, воротники, засѣчные сторожа̀, третьи въ посадскіе. Въ числѣ Инсарскихъ актовъ сохранился одинъ весьма любопытный отрывокъ строельныхъ книгъ (неизвѣстно какого именно года), въ коемъ изчисляются Татары и Мордва, переведенные на Инсарскую черту изъ Темниковскаго уѣзда. Изъ этого отрывка видно, что на службу изъ цѣлыхъ Татарскихъ и Мордовскихъ семействъ выбиралось только по одному, по два, много по три человѣка, которые и записывались въ службу, между тѣмъ какъ прочіе, глава семьи съ младшими сыновьями или одинъ изъ братьевъ съ другими членами семейства, оставались въ тяглѣ, на прежнемъ жительствѣ. Переведенцы, взятые изъ одной семьи (иногда два двоюродные брата) записывались въ *одну службу*, т. е. считались на службѣ за одного человѣка, и по этому расчету получали жалованье на дворовое строеніе, какъ скоро оно было выстроено (отъ 4 до 5 рублей) и оружіе, смотря по службѣ, въ которую назначались: мушкетъ, карабинъ, пищаль, ружье; а нѣкоторымъ велѣно служить « въ саадакѣ » (*). Изъ лицъ, взятыхъ по одному изъ семьи, только весьма немногіе помѣщены въ полной службѣ; другіе же записаны въ *полу-*

(*) Саадакъ — налучье (съ лукомъ) и колчанъ (со стрѣлами).

службѣ, и соразмѣрно тому имъ дано половинное число жалованья на дворовое строенье, а къ нѣкоторымъ изъ нихъ приписаны въ *подмогу* стороннія лица. Изъ другихъ источниковъ извѣстно о тѣхъ же переведенцахъ, что они записывались въ службу не иначе какъ съ ручательствомъ своихъ родственниковъ и жителей деревни, откуда выбирались. Въ представляемыхъ этими послѣдними *поручныхъ записяхъ* они въ особенности принимали на свою отвѣтственность возвращеніе въ казну выданныхъ денегъ и оружія тому, за кого они ручались, въ случаѣ его смерти или бѣгства. Сверхъ жалованья и оружія принятые въ службу надѣлялись землею какъ для поселенія, такъ и для пашни, сѣнными покосами и другими угодьями. Впрочемъ имъ давалось на волю вмѣсто себя ставить *наймитовъ* или *снимщиковъ*, что̀ и дѣлали очень охотно Татары и Мордва, сдавая свое мѣсто Русскимъ. Принимались на службу также *вольные*, или тѣ, которые еще не бывали ни въ какихъ должностяхъ и въ тяглѣ, но, разумѣется, съ такимъ же ручательствомъ за нихъ, какъ и за взятыхъ съ тягла. Что касается до числа служилыхъ людей, изъ коихъ долженъ былъ состоять новый городъ, то мы знаемъ, что въ 1647 году изъ города Темникова были переведены въ Инсаръ и поселены здѣсь на посадѣ *триста служебъ*. Въ тоже самое время столько же *служебъ* было *построено* по Инсарской чертѣ, подъ названіемъ *козаковъ*. Но это указаніе, найденное нами въ одномъ актѣ 1672 года, поясняетъ только первоначальное населеніе городскаго посада и нѣсколькихъ остроговъ въ уѣздѣ. На самомъ же дѣлѣ несравненно бо̀льшее число служилыхъ людей было взято какъ въ Инсаръ, такъ равно въ засѣчныя крѣпости и слободы, устроенныя по его чертѣ, не только изъ окрестныхъ селеній города Темникова, но и самого Инсара. Нѣкоторыя селенія были даже сполна перевезены на Инсарскую черту, гдѣ на новыхъ мѣстахъ жители ихъ устроены дворами и надѣлены пашней и другими угодьями съ обязанностями служилыхъ людей. Причина такого перемѣщенія цѣлыхъ селеній заключалась, какъ говорится въ актахъ, въ томъ, что они безпрерывно раззорялись Нагайцами. Вотъ вмѣстѣ съ тѣмъ причина, почему Правительство назначило новую линію, которая должна была служить для защиты государства, не доходя до

этихъ такъ часто раззоряемыхъ селеній. Такимъ образомъ внутренняя сторона за Инсарскою чертою получила названіе *Русской* и была причислена вмѣстѣ съ самимъ городомъ Инсаромъ къ Руси; а сторона, оставшаяся внѣ черты, стала называться *Нагайской*, *Крымской* или *степной*. Весьма любопытно, что это названіе первой стороны и самого Инсара Русью до того укоренилось вскорѣ между Инсарцами, что даже Астрахань они противополагали своему городу, какъ Руси (*). Но такъ какъ линія укрѣпленій ни въ какомъ случаѣ не опредѣляла границы государства, то и самый Инсаръ съ своею чертою въ самомъ непродолжительномъ времени былъ ограж-

(*) Приведемъ, въ подтвержденіе нашихъ словъ, два письма одного Астраханскаго стрѣльца къ своимъ родственникамъ въ Инсаръ. Эти письма интересны еще и потому, что указываютъ на бытъ и свойства стрѣльцовъ въ отдаленныхъ отъ столицы городахъ тогдашней Руси. Вотъ первое изъ нихъ: «Государю моему батюшкѣ Дмитрею Костентиновичу сынишь твой Тимошка, благословенія прося, челомъ бью. Здравствуй на многія лѣта. Да прошу твоего благословенія. Что сынъ твой Борисъ пишетъ къ тебѣ, чтобы тебѣ быть къ намъ въ Астрахань, и тебѣ бы того не учинить, пожаловать не бывать; а буде будешь и съ женою съ моею, и я васъ покину, въ Астраханѣ жить не буду; а буде не будешь, *а меня Богъ вынесетъ къ вамъ на Русь*, и я стану тебя поить и кормить до смерти. А сынъ твой Борисъ со мною бранитца, по твоему приказу не дѣлаетъ. А тебѣ бы, жена, которая рухледь есть, и тебѣ бы вывезти на Чекашеву полянку къ Ивану Ивановичу Поплевѣ; а буде что услышишь, и ты сама туды же съѣдешь. Да и вы, дядюшки, не покиньте моего батюшка при старости. А самъ писавъ челомъ бью».—Другое письмо: «Государю моему батюшкѣ Дмитрею Костентиновичу сынишка твой Тимошка, благословенія прося, челомъ бью. Здравствуй, Государь, на многія лѣта. Государемъ моимъ дядюшкамъ . . . по челобитью, да свату *(и т. далѣе челобитья всѣмъ родственникамъ)*. Женѣ моей Просковьѣ Ивановнѣ съ любовію поклонъ, и всѣмъ моимъ пріятелемъ по великому челобитью. Да пожалуйте, государи, не покинте моего батюшка и женишка и домишку. По семъ здравствуйте на многія лѣта. А про меня изволите вѣдать, и я октебря по 29 число, далъ Богъ, живъ и здоровъ; въ Астраханѣ въ конныхъ стрѣлцахъ, а жалованья дано полугодовое по пяти рублевъ, а хлѣбнаго по двенадцати четвертей; а сказано намъ вѣчвое житье; а жить худо—приволья никакого нѣтъ; лѣсъ всякой и дрова дорого покупаютъ, а у меня ремесла никакого нѣть, взять негдѣ; одежа всякая дорога. А ты, жена, сама догадывайся; а я въ Астраханѣ жить не буду. А самъ писавъ челомъ бью.»—

денъ со стороны степи новою чертою, какъ увидимъ ниже. Слѣдовательно и названіе Руси тогда же проникло еще далѣе въ степь. Но гдѣ же именно проходила Инсарская черта и въ чемъ она состояла? Постараемся рѣшить этотъ вопросъ прежде нежели приступимъ къ описанію самого города.

Инсарская черта, какъ укрѣпленная линія, независимо отъ города и остроговъ, построенныхъ близь нея со стороны Русской, заключалась въ *засѣкахъ* или *завалахъ*. Такъ называлась на безлѣсномъ мѣстѣ земляная насыпь или валъ (*земляной завалъ*) съ выкопаннымъ вдоль его болѣе или менѣе глубокимъ рвомъ, а въ лѣсахъ полоса̀ рубленаго и поднятаго на пни лѣса, саженъ въ двадцать или болѣе ширины и соотвѣтствующей тому высоты, которая должна была служить преградой для дальнѣйшаго прохода. Такая засѣка, начинаясь отъ Инсара, по направленію къ Потишскому острогу, то есть на сѣверовостокъ, доходила до засѣки или черты Саранской, съ которой она встрѣчалась въ Саранскомъ лѣсу; со стороны же противоположной, югозападной, продолжалась до черты Нижнеломовской, съ которой также сходилась въ одинъ пунктъ. Чтобы еще точнѣе опредѣлить эту линію, можно замѣтить, имѣя въ виду нѣкоторыя указанія, разбросанныя въ разныхъ актахъ, что существующія донынѣ селенія Инсарскаго уѣзда: Челмодѣево, Шадымъ, Верхъ-Исы, Новляй—находились уже за Инсарскою чертою, въ степи, и въ отношеніи къ ней имѣютъ значеніе только потому, что отсюда были взяты служилые люди въ Инсаръ и приписанные къ нему остроги. Еще до сихъ поръ въ разныхъ мѣстахъ Инсарскаго уѣзда уцѣлѣли остатки проходившаго здѣсь нѣкогда вала; въ особенности онъ виденъ на значительномъ протяженіи въ трехъ верстахъ отъ самого Инсара, на нынѣшней большой Пензинской дорогѣ. Но къ сожалѣнію вмѣстѣ съ насыпями и рвами не сохранилось никакихъ остатковъ крѣпостныхъ строеній, почему мы должны довольствоваться указаніями старинныхъ актовъ для того, чтобъ уяснить себѣ, въ чемъ заключались эти укрѣпленія и гдѣ какія изъ нихъ находились. Начнемъ съ самаго Инсара.

Городъ Инсаръ въ собственномъ смыслѣ, то есть Кремль или крѣпость, въ противоположность посаду и слободамъ, былъ основанъ съ самаго начала на возвышеніи, гдѣ стоятъ нынѣ Духовное Пра-

вленіе, острогъ и часть зданія, въ которомъ помѣщаются Уѣздный и Земскій Суды. Это мѣсто съ двухъ сторонъ, южной и восточной, или со стороны степной, какъ называлась она въ старину, окружено рѣками Иссой и впадающимъ въ нее Инсаромъ, а съ третьей, сѣверозападной или Русской, обнесено валомъ, за коимъ виденъ глубокій ровъ, еще недавно наполнявшійся водою. По этому валу и на возвышеніи надъ рѣками съ двухъ другихъ сторонъ стоялъ *острогъ*, состоявшій изъ башенъ съ проходившими между ними стѣнами. Всѣхъ острожныхъ башенъ было восемь, четыре угольныя и четыре середнія. На каждой изъ угольныхъ башенъ стояла пушка или пищаль (затинная); при пушкахъ находились пушкари; а при пищаляхъ затинщики. Въ башняхъ середнихъ, за исключеніемъ башни, обращенной ко рву, сдѣланы были ворота « съ пробоями, крюками и желѣзными замками » (*). Надъ каждыми изъ воротъ былъ образъ, а въ самихъ воротахъ стояло по мѣдной пушкѣ съ приставленнымъ къ ней пушкаремъ. Башня, находившаяся съ сѣверной или *передней* стороны была *проѣзжей*, какъ она и называлась (**), равно и ворота ея носили названіе *проѣзжихъ переднихъ*. Другая проѣзжая башня, стоявшая у рѣки Инсара, находилась, какъ кажется, въ сторонѣ отъ города. Въ противоположность всѣмъ этимъ башнямъ съ воротами, башня, обращенная къ валу, называлась *глухой*. Вообще же о башняхъ извѣстно, что онѣ были дубовыя, « рублены на четыре угла », съ чердаками, крышами и лѣсницами, поставленными внутри. Стѣны были также дубовыя. Онѣ состояли изъ *пряселъ*, а каждое прясло изъ положенныхъ одно на другое бревенъ, коихъ длиною опредѣлялась длина самого прясла (***). Какъ и башни

(*) Одни ворота назывались *Чижиковскими*, но какія именно—неизвѣстно.

(**) Въ одномъ актѣ 1690 г. упоминается о *проѣзжей посольской башнѣ «на верхнемъ крилѣ»* (крѣпости ?). По видимому это таже башня сѣверная или передняя.

(***) Не говоримъ, чтобы прясла были въ столбахъ; напротивъ кажется что и здѣсь, какъ въ другихъ мѣстахъ, острожная стѣна состояла собственно изъ двухъ стѣнъ такимъ образомъ, что противоположныя прясла соотвѣтствовали другъ другу и соединялись поперечными бревнами или такими же пряслами, почему и объ Инсарской стѣнѣ должно сказать, что ее составляли

стѣны были крыты *тесомъ*; а внутри ихъ былъ *насланъ мостъ*, или полъ, и также подѣланы лѣсницы. Въ актахъ не упоминается о *бояхъ* (бойницахъ), которыя бы были прорублены въ башняхъ и стѣнахъ, впрочемъ, можетъ быть, только потому, что это разумѣлось само собою, какъ необходимая потребность укрѣпленій того времени. Со стороны западной, и, какъ должно полагать, начиная отъ башни, называемой глухой, былъ устроенъ *тайникъ* съ *колодцами*. Это мѣсто извѣстно и теперь, ибо на немъ часовня съ родниковымъ колодцемъ. Кромѣ того въ валу доселѣ видны слѣды проходившаго въ немъ тайника. Таковъ былъ Инсарскій острогъ, составлявшій вмѣстѣ съ построенными въ немъ зданіями древній городъ или Кремль. Къ этимъ послѣднимъ съ самаго начала принадлежала *съѣзжая изба*, какъ мѣсто суда и расправы, *воеводскій дворъ*, *тюрьма* и, безъ сомнѣнія, анбаръ для складки оружія и погребъ, гдѣ хранились дробь и порохъ (« пушечное и ручное зелье ») (*). Изъ этихъ строеній, какъ говоритъ преданіе, тюрьма находилась на югозападной сторонѣ; преданіе же прибавляетъ, что посреди Кремля была башня, гдѣ производились пытки и которая поэтому называлась *пытошной*. Необходимую принадлежность города составлялъ также *вѣстовой колоколъ*; но гдѣ онъ висѣлъ, намъ неизвѣстно. Знаемъ только, что онъ дѣйствительно былъ, ибо въ одномъ актѣ 1671 г. упоминается, что онъ разбитъ и посланъ « для обмѣны » въ Москву, въ Приказъ Казанскаго Дворца Впрочемъ въ описи Инсара, 1687 года, говорится, что въ городѣ « вѣстового колокола нѣтъ ». Впослѣдствіи къ изчисленнымъ выше строеніямъ была прибавлена соборная церковь Казанской Божіей Матери « теплая, о пяти главахъ,

---

отдѣлы, изъ коихъ каждый, вѣроятно, былъ « рубленъ на четыре угла » или « въ клѣтку ».

(*) Въ пріемной описи Инсара, сдѣланной воеводой Сербинымъ (1687 г. апрѣля 23) мы находимъ подробное изчисленіе оружій, знаменъ и другихъ предметовъ, хранившихся въ то время въ Инсарскомъ казенномъ анбарѣ и казенномъ погребѣ; но какъ эта опись напечатана (см. Времен. кн. 14, смѣси стр. 9—14), то считаемъ излишнимъ повторять здѣсь перечень означенныхъ предметовъ.

съ дубовой крышей и шестью обитыми жестью крестами». Она была, какъ говорятъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Духовное Правленіе. Въ описи 1687 года упоминаются еще «двѣ караульныя избы у проѣзжихъ башень.» Кромѣ того воеводскій дворъ, находившійся въ 1671 году въ совершенномъ упадкѣ, увеличенъ съ теченіемъ времени новыми пристройками. Въ обновленномъ видѣ, сверхъ воеводскаго дома, къ нему принадлежали: мыльня, три людскихъ (*клѣти людскіе*), изба *приворотняя*, поварня, ледникъ и погребъ съ липовыми на нихъ анбарами, конюшня, два *денника* (отдѣлы для коровъ) и навѣсъ. Для полноты описанія, прибавимъ здѣсь и тѣ свѣдѣнія, которыя сохранились о воеводскомъ домѣ. Онъ состоялъ изъ одной *горницы* (жилаго покоя) съ *комнатою* (пріемной), которыя были обѣ «*на подклетахъ* (надъ нижнимъ жильемъ)», и изъ одной *горницы бѣлой* «на омшенникѣ (надъ чуланомъ)». Послѣдняя описана такъ: «Въ той горницѣ образъ Спаса нерукотворенного, окладъ серебряной позолоченъ, окончина болшая въ красномъ окнѣ, двѣ окончины малые слюдные, печь обращатая зеленая, заслонъ желѣзной, дверь на крюкахъ желѣзныхъ.» Надъ этой горницей была «повалуша съ полатми (холодная спальня),» а между *горницами—сѣни* съ устроеннымъ на нихъ *чердакомъ*. Весь дворъ былъ огороженъ *заметомъ*, съ *воротами*. Но отъ всѣхъ этихъ строеній не осталось никакихъ слѣдовъ. Не уцѣлѣло даже и позднѣйшее зданіе, уже основанное на мѣстѣ стараго Кремля, о которомъ сохранилась замѣтка въ дѣлахъ архива Инсарскаго Уѣзднаго Суда. Это былъ какой-то *замокъ*, построенный въ 1710 году, для защиты, какъ сказано въ замѣткѣ «по тогдашнему времени отъ набѣговъ Кубанцевъ.» Въ 1797 году, по указу Пензенской Казенной Палаты, онъ «за ветхостію» сломанъ и проданъ по вольной цѣнѣ.

Гораздо яснѣе сохранились слѣды о нѣкоторыхъ строеніяхъ, находившихся внѣ Кремля и память о совершившихся здѣсь событіяхъ. Не вдалекѣ отъ крѣпости была соборная церковь во имя Нерукотвореннаго Спаса, съ придѣломъ Николая чудотворца. На этомъ самомъ мѣстѣ стоитъ теперь крестильня новаго собора, воздвигнутаго уже за оградою старинной крѣпости. Въ этомъ новомъ соборѣ находится древній образъ Казанской Божіей Матери, почитаемый чудотворнымъ.

Онъ явился, какъ говорятъ, на томъ мѣстѣ, подъ крѣпостью, гдѣ нынѣ родникъ и часовня и, безъ сомнѣнія, находился уже въ древней церкви Казанской Божіей Матери.—Часовня, противъ такъ называемой Базарной улицы, стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ старину была церковь Рождества Христова. — Казенная оброчная мельница, о которой упоминается въ разныхъ актахъ и между прочимъ въ описи 1687 года, существуетъ еще до сихъ поръ подъ названіемъ городской. — Желѣзный и чугуноплавильный заводъ, о которомъ сохранились документы отъ конца прошедшаго столѣтія, хотя уже уничтоженъ, но бывшая близь него церковь Вознесенія Христова не только сохранилась, но въ недавнее время возобновлена и постоянно украшается; кромѣ того старинный домъ бывшихъ владѣльцевъ этого завода въ неизмѣнномъ видѣ перешелъ къ ихъ нынѣшнему наслѣднику, Д. И. Либенау (*).—Каменный столбъ, находящійся при въѣздѣ въ городъ съ восточной стороны свидѣтельствуетъ о погребенныхъ на этомъ мѣстѣ жертвахъ Пугачева и его сообщниковъ: преданіе говоритъ, что одинъ изъ погибшихъ былъ священникъ, застрѣленный при выходѣ изъ церкви, послѣ совершенія имъ литургіи; другіе, неизвѣстные уже по имени, были повѣшены или убиты. — Въ нижней части города два каменные столба сохраняютъ память о бывшемъ здѣсь женскомъ Печерскомъ монастырѣ. Въ этомъ монастырѣ въ царствованіе Анны Іоанновны содержались

(*) Упоминаемый здѣсь заводъ былъ устроенъ въ Инсарѣ въ 1754 году, на казенной землѣ, за которую заводчиками была заплачена тройная цѣна противъ обыкновенной. Къ заводу тогда же приписано до 200 душъ крестьянъ. Рудниковъ въ заводскихъ дачахъ не было: руда покупалась изъ дачь, принадлежавшихъ окрестнымъ ясашнымъ крестьянамъ. Заводское зданіе находилось на рѣкѣ Инсарѣ и рѣчкѣ Лапшайкѣ, тамъ гдѣ теперь для мукомольной мельницы сдѣлана большая плотина. Первыми содержателями завода, сколько извѣстно, были Турчаниновы; отъ нихъ заводъ перешелъ къ Никоновымъ. Недостатокъ въ лѣсѣ и средствахъ для исправленія завода, послѣ того какъ онъ былъ ограбленъ въ 1812 году, были причиною его уничтоженія. Въ 1827 году приписанные къ нему крестьяне были переведены на Златоустовскіе заводы, а земля (въ количествѣ около 140 десятинъ) со всѣми постройками отдана въ собственность г-жѣ Никоновой и ея наслѣдникамъ.

государственныя преступницы. Столбы поставлены на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ алтарь церкви Успенія Божіей Матери. — Находящійся въ другомъ концѣ города земляной валъ, какъ говорятъ, сдѣланъ въ голодный годъ, съ цѣлью занять мѣстныхъ жителей, которые получали за свою работу хлѣбъ изъ казны; впрочемъ неизвѣстно для какого именно назначенія. Но гдѣ были въ старину кабацкій и таможенный дворы, о которыхъ въ одномъ актѣ прямо сказано, что они находились на посадѣ — на этотъ вопросъ никто не могъ намъ отвѣтить. Точно также не осталось никакихъ слѣдовъ не только бывшей близь рѣки Инсара, въ сторонѣ отъ города, липовой проѣзжей башни, но и двухъ другихъ башень, стоявшихъ за посадомъ.

Перехожу къ другимъ укрѣпленіямъ Инсарской черты.

Не далѣе какъ въ верстѣ отъ города стояла такъ называемая караульная проѣзжая башня «съ стоячимъ дубовымъ острогомъ». Въ острогѣ была караульная изба. Объ этой караульнѣ говорится въ городской описи 1687 года, что въ ней сидѣли старцы Тумольской пустыни (о которой сказано было выше), собирая милостыню на свой монастырь; но своимъ небреженіемъ избу и острогъ сожгли. Были ли, сверхъ этого острога и башни, еще другія укрѣпленія по Инсарской чертѣ до рѣки Иссы, на основаніи актовъ неизвѣстно; но должно полагать, что по крайней мѣрѣ близь рѣки, по обѣимъ сторонамъ ея, какъ встрѣчаются тому многіе примѣры въ другихъ мѣстахъ, были такъ называемые острожки. За Иссой, если не ближайшій къ городу, то, во всякомъ случаѣ, самый значительный острогъ былъ *Потишскій*. Память объ этомъ острогѣ какъ нельзя лучше сохранилась въ существующемъ и теперь селеніи подъ названіемъ Потишскаго же острога, въ 15 верстахъ отъ города, съ находящеюся близь него Потишскою слободою. Но въ древности и самая черта, на нѣкоторомъ протяженіи по близости къ острогу, называлась по немъ Потишской. Въ актахъ же, относящихся къ этому укрѣпленію, говорится, что въ немъ были двѣ проѣзжія башни съ вѣстовымъ колоколомъ и чуланомъ для оружія и пороха, а вверху на одной изъ башень стояли мѣдная пушка и затинная пищаль съ ядрами. Въ острогѣ же находилась съѣзжая изба, а близь него

воеводскій дворъ, назначенный для острожнаго воеводы, который назывался Потишскимъ. О томъ, какъ была укрѣплена линія, проведенная между Инсаромъ и Потишемъ, независимо отъ острожныхъ строеній, можно судить на основаніи слѣдующихъ данныхъ. Пространство за рѣкою Иссой, на далекомъ разстояніи, еще не такъ давно было покрыто густымъ лѣсомъ. Объ этомъ лѣсѣ упоминается и въ старинныхъ актахъ подъ названіемъ *заповѣднаго*. Нѣтъ сомнѣнія, что Инсарская черта проходила чрезъ этотъ лѣсъ: именно достовѣрно извѣстно, что онъ примыкалъ къ ней съ одной стороны у самой рѣки Иссы, а съ другой у самого Потишскаго острога. Ясно, что средина между этими двумя пунктами, какъ покрытая недавно густымъ лѣсомъ, во время еще болѣе отдаленное не иначе могла быть соединена съ ними, какъ посредствомъ *просѣки*. Такой выводъ вполнѣ подтверждается свидѣтельствомъ актовъ, въ которыхъ даже встрѣчается извѣстіе, что лѣсная просѣка со стороны Русской была ограждена *лѣснымъ заваломъ*. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ завала съ той же стороны была сдѣлана дорожка или *стешка*, по которой должны были ѣздить служилые люди, посланные для обереженія завала. За тѣмъ не только былъ воспрещенъ всякой проѣздъ этой дорогой, но даже не позволялось никому за чѣмъ бы то ни было въѣзжать въ заповѣдной лѣсъ. Впрочемъ со стороны степной, тамъ, гдѣ лѣса подходили къ засѣкамъ, устроеннымъ на полянахъ, велѣно было напротивъ того вырубать эти лѣса, для того чтобы въ нихъ не могъ укрываться непріятель, не будучи видимъ, за засѣчными крѣпостями. Но какія укрѣпленія, кромѣ заваловъ, были еще въ лѣсу, именно: былъ ли ровъ со вбитыми въ землю сваями — неизвѣстно. Тамъ, гдѣ черта проходила полянами, были сдѣланы *земляные завалы съ деревяннымъ укрѣпленіемъ*. Подъ землянымъ заваломъ должно разумѣть земляную насыпь или валъ, съ коимъ рядомъ шелъ глубокій ровъ, откуда земля была вырыта на этотъ самый валъ. Не видно ясно изъ актовъ былъ ли упоминаемый здѣсь ровъ на Инсарской чертѣ съ одной только степной стороны вала, или же былъ еще вырытъ другой ровъ со стороны внутренней (Русской). О существованіи двойнаго рва можно заключать по видимымъ донынѣ слѣдамъ рвовъ по обѣимъ сторонамъ Инсарскаго вала, тамъ

гдѣ мѣстами уцѣлѣла составлявшая его насыпь. Деревянное укрѣпленіе состояло изъ дубовыхъ стояковъ, вбитыхъ въ землю сплошною стѣною (*): такая стѣна иначе называлась *надолбами*. Для большей защиты, мѣстами, на валу, были поставлены срубы или *тарасы*, о коихъ въ источникахъ упоминается вмѣстѣ съ надолбами. Ближе къ рѣкѣ, гдѣ въ болотахъ не льзя было дѣлать рва и насыпи, вбиты были только сваи, коихъ сплошной рядъ назывался *частоколомъ* или *честикомъ*.

Остановимся теперь на укрѣпленіяхъ Инсарской черты, начиная отъ черты Потишской вплоть до черты Саранской. Къ счастію, разысканія на этомъ пространствѣ можно подтвердить не только свидѣтельствомъ древнихъ актовъ, но и современными данными. Замѣтимъ прежде всего, что въ означенномъ направленіи, верстахъ въ 50 отъ Инсара, близъ заштатнаго города Шешкѣева проходитъ видимый донынѣ валъ; внутри самого Шешкѣева замѣтны слѣды бывшей прежде крѣпости; нѣтъ сомнѣнія, что этотъ валъ и эта крѣпость имѣли непосредственное отношеніе къ Инсарской чертѣ (**). Далѣе, въ томъ же направленіи встрѣчаются донынѣ разныя селенія, о коихъ достовѣрно извѣстно, что онѣ находились въ болѣе или менѣе близкомъ разстояніи отъ Инсарской черты. Нѣкоторыя даже изъ сихъ селеній были основаны вновь въ одно время съ устройствомъ Инсарской черты, на сторонѣ Русской, и жители ихъ надѣлены на этихъ мѣстахъ пашней и другими угодьями, съ обязанностію отправлять военную службу. Таковы именно слободы: *Потишская* и *Засѣчная*, село *Адашево*, деревни *Аленгино* и *Алекса*. Кромѣ ихъ въ старинныхъ

(*) Сваи были вбиты во рву или подлѣ рва, какъ сказано въ описи 1687 г.: « да за валомъ отъ степной стороны подлѣ рву надолобы ».

(**) Въ одномъ актѣ Московскаго Главнаго Архива Минист. Иностр. дѣлъ, писанномъ вскорѣ послѣ 1662 г., упоминаются слѣдующія укрѣпленія по *Саранской чертѣ*: *Инзерской* (острогъ? его не должно смѣшивать съ Инсаромъ), *Отемарской* острогъ, *Шечкѣевской*. Но кажется, что здѣсь выраженіе: « Саранская черта » должно принимать только въ смыслѣ укрѣпленной черты, идущей отъ Саранска къ Шешкѣеву, а не черты, приписанной въ собственномъ смыслѣ къ Саранску, ибо за тѣмъ исчисляются города и остроги, находившіеся въ другихъ направленіяхъ отъ Саранска.

актахъ упоминаются *засѣчныя Кортляевскія крѣпости* и *Кортляевскій острогъ*, названные такъ отъ рѣчки *Кортляй*. На этой рѣчкѣ, отдѣльно отъ крѣпостей, но вблизи ихъ, на Русской сторонѣ, были поселены многіе переведенцы, набранные въ службу изъ Мордвы окрестныхъ селеній. Невдалекѣ отсюда былъ, вѣроятно, и *Туляевскій острогъ* съ *засѣчными крѣпостями* по *Туляевской дорогѣ*, близь коихъ, по свидѣтельству актовъ, также поселена Мордва, переведенная сюда изъ за валу, съ Крымской стороны, гдѣ была набрана изъ разныхъ деревень. Наконецъ говорится еще объ острогѣ *Сухменскомъ;* этотъ острогъ, если не ошибаюсь, долженъ былъ находиться уже недалеко отъ того пункта, гдѣ Инсарскіе служилые люди, оберегавшіе свою черту, съѣзжались съ служилыми людьми Саранскими, которые останавливались здѣсь, проѣзжая изъ Саранска вдоль по чертѣ своего города.

Приведенныя свидѣтельства источниковъ могутъ служить поясненіемъ и тому, какъ устроена была крѣпостная черта на противоположной сторонѣ отъ описанной нами къ Инсару, именно на протяженіи отъ этого города къ Нижнему и Верхнему Ломову. Къ сожалѣнію здѣсь оставляютъ насъ памятники, указывая только на *Лухменскій острогъ* и *засѣчныя крѣпости на рѣкѣ Лухмѣ*, построенныя на Инсарской чертѣ, въ этомъ направленіи, одновременно съ самимъ городомъ, почему объ нихъ уже упоминается въ строельныхъ книгахъ воеводы Борнякова, въ 1648 году. Здѣсь же замѣчено, что для обереженія засѣчныхъ крѣпостей на Лухмѣ изъ разныхъ селеній Темниковскаго уѣзда, съ тяглыхъ жеребьевъ, была переведена сюда Мордва и приверстана въ козачью службу. Вотъ начало селеній Лухменскихъ, коихъ въ этомъ направленіи, не въ дальнемъ другъ отъ друга разстояніи, и теперь въ Инсарскомъ уѣздѣ считается три: село *Верхняя Лухма*, деревня *Нижняя Лухма* и село Покровское, *Лухменскій Майданъ* тожъ. Соединяясь еще нѣсколько далѣе съ Нижнеломовскою чертою, Инсарская черта вмѣстѣ съ тѣмъ примыкала къ укрѣпленной линіи или засѣкѣ, устроенной уже въ 1636 году на пространствѣ отъ Шацка (чрезъ Нижній Ломовъ) до Тамбова и отъ Тамбова до Козлова (См. Акт. Экспедиц. т. III, №№ 260, 261 и 268).

Чтобы окончить отчетъ объ устройствѣ Инсарской черты, мы должны ко всему сказанному прибавить, что и здѣсь, какъ по другимъ засѣкамъ, на степной сторонѣ, были учреждены *подъѣзды*, *станы* и *сторожи*. Въ подъѣздъ посылались служилые люди изъ города за приписанную къ нему черту, въ степь, для «провѣдыванія вѣстей про непріятельскихъ воинскихъ людей.» Иногда отправляема была съ тою же цѣлью *станица*, то есть нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ. Мѣсто, гдѣ они обыкновенно останавливались для собиранія свѣдѣній называлось *станомъ* или также *станицей*, отчего и самые служилые люди назывались иначе *станичниками*. Напротивъ того *сторо̀жи* были такіе пункты или возвышенныя мѣста, гдѣ постоянно находились сторожа̀, наблюдавшіе за всѣмъ, что̀ происходило въ степи. Извѣстно, что такіе сторожи были разставлены не въ дальнемъ разстояніи одинъ отъ другаго, такъ что сообщеніе вѣстей о непріятеляхъ въ городъ передавалось чрезвычайно скоро посредствомъ извѣщенія ими другъ друга, а ближайшимъ къ городу сторожемъ самого городскаго начальства. Такія вѣсти, какъ скоро представляли малѣйшую важность, сообщались тотчасъ въ другіе города, въ которые было назначено Правительствомъ. Подобныя сообщенія производились чрезъ *вѣстовщиковъ*, нарочно для того приставленныхъ.

Инсарская черта недолго оставалась украйной или пограничной съ степью. Не далѣе какъ въ 1677 году была проведена укрѣпленная *черта Пензинская*, въ слѣдствіе чего «Инсарская черта стала въ Пензинскомъ валу», какъ сказано въ одномъ актѣ (*). Съ этихъ поръ нѣкоторыя деревни, обязанныя службой, по Инсарской засѣкѣ, были посажены на тягло, а изъ другихъ взяты по выбору служилые люди, поселенные слободами близь Пензинской черты, гдѣ они надѣлены пашнею и другими угодьями съ обязанностями службы.

(*) Въ какомъ направленіи проведена была Пензинская черта, мнѣ достовѣрно неизвѣстно. Есть ясныя указанія, что она шла отъ Пензы на западъ сначала къ Мокшану (почему нынѣшнее селеніе Рамзай, находящееся въ 24 верстахъ отъ Пензы по Мокшанской почтовой дорогѣ, было однимъ изъ остроговъ Пензинской черты), потомъ къ Верхнему Ломову. Но какъ шла она съ другой стороны отъ Пензы? По всей вѣроятности на сѣверъ къ Саранску или Корсуни, ибо только въ такомъ случаѣ Инсарская черта могла остаться внутри черты Пензинской, или «быть въ Пензинскомъ валу».

III.

Инсарскіе воеводы и управленіе городское и уѣздное до Петра Великаго.

Первый Инсарскій воевода, о которомъ упоминается въ актахъ былъ *Григорій Борняковъ*. Объ немъ извѣстно, что онъ набиралъ служилыхъ и посадскихъ людей изъ разныхъ селеній и *строилъ* ихъ на вѣчное житье частію въ самомъ Инсарѣ, частію у засѣчныхъ крѣпостей. Хотя есть прямыя свидѣтельства, что это дѣло продолжали и послѣдующіе воеводы; но нѣтъ сомнѣнія, что дѣйствительно Борняковъ былъ если не первый, то однимъ изъ первыхъ воеводъ Инсарскихъ; почему въ актахъ приводятся преимущественно справки изъ строельныхъ книгъ, составленныхъ имъ въ 1648 году. Изъ слѣдовавшихъ непосредственно за Борняковымъ воеводъ ни одинъ не называется въ актахъ до 1661 г. Къ этому году относится древнѣйшая царская грамота, уцѣлѣвшая въ Инсарскомъ архивѣ Уѣзднаго Суда, писанная на имя воеводы Савелья Ивановича *Салова*. Съ тѣхъ поръ мы можемъ представить достовѣрную перечень большей части Инсарскихъ воеводъ, которые очень часто смѣняли другъ друга, до конца XVII столѣтія. Именно, въ актахъ послѣ 1662 г. упоминается воевода *Малюта Дурышкинъ*; подъ 1667 годомъ встрѣчается имя воеводы *Челищева*; до 1671 года *Панова;* подъ 1671 годомъ *Яна Вышеславцова;* подъ 1674-мъ *Ивана Лаптева;* подъ 1678 *Никифора Юшкова;* подъ 1679 *Василья Норова;* подъ 1681-мъ *Василья Брюхатова*. До 1684 года былъ воеводой *Иванъ Языковъ*, котораго смѣнилъ князь *Иванъ Тляшевичь Кугушевъ*, остававшійся воеводой до 1687 года, въ которомъ сдалъ Инсаръ воеводѣ *Василью Сербину*. Подъ 1689 годомъ упоминается въ актахъ воевода *Максимъ Ярлыковъ*; подъ 1696-мъ *Данило Поливановъ;* наконецъ подъ 1699-мъ *Павелъ Загряжскій*, который оставался воеводой и въ 1700 году.

Инсаръ, вмѣстѣ съ своимъ вновь образованнымъ уѣздомъ (*), съ самаго его учрежденія, находился въ вѣдомствѣ Приказа Казанскаго Дворца. Отсюда Инсарскіе воеводы получали грамоты и сюда же отправляли всѣ отписки, касавшіяся до ихъ управленія. Какія же въ особенности дѣла подчинены были ихъ завѣдыванію въ городѣ и уѣздѣ, это достаточно видно изъ наказа, даннаго въ 1684 году октября 15, воеводѣ князю Кугушеву (**) и изъ царскихъ грамотъ (хранящихся въ Архивѣ Инсарскаго Уѣзднаго Суда), писанныхъ къ разнымъ воеводамъ отъ 1661-го до 1700 года включительно. Такъ точно какъ и воеводы въ другихъ городахъ пограничныхъ, воевода Инсарскій завѣдывалъ вмѣстѣ и военною и гражданскою частью (***).

(*) Весьма трудно опредѣлить границы древняго Инсарскаго уѣзда на основаніи однихъ источниковъ печатныхъ и тѣхъ, которые были у насъ въ рукахъ. Но, кажется, можно безошибочно сказать, что нынѣшній Инсарскій уѣздъ занимаетъ болѣе обширную мѣстность, нежели первоначальный и что этотъ послѣдній увеличился еще до Петра Великаго съ того времени какъ Инсарская черта (которою онъ сначала былъ ограниченъ) потеряла свое значеніе по мѣрѣ укрѣпленія черты Пензинской.

(**) См. этотъ наказъ въ Временникѣ Московскаго Общ. Ист. и Древн. Росс., книжкѣ 14, въ смѣси.

(***) Сообщаемыя здѣсь подробности объ обязанностяхъ Инсарскихъ воеводъ по устройству и управленію ихъ городомъ и уѣздомъ поясняютъ намъ обязанности воеводъ во всѣхъ вообще городахъ, въ особенности пограничныхъ; вотъ почему мы рѣшились воспользоваться въ настоящей статьѣ этими данными, которыя, съ нѣкоторыми ограниченіями, очевидно должны быть приняты къ свѣдѣнію въ Исторіи Русскаго законодательства. При этомъ считаю не безполезнымъ сдѣлать одно замѣчаніе, полученное мною какъ выводъ изъ многихъ просмотрѣнныхъ въ рукописяхъ воеводскихъ наказовъ, писанныхъ въ разное время, въ разныя мѣста и разнымъ лицамъ. Обыкновенно наказъ, вручавшійся воеводѣ при отправленіи его на воеводское мѣсто въ извѣстный городъ или острогъ, составлялся въ Приказѣ, вѣдомству котораго подлежало мѣсто назначенія этого воеводы. При такомъ составленіи наказа всегда основаніемъ ему служилъ наказъ, врученный прежнему воеводѣ того же мѣста. По этой причинѣ въ черновомъ подлинникѣ новаго наказа переписывался сначала отъ слова до слова означенный прежній наказъ. За тѣмъ представлялся онъ дьяку, въ вѣдомствѣ котораго, изъ числа разныхъ столовъ Приказа, находился столъ, гдѣ производились дѣла по тому городу или острогу. Дьякъ, по приказанію боярина, управлявшаго Приказомъ или Четвертью, дѣлалъ въ представленной ему копіи тѣ измѣненія или

Въ отношеніи военномъ (*), ему были подчинены всѣ крѣпостныя строенія какъ въ Инсарѣ, такъ и по всей Инсарской чертѣ, вмѣстѣ съ служилыми людьми, поселенными въ городѣ, острогахъ и слободахъ съ военною цѣлью. Вѣрный этой цѣли воевода былъ обязанъ: 1) заботиться о томъ, чтобы назначенное число служилыхъ людей находилось на лице и было «устроено на вѣчное житье» въ Инсарѣ или слободахъ и острогахъ; 2) имѣть постоянно наблюденіе, чтобы служилые люди снабжены были оружіемъ, а укрѣпленія находились всѣ въ порядкѣ и исправности; 3) получать вѣрныя свѣдѣнія о набѣгахъ непріятельскихъ не только въ степи, прилегающей къ его чертѣ, но и въ другихъ уѣздахъ, и принимать всѣ нужныя мѣры для защиты своего города и уѣзда и вмѣстѣ съ тѣмъ той части Россіи, которой Инсарская черта служила однимъ изъ украйныхъ укрѣпленій. По всѣмъ этимъ предметамъ мы находимъ

исправленія прежнихъ статей, которыя оказывались нужными сообразно общимъ распоряженіямъ Правительства и временнымъ и мѣстнымъ обстоятельствамъ того края, куда посылался новый воевода, а въ концѣ копіи прибавлялъ тѣ статьи, которыя практическимъ путемъ накопились въ Приказѣ какъ дополненія къ прежнему наказу вслѣдствіе вопросовъ, жалобъ или другихъ основаній, возникшихъ и рѣшенныхъ въ промежутокъ между отправленіемъ отставляемаго воеводы и новаго, для котораго составлялся наказъ. Наконецъ приписывалось общее всѣмъ наказамъ заключеніе объ опалѣ, какой подвергаетъ себя воевода въ случаѣ неисполненія той или другой статьи наказа. Послѣ такой редакціи наказъ переписывался, скрѣплялся на оборотѣ листковъ, по склейкамъ, и въ концѣ акта дьякомъ и, на оборотѣ послѣдняго листка, справлялся подьячимъ. Имѣя въ виду эту форму составленія наказовъ, нельзя не согласиться, что содержаніе каждаго изъ нихъ, взятаго въ отдѣльности, въ Исторіи Русскаго законодательства должно имѣть гораздо болѣе обширное примѣненіе, нежели можно думать судя по частному назначенію того или другаго наказа. Но для дополненія свѣдѣній, сообщаемыхъ актами Инсарскаго архива объ обязанностяхъ воеводъ, мы будемъ мѣстами обобщать ихъ данными на основаніи другихъ извѣстныхъ намъ наказовъ.

(*) Не всѣ воеводы вообще имѣли въ своемъ вѣдѣніи военное управленіе: намъ извѣстны наказы, въ коихъ не говорится ничего объ обязанности воеводъ принимать городъ или острогъ и завѣдывать принадлежащими къ нимъ служилыми людьми. Причина, вѣроятно, та, что въ такихъ мѣстахъ не было ни военныхъ укрѣпленій, ни войска.

подробную инструкцію въ наказѣ 1684 года и въ другихъ актахъ. Во-первыхъ, въ отношеніи къ служилымъ людямъ, ихъ числу и устройству, воеводѣ предписывается при самомъ прибытіи его въ городъ принять у отставленнаго воеводы прежнія поручныя записи на служилыхъ людей и списки строельнымъ книгамъ; далѣе — самому сдѣлать имъ имянную роспись «по статьямъ, чьего кто пріему служилые люди и всѣль дворами и пашнями устроены». Этого мало: воевода былъ обязанъ по всѣмъ означеннымъ статьямъ отписать подробно въ Приказъ (Казанскаго Дворца), что имъ въ какомъ видѣ найдено, и вмѣстѣ съ своимъ донесеніемъ отправить тудаже за своею скрѣпою «росписи и чертежъ городовымъ и засѣчнымъ крѣпостямъ, именные списки служилымъ и жилецкимъ людямъ и строелные книги пашнямъ и дворовому строенью». Въ особенную обязанность вмѣняется ему также заботиться о томъ, чтобы служилые люди «записанные въ службы» въ городѣ и по его чертѣ, дѣйствительно были здѣсь «устроены на вѣчное житье», т. е. чтобъ они обзавелись и построились дворами на указанныхъ имъ мѣстахъ, пахали отведенную имъ пашню и имѣли запасный хлѣбъ на будущее время. Недостающее число служилыхъ людей противъ положеннаго на засѣкѣ воевода долженъ былъ прибирать вновь изъ людей вольныхъ, «которые (какъ говорится въ актахъ) ни въ какихъ службахъ не бывали и въ тяглѣ ни за кѣмъ не живали»; за тѣмъ такимъ «новоприборнымъ» отводить земли подъ дворы и подъ пашню, назначая послѣднюю изъ порожнихъ оброчныхъ и помѣстныхъ земель, опредѣленныхъ для этой цѣли при прежнихъ воеводахъ. Они записывались въ особенныя заведенныя для того книги; взятыя же относительно ихъ поручныя записи воевода отсылалъ въ Приказъ (*). Что касается до исправнаго вооруженія какъ служилыхъ людей, такъ и укрѣпленій, воевода былъ также обязанъ, при самомъ пріѣздѣ своемъ въ городъ и пріемѣ его отъ прежняго воеводы, осмотрѣть «сколко на городѣ и въ казнѣ зелья и свинцу и всякихъ пушечныхъ запасовъ», при чемъ все найденное на лице подробно изчислялось въ отпискѣ;

(*) Въ 1679 г. по случаю увольненія служилыхъ людей Лухминскаго

представляемой воеводою въ Приказъ о принятіи города. Вмѣстѣ съ тѣмъ отъ времени до времени дѣлались воеводамъ предписанія изъ Приказа « переписать сколко у служилыхъ людей казенного и своего ружья », и переписные книги такого содержанія присылать въ Москву. Изъ дошедшихъ до насъ актовъ можно видѣть, что нѣкоторые изъ стрѣльцовъ и казаковъ, находившихся въ службѣ, обзаводились дѣйствительно своимъ оружіемъ и пользовались только порохомъ и свинцомъ изъ казны; но какъ извѣстно, что служилые люди при самомъ опредѣленіи ихъ на службу получали пищали, мушкеты и ружья казенные (« за казеннымъ пятномъ » или клеймомъ), то не слѣдуетъ ли отсюда заключить, что своимъ оружіемъ они были обязаны обзаводиться тогда, когда казенное уже дѣлалось негоднымъ вслѣдствіе долговременнаго употребленія. Вотъ почему въ городовой казнѣ всегда былъ запасъ новыхъ оружій всякаго рода. Но въ тѣхъ же описяхъ упоминаются хранившіеся въ казенныхъ анбарахъ негодные къ употребленію пищали, мушкеты, карабины, и проч. Можетъ быть они отбирались отъ тѣхъ служилыхъ людей, которые не въ состояніи были сами обзавестись новымъ оружіемъ; почему, по представленіи ими стараго, казна снабжала ихъ сама твердымъ, получая съ нихъ слѣдовавшія за то деньги по времени. Если такъ, то ясно, отчего въ актахъ упоминается, что только нѣкоторые обзаводятся своимъ собственнымъ новымъ оружіемъ. Точно также, какъ воевода былъ обязанъ заботиться объ исправности вооруженія служилыхъ людей, онъ долженъ былъ имѣть постоянное наблюденіе и за исправностью самихъ укрѣпленій: объ этомъ можно судить по тѣмъ частымъ донесеніямъ, какія находимъ въ отпискахъ многихъ воеводъ XVII вѣка въ тотъ или другой Приказъ (смотря по тому, какому изъ нихъ подчиненъ былъ городъ, завѣдываемый воеводою) о необходимости разныхъ починокъ у городскихъ стѣнъ, башень и другихъ крѣпост-

---

острога изъ Мордвы на тягло, предписано было воеводѣ Норову, вмѣсто нихъ « въ прибавку къ Инсарскимъ козакомъ прибрать въ службу изъ ихъ козачьихъ дѣтей и изъ братьи и изъ племянниковъ, которые въ службу поспѣли и написаны въ переписныхъ книгахъ, *чтобы тѣхъ козаковъ было въ службѣ тожъ число, сколко было* ».

ныхъ строеній. Обыкновенно такая починка старыхъ укрѣпленій, равно какъ и устройство новыхъ производились сошными людьми, не только приписанными къ городу, но и нѣсколькихъ уѣздовъ, приписанныхъ къ какому нибудь одному главному мѣсту; на нихъ возлагалась обязанность не только давать плотниковъ, но и поставлять самые матеріалы, необходимые для назначенной постройки (*). Относительно укрѣпленій Инсарской черты до насъ дошло донесеніе въ Приказъ воеводы Вышеславцова въ 1671 году. На основаніи сдѣланнаго имъ осмотра оказалось, что « по Инсарской и по Потишской чертѣ земляной валъ и тарасы и честики и надолобы и по валу глухіе башни и на башняхъ кровли погнили и обалялись во многихъ мѣстехъ ». Но изъ отписки воеводы Сербина о принятіи имъ Инсара въ 1687 г., видно, что крѣпостныя укрѣпленія были уже исправлены. Впрочемъ починкою укрѣпленій еще не ограничивалась дѣятельность воеводы: Правительство требовало, чтобы онъ сверхъ того постоянно заботился объ исправномъ содержаніи земляныхъ заваловъ и тарасовъ, берегъ городъ отъ огня и наблюдалъ за цѣлостію лѣса, нужнаго для заваловъ. Поясненіе этихъ обязанностей воеводы содержится въ наказѣ 1684 года, которымъ мы и воспользуемся, чтобъ указать на мѣры, признававшіяся въ то время полезными или необходимыми въ отношеніи къ означеннымъ цѣлямъ. « А какъ аже дастъ Богъ, говорится въ наказѣ, учнетъ приспѣвать вешнее время, — велѣть по Инсарской засѣкѣ съ земляныхъ заваловъ и съ тарасовъ снѣгъ сгребать тутошнимъ служилымъ и жилецкимъ людемъ, чтобъ снѣжною водою засѣчныхъ земляныхъ крѣпостей не размыло и никакіебъ порухи надъ засѣчными крѣпостьми не учини-

---

(*) О посошной повинности и о сошномъ расчетѣ въ настоящемъ случаѣ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ. Что касается до Инсара, то въ наказѣ 1684 г. предписывается воеводѣ « городовыхъ и засѣчныхъ крѣпостей осматривать почасту, да буде которые крѣпости которыми мѣрами попортятца, и тѣ крѣпости подѣлывать Инсарскими и Инсарской засѣки служилыми и жилецкими и уѣздными всякихъ чиновъ людми, чтобъ на Инсарѣ и по Инсарской засѣкѣ во всякихъ крѣпостяхъ отнюдь худыхъ старыхъ и вновь порченыхъ мѣстъ не было ».

лось». Далѣе предписывается у рва, отъ поля съ Русской стороны траву окашивать и свозить ее, а если нельзя свозить, то жечь «чтобъ отъ сухіе травы городомъ и острогомъ и засѣчнымъ крѣпостямъ какіе порухи не учинилось». На случай пожара, требуется «чтобъ для засѣчнаго береженья у служилыхъ и жилецкихъ людей были топоры и метлы». Наконецъ, лѣса, которые подошли близко къ засѣкѣ велѣно рубить и возить, кому понадобится на обиходъ, дабы «за тѣми засѣчными крѣпостьми въ лѣсу и въ дубровахъ воинскимъ людемъ (непріятелю) укрыться было не мочно»; но за тѣмъ въ лѣса, гдѣ «сѣчены залежные засѣки, или которые впредь пригодятца на лѣсные запасы» не вѣлено никому въѣзжать: они признаются заповѣдными. — Касательно провѣдыванія вѣстей о непріятеляхъ мы имѣемъ слѣдующія данныя въ томъ же наказѣ. Валъ и засѣчныя крѣпости должны были охраняться караульными, разставленными по близости другъ отъ друга («сторожи частые»). Для такихъ карауловъ назначалось потребное число служилыхъ людей, которымъ и вмѣнялась исключительно въ обязанность эта служба: они отправляли ее, перемѣняясь между собою на указанныхъ имъ мѣстахъ. Сверхъ того предписывается имѣть постоянно двухъ сторожей для наблюденій на всемъ протяженіи засѣки, начиная отъ черты Ломовской до черты Саранской: они должны были ѣздить вдоль по засѣкѣ со стороны Русской и на этихъ двухъ оконечностяхъ своей линіи размѣниваться извѣстіями съ сторожами той и другой пограничной засѣки. Выше мы говорили о станицахъ и сторожахъ: въ наказѣ упоминается, что станицы должны посылаться въ тѣ же мѣста, куда обыкновенно дѣлался подъѣздъ; а сторожи, назначаясь также «противъ прежняго», должны снабжаться сторожами: какъ имъ, такъ и станичникамъ вмѣняется въ обязанность неоплошно, всѣми мѣрами, провѣдывать «вѣстей про воинскихъ людей, чтобы безвѣстно не пришли и надъ городами и надъ уѣзды дурна не учинили». Для передачи вѣстей въ другіе города, для полученія изъ этихъ городовъ нужныхъ свѣдѣній и вообще для сообщенія съ ними положены *вѣстовщики*, также изъ служилыхъ людей, приписанныхъ къ чертѣ. Въ отношеніи ко всѣмъ означеннымъ «посылкамъ» (такъ называется здѣсь исправленіе исчисленныхъ порученій) воеводѣ дается слѣдую-

щая инструкція: въ подъѣзды въ станицы и вѣстовщиковъ посылать на «*лошадяхъ добрыхъ*»; приказывать станичникамъ, вѣстовщикамъ и сторожамъ ѣздить съ большимъ береженьемъ; на станахъ ставиться въ мѣстахъ крѣпкихъ и всячески остерегаться, чтобъ на нихъ не пришли «безвѣстно» воинскіе люди, не побили ихъ и не взяли въ полонъ; въ случаѣ же, если кто изъ нихъ попадетъ въ плѣнъ къ непріятелямъ и его станутъ распрашивать о «вѣстяхъ», говорить, что «въ государевыхъ украинныхъ городѣхъ и на Инсарѣ и на Ломовѣ и на Отемарѣ и на засѣкахъ стоятъ воеводы болшіе, а съ ними столники и стряпчіе и дворяне Московскіе и жилцы и городовые дворяне и дѣти боярскіе и всякіе служилые многіе съ огненнымъ боемъ». Вотъ подробности военныхъ обязанностей воеводы въ пограничномъ городѣ! Какъ живо онѣ рисуютъ тревожный бытъ народонаселенія, расположеннаго на рубежѣ съ степными народами, постоянно стоящаго на стражѣ, постоянно готоваго къ бою, чтобъ отражать набѣги и нападенія кочевыхъ станицъ. Но и предосторожностей недостаточно: Правительство предвидитъ и знаетъ по опыту, что рано или поздно къ самой чертѣ, къ самому городу «учинитца приходъ воинскихъ людей», и вотъ въ наказѣ воеводскомъ оно указываетъ на мѣры, какія слѣдуетъ принять воеводѣ, чтобъ отстоять пограничную линію. Какъ скоро, говорится здѣсь, подступятъ «Татары» къ Инсарѣ и къ Инсарской чертѣ, воевода обязанъ «сослаться» съ воеводами Ломовскимъ, Керенскимъ и Отемарскимъ, разумѣется для того, чтобъ они прислали ему помощь; между тѣмъ самому, со всѣми служилыми людьми «на Инсарѣ и на Инсарской чертѣ жить съ великимъ береженьемъ, и прося у Бога милости и у Пречистые Богородицы помощи надъ тѣми воинскими людьми учинить *поискъ*». Подъ этимъ поискомъ, по видимому, должно разумѣть не болѣе какъ вылазки на непріятеля, для того чтобъ не пропустить его въ Русскую сторону черезъ засѣку; такой выводъ подтверждается тѣмъ, что тутъ же воеводѣ запрещается посылать на засѣку и въ степь воинскихъ людей противъ непріятеля «чтобъ малыми людми не сойтитца и людей бы не потерять». Взятыхъ у непріятеля въ плѣнъ или перешедшихъ отъ него къ Русскимъ слѣдуетъ роспрашивать «про всякіе вѣсти», и ихъ самихъ, вмѣстѣ съ

роспросными рѣчами, присылать въ Москву съ нарочными гонцами, если «за ними вѣсти болшіе», или съ ѣздоками и посыльщиками, отправленными въ столицу по другимъ дѣламъ, если отобранныя отъ нихъ извѣстія не слишкомъ важны и не обязываютъ воеводу къ безотлагательному донесенію.

До сихъ поръ свѣдѣнія о военныхъ обязанностяхъ Инсарскихъ воеводъ касаются города и его черты, какъ пограничныхъ укрѣпленій (*). Но, какъ замѣчено уже выше, съ 1677 г. начато устройство Пензинской черты (**), въ слѣдствіе чего Инсарская черта, по выраженію современниковъ, стала «въ Пензинскомъ валу». Это событіе должно было очевидно болѣе или менѣе измѣнить назначеніе Инсарскихъ служилыхъ людей, перенося ихъ обязанности если не сполна, то по крайней мѣрѣ отчасти на служилыхъ людей вновь устроенной Пензинской засѣки. Дѣйствительно, источники указываютъ намъ съ этихъ поръ съ одной стороны на значительное ограниченіе числа жителей, поселенныхъ въ слободахъ у Инсарской черты, изъ коихъ многіе были отпущены на прежнія мѣста своего поселенія, въ тягло; съ другой стороны на новыя

(*) Прибавимъ ко всему сказанному здѣсь о военныхъ обязанностяхъ воеводъ въ пограничныхъ городахъ и острогахъ, еще слѣдующія указанія, находящіяся въ наказахъ воеводскихъ вообще: 1) при самомъ пріѣздѣ своемъ воевода долженъ былъ принять отъ отставленнаго воеводы *ключи* города или острога; 2) имѣть во время своего управленія надзоръ за обученіемъ служилыхъ людей города ратному строю и дѣлать имъ такъ называемые смотры; почему подъ вѣдѣніемъ его состояли всѣ начальники мѣстнаго войска: въ полкахъ стрѣлецкихъ головы, а въ полкахъ, образованныхъ по образцу иностранныхъ, полковники, полуполковники, капитаны, и проч.; 3) имѣть наблюденіе, чтобы служилые люди не причиняли никому вреда изъ жителей уѣздныхъ, и въ противномъ случаѣ подвергать ихъ наказанію.

(**) О началѣ Пензинскаго вала въ означенномъ выше году прямо упоминается въ Царской грамотѣ 1679 г. марта 12 Инсарскому воеводѣ Василью Сидоровичу Норову (см. акты Инсарскаго уѣздн. суда), гдѣ сказано: «въ прошломъ во 185 г. по нашему В. Государя указу велѣно отъ Пензы города по Пензинской чертѣ до Ломовской засѣки сдѣлать валъ, для приходу воинскихъ людей, и по отпискамъ воеводы Павла Языкова, сдѣлано того волового дѣла по нынѣшней 187 г. вполы и болши.»

обязанности, возложенныя Правительствомъ на служилыхъ людей, приписанныхъ къ Инсарской засѣкѣ. Первою изъ такихъ обязанностей было участіе ихъ въ устройствѣ самого Пензинскаго вала. Въ 1678 г. Пензинскій воевода Языковъ писалъ къ Инсарскому, что ему велѣно «додѣлать Пеньзинскую черту, земляной валъ и засѣчные крѣпости, а *дѣловцамъ быть* у того волового дѣла *Инсарскимъ съ посаду и съ уѣзду* и иныхъ городовъ». Неизвѣстно въ какой мѣрѣ былъ исполненъ этотъ указъ; но послѣ того какъ въ 1680 г. Пензу взяли «Азовскіе и Крымскіе Татары», при чемъ 350 дворовъ ими сожжено, тогда же были приняты дѣятельныя мѣры къ окончательному укрѣпленію Пензинской черты. Въ этомъ году дѣйствительно Инсарскій воевода Норовъ прислалъ въ Пензу «Инсарскихъ дѣловцовъ», которые и поступили на работу. Впрочемъ нѣтъ достовѣрныхъ свѣдѣній были ли и въ 1680 г. окончены всѣ укрѣпленія Пензинской черты. Кажется, что нѣтъ, судя по царской грамотѣ 1693 г., писанной въ сентябрѣ мѣсяцѣ къ воеводѣ Синбугину (*). Здѣсь говорится, что велѣно Пензинскому воеводѣ Чемоданову «Пензиньское воловое дѣло дѣлать тѣми жъ городами, которыми указано»; слѣдоват. въ томъ числѣ и Инсарскими служилыми людьми. Замѣчательно, что для обереженія «дѣловцовъ» назначено быть при нихъ ратнымъ людямъ изъ тѣхъ же городовъ. Работа должна была начаться осенью того же года, или, въ случаѣ невозможности производить ее въ этомъ году по причинѣ поздняго времени, съ весны 1694 года. Въ исполненіе указа, воевода Синбугинъ въ 1694 г. 9-го іюня отправилъ къ Чемоданову «дѣловцовъ и служилыхъ людей», собранныхъ изъ всѣхъ чиновъ Инсарскаго уѣзда. Отписка этого воеводы и роспись «дѣловцомъ и служилымъ людемъ», представленные Чемоданову прапорщикомъ драгунскаго строя Игнатьемъ Колачовымъ, въ связи съ другими актами, проливаютъ свѣтъ на различные разряды служилыхъ людей и обывателей Инсарскаго уѣзда въ концѣ XVII ст.; почему мы воспользуемся ими, чтобы пополнить представленныя нами прежде свѣдѣнія объ

(*) См. эту грамоту въ Архивѣ Инсарск. Уѣздн. Суда.

устройствѣ и управленіи этого уѣзда до Петра Великаго. Во главѣ служилыхъ людей упоминаются здѣсь такъ называемые *ратные люди полковой службы*. Сюда принадлежали, кромѣ « ратныхъ людей Московскаго чину », которые служили по наряду съ Инсарцами, — природные Инсарцы (Русскіе), иноземцы, Мордва, Татары и Чуваши, какъ принявшіе христіанство (новокрещены), такъ и нехристи. Но въ строевой службѣ это различіе служилыхъ людей по народному происхожденію подчинялось раздѣленію ихъ на различные полки или отряды, изъ коихъ каждый, по роду службы, носилъ особенное названіе и передавалъ его отдѣльнымъ зачисленнымъ въ него лицамъ. На этомъ основаніи въ спискахъ Инсарскихъ служилыхъ людей перечисляются: дворяне и дѣти боярскіе (Инсарцы въ собственномъ смыслѣ), стрѣльцы, копейщики, пушкари, затинщики, рейтары, солдаты, драгуны и козаки (*). Болѣе общимъ раздѣленіемъ служилыхъ людей по полкамъ было раздѣленіе ихъ на полки конные и пѣшіе. За ратными людьми полковой службы слѣдовали служилые люди засѣчные (т. е. поселенные на засѣкѣ для ея охраненія), сторожи, станичники и розсыльные (розсылщики) подъ разными названіями: гонцы, вѣстовщики, ѣздоки, и проч. Обыватели сельскіе раздѣлялись на крестьянъ Русскихъ и Татарскихъ, бобылей, крестьянъ ясашныхъ и Мордву; но сверхъ того было еще другое общее во всей Руси раздѣленіе крестьянъ Русскихъ (въ томъ числѣ отчасти и Татарскихъ) на патріаршихъ, митрополичьихъ, (владычнихъ), монастырскихъ, помѣщичьихъ и вотчинниковыхъ и казенныхъ или тягловыхъ въ собственномъ смыслѣ.

(*) Полкъ назывался иначе *строемъ*, почему говорилось: драгунского строю (столько-то человѣкъ или такой-то), солдатского строю, рейтарскаго, и т. д. Любопытно, что при этомъ перечисленіи людей полковой службы въ актахъ всегда приводятся отдѣльно мурзы и недоросли « которые поспѣли въ службу »; точно также упоминается объ нихъ отдѣльно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ исчисляются разряды служилыхъ людей по происхожденію (напр. говорится: Русскіе люди, *мурзы*, Татары и Чуваша). Нѣтъ впрочемъ сомнѣнія, что въ строевой службѣ какъ мурзы, такъ и недоросли, поспѣвшіе въ службу, всегда принадлежали къ тому или другому изъ исчисленныхъ выше отрядовъ или полковъ.

При устройствѣ Пензинской черты ото всѣхъ этихъ сельскихъ обывателей «на *воловое дѣло*» брались дѣловцы подъ именемъ «посошныхъ людей». Древнее названіе «посошные люди», поставленное въ Инсарскихъ актахъ, очевидно должно выражать здѣсь тоже, что подъ нимъ разумѣется въ актахъ сѣверовосточныхъ, гдѣ изстари *посошными людьми* или *посошанами* назывались люди, собранные въ извѣстномъ числѣ съ каждой сохи для единовременнаго отправленія государственной службы, почему и самая такого рода служба носила имя *посошной* или *посохи*. Но не совсѣмъ вѣроятно, чтобы въ мѣстности, занимаемой нынѣшней Пензинской губерніей, въ тотъ періодъ времени, о которомъ мы говоримъ, было принято раздѣленіе земли по сошному письму, какое издревле встрѣчается въ сѣверовосточной Руси; по крайней мѣрѣ въ Инсарскихъ памятникахъ находимъ уже всюду указаніе на перепись жителей по дворамъ, при чемъ упоминается о переписныхъ книгахъ 1678 года. Точно такъ и въ отношеніи къ посошнымъ людямъ, назначеннымъ для Пензинскаго валоваго дѣла говорится, что они должны быть собраны со всѣхъ сельскихъ обывателей по одному человѣку съ лошадью и припасами съ каждыхъ 15 дворовъ (*). Это и было исполнено Синбугинымъ, судя по его отпискѣ къ Чемоданову. Но что касается до служилыхъ людей, то онъ не всѣхъ отправилъ въ Пензу, а часть изъ нихъ оставилъ «у казны пушечной и ружейной и зелейной и по валу для карауловъ и для провѣдыванія въ степи вѣстей и всякихъ воинскихъ воровскихъ людей». Хотя Чемодановъ былъ недоволенъ такимъ распоряженіемъ и грозилъ Синбугину, что онъ будетъ отвѣчать, если отъ недостатка людей учинится какой нибудь вредъ Пензинской чертѣ и дѣловцамъ отъ непріятеля; но

(*) Отсюда кажется ясно, что названія: посошные люди, посошная служба и посоха удержаны въ Инсарскимъ актахъ по принятому однажды обычаю въ юридической письменности сѣверовосточной Руси, между тѣмъ какъ имѣя въ виду установившійся въ концѣ XVII столѣтія сборъ такого рода людей съ извѣстнаго количества дворовъ (вмѣсто прежняго сбора съ сохи) ихъ слѣдовало бы въ это время скорѣе называть подворными, нежели посошными.

кажется, что все таки долженъ былъ довольствоваться на все время производства работъ высланными ему служилыми людьми и дѣловцами.

Другое назначеніе Инсарскихъ военныхъ людей состояло въ отправленіи ихъ на общую службу вмѣстѣ съ Русскими полками противъ непріятелей. Въ составѣ войска они причислялись къ Казанскому Розряду и набирались вмѣстѣ съ Казанцами и служилыми людьми другихъ низовыхъ городовъ. Такъ подъ 1686 и 87 годами въ Инсарскомъ архивѣ встрѣчаются Царскія грамоты къ воеводѣ Кугушеву о высылкѣ изъ Инсары и Инсарскаго уѣзда въ Бѣлгородъ на войну « всякихъ чиновъ конныхъ и пѣшихъ людей съ ружьемъ и съ знамены и съ литавры и съ трубами и съ барабаны ». Сверхъ того въ 1687 году былъ нарочно присланъ изъ Москвы въ Инсаръ нѣкто Коновницынъ, который долженъ былъ отвести здѣшнихъ ратныхъ людей въ Бѣлгородъ въ большой полкъ къ боярину и воеводѣ князю М. А. Голицыну съ товарищами; но при этомъ въ грамотѣ упоминается, что служилымъ Инсарцамъ велѣно выдавать Царское жалованье, по указнымъ статьямъ, въ Бѣлгородѣ. Впрочемъ для обереженія Инсара предписывалось оставить въ немъ людей отставныхъ « которые отставлены по розбору и послѣ розбору до 195 г. (1686 г.). »

Кромѣ означенныхъ двухъ повинностей, подъ 1700 годомъ мы встрѣчаемъ Инсарцевъ у корабельнаго дѣла (въ источникахъ не говорится гдѣ именно) и на рѣкѣ Камышенкѣ, при устройствѣ шлюзовъ подъ руководствомъ извѣстнаго въ нашей исторіи Яна Перри (Iean Perry). Кажется что для корабельнаго дѣла было взято несравненно болѣе значительное число рабочихъ, нежели къ шлюзному; но какъ относящихся къ нему актовъ недостаетъ, то подробности намъ неизвѣстны. Но за то до насъ дошли подлинные перечни какъ служилыхъ людей, такъ и работниковъ, высланныхъ въ то время на Камышенку (*). Изъ служилыхъ людей, сверхъ дворянъ и бо-

(*) Замѣтимъ мимоходомъ, что о службѣ Инсарцевъ на Камышенкѣ и на Дону упоминается еще гораздо ранѣе, именно въ отпискѣ воеводы Вы-

ярскихъ дѣтей, отправлена была половина (другая половина осталась дома) стрѣльцовъ, казаковъ, пушкарей и засѣчныхъ сторожей въ количествѣ 175 человѣкъ «съ добрымъ ружьемъ». Они должны были явиться въ полкъ къ князю Петру Ивановичу (Хованскому?) не позжѣ 10 апрѣля. Изъ обывателей же, для работы на Камышенкѣ, предписывалось выслать на основаніи переписныхъ книгъ 178 г. по одному пѣшему съ 5 дворовъ и по одному конному съ 50 дворовъ; но въ эту повинность должны были употребляться только тѣ, которые не ставили работниковъ на корабельное дѣло («которые не въ корабелной складкѣ»). По такому расчету выслано 70 человѣкъ пѣшихъ и 7 человѣкъ конныхъ, пѣшіе «съ мѣшками, чѣмъ земля носить, топорами, заступами и деревянными лопатами», а конные «съ лошадми, добрыми телѣгами, ужищами и топорами», притомъ тѣ и другіе съ запасами на 7 мѣсяцевъ. Въ дополненіе къ этимъ работникамъ изъ городовъ низовыхъ, также изъ Арзамаса, Касимова и Нижняго Новгорода къ шлюзному дѣлу на Камышенку было отправлено 540 человѣкъ плотниковъ и 60 человѣкъ кузнецовъ «со всѣми плотничными и кузнечными снастьми и съ полными запасы». Изъ сего числа взято было «съ Инсары съ посаду» 4 человѣка плотниковъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію обязанностей Инсарскаго воеводы по части гражданскаго устройства и управленія какъ въ городѣ, такъ и уѣздѣ.

Первымъ дѣйствіемъ его при вступленіи въ должность, такъ точно какъ и по военной части, было принятіе и осмотръ въ городѣ всѣхъ строеній гражданскаго вѣдомства, какъ то: церквей, съѣзжей избы, воеводскаго двора, тюрьмы, житницъ, и проч. При осмотрѣ составлялась не только всѣмъ строеніямъ, но и находящимся въ нихъ предметамъ самая подробная роспись. Такая роспись дѣлалась вмѣстѣ

шеславцева, отправленной въ Москву въ 1671 году говорится, что «по Инсарской и по Потишской чертѣ многіе козачьи службы Татаръ и Мордвы нынѣ впустѣ и пашни залегли, а тѣ де Татаровя и Мордва померли на В. Государя службѣ *на Дону* и *на Камышенкѣ*, а дѣтей послѣ ихъ у многихъ не осталось».

съ росписью о принятіи крѣпости, потому что осмотръ строеній и предметовъ какъ военнаго, такъ и гражданскаго вѣдомства производился въ одно и тоже время, равно какъ военное управленіе въ лицѣ воеводы соединялось неразрывно съ управленіемъ гражданскимъ. Сдачу всего означеннаго производилъ отставной воевода; почему самому роспись составлялась въ двухъ экземплярахъ, изъ коихъ на одномъ прежній воевода писалъ, что онъ все изчисленное въ росписи « по ней сдалъ », а на другомъ новый воевода отмѣчалъ, что онъ все означенное въ росписи « по ней принялъ ». Каждый воевода, подписавъ свой списокъ, передавалъ его другому. Такой размѣнъ списками назывался *роспискою*, а самые списки — *противнями*. Но « росписавшись », прежній воевода еще не дѣлался свободнымъ: онъ долженъ былъ подвергнуться ревизіи, начиная съ того времени какъ вступилъ въ управленіе городомъ и уѣздомъ, по самый день поступленія на его мѣсто другаго. Ревизія производилась, какъ необходимая обязанность, новымъ воеводой и заключалась въ повѣркѣ по книгамъ хлѣбнымъ, денежнымъ и запаснымъ, столько ли по всѣмъ означеннымъ въ нихъ статьямъ прихода и расхода находится на лице хлѣба, денегъ, ружья и другихъ предметовъ, сколько дѣйствительно должно быть по сдѣланному имъ счету; почему такая ревизія новаго воеводы на тогдашнемъ юридическомъ языкѣ называлась *счетомъ*. Если при этомъ оказывался недостатокъ (*начетъ*) по какимъ либо статьямъ прихода и расхода, то прежній воевода былъ неминуемо обязанъ его пополнить, иначе не могъ выѣхать изъ города. Напротивъ, какъ скоро всѣ эти условія были исполнены, новый воевода долженъ былъ немедленно отпустить прежняго, по его желанію; а самъ былъ обязанъ представить тотчасъ въ свой Приказъ сдѣланную имъ роспись, счетный списокъ, наличныя деньги и вообще все, что считалъ нужнымъ переслать въ Приказъ вмѣстѣ съ отправляемой имъ отпиской о вступленіи своемъ въ должность и о принятіи города (*).

(*) Это общее правило относительно Инсарскихъ воеводъ подтверждается слѣдующимъ мѣстомъ въ наказѣ, данномъ воеводѣ Кугушеву: « Пріѣхавъ

Въ Инсарскихъ актахъ до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній о томъ, былъ ли обычай со стороны новаго воеводы объявлять городскимъ и уѣзднымъ жителямъ о своемъ назначеніи. Есть впрочемъ данныя, которыя свидѣтельствуютъ о такомъ обычаѣ, особенно въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ ясашные крестьяне, Татары или Мордва, составляли бóльшую часть народонаселенія, какъ это было въ Инсарскомъ уѣздѣ до Петра Великаго. Такъ въ наказѣ, данномъ воеводѣ Нарымскаго острога Василью Янову, въ 1622 г., встрѣчается слѣдующее любопытное мѣсто: « А напредь всего велѣти быть Нерымскаго уѣзда княземъ и мурзамъ и Татарамъ и Вогуличамъ въ городѣ изъ волости человѣка по два и по три, а самому въ тѣ поры быти въ съѣзжей избѣ урядяся въ цвѣтномъ платьѣ, и служилымъ людемъ велѣти быти въ цвѣтномъ же платьѣ съ оружіемъ. А какъ ясашные люди сойдутся, и Василью ясашнымъ людемъ сказати Государево жаловалное слово, что Государь Царь и Великій Князь Ми-

---

на Инсару взять... всякіе пушечные запасы и прежніе Великихъ Государей наказы и грамоты и вѣстовые отписки и денги и въ житницахъ хлѣбъ, что есть на лицо, и книги приходу и росходу денгамъ и хлѣбу... и взявъ зелье и свинецъ перевѣсить и хлѣбные запасы перемѣрить, и пересмотря въ денгахъ и въ хлѣбѣ... въ томъ денежномъ и въ хлѣбномъ жалованьѣ и въ ружьѣ и во всякихъ дѣлахъ по приходнымъ и по росходнымъ книгамъ его Ивана (прежняго воеводу) *счесть* съ тѣхъ мѣстъ, какъ ему велѣно быть на Инсарѣ, да что на немъ денегъ и хлѣба и всякихъ запасовъ и какого ружья *взочтено* будетъ, и ему князь Ивану то велѣть на немъ Иванѣ *доправить* въ государеву казну все сполна... А досмотря всего и взявъ *начетные* денги и хлѣбные запасы и во всемъ съ нимъ *росписався*, отпустить его Ивана не задержавъ. А въ которомъ числѣ онъ князь Иванъ (Кугушевъ) на Инсару пріѣдетъ, и что... приметъ, о всемъ писати Великимъ Государемъ подлинно и *росписной* и *счетной списокъ* и городовымъ и засѣчнымъ крѣпостямъ росписи и чертежъ и служилымъ и жилецкимъ людемъ имянные списки и пашнямъ и дворовому строенью строелные книги прислати за своею рукою къ Москвѣ, и велѣть подать въ Приказѣ Казанского Дворца князю Борису Алексѣевичю Голицыну съ товарищи». Что все это исполнялось въ точности, можно видѣть изъ дошедшихъ до насъ отписокъ разныхъ воеводъ касательно принятія ими въ свое вѣдѣніе того или другаго города или острога, а относительно Инсарскихъ воеводъ подтверждается отпиской воеводы Сербина, напечатанной во «Временникѣ» кн. 14, смѣси стр. 9 и д.

хайло Θеодоровичъ всеа Русіи ихъ пожаловалъ своимъ Царскимъ жалованьемъ, велѣлъ ихъ держати въ своемъ Царскомъ милостивомъ призрѣньѣ, и ясаки съ нихъ велѣлъ имати рядовые, а вновь за посмѣхъ прибавливати не велѣлъ; и онибъ жили въ Царскомъ жалованьѣ въ тишинѣ и въ покоѣ безо всякаго сумнѣнія... А сказавъ имъ Государево жаловалное слово, велѣти ихъ накормити и напоити доволно государевыми запасы (*)». Подобныя же свѣдѣнія, хотя и гораздо болѣе краткія, встрѣчаются и въ нѣкоторыхъ другихъ наказахъ. Кромѣ того намъ извѣстно, что воеводамъ, по случаю вступленія ихъ въ должность, дѣлались разныя приношенія жителями городскими и уѣздными; очень вѣроятно, что представленіе этихъ приношеній соединялось съ объявленіемъ новаго воеводы о вступленіи его въ должность.

Самыя обязанности воеводскія, по части гражданскаго управленія городомъ и уѣздомъ, были весьма разнообразны, и потому, сверхъ частныхъ указаній на тѣ или другія изъ такихъ обязанностей въ относящихся сюда наказахъ мы встрѣчаемъ и общія неопредѣленныя выраженія. Такъ именно Инсарскимъ воеводамъ предписывалось имѣть въ виду не только прежніе и новые наказы и грамоты, но также всячески «Государевымъ дѣломъ радѣть и промышлять и во всемъ Великому Государю искать прибыли». По этой неопредѣленности воеводскихъ обязанностей во многихъ случаяхъ, какіе часто Правительство не могло даже предвидѣть, мы должны здѣсь ограничиться тѣми предметами ихъ вѣдомства, о которыхъ упоминается во всѣхъ наказахъ, равно какъ и въ Инсарскихъ актахъ. Такими предметами были слѣдующіе: 1) сборъ разнаго рода доходовъ въ казну; 2) общій надзоръ и управленіе по части полицейской; 3) судопроизводство, гражданское и уголовное. Каждый изъ этихъ предметовъ воеводскаго вѣдомства мы разсмотримъ въ отдѣльности.

Сборы въ казну раздѣлялись въ XVII вѣкѣ на *окладные* и на *неокладные*. Подъ именемъ «окладныхъ» разумѣлись сборы, которые напередъ назначены были въ своемъ количествѣ на основаніи

(*) См. «Временникъ» кн. 17, смѣси стр. 4 и 5.

писцовыхъ книгъ, на прим. подати съ сошной земли, сборы съ мѣстныхъ жителей естественными произведеніями, деньги ямскія подворныя, и проч. Такіе сборы назывались еще иначе *четвертными*, потому что отсылались прямо въ Четверть или Приказъ, въ завѣдываніи коего находился городъ и уѣздъ, гдѣ они были произведены. Къ «неокладнымъ» сборамъ принадлежали напротивъ того такіе, которыхъ Правительство не могло опредѣлить заранѣе. Они состояли въ деньгахъ или хлѣбѣ, получаемыхъ за отдачу казенной земли и разныхъ казенныхъ угодьевъ въ оброчное содержаніе, въ пошлинахъ за судъ, за приложеніе печати къ актамъ, въ доходахъ таможенныхъ и кабацкихъ. И эти сборы, по правилу, также должны были отсылаться въ свой Приказъ; но иногда Царь, помимо этого Приказа, распоряжался о доставленіи ихъ въ какой либо другой Приказъ, или предписывалъ употребить ихъ на мѣстные расходы. Для тѣхъ и другихъ сборовъ выбирались особыя должностныя лица, подъ названіемъ *данщиковъ*, *головъ*, *цѣловальниковъ*. «Данщики» собирали подать съ народовъ кочующихъ, на прим. съ Самоѣдовъ. Для сборовъ же съ жителей осѣдлыхъ, городскихъ и уѣздныхъ, ими самими изъ среды ихъ выбирались «земскіе головы» или «земскіе цѣловальники», которые и руководствовались при этомъ раскладкой, сдѣланной предварительно на мірской сходкѣ, а по полученіи сборныхъ денегъ или хлѣба доставляли ихъ въ съѣзжую избу своего города къ воеводѣ. Также головы и цѣловальники, нарочно для того избиравшіеся обществами городскими и сельскими, завѣдывали сборами таможенными (при провозѣ и продажѣ товаровъ) и кабацкими (при продажѣ питья), сборомъ «мягкой рухляди», на прим. въ Сибири, и такъ называемымъ сборомъ *десятиннымъ*. Послѣдній сборъ заключался въ полученіи десятаго процента съ доходовъ отъ разныхъ промысловъ и издѣлій. Иногда этотъ сборъ взимался непосредственно при продажѣ естественныхъ произведеній самими произведеніями (на прим. десятая рыба), иногда же деньгами съ суммы, за какую что либо было продано (десятая деньга). За всѣми такими сборами воевода долженъ былъ имѣть строгій надзоръ, наблюдая, чтобъ сборы окладные доставлялись въ полномъ опредѣленномъ количествѣ, а въ неокладныхъ не было обмана и обидъ мѣстнымъ жителямъ со стороны го-

ловъ и цѣловальниковъ. Для этой цѣли воеводамъ вмѣнялось въ обязанность по временамъ дѣлать повѣрку или « счетъ » сборщикамъ по заведеннымъ у нихъ книгамъ, гдѣ записывался приходъ и расходъ по статьямъ. Какимъ образомъ въ настоящемъ случаѣ дѣйствовали Инсарскіе воеводы, мы можемъ судить изъ полученныхъ ими въ разное время наказовъ и грамотъ. Такъ относительно оброковъ имъ предписывалось не только собирать ихъ вновь въ полномъ количествѣ, но также « оброки по доимочной росписи на прошлые годы добирать безъ недобору, и велѣть ихъ записывать въ книгу подлинно сколко чего и на комъ имянемъ и на которой годъ доправлено ». Точно также относительно разныхъ сборовъ имъ предписывалось « смотрить и беречь накрѣпко, чтобъ сборщики... во всякихъ Государевыхъ сборахъ Государевымъ ничѣмъ не корыствовались, и въ сборѣхъ никому никакіе напрасной продажи не чинили и лишнихъ доходовъ себѣ, посуловъ и поминковъ ни у кого ничего не имали; а таможенные головы и цѣловалники съ торговыхъ людей со всякихъ товаровъ Государевы пошлины сбирали въ правду по Государевѣ уставной грамотѣ, а лишнихъ таможенныхъ пошлинъ ни у кого не имали ». Виновныхъ воеводы должны были « по сыску » отставлять отъ должности; при отставкѣ дѣлалась повѣрка ихъ сборамъ, и въ случаѣ недочета, сверхъ надлежащаго съ нихъ взысканія, они подвергались еще наказанію « смотря по винѣ ». На мѣсто отставленныхъ воевода опредѣлялъ другихъ по своему усмотрѣнію. О судныхъ пошлинахъ извѣстно, что онѣ записывались въ книгу; а самыя деньги воевода долженъ былъ « держать за своею печатью ». Въ 1698 году велѣно было въ Инсарской приказной избѣ подьячимъ сдѣлать « всякимъ доходомъ прошлыхъ 204 и 205 годовъ (т. е. 1696 и 1697 г.) *смѣтные* и *помѣтные списки* » или росписи предполагавшимся приходамъ и дѣйствительнаго полученія ихъ, и такіе списки прислать въ Москву, въ Приказъ, оставивъ съ нихъ копіи въ приказной избѣ. Подобные же списки доставлялись въ Москву относительно полученія пошлинныхъ денегъ по суднымъ дѣламъ и актамъ. До насъ дошли нѣкоторые изъ этихъ списковъ; сверхъ того уцѣлѣли акты, изъ коихъ можемъ судить о приходахъ и расходахъ Инсарскаго уѣзда. Но самихъ книгъ приходо-

расходныхъ въ Инсарскомъ Архивѣ нѣтъ, хотя въ отпискѣ воеводы Сербина о принятіи города въ 1687 г. упоминается, что въ то время въ приказной избѣ находились « приходные и росходные книги окладнымъ и неокладнымъ денежнымъ доходомъ и хлѣбнымъ запасомъ и медвеному оброку прошлыхъ годовъ и 195 (т. е. 1687) году ». Любопытно однако при этомъ замѣчаніе воеводы, что хлѣбныхъ запасовъ и житницъ въ Инсарѣ не было « для того, что по вся годы по платежнымъ книгамъ съ вѣсу сполна стрѣлецкой хлѣбъ посылаетца къ Москвѣ, а посопной въ Саратовъ ». За неимѣніемъ самихъ книгъ, воспользуемся уцѣлѣвшими актами, чтобъ пояснить доходы и расходы Инсарскаго уѣзда во второй половинѣ XVII вѣка. Что касается до доходовъ, то они получались казною: 1) съ населенныхъ и обработываемыхъ земель безъ различія были ли онѣ во владѣніи крестьянъ помѣщичьихъ или тяглыхъ Татаръ и Мордвы. Съ такихъ земель получались въ казну съ вотчинниковъ и тягольныхъ деньги или хлѣбъ *стрѣлецкой* и деньги *ямскія* и *полоняничныя*. И тотъ и другой сборъ основывался на переписныхъ книгахъ, въ коихъ изчислялось количество дворовъ каждой деревни или селенія. По этому случаю въ актахъ упоминается о переписныхъ книгахъ 1678 года, которыя впослѣдствіи пополнялись описями прибылыхъ вновь дворовъ. Изъ Царской грамоты, писанной къ воеводѣ Поливанову въ 1696 г. октября 27, извѣстно, что всѣхъ дворовъ помѣщичьихъ (крестьянскихъ и бобыльскихъ) по означеннымъ переписнымъ книгамъ считалось 76, но къ нимъ до 1696 года прибыло еще 14; а дворовъ тяглой Мордвы 277, къ коимъ прибыло 119. Со всѣхъ этихъ 486 дворовъ въ упомянутый годъ слѣдовало собрать *ямскихъ* и *полоняничныхъ* денегъ, полагая по 10 денегъ съ каждаго двора, всего 24 рубля 10 алтынъ. О *стрѣлецкихъ* деньгахъ мы знаемъ изъ грамоты, писанной къ воеводѣ Сербину въ 1687 г., что по окладной книгѣ этого же года ихъ приходилось собрать съ Инсарскаго посада въ количествѣ 22 руб. 13 алт. Впрочемъ сборъ стрѣлецкихъ денегъ производился только въ томъ случаѣ, если въ Москвѣ не оказывалось нужды въ стрѣлецкомъ хлѣбѣ. Вообще же этотъ хлѣбъ собирался натурой по *одной* четверти *ржи* и по *одной* четверти *овса* съ каждаго двора, и по сборѣ отсылался въ Москву.

2) Съ такъ называемыхъ « вотчинъ бортныхъ ухожьевъ » (съ лѣсныхъ участковъ, гдѣ водились пчелы, а прежде и звѣри). Владѣльцы ихъ вносили въ казну деньги *ясачныя* и *куничныя*, оброкъ *медомъ* и *пошлинныя деньги* на означенный денежный и медовой оброкъ. Весьма вѣроятно, что первоначально ясакъ платился какимъ нибудь естественнымъ произведеніемъ, которое впослѣдствіи дополнилось сборомъ куницъ и оброчнымъ медомъ; когда же и ясакъ и куницы были замѣнены деньгами, то пошлины на нихъ и на медъ должны были сложиться съ ними въ одну общую сумму, представлявшую собою денежный бортный оброкъ. Но оброкъ медомъ платился особо и не былъ замѣненъ деньгами, ибо въ немъ нуждался Царь, который приказывалъ сверхъ этого количества меду ежегодно закупать его для себя въ Инсарѣ. Такъ въ 1661 году велѣно было воеводѣ Салову купить здѣсь « на Царскій обиходъ» 450 пудовъ «сырцу» и прислать его въ Москву съ цѣловальниками и провожатыми по первому зимнему пути. Количество ясачныхъ и куничныхъ денегъ полагалось соразмѣрно обширности бортнаго ухожья; пошлинъ же бралось на каждый рубль (куничный или ясачный) 6 денегъ, а на каждый пудъ меду 5 денегъ. Въ 1696 г. всѣхъ ясачныхъ и куничныхъ денегъ приходилось получить съ бортниковъ Инсарскаго уѣзда 90 рублей 16 алтынъ, включая въ то число и пошлины, а оброчнаго меду 213 пудовъ 19 фунтовъ (гривенокъ) и съ этого количества пошлинъ 5 руб. 13 алт. 5 денегъ. 3) Съ отдаваемыхъ въ наемъ земель, водъ и другихъ угодьевъ. За такія оброчныя статьи наемщики платили деньгами; но если земля была пахотная, то очень часто оброкъ брался натурой, подъ названіемъ *посопнаго хлѣба;* почему и самая земля, отдаваемая на такомъ условіи, называлось *посопной* (*). Что касается до другихъ

(*) Прилагательное *посопный* по всей вѣроятности происходитъ отъ слова *посопъ, поспъ, наспъ*—процентъ, ибо хлѣбъ получаемый казною отъ наемщика есть дѣйствительно процентъ, который онъ платитъ за пользованіе землею. Приведемъ здѣсь кстати, для образца, отрывокъ изъ выписки (неизвѣстно какого именно года) объ изчисленныхъ нами доходахъ съ разныхъ владѣльцевъ: «Деревни Кепиной, Пшенева тожъ, на рѣчкѣ на Укуевѣ

оброчныхъ статей, то намъ извѣстно только что въ 1696 году получено было «съ мелкихъ статей съ водъ и съ земель» оброчныхъ денегъ 6 рубл. 14 алт. 2 деньги. 4) На таможенныхъ и кабацкихъ дворахъ. О сборахъ на этихъ дворахъ въ Инсарѣ упоминается въ одной грамотѣ 1672 г. мая 11, что съ 1670 г. декабря мѣсяца, когда Инсарскій питейный дворъ «былъ разграбленъ въ смутное время воровскимъ козакомъ атаманомъ Ѳедкой Аргамаковымъ съ товарыщи» по 72-й годъ чистой прибыли, за всѣми расходами, вмѣстѣ съ деньгами, вырученными продажею запасовъ новому головѣ, всего получено 326 руб. 8 алт. съ деньгою. Мы имѣемъ еще слѣдующія свѣдѣнія, относящіяся также къ 1672 году, о лицахъ, избиравшихся въ таможенные и кабацкіе головы и цѣловальники въ Инсарѣ. Они всѣ принадлежали къ числу городскихъ людей, которые также должны были вносить всѣ недоборныя таможенныя и кабацкія деньги противъ прихода прежнихъ лѣтъ, между тѣмъ какъ «острожные», т. е. жители Инсарскихъ остроговъ не участвовали ни въ отправленіи должностей, ни въ платежѣ означенныхъ денегъ; почему Инсарцы просили «на кабакъ и въ таможню въ головы и въ цѣловалники выбирать и таможенную и кабацкую казну по вся годы платить по розвыткѣ съ ними (т. е. съ острожными) вмѣстѣ». 5) Съ казенной подгородной мельницы на рѣкѣ Иссѣ помольными деньгами. Въ 1694 г.

—Ротка Кстановъ, Кечапка Мелситовъ съ братьею и съ товарыщи 13 дворовъ; а съ тѣхъ дворовъ доведетца взяти государевыхъ податей ямскихъ денегъ по 30 по 2 алтына по 4 денги съ двора, стрѣлецкихъ денегъ по 20 по 8 алтынъ съ двора, да за посопной хлѣбъ за 13 четьи за рожъ и за овесъ денгами по 17 алт. по 3 денги за четверть.—Тоежъ деревни Ишеневы за Собайкомъ Кечепинымъ съ товарыщи съ ихъ вотчинъ оброку 6 пудъ меду, пошлинъ 5 алт., ясачныхъ рубль, куничныхъ 2 рубли 6 алтынъ 4 денги, пошлинъ по 6 денегъ.—Тоежъ деревни Кечепиной, а Ишенева тожъ, у Мордвы у Собайки Кечепина... съ пашни что пашутъ на полянѣ на Шакбаксѣ внизъ по рѣчкѣ съ 9 четьи съ третникомъ оброку 6 алт. 4 денги да за посопной хлѣбъ за осмину ржи и овса и съ провозными денгами 8 алт. пол-5 денги, и обоего 15 алт.—Деревни Митиной... 10 дворовъ, а съ тѣхъ ихъ дворовъ доведетца государевыхъ податей ямскихъ денегъ по 32 алт. по 4 денги съ двора, стрѣлецкихъ по 28 алт. съ двора да за посопной хлѣбъ за 13 четьи съ осминою, за рожъ и за овесъ денгами по 17 алтынъ по 3 денги за четьи».

съ этой мельницы былъ полученъ самый большой сборъ—79 руб. 22 алт. 2 деньги. Кромѣ того были и другія статьи дохода, но о количествѣ его намъ неизвѣстно, какъ то о доходѣ съ судныхъ дѣлъ и о прочихъ неокладныхъ сборахъ. Но есть прямое указаніе, что въ 1696 г. всѣхъ окладныхъ доходовъ приходилось получить 282 руб. 8 алт., а неокладныхъ въ 1695 г, получено было 38 руб. 28 алт. 3 деньги. Изъ этого количества въ 1696 г. предполагалось выдать 33 руб. 13 алт. «на жалованье ружникомъ соборные церкви двумъ попомъ и дьякону съ причетники и на свѣчи и на ладонъ»; по одному рублю на человѣка «приказному сторожу и палачу» и 3 рубля «мелнику да засыпкѣ». Въ актѣ, сюда принадлежащемъ, этотъ расходъ называется окладнымъ, и болѣе изъ окладныхъ доходовъ не велѣно было ничего брать. Изъ сборовъ неокладныхъ назначено издержать до пяти рублей «на прогоны» и на другіе неокладные расходы. Подьячіе приказной избы получали, кажется, жалованье изъ мірскихъ денегъ. Напротивъ того ямщики пользовались собираемыми на нихъ ямскими деньгами, которымъ заведена была особая книга, гдѣ записывался какъ приходъ, такъ и расходъ этимъ деньгамъ.

Обязанность надзора и управленія по части полицейской со стороны воеводы состояла въ наблюденіи за проживающими въ Инсарѣ и его уѣздѣ и за приходящими къ нимъ изъ другихъ мѣстъ; за предосторожностію въ городѣ и селеніяхъ отъ огня; за незаконнымъ куреніемъ вина и продажей его, равно какъ за продажей табаку; въ надзорѣ за тюремными сидѣльцами и въ недозволеніи мѣстнымъ властямъ обижать жителей или имъ самимъ одному другаго. По всѣмъ этимъ предметамъ мы находимъ свѣдѣнія въ наказѣ, данномъ князю Кугушеву; но они общія съ тѣми, какія встрѣчаются во всѣхъ другихъ наказахъ. Въ отношеніи надзора за пріѣзжими и проживающими лицами здѣсь предписывается воеводѣ «заказать накрѣпко, чтобъ на Инсарѣ никакіе люди безъявочно не жили». Всякій «пріѣзжій» или «прихожій» былъ обязанъ «являться» къ самому воеводѣ, который дѣлалъ ему допросъ, кто онъ такой, какъ зовутъ его, откуда и для чего пришелъ, и въ случаѣ сомнѣнія на счетъ его намѣреній, имѣлъ право его задерживать, сажая на время въ тюрьму; между тѣмъ о такомъ сомнительномъ лицѣ отправлялось донесеніе въ Приказъ съ приложе-

ніемъ его «роспросныхъ рѣчей». Для предосторожности отъ огня воевода. долженъ былъ «въ лѣтнюю пору учинить заказъ крѣпкой, чтобъ въ городѣ и въ острогѣ никакіе люди избъ и бань не топили, а на хоромѣхъ бы во все лѣто николи безъ воды не было; а для хлѣбного печенья велѣть подѣлать печи на полыхъ мѣстѣхъ, гдѣ бы было не близко хоромъ». Извѣстно, что такой приказъ повѣщался всѣмъ жителямъ громогласно такъ называемыми *биричами*, которые въ продолженіи нѣсколькихъ дней сряду дѣлали «кличь» на всѣхъ площадяхъ и перекресткахъ. Во многихъ мѣстахъ непосредственный надзоръ за осторожностью отъ огня ввѣрялся, подъ наблюденіемъ воеводы, особому чиновнику, который назывался *объѣзжимъ головой* и выбирался изъ лутчихъ посадскихъ людей въ городѣ или острогѣ, или изъ отставныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ; но былъ ли такой объѣзжій голова въ Инсарѣ намъ неизвѣстно. Лицо, нарушившее означенное выше предписаніе (безъ особеннаго на то дозволенія) призывалось въ съѣзжую избу, и присуждалось къ уплатѣ *заповѣди* или пени; кромѣ того воевода могъ подвергнуть его и другимъ наказаніямъ «смотря по винѣ».—Куренье и продажа вина, производившіяся незаконнымъ образомъ, назывались *корчемствомъ*. Воевода былъ обязанъ наблюдать, чтобы никто изъ Инсарцевъ не держалъ у себя такого «заповѣдного корчемного питья» и посуды для вина; то и другое отнималось, а сами «корчемники» и тѣ, которые у нихъ пили («питухи») подвергались наказанію. Но и самому воеводѣ строго запрещалось не только продавать вино, но и брать какое либо питье или кабацкіе запасы на кружечномъ дворѣ. — О табакѣ «дымномъ и толченомъ» велѣно было биричамъ «кликать почасту», подъ угрозою смертной казни, чтобъ «никто табаку не провозилъ и нигдѣбъ табаку не сѣяли»; у кого же находили такой табакъ «сырой или толченой», тотъ не избѣгалъ наказанія, назначеннаго Уложеніемъ. О промышлявшихъ игрою «въ зернь, карты», или жившихъ другими безчестными занятіями, въ Инсарскихъ актахъ не говорится; но нѣтъ сомнѣнія, что и въ Инсарѣ многіе «изъ тюремныхъ сидѣльцовъ» принадлежали къ этому разряду людей. Но кто бы ни были такіе «сидѣльцы» воевода долженъ былъ имѣть у себя подробную роспись съ означеніемъ «кто имянемъ и какіе люди и сколь давно въ тюрмѣ сидятъ и въ какихъ дѣлѣхъ, и пытанъ ли кто (одиножды или двожды) и кто что на себя и на товарыщевъ своихъ

говорилъ»; одинъ экземпляръ этой росписи отправлялся имъ въ Приказъ; другой оставлялъ онъ при себѣ для повѣрки сидѣльцевъ и для дѣлопроизводства. Что касается до надзора, вмѣнявшагося также въ обязанность воеводѣ, чтобъ сборщики и другія мѣстныя власти не притѣсняли жителей, то, сверхъ сказаннаго выше, тоже подтверждается нѣсколько разъ во многихъ мѣстахъ воеводскихъ наказовъ. Такъ, во-первыхъ, самому воеводѣ строго воспрещается дѣлать какія бы то ни было «насильства, налоги, продажи и убытки жилецкимъ и пріѣзжимъ людямъ», или брать съ нихъ посулы и поминки, и напротивъ того предписывается ему «къ служилымъ и къ жилецкимъ людемъ держать ласка и привѣтъ и береженье». Далѣе, воеводѣ и его людямъ запрещается дѣлать какія либо «насильства» мѣстнымъ жителямъ уѣзда какъ Русскимъ, такъ и иноземцамъ, «которые живутъ у Инсарской засѣки». У нихъ даже не позволяется воеводѣ брать какія бы то ни было «заемныя памяти, служилыя кабалы или другія крѣпости въ долговыхъ денгахъ на себя или на своихъ людей», точно также какъ и заставлять на себя работать. Но особенно строго запрещается кому бы то ни было брать въ кабалу или закладъ казенныхъ служилыхъ и тяглыхъ людей, равно какъ и ихъ земли, вотчинныя, помѣстныя или оброчныя. Виновные въ неисполненіи этого указа не только лишались взятаго, но и подвергались смертной казни. Наконецъ, воеводѣ напоминается еще вообще, чтобы приставы, подьячіе, цѣловальники и другіе мѣстные начальники не смѣли никому «чинить продажи и убытковъ».

На счетъ судной власти воеводы, гражданской и уголовной, въ Инсарскихъ актахъ встрѣчается очень мало указаній. Въ наказѣ, данномъ князю Кугушеву, говорится, что онъ обязанъ «Инсарской засѣки всякихъ служилыхъ и жилецкихъ людей во всякихъ управныхъ дѣлѣхъ судить и росправа межъ ними чинить безволокитно». Основаніемъ для такого суда и расправы должно было служить Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича. Въ тѣхъ спорныхъ дѣлахъ, гдѣ воевода не могъ сдѣлать окончательнаго рѣшенія, онъ долженъ былъ эти самыя дѣла «за своею рукою и исцовъ и отвѣтчиковъ за руками» присылать въ Москву, въ Приказъ, вмѣстѣ съ поручными записями относительно тяжущихся въ томъ, что они явятся на судъ въ Москву въ назначенный срокъ. По пріѣздѣ же сюда истца и отвѣт-

чика они судились, на основаніи дѣла, пересланнаго воеводой, въ самомъ Приказѣ Казанскаго Дворца. Съ дѣлъ, рѣшенныхъ окончательно воеводой, онъ получалъ «пошлины, пересудъ и правой десятокъ» также по Уложенію. Въ отношеніи къ земскимъ старостамъ и другимъ мѣстнымъ властямъ, имѣвшимъ право суда и расправы, можно только замѣтить, что въ Инсарскомъ уѣздѣ они были подчинены воеводѣ, которому сверхъ того приходилось иногда разбирать тяжбы самихъ жителей съ этими мѣстными властями за причиненныя ими обиды или насильства. Подобныя указанія, дошедшія до насъ въ Инсарскихъ и другихъ актахъ подтверждаютъ, что въ концѣ XVII вѣка, не смотря на нѣкоторыя исключенія, централизація по части гражданскаго судопроизводства уже достаточно была развита въ Государствѣ. Но въ отношенія къ уголовнымъ дѣламъ власть воеводы не всегда и не вездѣ стояла выше судной власти *губныхъ старостъ*; а *сыщики*, судя по многимъ даннымъ, даже вовсе отъ него не зависѣли. Какъ это было въ Инсарскомъ уѣздѣ, и какія въ особенности права по уголовной юрисдикціи предоставлялись здѣсь воеводѣ, намъ рѣшительно неизвѣстно, ибо самыя названія губныхъ старостъ и сыщиковъ мнѣ не удалось встрѣтить ни въ одномъ изъ Инсарскихъ актовъ.

Здѣсь оканчиваю я мои замѣтки объ Инсарѣ. Навѣрно знаю, что онѣ во многихъ отношеніяхъ не могутъ удовлетворить читателей; но если любитель старины найдетъ въ нихъ два, три полезныя для него указанія, а житель Инсара, просматривая собранныя мною свѣдѣнія объ родномъ его городѣ, рѣшится исправить ихъ или пополнить данными, которыя у него подъ рукою, то цѣль, мною предположенная, будетъ вполнѣ достигнута.

Н. Калачовъ.

ОСОБЕННЫЯ СЛОВА,

ОБЪЯСНЕННЫЯ ВЪ « ЗАМѢТКАХЪ ОБЪ ИНСАРѢ ».

(*) Цифры означаютъ страницы, гдѣ встрѣчаются какъ приведенныя здѣсь слова, такъ и объясненія ихъ.

III.

РОЖЕНИЦЫ

У СЛАВЯНЪ

и

ДРУГИХЪ ЯЗЫЧЕСКИХЪ НАРОДОВЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Н. Срезневскаго.

РОЖЕНИЦЫ.

Между языческими суевѣріями Славянъ одно изъ важныхъ мѣстъ занимаетъ вѣрованіе въ Рожепицъ, какъ это видно изъ упоминаній о немъ въ древнихъ памятникахъ письменности и изъ преданій народныхъ.

Разсматривая памятники, въ которыхъ упоминается о Роженицахъ, замѣчательнѣе многихъ другихъ по древности, сколько до сихъ поръ извѣстно, должно считать Паремейники, гдѣ встрѣчается ихъ имя въ чтеніи изъ пророчества Исаіи о гроздѣ, принадлежавшемъ къ чтеніямъ четверга цвѣтной недѣли. Въ Паремейникѣ 1271 года (Публ. Библ.), 11—12 стих. LXV главы Исаіи, читается такъ (*):

— Вы же ѡстав(л)ьшеи (1) мѧ. и забы(вь)шеи (2) гороу стоую мою и готовающеи (3) рожаницѧмъ (4) трѧпезоу. (5) и исполъняюще (6) дѣмонови (7) чьрпаниѥ. (8) азъ прѣдамъ вы во ѡроужиѥ (9).

1) оставльшеи. оставившеи. — 2) забывающеи. — 3) готовающе. готовѧще. — 4) ражаницамъ. *рожаницн. родоу. бѣсоу.* — 5) трапезѹ. — 6) исполнѧющеи. — 7) *кѹмирѹ. идолѹ. дши. рожденицамъ.* — 8) чръпаниѩ. растворениѩ. растворениѥ. питиѥ смѣшьно. — 9) мечю.

Варіанты этого мѣста вообще незначительны, исключая только одного списка XVI вѣка, гдѣ вмѣсто *роженицамъ* стоитъ *роженици* (дат. един.), и еще одного списка XV вѣка, гдѣ встрѣтились вмѣстѣ *родъ* и *роженици:*

— Готовѧще родоу трапезѫ и испълнѧюще рожденицамъ питиѥ смѣшьно.

(*) Прилагаю варіанты по другимъ спискамъ, мнѣ извѣстнымъ.

Тоже мѣсто повторяется съ истолкованіемъ въ Словѣ о поставляющихъ трапезу (вторую) Роду и Роженицамъ, которое почти постоянно входитъ въ составъ сборниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ Златоустовъ, и приписывается Іоанну Златоустому. Направленное противъ суевѣрнаго почитанія Рожевицъ, оно представляетъ нѣкоторыя подробности этого почитанія (*).

— Рече гь: наслѣдят горѫ стѫѧ моѫ избраніи мои раби мои [1]. Раби сѫт' то иже слоужат боу. и волѧ его творѧт. а не родоу ни рожаницам [2]) ни коумиром соуетным. то сѫт слоугы бжїа. иже приносѧт чстнѫѧ жрътвоу живоу боу. въ крѣпости [3]) срдца своего съ разоумом добраго оученїа [4]). И бѫдѫт въ лѫзѣ ѡгради [5]) ѡвцам [6]). Лѫгь наречетсѧ раи. [7]) а ѡгради раискаа мѣста. а ѡвцѣ [8]) вѣрніи людїе. иже работаѫть боу. а не рожаницам. И [9]) дебрь ѡхорьска въ покои волом. Дебрь [10]) ес вышнѧго ѥрслима пажит. а волове кротціи еспи и попове. иже ходѧ [11]) по църковномѫ оученіѫ. и инѣх добрѣ оучаще. иже възыскаѫт врѣмена. и (не) ѡставлѣѫт стыѧ горы. Вы же ѡставльше мѧ и забываѫще горѫ стѫѧ моѫ и готоваѫще трапезоу родоу и рожаницам. наплънѣѫще [12]) бѣсомь чръпаніа. Азь прѣдам вы на ѡрѫжіе. и въси заколеніемь падете. Заколеніе ес съмрть. а ѡрѫжіе мѫка вѣчнаа. ІАко възвах вы не ѡзвастесѧ [13]). глаах и не слышасте. [14]) и творите [15]) злое прѣд мноѫ. ихже не хощѫ то избрасте. Сего ради тако глеть гь. Се работаѫщи ми ѥасти начнѫт. вы же възал'чете. нѫ тоѫ сыти есте [16]) трапезоѫ. ѫже готовасте [17]) рожаницам [18]). Се работаѫщіи ми пити начнѫт. вы же въжадаете [19]). нѫ то піите [20]). иже то испол(н)иваете чръпаніа бѣсѡм. Се работаѫщеи мнѣ възвеслѧтсѧ. вы же постыдитес. Се работаѫщіи ми възрадуѫтсѧ въ весліи срдца. вы же

(*) Представляя здѣсь все это слово, за исключеніемъ начала, по списку Публ. Библ. (Q. Отд. I. № 18), привожу варіанты по другимъ спискамъ, мнѣ извѣстнымъ.

работающеи бѣсомь. и слоужащеи идолом. и ставлѧще [21]) трапезоу родоу и рожаницам [22]). възопіете въ болезни срдца вашего [23]). и ѡ ск(р)оушеніа [24]) доуха [25]) въсплачетесѧ. томоуже сѧ събыти нѣс зде [26]). нѫ въ ѡном вѣцѣ. ѡстависте бо оутѣшеніе ваше. и покои бѫдѫщаго вѣка избранным моимь [27]). вас же оубіеть гь бъ. а работающія ми блсвѧтсѧ. [28]) поѫть [29]) боу истинномоу. а вы поете пѣсни бѣсовьскыѧ идолѡм [30]) родоу и рожаницам [31]). Въ великоу пагоубоу въвѫдит [32]) невѣжество [33]) книжное. Велико зло [34]) еже не слышати [35]) разоумнѣиша себе. или разоумѣѫ [36]) чтна не творити волѧ бжіа по писанному законоу. Се же чада [37]) слышащеи [38]). ѡстанѣте сѧ поустошнаго того твореніа. и службы тоѧ сатанины. наставлѣніе [39]) трапезы тоѧ коумирьскыѧ. нареченыѧ родоу и рожаницам. Братіа. творите волѧ бжіѫ ꙗкоже [40]) ны оучат книгы прорчскыѧ. и аплскыѧ. и ѡчьскыѧ. да пріимемь [41]) ѡставленіе грѣхѡм и полоучим жизнь вѣчнѫѧ ѡ хѣ ісѣ гі нашем. ему ж слава въ вѣкы амин.

[1]) людіе.—[2]) рожѧницамъ. роженицамъ.—[3]) кротости.—[4]) оученил црковнагѡ.—[5]) ѡградѣ.—[6]) стадамъ. говѧдомъ.—[7]) нарицаетсѧ.—[8]) ѡвци.—[9]) что есть.—[10]) дебрь ѡхорскаѧ.—[11]) ходѧть.—[12]) *въ подлинникѣ:* наплъцающимъ.—[13]) мѧ.—[14]) не слышасте мѧ.—[15]) сътвористе.—[16]) сыти бѫдете.—[17]) творите.—[18]) роженицам. рожденицам.—[19]) вжадаете.—[20]) питіе.—[21]) ставѧще. *въ подлинникѣ:* ставлѧѫщии.—[22]) и.—[23]) своего.—[24]) сокрѣшениѧ. *въ подлинникѣ:* скоушеніа.—[25]) срдца.—[26]) не здѣ.—[27]) моим рабѡм.—[28]) възвеселѧтсѧ.—[29]) поюще.—[30]) идолѫ.—[31]) роженицам.—[32]) въводите.—[33]) невѣрствие.—[34]) велико зло еже не разѫмѣти почитаемаго и велико зло.—[35]) не слѣшати.—[36]) разѫмѣваѧ.—[37]) братие.—[38]) слышавше.—[39]) и ставлениѧ.—[40]) иже.—[41]) да пріимѣте.

Выписки изъ этого слова, дословныя и сокращенныя, встрѣчаются въ разныхъ сборникахъ. Къ числу такихъ принадлежитъ, кажется, и то мѣсто, которое отмѣчено о Родѣ и

Рожаницахъ Ѳ. И. Буслаевымъ въ Сборникѣ Троицкомъ XVI вѣка:

— То иже служат бгу и волю его творѧт, а не родоу ни роженицам кумиром суетным — а вы пост(е) пѣс бесовскую родоу и роженицам.

Въ слѣдъ за Словомъ о трапезѣ Роду и Роженицамъ въ нѣкоторыхъ спискахъ находится добавленіе о суевѣріяхъ вообще:

— И нынѣ по оукраинамъ [1]) молѧтсѧ имъ [2]) проклѧтымъ бол'ваном. переноу. хор'соу. мокоши [3]). виламъ. и творѧть ѡтаи. сего же не могѫть сѧ лишити проклѧтаго ставлѣниꙗ. и вторыѧ трапезы. нареченныѧ. родоу и рожаницам. [4]) на великѫѧ прѣл'сть вѣрным хрстїаном. и на хоулоу стмоу крщенїю. и на гнѣвъ боу. и пакы ж нѣции се егvптане чстъ трѣбы кладѫт нилоу и ѡгневи рекѫще спорниоу сѫща [5]) того ради ѡкаанніи полоудне чтѫт. и кланѣѫтсѧ на полоуд'не ѡбратившесѧ.

[1]) по оукраніамь.—[2]) ему. *Слѣдующее за тѣмъ* «проклѧтым' бол'ваномъ», *употреблено вмѣсто единств.* «проклѧтомоу болваноу», *какъ и встрѣчается въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, и тогда* «ему» *правильнѣе, чѣмъ* «имъ».—[3]) мокши.— [4]) роженицам.—[5]) *за этимъ слѣдуетъ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ:* «егда оуздрите=его да оузрите». *Послѣднее болѣе понятно.*

Это же мѣсто найдено С. П. Шевыревымъ и въ Паисіевскомъ сборникѣ, въ Словѣ, приписанномъ св. Григорію, о томъ «какъ первое погани суще языки кланялися идоломъ и требы имъ клали». По моему предположенію оно можетъ быть тамъ прочитано такъ:

— Извыкоша Елени класти требы Артемиду и Артемидѣ, рекше Роду и Рожаницѣ. Тации же [1]) и (Е)гvптяне. Тако и до Словѣнъ доиде се слов(о), и ти начаша требы класти Роду и Рожаницамъ [2]). Преже бо того Перуна бога и иныхъ славили и клали требу (имъ и) Упыремъ и Берегинямъ [3]). По святѣмъ крещеніи Перуна

отринуша, а по Христа Бога яшася: но и нонѣ по украинамъ молятьсе ему проклятому богу Перуну, и Хорсу, и Мокоши, и Вилу, и то творять отаи, сего не могуть (лишити?) ся проклятаго ставленья вторыя трапезы нареченыя Роду и Рожаницамъ, (на) велику прелесть вѣрнымъ крестьяномъ и на хулу святому крщенью и на гнѣвъ Богу.

Въ подлинномъ, какъ напечат. у Шевырева: [1]) Тацїї же.— [2]) Преже Перуна ба ихъ. а переже того клали требу упиремъ и берегинямъ.

Въ этомъ поклоненіи кумирамъ, между прочими — Роду и Рожаницамъ, упрекали нашихъ предковъ и другіе проповѣдники. Таковъ былъ и неизвѣстный Христолюбецъ, съ краснорѣчивымъ словомъ котораго познакомилъ насъ А. Х. Востоковъ — въ своемъ Описаніи рукописей Румянцевскаго музея, и изъ котораго отрывки вносимы были и въ другія поученія (*).

— Не подобаеть крьстьяномъ игоръ бѣсовьскихъ играти, иже есть плясьба [1]), гульба [2]), пѣсни бѣсовьскыя [3]) и жертва идолская [4]), иже [5]) огневи молятся подъ овиномъ [6]): и Виламъ, и Мокоши, и Симу Реглу [7]), и Перену [8]), и Роду, и Рожаницамъ [9]), и всѣмъ тѣмъ, иже суть имъ подобна [10])... Обѣщахомся [11]) Христови, почему не служимъ ему, но бѣсомъ служимъ, и вся угодія имъ творимъ на пагубу души своей [12]). Не тако же просто зъло створимъ [13]), но смѣшаемъ [14]) чистыя [15]) молитвы съ прокълятымъ моленіемъ идольскымъ, иже ставятъ лише кумиромъ [16]) трапезы котѣйныя [17]) и законънаго обѣда, иже нарѣцается безаконьная трапеза мѣнимая Роду и Рож(а)ницамъ [18]).

[1]) плясаніе.—[2]) гуденье.—[3]) мирскыя.—[4]) жертвы идольския.— [5]) *еже.*—[6]) *Въ спискѣ Румянц:* подъ овнимъ; *а въ выпискѣ*

(*) Къ тексту по списку Румянцев. музея, съ незначительными измѣненіями, приводятся варіанты по Слову, помѣщенному въ рукописи Толстов. библ. Отд. I. № 13.

изъ него правильно: подъ овиномъ; *въ Паисіев. сборн:* подъ виномъ.—[7]) и Симѫ и Рьглѫ=и Симу и Рьглу.—[8]) и Пержноу=и Перуну.—[9]) и Рожаници.—[10]) имъ подобни=тѣмъ подобни.—[11]) да аще ся обѣщахомъ.—[12])душамъ своимъ.—[13]) творимъ=не тако же зло творимъ просто.—[14]) но и мѣшаемъ.—[15]) нѣкыя (=нѣкии) чистыя.—[16]) кумиромъ *нѣтъ.*—[17]) кѫтіиноѧ=кутьяины.—[18]) родѹ рожаницам въ прогнѣваніе бѫ.

Въ другомъ такого же рода «Поученіи духовнымъ дѣтемъ», находящемся въ сборникѣ г. Болотова, встрѣчаемъ подобное увѣщаніе:

— Оуклоняйся пред Бгомъ невидимыхъ: молящихъ члкъ родоу и роженіцам, пореноу и аполиноу, и мокоши, и перегини, и всяким бгомъ (и) мерзькимъ требамъ не приближаися.

Переводя текстъ списка до буквы вѣрно, я позволилъ себѣ измѣнить только одно мѣсто, по моему мнѣнію искаженное переписчикомъ XVI вѣка: вмѣсто *пореноу и аполиноу* въ спискѣ стоитъ «поревноу и апол᾽овиноу.» Можетъ быть и выраженіе *бгомъ мерзькимъ требамъ* надобно измѣнить на *богомерзькимъ требамъ.*

Обращая вниманіе на памятники, гдѣ упоминается о Родѣ и Роженицахъ, А. Х. Востоковъ отмѣтилъ, кромѣ Слова Христолюбца, еще въ одномъ Цвѣтникѣ, въ числѣ замѣчаній о разныхъ суевѣріяхъ, и то, что

— съ робятъ первыя волосы стригутъ и бабы каши варятъ на собраніе рожаницамъ —

а изъ одного сборника XV вѣка сообщилъ мнѣ такое упоминаніе о Роженицахъ:

— Ставляніе трапезам рожаницамъ и прочая вся слѹженіа діаволя. требы кладомыа виламъ и поклоняніе твари.

Такихъ отрывочныхъ мѣстъ о Родѣ и Рожаницахъ довольно много. Таково и мѣсто въ Вопрошаніяхъ Кѵрика, важное по древности:

— Аже се родоу и роженицѣ краютъ хлѣбы и сыры и медъ

(піють). (Епископъ) бороняше вельми: Нѣгдѣ-рече-молвить(ся): горе пьющимъ роженицѣ.

Ограничивая этимъ выписки, гдѣ упоминается о Роженицахъ, позволю себѣ еще остановить вниманіе читателя на нѣкоторыхъ толкованіяхъ этого слова, помѣщенныхъ въ старинныхъ азбуковникахъ и въ другихъ памятникахъ:

— *Рожденици* — кумири елленьстіи, ихъ же погани влъшвениемъ рожденіа нарицаху быти.

— *Рожденицы* — свято дня рожденіа младенца. въ кои же дьнь кто родится, той нравъ и осудь пріемлетъ.

— *Рожаницами* еллин'стіи наричютв звѣздословцы седмь звѣздъ, глаголемыхъ планиты. и хто въ кую планиту родится, то по той планите любопрятся пред'возвѣщати нравъ младенца. или къ коимъ похотемъ естествомъ уклонителенъ будетъ. И того ради рождьшагося ıако же они мнятъ в' планитѣ ӱрисъ предглаголютъ быти тяжела нравомъ яра же и гнѣвлива и дерза в' бранехъ. а в' планитѣ афродите рождьшагося сластолюбца предглаголютъ быти. и удобна на блудное смѣшеніе: сице и в' прочая планиты рождьшихся предглаголютъ нравы, а не хотятъ ѡкаянніи ѡни звѣздословцы (= законницы) разумѣти, ıако не по естеству в' человѣцех лежитъ злое, но по произволенію. Богъ бо зла ни сотвори ни созда. добродѣтели же многи по естеству ѡ бга насаждени быша в насъ...

— *Роженица* — стивіе, имъ же си очи утваряху, еже есть чортовъ камыкъ, имъ же мазаху очи и лица.

Эти и подобныя объясненія занесены и въ Словари Зизанія, Памвы Берынды и пр., а равно и въ Церковный Словарь Пр. Алексѣева, гдѣ онѣ соединены съ новыми примѣчаніями самого автора.

Вмѣстѣ съ упоминаніями о Роженицѣ и Роженицахъ встрѣчаются въ старинныхъ памятникахъ нашихъ и другія слова, относящіяся къ тому-же суевѣрію: *Рожденикъ*, какъ названіе книги, въ которой записаны предсказанія о рожденіи,— *Родо-*

словіе, какъ названіе самаго суевѣрія,— *Рождественное волшвеніе* — въ томъ же смыслѣ (*).

Вотъ всѣ важныя упоминанія о Роженицахъ, доселѣ открытыя въ памятникахъ нашей письменности. Говоря о «нашей письменности», я впрочемъ вовсе не думаю разумѣть подъ нею одной Русской: самый бѣглый взглядъ на языкъ и правописаніе представленныхъ выписокъ достаточенъ для убѣжденія, что многіе памятники, изъ которыхъ сдѣланы выписки, въ первоначальныхъ своихъ спискахъ принадлежатъ не намъ, а нашимъ югозападнымъ соплеменникамъ: Болгарамъ, Сербамъ. Тѣмъ не менѣе однако они перешли къ намъ не безсознательно, не какъ сказанія о суевѣріи, чуждомъ нашимъ предкамъ, а какъ поученія, близкія сердцу нашихъ народныхъ учителей, заботившихся объ искорененіи языческихъ суевѣрій не только своимъ собственнымъ словомъ, но и помощію авторитета другихъ Христолюбцевъ. Рядомъ съ поученіями соплеменниковъ, дѣйствовавшихъ противъ поклоненія Роженицамъ, стали и поученія нашихъ собственныхъ Русскихъ проповѣдниковъ. Словомъ, вѣрованіе въ Рожениць представляется въ старинныхъ памятникахъ не какимъ нибудь мѣстнымъ отродіемъ древняго язычества, а однимъ изъ остатковъ древности обще-славянской, и, какъ такое, было относимо нашими

(*) Послѣднее выраженіе употреблено, между прочимъ, переводчикомъ Григорія Амартола. По списку 1389 года мѣсто, гдѣ встрѣтилось это выраженіе, читается такъ:

— Быс нѣкто исполинъ емоуже име Неврѡдь снь Хоуса моурина ѿ племене Хамова иже сьзда Вавулѡнь градь и прьвѣѥ показа вльшвениѥ и лѡвь и Персѡмь старѣишина бывь наоучивъ тѣх звѣздѡчьтию и звѣздѡслѡвью небснок движеніе ꙗже ѿ зданых вьсѣх прилоучающаасе ѿ них же еллини *рождьственоѥ вльшвениѥ* навыкше, начешэ рождаѥмых под звѣздныимъ двізаниѥм принашати небѡ звѣздѡчьтіѥ и звѣздѡслѡвие же и вльшвеніе ѿ магоусей или пєрсѣнь начєта быс. ибѡ перси магѡга ѿ вьнѣшниихъ именоують и убо Неврѡда глють ѡбожена и бывь вь звѣздахь нбсных егѡ же нарицають еѵріѡна.

старинными учеными къ догматамъ язычества Еллинскаго и Египетскаго, бывшаго — по ихъ мнѣнію — источникомъ всѣхъ нашихъ суевѣрій. Отъ этого самое названіе Роженицъ записано и въ формѣ старо-Славянской *«Рожденицы»*, и въ формѣ Русской *«Роженицы=Рожаницы»*. Подъ формою старо-Славянской этого слова легко могла скрыться и форма Сербская *«Роднице=Рођенице»*, какъ это было и съ другими словами. А что это слово было распространено и далѣе на Славянскомъ западѣ, это доказывается народнымъ преданіемъ Хорутанскихъ Словенцевъ, которое до сихъ поръ съ именемъ *Рojеницъ* (*) сохраняетъ и нѣкоторыя подробности древняго вѣрованія и обряда.

Хорутанскіе Словенцы не только въ нижней Краинѣ, но и въ Каринтіи, а вѣроятно и въ другихъ краяхъ, остаются при увѣренности, что всякій человѣкъ, какъ только родится, получаетъ себѣ звѣзду на небѣ и свою Рojеницу на землѣ, которая прорекаетъ ему судьбу. Вмѣстѣ съ тѣмъ они разсказываютъ, какъ мнѣ самому случалось слышать, что чуть родится дитя, три или двѣ Рojеницы входятъ въ избу — Богъ знаетъ откуда и какъ, и опредѣляютъ судьбу младенцу; ихъ видитъ иногда родильница, когда онѣ уже уходятъ, и если свѣтитъ сквозь окно мѣсяцъ, то въ лучѣ мѣсячномъ видны ясно ихъ радужные покровы. Эти дѣвы жизни у Хорутанъ Верхне-краинскихъ называются чаще чистыми или бѣлыми дѣвами или женами — *чисте, беле деклице* или *жене*. Въ Каринтіи западной, именно въ Зильской долинѣ, ихъ зовутъ *желкине*, по Вразу *жельне жене*—отъ *желити:* желать, заботиться (**). Въ нѣкоторыхъ Хорутанскихъ краяхъ онѣ же слывутъ подъ именемъ *живицъ*—дѣвъ жизни, *содицъ=судицъ*—дѣвъ судьбы, *кресницъ*, какъ дѣвъ, которыхъ можно видѣть всѣмъ во время креса—праздника купала (24 іюня). Эти сестры *Рojенице=чи-*

(*) П. Маркъ пишетъ rojenèze, т. е. рojéнъце. Въ Хорутанскомъ нарѣчіи j постоянно занимаетъ мѣсто старославянскаго *жд*=смягченнаго *д*, такъ же какъ въ Русскомъ *ж*, въ Сербскомъ ђ, въ Чешскомъ *z*, въ Польскомъ *dz*, и т. д.

(**) Славянское слово *желкине* смѣшалось звуками съ Нѣмецкимъ словомъ *желикжене*—Seelige Frauen (отъ Seelig—блаженный).

сте деклице — по повѣрію Истріанъ (*) — живутъ въ пещерахъ и по трое приходятъ къ людямъ помогать имъ въ работѣ. Люди приносятъ имъ къ пещерѣ хлѣбъ и кладутъ у входа, но не руками, а чѣмъ нибудь; иначе Ројеницы не берутъ его. — У Болгаръ Роженицы извѣстны подъ именемъ *Орисницъ*=*оризницъ* (**). Эти дѣвы-духи являются послѣ рожденія младенца — и предназначаютъ ему судьбу его счастливую и несчастную. Ихъ двѣ или три; одна изъ нихъ старшая, которая и произноситъ слово судьбы. Приходятъ онѣ иногда и къ взрослому человѣку съ предсказаніемъ какого-нибудь счастія или несчастія. Всѣхъ ихъ много; живутъ онѣ въ небѣ, всегда юны и прекрасны собою. Большею частію онѣ остаются невидимы; но нѣкоторыя изъ родильницъ увѣряли, что послѣ родовъ видѣли ихъ близь постели, какъ одна изъ нихъ мѣряла нить, а другая рѣзала; иные видали ихъ и не при постели родильницъ. Это повѣріе распространено во всей Македоніи. — Подобное повѣріе существуетъ у Словаковъ, которымъ страшны ихъ *судицы*, какъ предвѣстницы будущаго, безъ сомнѣнія, тѣ самыя, которыя извѣстны были въ старину и Чехамъ (Sudice, Sudicke), и Сербамъ-Лужичанамъ (Sudzicke), смѣшавшимъ уже свое представленіе о дѣвахъ

(*) Какъ слышалъ и я, и какъ подробно записалъ покойный Прейсъ въ Corte d'isola, гдѣ мы дѣлали свои наблюденія съ нимъ вмѣстѣ.

(**) Иначе *уризницъ*, по обычаю измѣнять *о* на *у*. Вмѣстѣ съ этимъ словомъ въ Болгарскомъ есть и *ризик*=*рисик* — счастіе, судьба=Н. Греч. τὸ ρίζικον, Итал. risico, rischio, Исп. riesgo, Франц. risque. Сравн. Др. Греч. ὁρίζω — termino, decerno, statuo, и ὅρος — terminus, finitio, regula, etc.; впрочемъ это сходство можетъ быть только случайнымъ созвучіемъ. Итал. risico и rischio, Исп. riesgo и risco (скала, ломъ) могутъ происходить отъ двухъ разныхъ корней, изъ которыхъ одинъ — тотъ же что въ Лат. словѣ seco, Др. Нѣм: saga, seganda (нов. Sense), Англ. Сакс. Seog—gladiolus, Слав. сѣка, осѣкаѩ, Рус. сѣчка. Срав. Нов. Прованс. rezegâ—осѣкать, обсѣкать, и rezegue — опасность, рискъ, гдѣ *re* кажется предлогомъ; а если *re* есть предлогъ тутъ, то предлогомъ могло быть и *ri* въ risico=risco, гдѣ первоначальный смыслъ (отломъ, отсѣкъ) могъ скрыться такъ же, какъ въ словахъ *доля, удѣлъ, счастіе*. Во всякомъ случаѣ нельзя забыть распространенія слова *рискъ* въ языкахъ Романскихъ, а изъ нихъ издавна и въ нарѣчія Кельтскія (напр. Армор. risgl, risgla), не говоря уже о Германскихъ и Славянскихъ языкахъ.

жизни съ представленіями о другихъ существахъ міра фантазіи подъ общимъ названіемъ *дѣвицъ* (dzivice).

Сличеніе преданій народныхъ съ тѣмъ, что сохранилось о Роженицахъ въ памятникахъ письменности, не оставляетъ никакого сомнѣнія объ общемъ значеніи Рожепицъ въ ряду вѣрованій языческой древности Славянской. Впрочемъ, разсматривая этотъ миѳъ, какъ онъ изображается въ памятникахъ, нельзя не раздвоить его на двѣ части, хотя и очень сродныхъ, но отдѣльныхъ, изъ которыхъ въ преданіи народномъ уцѣлѣла только одна. Преданію народному памятны только Роженицы *во множествѣ;* въ памятникахъ представляется сверхъ того и *одна* Роженица.

Одна Роженица представляется въ Вѫпрошаніяхъ Кѵрика, какъ и въ повтореніяхъ Слова Христолюбца, въ неопредѣленномъ образѣ, такъ что у Кѵрика нѣкоторые комментаторы, безъ пособія другихъ данныхъ, позволяли себѣ думать, что подъ словомъ *Родъ* можно понимать роды, рожденіе, а подъ именемъ *Роженицы*—родильницу. Гораздо опредѣленнѣе образъ Роженицы въ Паремейникѣ, гдѣ она одна вмѣсто многихъ, какъ употреблено въ нѣкоторыхъ спискахъ, поставлена какъ переводъ Еврейскаго Гадъ (Gad), Греческаго τύχη, Латинскаго Fortuna. Въ подлинникѣ Еврейскомъ, по дословному переводу, сообщенному мнѣ докторомъ Хвольсономъ, вмѣсто Славянскаго «готовающеи *роженици* трѧпезоу и исполъньюще дѣмонови чрьпаниѥ», или вмѣсто «готовѧще родоу трапезѫ и исплънѧюще рожденицамъ питиѥ смѣшьно» стоитъ : (ihr) welche dem *Gad* einen Tisch aufstellet und dem Meni Libationen darbringet (собственно vollfüllet) (*). Еврейское слово *гад* значитъ счастіе, такъ же какъ Арабское *джадд* (felicitas, sors bona), и въ этомъ мѣстѣ Пророчества Исаіи, какъ объясняетъ Гезеніусъ, употреблено какъ имя бога счастія = Бела, Юпитера (звѣзды); а *Мени* — какъ божество мѣсяца, владѣвшее тоже счастіемъ судьбы человѣка (**). Греческая τύχη, Римская

(*) Въ переводѣ Греческомъ: *ἑτοιμάζοντες τῷ δαιμονίῳ τράπεζαν καὶ πληροῦντες τῇ τύχῃ κέρασμα.* Въ Іеронимовомъ: qui ponitis fortunae mensam et libatis super eam.

(**) *Gesenii* Comm. II. стр. 283 и 331. Сравн. *Винера* Biblische Realwör-

Fortuna отличаема была отъ Судьбы тѣмъ, что понятіе о ней соединялось съ понятіемъ объ измѣнчивости, непостоянствѣ, между тѣмъ, какъ Судьба представляема была неизмѣнною, и потому суровою, жестокою (*). Поклоненіе этому божеству было особенно распространено у Римлянъ, которые вѣровали въ ея участіе не только въ дѣлахъ частныхъ (Fortuna privata), но и въ общественныхъ (Fortuna publica). Подъ названіями virilis, muliebris, virginiensis она была обожаема какъ покровительница женъ и невѣстъ: ей молились жены, прося сохранить ихъ прелести и любовь мужей; ей посвящали молодыя свое дѣвичье платье и поясъ. Таже Fortuna, какъ primigenia, была почитаема покровительницей всего рождающагося, какъ praeses rerum gignendarum. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ легко можно было назвать ее по Славянски Роженицей, такъ же какъ Гада и Мени. И не безъ смысла, конечно, Прокопій замѣтилъ, что Славяне судьбы (*εἱμαρμένην*) не признаютъ, а признаютъ благость и силу Провидѣнія Божія, надѣясь молитвой и жертвой испросить себѣ его милость (Goth. III. 14): эту другую судьбу, зависѣвшую отъ благости Бога, Прокопій называлъ τύχη (Pers. I: 25, II: 10. Vand. I: 2, 19. Goth. II: 9; IV: 30, 33), тѣмъ самымъ словомъ, кото-

---

terbuch. I, стр. 283. *Швенка*, Mythologie der Semiter стр. 200. Очень любопытныя замѣчанія о Гадѣ читатель найдетъ въ печатающемся сочиненіи д-ра *Хвольсона*, Die Ssabier. II. стр. 226—227. *Для* сличенія Еврейскаго подлинника съ Греческимъ переводомъ важно мѣсто Макробія (Saturnalia, I. 19): Argumentum caducei ad genituram quoque hominum, quae genesis appellatur, Aegiptii praetendunt *deos praestites homini nascenti* quatuor adesse memorantes — *δαίμονα*, *τύχην*, *ἔρωτα*, *ἀνάγκην*, et *duo priores Solem ac Lunam* intelligi volunt, quod Sol auctor spiritus caloris ac luminis humanae vitae genitor et custos est, et ideo *nascentis daemon*, id est deus creditur, Luna τύχη, quia corporum praesul est, etc. (Срався. *Zoega* Abhandlungen, изд. *Велькера*, Götting. 1817. стр. 39). Въ Славянскомъ древнемъ переводѣ демономъ названъ не Гадъ=Sol, а Мени=Luna. Въ другомъ Славянскомъ переводѣ Гадъ=δαίμον=Родъ, а Мени=τύχη=Рожденицы: объ этомъ будетъ кстати сказать слово въ статьѣ о Родѣ.

(*) Цицеронъ, de Div. 1. 55: Fieri omnia fata ratio cogit fateri. Fatum autem id appello, quod graeci *εἱμαρμένην*, i. e. ordinem seriemque causarum cum causa causae nexa rem ex se gignat. Ea est ex omni aeternitate fluens veritas sempiterna.

рое позже переводимо было по Славянски Рожденицей.—Сравненіе Роженицы съ Артемидой=Діаной въ Паисіевскомъ словѣ Григорія еще болѣе опредѣляетъ Славянскій миѳъ. Эта богиня Грековъ и Римлянъ была представляема покровительницей женъ, бабкой и кормилицей, хранительницей цѣломудрія женъ. Греческія невѣсты передъ бракомъ приносили жертвы ей, Юнонѣ и Паркамъ. Какъ богиня судьбы и вмѣстѣ родовъ, то покровительствующая, то враждебная родильницамъ, она считалась помощницей матерей (*μητροπόλος*), разрывающею поясъ родильницъ (*ἐπιλυσαμένη, λυσίζωνος*), помощницей родовъ (*γενετυλλίς, μογοστόκος*), и вмѣстѣ съ тѣмъ *εὔλινος* — доброй пряхой, слѣдовательно какъ будто одною изъ парокъ, которыя завѣдывали, какъ извѣстно, нитями жизни человѣческой. Ея названіе *ἐλευθύια* производятъ отъ *ἐλευθω* — venio, видя въ этомъ названіи идею о божествѣ, безъ котораго не происходитъ на свѣтъ ни одно существо. Вмѣстѣ съ тѣмъ не льзя опустить изъ виду и сравненія ея имени съ Еврейскимъ *jолах*—родильница, роженица, puerpera, сравненія, утвержденнаго авторитетомъ многихъ достойныхъ ученыхъ (*). По такому производству это имя Артемиды, будучи сродно по идеѣ съ *γενετυλλίς*, сродно и съ Латинскимъ названіемъ богини того же рода: Natio (Nascio): она — по извѣстію Цицерона—quia partus matronarum tueatur, a nascentibus Natio nominata est (Natur. Deor. III. 18). Такого же происхожденія и Гасконское имя Богини судьбы *Sorsaina* (отъ *Sors*, sortio): Баски южной Сулы сохранили до сихъ поръ вѣрованіе въ нее, какъ въ ésprit qui préside à la naissance des enfans (**).

(*) *Паули*, Real-Encyclopädie der class. Alt. IV. 109.

(**) Proverbes basques etc. Paris. 1847. стр. 223, 295. Въ романсѣ Oїrenарта (первой половины XVII вѣка) «Чудо Анюта» (Joanaren bethegvinsarea) имя Сорсены вспомянуто въ слѣдующемъ куплетѣ:

> Caisus doi, esi bara
> Sorsainac escüetara
> Hur' eguitean, hartus,
> Jaquin du Sertan bara.

=Dieu! que la Sorsaina sut bien en déterminer les proportions, quand elle la reçut dans ses mains, lors de sa venue au monde. Тамъ же стр. 157—158.

Какіе именно образы соединялись съ миѳомъ о Роженицѣ у Славянъ, объ этомъ изъ памятниковъ, до сихъ поръ открытыхъ, нельзя сдѣлать никакихъ заключеній. Можно позволить себѣ только нѣсколько выводовъ о поклоненіи Роженицѣ: поклоненіе ей, такъ же какъ у Римлянъ Луцинѣ (Илиѳіи), которая nascenti puero casta favet, genialis tori custos, состояло въ моленіяхъ и въ обрядномъ обѣдѣ *безкровномъ*, на которомъ «краяли» хлѣбъ и сыръ и пили медъ во славу ея, а можетъ быть и за счастіе новорожденныхъ.— Сравнивъ Роженицу съ Люциной, нельзя оставить безъ упоминанія и того, что въ нашихъ азбуковникахъ *роженицей* называютъ стивіе (*στιβι*), которое употребляли въ древности для окраски бровей. У Феста подъ словомъ Supercilia находимъ, что Supercilia in Junonis (Lucinae) tutela esse putabant, quod iis proteguntur oculi, per quos luce fruimur, quam tribuere putabant Junonem: unde et Lucina dicta est (*).

Несравненно чаще встрѣчаются въ памятникахъ упоминанія о Рожениц*ахъ*. Служеніе имъ — работаніе — заключалось въ томъ же моленія, въ такомъ же обѣдѣ, для котораго между прочимъ варили каши, и кромѣ того въ стриженіи первыхъ волосъ у дѣтей и въ пѣніи пѣсенъ. Цѣлію этихъ требъ было частію созываніе — собираніе—Роженицъ, частію умилостивленіе и передача дѣтей подъ ихъ покровъ; а основаніемъ ихъ было вѣрованіе въ силу ихъ вліянія на новорожденныхъ, въ ихъ «волшвеніе рожденія». Ясно, что Роженицы были Славянскіе *γενέθλιοι θεοί*, *γενετυλλίδες*. По понятіямъ Грековъ, къ числу этихъ божествъ принадлежали Рея, Гера=Юнона, Артемида=Діана, Афродита=Венера, Миры=Парки. Какія изъ богинь Славянскихъ принадлежали къ Роженицамъ, на это пока еще нельзя отвѣчать, уже и потому, что о богинахъ Славянскихъ вообще отыскано еще слишкомъ немного данныхъ. Народное преданіе сохранило воспоминаніе о Роженицахъ почти только какъ о дѣвахъ жизни, отъ которыхъ не-

---

(*) Срав. Нѣмец. преданіе о томъ, что глаза произошли отъ солнца: God scôp... tha âgene fon there Sunna;—der ougen von der Sunnen. Гриммъ, D. Myth. 531, 532.

посредственно зависѣла жизнь каждаго человѣка; такъ и у Грековъ *γενετυλλίδες* принимались иногда только въ значеніи Миръ = Паркъ.

Въ названіи Миръ = Паркъ Роженицами, Славяне сходились со многими народами, а съ тѣмъ вмѣстѣ и въ подробностяхъ вѣрованія и служенія. Не выходя изъ границъ Европы, я позволю себѣ нѣсколько замѣчаній въ этомъ отношеніи о народахъ, болѣе къ намъ близкихъ.

Говоря о Паркахъ, остановимся прежде всего на имени ихъ, болѣе всѣхъ другихъ извѣстномъ. Правда, что нѣкоторые изъ филологовъ Римскихъ и новыхъ производили названіе Паркъ *κατ' ἀντίφρασιν* отъ *parco* — quod minime parcant; но это производство многимъ не показалось справедливымъ. Римскіе же филологи и между ними Варронъ производили parca отъ *pario*, *partus* — рождаю, рожденіе, — такъ что въ Славянскомъ этимологическомъ переводѣ Парка будетъ почти тоже, что Рожена = Роженица (*). Можно замѣтить при этомъ, что вмѣсто parca (жен. отъ parcus) употреблялось иногда par*t*a, между тѣмъ какъ par*t*a (жен. отъ partus), происходя отъ pario, означало иногда родильницу, quae peperit: могло быть, что и на оборотъ вмѣсто par*t*a говорилось parca. Этимъ впрочемъ не отвергается еще единичность корня въ par*co* и par*io*; напротивъ того сравненіе языковъ, между прочимъ Славянскаго и Греческаго съ Латинскимъ даетъ нѣкоторую возможность защитить ее. Греческое названіе парки *μοῖρα* легко сравнивается и по значенію и по производству съ Латинскимъ pars (**), уравниваясь съ *μέρος*; Славянское слово, равносильное Латинскому *pars* и Греческому *μοῖρα*=*μέρος* есть часть. И какъ *pars*

(*) Варронъ (у Гелл. III. 16): Parca immutata littera una a partu nominata: item Nona et Decima a partus tempestivi tempore. Тертул. De anim. 36: Haec aestimando etiam superstitio Romana deam finxit Alemonam alendi in utero fetus, et Nonam et Decimam a sollicitioribus mensibus, et *Partulam*, quae partum gubernet, et Lucinam quae producat in lucem.

(**) См. въ этомъ значеніи *μοῖρα* въ Иліадѣ, X: 253; въ Одиссеѣ, IV: 97. — Срав. *μόριον* — particula.

происходитъ отъ корня *par*, употребленнаго и въ pario—рождаю, такъ и часть происходитъ отъ корня ча=чьн=кън, употребленнаго и въ *чати*, *чьнж*, зачати, зачатыя — такого же значенія. Славянскій корень *род* даетъ тоже слово *родъ*, непотерявшее смысла, сходнаго со словомъ *часть*, какъ и *родити* сходно съ *чати*, а *радити* съ *конати*. Въ Греческомъ *μερω*=*μειρω* тоже что *par*tio, *par*tire=частити, чащж, откуда *μερίτης*, *μερμέρως*, *μέρμερος*=*par*ticeps = оучастникъ, и *μέρμηρα*= участик. Продолжая сравненіе находимъ, что какъ въ Славянскомъ есть *родъ*=чадь, чадо, *челядь*, такъ и въ Латинскомъ *par*vus, *par*vi, *par*vuli, и въ Греческомъ *μεῖραξ*, *μειράκιον*; какъ въ Славянскомъ есть *родичь*, *род*итель, такъ и въ Латинскомъ *par*, com*par*, *par*ens и (?) въ Греческомъ *μέροψ*, *μερόπειος*; какъ въ Славянскомъ есть по*рода*, по*рада* = часть, счастие, счастливъ, такъ и въ Латинскомъ pros*per*, pros*per*itas, и въ Греческомъ *εἱμαρμενη*, *εἱμαρμένον*, *μοιρίδιος*, *μοιρηγενής*; какъ въ Славянскомъ есть *род*ити, *рад*ѣти=счадѣти (щадѣти), счадѣние, такъ и въ Латинскомъ *par*co, *par*cere, *par*cus, *par*simonia, а въ Греческомъ *μερμαίρω*, *μερίμνάω*, *μέριμνα*, и т. д. Если и трудно вполнѣ доказать единичность корня во всѣхъ приведенныхъ словахъ, созвучныхъ въ коренныхъ частяхъ своихъ, то все же нельзя отвергнуть созвучія словъ и вмѣстѣ съ тѣмъ стремленія въ каждомъ изъ сравненныхъ языковъ выражать одними и тѣми же избранными звуками одной и той же массы идей.

Сходство и сродство понятія о дѣвахъ жизни представляется у Славянъ и съ Кельтами. Самый корень *род* не чуждъ Кельтамъ: *rhad*=*rad*=*rhod*=*rod* значитъ даяніе, дѣленіе, милость, счастіе: *rhoddi*—давать; *ranu*=*radu*—часть; *rhad*—счастл. удѣлъ (rhod Duw yn y ty—да будетъ благословеніе Божіе на домѣ); *gwenrodd* — блаженство небесное; *rodh*=*rox* — подарокъ родильницѣ; *rhodd* — милостивый; nid edrychir yn llygad march *rhodd* — не смотрятъ въ глаза коню *дареному* (*). Впрочемъ

(*) См. эти слова и ихъ производныя въ Dictionary of the Welsh language, by W. *Owen Pughe* и Archeologia Britannica, by E. *Lhuyd*.

названіе Роженицъ произведено у Кельтовъ не отъ этого корня, а отъ другаго подобнозначащаго, какъ и у Славянъ не отъ чл=кзн, а отъ *род*. Въ значеніи рода=чали употребляется слово *teulu*=*tylu* и болѣе сложное *tylwyth*, сокращаемое въ разныхъ мѣстностяхъ въ *tydk*, *tyz*. Это слово — *y teulu*, *y tylwyth* — или еще съ прибавленіемъ прилагательнаго *teg* (прекрасный) — *y tylwyth teg* — употребляется какъ собирательное названіе фей, покровительствующихъ любящимся, родильницамъ, новорожденнымъ дѣтямъ, добрымъ людямъ. Иначе ихъ называютъ *teulugwreigedd*—домовыя, родовыя, *gwreigedd anwyl*—прекрасныя, милыя жены; а каждую отдѣльно *teuluwraig*, *gwraig anwyl*, или же=*mar merch* — дѣва, словомъ, напоминающимъ звуками о Греческой *μοῖρα*, а значеніемъ о Хорутанскихъ и Сербо-Лужицкихъ дѣвицахъ и о тѣхъ *virsines*, которыя встрѣчаются на памятникахъ Романо-Гальскихъ въ смыслѣ парокъ, такъ же какъ и *mairae* (*).

Дѣвицами (meyar, moer) и у древнихъ Германцевъ назывались ихъ парки=норны, которыя каждому человѣку опредѣляли его вѣкъ (skâpa mönnum aldr). Трудно сказать, чтò значитъ норна; для насъ впрочемъ любопытнѣе другія названія. Таково между прочимъ названіе: *Урды* и *Вюрды*. Въ древнемъ Верхне-Нѣмецкомъ нарѣчіи fatum и fortuna назывались *uurt*, какъ и у Гомера *μοῖρα*, а злая судьба wéwurt (Graff. I. 292.) Въ Англосаксонскомъ vyrd принималось не только въ этомъ значеніи общемъ, неопредѣленномъ, но и въ значеніи парки (me thät vyrd gevaf—mihi hoc parca contexuit. vaelgrimme vyrd—parca fatalis. Ettmüller. 109. Гриммъ. D. Myth. 382.) Въ Англіи и Шотландіи народъ и до сихъ поръ вѣритъ въ weirdsisters = weirdelves = weirdlady, какъ вѣрилъ при Шек-

---

(*) Кромѣ означеннаго словаря Owen'a (гдѣ — въ слѣдствіе особенной странности взгляда автора—слово *tylwith* представлено сложнымъ изъ *ty*—a house и *llwyth* — a tribe и, конечно, совершенно невѣрно), смотр. S. *Marthe:* Beiträge zur bretonischen und celtisch-germanischen Heldensage, стр. 46 и 104. H. *Schreiber*, Die Feen in Europa. Freiburg. 1842. стр. 30. Кстати о словѣ *merch:* оно означаетъ и тоже что невѣста во всѣхъ значеніяхъ (невѣста, невѣстка), такъ же какъ и Литовское *marti*.

спирѣ и Дугласѣ. Въ Скандинавскомъ древнемъ такое же значеніе соединяется съ словомъ *Urdhr*, которое принадлежитъ и всѣмъ тремъ норнамъ (grimmar Urdir — dira fata), и одной по преимуществу, первой изъ трехъ, такъ же какъ у Грековъ *κλωθώ* не только было именемъ одной изъ миръ, но и каждой, и потому всѣ вмѣстѣ назывались *κλωθῶες*. Первоначальное значеніе слова urd=uort=vyrd=weird довольно ясно. Во всѣхъ Германскихъ нарѣчіяхъ есть слова отъ корня *'r'd=w'r'd* (Гот. vairdhan, Англ. Сакс. veordan, Древн. Сѣв. verda, Швед. varda, Дат. vörde, Нѣм. werden — fieri, evenire) (*), однозначащаго и однозвучнаго съ Славянскимъ *род* и съ Греческимъ *ἐρδω* (facio, operor): отъ него произошло названіе парокъ урдами и т. п., такъ что Урда тоже что Рожена=Роженица.— Назывались у Германцевъ парки Роженицами и отъ другаго корня. Въ древнихъ Верхненѣмецкихъ глоссахъ Саломона и въ другихъ памятникахъ parcae и fata называются *scephenten=skefentum=schephentum*; въ среднемъ Верхне-Нѣмецкомъ *schepse=schepfer*; въ Англосаксонскомъ *gesceap*—fata. Корень этихъ словъ *skap* (Готө. skapian, древн. Сѣвер. skapa, др. Сакс. scapan, древ. Верх. Нѣм. skafan, Англ. Сакс. scyppan=scapan, Англ. shape, Нѣм. schaffen значатъ одинаково творить, рождать. Оттуда и Англосаксонское sceppend=scyppend (Schöpfer)—творецъ, какъ именованіе Бога (Graff. VI, 442 и слѣд.; Ettmüller 673).— Таже идея о родѣ соединялась и съ Англосаксонскимъ словомъ mëten=*mëtten*, означавшимъ такъ же парку (thâ graman mettena, the folcisce men hatad parcas. Boet. 35. 6). Съ нимъ рядомъ стоятъ *mëtôd=meotud*—creator, deus (сѣверное miotudr) и *metodsceaft*—creatoris decretum, judicium, fatum, necessitas divina; а въ глаголѣ *metan* соединялись идеи *дѣланія* и *дѣленія*, больше послѣдняя, какъ и въ Греческомъ *μερω*, но не одна она исключительно (**) (Ettmüller. 210.)

Сравнивая названіе Славянскихъ Роженицъ съ названіями

(*) Я. Гриммъ даетъ этому корню форму airdh, ardh, aúrdh. D. Gram. II. 39.

(**) Иначе думаетъ Я. Гриммъ. D. Myth. 377. При пособіи Славянскихъ источниковъ, онъ—можетъ быть—развилъ бы свой взглядъ не такъ.

дѣвъ жизни у другихъ народовъ, можно еще замѣтить и то, что какъ въ словѣ Роженица сходятся двѣ идеи—идея о дѣвѣ-духѣ, покровительствующемъ родамъ и рожденнымъ, и идея о родильницѣ, такъ и въ памятникахъ Латино-Гальскихъ парки называются не только virgines, puellae, но и matres, matronae. Deae mairae означало, кажется, то и другое, напоминая звуками и значеніемъ drei Mareie дѣтской пѣсни Швейцарской. Леттская роженица *Лайма* также называется mahmina — мать.

Такое же сходство представляется и въ образахъ, соединенныхъ съ миѳомъ о Роженицахъ у Славянъ и у другихъ народовъ, къ нимъ близкихъ (*).

Какъ Роженицы представлялись воображенію Славянъ то парами, то тріадами, такъ парами или тріадами представлялись дѣвы жизни у всѣхъ ихъ сосѣдей. У Грековъ были не только три миры или одна тройственная (*τριμορφος*), но и двѣ киры (*κῆρες*). У Римлянъ постоянно изображаются три парки или три фаты: тремъ постоянно посвящаемы были и памятники — fatis fatalibus, fatis divinis. О *τρία φᾶτα* вспоминаетъ и Прокопій (Goth. I. 25). У Романцевъ были обожаемы тѣ же три фаты=фады=феи: такъ Бруно (de la Montagne), оставленный новорожденнымъ младенцемъ въ лѣсу (Brécheliant) былъ призрѣнъ тремя феями и отъ всѣхъ трехъ надѣленъ былъ дарами счастія; три же феи осчастливили своими пожеланіями сына Майльфера; три же были при рожденіи Исаіи Горемыки (Isaïe le Triste); три же построили замокъ въ трехъ миляхъ отъ Тура, и т. д. Иногда являются феи и попарно: такъ въ поэмѣ Сегуры д'Асторга юному Александру (будущему Македонскому) fecieron la camisa duas fadas enna mar. Въ преданіяхъ Бретонскихъ мары представляются также по-

(*) Матеріалы для этого сравненія заимствованы болѣе всего изъ сочиненій Я. *Гримма* (Deutsche Mythologie. 2-e Ausg. 1844), Г. *Шрейбера* (Die Feen in Europa. Freiburg. 1842), А. *Мори* (Les Fées en Europe. Paris. 1843.), С. *Марта* (Beiträge zur Heldensage. 1847.), *Овена* (Dictionary of the Welsh language. Derbigh. 1832.), *Люйда* (Archeologia britannica. Oxford. 1707.)

парно — одна старшею, другая младшею. По древнимъ Сѣвернымъ преданіямъ изъ земли исполиновъ (or jötunheimum) вышли три Турскія дѣвы (thursa meyjar), и три же онѣ многовѣщія являются изъ влаги, окружающей Иидрасилъ: одна Урдъ, другая Верданди, а третья Скульдъ, тѣ три, которыя положили законы, опредѣлили жизнь и сынамъ человѣческимъ вѣщаютъ судьбу (Voluspa, 8. 20), тѣ три, которыя — по вѣщему отвѣту Вафтруднира — спускаются надъ жилищами людей, и изъ которыхъ одна рѣшаетъ судьбу всѣхъ живущихъ на землѣ (Wafthruduis mal. 49). Эта идея о тріадѣ дѣвъ жизни сохранилась у Германскихъ народовъ до сихъ поръ: о трехъ weirdsisters говорятъ въ Англіи; о трехъ теткахъ-пряхахъ расказываютъ въ Нѣмецкихъ сказкахъ, о трехъ мареяхъ (drei Mareie) поютъ дѣти въ Швейцаріи.

Роженицъ воображали Славяне сестрами: сестрами были и норны Скандинавовъ (Sorores у Саксона Грамматика), и фады (Serors у Фолькета и др.), и богини судьбы Нѣмцевъ (у Нигелла Ворекере Sorores), и weirdsisters=fatal Sustrin Англичанъ, и т. д.

Роженицы были почитаемы и призываемы какъ помощницы при родахъ, одаряющія новорожденныхъ дарами счастія. Такъ и миры=парки по приказанію Аполлона должны были присутствовать при рожденіи Эвадне; а при рожденіи Геркулеса, посланныя ревностью Юноны, продолжили мученія Алкмены. Такъ и феи явились въ ночь рожденія Огера Датскаго и каждая дала ему особенный даръ; онѣ же были призваны при рожденіи Оберона, и одарили его всѣми благами жизни, кромѣ одной, которая, будучи забыта, за обиду себѣ осудила Оберона на ростъ карлика. Французы по этому называли ихъ obstetrices, ventrières.

Роженицы рисовались въ воображеніи Славянъ прахами. Искусно пряли и Греческія миры, и Римскія парки, и феи, и норны. Миры поэтому и назывались *κλῶθες, κατακλῶθες* (отъ *κλώθω, κατακλώθω* — пряду). Сестры норны, одаряя княжича Гельга, сына Боргильды, дарами храбрости въ Бралундѣ, стянули крѣпко нить судьбы, такъ что потрясся замокъ Бралундскій. Онѣ растянули золотыя нити и закрѣпили ихъ въ се-

реднне залы мѣсяца, скрыли концы на востокѣ и западѣ, чтобы между ними простирались волости его, и бросила сестра Нери одну нить на сѣверъ, чтобы онъ всегда ее держалъ (Helgiquid, I. 2—4). Прялн и шопфы Нѣмецкія (flåhten seil), и тетки-пряхи Нѣмецкихъ сказокъ, и сестры фады. Пряла и Веорда Англосаксонская, какъ и Верпея Литовцевъ, которая, какъ только родится бывало младенецъ, начинала прясть нить его жизни на небѣ, привязавши ее къ звѣздѣ (Narbutt. I. 71.), отъ чего и получила свое имя (werpju—пряду). Латыши видали своихъ swethas jumprawas также съ прялкой въ рукахъ.

Съ почитаніемъ Роженицъ соединено было вѣрованіе во вліяніе звѣздъ, вѣрованіе въ то, что можно родиться подъ счастливою или несчастною (доброю или злою) звѣздою, а съ этимъ вѣрованіемъ соединялось и предполагаемое искуство отгадывать будущее человѣка по звѣздамъ. То и другое сохранилось у всѣхъ Славянъ доселѣ: есть вездѣ и повѣрье о падающихъ звѣздахъ, провозвѣстницахъ смерти какого нибудь человѣка, и гаданье по звѣздамъ,— и знахаря звѣздочеты, въ родѣ тѣхъ, о которыхъ вспомянуто въ Чешской думѣ о битвѣ Христіанъ съ Татарами (hwezdari), и припѣвы заговорные въ родѣ нашего «звѣзды ясныя, сойдите въ чашу брачную» и т. д. Замѣтить можно между прочимъ: Чешское слово rodowestnik=rodowestec — которымъ называется тотъ, kdo stastny aneb nestastny rod z hwezd hada; Польское: rodowieszczek, которое Линде переводитъ церковнымъ рожанница, а другіе — правильнѣе — астрологомъ, генеѳліакомъ. Это суевѣріе обще всей Европѣ, особенно направленное къ поддержанію боязни въ несчастную судьбу, которую предсказываетъ Unstern, la mauvaise étoile, какъ воспѣвалъ и Петрарка (tal fu mia stella e tal mia cruda sorte). Наша астрологія поддерживалась, какъ и на западѣ, довѣренностію къ замѣчаніямъ древности (См. напр. у Аристотеля, de coelo. II. 10—11; у Плинія Hist. Nat. XVIII. 69 и слѣд.) и медленно слабѣла отъ увѣщаній религіи (Исаія XLVII. 13) и закона (Номоканонъ, глав. о волхвованіи).

Въ честь Роженицъ была приготовляема трапеза. Такъ и въ древности ложе обѣда приготовляемо было въ богатыхъ

домахъ при рожденіи дѣтей Юнонѣ-Люцинѣ. Такъ въ старину и во Франціи—по сказанію Раймонда Прованскаго — приносилась треба феѣ Естереллѣ, покровительницѣ плодородія, на камнѣ, названномъ Lauza de la Fada. Въ La belle au bois dormant также представлены феи, которыхъ зовутъ въ кумы и угощаютъ обѣдомъ. Dame Morgue et sa compaignie, являясь въ домъ въ опредѣленное время года, ночью, были также угощаемы трапезой. У Бретанцевъ долгое время оставалось въ обычаѣ приготовленіе обѣда для фей въ комнатѣ подлѣ той, гдѣ лежала родильница, и до сихъ поръ осталось повѣрье о ночныхъ обѣдахъ ихъ, совершаемыхъ при свѣтѣ мѣсяца. Норнамъ приготовляемы были также трапезы и подарки: Норнагестъ отъ нихъ получилъ и имя свое. Изъ Бурхарда Вормскаго также узнаемъ, что тремъ сестрамъ-паркамъ (parzen) приготовляли столъ съ тремя тарелками и тремя ножами. Эта трапеза Роженицамъ названа въ памятникахъ *второю* и также *кутійною:* то и другое можно понимать въ одномъ смыслѣ, если вспомнить о secunda mensa Древнихъ, за которою были плоды и вина. «Законный обѣдъ» Роженицамъ, какъ и Роженицѣ, былъ *безкровный*.

Роженицамъ посвящаемы были первые волосы дѣтей. Этимъ выражалось вѣрованіе въ ихъ покровительство дѣтямъ (*). У Грековъ былъ обычай — говоритъ Плутархъ—посвящать волоса Аполлону Дельфійскому; а родители посвящали волоса своихъ дѣтей богамъ, прося для нихъ милости боговъ. Можно предполагать, что въ честь божества стригли свои волоса тѣ, которые какимъ нибудь чудомъ спасались отъ смерти. Древніе Арабы стригли волоса въ честь Мената (бога мѣсяца) (**). Обычай посвященія волосъ богамъ у Кельтовъ называется *dywyn=diwyn* (посвящать=стричь волоса). Это было правомъ отца, какъ владыки. Отъ посвященія волосъ богамъ въ обы-

---

(*) Срав. у Стрыковскаго. Solebant pagani pueris ademptos capillos tamquam primitias consecrare suo deo.

(**) См. выше о Мени и Лунѣ, какъ богѣ судьбы. Д-ръ Хвольсовъ, приводя это свидѣтельство Шегабъ-эд-дина, приводитъ и нѣкоторыя другія о постриженіи волосъ. Die Ssabier. II. стр. 306—307.

чай вошло посвящать волоса и покровителямъ, опекунамъ, и т. п. Такъ и объясняетъ постриги Матѳей г. Холевы: Nec ridiculum nostri tondelam ritus agnosces. Jnstituta ergo est huiusce forma et formae solennitas, ut per eam adoptio haberet robor. Императоръ Константинъ Погонатъ послалъ локонъ волосъ своихъ дѣтей папѣ Бенедикту II, вручая ихъ ему подъ покровительство. Въ этомъ же родѣ расказываетъ Ненній (§ 48), о томъ какъ Германъ сдѣлалъ своимъ пріемышемъ Фауста, сына Фаусты, рожденнаго отъ отца ея Вортигерна: обрядъ усыновленія сопровождался постриженіемъ волосъ. По Герман. древнему обычаю свободный человѣкъ передачею волосъ другому подчинялся ему какъ отцу и господину. Такъ понимали постриги и Лужичане, когда утверждали миръ съ Нѣмцами abraso crine supremo. Сюда подходитъ и Кельтское diwyn.

Роженицы представлялись или жительницами неба, или чаще жительницами горныхъ пещеръ. И въ пѣсняхъ Орфея дѣвы судьбы рисуются одинокими жительницами пещеры (Гим. LVIII. 2). И норны Скандинавовъ являлись изъ «залы» у потока. И tre fate Романскіе обитали въ ущельяхъ горъ. И zwee jungfrauen Нѣмецкихъ сказокъ, у которыхъ подъ столомъ приковано зло, живутъ въ пещерѣ. Изъ пещеры подавала свои совѣты и прорицанія и weird lady of the woods. Во Франціи до сихъ поръ есть много пещеръ, получившихъ названія отъ фей, напр. Fours des fées у Дижона, Grotte aux fades у развалинъ замка Urfé, Chambre des fées въ Велеѣ (Velay), и пр. Роженицы Кельтовъ—tylwyt-teg живутъ, какъ говоритъ повѣріе Валлисцевъ, въ озерѣ у подошвы горы на границѣ Breckenockshire. Прежде въ скалахъ, окружающихъ озеро, была дверь, которая открывалась на первое мая. Кто входилъ черезъ пещеру къ мерхамъ, того они радушно угощали и надѣляли предсказаніемъ будущаго. Послѣ—расказываютъ старики — дверь затворилась, и съ тѣхъ поръ въ Валлисѣ не водится счастіе...

Обстоятельства, извѣстныя отчасти почтенному издателю этого опыта о Роженицахъ, не позволили мнѣ вдаться въ болѣе подробное сравненіе миѳа о Роженицахъ съ миѳомъ о паркахъ разныхъ народовъ, близкихъ къ намъ; но и то немногое, что удалось мнѣ здѣсь представить, кажется, достаточно для убѣжденія, что въ нашихъ Роженицахъ нельзя не видѣть дѣвъ жизни и судьбы, парокъ, какъ я позволилъ себѣ догадываться еще тогда, когда о Роженицахъ было въ виду только нѣсколько отрывочныхъ фактовъ (*).

И. Срезневскій.

Іюль 1852.

(*) Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ Славянъ. Харьковъ. 1846. стр. 7. Особенный взглядъ на Рожениць выразилъ Баронъ Д. А. *Шеппингъ* въ статьѣ «О значеніи Рода и Рожениць» (Временникъ. 1851. IX, стр. 25—36.), очень замѣчательный по оригинальности.

IV.

О

ЗНАЧЕНІИ

РОДА И РОЖАНИЦЪ.

СОЧИНЕНІЕ

А. Афанасьева.

О ЗНАЧЕНІИ

РОДА И РОЖАНИЦЪ.

Душа человѣческая, по языческимъ преданіямъ Славянъ, представлялась въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. Остановимся теперь на представленіяхъ души *огнемъ* и *звѣздою*, такъ какъ вѣрованія эти могутъ пояснить намъ любопытный, но доселѣ загадочный вопросъ о Родѣ и Рожаницахъ.

Славяне понимали душу тою же всеживотворящею силою, безъ которой не возможна на землѣ никакая жизнь. Это — сила *свѣта* и *теплоты*, которая разливается на всю природу солнцемъ, и символомъ которой на землѣ служитъ *огонь*. Душа собственно частица, искра этого небеснаго свѣта, которая даетъ тѣлу внутреннюю теплоту и жизнь. Еще теперь въ простомъ народѣ блуждающіе (болотные) и свѣтящіеся на могилахъ, въ слѣдствіе фосфорическихъ испареній, *огоньки* признаются за души умершихъ; въ одномъ мѣстѣ Тамбовской губерніи до сихъ поръ, по увѣренію поселянъ, видны *горящія свѣчи*, потому что тамъ хоронятъ удавленниковъ и опойцевъ; въ другомъ мѣстѣ разсказываютъ, какъ на могилѣ безвинноповѣшеннаго *теплилась свѣча*, пока не совершили по немъ поминокъ. Въ южной Днѣпровской Руси ходятъ разсказы о *синихъ огняхъ*, вспыхивающихъ на могилахъ и курганахъ; огни разводятся здѣсь *русалками* (1). Въ связи съ этимъ вѣрованіемъ находится

---

(1) Москвит. 1844. N 12. Смѣсь. стр. 28. 1848. N 8, стр. 71—72 (ст. Даля). Терещ: Бытъ Русск. народа. т. VI. стр. 11, 129.

представленіе солнца (Дажьбога) дѣдомъ людей и миѳъ о плодотворящемъ значеніи молніи (огненнаго змѣя) (1).

Если душа понималась какъ огонь, то жизнь возможна была только до тѣхъ поръ, пока горѣло это внутреннее пламя: погасало оно, и жизнь прекращалась. У насъ уцѣлѣло выраженіе *погасла жизнь;* выраженіе это въ народной пѣсни замѣнено сравненіемъ смерти съ погасшею свѣчею (2). Смерть тушитъ огонь жизни, и остается одинъ холодный трупъ. Отсюда возникли примѣты: если у жениха или невѣсты потухнетъ подъ вѣнцомъ свѣча, то случай этотъ предвѣщаетъ ему или ей скорую смерть; у кого изъ стоящихъ подъ вѣнцомъ сгоритъ больше свѣчи, тотъ и умретъ скорѣе; если въ сырныя заговины огарокъ лучины упадетъ изъ свѣтца на полъ и тотчасъ же погаснетъ, это предвѣщаетъ, что въ продолженіи года въ домѣ будетъ мертвецъ. Въ такихъ примѣтахъ теченіе жизни сравнивается съ горѣніемъ свѣчи: скорѣе сгоритъ свѣча, скорѣе протечетъ и жизнь, и наоборотъ. Прежде, при произнесеніи на погибель врага проклятія, почиталось необходимою принадлежностію обряда—погасить зазженную свѣчу (3). Древніе изображали смерть (*Θανατος*) съ *погасшимъ факеломъ:* она опускала факелъ, потрясала имъ, и свѣтъ жизни померкалъ вмѣстѣ съ потухшимъ факеломъ. У Нѣмцевъ есть прекрасная сказка о *кумѣ-смерти*, въ подземныхъ пещерахъ которой стоятъ необозримыми рядами тысячи возженныхъ свѣчь: это — горятъ человѣческія жизни. Однѣ свѣчи только что зазжены, а другія уже догараютъ; но и большая свѣча можетъ быть опрокинута и потушена. Кума-смерть опрокидываетъ

---

(1) Смотри мои статьи: Зооморф. бож. у Славянъ (Отечеств. Зап. 1852. N 2); Критика на «Архивъ историко-юридич. свѣд.» въ Соврем. 1850 N 4. стр. 55—56; языч. предан. объ островѣ Буянѣ (Времен. Общ. И. и Др. Рос. N 9).

(2) Терещ. Бытъ Русс. народа, т. I. стр. 97.

(3) Описаніе Олонецк. губерніи Дашкова, стр. 193. Маякъ 1844 г. т. XIII. стр. 12. (ст. Боричевскаго) т. XIV. Иллюстрац. годъ 2. стр. 262 (ст. Даля). Вѣстникъ Рус. Геогр. Общ. 1853 г. N 6. стр. 127. Чтобы повредить врагу, ставятъ *задушную* свѣчку предъ образомъ, которую нарочно зажигаютъ съ нижняго конца.

и гаситъ свѣчу, и тотъ, чью жизнь свѣча изображала, умираетъ (1). Самое слово *марана* (моръ, смерть) связывается филологически съ словомъ *вракъ*. Глаголъ *гасить* употребляется въ смыслѣ истреблять, а *таснуть* (Черниговской губ.) — истощаться, худѣть; *по-тухнуть* говорится о свѣчѣ, а *за-тухнуть* (*про-тухнуть*— провонять, *тухлый*) о боровѣ, въ значеніи: околѣть. *Засмирить* (смирить, успокоить, *успокоиться*—умереть, *покойникъ* — мертвецъ) *свѣчу* значитъ: потушить. Наоборотъ, глаголъ *разживлять* значитъ: разводить, поддерживать чуть горящій огонь. Еще яснѣе связь понятій огня и жизни въ словѣ *воскресать*, которое образовалось изъ древнѣйшаго, до-христіанскаго корня *кресъ* — огонь, *кресало* (*кресиво*)—огниво, *кресать*—высѣкать огонь, *кресникъ*— іюнь, мѣсяцъ жаровъ. Слѣдовательно, *воскресать (кресить)*, если передать его буквальный смыслъ, значитъ: оживить трупъ огнемъ (2). У Славянъ весною совершался въ честь мертвыхъ праздникъ, на который приходили съ зазженными факелами и пѣли: « смерть мы погасили, новую жизнь зажгли! »—слова, указывающія на вѣру въ воскресеніе мертвыхъ (3).

По другому представленію, смерть не погашаетъ животворнаго огня жизни, а исторгаетъ его изъ тѣла, которое обращается оттого въ трупъ. Въ народныхъ легендахъ упоминается о грѣшникахъ, *испускающихъ свою душу въ пламени*; въ раскольничьей книгѣ, извѣстной подъ заглавіемъ: « Исторія о отцѣхъ и страдальцѣхъ Соловецкихъ », находимъ слѣдующее свидѣтельство: « видѣша нѣціи отъ житель *столпъ огненъ отъ земли до небеси сіяющь*, и видѣвше разумѣша, яко пустынникъ ко Господу отъиде! » (4).

---

(1) Kinder-und Hausmärchen, ч. I. стр. 253—6. Гримма: Deutsch. Mytholog. ч. 2 стр. 800, 813. Черемисы, совершая поминки, за каждаго покойника ставятъ по свѣчѣ; за дѣтей свѣчи бываютъ маленькія (Записки о Чувашахъ и Черемисахъ, соч. Фуксъ, стр. 194).

(2) Опытъ Словаря областн. рѣченій стр. 31, 66, 68, 92—94, 187, 241. Lexic. lingu. Sloven. veter. dialect.: *крѣсины*.

(3) Die Wissenschaft des Slawisch. Mythus etc., Гануша, стр. 408. Употребленіе *факеловъ* при погребальныхъ обрядахъ удержалось до сихъ поръ.

(4) По нѣкоторымъ указаніямъ памятниковъ, душа исходила изъ тѣла

Другое представленіе души звѣздою имѣетъ самую близкую связь съ представленіемъ души огнемъ, ибо звѣзды первобытный человѣкъ понималъ искрами огня, блиставшими въ вышинѣ неба; языкъ сохранилъ тому много яркихъ свидѣтельствъ. Оттого душа въ народныхъ преданіяхъ сравнивается точно также со звѣздою, какъ и съ огнемъ; а смерть уподобляется *падающей звѣздѣ*, которая, теряясь въ воздушныхъ пространствахъ, какъ бы *погасаетъ*. Есть прекрасный народный разсказъ о трехъ сестрахъ—вѣдьмахъ, которымъ послѣ смерти досталось весь вѣкъ *горѣть на небѣ тремя звѣздами*, близь млечнаго пути; звѣзды эти называются *дѣвичьи зори* (1). Падающая звѣзда до сихъ поръ почитается въ народѣ знакомъ чьей-либо смерти въ селѣ; потому, увидя паденіе звѣзды, обыкновенно говорятъ: « кто-то умеръ! » или: « чья-то душа покатилась! » (2) Другіе увѣряютъ, что падающая звѣзда означаетъ слѣдъ ангела, полетѣвшаго за усопшею душею; если успѣешь пожелать что-нибудь этой душѣ, пока еще не погасла звѣзда, то желаніе непремѣнно исполнится (3). Народная пѣсня сравниваетъ смерть царевича съ падающею звѣздою и угасающей свѣчей:

Упадаетъ звѣзда поднебесная,

дымомъ и *паромъ*. Въ Софійскомъ временникѣ (т. 2. стр. 333) о смерти в. князя Василія Іоанновича сказано: « и видѣ Шигона духъ его отшедше, акн *дымецъ* малъ ». Слово *пáра* (*пáрить* — жарить передъ дождемъ, *преть*, *парунъ*— зной жара) имѣетъ слѣдующія значенія: паръ, духъ и душа; *пáра вонъ* т. е. душа вонъ! (Опытъ Слов. областн. рѣченій, стр. 152, 153. Буслаева: О вліяніи Христіан. на Славян. яз. стр. 27, 68—69).

(1) Сахар: Сказ. рус. народ. т. 2. стр. 62—63 (дневн.). Сходный разсказъ о женѣ и семи дочерахъ хлѣбника смотри у Гримма: Deutsch. Mythol. ч. II. стр. 691—2.

(2) Сахарова: Сказ. Русс. нар. т. 2. стр. 14 (дневн.) Маякъ 1844 г. т. XIII. и 1843 г. т. VII. стр. 72. Статист. описаніе Саратовск. губ. стр. 58. Владимірск. губ. Вѣдом. 1844 г. Прибавл. къ N 52. Славянск. миѳолог. Костомарова, стр. 53. Киргизы вѣрятъ, что души покойниковъ сходятъ на землю со звѣздъ (Москвит. 1853. N 22. стр. 67).

(3) Иллюстрац. годъ 2. стр. 262. (ст. Даля). Есть примѣта, что звѣзда свѣтитъ близь мѣсяца передъ покойникомъ (Кольск. уѣзда).

Угасаетъ свѣча воску яраго —
Не становится у насъ млада царевича (1).

Слово *маньякъ* принимается и въ значеніи падающихъ звѣздъ, и въ значеніи проклятыхъ душъ, блуждающихъ по смерти. Болотные огни, которые (какъ мы видѣли) принимаются за души умершихъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ считаются падшими съ неба звѣздами (2).

Такое метафорическое уподобленіе души небесному свѣту звѣзды впослѣдствіи, когда забылся первоначальный источникъ подобныхъ сравненій и метафора стала пониматься въ ея буквальномъ значеніи, послужило основаніемъ тому вѣрованію, которое связало жизнь человѣка съ небесною звѣздою. Каждый человѣкъ получилъ на небѣ *свою звѣзду*, съ паденіемъ которой прекращается его существованіе (3). Если смерть означалась паденіемъ звѣзды, то рожденіе младенца должно было означаться появленіемъ или возженіемъ на небѣ новой звѣзды, какъ это и засвидѣтельствовано преданіями различныхъ народовъ.

Въ связи съ этимъ вѣрованіемъ разсмотримъ показанія памятниковъ о древнихъ Славянскихъ божествахъ: *Родѣ* и *Рожаницахъ*. Здѣсь особенно важными представляются свидѣтельства азбуковниковъ и Паисіевскаго сборника. Въ этомъ послѣднемъ находимъ: «Слово св. Григорія о томъ, како первое погани суще языци кланялися идоломъ и требы имъ клали» — въ которомъ читаемъ: « извыкоша « Елени (Греки) класти требы *Атремиду и Артемидѣ, рекше* « *Роду и Рожаницѣ;* таціи же Игуптяне. Також и до Словѣнъ « доиде се слов(о), и ти начаша требы класти Роду и Рожани- « цамъ... а се Егуптяне требы кладутъ *Нилу и огневѣ, рекуще*

---

(1) Сахарова: Сказ. рус. нар. т. I. стр. 253 (пѣсни). Терещ: Бытъ русс. нар. ч. I. стр. 97.

(2) Сахар: Сказ. рус. нар. т. 2. стр. 63. Отечеств. Записки, изд. Свиньинымъ, 1818 г. стр. 68. Этнограф. Сборн. ч. I. стр. 215. Москв. 1853. N 22. стр. 67.

(3) Телескопъ 1833 г. N 8. стр. 504.

« Нилъ плоддавецъ и раститель класомъ » (1). Желая показать языческое происхожденіе вѣры въ Родъ и Рожаницу, авторъ Слова сближаетъ ихъ съ подобными же миѳическими представленіями у другихъ народовъ. По его мнѣнію, Родъ и Рожаница выражали тоже, что у Грековъ Артемида; для полнаго соотвѣтствія онъ придаетъ ея имени и мужское окончаніе: *Артемидъ* (2) и противопоставляетъ это новое имя Роду, божеству мужескаго пола. Одно изъ главнѣйшихъ свойствъ, приписанныхъ Греками Артемидѣ, касалось дѣторожденія, родовъ. Она считалась *покровительницею женщинъ и брачныхъ союзовъ, завѣдывала родами и играла роль бабки, помогающей при разрѣшеніи отъ беременности, и кормилицы:* оттого ей придавали названіе ἐλείθυια — Рожаница. Гомеръ это названіе употребляетъ во множественномъ числѣ (3). Хотя Артемидъ, о которомъ упоминаетъ Слово, и не существовалъ въ Греческой миѳологіи, но за то Греки придавали эпитеты *рождающихъ, всепроизводящихъ* и Зевсу и Посейдону. Туже идею плодородія Египтяне соединяли съ Ниломъ, который представлялъ для нихъ символически мужское сѣмя Озириса (свѣтъ и дождь), оплодотворяющее ежегодно Изиду (землю), какъ разливъ Нила — Египетъ; когда Нилъ выступалъ изъ береговъ и разливался по окрестностямъ, въ то время на изображеніе Изиды навѣшивали амулеты, въ ознаменованіе ея беременности. Огонь, какъ извѣстно, во всѣхъ миѳологіяхъ служилъ символомъ плодородной силы небеснаго (солнечнаго) свѣта (4).

Та же плодотворящая, возрождающая къ жизни сила принадлежала Роду и Рожаницамъ, на что указываютъ самыя названія ихъ, имѣющія одинъ корень съ словами: *рожать*, или *рождать*, *родитель*,

(1) Шевырева: Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозер. монаст. стр. 33—34. Срезневск: Свидѣтельство Паисіевск. сборн. о языч. суевѣр. Русс. (Москвит. 1851 г. N 5. стр. 52—64). Архивъ историко-юридич. свѣдѣній, т. 2., половина 2-я стр. 64—65.

(2) « Атремиду » поставлено по ошибкѣ писца — вмѣсто « Артемиду ».

(3) Иліада, пѣснь XIX.

(4) Смотри сочин. Экермана и Крейцера.

родильница, *родственникъ*, *родной*, *родина*, *рожёный*, *роды*, *народъ* , *зародышъ* , *урожай* , *порода*, *родникъ* и многими другими. *Роже(а)ница* въ словарѣ Памвы Берынды опредѣлена такъ: « матиця, породѣля, пороженица ». Словомъ *родъ* въ древнихъ памятникахъ означаются : родственники и потомки , земляки и цѣлый народъ, какъ образующійся чрезъ *нарожденіе* (1) ; отъ тѣснѣйшаго смысла слово это восходило къ болѣе широкому, по мѣрѣ того, какъ человѣкъ отъ тѣсныхъ чисто–природныхъ связей переходилъ къ связямъ и отношеніямъ болѣе широкимъ и искусственнымъ. Но всѣ эти значенія, придававшіяся *роду* , вытекли изъ того первоначальнаго его значенія, по которому подъ нимъ разумѣлась производительная сила природы вообще. Еще теперь въ народной рѣчи слышится выраженіе : « земля принялась *за свой родъ* » (2).

По свидѣтельству азбуковниковъ , *Рожаницами* « Еллиньстіи « звѣздословцы наричютъ *седмь звѣздъ, глаголемыхъ планиты, и « кто въ кую планиту родится, то и по той планитѣ любопрятся предвозвѣщати нравъ младенца , или къ коимъ « похотемъ естествомъ уклонителенъ будетъ*. И того ради « рождьшагось, якоже они мнятъ, въ планиту Арисъ — предглаголютъ тяжела быти нравомъ , яра же и гнѣвлива и дерз(к)а во « бранѣхъ; а въ планиту Афродиту рождьшагось сластолюбива предглаголютъ быти и удобна на блудное смѣшеніе ; сице же и въ « прочая планиты рождьшихся предглаголютъ нравы , а не хотятъ « окояніи они звѣздомъзаконицы разумѣти , яко не по естеству въ « человѣцѣхъ лежитъ злое , но по произволенію ». Подъ словомъ « планиты » въ азбуковникѣ читаемъ : « планиты суть *седмь звѣздъ*, « ижъ на аерныхъ седми поясѣхъ, кояждо на особомъ поясѣ : 1) « Аррисъ , 2) Ермисъ , 3) Завесъ , 4) Солнце , 5) Афродита , « 6) Кронъ, 7) Ккати, еже есть луна. Сими звѣздами окаянніи « звѣздословцы мнятъ ся *угадывати человѣческіе нравы и сча-« стіе* ». Въ другомъ мѣстѣ : « *зодіями* наричютъ звѣздословцы

---

(1) Тюрина: Обществ. жизнь и земск. отнош. въ др. Руси стр. 26 — 27. Сахар. Сказ. рус. народа. т. II. стр. 89.

(2) Опытъ Словаря обл. речен. стр. 192.

« *дванадесять звѣздъ*, ихъ же глаголютъ суща на седмомъ поясѣ « аерномъ (слѣдуютъ названія знаковъ зодіака). Сими звѣздами « умовредніи астрологи мнятся угадывати счастія и добродѣйственное « и злодейственное житіе человѣкомъ » (1).

Приведенныя нами свидѣтельства, приписывая Роду и Рожаницамъ вліяніе на рожденіе человѣка и на его будущій характеръ, въ тоже время указываютъ, что подъ этими миѳологическими названіями понимались небесныя свѣтила, именно *звѣзды*. Простой взглядъ, невооруженный учеными пособіями, не различаетъ планетъ отъ звѣздъ, и если Рожаницами названы въ азбуковникѣ собственно планеты, то такое ограниченіе было слѣдствіемъ того средневѣковаго астрологическаго ученія о планетахъ, которое, подъ вліяніемъ письменности, перешло къ намъ уже въ позднѣйшее время, въ переводныхъ книгахъ, извѣстныхъ подъ названіями : астрономія, зодій, и др. Но какъ самое средневѣковое астрологическое ученіе возникло изъ одного источника съ вѣрованіемъ, утверждающимъ вліяніе звѣздъ на жизнь человѣка, то и понятно, почему въ азбуковникахъ могло быть допущено объясненіе Рожаницъ — планетами.

Древнѣйшее представленіе, связавшее Рожаницъ съ звѣздами, находитъ прямое и убѣдительное подтвержденіе во многихъ, доселѣ уцѣлѣвшихъ отъ всякаго чуждаго вліянія, народныхъ вѣрованіяхъ, по которымъ душа понимается въ видѣ звѣзды, а зарожденіе человѣка, совершающееся подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ обожествленной стихіи свѣта, объясняется миѳомъ огненнаго змѣя; за этого же послѣдняго принимаются въ народѣ падающія звѣзды. Звѣздамъ вообще приписывалось вліяніе на плодородіе, что̀ видно изъ народныхъ примѣтъ, принимающихъ яркій блескъ звѣздъ за пред-

(1) Мы пользовались рукописнымъ азбуковникомъ; сличи съ напечатаннымъ въ Сказ. рус. нар. у Сахарова (т. 2 стр. 159, 177—8, 182). Іоаннъ, экзархъ Болгарскій, говоритъ (стр. 211) о книгѣ «Звѣздочетецъ», въ которой «безумніи ищутъ *дни рожденія своего*, сановъ полученіе и урока житію, и бѣдныхъ напастей, различныхъ смертей и казней, въ службахъ, и въ куплихъ, и въ ремеслахъ». Смотр. въ Описан. Румянц. Музеума (стр. 15) о звѣздѣ Чигирь.

вѣстіе плодородія овецъ, урожая ягодъ, грибовъ, хлѣба, и проч. Зарожденіе человѣка и его будущность тоже связываются старинными преданіями съ звѣздами. Надъ чьимъ домомъ упадетъ звѣзда, въ той семьѣ, по повѣрью, дѣвица утратила дѣвственность. Въ пѣсни сынъ, жалуясь на свою долю, обращается къ матери съ этими словами:

Ты скажи, скажи, моя матушка родная,
Подъ которой ты меня звѣздою породила,
Ты какимъ меня счастьемъ надѣлила?

Василій Буслаевичъ говоритъ въ сказкѣ: « не даромъ мнѣ *моя счастливая звѣзда дала* силу богатырскую » (1). Вѣра въ таинственную связь рожденія съ звѣздами была повсюду распространена астрологіею, которая принимала, что рожденные подъ благопріятнымъ вліяніемъ звѣздъ должны быть непремѣнно счастливы, и обратно. До сихъ поръ въ различныхъ языкахъ сохранилось выраженіе: « онъ родился въ *добрый* или въ *счастливый часъ!* » Въ одной рукописной астрономіи XVII вѣка сказано: когда звѣзда Чигирь будетъ въ такомъ-то мѣстѣ, тогда « съ женами не спи: аще родится сынъ, ино будетъ курчя и безплодны » (2).

И такъ представленіе души человѣческой звѣздою послужило источникомъ, почему рожденіе и смерть человѣка были связаны съ появленіемъ и паденіемъ небесныхъ звѣздъ. Впослѣдствіи, когда фантазія стала всѣмъ невидимымъ и таинственнымъ дѣятелямъ природы давать живые человѣческіе образы, она создала миѳическихъ дѣвъ, которымъ ввѣрила начало и конецъ человѣческой жизни, и отъ воли которыхъ поэтому зависитъ сіяніе и паденіе звѣздъ. Эти

---

(1) Сахарова: Сказ. рус. нар. т. I. стр. 205. Собран. Каиновыхъ пѣсенъ стр. 116. Русскія сказки, изд. Сахарова ч. I. стр. 246. Гриммъ (Deutsch. Mythol. ч. 2. стр. 820) приводитъ слѣдующее свидѣтельство изъ одного стариннаго слова: « cavete, fratres, ab eis, qui mentiuntur, quod quando quis qui *nascitur, stella sua secum nascitur, qua fatum ejus constituitur.* »

(2) Описан. Рум. Музеума, стр. 15.

дѣвы получили божественный характеръ и назвались *рожаницами*, по вліянію ихъ на рожденіе и судьбу человѣка, опредѣляемую при самомъ появленіи его на свѣтъ. Болгары до сихъ поръ вѣрятъ, что къ новорожденному являются чудесныя дѣвы предсказывать его будущность. Хорутане разсказываютъ, что *всякій человѣкъ, какъ только родится, получаетъ на небѣ свою звѣзду, а на землѣ свою Рожаницу, которая предсказываетъ его судьбу* (1). У Бѣлоруссовъ сохранилось повѣрье, что *каждый человѣкъ имѣетъ свою Зирку,* которая, какъ духъ-хранитель, неотступно находится при своемъ избранникѣ. Собственно *зирка* значитъ *звѣзда,* но въ народѣ подъ этимъ именемъ слыветъ также *богиня счастія и судьбы;* есть поговорка: « что̀ изъ него будетъ, коли онъ не въ милости у Зирки! » Зирки, по народному убѣжденію, являются на свѣтъ вмѣстѣ съ человѣкомъ и назначаются для его охраненія (2). У Румуновъ мѣсто богини Зирки занимаетъ духъ Арминдянъ, который имѣетъ жилище на *той звѣздѣ, подъ которою родится его кліентъ.* Эта родная звѣзда имѣетъ непосредственное вліяніе на всю жизнь Румуна: всѣ счастливыя и несчастныя приключенія человѣка зависятъ отъ нея, и Румунъ, въ пѣсняхъ своихъ и при разговорѣ, то благословляетъ, то проклинаетъ ее (3).

Подобныя вѣрованія находимъ и у другихъ народовъ. По литовскому преданію, какъ только родится младенецъ, тотчасъ же Верпея (Wегреja — парка), сидящая на небосклонѣ, начинаетъ прясть *нить его жизни*, на концѣ которой прикрѣплена вновь явившаяся *звѣзда;* когда приходитъ послѣдній часъ человѣка, тогда Верпея перерѣзываетъ нитку: *звѣзда упадаетъ, гаснетъ въ воздухѣ, и человѣкъ умираетъ;* почему каждая падающая звѣзда означаетъ чью-либо смерть (4). Въ Греческой миѳологіи пряли и обрывали

---

(1) Срезневск.: О богослуж. древн. Славянъ стр. 7.

(2) Прибавлен. къ Ж. М. Н. Просвѣщ. 1846 г. кн. 1. стр. 12.

(3) Телескопъ 1833 г. № 8. стр. 503 — 4.

(4) Ж. М. Н. Просв. 1844 г. апрѣль, ст. Боричевскаго. стр. 11. Deutsch. Mythol. ч. 2. стр. 683. Ганушa: Die Wissenschaft des Slawischen Mythus etc. стр. 272. Литовцы разсказываютъ о семи дѣвахъ (dejwas Walditojcs),

нить человѣческой жизни парки, опредѣлявшія при самомъ рожденіи младенца его будущую судьбу (1).

Изъ приведенныхъ фактовъ уже видно, что съ вѣрою въ Родъ и Рожаницъ соединялась вѣра въ *судьбу*, или *предопредѣленіе*. Случайности, опутывающія человѣка, не могли не поражать его фантазіи, тѣмъ болѣе, что въ первобытномъ своемъ состояніи онъ весь былъ погруженъ въ міръ внѣшній, и все, что съ нимъ ни случалось, объяснялъ дѣйствіемъ добрыхъ или враждебныхъ силъ, дѣйствующихъ на него извнѣ, а не изъ собственной воли. По его мнѣнію, жизнь, со всѣми ея радостями и бѣдами уже напередъ опредѣлялась при самомъ рожденіи младенца. На такую связь Рода и Рожаницъ съ судьбою указываетъ намъ и народная поговорка: « такъ ему (или: мнѣ) *на роду написано* » — поговорка, миѳологическое значеніе которой вполнѣ подтверждается хорутанскимъ преданіемъ о книгѣ: *рожденникъ*, по которой всякій можетъ узнать всю свою будущность (2). Наши простолюдины вѣрятъ, что ангелъ у всякаго *на роду* (т. е. при рожденіи) *пишетъ его судьбу* (3). Гриммъ въ своей Нѣмецкой миѳологіи приводитъ слѣдующее выраженіе: « qualem

---

изъ которыхъ первая прядетъ жизнь человѣка изъ кудели, данной верховнымъ божествомъ; другая дѣлаетъ изъ выпряденныхъ нитокъ основу, третья тчетъ холстъ, четвертая старается испортить этотъ холстъ, отъ чего въ жизни человѣка — неудачи, болѣзни, ссоры и прочія бѣды; пятая побуждаетъ сестеръ къ труду и не даетъ четвертой портить холстъ: отъ нея зависитъ счастіе человѣческой жизни; шестая перерѣзываетъ холстъ, — и человѣкъ умираетъ, а седьмая моетъ холстъ и вручаетъ верховному божеству. По смерти человѣкъ долженъ былъ носить приготовленную ему Парками рубашку: такимъ образомъ онъ постоянно имѣлъ передъ собою всю исторію своей земной жизни и воспоминанія о ея радостяхъ и горѣ. (Ж. М. Н. Просв. 1839 г. т. 22 стр. 14 — 16. Черты изъ исторіи и жизни Литовск. народа, 1854 г. стр. 68, 90.) У Литовцевъ есть повѣрье: если дитя плачетъ ночью, то должно положить его за спиною матери; *невидимая покровительница дѣтей* накормитъ и усыпитъ его (ibid. стр. 95.)

(1) Одиссея, пѣсни VII, XIX. Иліада, пѣсни XX, XXII, XXIV. Deutsch. Mythol. ч. 2 стр. 818: « parcæ, dum aliquis nascitur, valent eum designare ad hoc, quod volunt »

(2) Срезневск: О богослуж. древн. Слав. стр. 8.

(3) Снегирева: « Русск. въ своихъ пословицахъ » ч. II. стр. 123 — 7.

Nascentia attulit, talis erit », т. е. какимъ создастъ Рожаница, таковъ и будетъ (1).

У Славянъ сохранилось множество пословицъ, намекающихъ на старинное вѣрованіе въ судьбу, идея которой (какъ нами указано) тѣсно связывается и съ *рожденіемъ* и съ *смертію* человѣка: родись ни хорошъ, ни пригожъ, *родись счастливъ;* не накормить коня сухопарова, *не надѣлить дитя безсчастное; счастливому таланъ отъ Бога данъ; счастливый* — къ обѣду, а *роковой* — подъ обухъ; *счастливый* скачетъ, а *бесчастный* плачетъ; *чему быть, того не миновать; такъ рокъ судилъ; судьбу* на паршивомъ поросенкѣ *не объѣдешь* (2). Слово *судьба* одного корня съ словами: *судъ, суженый;* слѣдовательно, судьба означаетъ то, что̀ *присуждено,* предопредѣлено человѣку. Въ старинныхъ памятникахъ слово *судъ* прямо употребляется въ смыслѣ *судьбы;* напримѣръ, въ Словѣ о полку сказано: « ни хытру, ни горазду, ни птицѣ горазду *суда Божія* (т. е. судьбы) не минути »; «Бориса же Вячеславича слава на *судъ* (т. е. на смерть) приведе ». Въ посланіи Мономаха къ Олегу Святославичу встрѣчаемъ такое выраженіе: « *судъ отъ Бога* ему пришелъ ». Здѣсь смерть разсматривается, какъ насланіе судьбы, въ рукахъ которой скрывается все благое и гибельное, и предопредѣленій которой невозможно миновать. Объ умершихъ насильственною или случайною смертію говорятъ: « такъ ему *на роду* написано », или: « *рокъ* головы ищетъ ». Въ слѣдующей поговоркѣ слово *рокъ* (отъ *реку*, какъ *fatum* отъ *fari*,

---

(1) Въ дѣтскихъ сказкахъ упоминаются феи и вѣщія жены, которыя опредѣляютъ судьбу человѣка при самомъ рожденіи, надѣляя его и благами и несчастіями. Въ Гаутрекссагѣ есть разсказъ о томъ, какъ Одинъ и Торъ опредѣляли судьбу Сторкадру; свои роковыя предвѣщанія они начинали словами: *ich schaffe ihm, ich gebe* (я создаю, я дарую ему) (Гримма Deutsch. Mythol. ч. 2 стр. 813, 817 — 8. Kinder und Hausmärchen ч. 1, стр. 291—5).

(2) Пословицы и притчи, изд. Снегирева, стр. 278, 387, 451. Полное собр. пословицъ 1822 г. Спб. стр. 173, 288. Собраніе 4291 древн. рос. пословъ. стр. 9, 128, 131, 198. Этнограф. Сборн. ч. 1. стр. 35. Абевега рус. суев. стр. 303. Москвит. 1852 г. № 23 стат. Терещенко.

т. е. приговоръ судьбы) (1) также употреблено въ смыслѣ смерти: «бойся, не бойся, а *року* не миновать»! Въ свадебныхъ пѣсняхъ и причитаніяхъ выраженіе: «идти ко *суду Божію*» употребляется въ смыслѣ: «идти подъ вѣнецъ»; согласно съ этимъ, невѣста называется *суженою*, а женихъ — *суженымъ*. Пословица говоритъ: «*суженаго* конемъ не объѣдешь», т. е. супружескій союзъ, со всѣми его удачными и неудачными послѣдствіями, зависитъ отъ судьбы и ею опредѣляется (2).

Славяне, подобно другимъ языческимъ народамъ, признавали судьбу (fatum) таинственнымъ миѳическимъ существомъ, съ всесильною, ничѣмъ неотразимою властію и божественнымъ характеромъ. Они называли ее *Судомъ Божіимъ* и *матерью солнца*, т. е. ея приговоромъ создалось и самое солнце, источникъ всякой жизни (3). «Судьба придетъ, руки назадъ привяжетъ» говоритъ народная пословица (4). Въ Малороссіи разсказывается такая легенда: шелъ крестьянинъ по лѣсу и заблудился; наступила ночь. Вдругъ заблестѣлъ вдали огонекъ; онъ пошелъ къ нему и увидѣлъ: стоитъ бѣдная избушка. Крестьянинъ попросился ночевать; его впустила въ избу бѣдная старушка. Кто ты? спросилъ гость. — Я — *Судьба*. Ночью крестьянинъ слышитъ: кто-то стучится въ окно. Что? спрашиваетъ Судьба. — Столько-то родилось мальчиковъ, а столько-то дѣвочекъ, отвѣчаетъ голосъ: какая ихъ судьба? — та же, что̀ у меня сегодня. За окномъ послышался вздохъ. На другой день крестьянинъ проснулся въ богатыхъ палатахъ: всюду роскошь и зо-

---

(1) Отечеств. Записки 1831 г. № 7 стр. 5. стат. Буслаева.

(2) Русск. Достопам. ч. III. стр. 74, 202. Полн. Собр. рус. лѣтоп. т. 1. стр. 106. Снегирева: Простонар. Праздники ч. IV. стр. 170. Русск. въ св. пословицахъ ч. II. стр. 31. 125, 127. Свадебн. пѣсни въ Сказ. рус. народа Сахарова. — «Кому на комъ жениться, тотъ въ того и родится» — «Всякая невѣста для своего жениха родится» (Архивъ, изд. Калачова, т. II. половина 2-я стр. 86. Сборникъ пословицъ Буслаева.)

(3) Старинная поговорка: «дожидайся *солнцевой матери Божія суда!*» (Снегир. Послов. и притчи стр. 99. Обзоръ мнѣній древн. о смерти, судьбѣ и жертв. стр. 38 — 80. Черты изъ исторіи и жизни Литов. народа стр. 69, 140.)

(4) Русск. въ св. пословицахъ ч. II. стр. 31.

лото. Остался онъ въ гостяхъ у Судьбы еще на одни сутки; ночью снова услышалъ, что кто-то постучался въ окно. Что? спросила Судьба. — Столько-то родилось мальчиковъ, а столько то дѣвочекъ: какая ихъ судьба? — Та же, что у меня сегодня. Судьба жила попеременно — одинъ день, какъ нищая, а другой въ полномъ богатствѣ; кто въ какой день родится, такова ожидаетъ его и участь. Возвратясь домой, крестьянинъ нашелъ, что жена родила ему двухъ сыновей: одного въ безталанный день, а другаго — въ счастливый. Вся жизнь братьевъ послужила оправданіемъ той судьбы, которая каждому изъ нихъ была опредѣлена при самомъ рожденіи (1). Есть еще другое малороссійское сказаніе *о двухъ доляхъ*. *Доля* (отъ *дѣлить*) тоже что *удѣлъ* или *часть* (*участь, счастіе*); слово это употребляется и для означенія судьбы человѣка, доставшейся ему на часть (*на долю*). Жили два брата—говоритъ легенда — младшій въ довольствѣ и счастіи, а старшій въ бѣдности. Настало лѣто. Старшій братъ нанялся у младшаго жать хлѣбъ. Приходитъ онъ разъ въ поле и видитъ: женщина въ нищенскомъ рубищѣ ходитъ между копнами, выдергиваетъ самые крупные колосья изъ сноповъ, полученныхъ старшимъ братомъ за работу, и втыкаетъ въ снопы младшаго. Кто ты? спросилъ бѣднякъ.—Я—*Доля* твоего брата; онъ спитъ, а моя обязанность денно и нощно трудиться на него, какъ на своего господина; съ самаго рожденія его до смерти я вѣрная ему слуга: берегу жизнь его отъ опасностей, лелѣю его дѣтей, окропляю его поля и огородъ росою, гоню рыбу въ его бредень, пригоняю ему рои пчелъ, холю его скотину, охраняю ее отъ хищныхъ звѣрей, привожу къ нему купцовъ, набиваю цѣну на его товаръ и дарю его семью здоровьемъ. Твоя же *Доля* — бѣлоручка, думаетъ только о пѣсняхъ и нарядахъ, и потому ты бѣденъ (2). Въ пѣсняхъ малороссійскихъ часто слышатся горькія жалобы на несчастную Долю:

---

(1) Маякъ 1842 г. т. VI. стр. 127.

(2) Отеч. Записк. 1842 г. № 2. Смѣсь стр. 44. стат. Боровиковскаго. Сравни съ Сербскою сказкою: «Усуд» (Српске народне приповјетке, стр. 89 — 99).

Ой бо дай ты, моя Доле, на днѣ моря утонула,
Якъ ты мою головоньку въ неволю втопыла (1).

Въ одной пѣсни безталанный молодецъ вызываетъ свою Долю помѣряться съ нимъ въ полѣ:

Ой шовъ казакъ съ дому,
Тай съ дому до Дону,
Тай сивъ надъ водою.
Сивши надъ водою,
Проклинае Долю:
Ой Доля-жъ, ты — Доля,
Доля моя злая!
Чомъ ты не такая,
Якъ Доля чужая?
О колибъ ты, Доля,
Та вышла бы въ поле;
Тогда бъ ты сгадала —
Кого забижала! (2).

Доля употребляется въ народной рѣчи иногда въ смыслѣ положительно — счастливой судьбы, а съ отрицаніемъ *не (недоля)* въ смыслѣ судьбы несчастливой, печальной. «Гдѣ нѣтъ *доли*, говоритъ пословица, тутъ и счастье не велико» (3). *Недоля* иногда замѣняется выраженіями: *бѣда* и *горе*, какъ видно это изъ народныхъ пословицъ и пѣсенъ:

Ой пиду-жъ я, пиду, да съ сего края пиду,
Ой покыну я да у симъ краи бѣду;

(1) Костомарова: объ историч. знач. русск. народн. поэзіи стр. 134. Бодянск: о народн. поэзіи Славян. племенъ, стр. 133. Украинск. нар. пѣсни Максимовича, стр. 170. Бѣлор. пѣсни Е. П. стр. 65—66. Южно-Рус. народн. пѣсни Метлинскаго, стр. 12, 80, 275, 366—7.

(2) Записана со словъ.

(3) Полн. собр. пословицъ 1822. Спб. стр. 36 — 38.

Ой оглянусь я за крутою горою —
Ажъ *иде бѣда* слѣдочкомъ за мною. . .
Ой чегожъ ты, бѣда, за мною ввязалася?
— Я зъ тобою, *безталанный*, *зъ тобою вѣнчалася*.
Ой чего-жъ ты, бѣда, за мною вчепылася?
— Я зъ тобою, *безталанный*, *зъ тобою родылася* (1)

Другая пѣсня:

Не отростить дерева суховерхаго,
Не откормить коня сухопараго...
Ай горе, горе, гореваньице!
А и лыкомъ горе подпоясалось,
Мочалами ноги изопутаны!
А я отъ горя въ темны лѣса —
А горе прежде въ лѣсъ зашелъ;
А я отъ горя въ почестной пиръ —
А *горе зашелъ*, *впереди сидитъ*;
А я отъ горя на... кабакъ —
А горе встрѣчаетъ, ужъ пиво тащитъ.
Какъ я нагъ-то сталъ, насмѣялся *онъ* (2).

Вѣра въ таинственную силу и непреоборимую волю судьбы, вѣроятно, послужила основою того извѣстнаго у всѣхъ языческихъ народовъ религіознаго обряда, по которому въ сомнительныхъ случаяхъ метали жребій и его рѣшеніе принимали окончательнымъ приговоромъ. То же значеніе должно приписать и старинному припѣву, которымъ сопровождаются подблюдныя, святочныя пѣсни: « кому вынется, *тому сбудется — не минуется* »! (3)

---

(1) Бодянск. О народн. поэзіи Слав. племенъ стр. 133.

(2) Сказан. рус. нар. т. I (пѣсни) стр. 224. Смотри Deutsch. Mythol. ч. II. стр. 822—5, 832—3.

(3) Всѣ приведенныя нами свидѣтельства положительно убѣждаютъ, что мнѣніе Прокопія, будто Славяне не признавали судьбы — несправедливо. *Прим. автора*. См выше о томъ же мнѣніи въ ст. И. И. Срезневскаго на стр. 110. *Прим. Редактора*.

Разысканія наши приводятъ къ тому положенію, что Родъ и Рожаницы были божества, олицетворявшія собою идею судьбы. Въ нѣкоторыхъ церковно-Славянскихъ рукописяхъ и въ Словѣ Даніила-Заточника подъ именемъ *Рода* разумѣется *духъ* (1), что вполнѣ согласуется съ областнымъ употребленіемъ этого слова; въ Саратовской губерніи *родà* означаетъ: видъ, образъ, а въ Тульской — привидѣніе, призракъ (2). Болѣе опредѣлительныхъ указаній на тѣ особенности, какія могли соединяться съ представленіемъ Рода, мы не встрѣчаемъ. Во всѣхъ свидѣтельствахъ памятниковъ имя это поставляется въ единственномъ числѣ, тогда какъ слово Рожаница, попадается и въ единственномъ, и во множественномъ. Каждому человѣку, при самомъ появленіи его на свѣтъ, давалась Рожаница, которая опредѣляла будущую его участь; такимъ образомъ, если Рожаницы завѣдывали судьбою отдѣльныхъ людей, то въ связи съ этимъ значеніемъ Рожаницъ не олицетворялъ ли собою Родъ — общаго понятія о судьбѣ (fatum), какъ о могучей силѣ, все производящей и всѣмъ правящей въ мірѣ?

Роду и Рожиницамъ совершались различные жертвенные обряды. Въ вопросахъ Кирика (XII столѣт.) читаемъ: « аже се *Роду и* « *Рожаницѣ краютъ* (кроить—рѣзать) *хлѣбы и сиры и медъ?*— « Бороняше вельми: нѣгдѣ, рече, молвить: *горе пьющимъ Рожа-* « *ницѣ* »! (3)

Свидѣтельства другихъ памятниковъ (4) поставляютъ Родъ и

---

(1) Срезневск. О богослуж. древн. Слав. стр. 7. Памят. словесн. XII столѣт. стр. 236 : « дѣти бѣгаютъ *рода* ».

(2) Опытъ словаря обл. рѣчен. стр. 191.

(3) Памятники словесн. XII в. стр. 179; слѣдующія за тѣмъ восемь строкъ, къ сожалѣнію, были издателемъ опущены.

(4) Слово Христолюбца (Описан. Рум. музеума стр. 228—9); рукопись Волоколамскаго монастыря (сборникъ Леонида, еписк. Рязанскаго) — здѣсь слово *родству*, по всему вѣроятію, поставлено вмѣсто: *Роду* (Исторія Росс. съ древн. врем. т. 1. Дополн. стр. 3); рукописн. сборникъ XVI в. въ Троицк. лаврѣ (ibid. т. 2 письмо Буслаева стр. 30); Паисіевскій сборникъ (поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерск. монаст. ч. 2. стр. 33); рукопись Импер. публичн. Библіотеки (Москвит. 1851 г. № 8. стр. 82—64. стат. Срезневскаго: « Слово Исаіи пророка, и проч. » (Архивъ историко-юрид.

Рожаницъ рядомъ съ языческими божествами: Перуномъ, Хорсомъ, и прочими; Роду и Рожаницамъ, такъ же, какъ и другимъ языческимъ богамъ, молились, приносили жертвы и учреждали *законныя* (обѣтныя) трапезы, т. е. пиршества, на которыхъ вкушали и пили отъ жертвенныхъ приношеній, и пѣли въ честь Рода и Рожаницъ. У Румуновъ въ честь родимой звѣзды (Арминдяна) бываетъ 1-го мая празднество. Румуны вѣшаютъ на окнахъ и дверяхъ своихъ домовъ вѣнки изъ дубовыхъ листьевъ и полевыхъ цвѣтовъ, а вечеромъ, когда начинаютъ показываться на небѣ звѣзды, покрываютъ въ рощѣ бѣлымъ убрусомъ столъ, ставятъ на немъ *хлѣбъ*, *медъ* и *вино*, и пируютъ. На столѣ противъ прибора между двумя восковыми свѣчами, полагается образъ патрона того, кто празднуетъ Арминдяну (1). Жертвенныя яства въ честь Рода и Рожаницъ: хлѣбъ и сыръ — долгое время считались необходимою принадлежностію свадебнаго стола, а медъ (напитокъ) постоянно сопровождалъ всѣ религіозныя приношенія и пиршества (2).

А. Афанасьевъ.

свѣдѣній о Россіи, т. 2. половина 2-я стр. 66.) Домострой въ числѣ другихъ суевѣрій упрекаетъ «и въ *родословіи*, рекше въ *Рожаницы* (вѣруютъ), и въ обоявіе, *по звѣздословію*» (стр. 42—43); въ сборникѣ XVIII столѣт. упоминается: «и бабы каши варятъ на собраніе *рожаницамъ* (?) и чреваты женщины медвѣдю хлѣбъ даютъ изъ руки, да рыкнетъ — дѣвица будетъ, а молчитъ — отрокъ будетъ» (Описан. Рум. Муз. стр. 551—2). Какъ понимать выраженіе: «*вторыя* трапезы, нареченныя Роду и Рожаницамъ»? — рѣшить трудно. Считать ли жертвенные пиры въ честь Рода и Рожаницъ возникшими позднѣе жертвенныхъ пиршествъ Перуну и другимъ божествамъ, или понимать эпитетъ *вторыя* въ смыслѣ: *второстепенныхъ?*

(1) Телескопъ 1833 г. № 8. стр. 503.

(2) Очевидно, что подъ вѣрою въ Родъ и Рожаницъ нельзя разумѣть ни поклоненія умершимъ предкамъ, какъ думаетъ г. Соловьевъ, ни поклоненія беременнымъ женщинамъ, какъ принимаетъ г. Шевыревъ.

V.

О РОДОВОМЪ БЫТѢ

у

ДРЕВНИХЪ ГЕРМАНЦЕВЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Т. Грановскаго.

О РОДОВОМЪ БЫТѢ
У ДРЕВНИХЪ ГЕРМАНЦЕВЪ.

(С. М. Соловьеву и К. Д. Кавелину.)

Вопросъ о родовомъ бытѣ, подавшій у насъ поводъ къ такимъ жаркимъ и плодотворнымъ прѣніямъ, былъ поднятъ почти въ одно время въ Русской и въ Нѣмецкой ученой литературѣ. Мнѣніе, высказанное еще въ прошломъ столѣтіи Мёзеромъ (Möser, osnabrücкische Geschichte), о различіи между осѣдлыми, преданными земледѣлію племенами Саксовъ и воинственными, полукочевыми Суевами имѣло, какъ извѣстно, продолжительное вліяніе на историческія изслѣдованія о древнемъ Германскомъ бытѣ. Двойственный характеръ этого быта, представляющаго съ одной стороны поселянъ, крѣпко привязанныхъ обычаями и учрежденіями къ родной почвѣ, съ другой многочисленныя, находящіяся въ постоянномъ движеніи толпы бездомныхъ удальцовъ, ищущихъ войны и новыхъ жилищь — получилъ, въ предположеніи Мёзера, готовое и удобное, хотя не подкрѣпленное достаточными свидѣтельствами объясненіе.

Нынѣ рѣчь идетъ уже не о различіи между Саксами и Суевами (хотя еще недавно Гауппъ построилъ на этомъ различіи всю свою теорію племенныхъ Германскихъ правъ), а объ общинномъ и дружинномъ устройствѣ вообще. Мысль Мёзера въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ обратилась въ цѣлое, систематическое ученіе, завершителемъ котораго былъ Эйхгорнъ. Знаменитый историкъ Нѣмецкаго права опредѣляетъ характеръ древнихъ Германскихъ общинъ внѣшними отношеніями собственности и сосѣдства, и только мимоходомъ, но съ свойственною ему дальновидностію, намекаетъ на возможное значеніе родовыхъ или кровныхъ связей (*). Съ необыкновенною

(*) Deutsche Staats-und-Rechtsgeschichte, § 18. Примѣчаніе.

ясностію изображаетъ онъ отличія общиннаго быта отъ дружиннаго и выводитъ отсюда главныя явленія Германской исторіи.

Немногія ученыя книги нашего вѣка пріобрѣли такую огромную и притомъ вполнѣ заслуженную извѣстность, какъ Исторія Нѣмецкаго государственнаго и гражданскаго права Эйхгорна. Пять изданій обширнаго и дорогаго сочиненія свидѣтельствуютъ о запросѣ публики и о неусыпныхъ стараніяхъ автора, не перестававшаго пополнять и исправлять трудъ свой. Эйхгорнъ основалъ цѣлую историко-юридическую школу, послѣдователи которой принадлежатъ не одной Германіи. Во всѣхъ странахъ Европы ученые заговорили объ общинахъ и дружинахъ, прилагая эти готовыя формы къ исторіи собственнаго отечества. Явленія, найденныя Эйхгорномъ въ Германской старинѣ, были признаны всеобщими, типическими. Весьма немногимъ приходило въ голову сомнѣніе въ дѣйствительномъ сходствѣ древне-германской общины съ ея новыми изображеніями.

Нельзя не замѣтить однако, что національныя предубѣжденія и твердая увѣренность въ собственномъ превосходствѣ надъ другими народами имѣли большое вліяніе на господствующія въ Германіи понятія о родной старинѣ. Нѣмецкіе писатели утверждаютъ, что въ эпоху ихъ первыхъ столкновеній съ Римлянами, Германцы уже далеко оставили за собою дикое состояніе и, вслѣдствіе особенныхъ свойствъ, которыми исключительно надѣлила ихъ природа, стояли несравненно выше прочихъ народовъ, проходившихъ чрезъ тѣже ступени развитія. Всякая попытка объяснить отдѣльныя явленія древне-германскаго характера или быта аналогіями, заимствованными извнѣ, долгое время считалась признакомъ исторической тупости, неспособной оцѣнить Германизмъ въ его самостоятельной красотѣ. Остроумное сближеніе Вилькена Германскихъ учрежденій съ Афганскими не только не обратило на себя должнаго вниманія, но даже было дурно принято; Гизо подвергся самымъ рѣзкимъ нарѣканіямъ за то только, что привелъ для сравненія съ Германцами отзывы путешественниковъ о нравахъ дикихъ племенъ Америки. Современные Цезарю Германцы жили, по словамъ ихъ ученыхъ потомковъ, общинами, въ Маркахъ, которыя раздѣлялись на находившіеся въ общемъ владѣніи лѣса и луга и на составлявшія частную собственность

отдѣльныхъ членовъ пашни и усадьбы. Поземельная собственность опредѣляла гражданское значеніе лица и вообще служила основою общинныхъ отношеній. Съ другой стороны, воинственныя наклонности Германцевъ находили себѣ просторъ и удовлетвореніе въ дружинѣ, которая принимала въ ряды свои юношей, скучавшихъ мирнымъ бытомъ общины, безземельныхъ людей, которые надѣялись пріобрѣсти войною собственность и права, съ нею соединенныя; наконецъ всѣхъ тѣхъ, кому нельзя было оставаться дома, вслѣдствіе какихъ-нибудь особенныхъ обстоятельствъ, всѣхъ уходившихъ изъ кровавой мести, преслѣдованій закона, и т. д. При такомъ, можно сказать, симметрическомъ порядкѣ вещей, въ которомъ самыя противоположныя учрежденія были искусно прилажены одно къ другому, Германцы получили возможность самаго полнаго и разнообразнаго развитія. Они соединяли въ себѣ качества, которыя рѣдко или почти никогда не встрѣчаются въ одномъ и томъ же народѣ: высокую нравственную чистоту, возможную только при условіяхъ осѣдлой, семейной жизни, и блестящую, жаждавшую опасностей всякаго рода удаль, которую находимъ у юныхъ, полукочевыхъ, стоящихъ на порогѣ исторіи и гражданственности народовъ. Система, которой выводы мы здѣсь въ немногихъ словахъ представили, сложилась изъ ученыхъ трудовъ и патріотическихъ мечтаній; но ей нельзя отказать въ строгой послѣдовательности, а главнымъ защитникамъ ея—въ глубокомъ знаніи. Къ сожалѣнію, ученики Мёзера и Эйхгорна довольствовались приращеніемъ и разработкою матеріаловъ, но не умѣли выработать изъ новыхъ матеріаловъ новыхъ идей. Такимъ образомъ, важный вопросъ о родовомъ бытѣ, съ котораго начинается исторія всякаго народа, остался внѣ сферы ихъ изслѣдованій. Примѣромъ можетъ служить Вайцъ, авторъ еще неконченной и во многихъ отношеніяхъ замѣчательной исторіи Нѣмецкаго права, написанной съ явною цѣлью дополнить результатами новѣйшихъ разысканій пробѣлы, находящіеся въ трудѣ Эйхгорна. Онъ, между прочимъ, нѣсколько разъ упоминаетъ и о родовомъ бытѣ, но относитъ его къ доисторическому порядку вещей. « Неоспоримо », говоритъ онъ, « что община и государство выросли изъ семейства; но исторіи нѣтъ дѣла до этихъ переходовъ: она принимаетъ общину уже готовую, совершившую

предшествовавшее развитіе» (*). Такой отзывъ, неудовлетворительный самъ по себѣ, ибо онъ просто обходитъ трудность, становится еще страннѣе, когда вспомнимъ, что важность родовыхъ отношеній въ государственной жизни древнихъ давно уже была всѣми признана. Извѣстно, какъ много занимался Нибуръ составомъ Римскихъ родовъ. Еще ближе къ намъ, въ исторіи древнѣйшаго Русскаго права коснулся того же вопроса незабвенный Эверсъ. Между Германистами, если не ошибаемся, Вильда первый посвятилъ этому предмету нѣсколько замѣчательныхъ страницъ въ своей Исторіи Нѣмецкаго уголовнаго права. Но первое полное и систематическое изслѣдованіе о родовомъ бытѣ у Германцевъ вышло не ранѣе 1844 года. Мы говоримъ о книгѣ Зибеля, котораго труды поставили въ затрудненіе послѣдователей старой историко-юридической школы и уже вынудили у нихъ нѣсколько значительныхъ уступокъ (**). Не всѣ выводы Зибеля могутъ быть, впрочемъ, приняты наукою. Въ увлеченіи полемики, онъ зашелъ слишкомъ далеко и, не довольствуясь указаніемъ на неоспоримые слѣды родоваго быта въ позднѣйшихъ учрежденіяхъ, предпринялъ построеніе родоваго государства, основанное, разумѣется, не на положительныхъ данныхъ, а на аналогіяхъ и наведеніи. Мы не послѣдуемъ за нимъ въ этихъ уклоненіяхъ отъ настоящей цѣли изслѣдованія и ограничимся разборомъ историческихъ свидѣтельствъ, которыми доказывается существованіе у Германцевъ родоваго быта со всѣми его послѣдствіями.

Начнемъ съ вопроса о томъ, дѣйствительно ли у Германскихъ племенъ была въ то время, когда съ ними познакомились Римляне, настоящая поземельная собственность? Съ этимъ вопросомъ, очевидно, связанъ другой—о внутреннемъ устройствѣ общинъ.

Источниками, въ этомъ случаѣ, намъ могутъ служить только

(*) Waitz, Deutsche Verfassungsgeschichte, I. 44.

(**) Sybel, Entstehung des Deutschen Königthums, 1844. Сравн. разборъ этой книги, написанный Вайцемъ и помѣщенный въ историческомъ журналѣ Шмидта (Schmidt, Zeitschrift für Geschichtswissenschaft) 1845 года, Т. III, 13—41. Тамъ же помѣщенъ и отвѣтъ Зибеля на эту критику. Т. III. 294 — 348.

извѣстія, находимыя у Цезаря и Тацита. Другихъ свидѣтельствъ рѣшительно нѣтъ. Ссылки на памятники, возникшіе впослѣдствіи, въ эпоху переселенія народовъ и образованія новыхъ государствъ на Римской почвѣ, не должны быть допускаемы. Четырех-вѣковыя сношенія съ Римомъ не могли не имѣть вліянія на Германію и не произвести въ бытѣ ея населенія значительныхъ перемѣнъ. Выслушаемъ прежде относящіяся къ нашему предмету слова названныхъ выше писателей.

Цезарь говоритъ о племени Суевовъ: «privati ac separati agri apud eos nihil est, neque longius anno remanere uno in loco incolendi causa licet. Neque multum frumento, sed maximam partem lacte atque pecore vivunt, multumque eunt in venationibus», т. е. у нихъ нѣтъ вовсе частной, раздѣленной межами поземельной собственности; они не остаются болѣе года на одномъ мѣстѣ, для обработки полей своихъ. Хлѣба употребляютъ мало, но бóльшею частію питаются молокомъ и мясомъ стадъ своихъ; также много промышляютъ охотою. De B. G. IV. 1. Далѣе говорится о Германцахъ вообще, при сравненіи ихъ съ Галлами: « Agriculturae non student: majorque pars victus eorum in lacte, caseo, carne consistit: neque quisquam agri modum certum aut fines habet proprios: sed magistratus ac principes in annos singulos *gentibus cognationibusque hominum qui una coierint*, quantum ex quo loco visum est, agri attribuunt atque anno post alio transire cogunt ». Земледѣліемъ мало занимаются; пища ихъ состоитъ преимущественно изъ молока, сыра и мяса; ни у кого изъ нихъ нѣтъ опредѣленныхъ, отмежеванныхъ участковъ земли; начальники и старшины выдѣляютъ ежегодно землю, опредѣляя, по собственному усмотрѣнію, мѣсто и количество, отдѣльнымъ родамъ и семействамъ, живущимъ вмѣстѣ. Черезъ годъ они заставляютъ мѣнять участки. Ibid. VI, 22.

Полтора вѣка спустя, Тацитъ пишетъ: « agri pro numero cultorum ab universis in vices occupantur, quos mox inter se secundum dignationem partiuntur. Facilitatem partiendi camporum spatia praestant. Arva per annos mutant et superest ager ». Владѣніе землею переходитъ поочередно отъ одного земледѣльца къ другому, по числу ихъ; отдѣльные участки выдѣляются соразмѣрно съ достоинствомъ каждаго

изъ участниковъ. Обширныя пространства облегчаютъ раздѣлъ; пашни мѣняются ежегодно, но земли остается еще довольно. Germ. стр. 26.

Свидѣтельства эти достаточно ясны. Изъ нихъ видно состояніе народа, только что переходящаго отъ кочевой къ осѣдлой жизни, еще незнакомаго съ настоящею поземельною собственностію. Описывая образъ жизни свободныхъ Германцевъ, Тацитъ говоритъ, что они стыдились добывать пóтомъ то, что можно было пріобрѣсти кровью, и возлагали полевыя работы на женщинъ и рабовъ. Главнымъ занятіемъ Германца была война. Въ мирное время онъ ходилъ на охоту или предавался праздности (*). Какъ же согласить съ этими показаніями великаго Римскаго историка описаніе земледѣльческой общины, обличающей своимъ устройствомъ и господствующими въ ней нравами высокую степень гражданскаго развитія, на которой Римляне нашли Германцевъ? Но Мёзеръ, Эйхгорнъ и по ихъ слѣдамъ другіе толкуютъ извѣстія Цезаря и Тацита сообразно съ требованіями собственной системы. Они относятъ все сказанное завоевателемъ Галліи о Германцахъ къ однимъ Суевамъ, которые подъ начальствомъ Аріовиста перешли на лѣвый берегъ Рейна и сошлись тамъ съ Римскими легіонами; слѣдовательно, говорятъ Нѣмецкіе ученые, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, изъ всѣхъ Германцевъ одни Суевы находились въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Цезаремъ; прочія же, жившія за Рейномъ племена были ему извѣстны только по слухамъ. Ошибочныя извѣстія, вкравшіяся въ записки о Галльской войнѣ, перешли къ позднѣйшимъ писателямъ, между прочимъ и къ Тациту, который въ 26-й главѣ своего сочиненія о Германцахъ повторилъ, не повѣривъ ихъ надлежащимъ образомъ, слова Цезаря, принявшаго учрежденія отдѣльнаго племени за характеристическое отличіе цѣлаго народа. Онъ вѣрно описалъ бытъ дружинный, но не имѣлъ понятія

(*) Pigrum quin immo et iners videtur sudore acquirere quod possis sanguine parare. Germ. 14. Quotiens bella non ineunt, multum venatibus, plus per otium transigunt dediti somno ciboque — delegata domus et penatium et agrorum cura feminis senibusque et infirmissimo cuique ex familia. c. 15. Ср. Цезаря de B. G. VI. 21.

объ общинѣ. Не трудно замѣтить, сколько произвольно натянутаго въ такомъ толкованіи, отвергающемъ *оба главныя изъ уцѣлѣвшихъ свидѣтельствъ* о земледѣліи у древнихъ Германцевъ. Цезарь принадлежитъ къ числу самыхъ положительныхъ, можно сказать, математически точныхъ писателей древности. Описанія его кратки, но всегда содержатъ въ себѣ все существенное о данномъ предметѣ. Зарейнскіе Германцы были ему извѣстны не по однимъ слухамъ, потому что онъ лично былъ за великою рѣкою, воевалъ съ сѣверными Германцами и сверхъ того могъ въ самой Галліи собрать подробныя свѣдѣнія объ обычаяхъ народа, тѣсная связь котораго съ Галльскими Белгами не подлежитъ сомнѣнію. Можно ли предположить со стороны этого геніальнаго и любознательнаго ума грубое невѣжество или непростительное равнодушіе къ вопросу о политическомъ и гражданскомъ бытѣ племенъ, съ которыми судьба уже не разъ сводила Римлянъ и которыя, вслѣдствіе новыхъ завоеваній республики, сдѣлались ея ближайшими и опаснѣйшими сосѣдями въ Европѣ. Еще съ меньшимъ правомъ заподозрѣна достовѣрность Тацитова показанія. Знаменитый историкъ жилъ около 150 лѣтъ послѣ Цезаря. Въ теченіи этого времени, Римляне почти не переставали воевать съ Германцами и узнали ихъ короче. Тациту могли служить источниками: изустные разсказы Римскихъ воиновъ, которые не только участвовали въ зарейнскихъ походахъ, но бывали въ плѣну у Германцевъ и своими глазами видѣли образъ жизни Варовыхъ побѣдителей; разсказы многочисленныхъ Германцевъ, находившихся въ Имперской службѣ; наконецъ сочиненія, въ родѣ потерянной исторіи Германскихъ войнъ, написанной Плиніемъ старшимъ, который, кромѣ свѣдѣній, собранныхъ на мѣстѣ событій, вѣроятно, имѣлъ подъ руками другіе письменные матеріалы. Нельзя же допустить, что Тацитъ, осмотрительности и добросовѣстности котораго отдаютъ полную справедливость всѣ изслѣдователи Нѣмецкой старины, разобравшіе каждую строку его Германіи, списалъ буквально извѣстія Цезаря о поземельной собственности у Германцевъ и не далъ себѣ труда глубже вникнуть въ дѣло, котораго важность не могла однако ускользнуть отъ него. Нужно ли говорить здѣсь о покушеніяхъ насильственно измѣнить ясный смыслъ Тацитовыхъ

словъ и вложить въ нихъ прямое противорѣчіе Цезарю? (*) Многіе объясняютъ ежегодную мѣну полей системою плодоперемѣннаго хозяйства (**).

Изъ всего вышесказаннаго выходитъ, что мы, по необходимости, должны ограничиться относительно времени, предшествующаго переселенію народовъ, извѣстіями, которыя находятся у Цезаря и у Тацита, и принять ихъ въ ближайшемъ, буквальномъ смыслѣ, не прибѣгая къ искуственнымъ, болѣе или менѣе произвольнымъ и затемняющимъ сущность дѣла объясненіямъ.

Ни у того, ни у другаго изъ этихъ писателей не упоминается о Маркѣ, составляющей, по мнѣнію Эйхгорна и его школы, краеугольный камень древне-германскаго политическаго и земскаго устройства. Слово Марка имѣетъ нѣсколько значеній (***). Собственно, оно означаетъ границу, limes. Но сверхъ того подъ нимъ разумѣются: a) служащіе границею, находящіеся въ общемъ владѣніи лѣса и луга (****); b) совокупность земель, принадлежащихъ общинѣ, и наконецъ c) самая община, которой члены называются потому *commarchani*. Занятый исключительно мыслію о родовомъ бытѣ и опираясь на молчаніе Римскихъ памятниковъ, Зибель, безъ всякой надобности, относитъ Марку къ позднѣйшимъ временамъ (*****). Допуская впол-

---

(*) Waitz. I. 25.

(**) Eichhorn I. § 14. Landau, die Territorien in Bezug auf ihre Bildung und ihre Entwickelung. 1854. Стр. 52—63. Въ книгѣ Ландау собрано все, что можно сказать о существованіи трехпольнаго хозяйства у Германцевъ. Но доводы его не убѣдительны. Онъ заключаетъ отъ позднѣйшаго къ предыдущему.

(***) Наша древняя *верь* представляетъ нѣчто соотвѣтствующее Германской Маркѣ.

(****) Обыкновенно границею Марки былъ лѣсъ. Яковъ Гриммъ (Deutsche Gränzalterthümer, Berl. 1844) полагаетъ, что Марка означала первоначально просто лѣсъ. Рубежъ или граница есть позднѣйшее, производное значеніе. На Исландскомъ языкѣ Mörk значитъ лѣсъ, а Mark—рубежъ.

(*****) Надобно впрочемъ сказать, что самъ Эйхгорнъ въ 5-мъ изданіи (стр. 57) своего сочиненія счелъ нужнымъ оговориться и нѣсколько ограничить значеніе, какое онъ прежде давалъ Маркѣ. Вайцъ рѣшительно отвергаетъ мнѣніе, полагающее ее въ основаніе политическаго устройства у Германцевъ. I. 31.

нѣ достовѣрность свѣдѣній, сообщаемыхъ намъ Цезаремъ и Тацитомъ, мы однако не въ правѣ отрицать все то, о чемъ не говорятъ эти писатели. Мёзеръ и Эйхгорнъ не безъ основательныхъ причинъ принимаютъ глубокую древность Марки и причисляютъ ее къ кореннымъ Германскимъ учрежденіямъ; но ихъ взглядъ на самую Марку невѣренъ, потому что они не хотятъ признать перемѣнъ, которыя произошли въ ея внутреннемъ устройствѣ со временъ Цезаря до того времени, когда она предстаетъ намъ въ полномъ историческомъ свѣтѣ. Мы привели уже Эйхгорново опредѣленіе Марки. Это первоначальная Германская община, члены которой, или commarchani, суть простые сосѣди, соединенные землею, на которой они вмѣстѣ живутъ, и отъ нея заимствующіе свое гражданское значеніе. Только тотъ настоящій, полноправный членъ общества, у кого есть своя собственная земля. Юридическія отношенія полноправныхъ жителей Марки основаны на договорѣ: ибо ихъ нельзя ни откуда вывести, кромѣ предварительнаго соглашенія участниковъ. Имѣли ли Эйхгорнъ и его послѣдователи въ виду такой договоръ, очевидно противорѣчащій господствующему между Германистами воззрѣнію на государство, мы не знаемъ, но обойтись безъ него имъ невозможно. Ихъ Марка есть не органическій начатокъ гражданскаго развитія, а искуственное произведеніе человѣческой воли. Sie ist nicht naturwüchsig, по Нѣмецкому выраженію.

Предъ авторитетомъ славныхъ именъ Мёзера, Эйхгорна и примыкающаго къ нимъ Я. Гримма (Deutsche Rechtsalterthümer, стр. 405 и слѣд.) умолкли на время прямыя свидѣтельства источниковъ. А между тѣмъ, многіе изъ новыхъ изслѣдователей живо чувствовали недостаточность господствующаго понятія о Маркѣ. Примѣромъ можетъ служить Кембль, авторъ превосходнаго сочиненія объ Англо-Саксахъ (*). Кембль обладаетъ высокими учеными достоинствами. Съ обширными историческими и филологическими знаніями у него соединяется глубокое и живое пониманіе Германской древности. Тѣмъ не менѣе онъ впалъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, хотя съ другой стороны это протоворѣчіе показываетъ его вѣрный истори-

---

(*) Kemble, The Saxons in England. London, 1849. 2 тома.

ческій смыслъ. Принимая, по примѣру Мёзера и Эйхгорна, Марку за основу общественнаго устройства у Германцевъ, Кембль (стр. 54) называетъ ее « добровольнымъ союзомъ свободныхъ людей ». Такой добровольный союзъ предполагаетъ, какъ мы уже замѣтили, предварительное соглашеніе, договоръ, нѣчто въ родѣ contrat social. Но на предыдущихъ и слѣдующихъ страницахъ той же книги мы находимъ совсѣмъ другое. « Марка содержитъ въ себѣ совокупность земель, принадлежащихъ коренной (original) cognatio, роду или колѣну (стр. 43)». Далѣе (на стр. 56) эта мысль высказана еще яснѣе и обстоятельнѣе : « Марка представляется мнѣ большимъ союзомъ или соединеніемъ семействъ, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ богатства, значенія и вліянія : нѣкоторыя изъ этихъ семействъ ведутъ свое происхожденіе прямо отъ общаго родоначальника или отъ племеннаго героя; родство другихъ сомнительнѣе, потому что чѣмъ болѣе ростетъ населеніе и увеличивается число родичей, тѣмъ далѣе отходятъ они отъ общаго корня ; сверхъ того можно вступить въ общину посредствомъ брака, усыновленія, даже чрезъ отпущеніе на волю; но всѣ члены признаютъ соединяющую ихъ связь братства, родства или sibsceaft (*). Всѣ они составляютъ одну единицу относительно другихъ, такихъ же общинъ ». Здѣсь дѣло идетъ не просто о сосѣдахъ, а о родичахъ, т. е. о родовомъ бытѣ, при которомъ Марка получаетъ иное значеніе. Къ сожалѣнію Кембль не пошелъ далѣе: у него не достало мужества отказаться отъ вѣры въ существованіе поземельной собственности и цвѣтущаго земледѣлія у древнихъ Англо-Саксовъ. Можно подумать, что онъ, подобно бóльшей части Нѣмецкихъ ученыхъ, разсматриваетъ этотъ вопросъ не столько съ научной, сколько съ національной точки зрѣнія. Иначе трудно понять его нерѣшительность : опровергая главныя изъ отдѣльныхъ положеній старой системы, онъ остается ей вѣренъ въ цѣломъ.

Шаткія опоры, поддерживающія зданіе, воздвигнутое Нѣмецкимъ патріотизмомъ, ищущимъ въ прошедшемъ оправданія своимъ настоя-

---

(*) Замѣтимъ что *sippe*, родство и родня, означаетъ также миръ. Въ Англо-Саксонскомъ переводѣ Евангелія слово миръ передано чрезъ *sybbe*.

щимъ притязаніямъ, съ каждымъ днемъ оказываются несостоятельнѣе. Теперь трудно доказать, что Германцы были изобрѣтателями земледѣлія въ сѣверной и средней Европѣ, что они довели его до высокой степени и передали потомъ Славянамъ. Еще недавно, въ числѣ немногихъ и весьма неубѣдительныхъ доводовъ въ пользу этого мнѣнія находилось распространеніе Германскаго плуга и его названія между Славянскими племенами. Однако Яковъ Гриммъ сомнѣвается въ Германскомъ происхожденіи слова плугъ, котораго онъ не нашелъ вовсе въ древнѣйшихъ памятникахъ (Готскихъ), гдѣ оно замѣнено другими, совсѣмъ не похожими на него словами: Hoha и Suhl (Deutsche Grammatik, III, 114). Лео (Malberg. Glosse) идетъ еще далѣе: онъ утверждаетъ, что Германцы заимствовали и орудія и выраженія, относящіяся къ земледѣлію, у Кельтовъ.

Словà Цезаря: gentibus cognationibusque hominum qui una coierint указываютъ намъ на составъ населенія первоначальной Германской общины или Марки. Семьи и цѣлые роды живутъ вмѣстѣ. Только родичь, членъ рода, есть настоящій членъ общины. Противники родоваго быта, утверждающіе, что только обладаніе землею сообщало Германцу значеніе полноправнаго члена Марки, напрасно ссылаются на Тацита. Изъ его словъ трудно вывести такое заключеніе. У него сказано прямо, что до совершеннолѣтія или торжественнаго принятія оружія, юноши составляютъ часть отцовскаго дома, потомъ часть общины, т. е. становятся ея членами. Ante hoc (до совершеннолѣтія) domus pars videntur, mox reipublicæ. Germ. c. 13. Черезъ четыреста лѣтъ послѣ Тацита, Готы еще держались этого правила; юноша, способный носить оружіе, пользовался у нихъ полными правами свободнаго человѣка или гражданина: Sic juvenes nostri qui ad exercitum probantur idonei *indignum est ut ad vitam suam disponendam dicantur infirmi*, et putentur domum suam non regere, qui creduntur bello posse tractare. Gothis ætatem legitimam virtus facit, et qui valet hostem confodere, ab omni se jam debet tuitione vindicare. Cassiodori Var. 1, 38. Вообще, мы желали бы встрѣтить хотя одно положительное свидѣтельство источниковъ въ пользу поземельной собственности и ея вліянія на общественное значеніе лица у древнихъ Германцевъ. На это можно сказать, что у дошед-

шихъ къ намъ Римскихъ писателей и въ другихъ памятникахъ очень мало данныхъ относительно родоваго быта у Германцевъ. Конечно, такихъ данныхъ мало, но онѣ существуютъ и притомъ въ количествѣ, достаточномъ для совершеннаго оправданія опирающейся на нихъ системы, хотя эта система, независимо отъ частныхъ историческихъ фактовъ, истекаетъ изъ общихъ законовъ, которымъ подчинено въ развитіи своемъ всякое гражданское общество. Родовой бытъ не только стоитъ въ началѣ такого развитія, но дѣйствуетъ на него впослѣдствіи и отражается въ учрежденіяхъ позднѣйшаго, чисто государственнаго порядка.

Приведемъ однако главныя изъ касающихся нашего предмета свидѣтельствъ.

Сверхъ приведенныхъ выше словъ Цезаря о родахъ и семьяхъ вмѣстѣ живущихъ, онъ говоритъ, что дружины Аріовиста, располагаясь въ боевомъ порядкѣ, становились родъ къ роду, по родамъ. Germani suas copias eduxerunt, *generatimque* constituerunt. . . De B. G. I. 51. Тоже самое, но еще опредѣлительнѣе и яснѣе, показываетъ Тацитъ. « Идя въ битву, Германцы строились клиномъ, при чемъ соблюдался извѣстный порядокъ : у каждаго рода и у каждой семьи было свое опредѣленное мѣсто. Non casus nec fortuita conglobatio turmam aut cuneum facit, sed familiæ et propinquitates. Germ. 7. У Лонгобардовъ, по словамъ Павла Діакона, fara означало часть дружины и въ тоже время родъ II. 9. Подтвержденіе этому находимъ въ Лонгобардскихъ словаряхъ, гдѣ fara=genealogia, generatio, parentella (*). Законъ Алемановъ упоминаетъ о спорахъ, возникающихъ между родами : Si qua contentio orta fuerit inter duas genealogias de termino terræ eorum. Tit. 84. Законъ Вестъ-Готовъ не различаетъ сосѣдства отъ родства и соединяетъ ихъ подъ одни опредѣленія : nec pater pro filio, nec filius pro patre, nec uxor pro marito, nec maritus pro uxore, nec frater pro fratre, nec vicinus pro vicino, nec propinquus pro propinquo ullam calumniam pertimescat. (VI. 1. 8.).

(*) Waitz, I. 221.

Собранныя здѣсь свидѣтельства принадлежатъ нѣсколькимъ столѣтіямъ и доказываютъ не только существованіе родовыхъ формъ, но даже ихъ положительное вліяніе на жизнь Германскаго народа какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Но запасъ нашъ еще не истощенъ. Германскія нарѣчія сохранили неизгладимые слѣды давно умершаго порядка вещей. Вотъ нѣсколько сюда принадлежащихъ словъ:

Въ древнихъ рукописныхъ Саксонскихъ словаряхъ Латинское fratrueles переведено: gelondan, что собственно значитъ: люди, живущіе вмѣстѣ, на одной землѣ (*). Это Цезаревы gentes cognationesque qui una coierint. Родичи=сосѣди. У тѣхъ же Англо-Саксовъ слово maeghte употребляется въ двоякомъ значеніи: родственниковъ или родичей и земли завоеванной и заселенной членами одного рода (**). Укажемъ также на тѣсно связанныя между собою слова: Adel (Adal) и Odel (Huodal). Первое означаетъ родъ, второе — владѣнія рода (***). Другія выраженія, характеризующія самый составъ родовыхъ общинъ и слагающагося изъ нихъ государства, будутъ приведены ниже.

Изъ сказаннаго доселѣ мы позволимъ себѣ вывести слѣдующія заключенія объ образѣ жизни и бытѣ древнихъ Германцевъ.

Древне-Германская община есть ничто иное какъ родъ. Члены рода живутъ сосѣдями въ деревняхъ или отдѣльными дворами на общей землѣ, Маркѣ, обнесенной со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, болотомъ или другою природною границею (****). Это граница рода: на нее положено заклятіе. Ее охраняютъ языческіе боги (являющіеся демонами послѣ введенія христіанства) и безчеловѣчно жестокія постановленія исключительно родовой общины (*****). Смерть ожидаетъ инородца, самовольно переступающаго завѣтный рубежъ. Земля Марки

(*) Kemble, the Saxons in England, I. 56, 89.

(**) Lappenberg, Geschichte von England, I. 583.

(***) Waitz, I. 66.

(****) Это зависѣло отъ мѣстности. Понятно, что когда Германія была покрыта густыми лѣсами и, по словамъ Нѣмецкой поговорки «бѣлка бѣгала по семи миль, прыгая съ дерева на дерево», т. е. не спускаясь на землю, жилыя мѣста находились въ полянахъ, окруженныхъ лѣсомъ.

(*****) Grimm, Deutsche Rechtsalterthümer, 518 — 20.

окружена гибелью, по словамъ древней приведенной Кемблемъ пѣсни (*). Все лежащее въ предѣлахъ Марки принадлежитъ роду. Почва дѣлилась на двѣ части: одна содержала въ себѣ усадьбы и пашни, въ которыхъ родичи должны были ежегодно мѣняться участками; въ другой заключались общіе выгоны, луга и лѣса. Въ первой половинѣ могъ, подъ вліяніемъ извѣстныхъ историческихъ условій, совершиться постепенный переходъ къ полной частной собственности; вторая несравненно долѣе носила характеръ общаго владѣнія. Слѣды этого быта сохранились особенно долго на Скандинавскомъ полуостровѣ и до сихъ поръ еще не совершенно изгладились въ Германіи, не смотря на длинный рядъ вѣковъ, отдѣляющихъ насъ отъ той эпохи, когда Цезарь и Тацитъ записали извѣстія, собранныя ими о Германцахъ. Сказанное ими объ отсутствіи поземельной собственности у Германцевъ отнюдь не противорѣчитъ первоначальному, чисто родовому устройству Марки, но даже можетъ служить къ объясненію ея позднѣйшей формы, которая описана Эйхгорномъ и гдѣ частная собственность отдѣльныхъ членовъ общины, образовавшаяся изъ участковъ, прежде переходившихъ изъ рукъ въ руки, существуетъ рядомъ съ общимъ владѣніемъ лугами и лѣсомъ. На вопросъ о возможности такого порядка вещей, о какомъ намъ говорятъ Цезарь и Тацитъ можно отвѣчать многочисленными аналогіями, заимствованными изъ быта другихъ народовъ. Не считаемъ нужнымъ указывать на всѣмъ извѣстные, представляющіе большое сходство съ Германскими обычаи Славянскихъ племенъ. Оранскій арабъ считаетъ своею собственностію только сѣмяна, употребленныя имъ на посѣвъ, а не самую пашню. Въ Ягирскомъ округѣ Мадрасской области землевладѣльцы ежегодно мѣняются землями; Афганскія племена подвергаются новому раздѣлу земель даже по истеченіи десятилѣтняго срока владѣнія. Страбонъ и Діодоръ упоминаютъ о подобномъ обычаѣ, существовавшемъ у нѣкоторыхъ племенъ Илларіи и Пиренейскаго полуострова (**). Цейссъ весьма вѣрно характеризуетъ древнегерманскій бытъ словами: проч-

(*) The Saxons, I. 47.
(**) Примѣры эти собраны у Кембля. I. 39.

ной опредѣленной собственности еще нѣтъ. Человѣкъ еще не привязался къ почвѣ, которая находится въ общемъ владѣніи. Пищу ему доставляютъ домашній скотъ и охота. Земледѣліе снабжаетъ только необходимѣйшими средствами существованія ; война составляетъ любимое занятіе. Но эту подвижную, непостоянную жизнь нельзя однако назвать кочевою. Она занимаетъ средину между земледѣльческою и кочевою. У подобныхъ народовъ есть родина и жилища, но они легко ихъ покидаютъ ради новыхъ странъ (*) ». Не собственность, а происхожденіе, принадлежность къ роду опредѣляли значеніе лица въ такой общинѣ. Инородцу не было въ ней мѣста. Но родовыя связи заключались не въ одномъ кровномъ родствѣ: родъ увеличивался не чрезъ нарожденіе только. Въ составъ его можно было вступить извнѣ, посредствомъ усыновленія или брака. Вообще женщины служили часто посредницами и примирительницами родовъ, смягчая ихъ начальную исключительность. Англо-Саксонская поэзія не даромъ называетъ женщину freodowebbe, ткущею миръ. Этотъ превосходный эпитетъ показываетъ ея значеніе въ основанномъ на родовыхъ отношеніяхъ обществѣ. Пріобщенный посредствомъ брака или другимъ образомъ къ чуждой ему дотолѣ общинѣ, инородецъ становился ея родичемъ, потомкомъ ея родоначальника. Вымышленное, искуственное родство заступало мѣсто кровнаго. Исторія древней Греціи и Рима представляетъ множество аналогическихъ явленій (**), дающихъ намъ возможность вполнѣ понять переходъ отъ естественнаго, основаннаго на единствѣ крови, рода къ искуственному, который обыкновенно является уже частію государства. Такимъ полукочевымъ бытомъ Германскихъ народовъ можно объяснить ихъ блужданія съ мѣста на мѣсто, постоянную тревогу, въ которой они находятся въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, начиная съ перваго ихъ появленія въ Исторіи, т. е. съ нашествія Кимвровъ и Тевтоновъ. Родина Германца заключалась не въ данной мѣстности, а въ родѣ его. Она

(*) Zeuss, Die Deutschen und die nachbarstämme, 52 и 53 стр.

(**) См. Niebuhr, Röm. Geschichte I, 345 и слѣд. Fr. Herman, Lehrbuch der Griechischen Staatsalterthümer, §§ 5, 99, 101.

была подвижная; не мѣстность сообщала названіе роду, поселившемуся въ ней на болѣе или менѣе долгій срокъ и обратившему ее въ свою временную Марку, а на оборотъ, имя рода переносилось съ одного конца Германіи на другой. Имена урочищъ могутъ служить полезнымъ, хотя въ бо́льшей части случаевъ недостаточнымъ пособіемъ для изученія Германскихъ переселеній. Эта путеводная нить часто рвется въ рукахъ изслѣдователя и нѣтъ никакой возможности связать порванные концы. « Мы не должны удивляться , говоритъ Кембль, встрѣчая среди такого безостановочнаго, обширнаго и общаго движенія, каковы были переселенія нашихъ предковъ, родовыя имена Германіи, Норвегіи, Швеціи и Даніи на нашихъ (т. е. Англійскихъ) берегахъ. Не только небольшое число странниковъ, носившихъ знаменитое родовое имя , но одинъ человѣкъ могъ собрать вокругъ себя толпу товарищей, охотно соединявшихся подъ прославленное героическими преданіями имя рода (т. е. образовать искуственный родъ.). . Такимъ образомъ, Гарлинги и Вельзинги, имена, тѣсно связанныя съ великимъ эпосомъ Германскихъ и Скандинавскихъ народовъ, повторяются во многихъ мѣстахъ Англіи » (*). Ученый Историкъ Англо-Саксовъ полагаетъ, что большая часть мѣстныхъ названій произошла отъ родовыхъ и потому приложилъ въ концѣ 1-го тома своей книги цѣлый списокъ такихъ названій. — Когда улеглось великое движеніе народовъ, и Германцамъ закрылась прежняя возможность переселеній на югъ или на западъ , ихъ связь съ родною почвою стала крѣпче. Значеніе Марки измѣнилось. Она перестала быть мѣстомъ только временнаго пребыванія рода. Прикованный къ отцовской почвѣ Германецъ требовалъ болѣе прочныхъ и опредѣленныхъ отношеній собственности. Ежегодный обмѣнъ пашенъ находился въ очевидномъ противорѣчіи съ выгодами и цѣлями отдѣльныхъ владѣльцевъ. Въ томъ же направленіи дѣйствовали Римскія вліянія и христіанство, которое, усиливая значеніе семейства, тѣмъ самымъ ослабляло родовое начало. Сказать, когда и какъ именно совершилась перемѣна у каждаго Германскаго народа порознь, нельзя, по недостатку источниковъ, но

(*) The Saxons, 1. 58.

можно догадываться, что мѣсто ежегодныхъ раздѣловъ заступили болѣе продолжительные сроки владѣнія, вытѣсненные въ свою очередь наслѣдственностію участковъ. Между памятниками, принадлежащими этой переходной эпохѣ, особенно важенъ для насъ эдиктъ Франкскаго Короля Хильпериха, изданный въ 574 году: a) Placuit atque convenit, ut si quis vicinos habens aut filios aut filias post obitum suum superstitutus fuerit, quamdiu filii aduxerint, terra habeant sicut et lex salica habet. b) Et si subito filias defuncti fuerint, filia simili modo terras accipiat istas, sicut et filii si vivi fuissent aut habuissent. Et si moritur, frater alter superstitutus fuerit terras accipiant, non vicini. (Pertz, Monumenta, IV. 10.). Этотъ законъ отмѣняетъ прежній порядокъ наслѣдства, предоставляя ближайшимъ родственникамъ, т. е. дѣтямъ умершаго право наслѣдовать предпочтительно предъ сосѣдями, т. е. родичами. Семейство выдѣляется изъ рода (*).

Мы сказали выше, что слѣды первоначальной, т. е. родовой Марки долго существовали въ Скандинавіи и еще не совершенно изчезли въ Германіи. Въ XI столѣтіи, сельское устройство въ Даніи было еще основано на началѣ общаго владѣнія. Мы постараемся изложить главныя черты этого устройства. Каждое селеніе или деревня состояла изъ *тофтовъ*, расположенныхъ вдоль двухъ, крестообразно пересѣкавшихся улицъ. Подъ именемъ тофта разумѣлись домъ, хозяйственныя строенія, дворъ и садъ поселянина, обнесенные тыномъ или другою оградою. Улицы и перекрестокъ посрединѣ селенія находились въ общемъ владѣніи и не могли быть застроены или заняты

(*) Sybel, Entstehung des Deutschen Königthums, стр. 23 – 27. Эдиктъ Хильпериха содержитъ въ себѣ неоспоримыя доказательства въ пользу родоваго быта. Доказательства эти тѣмъ убѣдительнѣе, что самый памятникъ возникъ на Римской почвѣ. Видно, что Вайцъ не знаетъ какъ примирить такое рѣшительное свидѣтельство съ собственною теоріею. Waitz, das alte Recht der Salischen Franken, стр. 130. Мы не привели нѣкоторыхъ свидѣтельствъ, на которыя ссылается Зибель, напр. Франкскій законъ de chrenecruda, потому что смыслъ его намъ не ясенъ и едвали можетъ безъ натяжки служить подтвержденіемъ Зибелевой системы. Тоже самое скажемъ и о замѣчательной статьѣ «Si de parentilla..» Здѣсь трудно рѣшить, о чемъ идетъ рѣчь, о семьѣ или о родѣ.

другимъ образомъ. Принадлежавшія такой общинѣ пашенныя земли были разбиты на нѣсколько клиновъ. Всякій клинъ (Kamp) былъ тщательно измѣренъ веревкою, и въ немъ выдѣлены участки всѣмъ владѣльцамъ тофтовъ. Участки эти были иногда крайне малы, но отъ правила нельзя было отступить, и больсманъ (землевладѣлецъ или жилецъ, отъ boel, bool=жилище) имѣлъ клочекъ земли въ каждомъ клинѣ. Когда деревня не представляла болѣе достаточнаго простора своимъ жителямъ и въ ней нельзя было устроить новыхъ тофтовъ, избытокъ населенія (по всей вѣроятности младшіе сыновья больсмановъ) уходилъ изъ деревни и строилъ себѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея, новыя жилища. Такой выселокъ назывался *торпъ* и находился въ зависимости отъ адельби (Adelbye) или старой общины. Родовая связь между ними была такъ крѣпка, что послѣдній, оставшійся въ живыхъ больсманъ стараго селенія могъ, въ теченіи трехлѣтняго срока, принудить переселенцевъ къ возврату на прежнія мѣста (*). Въ изложенномъ нами устройствѣ Датскаго селенія уже нѣтъ ежегодныхъ раздѣловъ земли, но всѣ послѣдствія этого древнѣйшаго обычая сохранились. Стѣснительныя опредѣленія родовой собственности еще не изгладились. Каждый клинъ или *Kamp* обведенъ межею, но между отдѣльными участками нѣтъ рубежей. Датское правительство рано вступило въ борьбу съ этимъ порядкомъ вещей: оно предоставило больсману право обмѣна земли съ сосѣдями, вслѣдствіе чего онъ получилъ возможность собрать въ одно цѣлое свои разбросанные въ нѣсколькихъ клинахъ участки. Кромѣ того, ему разрѣшено было пріобрѣтать земли за предѣлами общиннаго владѣнія. Такая собственность называлась *ornum* и ставила своего владѣльца въ положеніе, совершенно отличное отъ того, какое онъ занималъ въ родномъ селеніи. Онъ выходилъ изъ-подъ опеки родовой общины и дѣлался полнымъ хозяиномъ, собственникомъ въ настоящемъ значеніи

(*) Dahlmann, Geschichte von Dännemark, T. I. стр. 133 — 37. Къ сожалѣнію, у меня не было превосходной статьи Ганссена (Hanssen, Ansichten über das agrarwesen der Vorzeit у Фалка, Neues Staatsb. Magazin, T. III et VI), которою пользовался Дальманъ и почти всѣ новѣйшіе изслѣдователи Германской и Скандинавской древности.

слова. Еще бóльшее подтвержденіе Цезаревыхъ и Тацитовыхъ извѣстій находимъ мы въ самой Германіи. Въ прошедшемъ столѣтіи крестьяне Фрикгофской общины (Frickhofen), въ Нассаускомъ герцогствѣ, ежегодно дѣлили по жребію принадлежавшія ихъ общинѣ земли. На Гундсрюкенѣ подобный обычай сохранился до сихъ поръ: тамъ въ округахъ Мерцигъ, Отвейлеръ и Саарлуи есть общины, въ которыхъ земля переходитъ отъ одного владѣльца къ другому, въ опредѣленные сроки отъ 3-хъ до 18 лѣтъ. Она не составляетъ частной собственности и принадлежитъ селенію или общинѣ въ болѣе обширномъ смыслѣ. Въ Рейнской Баваріи встрѣчаемъ такія же явленія (*). Наконецъ, недалѣе какъ въ 1805 году, крестьяне селенія Трантовъ, что на рѣкѣ Пенѣ. въ Сѣверной Германіи, еще смотрѣли на землю какъ на общую собственность и ежегодно дѣлили ее между собою. Въ раздѣлѣ участвовалъ также пасторъ селенія (**). Очевидно, это слѣды родоваго владѣнія.

Не смотря на многочисленныя, изъ историческихъ памятниковъ и языка заимствованныя данныя , свидѣтельствующія о преобладаніи родовыхъ формъ у Германцевъ долгое время послѣ ихъ вступленія въ исторію, мы считаемъ однако невозможнымъ полное и подробное изображеніе этихъ формъ. Попытку, сдѣланную Зибелемъ, нельзя назвать удачною, хотя отдѣльныя части его изслѣдованія заслуживаютъ большаго вниманія и обнаруживаютъ значительный критическій талантъ. Едвали найдемъ у кого другаго болѣе вѣрное и отчетливое опредѣленіе родоваго государства. Зибель находитъ совершенно безплоднымъ споръ когда-то поднятый о различіи рода естественнаго отъ искуственнаго, ибо эти формы равно часто встрѣчаются намъ въ исторіи и основаны на одномъ и томъ же началѣ. Главное здѣсь состоитъ въ правильномъ пониманіи рода вообще и въ умѣньи отличить значеніе родоваго старшины отъ власти отца семейства.

(*) Maurer: Einleitung zur Geschichte der Mark-Hof-Dorf-und Stadtverfassung. München, 1854. стр. 6.

(**) Статья: Ueber die Feldordnung und den Ackerbau der alten Germanen въ Историческомъ журналѣ Шмидта, 1845 г. III, 233.

« Въ такомъ смѣшеніи заключается основный недостатокъ книги, впрочемъ превосходной, въ которой впервые и притомъ непревзойденнымъ до сихъ поръ образомъ сближены для взаимнаго уясненія древности Славянскаго и Германскаго права. Эверсъ (das ælteste Recht der Russen) начинаетъ вездѣ съ отца семейства, у котораго родятся сыновья и внуки и такимъ образомъ расширяютъ домашній кругъ; но онъ упускаетъ изъ виду, что семейство до или внѣ государства основано на нравственномъ, а не на юридическомъ законѣ, и потому развиваетъ нравственныя, а не юридическія отношенія. Государства никакъ нельзя вывести изъ семьи, тѣмъ болѣе что послѣдняя является вполнѣ только въ государствѣ, отъ котораго она получаетъ нужныя для ея внѣшняго существованія юридическія опредѣленія. Семейство превращается въ государство не вслѣдствіе увеличивающагося числа членовъ, а чрезъ духовное усиленіе понятія о правѣ, сознательную или безсознательную волю участниковъ руководствоваться не одною родственною любовью, но еще гражданскими постановленіями. Такое стремленіе предполагается въ родѣ (gens), и потому мы можемъ назвать его прямо государствомъ; мы знаемъ, что родовая связь часто основана на вымыслѣ, но родовыя отношенія чрезъ это нимало не слабѣютъ. Такъ какъ внутреннее начало этого союза есть нѣчто духовное, относящееся къ области воли и договора, то оно также можетъ быть выражено настоящими родственниками, какъ и посторонними, дѣйствующими въ духѣ родства. Вотъ въ чемъ заключается различіе между родовымъ государствомъ и всѣми другими гражданскими союзами. Но не должно думать, что этотъ вымыселъ возникъ изъ потребности сообщить союзу благозвучное имя, торжественное богослуженіе или неопредѣленное чувство единства; напротивъ онъ долженъ служить руководительною нитью во всѣхъ отношеніяхъ новаго государства, которое свято чтитъ образецъ свой и не отступаетъ отъ него. Существенный признакъ и законъ родоваго государства состоитъ въ томъ, что всѣ его гражданскія учрежденія облечены въ формы семейства; отсюда заимствуетъ оно свой характеръ даже тамъ, гдѣ родовые и мѣстные союзы внѣшнимъ образомъ совпадаютъ между собою. Это первый шагъ, означающій въ естественномъ развитіи народовъ пробужденіе политическаго сознанія. На-

родъ ищетъ соотвѣтствующихъ его потребностямъ формъ, и ему прежде всего представляется та въ которой замкнута была его доисторическая жизнь,—форма семейства. На нее опираются общества, находящіяся въ дѣтскомъ возрастѣ; изобиліе миѳовъ, возникающихъ именно на этой почвѣ, очень понятно. Можно сказать, что основная мысль такой системы, принимающей государство за семейство, содержитъ въ себѣ миѳическую истину, поэтически прекрасный и глубокій смыслъ; но тѣмъ очевиднѣе становится, по достиженіи высшей ступени, ограниченность этой системы и ея неудовлетворительность для разума. Итакъ сравненіе государства съ семействомъ можетъ быть вѣрно, но понятіе, выводящее государство изъ семейства, какъ естественнаго основанія, ложно. Всѣ отношенія, истекающія изъ такого чувства, должны изчезнуть и сокрушиться при первомъ столкновеніи съ развитымъ чисто гражданскимъ порядкомъ вещей, т. е. съ настоящимъ государствомъ (*). »

Соединеніе нѣсколькихъ родовъ составляетъ высшее политическое единство сотни (**) или гау (***). Начальниками какъ отдѣльныхъ родовъ, такъ и высшихъ, изъ ихъ соединенія образовавшихся союзовъ были *старшины*. Здѣсь возникаетъ вопросъ о происхожденіи и объемѣ власти этихъ старшинъ и объ отношеніи ихъ къ древне-Германскому дворянству, той nobilitas, о которой говоритъ Тацитъ, не оставившій къ сожалѣнію никакихъ подробностей объ этомъ сословіи.

Прежде всего замѣтимъ, что древніе Германцы обыкновенно соединяли понятіе о власти съ понятіемъ старшинства. Англо-Саксонское Ealdordom равно означаетъ отношенія короля къ подданнымъ; вождя дружины къ его воинамъ; мужа къ женѣ (****). Беда, въ цер-

---

(*) Entstehung des D. Königsthums, 17.

(**) Зибель принимаетъ сотню за первоначальное соединеніе нѣсколькихъ родовъ, отвлекая отъ ея числительнаго значенія. Сотня слѣд. не есть округъ, какимъ она является впослѣдствіи (Франкская centena, и т. д.), а союзъ.

(***) Округъ. Eichhorn, § 14. n. a. Grimm, R. A. 496.

(****) Sybel, 43.

ковной исторіи Англо-Саксовъ говоритъ, что у Саксовъ не было кунинговъ или королей, sed satrapas plurimos *suae genti praepositos.* Въ Саксонскомъ переводѣ этого сочиненія Алфредомъ Великимъ слово satrapae передано чрезъ ealdormen. Эти же Саксонскіе *сатрапы* называются иногда majores natu (annales Petavienves). У Франковъ выраженіе senior и major natu означаетъ вообще человѣка, занимающаго высокое положеніе въ государствѣ. Старшины племени Узипетовъ называются у Цезаря majores natu. У Фризовъ aldirman есть судья; atha (отцы см. Фризскій словарь Рихтгофена) начальники вообще. Этихъ примѣровъ, полагаемъ, достаточно, хотя ихъ можно было бы привести гораздо болѣе. Такое соединеніе понятій власти и физическаго старшинства не можетъ быть случайнымъ. Оно указываетъ на родовое устройство, въ которомъ власть находится въ рукахъ старѣйшинъ. Но кто же были эти старѣйшины?

Цезарь нѣсколько разъ упоминаетъ объ нихъ, употребляя выраженіе magistratus и principes. Magistratus ac principes завѣдуютъ ежегоднымъ раздѣломъ полей. B. G. VI. 22. In pace nullus est communis magistratus, sed principes regionum et pagorum inter suos jus dicunt, contraversiasque minuunt... quum bellum civitas aut inlatum defendit aut infert, magistratus qui eo bello praesint, ut vitae necisque habeant potestatem, deliguntur. VI. 23. Надобно, слѣдовательно, отличать три рода властей: principes regionum и principes pagorum въ мирное время и magistratus, избираемые для войны съ несравненно бо́льшими правами. Споръ о значеніи округовъ, которые Цезарь разумѣлъ подъ словами: pagus и regio, удовлетворительно рѣшается паралельнымъ мѣстомъ у Тацита: principes qui jura per pagos vicosque reddunt. Germ. 13. Vicus соотвѣтствуетъ отдѣльной общинѣ, роду. Regio въ такомъ случаѣ есть округъ, занимаемый родомъ или общиною, Марка; pagus обыкновенно = gau, вмѣщающей въ себѣ, какъ уже сказано, нѣсколько родовъ или Марокъ. Свидѣтельство Цезаря тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что оно вполнѣ подтверждается позднѣйшими источниками. Извѣстно, что изъ всѣхъ Германскихъ народовъ Саксы наименѣе подвергались внѣшнимъ вліяніямъ: они позже другихъ приняли христіанство и долѣе сохранили древній бытъ и обычаи. Беда говоритъ объ нихъ:

non habebant regem iidem antiqui Saxones sed satrapas plurimos suae genti praepositos, qui ingruente belli articulo mittunt æqualiter sortes et quemcumque sors ostenderit, hunc tempore belli ducem (Heretogan, въ переводѣ Алфреда В.) omnes sequuntur et huic obtemperant. Peracto autem bello rursum aequalis potentiae omnes fiunt satrapae. Hist. Eccl. V. 10. Сочинитель житія св. Лебуина, жившій послѣ Беды и пользовавшійся его сочиненіемъ, говоритъ о Саксахъ: Singulis pagis principes praeerant singuli. Pertz, mon. II. 361. Изъ словъ Беды видно, что въ военные вожди избирались тѣже principes или, какъ онъ ихъ называетъ, satrapae, которые въ мирное время судили и рядили каждый въ своемъ округѣ. Мы едвали ошибемся, принявъ это показаніе Беды за правило, котораго держались древнѣйшіе Германцы, современники Цезаря и Тацита.

Вникая въ смыслъ извѣстій, сообщаемыхъ авторомъ «Германіи,» мы должны признать, что начало свободнаго избранія вообще преобладало у Германцевъ. О «principes qui jura reddunt» сказано прямо, что они избираются въ народныхъ собраніяхъ. Нельзя иначе объяснить и другаго знаменитаго мѣста: reges ex nobilitate, duces ex virtute *sumunt*. Germ. c. 7. Такой обычай, по видимому, противорѣчитъ общепринятымъ понятіямъ о родовомъ бытѣ. Для устраненія возможныхъ по этому поводу возраженій, необходимо уяснить себѣ Тацитово слово nobilitas. Это тѣмъ труднѣе, что въ самыхъ твореніяхъ великаго историка мало данныхъ для рѣшенія имъ заданной загадки. Мы должны объяснить ее извнѣ, т. е. при пособіи стороннихъ источниковъ и болѣе или менѣе произвольныхъ и удачныхъ соображеній.

Вайцъ посвятилъ значительный отдѣлъ своей исторіи Германскаго государственнаго права разбору многочисленныхъ системъ, излагающихъ происхожденіе Германскаго дворянства. Но его критика неудовлетворительна, ибо она довольствуется опроверженіемъ чужихъ мнѣній и не находитъ прочнаго основанія для собственной теоріи. Ближе другихъ подошелъ къ истинѣ, намъ кажется, Зибель, которому впрочемъ много помогъ Эйхгорнъ, съ обычнымъ мастерствомъ своимъ коснувшійся значенія древней Германской аристократіи, но оставившій въ сторонѣ вопросъ о ея происхожденіи. Въ настоящее время

едвали кому придетъ въ голову отрицать существованіе отдѣльнаго благороднаго сословія у древнихъ Германцевъ. Сверхъ многочисленныхъ мѣстъ у Тацита, гдѣ nobiles прямо отдѣляются отъ остальной массы свободныхъ Германцевъ, мы можемъ указать на положительныя свидѣтельства писателей позднѣйшаго времени, какъ-то Нитарда, Гукбальда, сочинителя житія св. Лебуина, на translatio S-ti Alexandri, и т. д. Изъ этихъ памятниковъ видно, что Саксы въ 9-мъ столѣтіи еще раздѣлялись на благородныхъ, свободныхъ и лассовъ, т. е. полусвободныхъ (Sunt qui eorum lingua edelingui, sunt qui frilingui, sunt qui lassi dicuntur). У Саксовъ, какъ мы уже видѣли, долѣе чѣмъ гдѣ-либо въ остальной Германіи сохранились обычаи старины; у нихъ никакъ не могло образоваться позднѣйшее служебное дворянство, слѣдовательно Саксонскіе Эдилинги соотвѣтствуютъ Тацитовымъ nobiles. Этого мало. Почти у каждаго Германскаго племени существуютъ знаменитые роды, изъ которыхъ избираются кунинги или цари: reges ex nobilitate. У Франковъ Меровинги, у Остъ-Готовъ Амалы, у Вестъ-Готовъ Балты, у Лонгобардовъ Гунгинги и Литинги, у Баваровъ встрѣчаемъ даже пять знатныхъ родовъ: Huosidroza, Fagana, Hahilinga, Anniona; isti sunt quasi primi post Agilolfingos, qui sunt de genere ducali. Lex Bajuvariorum, tit. 2. c. 20. Замѣчательно, что такіе царственные роды, stirpes regiæ, встрѣчаются у племенъ, незнавшихъ надъ собою царской власти. У Херусковъ, сколько намъ извѣстно, не было царей. Славный вождь ихъ Арминъ никогда не носилъ этого титула, хотя начальствовалъ надъ всѣми силами народа. Страбонъ называетъ его просто Полемархомъ (dux, Heretog, воевода). Онъ даже палъ жертвою своего честолюбія, regnum affectans, но когда въ возникшихъ послѣ него междоусобіяхъ погибло все дворянство Херусковъ (amissis per interna bella nobilibus), народъ отправилъ пословъ въ Римъ за Италикомъ, послѣднею отраслію царственнаго рода. Tacit. Ann. XI. 16. У Батавовъ насъ поражаетъ тоже явленіе. Въ источникахъ нѣтъ ни одного намека на существованіе у нихъ царей; тѣмъ не менѣе, Тацитъ, которому такъ хорошо были извѣстны происходившія въ Германіи событія, говоритъ по поводу Батавскаго возстанія, что Julius Paulus et Claudius Civilis, regia stirpe, multo ceteros anteibant. Hist. IV. 13. Объяс-

нить это странное противорѣчіе можно только неопредѣленною терминологіею Римскихъ писателей, не отличавшихъ настоящихъ царей, которымъ повиновались цѣлые народы (напр. Готы), отъ областныхъ князей или старшинъ, т. е. principes. Доказательства, приводимыя Зибелемъ, не допускаютъ никакого сомнѣнія (*). Вотъ почему слово rex такъ часто встрѣчается и такъ мало имѣетъ значенія подъ перомъ писателей 4-го и 5 вѣка. Въ войскѣ Теодорика Великаго было такъ много кунинговъ (reges), по словамъ Эннодія, что число ихъ равнялось почти числу простыхъ воиновъ (**). По занятіи Германскими племенами Римскихъ провинцій являются начала настоящей монархіи и слово rex получаетъ важность, какую оно дотолѣ не имѣло.

Мы сказали выше, что Adal или Adel первоначально значило родъ, genus, prosapia. См. Grimm, R. A. 265. Аделингъ или Эделингъ значитъ собственно родичь, членъ рода. Тоже самое можно сказать и о Германскомъ имени царя. Англо-Саксонское cyn=родъ, genus; отсюда прилагательное cyne, generosus и существительное cyning, rex. На древнемъ верхне-Германскомъ языкѣ chuninc происходитъ отъ chuni, родъ. Кунингъ и Адалингъ суть по преимуществу родичи, представители рода, наиболѣе близкіе къ родоначальнику. Изъ этихъ семействъ состоитъ древне-Германская аристократія ; изъ ея рядовъ избираются вожди цѣлыхъ народовъ и отдѣльныхъ родовъ. Весьма любопытны въ этомъ отношеніи сохранившіяся генеалогіи Англо-Саксонскихъ государей. Онѣ всѣ восходятъ до Водана. Даже во времена христіанства Англо-Саксонскіе короли дорожили этими свидѣтельствами своего происхожденія отъ языческаго божества, которому поклонялись ихъ предки.

Изслѣдованія о родовомъ бытѣ и его вліяніи на дальнѣйшее развитіе Германскаго государства еще далеко не замкнуты. Мы указали здѣсь только на главные изъ выработанныхъ уже результатовъ и на важнѣйшіе вопросы. Много любопытныхъ частностей оставлено нами

(*) Sybel, 96 — 116.
(**) Michelet, Hist. de France. I 198.

въ сторонѣ, потому что онѣ заслуживаютъ отдѣльныхъ изслѣдованій. Сюда принадлежатъ система взаимнаго ручательства (Gesammtbürgschaft), въ которой есть очевидные слѣды родоваго быта и значеніе позднѣйшихъ, искуственныхъ родовъ (напр. Дитмарсенскихъ), являющихся въ Германской исторіи. Сближеніе Германскаго родоваго быта съ тѣмъ же порядкомъ у Славянъ и Кельтовъ можетъ привести къ самымъ плодотворнымъ для науки выводамъ; Но для такого изслѣдованія не довольно однихъ историческихъ знаній. Здѣсь необходимо содѣйствіе филологіи. Г. Буслаевъ, котораго прекрасные труды на этомъ поприщѣ уже принесли столько пользы, могъ бы значительно подвинуть вопросъ, насъ занимающій, простымъ собраніемъ и сличеніемъ словъ, относящихся къ родовому быту у главныхъ Европейскихъ народовъ. Заслуга была бы великая и доставила бы совершившему ее полное право на глубокую признательность историковъ.

Т. Грановскій.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

МАТЕРІАЛЫ,

ОТНОСЯЩІЕСЯ

ДО

ИСТОРІИ, ПРАВА И СТАТИСТИКИ

ПРЕИМУЩЕСТВЕННО

ДРЕВНЕЙ РОССІИ.

I.

ГРАМОТА
НОВГОРОДСКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
КЪ
РИЖСКОМУ,
НАЧАЛА XV ВѢКА.

—

СООБЩЕНА

Н. В. Закревскимъ.

Предлагаемая здѣсь грамота принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ памятниковъ, которые остались намъ отъ сношеній древняго Новгорода съ Ганзейскими городами; но по своему предмету, касающемуся примѣненія на практикѣ юридическихъ началъ, извѣстныхъ изъ договоровъ, она представляетъ единственный въ этомъ родѣ образчикъ, уясняя наглядно нѣкоторыя положенія о судопроизводствѣ въ дѣлахъ между Новгородцами и Ганзейцами. Дѣйствительно, въ настоящей грамотѣ, кромѣ указанія, что въ данномъ случаѣ надъ иностранными купцами въ Новгородѣ судъ былъ произведенъ Новгородскими судьями въ присутствіи только Ганзейскихъ *пословъ* (такъ точно какъ и Русскіе купцы въ Ганзейскихъ городахъ судились иностранцами), упоминается еще о *крестномъ цѣлованьѣ* судей, о *жребіи*, данномъ, вѣроятно, тяжущимся, и объ *утягалной грамотѣ*, или судебномъ приговорѣ, сдѣланномъ въ Новгородѣ. Но всего любопытнѣе въ этомъ документѣ предоставляемая себѣ Новгородскимъ Правительствомъ репрессалія или вѣрнѣе реторсія (*) въ томъ случаѣ, если Рус-

(*) Репрессаліи состояли въ правѣ, дававшемся частному лицу на вознагражденіе себя изъ имущества другаго государства внутри своей страны (этимъ они отличаются отъ lettres de marque, дѣйствіе которыхъ распространялось за границы государства). Но противъ этого права Ганзейскіе купцы и города начали рано выговаривать себѣ привиллегіи. Такъ Любекъ получилъ подобную привиллегію въ Англіи въ 1267 году; въ Брабантѣ въ 1297 г., во Франціи въ 1298 году. Въ другихъ государствахъ уничтоженіе репрессалій совершилось позднѣе: между Англіей и Франціей въ 1360 г.; между Франціей и Испаніей въ 1489, между Испаніей и Шотландіей въ 1550, между всѣми Германскими государствами въ 1570 (на Спейерскомъ сеймѣ). Въ отличіе отъ репрессалій реторсіями называются мѣры, какія принимались тѣмъ или другимъ государствомъ, чтобы вознаградить своего поддан-

скіе купцы не получатъ въ Ревелѣ удовлетворенія, присужденнаго имъ по означенному судебному приговору. Отсюда же видно, что иностранцы, присутствовавшіе при рѣшеніи тяжбы между своими единоземцами и Русскими, имѣли значеніе консуловъ разныхъ городовъ, коихъ торговые люди проживали по дѣламъ своимъ въ Новгородѣ: какъ консулы они должны были защищать интересы этихъ послѣднихъ, а потому и принимать участіе во всѣхъ дѣлахъ, какія до нихъ касались.

Время, къ которому относится издаваемая нами грамота, можно опредѣлить довольно точно на основаніи упоминаемыхъ въ ней правительственныхъ лицъ Новгорода, извѣстныхъ и по лѣтописямъ. Именно объ Иванѣ Александровичѣ, какъ о посадникѣ, говорится подъ годами 1386, 1393 и въ послѣдній разъ подъ 1417, когда онъ умеръ отъ моровой язвы; а на тысячскаго Александра Игнатьевича указывается подъ годами 1416 и 1426. И такъ весьма вѣроятно, что этотъ актъ былъ составленъ въ 1416 году, или по крайней мѣрѣ никакъ не позже 1417 года.

Что касается наконецъ до самаго изданія грамоты, то, получивъ лишь тщательно сдѣланную копію съ ея подлинника, мы печатаемъ ее во всей точности, не измѣняя ни одного слова, ни одной буквы, но безъ соблюденія палеографическихъ признаковъ, для передачи коихъ необходимо было бы имѣть подъ рукою подлинную грамоту.

Редакторъ.

наго за вредъ или убытокъ, причиненный ему въ другой странѣ; здѣсь само Правительство, устраняя произволъ частныхъ лицъ, удовлетворяло кого слѣдовало изъ имущества, находившагося въ его предѣлахъ, но принадлежавшаго подданному другаго государства, подавшаго поводъ къ возмездію. Такъ въ Англіи, въ 1353 году, парламентскимъ актомъ было постановлено, что имущество одного иностраннаго купца не должно быть захвачено за долги другаго, исключая тотъ случай, когда иностранный государь причинитъ убытокъ Англійскимъ подданнымъ и откажетъ въ вознагражденіи (Wheat. Hist. I, 81); а съ 1485 года репрессаліи стали здѣсь утверждаться государемъ. *Прим. М. Н. Капустина.*

ГРАМОТА

НОВГОРОДСКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА КЪ РИЖСКОМУ.

От посадника Новгорочкого Ивана Олександровича, от тысячкого Олександра Игнатьевича и всего Великого Новагорода к местерю к Рискому. Сдѣсе намъ наша братья много жаловалѣся: Игнатовѣ дѣти и Лентѣевѣ дѣти и Фоминѣ дѣти и Родивоновѣ на Кондрата, на Колываньского посадника, и на Еремѣевыхъ дѣтей, что взяти имъ на нихъ четыриста рублевъ по жеребью и по оутягалной грамотѣ, что оутягалѣ Кондрата наша братья пред нашими судьями, а пред вашими послы заморьскими и Рискими: и мы нонѣча приказахомъ к вамъ о томъ послу своему Труфону Онъчифову. И ты, чстный * местерь, ими вѣру нашимъ судьямъ по крстному ** целованью, такоже и мы имемъ вѣру вашимъ судьямъ, коли судять нашу братью по крстному ** челованью: и ты, чстный * добрый местерь, чтобы еси повелѣлъ Кондратовымъ внучатамъ Колываньского посадника, Корту и Инцѣ и складникамъ ихъ дати нашей братьи четыриста рублевъ чсто. *** А оу сего миру докончания былъ Иване из Любка, Федоре и Инча с Гочкого берегу, Тилька из Риги, Еремѣй Винка изъ Юрьева, Григорья ис Колываня, коли вашѣ послы в Новѣгородѣ на миру крстъ **** целовалѣ, а се орудье было вашимъ посламъ въ вывѣтѣ. И ты, добри местерь, по крстному челованью

---

* *Слѣдуетъ читать*: честный.

** *Должно читать*: крестному.

*** *Должно читать*: чисто.

**** *Должно читать*: крестъ.

чобы * еси имъ велѣлъ дати нашей братьи четырвста рублевъ по жеребью и по оутягалной грамотѣ. А только не отдадуть нашей братьи того серебра, и мы ** имъ велимъ взяти ту четырвста рублевъ на вашей братьи, на купчехъ.

Подлинникъ писанъ на пергаминномъ листѣ, длиною 6³/₄, шириною 5¹/₄ англ. дюйма. Въ концѣ, на несученомъ шолкѣ, привѣшены двѣ свинцовыя печати, изъ коихъ одна съ изображеніемъ какого-то звѣря и надписью: печать Великого Новагорода; *другая же, съ такимъ же изображеніемъ, имѣетъ надписи: на одной сторонѣ:* се люты звѣрь, *а на оборотѣ:* печать Новгорочкая. — *Хранится въ Архивѣ Ревельскаго Магистрата.*

---

* *Должно быть:* чтобы.

** *Въ подл. повторено два раза:* и мы.

II.

АКТЫ,

ЗАПИСАННЫЕ

ВЪ КРѢПОСТНОЙ КНИГѢ XVI ВѢКА.

СООБЩЕНЫ

А. Б. Лакіеромъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Рукописная крѣпостная книга, изъ коей извлечены помѣщаемые здѣсь юридическіе матеріалы XV и XVI вѣка, принадлежитъ *А. Б. Лакіеру*, сообщившему намъ ее въ подлинникѣ. Книга эта писана въ четвертку, на 97 листкахъ, перемѣченныхъ въ недавнее время, при чемъ однако не обращено было вниманія на нѣкоторые недостающіе листки въ началѣ, срединѣ (въ одномъ мѣстѣ) и въ концѣ текста, почему должно сказать, что настоящая рукопись дошла до насъ не во всей цѣлости. Она переплетена въ папку, и на бѣломъ листкѣ, вклееппомъ между этимъ переплетомъ и начальной ея страницей, новѣйшимъ почеркомъ озаглавлена такъ: «Древняя Новогородская кабальная книга XVI столѣтія въ подлинникѣ, содержащая въ себѣ опись кабалъ и актовъ, совершенныхъ въ это время при разныхъ намѣстникахъ Новгорода Великаго, скрѣпленную по листамъ дьякомъ Алябьевымъ въ 1586 году.» Дѣйствительно по листамъ подлинной книги сдѣлана скрѣпа: «Діякъ Дмитрей Алябьевъ»; но безъ всякаго сомнѣнія не въ означенномъ году, ибо въ самомъ текстѣ встрѣчается указаніе на нѣсколько актовъ, составленныхъ послѣ того времени до 1599 года включительно. Едва ли также вѣрно названіе «кабальная книга», приданное рукописи въ приведенномъ нами заглавіи. Правда, что сравнительно съ другими актами въ ней болѣе всего записано служилыхъ кабалъ; но мѣстами помѣщены также грамоты данныя,

рядныя, правыя и другія, которыя мы почли себя обязанными напечатать всѣ безъ исключенія въ нашемъ сборникѣ. Эти акты никакъ не льзя назвать кабалами, хотя ими, какъ крѣпостями, и утверждаются права на людей за тѣми лицами, въ пользу коихъ они въ свое время были даны и составлены; слѣдовательно и книга, въ которой они записаны, не должна носить исключительно названіе кабальной. Но за тѣмъ совершенно справедливо замѣчено, что текстъ ея ограничивается лишь описями актовъ, совершенныхъ въ Новгородскихъ владѣніяхъ въ теченіи XV и XVI столѣтій. Впрочемъ это описи подробныя, которыя даютъ полное понятіе не только о содержаніи каждаго отдѣльнаго акта, но и объ его формѣ, такъ что, за неимѣніемъ образцовъ для подлинныхъ матеріаловъ извѣстнаго рода (наприм. грамотъ полныхъ и докладныхъ), можно очень довольствоваться подобными извлеченіями. Необходимо только при этомъ съ одной стороны помнить, что объ лицахъ, участвовавшихъ въ составленіи того или другаго акта, именно по означенной причинѣ, говорится здѣсь не въ первомъ, а въ третьемъ лицѣ; съ другой же стороны отъ подлиннаго текста актовъ, въ томъ видѣ какъ многіе изъ нихъ записаны, должно отдѣлять объясненія, сдѣланныя предъявителями ихъ о томъ, гдѣ находятся какъ самые крѣпостные люди, о коихъ идетъ въ актѣ рѣчь, такъ и ихъ потомки, въ услуженіи ли они у помѣщика, или у кого изъ его родныхъ, или же въ бѣгахъ, какъ очень часто упоминается въ рукописи. Такія объясненія, вставленныя мѣстами въ средину акта, а иногда прибавленныя къ нему въ концѣ, заимствованы, вѣроятно, чиновникомъ, записывавшимъ документы въ крѣпостную книгу, изъ челобитныхъ и росписей, которыя, какъ увидимъ ниже, представлялись всегда вмѣстѣ съ актами, предъявленными «къ запискѣ»; а нѣкоторыя, можетъ быть, и изъ личныхъ изустныхъ объявленій просителей. Разсматривая же «записку» отдѣльныхъ актовъ въ ея полномъ видѣ, мы не можемъ не дорожить

ей, какъ особымъ официальнымъ материаломъ, имѣющимъ свое отдѣльное значеніе и мѣсто въ нашей юридической письменности между формами стариннаго дѣлопроизводства. Съ этой точки вся книга, нами разсматриваемая, есть, по нашему мнѣнію, весьма важный памятникъ въ Исторіи Русскаго законодательства, представляющій переходное состояніе отъ частнаго составленія и письма крѣпостныхъ актовъ на людей къ офиціальному ихъ предъявленію и утвержденію для дѣйствительности ихъ передъ Правительствомъ. Постараемся объяснить нашу мысль нѣсколько подробнѣе.

По Русской Правдѣ право на владѣніе «холопомъ или рабой», кромѣ установленія его на основаніи способовъ, здѣсь неозначенныхъ, но которые необходимо должно подразумѣвать, именно — наслѣдствомъ, рожденіемъ отъ лицъ того же сословія и по судебному рѣшенію, пріобрѣталось въ слѣдствіе договора между ихъ прежнимъ владѣльцемъ (если они до того времени кому либо уже принадлежали) и лицемъ, переносившимъ на себя это право, или между этимъ послѣднимъ и самимъ «холопомъ» (если онъ былъ вольный). Относящіеся сюда договоры перваго рода могли быть различны: купля, мѣна, даръ, и проч.; но во всякомъ случаѣ на основаніи ихъ установлялось въ пользу пріобрѣтателя «холопство обельное» или полное. Напротивъ договоръ съ самимъ лицемъ, поступавшимъ въ холопство, могъ подчинять его и болѣе ограниченнымъ правамъ, ибо только въ тѣхъ случаяхъ, когда, при поступленіи въ холопство, не было заключено никакого договора («поиметь робу безъ ряду», или «привяжеть ключь къ собѣ безъ ряду»), подразумѣвалось также холопство полное; по всей вѣроятности самымъ легкимъ видомъ подобной зависимости было холопство «по служилымъ кабаламъ», подчинявшимъ вольныхъ людей власти другаго только до его смерти. Какъ рано всѣ эти договоры стали составляться на письмѣ,

намъ неизвѣстно. Русская Правда требуетъ только въ случаѣ договора купли, чтобы онъ былъ совершенъ при послухахъ (свидѣтеляхъ) и чтобы деньги были даны «передъ самѣмъ холопомь.»—Судебникъ Іоанна III упоминаетъ уже объ отпускныхъ и правыхъ грамотахъ, относящихся до холопей, какъ о письменныхъ актахъ, которые притомъ могли давать только намѣстники «съ боярскимъ судомъ»; но въ двухъ статьяхъ, не смотря на то, прямо сказано, что отпускная, писанная самимъ господиномъ (государемъ) остается въ полной силѣ, хотя бы дана была безъ боярскаго доклада и не имѣла подписи дьяка. Здѣсь же упоминается о холопяхъ по грамотамъ полнымъ и докладнымъ, по ряднымъ (приданымъ) записямъ и по духовнымъ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что по крайней мѣрѣ многіе договоры относительно холопей составлялись уже въ то время письменно. О грамотахъ полныхъ, на основаніи коихъ вольный человѣкъ подчинялъ себя обельному холопству можно даже сказать болѣе: онѣ не иначе могли писаться, какъ съ доклада намѣстнику или другому лицу, назначенному Правительствомъ, хотя основаніемъ тому служило, кажется, установленіе пошлины, которая при томъ бралась въ пользу Великаго Князя. Но можно было дѣлаться холопомъ и безъ доклада, принимая на себя «тіунство» и «по сельскому ключу». Это прямое указаніе, равно какъ и то, что вообще рядныя, духовныя и купчія составлялись еще въ XV вѣкѣ частнымъ образомъ, доказываетъ, что акты, коими пріобрѣтались права на холопей составлялись также частнымъ некрѣпостнымъ порядкомъ, не исключая даже полныхъ грамотъ, которыя писались по произволу самихъ лицъ, заключавшихъ договоръ, такъ что только приложеніе къ нимъ тамги или печати, свидѣтельствовавшей о взятой въ казну пошлинѣ, придавало имъ офиціальное подтвержденіе. Болѣе опредѣленное значеніе получили договоры о правахъ на людей въ Судебникѣ Царя Іоанна Васильевича. Здѣсь, во первыхъ, уже рѣшительно было постано-

влено, что вольный человѣкъ не иначе можетъ поступить въ полные или докладные холопи, какъ въ слѣдствіе разрѣшенія лица, имѣющаго привиллегію «боярскаго суда», по приказанію котораго грамота на полное холопство должна была писаться дьякомъ его. За выдачу такой грамоты ему назначена опредѣленная пошлина «отъ печати» съ каждой «головы»; а дьяку пошлина «отъ письма». О томъ, кѣмъ должны были писаться грамоты докладныя, въ Судебникѣ не сказано ничего, равно какъ и о томъ взимались ли за составленіе ихъ пошлины; но весьма естественно полагать, что на практикѣ къ нимъ примѣнялись правила о грамотахъ полныхъ, съ коими онѣ были сравнены относительно доклада; почему самому, вѣроятно, онѣ вышли вскорѣ изъ употребленія. Что касается до составленія служилыхъ кабалъ, то онѣ были оставлены на прежнемъ основаніи; но съ ограниченіемъ давать въ ссуду не болѣе 15 рублей; старыя же кабалы, въ коихъ значилась выдача денегъ болѣе этой суммы, велѣно было владѣльцамъ ихъ предъявить боярамъ для приложенія къ нимъ печати и дьякамъ для подписи. Во вторыхъ, Царскимъ Судебникомъ запрещено было давать отпускныя иначе какъ «съ докладу»; притомъ онѣ могли составляться только въ Москвѣ, Новгородѣ и Псковѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ положеніе прежняго Судебника объ исключеніи для отпускныхъ, писанныхъ рукою самихъ господъ вольноотпущенныхъ, прямо уничтожено словами, что такія отпускныя не въ отпускныя. Наконецъ тѣмъ же Судебникомъ было подтверждено и распространено прежнее постановленіе относительно составленія и выдачи грамотъ правыхъ и бѣглыхъ исключительно лицами «съ боярскимъ судомъ.» Такимъ образомъ всѣ договоры между вольными людьми и принимавшими ихъ къ себѣ «въ полное или докладное холопство» со времени Царскаго Судебника не иначе могли составляться какъ официально, притомъ не только чиновниками вообще, но лицами, именно къ тому назначенными

Правительствомъ. Такое важное положеніе было издано конечно не столько для того, чтобъ увеличить доходъ казны и лицъ, выдававшихъ грамоты полныя, докладныя, правыя, бѣглыя и отпускныя, сколько для предупрежденія тѣхъ злоупотребленій и безпорядковъ, къ какимъ подавало поводъ частное составленіе всѣхъ подобныхъ актовъ. На это прямо указываютъ тутъ же прибавленныя постановленія о томъ, какъ дѣйствовать судьямъ въ разныхъ случаяхъ при возникшихъ спорахъ между нѣсколькими лицами о правѣ на одного и того же холопа. Очевидно, что изъ двухъ или болѣе крѣпостей, предъявленныхъ противными сторонами, предполагая, что эти крѣпости не подложны, слѣдовало отдавать предпочтеніе той, которая составлена была прежде («которая кабала будетъ старѣе»). Но тутъ же и являлось затрудненіе, еще непредвидѣнное Правительствомъ. Частный способъ составленія актовъ рѣшительно уничтожалъ всякую возможность удостовѣриться въ подлинности самыхъ старыхъ изъ документовъ, ибо до того времени, какъ возникъ споръ, писцы и свидѣтели могли уже умереть. Между тѣмъ завѣщанія, рядныя, служилыя кабалы и другіе акты продолжали составляться еще частнымъ порядкомъ. И такъ Судебникъ Царя Іоанна Васильевича подвинулъ впередъ дѣло касательно офиціальнаго объявленія передъ Правительствомъ и утвержденія имъ крѣпостныхъ актовъ; но довершить это дѣло было предоставлено позднѣйшему времени. Оставляя однако въ сторонѣ принадлежащія сюда узаконенія, которыми тѣ или другіе договоры предписано было совершать не иначе какъ офиціальнымъ порядкомъ, мы остановимся здѣсь только на трехъ указахъ, относящихся исключительно до крѣпостей на холопей. Первый изъ нихъ былъ изданъ уже въ 1558 году 1 сентября. Имъ велѣно было новокрещенныхъ иноземцевъ, которые, не годясь въ царскую службу, пожелаютъ поступить «въ крѣпость» или въ кабалу къ частнымъ лицамъ, этимъ послѣднимъ принимать не иначе, какъ «съ

казначеева вѣдома» или «съ докладу въ таможнѣ»; самыя же крѣпости слѣдовало записывать въ заведенныя для того книги у казначеевъ, безъ чего иностранецъ считался по прежнему вольнымъ (*). Этотъ частный указъ получилъ, относительно служилыхъ кабалъ, общее примѣненіе въ 1586 Іюня 1, когда, по словамъ позднѣйшаго указа, постановлено было впредь всѣ, какія будутъ кѣмъ либо даваться, служилыя кабалы записывать въ заведенныя для того кабальныя книги въ Москвѣ «въ Холопьемъ Судѣ», а въ другихъ городахъ «у приказныхъ людей.» Вѣроятно около того же времени, если не ранѣе, издано было правило, встрѣчающееся въ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича, но на практикѣ уже соблюдавшееся въ царствованіе Θеодора Іоанновича, чтобы кабалы непремѣнно подписывались губными старостами. Но еще полнѣе и рѣшительнѣе указъ, изданный въ началѣ 1597 года (**). Здѣсь предписано всѣмъ, имѣющимъ у себя какія бы то ни было крѣпости на холопей, предъявить ихъ для безпошлинной записки въ Холопій Приказъ, въ Москву, вмѣстѣ съ именами холопей и съ означеніемъ, служатъ ли они у своего господина или находятся въ бѣгахъ. Этотъ указъ тѣмъ болѣе важенъ, что онъ, очевидно, не былъ временнымъ постановленіемъ, такъ какъ имъ же поясняется, что вообще, въ случаѣ исковъ или споровъ, только акты, записанные въ крѣпостныя книги, должны имѣть полную силу; слѣдовательно и всѣ вновь составляемыя крѣпости на людей, начиная съ того же времени, должны были также предъявляться «къ запискѣ.» Дѣйствительно мы знаемъ, что для служилыхъ кабалъ въ разныхъ городахъ тогда же

(*) См. Акт. Историч. т. I. № 154, ст. XIII на стр. 264 и 265.

(**) Ibid. № 221, ст. II на стр. 417—420. Указъ этотъ состоялся уже 1-го февраля; но разосланъ для исполненія позже.

были заведены «кабальныя записныя книги», которыя по истеченіи года отсылалисв въ Москву за руками приказныхъ людей и губныхъ старостъ. Весьма вѣроятно, что для записки грамотъ полныхъ и докладныхъ были подобныя же книги въ Москвѣ и можетъ быть въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ.

Изъ разсмотрѣнія приведенныхъ нами законодательныхъ постановленій о крѣпостныхъ актахъ на людей ясно опредѣляется значеніе древней крѣпостной книги, принадлежащей г. Лакіеру, равно какъ и цѣль ея составленія. Въ ней изчислены и подробно описаны акты, которые разными лицами Новгородской области были представлены для записки въ слѣдствіе указа 1597 года. На основаніи скрѣпы, сдѣланной въ этой книгѣ по листамъ дьякомъ Дмитріемъ Алябьевымъ, должно полагать, что она была составлена въ самомъ Новгородѣ, гдѣ, какъ именно извѣстно, Алябьевъ былъ дьякомъ въ 1600 году (*); но отсюда впослѣдствіи могла быть отправлена въ Москву, въ Холопій Приказъ. Впрочемъ какъ бы то ни было, для насъ важно, что своимъ содержаніемъ разсматриваемая нами рукопись отличается не только отъ такъ называемыхъ «кабальныхъ книгъ» позднѣйшаго времени, въ которыхъ записывались составлявшіяся вновь служилыя кабалы, но и отъ крѣпостныхъ книгъ, какія могли быть ведены въ Холопьемъ Приказѣ, ибо въ ней помѣщены, благодаря означенному указу, самые разнородные акты на людей съ конца XV столѣтія по 1599 годъ включительно. Но предшествуя кабальнымъ книгамъ въ собственномъ смыслѣ, она очевидно занимаетъ средину между ими и тѣми крѣпостями, которыя составлялись частно или офиціально до 1597 года.

(*) См. Акт. Истор. т. II, № 31.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о самихъ актахъ, входящихъ въ составъ разсматриваемой нами рукописи.

Всѣхъ актовъ въ книгѣ 256. Ихъ можно раздѣлить по содержанію ихъ и формѣ, которыми въ самомъ подлинникѣ опредѣляется названіе каждаго акта, на десять различныхъ отдѣловъ, именно на грамоты докладныя, полныя, правыя, данныя, кабалы, мировыя, отписи, памяти изустныя (духовныя), раздѣльныя и рядныя. Но число актовъ, принадлежащихъ къ каждому изъ этихъ отдѣловъ весьма различно. Болѣе всего служилыхъ кабалъ, коихъ помѣщено здѣсь 209, между тѣмъ какъ другихъ актовъ для всѣхъ прочихъ девяти отдѣловъ только 47 (*). Изъ числа ихъ записаны 3 грамоты докладныя, 3 правыя, 2 мировыя, 1 отпись, 3 памяти изустныя, 3 раздѣльныя и 2 рядныя. Слѣдовательно, за служилыми кабалами, по количеству актовъ, всего болѣе грамотъ полныхъ (7) и данныхъ (21). Отсюда однако нисколько не слѣдуетъ заключать, чтобы въ XVI вѣкѣ полныхъ и докладныхъ холопей было менѣе, нежели кабальныхъ. Достаточно, чтобы убѣдиться въ противномъ, просмотрѣть объясненія, прибавленныя къ актамъ, представленнымъ для записки, касательно потомства того или другаго изъ полныхъ или докладныхъ холопей, равно какъ и тѣхъ, которые переходили въ наслѣдственное владѣніе отъ прежнихъ господъ къ новымъ на основаніи данныхъ, рядныхъ и другихъ актовъ. Съ другой стороны должно помнить, что изъ лицъ, принадлежавшихъ къ семействамъ кабальныхъ, очень многія поступали въ полное холопство, выходя за мужъ за потомственныхъ холопей или женясь на рабахъ по древнему правилу: «по холопѣ роба, по робѣ холопъ». Если поэтому въ чи-

(*) Въ томъ числѣ находятся 2 акта, сохранившіеся не вполнѣ по причинѣ недостающихъ въ подлинникѣ листковъ.

слѣ представленныхъ для записки актовъ встрѣчается такъ много служилыхъ кабалъ сравнительно съ актами другихъ разрядовъ, то причиною незначительнаго количества послѣднихъ должно считать принимавшіеся въ то время различные способы происхожденія или установленія полнаго холопства независимо отъ договоровъ и судебныхъ рѣшеній, между тѣмъ какъ единственною основою для кабальнаго состоянія служило актовое дѣлопроизводство.

Полагая безполезнымъ печатать въ нашемъ изданіи всѣ служилыя кабалы, помѣщенныя въ разсматриваемой нами рукописи, мы не можемъ однако не предложить читателямъ полученные нами результаты изъ внимательнаго просмотра какъ этихъ, такъ и другихъ актовъ. Независимо отъ формы, вполнѣ уясняемой издаваемыми образцами, мы должны здѣсь обратить вниманіе на тѣ немногія свѣдѣнія, разсѣянныя въ разныхъ мѣстахъ рукописи, которыя касаются не одннхъ юристовъ. Таковы именно: названія погостовъ Новгородской области, встрѣчающіяся по нѣскольку разъ или только однажды при означеніи лицъ, принимавшихъ участіе въ составленіи актовъ; различныя прозванія, придававшіяся холопямъ полнымъ и кабальнымъ какъ мужскаго, такъ и женскаго пола; наконецъ указанія на нѣкоторыя черты тогдашняго общественнаго быта, имѣющія, какъ намъ кажется, болѣе или менѣе важное значеніе въ связи съ такими же указаніями другихъ источниковъ XVI-го столѣтія.

Названія погостовъ, упоминаемыхъ въ нашей рукописи, всѣ уже извѣстны изъ сочиненія г. Неволина: «О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ въ XVI вѣкѣ». На основаніи этого важнаго изслѣдованія они, безъ сомнѣнія, могутъ быть пріурочены къ той или другой мѣстности, не смотря на то, что нѣкоторыя изъ нихъ суть общія для нѣсколькихъ погостовъ и въ актахъ не опредѣлены съ бо́льшею точностію. Но въ настоящемъ случаѣ мы счита-

емъ достаточнымъ привести эти названія въ томъ видѣ, какъ они записаны въ подлинникѣ, съ приложеніемъ мѣстами и названій церковныхъ, которыя въ крѣпостяхъ иногда помѣщены рядомъ съ гражданскими. Вотъ именно какіе погосты здѣсь изчислены: Бурескои, Бѣлской (Дмитріевскій), Высоцкой, Городенской, Грязенской, Догожской (Никольскій), Дремятцкой, Дубровенской, Дягилинской, Дятелитцкой (Покровскій), Карачюнитцкой (Пречистенскій), Любынской, Лятцкой, Мусецкой (Покровскій), Опоцкой, Орлинской (Спасскій), Павской, Пажеревицкой (Егорьевскій), Пелуской (Никольскій), Передолской (Никольскій), Петровской, Шереховской (Никольскій), Щепецкой (Никольскій), Щирской (Егорьевскій), Ясенской (Никольскій). Всѣ эти названія встрѣчаются въ актахъ при означеніи ихъ писцовъ или свидѣтелей, при коихъ они были составлены, чѣмъ самымъ подтверждается, что на практикѣ раздѣленіе Новгородской области на погосты имѣло въ XVI-мъ вѣкѣ полную силу, такъ точно какъ съ своей стороны Правительство принимало его основою для своихъ офиціальныхъ распоряженій. Но какъ извѣстно, что во многихъ погостахъ было не по одной церкви, а приведенными въ рукописи церковными названіями опредѣляется лишь приходъ дьячка или другаго лица, упоминаемаго въ актѣ, то очень можетъ быть, что нѣкоторые изъ изчисленныхъ нами погостовъ, по главной церкви своей, носили не то церковное названіе, какое нами показано; во всякомъ однако случаѣ настоящее показаніе не лишнее, ибо свидѣтельствуетъ, что въ такихъ погостахъ были и другія, поименованныя здѣсь, церкви. Къ этому должно еще прибавить, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, при означеніи дьячка, не упоминается какого онъ прихода, слѣдуетъ подразумѣвать дьячка земскаго, какъ онъ иногда прямо и называется съ поясненіемъ, что онъ земскій дьячекъ такого-то погоста. Впрочемъ встрѣчается также имя губнаго старосты и дьячка «Заруской половины» въ Шелонской пятинѣ.

Что касается *до прозваній* холопей полныхъ и кабальныхъ, то, разсматривая крѣпости, изъ коихъ мы ихъ извлекаемъ, нельзя ошибиться и принять за прозваніе собственное имя или то, какое дано было извѣстному лицу при крещеніи, ибо вездѣ, гдѣ одно и тоже лице называется въ какомъ либо актѣ двумя различными именами, прозваніе поставлено на второмъ мѣстѣ и притомъ пояснено прибавленнымъ къ нему словомъ: «прозвѣще» (на прим. Сергушка, прозвѣще Губанъ). Замѣчаніе это здѣсь тѣмъ необходимѣе, что многія прозванія, какъ оказывается, брались въ то время изъ числа собственныхъ именъ. Но несравненно бо́льшая часть ихъ заимствовалась отъ мѣста рожденія холопа, примѣтъ его и другихъ особенностей, на которыя указываютъ самый составъ и понятное для всякаго значеніе того или другаго прозвища. Такъ къ мужскимъ прозваніямъ въ актахъ отнесены слѣдующія: Бабинъ, Безвѣстной, Безпута, Безчастной, Богатой, Богдашко, Бѣлоусъ, Вешничка (Вешнячко), Воинка, Воронка, Вороновъ, Глушко, Глыбневъ, Гралевъ, Губанъ, Докучайко, Домашней, Другашко, Дружинка, Жаркой, Жданко, Жикула, Замятня, Зубъ, Иванко, Истома, Истомка, Казаринъ, Краска, Кривой, Логъ, Малина, Меншикъ, Митка, Мишукъ, Молчанко, Мордвинъ, Мясоѣдъ, Налиска, Нежданко, Неудачко, Неустройко, Нечайко, Новоторжецъ, Панъ, Первуха, Первушко, Петеля, Пиля, Поздѣйко, Посникъ, Пріѣзжей, Проскурнинъ, Псковитинъ, Ржевитинъ, Сабуровъ, Санюкъ, Селянинъ, Семейка, Смага, Смирной, Старый, Ступа, Суворъ, Сусло, Томилка, Томило, Третьякъ, Трешка, Турунтай, Тювишь, Худякъ, Шестакъ, Шибай, Шувай, Яруга, Ѳелко. Къ женскимъ: Анютка, Внука, Гулка, Догала, Досадка, Докука, Епишова, Звѣрка, Козулина, Кунавица, Любавка, Марья, Некраска, Нелюбка, Палка, Смирена, Собѣнка, Сухарева, Рязанка, Черница. Про нѣкоторыхъ же изъ холопей, добытыхъ на войнѣ, замѣчено, что они «Свѣйского» или «Литовского полону». Встрѣчаются также

холопи изъ *Нѣмцевъ*, *Чухны* и *Мордвы*, поступавшихъ самовольно въ кабалу или полное холопство.

Къ чертамъ, характеризующимъ общественный бытъ того времени, замѣченнымъ нами въ мимоходныхъ указаніяхъ разсматриваемой рукописи, могутъ быть отнесены слѣдующія, ограничивающіяся впрочемъ однимъ и тѣмъ же предметомъ. Помѣщики XVI-го столѣтія, сверхъ крестьянъ, имѣли у себя значительное число прислужниковъ, которые бо̀льшею частію находились при нихъ и жили, какъ прямо говорится въ источникахъ «у нихъ во дворѣ», почему вѣроятно, какъ и теперь назывались *дворовыми людьми*. Эта дворня состояла какъ изъ холопей полныхъ и докладныхъ, такъ и изъ кабальныхъ, между коими были и ремесленники («сапожные мастера, чеботари, портные», и проч.), такъ что главныя житейскія потребности помѣщика конечно удовлетворялись его же людьми. О томъ, какъ велика была такая прислуга, можно судить по двумъ примѣрамъ, относящимся къ помѣщикамъ, имѣвшимъ въ обществѣ скорѣе среднее, нежели высокое положеніе. Изъ актовъ, представленныхъ для записки *Скобельциными* (одной полной, двухъ докладныхъ, одной грамоты правой, одной данной, одной изустной памяти и двадцати семи служилыхъ кабалъ) видно, что въ это время, за исключеніемъ умершихъ, у нихъ на лицѣ было по актамъ болѣе ста человѣкъ, которые всѣ находились при нихъ въ услуженіи. Точно также у *Лодыгиныхъ*, на основаніи представленныхъ ими крѣпостей (одной данной и семнадцати служилыхъ кабалъ), кромѣ бѣглыхъ, было въ дворнѣ слишкомъ шестдесятъ человѣкъ. При всемъ томъ помѣщики всѣми мѣрами старались увеличить число своихъ дворовыхъ людей. Самыми удобными къ тому средствами были: выдача въ заемъ денегъ вольнымъ, и соединеніе бракомъ какъ вольныхъ, такъ и кабальныхъ съ холопями. Для достиженія своей цѣли первымъ изъ этихъ средствъ помѣ-

щики снабжали своихъ «прикащиковъ» изъ крѣпостныхъ же людей деньгами, которые давали ихъ желающимъ закабалить себя въ займы подъ именемъ «государя своего денегъ», послѣ чего тотчасъ и составлялась кабала, по которой заимщикъ долженъ былъ поступить въ услуженіе къ заимодавцу по самую смерть этого послѣдняго. Тѣмъ же самымъ прикащикамъ предоставлялось также право покупать у другихъ полныхъ холопей, равно какъ съ самими вольными заключать договоръ о поступленіи ихъ въ потомственное владѣніе къ своему господину на основаніи грамотъ полныхъ и докладныхъ. Что и второй способъ обращенія въ холопи также былъ довольно часто въ употребленіи подтверждается не только многими примѣрами, встрѣчающимися въ актахъ, но и дошедшими до насъ судебными рѣшеніями, гдѣ приговоръ сдѣланъ въ пользу помѣщиковъ на основаніи Царскаго Судебника. При поступленіи вольныхъ людей въ холопство не обращалось вниманія на то, кѣмъ давалась на себя такая крѣпость (за исключеніемъ лицъ, которыя числились въ государственной службѣ, не имѣвшихъ права поступать въ кабалу), равно и на то, кому давался такой актъ. Мужчины женатые (съ семействомъ) и холостые, вдовы, однѣ и съ дѣтьми и наконецъ дѣвицы—всѣ могли идти въ кабалу и притомъ за самую незначительную сумму, которая въ актахъ опредѣляется рублями (Новгородскими, Московскими или просто рублями, начиная отъ одного до пятнадцати), а иногда за хлѣбъ, взятый въ займы. Могли также поступать въ кабальное состояніе по одной и той же крѣпости два холостые или женатые брата, дядя съ племянникомъ, вотчимъ съ пасынкомъ. Изъ пріобрѣтавшихъ въ кабалу упоминаются только лица мужскаго пола, и хотя въ одномъ актѣ говорится, что деньги даны были въ займы особой женскаго пола, но и по немъ право на кабальнаго человѣка все таки принадлежало отцу ея или другому родственнику. Но вообще отъ владѣнія крѣпостными людьми нисколько

не отстранялись женщины. Онѣ же могли при жизни сами отчуждать своихъ холопей, продавая ихъ или отдавая своимъ сыновьямъ и дочерямъ. Впрочемъ въ одномъ актѣ встрѣчается выраженіе, что мать даетъ за своею дочерью «*три головы людей своихъ крѣпостныхъ по приказу мужа своего*». Въ данныхъ и рядныхъ, на основаніи которыхъ дѣлалась передача полныхъ или докладныхъ холопей какъ лицами мужскаго, такъ и женскаго пола заслуживаетъ вниманіе ея форма («даю въ приданое *за своею дочерью*, внукою или сестрою такою-то, *своему зятю* такому-то»). Въ числѣ крѣпостныхъ людей, поступавшихъ въ приданое, упоминается «дѣвка къ ларцу», т. е. приданому сундуку; значеніе ея было конечно такое-же, какъ и нынѣшнихъ горничныхъ, отпускаемыхъ съ невѣстою изъ родительскаго дома въ домъ жениха. Въ случаѣ смерти матери крѣпостные ея люди принадлежали малолѣтнымъ ея дѣтямъ и отецъ ихъ пользовался въ отношеніи къ этимъ людямъ только правами опекуна. При нераздѣльности членовъ семейства, холопи, какъ и другое имущество, считались въ ихъ общемъ владѣніи, и потому сообща ими пріобрѣтались и отчуждались. Наконецъ сюда-же относится указаніе актовъ, что нѣкоторыя духовныя лица мужскаго и женскаго пола (именно въ этомъ случаѣ упоминается одинъ священникъ, одна игуменья и одинъ строитель монастыря), владѣли крѣпостными людьми: изъ числа послѣднихъ игуменья и строитель передали нѣсколько «головъ» по даннымъ, а священникъ представлялъ для записки кабалу съ объясненіемъ, что принадлежащіе ему люди находятся въ бѣгахъ. Замѣчателенъ еще одинъ актъ, по которому деньги даны были въ займы отцемъ и сыномъ вмѣстѣ: не было ли это хитростью для того, чтобъ и по смерти отца сынъ могъ удержать у себя въ услуженіи кабальнаго? — Писать кабалу или другую крѣпость относительно холопства могъ всякой, знавшій грамотѣ; впрочемъ бо́льшею частію писали ихъ церковные дьячки и «площадные подьячіе». Для дѣй-

ствительности такихъ актовъ требовались непремѣнно свидѣтели («послухи»), которые и упоминались въ нихъ не только съ означеніемъ имени ихъ и отчества, но также званія, а иногда и происхожденія. Но не видно, чтобъ на практикѣ соблюдались какія либо правила о постоянномъ числѣ свидѣтелей: ихъ встрѣчается въ актахъ одного и того же разряда и болѣе и менѣе, такъ что самое большое число ихъ четыре, а самое меньшое одинъ. Они могли подтверждать свое участіе въ крѣпости рукоприкладствомъ, но могли также и не подписываться. Замѣтимъ наконецъ, что въ свидѣтели могли призываться лица всѣхъ сословій, какъ духовныя, такъ и свѣтскія, не исключая и крестьянъ, казенныхъ, монастырскихъ, властительскихъ и помѣщичьихъ. Но со второй половины XVI-го столѣтія относительно составленія служилыхъ кабалъ замѣтно уже соблюденіе болѣе строгихъ правилъ: кромѣ «подписи и приписи дьяка», онѣ скрѣплялись еще рукоприкладствомъ «губнаго старосты», которому дѣлался докладъ о совершаемомъ договорѣ. Съ тѣхъ же поръ часто встрѣчаются на кабалахъ подписи заимщиковъ и свидѣтелей, или, за неумѣніемъ ихъ грамотѣ, ихъ духовныхъ отцовъ. — Объ отношеніяхъ между господами и холопями мы имѣемъ только немногіе намеки, разбросанные въ актахъ. Вообще эти отношенія, какъ патріархальныя, не были исключительно строги для кабальныхъ; неудивительно впрочемъ, что многіе изъ нихъ, привыкшіе на прежней свободѣ къ гулячей жизни, не могли быть довольны своимъ новымъ положеніемъ и бѣгали отъ помѣщиковъ. Но различія между холопями въ обхожденіи съ ними и относительно ихъ занятій, кажется, не дѣлалось; по крайней мѣрѣ есть довольно ясное указаніе, что докладные были сравнены съ полными; отъ тѣхъ и другихъ въ свою очередь не отличались и плѣнные («полоняники»). Въ случаѣ смерти своего господина, всѣ вообще холопи его могли надѣяться на перемѣну судьбы своей: тѣ, которые жили у него по слу-

жилымъ кабаламъ и не сдѣлались крѣпкими его потомству въ слѣдствіе брака или преступленія, получали, какъ извѣстно, свободу на основаніи самого закона; прочіе могли быть умирающимъ отпущены на волю, какъ находимъ тому достаточно примѣровъ въ разныхъ актахъ. Между прочимъ въ одной данной читаемъ, что отецъ, благословляя дѣтей своихъ «полоняниками и докладными» приказываетъ имъ держать этихъ послѣднихъ у себя только по свою смерть («а дѣтемъ тѣхъ людей не отдать и въ даные дѣтемъ своимъ и въ приданые—отпустити ихъ на свободу послѣ своего живота»). — Изъ означенія лицъ, представлявшихъ крѣпости для записки, мы узнаемъ, что вмѣсто самихъ владѣльцевъ нѣкоторые акты были представлены сыновьями за отцевъ и на оборотъ отцами за дѣтей, братомъ за братьевъ, людьми за своихъ господъ; сверхъ того одинъ подалъ актъ за свою невѣстку. Всѣ такіе акты были приняты и, по запискѣ ихъ въ книгѣ, отмѣчено, что они отданы обратно тѣмъ, которые ихъ представили. Но встрѣчается и нѣсколько примѣровъ отказа записать предъявленные документы: изъ числа служилыхъ кабалъ не приняты тѣ, которыя представлены были по смерти заимодавцевъ съ означеніемъ въ книгѣ причины отказа («потому что онъ умеръ»); не приняты еще одна кабала «драная», одинъ «списокъ съ кабалы» и «три платежныя памяти» по неизвѣстности заимщиковъ. — Въ дополненіе ко всѣмъ этимъ указаніямъ можно прибавить, основываясь на тѣхъ же актахъ, что грамотность въ XVI-мъ столѣтіи не была удѣломъ однихъ церковныхъ людей: о нѣсколькихъ заимщикахъ извѣстно, что данныя ими на себя кабалы писаны были ихъ рукою; о нѣкоторыхъ же, что они на кабалахъ сами подписались. Точно также нѣсколько актовъ другаго рода были писаны самими лицами, отъ имени коихъ они составлены, а иные скрѣплены ихъ рукоприкладствомъ. Въ числѣ грамотныхъ, кромѣ помѣщиковъ и вольныхъ людей, встрѣчаются военные нижнихъ чиновъ и

крестьяне; но нѣтъ ни одной женщины, почему объ актахъ, составленныхъ отъ ихъ имени, въ книгѣ замѣчено, что эти акты подписаны *«въ ихъ мѣсто»* рукою близкихъ къ нимъ лицъ свѣтскаго званія или же духовныхъ отцевъ ихъ.

Въ заключеніе отчета о рукописи, изъ коей заимствованы предлагаемые здѣсь матеріалы, укажемъ на принятыя нами правила при ихъ изданіи. Мы почли долгомъ оставить каждый печатаемый нами актъ въ томъ видѣ, какъ онъ записанъ въ подлинникѣ, но съ отнесеніемъ всѣхъ вставокъ, служащихъ ему поясненіемъ или дополненіемъ за черту текста, указывая при этомъ, гдѣ именно находится каждая вставка. Такимъ образомъ, не смотря на сдѣланное нами отдѣленіе первоначальнаго акта отъ позднѣйшихъ дополненій, въ нашемъ изданіи вполнѣ сохраняется и полнота «записки» и тотъ порядокъ, въ какомъ помѣщены въ ней какъ самый актъ, такъ и сдѣланные въ него вставки. Впрочемъ, какъ уже замѣчено выше, изъ документовъ, записанныхъ въ полной рукописи, помѣщенныя въ ней служилыя кабалы издаются нами далеко не всѣ: по причинѣ ихъ однообразія мы выбрали для напечатанія въ нашемъ сборникѣ только тѣ, которыя отличаются чѣмъ либо одна отъ другой или вообще представляютъ что нибудь любопытное при сличеніи ихъ между собою. Притомъ, для болѣе удобнаго обозрѣнія, какъ эти выбранные нами акты, такъ и всѣ другіе, принадлежащіе къ одному какому либо отдѣлу, мы издаемъ вмѣстѣ, располагая ихъ относительно другъ друга въ хронологическомъ порядкѣ. Между тѣмъ въ самой рукописи расположеніе актовъ совершенно другое. Документы, представленные однимъ и тѣмъ же владѣльцемъ, помѣщены въ ней всѣ вмѣстѣ, къ какому бы отдѣлу они ни принадлежали и какъ бы ни назывались. Хотя допущенное нами измѣненіе въ настоящемъ случаѣ нисколько не касается содержанія актовъ, которое сохранено въ совершенной цѣлости; но какъ передъ

запискою документовъ, предъявленныхъ каждымъ отдѣльнымъ лицемъ, въ подлинникѣ означено кѣмъ именно и когда сдѣлано такое ихъ предъявленіе, то мы обязаны пополнить опущеніе всѣхъ этихъ указаній, которымъ, согласно принятому нами порядку расположенія актовъ, не находится мѣста въ нашемъ изданіи. Безполезно было бы однако при этомъ приводить число и названія помѣщиковъ, представившихъ свои документы, равно и актовъ, каждымъ изъ нихъ предъявленныхъ, тѣмъ болѣе что всѣ послѣдніе уже подробно изчислены были выше. И такъ мы замѣтимъ только, что всѣ крѣпости, записанныя въ подлинникѣ, были представлены въ теченіи одного генваря мѣсяца, при чемъ въ иной день записывалось ихъ до 50, въ иные дни гораздо менѣе, а въ другіе не записано ни одного акта (*). Къ сожалѣнію годъ, когда дѣлалось предъявленіе актовъ и записка ихъ, намъ вовсе неизвѣстенъ. Далѣе слѣдуетъ упомянуть, что при подачѣ актовъ «къ запискѣ» владѣлецъ или повѣренный его представлялъ вмѣстѣ съ ними «челобитную и роспись» (иногда же одну челобитную, но всего чаще одну роспись), заключавшіе въ себѣ, вѣроятно (ибо самыя челобитныя и росписи нигдѣ не записаны) первая просьбу о внесеніи представленныхъ актовъ въ крѣпостную книгу, а вторая означеніе ихъ съ объясненіемъ о потомствѣ изчисленныхъ въ нихъ лицъ и о томъ, кто изъ этихъ лицъ находится на лице у помѣщика и кто въ бѣгахъ. Вотъ для примѣра три образца такой записки: «генваря въ 14 день Олександръ Ондрѣевъ сынъ Квашнинъ подалъ челобитную да положилъ къ докладу къ запискѣ

(*) Обращая вниманіе на порядокъ чиселъ, въ которые акты представлялись для записки, легко замѣтить, что листы разсматриваемой нами рукописи расположены переплетчикомъ, а потомъ и перемѣчены не надлежащимъ образомъ; имъ слѣдуетъ быть въ такомъ порядкѣ: листы (по настоящей ихъ нумераціи) 89—97, 41—65, 1—40, 65—89.

восмь служилыхъ кабалъ, и въ кабалахъ написано (за симъ слѣдуетъ ихъ содержаніе)». «Тогожъ дни (генваря 22) Иванъ Ондрѣевъ сынъ Рагозинъ подалъ роспись да даную да пять кабалъ (слѣдуетъ ихъ содержаніе).» «Тогожъ дни Жданъ да Докука Костентиновы дѣти Чернышацкого подали челобитную и кабалу служилую къ докладу (послѣ чего тотчасъ и записана кабала)». За тѣмъ, чтобъ дополнить свѣдѣнія о лицахъ, которымъ принадлежали издаваемые нами акты, мы указываемъ при каждомъ изъ нихъ, подъ чертою текста, на тѣхъ, кѣмъ именно или отъ кого они были представлены для записки.

Редакторъ.

I.

ГРАМОТЫ ДОКЛАДНЫЯ.

1.—(1) *1509 апрѣля 2.* «Собака Скобелцынъ, доложа князь Данилы Васильевича, намѣстника Великого Новагорода, купилъ Степанка Данилкова сына Тверитинова; а взялъ на собѣ рубль Ноугородцкой; а за тѣ денги дался ему въ селцо въ Ляляцы на ключь, а по ключю и въ холопи. Докладную писалъ Булгакъ Васильевъ сынъ Вокшерина, лѣта 7017 апрѣля въ 2 день. У докладные печать вощеная» (2).

—

2.—(3) *1509 іюля 8.* «Доложа Собакинъ человѣкъ Скобелцы Иванча Григорья Өедоровича, намѣстника Великого Новагорода, купилъ Ивашка Гридина сына Ржевитина; а взялъ на собѣ рубль Ноугородцкой; а за тѣ денги дался государю его Собаки на ключь, а по ключю и въ холопи. Докладную писалъ Булгакъ Васильевъ сынъ Вокшеринъ, лѣта 7017 іюля въ 8 день. У докладные печать вощеная» (4).

—

---

(1) *Помѣщена въ подлинникѣ на лицевой стор. 14-го листа. Грамоту представили для записки* «Дмитрей Костентиновъ сынъ, въ отца своего Костентиново да въ братьи своей въ Мокѣево да въ Богдьново (мѣсто), да Өедоръ Дмитреевъ сынъ Скобелцына» *См. подл. л. 11.*

(2) *За симъ въ подлинникѣ прибавлено слѣдующее поясненіе о потомствѣ Степана Данилова:* «И у Степанка де сынъ Гришка да дочь Татьяика, а у Гришки де сынъ Онашка — служатъ у Өедора съ женою Степанидкою и съ дѣтми съ Трошкомъ да съ дочерью Степанидкою; а у Татьянки де дочь Ульянка, прозвѣще Нелюбка, а за мужемъ за Өадейкомъ за Микитинымъ; а у нихъ дѣтей сынъ Ивашко да Матюшка да дочь Овдотка—служатъ у Костентина.»

(3) *Помѣщена въ подл. на оборотѣ 13-го листа. Грамота представлена для записки тѣми же лицами, какъ и грамота, напечатанная выше подъ № 1.*

(4) *За симъ въ подлинникѣ помѣщено слѣдующее поясненіе о потомствѣ Ивана Гридина:* «И у Иванка де въ холопствѣ родился сынъ Өетко, а у

3.—(5) *1536 октября 16.* «Доложа бояриня и намѣстника Ноугородцкого, князя Бориса Ивановичя Горбатово, Θетко Пиво, Ивановъ сынъ Никитинъ, человѣкъ Злобинъ Иванова сына Лошакова, купилъ Олферка Булгака Иванова сына Хабарова; а взялъ на себѣ 10 рублевъ Московскую; а дался за тѣ денги въ селцо въ Озерсву на ключь и по ключю и въ холопи. А докладную писалъ Ондрѣй Тимоѳѣевъ сынъ Окуневъ, лѣта 7045 мѣсяца октября въ 16 день. У докладной печать вощаная» (6).

II.

ГРАМОТЫ ПОЛНЫЯ.

1.—(7) *1540 октября 19.* «Купилъ Семенъ Васильевъ сынъ Сеславина Васюка Гридина сына Ноугородца собѣ и своимъ дѣтемъ въ полницу; а далъ на немъ рубль Московской. Отъ

Θетка родился сынъ Исайко, прозвѣще Беапута да дочь Марьица; а у Марьицы де дѣтей сынъ Сергушка, прозвѣще Губанъ, да Оѳонка, и Марьица де у Θедора въ холопствѣ умерла, а дѣти ей Сергушка да Оѳонка служатъ у него у Θетка; а у Беапуты сынъ Прокофейко, прозвѣще Томилка, служитъ у Костентина; а Беапута умеръ у него въ холопствѣ.»

(5) *Помѣщена въ подлинникѣ на 90-мъ листѣ. Кѣмъ была представлена грамота къ запискѣ—неизвѣстно, потому что листа, на которомъ это было означено, въ подл. недостаетъ.*

(6) *За симъ въ подл. помѣщено слѣдующее поясненіе о потомствѣ Θедора Пива:* «И у того де у Θетка у Пива, которой купилъ Олферка Булгакова, двѣ дочери были за отца его старинымъ холопомъ за Левкою за Гаврилковымъ, прозвѣще за Суворомъ, и у того дем Сувора и Анюшкинъ сынъ Лареонко, прозвѣще Вешнячко, сбѣжалъ отъ брата отъ его Степана; а другая дем Θеткова дочь Пивова Марьица, прозвѣще Кунавица, у него Олексѣя вдова была за его же холопомъ за Герасимкомъ; а дѣтей у ней Полуехтецъ, прозвѣще Первушка да дочь Марьицажъ, и Марьица де Герасимова и Кунавицина (*въ подл.* Кунавцвина) дочь и нынѣ у него за его холопомъ за Θеткою Назарьевымъ; а дѣтей у нихъ Савка да Васка да дѣвка Оринка; а тотъ дем Гарасимовъ и Кунавинъ сынъ Первушка и нынѣ у него живетъ, а женатъ на его же робѣ на Соломанѣдкѣ на Потаѳевѣ, а дѣтей у нихъ Калинка да Васка.»

(7) *Помѣщена въ подл. на 40-мъ листѣ. Представилъ для записки* «Иванъ Яковлевъ сынъ Сеславинъ.»

Великого Князя Василья Ивановича всеа Русіи тамгу и осминичее взяли таможницы. Полпую писелъ дьякъ ямской Ондрѣй Волосатой, лѣта 7019 октября въ 19 день. У полные печать, писана въ кругу ин^{с}».

—

2.—(⁸) *1515 октября 17.* «Купилъ Петели да Фофанковъ сынъ Куземку Денисьева сына Псковитина государю своему Ивану Иванову сыну Скобелцыну и его дѣтемъ въ полницу; а далъ на нихъ рубль Ноугородцкой. И отъ Великого Князя Василья Ивановича всеа Русіи тамгу и осминичее взяли таможницы. И послуси писаны. Полную писалъ Ондрѣй Волосатой, лѣта 7024 октября въ 17 день. У полные печать, писана ин^{с}» (⁹).

—

(8) *Помѣщена въ подл. на оборотѣ 11-го листа. Представлена для записки тѣми же лицами, какъ и грамоты подъ №№ 1 и 2.*

(9) *За симъ въ подл. помѣщено слѣдующее поясненіе о потомствѣ Кузьмы Денисьева:* «И у Куземки де родилися въ полномъ холопствѣ сынъ Ѳомка да Гришка да дочь Матренка, и Ѳома де и Гриша и Матренка умерли у нихъ въ полнбмъ холопствѣ и у Ѳомки де родился Павелко да Ортюшка да Оленка, и Павелко де женатъ на старинной робѣ на Матренки; а у Павелка де дѣтей родилось сынъ Филатко да Степанко да Захарка да Силка да Ѳетка да дочь Марьица да дочь Огрофенка, и Марьица де за кабалнымъ человѣкомъ за Ѳедоркомъ за Воронковымъ, а дѣтей де у Марьицы дочь Степанидка, и Павелко де служитъ у Костентина съ дѣтми, а Оленка Ѳомина дочь у Ѳедора за человѣкомъ его за Ондрѣйкомъ за Михалкинымъ; а у Оленки де родилося въ холопствѣ сынъ Ѳетка да дочь Машка—служатъ у Ѳедора. А дочь Матренка Кузмина была за мужемъ за Якушемъ за Ивановымъ, и у Матренки де родилися въ холопствѣ Кирьячко да дочь Татьянка да дочь Овдотьица да дочь Ховроньица, и Татьянка де служитъ у Ѳедоражъ, а за мужемъ была за Власомъ за Олуферовымъ, и Власко де умеръ у Ѳедора, и у Татьянки де родился сынъ Самсонко, а Самсонко де женатъ на Огафьицы на Васюковѣ дочери; а у Самсонка де родился сынъ Еустратко; а Кирьянко де женатъ былъ на Машки на полонянки Литовского полону и Кирьянко де умеръ у нихъ въ холопствѣ; а у Кирьянка родилося дѣтей Парѳійко да Михалка, прозвѣще Псковитинъ, да дочь Огаѳьица, прозвѣще Анютка, да дочь Варварка, и Парѳенко де бѣгаетъ, и Кирьянкова де жена служитъ у Костентина съ дѣтми, а Варварка де за мужемъ за кабалнымъ человѣкомъ за Онашкою за Петровымъ; а у Варварки де родилось въ

3.—([10]) *1526 апрѣля 23.* «Купилъ Ондрѣй Ивановъ сынъ Пустошкинъ Власка Патракѣева сына Волосана Ноугородца себѣ и своимъ дѣтемъ въ полницу; далъ на немъ полчетверта рубли Московскую. Отъ Великого Князя Василья Ивановича всеа Русіи тамгу осминчее взяли таможницы. И послуси писаны. Полную писалъ Ондрѣй Волосатой лѣта 7034 апрѣля въ 23 день. У полные печать—печатано дегтемъ» ([11]).

—

4.—([12]) (?) *1489.* «Купилъ Сенка Васильевъ сынъ Сеславинъ Өетка Өеоносова сына Ноугородца въ полницу собѣ и своимъ дѣтемъ, а далъ на немъ два рубли денегъ Ноугородцкихъ. Отъ Юрья Захарьевича отъ намѣстника приходилъ приставъ Васюкъ Бородатъ. Отъ Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи тамгу и осминчее таможницы взяли. Полную писалъ Чернецъ Гавриловъ сынъ Паюсова, лѣта 7097. У полные печать, писана въ кругу тамга Великого Новагорода.»

—

полномъ холопствѣ сынъ Мосѣйко, прозвѣще Первушка, да дочь Настаска; а Ховроньица де была за мужемъ за Гришкою за Чюхномъ, а у Ховроньицы де родился Павелко да дочь Фетишка, и Фетишка де за мужемъ за Федосѣйкомъ за Илейкинымъ; а Павелко де Ховроньицынъ сынъ бѣгаетъ; а Овдотьица деи была за мужемъ за Чюдиномъ за Микулинымъ, а у Овдотьицы де родились Матеѣйко да дочь Анница, прозвѣще Смирена, а была за мужемъ за Исакомъ, прозвѣще Беѕпута; а у Смиренки де сынъ Прокофейко, прозвѣще Томилко; а у Матюшки де дочь Машка, прозвѣще Резанка, да сынъ Михалка. А у Гриши де родился сынъ Сидорко, прозвѣще Неждавко, а Неждавко де женатъ на старинной на ихъ дѣвки на Марьицы; а у Неждавка де родилось дѣтей Любка да Катеринка, и Неждавко де съ женою и съ дѣтми отъ него Өедора бѣгаютъ.»

(10) *Помѣщена въ подл. на 34-мъ листѣ. Представили для записки, генваря 17* «Иванъ да Степанъ Ондрѣевы дѣти да Олексѣй Юрьевъ сынъ Пустошкинъ.»

(11) *За симъ въ подл. прибавлено:* «И по той де полной бѣгаетъ отъ нихъ Гаврилко Өедоровъ сынъ съ матерью своею съ Марьицею.»

(12) *Помѣщена въ подл. на 40-мъ листѣ. Представилъ для записки* «Иванъ Яковлевъ сынъ Сеславинъ.»

5.—(13) *1491, въ генварѣ.* «Семенъ Васильевъ сынъ Сеславинъ купилъ Кондратка Ивашкова сына Ноугородца въ полницу собѣ и своимъ дѣтемъ; а далъ на немъ рубль денегъ Ноугородцкой. Отъ Петра Михайловича отъ намѣстника приходилъ приставъ Матѳѣйко. Отъ Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи тамгу и осмничее взяли таможницы. Полную писалъ Чернецъ Гавриловъ сынъ Паюсова, лѣта девять десять девятого, генваря. У полные печать, писана въ кругу тамга Великого Новагорода.»

—

6.—(14) (?) *1492 декабря 25.* «Купилъ Прокофей Ивановъ сынъ Пустошкинъ Мѣхѣйка Ѳомина сына Ноугородца собѣ и своимъ дѣтемъ въ полницу; а далъ на немъ рубль Ноугородцкой. Отъ Князя Василья Васильевича, Ноугородцкого намѣстника, приставъ приходилъ Василей Тыртовъ. А отъ Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи тамгу и осмничее таможницы взяли. Полную писалъ Иванъ Лугвеневъ, лѣта 7101 декабря въ 25 день. У полные на концы писано въ кругу: тамга Великого Новагорода» (15).

—

7.—(16) *1495 генваря 5.* «Купилъ Прокофей Ивановъ сынъ Пустошкинъ Овлокимца Савкина сына Ноугородца въ полницу собѣ и своимъ дѣтемъ; а далъ на немъ рубль Ноугородцкой. Отъ Петра Михайловича, отъ намѣстника, приставъ приходилъ Митя Малой. Отъ Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи тамгу осмничее взяли таможницы. Полную писалъ

---

(13) *Помѣщена въ подл. на 40-мъ же листѣ. Представлена для записки вмѣстѣ съ предыдущею.*

(14) *Помѣщена въ подл. на 36-мъ листѣ. Представилъ для записки* «Злоба Богдановъ сынъ Пустошкинъ.»

(15) *За симъ въ подл. прибавлено:* «И по той де прадѣда его полной Мѣхійковъ правнукъ Петрушка Кузминъ сынъ съ женою съ Огаѳьицею съ Семеновою дочерью отъ него бѣгаютъ.»

(16) *Помѣщена въ подл. на 36 мъ листѣ. Представилъ для записки* «Злоба Богдановъ сынъ Пустошкинъ» *вмѣстѣ съ предыдущею.*

Чернецъ Гавриловъ сынъ Паюсова, лѣта 7003 генваря въ 5 день. У полные печать: писана въ кругу тамга Великого Новагорода» ([17]).

III.

ГРАМОТЫ ПРАВЫЯ.

1.—([18]) *1521 февраля 7.* «Тягался передъ Ноугоротцкими намѣстники, передъ княземъ Александромъ Володимеровичемъ. а чей князь Александро, то выдрано, да передъ Михайломъ Васильевичемъ Морозовымъ, Ляпунъ Ивановъ сынъ Коситцкой, въ отца своего въ Иваново мѣсто, съ Парфѣйкомъ Осташевымъ сыномъ въ холопствѣ, и по приговору князя Александра Володимеровича да Михайла Васильевича Ляпунъ Ивановъ сынъ Коситцкой, въ отца его Иваново мѣсто, оправленъ, а отвѣтчикъ Парѳѣйко Осташевъ сынъ обвиненъ — выданъ Ляпуну Иванову сыну въ отца его мѣсто Иваново по робѣ и въ холопи по старому его холопству, лѣта 7029 февраля въ 7 день. У правые грамоты были печати князь Александра Володимеровича да Михаила Васильевича, и тѣ печати стаяли отъ пожару» ([19]).

2.—([20]) *1595, въ ноябрѣ.* «Тягался Иванъ Лодыгинъ съ Торхомъ съ Губачевскимъ да съ Григорьемъ съ Васильевымъ сыномъ

(17) *За симъ въ подл. прибавлено*: «И по той де полной прадѣда его Овдокимковъ внукъ Шестачко Петровъ сынъ съ женою съ Матронкою да съ дѣтми съ Намелеицею да съ Оксиньицею, да по той же полной бѣгаетъ отъ него Анница Ѳедорова дочь съ сыномъ съ Игнаткомъ.»

(18) *Помѣщена въ подл. на 50-мъ листѣ. Представилъ для записки* «Гаврило Володимеровъ сынъ Косицкой и въ Паука Косицкого мѣсто.»

(19) *За симъ въ подл. прибавлено*: «И по той де правой грамотѣ дѣда его Гаврилова Ляпуна служатъ Сенка Ондрѣевъ сынъ Котова да Томилко Нечаевъ сынъ Петрушинъ да сестра ихъ Степанидка да дядя ихъ Ондрѣй, прозвѣще Шибай да Овдотка Борисова дочь съ дѣтми съ Матюшкою да съ Ермолкою съ Игнатьевыми дѣтми, да по той же де правой грамотѣ бѣгаетъ человѣкъ его Ѳараѳонко Микулинъ съ женою и съ дѣтми.»

(20) *Помѣщена въ подл. на листахъ 7 и 8-мъ. Представилъ для записки* «Иванъ Васильевъ сынъ Лодыгинъ.»—*Передъ выпискою грамоты въ подл.*

Тулубьева о кабалномъ своемъ человѣкѣ о Савкѣ о Григорьевѣ, лѣта 7104 сеньтября въ четвертый день. Отъ пословъ, отъ околничего отъ князя Ивана Самсоновича Туренина да Остафѣя Михайловичя Пушкина, да отъ дьяковъ отъ Григорья Клобукова да отъ Посника Дмитреева и къ дьяку къ Пятому Кокошкину принесъ судное дѣло княжъ Ивановъ человѣкъ Туренина Гриша Зайцовъ. И во спросѣ передъ судьями тотъ приведеной человѣкъ сказался Савкою зовутъ Григорьевъ сынъ, а жену его зовутъ Февроньицею Степановою дочерью, а служитъ Ивану Васильеву сыну Лодыгину по служилой кабалѣ въ семи рублехъ тому девятой годъ, а женился въ Обонѣжской пятинѣ въ Николскомъ Пелускомъ погостѣ у крестьянина у Степанка, а до тѣхъ мѣстъ жилъ въ Обонѣжской пятинѣ за Неустроемъ за Калташевымъ въ бобылкахъ, а прежъ сего въ холопехъ ни у кого не служивалъ. И истецъ въ розспросѣ сказалъ, что тотъ человѣкъ его, а зовутъ его Савкою Григорьевъ сынъ, а дали въ приданые за матерью его отца ихъ Гришу да мать его Оленку да сестру его Поженку, а отца ихъ Гришина и матере ихъ отъ дали не упомнимъ, и дапую отца ихъ на Гришу и на мать ихъ па Оленку и на сестру ихъ Поженку давали Дмитрей Тулубьевъ да сынъ его Василей; а сбѣжалъ отъ него тотъ человѣкъ какъ Нѣмцы Ракоборъ взяли, а онъ въ тѣ поры былъ въ полону, и искалъ на Савкѣ холопства. И Савка холопства (21) запирался. А Григорей Тулубьевъ въ розспросѣ сказалъ: давалъ дѣдъ его Дмитрей и отецъ его Василей за Торховою матерью въ приданые полныхъ холопей Гришку да жену его Оленку да дочь его Поженку, а въ полной грамотѣ Гришинъ отець, а отцу его имяни не упомнитъ, и Торхъ Губачевской на того Савку даные клалъ. Иванъ Лодыгинъ на того Савку кабалу клалъ въ семи рублехъ, и Савка по той кабалѣ винился. И Торхъ Губачевской данъ на

замѣчено, что она «за государевою царя и великого князя Өедора Ивановичя всея Русіи печатью» *и имѣетъ слѣдующую подпись дьяка*: «По государеву царя и великого князя Өедора Ивановичя всеа Русіи указу діякъ Пятой Кокошкинъ »

(21) *Въ подл. словъ*: И Савка холопства *недостаетъ*; *но они необходимы для полнаго смысла*.

поруку, что ему стати на Москвѣ. И Торхъ по своей записи на Москвѣ не сталъ. И дiякъ Пятой Кокошкинъ велѣлъ Савку Григорьева по кабалѣ выдати Ивану Лодыгину головою, потому что онъ Ивану въ холопствѣ по кабалѣ и въ женѣ своеi мѣсто въ Татьянкино винился, а Торхъ и Григорей на срокъ на Москвѣ и послѣ сроку не стали и крѣпости не положили. И по Государеву указу дьякъ Пятой Кокошкинъ Ивану Лодыгину на того человѣка на Савку съ женою съ Татьянкою Степановою дочерью правую грамоту далъ, лѣта 7104 ноября въ день. На грамотѣ припись дiяка Пятка Кокошкина» (22).

—

3.—(23) *1596 сентября 14.* «Передъ дьякомъ передъ Пятымъ Кокошкинымъ тягался Костентинъ Скобелцынъ съ бѣглымъ своимъ человѣкомъ съ полоняникомъ съ Калистраткомъ съ Мартьяновымъ сыномъ Визгуновымъ лѣта 7104 августа въ 13 день въ холопствѣ, и клалъ на того человѣка Михайловъ человѣкъ Фуникова Неупокой Өедоровъ служилую кабалу, а называлъ его Кондрашкомъ Мартемьяновъ сынъ Иванова, а кабалу на него да на жену его Оленку да на сына его Бориска у государя его у Михаила въ двѣнатцати рублехъ. И Калистратко тое кабалы не лживилъ, а Костентину въ холопствѣ винился. И Михайлову человѣку велѣно Неупокой(ку Кондраш)кову жену поставити, и Неупокойко сказалъ, что государъ его Михайло Кондрашкину жену Оленку и его дѣтей, дву дочерей Анютокъ да сына Бориска, отдалъ Костентину Скобелцыну, и его Кондрашка поступился. И кабалу, подписавъ, выдати Костентину Скобелцыну, потому что онъ старинной полоняцикъ Костенти-

---

(22) *За симъ въ подлинникѣ прибавлено:* «И по той же правой грамотѣ служитъ Савка Григорьевъ съ женою съ Татьянкою Степановою дочерью; а дѣтей у нихъ въ холопствѣ родилося Левка да Копанко да дочь Офимьица *(здѣсь въ подл. пропускъ)*... отъ него бѣгаетъ.»

(23) *Помѣщена въ подл. на 15-мъ листѣ. Представилъ для записки* «Дмитрей Костентиновъ сынъ въ отца своего Костентиново да въ братьи своей въ Мокѣево да въ Богданово да Өедоръ Дмитреевъ сынъ Скобелцына.» *Передъ началомъ правой грамоты въ подл. замѣчено, что она* «за государевою царя и великого князя Өедора Ивановича всеа Русiи печатью и за приписью дьяка Пятово Кокошкина.»

новъ, а далъ (*въ подл.* дали) на собя кабалу государю его бѣгаючи, да и самъ Калистратко сказалъ, что онъ полоняникъ Костентиновъ, а кабалу на собя далъ бѣгаючи и имя собѣ перемѣнилъ. И діакъ Пятой Кокошкинъ велѣлъ Калистратка въ холопствѣ Костентину Скобелцыну выдати головою, потому что онъ Костентину въ холопствѣ винился, а сказалъ, что онъ полоняникъ Костентиновъ. И Калистратко Костентину въ холопствѣ головою выданъ, лѣта 7105 сентября въ 14 день» ([24]).

IV.

ДАННЫЯ.

1.—([25]) *1524.* «Далъ Михайло Михайловъ сынъ Елагина зятю своему Ляпуну Иванову сыну Коситцкого да своей дочери Огафьи Дмитра Олександрова сына Литвина, да Тимошку Павлова сына, да дѣвку Марью Еремѣну дочь, да дѣвку Матрену Звѣрку Литовку. Послуси въ даной, и у даной рука Ивана Ильѣна сына Кренева, а Путила Сѣркова да Истомы Чеглокова руки у даной нѣтъ. Даную писалъ Ѳедоръ Михайловъ сынъ Елагинъ самъ своею рукою, лѣта 7032» ([26]).

—

2.—([27]) *1535.* «Далъ въ приданые Микита Бреховъ сынъ Соловцова зятю своему Юрью Иванову сыну Коситцково за

---

(24) *За симъ въ подл. прибавлено*: «И по той де правой грамотѣ Кондрашко съ женою съ Оленкою да съ дочерью съ Анюткою да съ сыномъ съ Борискомъ да съ дочерью Анюткою жъ служатъ у нихъ.»

(25) *Помѣщена въ подл. на 51 листѣ. Представилъ для записки* «Гаврило Володимеровъ сынъ Косицкой и въ Паука Косицкого мѣсто.» *См. подл. л. 49.*

(26) *За симъ въ подл. прибавлено*: «И по той де даной бѣгаютъ отъ него Гаврила Марьица Ѳедорова дочь съ дѣтми, съ сыномъ съ Петрушкою да съ Михалкомъ, да Лутьянко Кириловъ да Ѳетка Ивановъ сынъ Лаврова.»

(27) *Помѣщена въ подл. на 62 листѣ. Представилъ для записки генваря 15* «Ондрѣй Юрьевъ сынъ Коситцкой.» *См. подл. л. 58.*

своею сестрою за Марьею Пантелѣйка Захарьева да Ульянку Кипреянову дочь да Матренку Угримову дочь да Маринку Иванову дочь ([28]). Послухъ въ даной Меншой Михайловъ сынъ Коситцкого, а у даной руки нѣтъ. Даную писалъ Василей Бреховъ сынъ Соловцова, лѣта 7043. На даной рука Микиты Соловцова.»

—

3.—([29]) *1541*. «Далъ Яковъ Суворовъ сынъ Назимова зятю своему Өедору Васильеву сыну Лодыгину да дочери своей Овдотьи въ приданые Олексѣйка Крыла Өедорова сына съ его женою съ Василискою да съ его дѣтми, съ Окулкомъ да съ Онтуфейкомъ да съ Анюшкой да съ Өедоскомъ да съ Овдоткомъ да съ Марьицею, да Якушка чеботника съ женою съ Ховроньицею съ Савиною дочерью, да Овдѣйка Данилова сына, да дѣвку Варушку Сычеву дочь ([30]). Послуси въ даной и у даной рука Степана Иванова сына Лугвенева. Даную писалъ Егорьевской дiячокъ Щирской Иванецъ Максимовъ, лѣта 7049. Да въ даной же послухъ и на даной рука Лапши Ондрѣева сына Симанского.»

—

(28) *Здѣсь въ подлинникѣ вставлено поясненiе о потомствѣ означенныхъ лицъ, переданныхъ по данной:* «И у Ульянки де дочь родилась въ холопствѣ Огашка, и у него за мужемъ за Степанкомъ за Борисовымъ; а у Матренки де Ивановѣ дочери сынъ Степанко Борисовъ, а у Степанка де въ холопствѣ родился Жданко да Захарка да двѣ дочери Матренка да Анница.»

(29) *Помѣщена въ подл. на л. 25 и 26. Представили для записки* «Гаврило да Дмитрей Васильевы дѣти Лодыгина въ отца своего Васильево и въ брата своего Иваново (*т. е.* мѣсто)».

(30) *Здѣсь въ подлинникѣ вставлено поясненiе о потомствѣ Алексѣя Крыла Өедорова и Варвары Сычевой:* «И Олексѣйкова де дочь Крылова Марьица была за мужемъ за Павелкомъ, прозвѣще за Истомою, и отъ того де Павелка родилася дочь Овдотка, а была за мужемъ за Васкою за Марковымъ, и та де Овдотка вдова служитъ у нихъ, а дѣтей ихъ Куземка, прозвѣще Томилка, да Триөанко, прозвѣще Өедко, да дочь Маринка, и Томилко де женатъ на дѣвкѣ на Өедоркѣ на Епифаньевѣ дочери Кулпина; да Овдоткина жъ де дочь Маринка, а выдана за мужъ за Мартынка за Степанова, а дѣтей у нихъ въ холопствѣ родился Микифорко да дочь Настасьица. А Варушка де Сычова дочь была за Петряемъ, и отъ нихъ де роди-

4.—(31) *1568.* «Далъ Иванъ Карасовъ сынъ Есюковъ зятю своему Данилу Иванову сыну Еремѣеву въ приданые людей своихъ крѣпостныхъ за своею дочерью за Степанидою дѣвку Оринку Иванову дочь да Нечайка Ѳотѣева сына. Послухъ въ даной и у даной рука Митки Нечаєва. Даную писалъ Семенецъ Кузминъ сынъ Басаргинъ, лѣта 7076.»

—

5.—(32) *1571.* «Далъ Ѳедоръ Ѳедоровъ сынъ Линевъ за сестрою своею родною за Мареою въ приданые человѣка своего докладного Ѳедяку Григорьева да дѣвку Васиху Иванову дочь полнуюжъ (33). Послуси въ даной и у даной руки Ивана Григорьева сына Трусова да Ондрѣя Данилова сына Скобелцына. Даную писалъ Злоба Ѳедоровъ сынъ Пустошкинъ, лѣта 7079. На даной рука Ѳедора Линева.»

—

6.—(34) *1571.* «Далъ въ приданые Ондрѣй Ѳедоровъ сынъ Боборыкинъ зятю своему Богдану Юрьеву сыну Коситцкого за дочерью своею за Варварою человѣка своего Первого Исакова сына да двѣ дѣвки полонянки Дарью болшую да другую дѣвку Матренку Свѣйского полону (35). Послуси въ даной, а

лися дѣти Тимошка, прозвѣще Турунтайко да Митка, и тотъ де Турунтайко женился на Огрофинки на Петровѣ дочери, а дѣтей де у нихъ въ холопствѣ родился Ивашко да Гурка да Онуфрейко да Захарка да дочь Палашка; а другой де Петряевъ сынъ Митка женился на Ѳедоскѣ на Михайловѣ.»

(31) *Помѣщена въ подл. на 37 л. Представилъ для записки* «Богданъ Даниловъ сынъ Еремѣевъ.»

(32) *Помѣщена въ подл. на 38 л. Представилъ для записки*: «Иванъ Никифоровъ сынъ Коситцкого.»

(33) *Здѣсь въ подл. вставлено*: «И на Васихи де женатъ у него въ холопствѣ Гриша Флоревъ сынъ, а дѣтей у нихъ въ холопствѣ родился Федоска да Ашка да Машка; да по той же де даной бѣгаетъ отъ него Ѳедяка Григорьевъ сынъ.»

(34) *Помѣщена въ подл. на 64 л. Представилъ для записки* «Максимъ Богдановъ сынъ Коситцкой.»

(35) *Здѣсь въ подл. прибавлено*: «И тотъ де Первуша отъ него Максима бѣгаетъ.»

рукъ ихъ у даной нѣтъ, Захарей Даниловъ сынъ Скобелцынъ да Лапунъ Өедоровъ сынъ Купелева. Даную писалъ Спаской дьячокъ Орлинского погоста Ондрѣй Ивановъ сынъ, лѣта 7079. На даной рука Ондрѣева.»

—

7.—(36) *1573*. «Иванъ Васильевъ сынъ Назимова далъ за своею племянницею за Анною за Дмитреевою дочерью Бобошина зятю своему Өедору Иванову сыну Бобошина дѣвку въ приданые Варварицу Исакову дочь (37). Послуси въ даной и у даной руки Ивана Григорьева сына Трусова да Ивана Ильина сына Языкова. Даную писалъ Григорей Яковлевъ сынъ Назимова, лѣта 7081. На даной рука Ивана Назимова.»

—

8.—(38) *1575 генваря 20*. «Иванъ Пятого сынъ Щербининъ взялъ у Данила у Борисова сына Огарева и у его братьи 10 рублевъ въ Московское число, и за тѣ ему денги далъ человѣка своего Истомку Гришина сына, сапожного мастера (39). А послуси въ даной и у даной рука Григорья Огарева, да Григорья да Ивана. А даную писалъ Иванъ своею рукою, лѣта 7083 генваря въ 20 день.»

—

9.—(40) *1578*. «Далъ Иванъ да Степанъ Ондрѣевы дѣти Пустошкина по рядной записи въ приданые за сестрою своею за Татьяною людей своихъ полныхъ Шамку Степанова сына да дѣвку Татьянку Семенову да дѣвку къ ларцу Өеимьицу. Послуси въ даной и у даной руки Семена Ондрѣева сына Харламова, а иныхъ послухъ въ даной не знать, потому что да-

---

(36) *Помѣщена въ подл. на 86 л. Представилъ* «Өедоръ Звѣревъ.»

(37) *За симъ въ подл. вставлено:* «И Варварица де за мужемъ за Петрушкою за Исаковымъ, а дѣтей у нихъ въ холопствѣ родилися 3 дочери Фетиньица да Марьица, да Марьица жъ, прозвѣще Гулка.»

(38) *Помѣщена въ подл. на 73 л. Представилъ:* «Григорей Борисовъ сынъ Огаревъ.»

(39) *Въ подл. прибавлено:* «И тотъ Истомка бѣгаетъ.»

(40) *Помѣщена въ подл. на 34 листѣ. Представили для записки* «Иванъ да Степанъ Ондрѣевы дѣти да Олексѣй Юрьевъ сынъ Пустошкинъ.»

ная была отъ Литвы бѣгаючи драна. Даную писалъ Василей Рычковъ сынъ Шушеринъ, лѣта 7086» (41).

—

10.—(42) *1581*. «Иванъ Ѳедоровъ сынъ Култашевъ далъ зятю своему Ондрѣю Григорьеву сыну Скобелцыну приданые люди полные и крѣпостные: Самулку Васильева сына, прозвѣще Чюдинка, да дѣвку Марьицу Иванову дочь да дѣвку Марьицу Латышку полонянку. Послуси въ даной и у даной руки Богдана Неведріева да Ондрѣя Бухарина. Даную писалъ Степанъ Култашевъ въ дяди своего мѣсто Ивана Ѳедорова сына Култашева, лѣта 7089 (43).»

—

11.—(44) *1582*. «Нифонтъ Олексѣевъ сынъ Семичова далъ зятю своему Ждану Ушакову сыну Харламову за своею сестрою за Стефанидою за Олексѣевою дочерью Семичова въ приданые людей своихъ Микифора, а прозвѣще Пилюгуба Кшиндѣева сына съ его женою съ Огрофинкою съ Павловою дочерью да съ его дочерми съ Огаѳьицею да съ Марьицею. Въ послусехъ въ даной написаны Ѳедоръ Денисьевъ сынъ Титовъ, Ѳедоръ Ивановъ сынъ Звѣрева, Рука у даной Ѳедорова есть. А даную писалъ Николской дьячокъ Шереховского погоста Ѳедко Ушаковъ, лѣта 7090. На даной рука въ Нифонтово Олексѣева сына Семичова Николского попа, отца его духовного, Ивана Ѳедорова сына» (45).

—

(41) *Въ подл. за симъ прибавлено*: «И Татьянка де служитъ у сестры ихъ съ дочерью съ Ульянкою.»

(42) *Помѣщена въ подл. на 86 л. Представилъ для записки* «Ондрѣй Култашевъ въ Ондрѣевскіе жены Скобелцына мѣсто въ Парасковьино мѣсто.»

(43) *Въ подл. прибавлено*: «И Марьица де выдана за Филку за Тимоѳеева, и Филка де бѣгаетъ; а Марьица Латышка выдана за Омельянка Иванова сына, и Омельянко де и Чюдинко отъ него бѣгаютъ.»

(44) *Помѣщена въ подл. на 76 л. Представилъ для записки* «Жданъ Ушаковъ сынъ Харламовъ.»

(45) *За симъ въ подл. прибавлено*: «И у него де служитъ Лучка, прозвѣще Безвѣстной, а женатъ де онъ на приданой робѣ на Огаѳьицы на Микифоровѣ дочери, а въ холопствѣ де у нихъ родился Ѳеонка, прозвѣще Первушка, а у Пилюги де родился сынъ Ѳеонка.»

12.—(46) *1583, въ ноябрѣ.* «Иванъ Матѳѣевъ сынъ Скобелцынъ далъ въ приданые зятю своему Тихону Петрово сыну Мяхково (*въ подл.* Мяхво) за дочерью своею за Анною человѣка своего Трофимка Кирилова сына Рѣзвово и съ женою его съ Дарьею съ Маковѣевой дочерью (а въ холопствѣ прижили дѣтей сына Игнатка да дочь Овдотьицу). Даную писалъ Николской дьячокъ Опоцкого погоста Иванко Григорьевъ, лѣта 7092 ноября. Да на даной же написано: къ сей даной памяти Олексѣй руку приложилъ въ отца своего мѣсто.»

—

13.—(47) *1585 генваря 22.* «Дала Огаѳья Борисова дочь Коситцкого Микифоровская жена Румянцова князю Ивану княжъ Курбатову сыну Бѣлоселского за дочерью своею за Марьею Микифоровою дочерью Румянцова старинныхъ мужа своего и своихъ людей Пиминка Иванова сына, прозвѣще Богдашка, да Ѳедорка Иванова сына, прозвище Шувай да двѣ дѣвки, Марьицу да Окулинку Кузминыхъ дочерей (48). Послухъ въ даной и у даной рука Олексѣя Ильѣна сына Коситцкого. Даную писалъ Иванъ Микифоровъ сынъ Ромянцовъ, лѣта 7093 генваря въ 22 день.»

—

14.—(49) *1586 февраля 11.* «Успенского монастыря съ Полоницца игуменья Марѳа дала зятю своему Григорью Борисову сыну Огареву за своею дочерью за Овдотьею за Микитиною дочерью Кропивина въ приданые къ ларцу дѣвку Иринку Ондрѣеву дочь, и та де Иринка за мужемъ за Якушемъ за Степановымъ. Послухъ въ даной и у даной рука Сергійка Захарьева.

---

(46) *Помѣщена въ подл. на 74 листѣ. Представилъ* «Григорей Борисовъ сынъ Огаревъ.»

(47) *Помѣщена въ подл. на л. 37. Представилъ*: «князь Иванъ княжъ Курбатовъ сынъ Бѣлоселской.»

(48) *Здѣсь въ подл. вставлено*: «И Пиминко де женатъ на приданой дѣвкѣ на Марьицѣ, а дѣтей у нихъ въ холопствѣ родилися сынъ Павелко да дочь Доминица да двѣ дочери Ульянки; а Ѳетка де Шувай женатъ на приданой же дѣвки на Окулинкѣ на Кузминѣ дочери.»

(49) *Помѣщена въ подл. на 75 л. Представилъ*: «Григорей Борисовъ сынъ Огаревъ.»

А даную писалъ съ площади Маркъ Матѳѣевъ, лѣта 7091 февраля въ 11 день. На даной рука Мирона Кропивина въ матери его въ Марѳино мѣсто.»

15.—([50]) *1587 іюня 20.* «Дала княгиня Соѳья княжъ Матѳѣева жена Давыдовича Путятина внучатомъ своимъ Ѳедоровымъ дѣтемъ Ондрѣевича Курицына Давыду да Степану малово своего стариннного мужа своего Демидка Трифонкова сына, прозвѣще отцу его Ступа. Послуси въ кабалѣ и у кабалы руки князя Богдана княжъ Олександрова сына Путятина да Костентина Семенова сына Бачина да Онтоней Селинъ сынъ Выповской. Даную писалъ князь Иванъ княжъ Силинъ сынъ Путятинъ, лѣта 7095 іюня въ 20 день. На даной рука: въ княгинино въ Соѳьино мѣсто князь Александръ Ростовской руку приложилъ» ([51]).

16.—([52]) *1588.* «Даная Неждана Олександрова сына Дубровского. Далъ за своею дочерью за Соломанидою зятю своему Ивану Ондрѣеву сыну Рагозину Первушу Еѳимьянова сына да жену его Овдотьицу Микифорову дочь ([53]). Послуси въ даной и у даной рука: Михайло Бестужевъ сынъ Дубровской да Великого Князя крестьянинъ съ деревни съ Лучшина Мосту Ульянъ Костентиновъ сынъ. Даную писалъ Тишка Неждановъ сынъ Дубровской, лѣта 7096 году.»

17.—([54]) *1590 ноября 12.* Овдотья Ѳедорова дочь Пушкина Васильева жена Ямского дала семи въ приданыхъ за дочерью

---

(50) *Помѣщена въ подл. на л. 85. Представилъ:* «Ѳедоръ Ондрѣевъ сынъ Курицынъ »

(51) *За симъ въ подл. прибавлено:* «И Демидко де женатъ на старинной его робѣ на Оксѣньицы Ивановѣ дочери.»

(52) *Помѣщена въ подл. на 88 л. Представилъ:* «Иванъ Ондрѣевъ сынъ Рагозинъ.»

(53) *Въ подл. прибавлено:* «А дѣтей у нихъ въ холопствѣ родилося дочь Матренка да сынъ Самсонко.»

(54) *Помѣщена въ подл. на 5-мъ л. Представилъ для записки:* «Полуехтъ Матѳѣевъ сынъ Колычовъ.»

своею за Матреною за Васильевою дочерью Ямского зятю своему Полуехту Матѳѣеву сыну Колычову три головы людей своихъ крѣпостныхъ, по приказу мужа своего Василья Ямского, Мартынка Иванова сына, прозвищо Нечяйка да жену его Нѣмку купленую Парасковьицу да дѣвку Ѳедотью Савину дочь Вялово, прозвищо Внуку. Послухъ въ даной и у даной рука Третьяка Захарьева. Даную писалъ Третьячко Ивановъ сынъ Руского, лѣта 7099 ноября въ 12 день. На даной рука въ Овдотьино мѣсто Васильевы жены Ямского отца eѣ духовного Мелентья Осиѳова сына.»

—

18.—(55) *1593.* «Далъ Бориско Григорьевъ сынъ Мякининъ зятю своему Ивану Ондрѣеву сыну Пустошкину за своею дочерью за Ѳедорою женку Ориху Самуилову дочь. Даную писалъ Гаврило Борисовъ сынъ Мякининъ, лѣта 7101» (56).

—

19.—(57) *1594.* «Далъ въ приданые Ефимъ Ширшовъ сынъ Вороновъ людей за своею внукою за Домною за Ивановою дочерью Воронова зятю своему Ондрѣю Коситцкому женку вдовую Мишину жену Ѳеимью Савельеву дочь да съ нею дѣтей сына Агѣйка да дочь Соломанидку Мишиныхъ дѣтей. Даную писалъ Микита Облезовъ сынъ Воронова, лѣта 7102. На даной рука Ефима Воронова.»

—

20.—(58) *1596.* «Благословилъ Костентинъ Собакинъ сынъ Скобелцынъ дѣтей своихъ Дмитрея да Мокѣя да Богдана люд-

---

(55) *Помѣщена въ подл. на 54 л. Представили:* «Иванъ да Степанъ Ондрѣевы дѣти да Олексѣй Юрьевъ сынъ Пустошкинъ»

(56) *Въ подл. прибавлено:* «И Оринка де за мужемъ за Сенкою Сергѣевымъ.»

(57) *Помѣщена въ подл. на 62-мъ листѣ. Представилъ:* «Ондрѣй Юрьевъ сынъ Косицкой.» *См. л. 58.*

(58) *Помѣщена въ подл. на 14 листѣ. Представили для записки:* «Дмитрей Костентиновъ въ отца своего Костентиново да въ братьи своей въ Мокѣево да въ Богданово (*т. е.* мѣсто) да Ѳедоръ Дмитреевъ сынъ Скобелцына.» *См. л. 11.*

ми своими старинными докладными и полонениики Иватко Филиповъ сынъ Литвинъ съ женою съ Окулинкою Васильевой дочерью и съ дѣтми съ Максимкомъ, прозвѣще Безчастной, да съ дочерью Лукирьицею, да Куземку Прокофьева сына, Литовскогожъ полону, съ женою съ Марьицею съ Мартемьяновою дочерью и съ дѣтми съ Ивашкомъ да Кирійкомъ да Прокофѣйкомъ, прозвѣще Томилко, Безспутнымъ сыномъ, по ихъ животъ, а дѣтемъ его тѣхъ людей не отдать и въ даные дѣтемъ своимъ и въ приданые—отпустити ихъ на свободу послѣ своего живота. А у даной сидилъ отецъ его духовной и у даной рука его Опоцкого погоста Ондрѣй Малахѣевъ. Послуси въ даной Ѳедоръ Ильинъ сынъ Коротаевъ да Богданъ Ивановъ сынъ Скобелцынъ. Даную писалъ Ѳедоръ Дмитреевъ сынъ Скобелцынъ, лѣта 7104. На даной руки Костентина Скобелцына да Богдана Скобелцынажъ.»

—

21.—([59]) *1597*. Давыдъ Михайловъ сынъ Куликовъ, что на (н)емъ искалъ Олуферей Колычевъ робы своей дѣвки Полашки, и онѣ межъ собя полюбовно договорились: онъ Давыдъ далъ противо тоѣ дѣвки Полашки и мужа ей Ивашка робу свою Улитку Кузмину дочь съ дочерью съ Огашкой Мишуковой дочерью. Послуси въ даной и у даной рука Товарыща Маланьѣна, а Олексѣя Пустошкина рукй у даной нѣтъ. Даную писалъ Давыдъ своею рукою, лѣта 7105.»

V.

КАБАЛЫ (СЛУЖИЛЫЯ).

1.—([60]) *1563*. «Кабала на Иванка Ондрѣева сына Зайцова, прозвѣще Пріѣзжего да на его жену Овдотьицу Семенову дочь

(59) *Помѣщена въ подл. на 48 л. Представилъ:* «Олексѣй Колычевъ.»

(60) *Помѣщена въ подл. на 22 л. Представили для записки*: «Дмитрей Костентиновъ сынъ въ отца своего Костентиново да въ братьи своей въ Мокѣево да въ Богданово да Ѳедоръ Дмитреевъ сынъ Скобелцина.» *См. л. 11 подл.*

да на ихъ дѣтей на Микулку, прозвѣще Жикула, да на Митрошку, прозвѣще Худяка, въ десяти рублехъ. Денги заняли у Костентина Скобелцына. Послуси въ кабалѣ и у кабалы руки Микифорка Васильева сына Маркова да Ефимка Яковлева сына Губина да Михалки Нечаева сына Ѳомина. Кабалу писалъ Олеша Смирново, лѣта 7071» (61).

—

2.—(62) *1564*. «Кабала на Васку Семенова сына да на его дѣтей на Огаѳьицу да на Гришку въ 10 рублехъ. Денги заняли у Злобы Пушкина. Послуси въ кабалѣ Микифорко Микулинъ сынъ Селифонтова да Труфанъ Еремѣевъ сынъ изъ Опкова изъ Руслова заулка; а рукъ ихъ у кабалы нѣтъ. Кабалу писалъ Порховской дiячекъ Ондрѣецъ Давыдовъ, лѣта 7072.»

—

3.—(63) *1567*. «Кабала на Ѳомашка Микиѳорова сына да на его жену Овдотьицу Макарьеву дочь да на его патчерицу Наталку Дементееву дочь въ пяти рублехъ Московскихъ да въ четырехъ коробьяхъ ржи да въ пяти коробьяхъ жита да въ трехъ коробьяхъ овса да въ полукоробьѣ пшеницы. Денги и хлѣбъ заняли у Степана да у Волексѣя Лошаковыхъ. Послуси въ кабалѣ и у кабалы руки Щепецкого дiячка Гришки Иванова да Иванского дiячка съ Почапа Дмитрейка Евсѣева да Николского дiячка Богданка Иванова да Девониска Ондрѣева. Кабалу писалъ Николской дьячекъ съ Кропивна Ѳестко Лукинъ, лѣта 7075.»

—

(61) *За симъ въ подл. прибавлено*: «И Иванко де съ Овдоткою умерли, а дѣти ихъ Жекулка да Худячко сбѣжали, да у негожъ деи родился сынъ Максимко, прозвѣще Домашней у нихъ въ холопствѣ, и тотъ бѣгаетъ.»

(62) *Помѣщена въ подл. на 66 л. Представилъ для записки*: «Злоба Ивановъ сынъ Пушкинъ.»

(63) *Помѣщена въ подл. на 94—95 лл.*

4.—[64] *1567.* «Кабала на Өеонку Окулова сына, прозвѣще Пылая да на его жену Окулину Окулову дочь Пузова да на его дѣтей на Гришу да на Ивана въ пяти рублехъ Московскихъ. Денги занялъ у Степанова да у Волексѣева приказщика Лошаковыхъ у Якуша Степанова. Послуси въ кабалѣ и у кабалы руки Иванского дiячка съ Почапа Дметрѣйка Есiева да Трехсвятьского дiячка Деонисья Ондрѣева да Юрьевы церквы Николского дьячка Богдашка Иванова. Кабалу писалъ Николской дiячекъ съ Кропивна Өетко Лукинъ, лѣта 7075.»

—

5.—[65] *1569.* «Кабала на Осипка Бѣлово сына, на его жену Ховроньицу Иванову дочь, да на ихъ дѣтей на Юшку да на Микитку во шти рублехъ. Денги заняли у Костентина Скобелцына. Послуси въ кабалѣ и у кабалы рука Павелка, да Өеонка Яковлева руки у кабалы нѣтъ. Кабалу писалъ Николской дьячокъ Өетко Якимовъ, лѣта 7077 [66].»

—

6.—[67] *1570.* «Кабала на Якимка на Захарьева сына да на его жену Степанидку Кузмину дочь въ пяти рублехъ Московскихъ. Денги заняли у Степанова да у Олексѣева приказщика Лошаковыхъ у Якуша Степанова государя его денегъ [68]. Послуси въ кабалѣ и у кабалы руки Иванского дьячка съ Почапа Дмитрея Есiева да Николского дьячка Богданка Иванова да Дмитрея Святителского дьячка Девониса Ондрѣева. Кабалу писалъ Николской дьячокъ съ Кропивна Өетко Лукинъ, лѣта 7078.»

—

(64) *Помпщена въ подл. на л. 94.*

(65) *Помѣщена въ подл. на 20 л. Представлена для записки тѣми же лицами, которыя означены въ примѣч. 61.*

(66) *За симъ въ подл. прибавлено:* «И у Осипка де въ холопствѣ родилися дочь Катеринка да сынъ Лешка.»

(67) *Помѣщена въ подл. на 93—94 л.*

(68) *Здѣсь въ подл. вставлено:* «И у Якимка деи въ холопствѣ родилась дочь Өетѣньица.

7.—(69) *1571, въ маѣ.* «Кабала на Ховроньицу Олфимову дочь въ четырехъ рублехъ. Денги заняла у Григорьева человѣка Иванова сына Огарева у Девятого Савельева сына государя его серебра (70). Послуси въ кабалѣ и у кабалы руки Якуша Ѳедорова сына Мосѣева да Злобы Узкого. Кабалу писалъ Николской діячекъ Дегожского погоста Иванко Ивановъ, лѣта 7079 маія.»

—

8.—(71) *1571, декабря 6.* «Кабала на Лутьянка Васильева сына да на его жену Марью на Иванову дочь въ пяти рублехъ. Денги заняли у Ждана да у Докуки у Костентиновыхъ дѣтей Чернышецкого. Послуси въ кабалѣ Николской приворникъ Сидоръ Борисовъ сынъ, и руки послуховы у кабалы нѣтъ. Кабалу писалъ Николской дьячокъ Дремятцкого погоста Лазорецъ Семеновъ, лѣта 7080 декабря въ 6 день».

—

9.—(72) *1571.* «Кабала на Анницу Ѳедорову дочь Вълялицына да на ей сына Сенку Кирилова сына, въ пяти рублехъ. Денги заняли у Злобы Пушкина. Послуси въ кабалѣ и у кабалы рука Микифорка Селифонтова, а Гриши Ѳедорова сына Козлова руки у кабалы нѣтъ. Кабалу писалъ Николской дьячекъ Павского погоста Оядрѣецъ Давыдовъ, лѣта 7079 (73).»

—

(69) *Помѣщена въ подл. на 67 л. Представилъ для записки* «Гаврило Лодыгинъ въ Григорьево мѣсто Огарева.»

(70) *Здѣсь въ подл. вставлено:* «И Ховроньица де за мужемъ за Костею Ивановымъ сыномъ Вороном, а въ холопствѣ де у нихъ родился Кондрашко да Самулка да Микитка да Офросиньица да Огрофѣнка.»

(71) *Помѣщена въ подл. на 87 и 88 лл. Представили* «Жданъ да Докука Костентиновы дѣти Чернышецкого.»

(72) *Помѣщена въ подл. на 66 л. Представилъ* «Злоба Ивановъ сынъ Пушкинъ.»

(73) *За симъ въ подл. прибавлено:* «И Сенка де женатъ на Огаѳьицѣ Васильевѣ дочери, а у нихъ сынъ родился Богдашко.»

10.—(74) *1571*. «Кабала на Карпушку на Семенова сына Белохново да на его жену Пелагіицу Семенову дочь въ трехъ рублехъ. Денги заняли у Олуферьева прикащика Лошакова у Крыла Нечаева. Послуси въ кабалѣ и у кабалы рука Николского дьячка съ Кропивна Третьячка Иванова; а Иванского дьячка съ Почапа Дмитрейка Евсѣева да Николского дьячка Посничка Костентинова да Юшки Думина рукъ у кабалы нѣтъ. Кабалу писалъ Щипецкого погоста дьячокъ Юшка Остаѳьевъ, лѣта 7079 (75).»

—

11.—(76) *1572*. «Кабала на Симанка Степанова сына Тарасова да на его жену Оксиньицу Пентелѣеву дочь да на его дѣтей на Филипка да на Лучку въ семи рублехъ. Денги заняли у Костентинова человѣка у Прошка государя его денегъ. Послуси въ кабалѣ и у кабалы рука Микитки Филипова сына, а Васки Полуянова руки у кабалы нѣтъ. Кабалу писалъ Покровской дьячекъ Сенка Першинъ сынъ, Дятелитцкого погоста, лѣта 7080 (77).»

—

12. — (78) *1573*. «Кабала на Мосѣйка на Онаньина сына да на его мать Соломанидку Ѳеонасьеву дочь да на его жену Марьицу Кондратьеву дочь да на его сестрь на Татьяну да на Онтонидку въ пятинатцати рублехъ. Денги занялъ у Богдана да у Вондрѣя у Коситцкихъ. Послуси въ кабалѣ и у кабалы руки Грязенского погоста дьячка Васки Александрова да Пречистенского дьячка Дягилинского погоста Степанка Иванова. Кабалу писалъ Орлинского погоста дьячекъ Ондрѣйко Ивановъ, лѣта 7081 (79).»

—

(74) *Помѣщена въ подл. на 44 л.*

(75) *За симъ въ подл. прибавлено*: «И тотъ де Карпикъ бѣгаетъ.»

(76) *Помѣщена въ подл. на 24 л. Представили* «Дмитрей Костентиновъ сынъ въ отца своего Костентиново да въ братьи своей въ Мокѣево да въ Богданово да Ѳедоръ Дмитреевъ сынъ Скобелцына.» *См. подл. л. 11 обор.*

(77) *За симъ въ подл. прибавлено*: «И Симанко де съ дѣтми бѣгаетъ.»

(78) *Помѣщена въ подл. на 60 л. Представилъ* «Ондрѣй Юрьевъ сынъ Коситцкой.» *См. подл л. 58.*

(79) *За симъ въ подл. прибавлено*: «И у Мосѣйка де въ холопствѣ родился сынъ Фролко да дочь Овдотка.»

13.—(80) *1576*. «Кабала на Тимошку Борисова сына да на его жену Ховроньицу Васильеву дочь да на его сына Сенку въ трехъ рублехъ Московскихъ. Денги заняли у Волександрова человѣка Квашнина у Первуши у Васильева государя его денегъ (81). Послухъ въ кабалѣ и у кабалы рука Гриши Кузмина сына Губанова. Кабалу писалъ Николской дьячокъ Щипетцкого погоста Истомка Ивановъ, лѣта 7084.»

—

14.—(82) *1577*. Кабала на Васку Иванова сына у Паукова человѣка Иванова сына Косицково у Вондрюши Левонтьева въ пятинатцати рублехъ. Послуси въ кабалѣ и у кабалы руки Опотцкого монастыря вкладчика Гриши Гаврилова да Николского понамаря Злобки Малахіева Кабалу писалъ Николской дьячокъ Опоцкого погоста Иванко Григорьевъ сынъ Матюшкина, лѣта 7085.»

—

15.—(83) *1577*. «Кабала на Давыдка Власьева сына да на его жену Настасьицу въ дву рублехъ. Денги заняли у Григорьева человѣка Огарева у Селянина Прокофьева государя его серебра. Послуси въ кабалѣ Сидоръ Ульяновъ да Игнатей Гавриловъ Григорьевы крестьяне Огарева; а рукъ ихъ у кабалы нѣтъ. Кабалу писалъ съ Звягина дьячекъ Степанко Гавриловъ, лѣта 7085.»

—

(80) *Помѣщена въ подл. на 56 л. Представилъ 14 генваря* «Олександръ Ондрѣевъ сынъ Квашнинъ.»

(81) *Здѣсь въ подл. вставлено:* «И нынѣ Тимошка женатъ на кабалной робѣ на Иринвицы, а сынъ его сбѣжалъ.»

(82) *Помѣщена въ подл. на 51 л. Представилъ* «Гаврило Володимеровъ сынъ Косицкой и въ Паука Косицкого мѣсто.»

(83) *Помѣщена въ подл. на 70 л. Представилъ для записки* «Гаврило Лодыгинъ въ Григорьево мѣсто Огарева.»

16.—(84) *1579.* «Кабала на Агѣйка Павлова сына, прозвѣще Третьяка, въ пятинатцати рублехъ. Денги занялъ у Василья Өедорова сына Лодыгина. Послуси въ кабалѣ и у кабалы руки Өедора Андрѣева сына Курицына да Степана Ялцова да Ондрѣя Парского да Щирского погоста дьячка Третьячка Минина. Кабалу писалъ Агѣйко самъ на собя своею рукою, лѣта 7087.»

—

17.—(85) *1581.* «Кабала на Оөросиньицу Некраску Өедорову дочь въ двѣ рублехъ. Денги заняла у Волексѣева человѣка Колычева у Якимка Захарова государя его денегъ. Послуси въ кабалѣ и у кабалы руки Лазорка Семенова да Жданка Гаврилова, а Посничка Өомина руки у кабалы нѣтъ. Кабалу писалъ Щепецкого погоста діячекъ Истомка Ивановъ, лѣта 7089.»

—

18.—(86) *1581.* «Кабала на Крисанөа, прозвѣще Посника. Семенова сына да на его жену Феклицу Савельеву дочь въ трехъ рублехъ. Денги занялъ у Посникова человѣка Степанова сына Колычева. Послухъ въ кабалѣ и рука у кабалы Преображенского дьячка съ Прибужа Сенки Павлова. Кабалу писалъ Николской дьячокъ Щипецкой Истомка Ивановъ, лѣта 7089 (87).»

—

19.—(88) *1582, въ маѣ.* «Кабала на Пашка Васильева сына Матөѣевскаго послужилца Тыркова въ пяти рублехъ. Денги

---

(84) *Помѣщена въ подл. на об. 26 л. Представили* «Гаврило да Дмитрей Васильевы дѣти Лодыгина въ отца своего Васильево и въ брата своего Иваново (*т. е.* мѣсто).»

(85) *Помѣщена въ подл. на 96 л.*

(86) *Помѣщена въ подл. на 43 л.*

(87) *За симъ въ подл. прибавлено*: «И Феклица де умерла и Хрисанфъ де женатъ на Матренки на Павловѣ, а дѣтей у нихъ дочь Соломанидка да сынъ Гаврилка.»

(88) *Помѣщена въ подл. на 76 л. Представилъ* «Тихонъ Петровъ сынъ Мяхково.»

занялъ у Тихово у Петрова сына Мяхково. Послуси въ кабалѣ и у кабалы руки Гриши Ортемьева сына Попова да Ондрѣйки Поздѣева сына Дрочка. Кабалу писалъ Размыслъ Семеновъ, Порховской дьячокъ, лѣта 7090 маія въ день.»

—

20.—(89) *1582 декабря 25.* «Кабала на Дороѳѣйка Прокофьева сына Прокудина, прозвѣще Истомку, да на его жену Овдотьицу Иванову дочь Сухлова да на его пасынка Иванка Жданкова сына (90) во шти рублехъ. Денги заняли у Богдана Скобелцына. Послухъ въ кабалѣ и у кабалы рука Дубровенского понамаря Никифорка Елизарьева. Кабалу писалъ Дубровенского погоста дьячекъ Карпецъ Терентьевъ, лѣта 7091 декабря въ 25 день (91).»

—

21. — (92) *1582.* «Кабала на Ондрѣйка Ефимьева сына въ четырехъ рублехъ. Денги занялъ у Дмитрея Скобелцына. Послуси въ кабалѣ и у кабалы руки Молчанка Плохово да Петелки Мѣхова. Кабалу писалъ Ѳедка Семеновъ Голова, подьячей съ площади, лѣта 7090 (93).»

—

22.—(94) *1583, въ мартѣ.* «Кабала на Филатка Собинина сына въ дву рублехъ. Денги занялъ у Михайла у Дубровского. Послуси въ кабалѣ, а рукъ ихъ у кабалы нѣтъ, Ульянко Костентиновъ да Ушакъ Павловъ. Кабалу писалъ Николской дьячекъ Буреского погоста Богданецъ Ивановъ, лѣта 7091 марта.»

—

(89) *Помѣщена въ подл. на 21 л. Представлена лицами, означенными выше въ примѣч. 76.*

(90) *Въ подл. вѣроятно ошибкою:* «Иванка съ Жданковымъ сыномъ.»

(91) *За симъ въ подл. прибавлено:* «И у Истомки де въ холопствѣ родилась дочь Ѳедосьица.»

(92) *Помѣщена въ подл. на 18 л. О лицахъ, представившихъ для записки см. примѣч. 76.*

(93) *За симъ въ подл. прибавлено:* «И Ондрѣйко де женатъ у нихъ на старинной робѣ на Анкѣ и жена де его Анка и съ дѣтми бѣгаетъ.»

(94) *Помѣщена въ подл. на 48 л. Представилъ 13 генваря* «Михайло Бестужевъ сынъ Дубровской.»

23.—([95]) *1583 въ сентябрѣ.* «Кабала на Малаѳейка Иванова сына Вялово да на его дѣтей на Игнатка, на Трешку да на Бориска въ пяти рублехъ. Денги заняли у Волексія Колычева ([96]). Послухъ въ кабалѣ и у кабалы руки Дмитреевского дьячка Ѳеофилатка Никитина сына Томила да Успенского ([97]) дьячка Васки Онкипова сына да Арканъилского дьячка Васки Маркова да Пятницкого дьячка Васки Кондратова сына Хсулова. Кабалу во Гдовѣ писалъ Пятнитцкой дьячекъ Савка Ѳонасьевъ, лѣта 7092 сентября.

—

24.—([98]) *1583, въ октябрѣ.* «Кабала на Полагінцу Матѳѣеву дочь въ дву рублехъ. Денги заняла у Звѣря Полуехтова сына Карсакова. Послуси въ кабалѣ Якушъ Дмитреевъ да Карпушка Прокофьевъ, Великого Князя крестьяне Лятцкого погоста, а у кабалы рукъ ихъ нѣтъ. Кабалу писалъ Дмитреевской дьячекъ Бѣлского погоста Мосѣецъ Микифоровъ, лѣта 7092 октября.»

—

25.—([99]) *1583 декабря 25.* «Кабала на Харитонью Иванову дочь дѣвку въ пяти рублехъ. Послухъ въ кабалѣ и у кабалы рука Дубровенского понамаря Никифорка Елизарова. Кабалу писалъ Дубровенской дьячокъ Карпецъ Терентьевъ, лѣта 7092 декабря въ 25 день ([100]).»

—

---

(95) *Помѣщена въ подл. на 44 л.*

(96) *Здѣсь въ подл. вставлено*: «И тотъ де Вялко женился у него во дворѣ на Васискѣ, и Вялко деи у него умеръ, а дѣти его Трешка да Бориско и нынѣ у него (*т. е.* у Колычева), а жена деи его Вялкива бѣгаетъ.»

(97) *Въ подл.* Устенского.

(98) *Помѣщена въ подл. на л. 40. Представилъ* «Звѣрь Полуехтовъ сынъ Карсаковъ.»

(99) *Помѣщена въ подл. на 83 л. Представилъ для записки генваря 20* «Михайло Ондрѣевъ сынъ Головачевъ.»

(100) *За симъ въ подл. прибавлено:* «И та де дѣвка Харитоньица бѣгаетъ.»

26.—([101]) *1583.* «Кабала на Иванка Игнатьева сына Николского монастыря оклатчика въ трехъ рублехъ. Денги занялъ у Костентина Скобелцына. Послуси въ кабалѣ и у кабалы руки Васки Өедорова сына Русина да Өедосѣйка Өедорова да Өетки Тимофѣева да Себѣжского пѣшего казака Бориска Балагурова. Кабалку писалъ земской дьячокъ Огаөонко Прибытковъ, лѣта 7091 ([102]).»

—

27.—([103]) *1584 генваря 6.* «Кабала на Овдотку Борисову дочь да на ей дѣтей на Өедку да на Савку въ пяти рублехъ. Денги заняли у Богдана Скобелцына. Послухъ въ кабалѣ Дубровенского погоста понамарь Микифорко Елизарьевъ. Кабалу писалъ Дубровенской дьячокъ Карпицъ Терентьевъ, лѣта 7092 генваря въ 6 день ([104]).»

—

28.—([105]) *1584 марта 8.* «Служилая кабала ([106]) на Савку Григорьева сына да на его жену Матренку Онтонову дочь да на его сына Трофимка во шти рублехъ. Денги заняли у попа у Ивана Иванова сына. Послуси въ кабалѣ и у кабалы руки Микитки Вареоломѣева да Николского Порицкого дьячка Угримка Микифорова. Кабалу писалъ Егорьевской дьячокъ Пажеревицкого погоста Поспѣлецъ Посниковъ, лѣта 7092 марта въ 8 день ([107]).»

—

---

(101) *Помѣщена на 23 л. О представившихъ ее см. въ примѣч. 76.*

(102) *За симъ въ подл. прибавлено*: «И Иванко де Игнатьевъ бѣгаетъ.»

(103) *Помѣщена въ подл. на 21 л. О представившихъ см. примѣч. 76.*

(104) *За симъ въ подл. прибавлено*: «И Овдотьица де съ дѣтми служитъ у нихъ.»

(105) *Помѣщена въ подл. на 32 л.*

(106) *Вмѣсто*: служилая кабала, *въ подлинникѣ записано такъ*: «Тогожъ дни Дегожского погоста попъ Иванъ Ивановъ сынъ подалъ челобитную да оложилъ къ докладу къ запискѣ служилую кабалу.»

(107) *За симъ въ подл. прибавлено*: «И тотъ де Савка бѣгаетъ.»

29 —([108]) *1584, въ іюлѣ.* «Кабала на Гаврилка Михайлова сына Григорьевского послужилца Плетева да на его жену Сооьицу Олексѣеву дочь да на ихъ сына Матюшку въ двунатцати рублехъ. Денги заняли у Ждана Ушакова сына Харламова ([109]). Послуси въ кабалѣ и у кабалы руки Пречистинской дьячокъ изъ Карачюнищъ Семейка Семеновъ сынъ да Дмитреевской дьячекъ изъ Болчина Пантелей Сысоевъ да Николской дьячокъ съ Тишакъ Иванъ Ивановъ сынъ. Кабалу писалъ Николской дьячокъ изъ Ясену Киріецъ Кузминъ, лѣта 7092 іюля въ день.»

—

30. —([110]) *1585, въ апрѣлѣ.* «Кабала на Корнилка Васильева сына Плотникова да на его жену Овдотьицу Григорьеву дочь да на его сына Омельянка въ пяти рублехъ ([111]). Послуси въ кабалѣ и у кабалы руки Молчанка Плохово да Васки Хабарова. Кабалу писалъ Луки Еванъелиста съ площади дьячокъ Бака Коболдуновъ, лѣта 7093 апрѣля ([112]).»

—

31.—([113]) *1585, въ октябрѣ.* «Кабала на Климка Ѳедорова сына въ трехъ рублехъ. Денги занялъ у Петра Васильева сына. Послухъ въ кабалѣ и у кабалы рука Спаского дьячка изъ Порхова Олеши Ортемьева. А память писалъ Рожественской дьячокъ Ѳеонка Ондрѣевъ, лѣта 7094 октября въ день.»

—

(108) *Помѣщена въ подл. на 78 л. Представилъ* «Жданъ Ушаковъ сынъ Харламовъ.»

(109) *Здѣсь въ подл. вставлено:* «А въ холопствѣ деи у Гаврилка родилися дочь Наталка да сынъ Назарка, и тотъ де Гаврилка отъ нихъ бѣгаетъ.»

(110) *Помѣщена въ подл. на 82 л. Представилъ* «Жданъ Ушаковъ сынъ Харламовъ.»

(111) *Здѣсь въ подл. вставлено:* «А въ холопствѣ де у нихъ родилася дочь Окулинка.»

(112) *За симъ въ подл. прибавлено:* «И тотъ де Корнилко съ дѣтми бѣгаетъ.»

(113) *Помѣщена въ подл. на 9 л. Представилъ* «Иванъ Васильевъ сынъ Лодыгинъ.»

32.—(114) *1585.* «Кабала на Маринку, прозвѣще Некраску, Дементьеву дочь въ дву рублехъ. Денги заняла у Звѣря Полуехтова сына Карсакова. Послуси въ кабалѣ Васка Якимовъ да Гаврилко Яковлевъ, дворцовые крестьяне Ляцкого погоста. Кабалу писалъ Дмитреевской дьячокъ Бѣлского погоста Мосѣецъ Микифоровъ, лѣта 7093.

—

33.—(115) *1585.* «Кабала на Ивана Гутка Семенова сына да на его жену Оксиньицу Исакову дочь Кипріянову да на его дѣтей на Ѳедка да на Архипка въ дву рублехъ. Денги заняли у Иванова человѣка Сеславина у Васки Ондрѣева государя его денегъ. Послухъ въ кабалѣ Гриша Махновъ Григорьевъ, крестьянинъ Огарева; а руки его у кабалы нѣтъ. Кабалу писалъ Ѳетко Мининъ сынъ, лѣта 7093.»

—

34.—(116) *1585.* «Кабала на Дмитрейка Захарьева сына да на его дѣтей на Ортемка, прозвѣще Шестака, да на Савку въ пятинадцати рублехъ. Денги заняли у Злобы у Пушкина. Послуси въ кабалѣ и у кабалы руки Богдана Пустошкина да Мосѣя Овцына да Первово Харламова да Ондрѣя Парского. Кабалу писалъ Митя самъ на собя и на свои дѣти своею рукою, лѣта 7093.»

—

35.—(117) *1585.* «Кабала на Иванка Окулова сына Ноугородца въ дву рублехъ. Послуси въ кабалѣ и у кабалы руки Петруши Пѣшницына да Бориска Наливаева да Павелка Дикушина да Первуши Попова. Кабалу писалъ Клинской земской дьячокъ Докучаецъ Титовъ сынъ Иконникова, лѣта 7093 (118).»

—

(114) *Помѣщена въ подл. на 41 л. Представилъ:* «Звѣрь Полуехтовъ сынъ Карсаковъ.»

(115) *Помѣщена въ подл. на 65 л.*

(116) *Помѣщена въ подл. на 66 л. Представилъ:* «Злоба Ивановъ сынъ Пушкинъ.»

(117) *Помѣщена въ подл. на 84 л. Представилъ:* «Михайло Ондрѣевъ сынъ Головачевъ.»

(118) *За симъ въ подл. прибавлено:* «И тотъ де Иванко бѣгаетъ.»

36. —(119) *1586 іюля 29.* «Кабала на Иванка Иванова сына, прозвѣще Воронка, да на его дѣтей на Ѳетку да на Степанка да на Татьянку. Денги заняли у Богдана Костентинова сына Скобелцына. Послухъ въ кабалѣ и у кабалы рука Богданка Васильева сына Князева. Кабалу писалъ Павликъ Ивановъ сынъ Хабаровъ, лѣта 7091 іюля въ 29 день (120).»

—

37. — (121) *1588 декабря 17.* «Кабала на Васку Васильева сына, прозвѣще Гралева, да на его жену Ѳедосьицу Яковлеву дочь да на Харлампейка Васильева сына, прозвѣще Санюка, въ десяти рублехъ. Денги заняли у Дмитрея Скобелцына. Послуси въ кабалѣ и у кабалы руки Ишука Макарьева да Павелка Мокѣева. Кабалу писалъ Степанко Васильевъ сынъ отъ Покрова подьячіе, лѣта 7097 декабря въ 17 день (122).»

—

38.—(123) *1589 генваря 23.* «Кабала на Гришу Ѳеонасьева сына въ трехъ рублехъ Московскихъ. Послухъ въ кабалѣ Петровской дьячекъ Любынского погоста Тимофѣй Михайловъ сынъ. Кабалу писалъ (124) земской дьячокъ Зарускіе половины Истомка Ильинъ, лѣта 7097 генваря въ 23 день.»

—

39.—(125) *1591 апрѣля 28.* «Кабала на Григорья на Семеенова сына Носкова въ десяти рублехъ Московскихъ. Денги

---

(119) *Помѣщена въ подл. на 19 л. Представлена лицами, означенными выше въ примѣч. 76.*

(120) *За симъ въ подл. прибавлено:* «И Иванко де прижилъ въ холопствѣ дочь Марьицу, а сынъ де его Ѳетко женатъ на старинной на полной робѣ на Марьицѣ на Павелковѣ дочери; а у нихъ дочь Степанидка родилася въ холопствѣ.»

(121) *Помѣщена въ подл. на 18 л. О представившихъ см. прим. 76.*

(122) *За симъ въ подл. прибавлено:* И у Васки де родился въ холопствѣ Изотикъ, прозвѣще Томилко, а Харламко Санюкъ бѣгаетъ.»

(123) *Помѣщена въ подл. на 2 л. Представилъ:* «Степанъ Скобелцынъ.»

(124) *Въ подл.* кабалной *вмѣсто* кабалу писалъ.

(125) *Помѣщена въ подл. на 4 л. Представилъ* «Полуехтъ Матѣевъ сынъ Колычовъ.»

занялъ у Полуехта Матѳѣева сына Колычова [126]. Послуси въ кабалѣ и у кабалы руки Якова Иванова да Василья Ушакова. Кабалу писалъ Жданецъ Ивановъ сынъ Пупынинъ, лѣта 7099 априля въ 28 день. А на кабалѣ припись дьяка Семейки Емельянова.»

—

40.—[127] *1591 сентября 1.* «Кабала на Олиска Ортемьева сына, прозвѣще Налиска, да на его жену на Марью Яковлеву дочь да на ихъ дѣтей на Левонтейка да на дочь на Соломанидку въ 8 рублехъ Московскихъ. Денги заняли у Ждана Ушакова сына Харламова. Послуси въ кабалѣ Егорьевской дьячокъ Пажеревитцкого погоста Поспѣлъ Васильевъ. Кабалу писалъ земской дьячекъ Тимоха Михайловъ, лѣта 7100 сентября въ 1 день. И на кабалѣ подписано и рука губного старосты Шелонскіе пятины Зарускіе половины Поспика Якимова.»

—

41.—[128] *1591 декабря 25.* «Кабала на Лаврентейка Васильева сына, прозвѣще Жданка, во шти рублехъ Московскихъ. Денги занялъ у Дмитрея Скобелцына. Послуси въ кабалѣ и у кабалы руки Меншика Макарова да Богданка Князева да Петрушки Иванова. Кабалу писалъ Лучка Яковлевъ съ площади подъячіе, лѣта 7100 году декабря въ 25 день. На кабалѣ подпись и припись дьяка Микиты Щелепина [129].»

—

42.—[130] *1592.* «Кабала на Кондратейка, прозвѣще Поздѣйка, Прокофьева сына Огаркова да на его жену Ѳедосьицу Ива-

---

(126) *Здѣсь въ подл. прибавлено*: «А въ холопствѣ де и у него родились два сына Микифорко да Михалка.»

(127) *Помѣщена въ подл. на 80 л. Представилъ для записки*: «Жданъ Ушаковъ сынъ Харламовъ.»

(128) *Помѣщена въ подл. на 25 л. О представившихъ ее см. примѣч. 76.*

(129) *За симъ въ подл. прибавлено*: «И Лаврентейко де бѣгаетъ.»

(130) *Помѣщена въ подл. на 24 л. См. также примѣч. 76.*

нову дочь да на его сына Оѳонаска въ пятинатцати рублехъ. Денги заняли у Дмитрея Скобелцына. Послуси въ кабалѣ и у кабалы руки Ѳедка Перфирьева да Баженка Григорьева. Кабалу писалъ Семейка Стерлядевъ, лѣта 7100. На кабалѣ подпись и припись дьяка Іева Мизинова и рука заимщикова (131). »

—

43.—(132) *1593, въ іюнѣ.* «Кабала на Марьицу Григорьеву дочь во пяти рублехъ. Денги заняла у Григорья Огарева (133). Послуси въ кабалѣ и у кабалы руки Молчанка Плохово да Лучки Дороѳѣева да Меншика Макарьева. Кабалу писалъ Пантелѣйко Григорьевъ сынъ Мѣховъ, лѣта 7101 іюня. На кабалѣ подпись и припись дьяка Никиты Щелепина.»

—

44.—(134) *1594 іюля 15.* «Кабала на Степана, прозвищо на Посника, да на Якова, прозвищо на Дружинку, на Ѳедоровыхъ дѣтей въ десяти рублехъ Московскихъ. Денги заняли у Полуехта Матѳѣева сына Колычова. Послуси въ кабалѣ и у кабалы руки Якова Иванова да Недьяка Ондрѣева. Кабалу писалъ Никонко Остафьевъ, лѣта 7102 іюля въ 15 день. А на кабалѣ подписано и припись дьяка Дмитрея Алябьева.»

—

45.—(135) *1595.* «Кабала на Игнашка Іевлева сына, выходца изъ Литвы, въ пяти рублехъ. Денги занялъ на Сѣбежи у

---

(131) *Здѣсь въ подл. прибавлено*: «И Кондрашко де съ женою и сыномъ бѣгаетъ.»

(132) *Помѣщена въ подл. на 68 л. Представилъ*: «Гаврило Лодыгинъ въ Григорьево мѣсто Огарева.»

(133) *Здѣсь въ подл. вставлено*: «И на Марьицѣ деи женатъ Дорошка Мокѣевъ.»

(134) *Помѣщена въ подл. на 4 л. Представилъ*: «Полуехтъ Матѳѣевъ сынъ Колычовъ.»

(135) *Помѣщена въ подл. на 30 л. Представили*: «Гаврило да Дмитрей Васильевы дѣти Лодыгина въ отца своего Васильево и въ брата своего Иваново (мѣсто).» *См. подл. л. 25.*

Дмитрея Лодыгина ([136]). Послуси въ кабалѣ и у кабалы руки Сѣбежского дьячка земского Тиши Салтанова да Васки Дьякова да Сѣбежского пушкаря Ѳедки Попова да Бориска Балагурова. Кабалу писалъ Огаѳонецъ Ивановъ сынъ Прибытковъ, лѣта 7103 ([137]).»

—

46.—([138]) *1596 февраля 12.* Кабала на Ивана Иванова сына, прозвищо Богатово, въ пяти рублехъ Московскихъ. Денги занялъ у Полуехта у Матѳѣева сына Колычова. Послуси въ кабалѣ и у кабалы рука Третьяка Захарьева. Кабалу писалъ Жданецъ Ивановъ сынъ Пупынинъ, лѣта 7104 февраля въ 12 день. А назадѣ кабалы подписано и приписъ діяка Дмитрея Алябьева ([139]).»

—

47.—([140]) *1597 марта 13.* «Кабала на Якова на Матѳѣева сына въ пяти рублехъ Московскихъ. Денги занялъ у Степана Пустошкина. Послухъ въ кабалѣ и у кабалы рука Третьячка Руского. Кабалу писалъ Корнилко Еѳимьевъ, лѣта 7105 марта въ 13 день. На кабалѣ подпись и приппсь дьяка Дмитрея Алябьева ([141]).»

—

(136) *Здѣсь въ подл. вставлено:* «И тотъ де Игнатко женатъ на вдовѣ на Оксиньицѣ на кабалной женки, а въ холопствѣ де у нихъ родился сынъ Сенка.»

(137) *За симъ въ подл. прибавлено:* «И тотъ де Игнатко съ женою, съ сыномъ и съ пасынкомъ съ Ѳедоркомъ бѣгаютъ.»

(138) *Помѣщена въ подл. на 4—5 л. Представилъ:* «Полуехтъ Матѳѣевъ сынъ Колычовъ.»

(139) *За симъ въ подл. прибавлено:* «А женатъ тотъ Ивашко у него во дворѣ на женкѣ на Досадкѣ, а родилась у нихъ въ холопствѣ дочь, прозвище Докука.»

(140) *Помѣщена въ подл. на 55 л. Представилъ:* «Иванъ да Степанъ Ондрѣевы дѣти да Олексѣй Юрьевъ сынъ Пустошкинъ.»

(141) *За симъ въ подл. прибавлено:* «И тотъ де Якушко бѣгаетъ.»

48.—([142]) *1597 мая 9.* «Кабала на Омельянка Васильева сына въ пяти рублехъ Московскихъ. Денги занялъ у князя Ивана Елизарьева сына Бѣлоселского ([143]). Послухъ въ кабалѣ и у кабалы рука изъ Порхова Гриши Ортемьева. Кабалу писалъ земской дьячекъ Тимоха Михайловъ, лѣта 7105 маія въ 9 день. На кабалѣ руки губныхъ старостъ Денисья Евсіева да Семена Уского.»

—

49.—([144]) *1597 іюля 8.* «Кабала на Пахома на Иванова сына да на его дѣтей на Ондрюшу да на Митку въ четырехъ рублехъ Московскихъ. Денги заняли у Полуехта у Матѳѣева сына Колычова да у его сына у Матѳѣя. Послуси въ кабалѣ и у кабалы рука Деревскіе пятины земского дьячка Третьяка Дороѳѣева. Кабалу писалъ тоежъ пятины земской дьячокъ Девятко Никитинъ, лѣта 7105 іюля въ 8 день. А назадѣ кабалы подписано и рука губного старосты Петели Есипова; а печать у кабалы: писано въ ней губного старосты Мѣхѣево имя Мелницкого ([145]).»

—

50.—([146]) *1598 генваря 6.* «Кабала на Сенку Макарьева сына да на его сына Степанка въ трехъ рублехъ Московскихъ. Денги заняли у Григорья у Огарева. Послухъ въ кабалѣ и у кабалы рука Меншичка Ма(ка)рьева, лѣта 7106 генваря въ 6 день.»

---

(142) *Помѣщена въ подл. на 37 л. Представилъ* «князь Иванъ княжъ Курбатовъ сынъ Бѣлоселской.»

(143) *Здѣсь въ подл. вставлено*: «И тотъ де Омельянко женатъ на старинной робѣ на Анницѣ Ѳоминѣ дочери.»

(144) *Помѣщена въ подл. на 5 л. Представилъ*: «Полуехтъ Матѳѣевъ сынъ Колычовъ»

(145) *За симъ въ подл. прибавлено*: «И тотъ ден Пахомко съ дѣтми бѣгаетъ.» *Сверхъ этой кабалы рядомъ же съ нею въ подл. помѣщены двѣ другія съ означеніемъ, что онѣ подписаны губнымъ старостой* Петелею Есиповымъ *и скрѣплены имянною печатью губнаго же старосты* Михѣя Мелницкого.»

(146) *Помѣщена въ подл. на 84 л. Представилъ*: «Иванъ Борисовъ сынъ Огаревъ въ Григорьево мѣсто Иванова сына Огарева.»

VI.

МИРОВЫЯ.

1.—(147) *1596.* «Запись. Нечай Ивановъ сынъ Бутурлинъ, что онъ билъ челомъ Государю на Олферья Никитина сына Колычева во 104 году въ робѣ своей старинной крѣпостной въ Матренки Зуевѣ дочери, прозвѣще Собинки, и онъ Нечай, не ходя на судъ, въ той робѣ съ Олуферьемъ помирился, тое своей робы Олуферью поступился, и впередъ ему до тое робы дѣла нѣтъ. Послуси въ отписи Надежа Юрьевъ сынъ Есипова да Родивонъ Іевлевъ сынъ Денисьева. А запись писалъ Третьякъ Ивановъ сынъ Кабалинъ, лѣта 7104. Въ Нечаево мѣсто Бутурлина Иванъ Бутурлинъ руку приложилъ.»

—

2.—(148) *1596.* «Отпись. Петръ Ивановъ сынъ Скобелцынъ, что онъ билъ челомъ на Өедора Курицына въ бѣгломъ кабалномъ человѣкѣ въ Сенки Ивановѣ и въ сносѣ, а кабала у него у Петра на того Сенку да на его жену Ховроньицу Өедорову дочь да на его сына Васку въ десяти рублехъ, да не ходя на судъ, съ Өедоромъ сыскалися, что у того Сенки жена первая Ховроньица, съ которою женою отъ Петра сбѣжалъ, умерла, а Өедоръ того Сенку сказалъ женилъ у собя на приданой, а про сына Өедоръ сказалъ, что онъ бѣгаетъ безвѣстно, и онъ Петръ въ томъ бѣгломъ человѣкѣ въ Сенки Ивановѣ и въ сносѣ помирился и ступился его Өедору, и впередъ ему Петру и его брату Поснику въ томъ человѣкѣ въ Сенки Ивановѣ и въ сносѣ до Өедора дѣла нѣтъ, а Сенкина сына Васку имати Петру по той кабалѣ, а Өедору Курицыну до того Васки дѣла нѣтъ. Послухъ въ отписи Семенъ Ондрѣ-

---

(147) *Помѣщена въ подл. на 47 л.*

(148) *Помѣщена въ подл. на 55—56 л. Представилъ* «Өедоръ Ондрѣевъ сынъ Курицынъ.»

евъ сынъ Львовъ. А отпись писалъ Степанъ Девятого сынъ Скобелцынъ, лѣта 7104. На отписи рука Ильи Микитина сына Скобелцына въ Петрово да въ Поспиково мѣсто Скобелцыныхъ.»

VII.

ОТПИСЬ.

1563 (149). Отпись Ѳеонасья Костентинова сына Сабурова Долгово, что была за братомъ его за Васильемъ Ондрѣева дочь Ѳедорова сына Боборыкина Варвара, и брата его не стало, а за человѣкомъ ихъ за опчимъ за Гамомъ Воробьевымъ была снохи его приданая дѣвка, и ему Ѳеонасью и его роду и племяни до того человѣка дѣла нѣтъ, потому что за нимъ приданая. Послуси въ отписи и руки ихъ Кабяка Клементьева сына Линева да Микиты Яковлева сына Елагина. Отпись писалъ Ѳеонассей самъ своею рукою, лѣта 7071 (150).»

VIII.

ПАМЯТИ ИЗУСТНЫЯ

(духовныя завѣщанія.)

1.—(151) *1575*. «Изустная память Дмитрея Собакина сына Скобелцына. Приказалъ дѣтемъ своимъ Власа Олферьева съ женою и съ дѣтми да приданые люди жены его Ромашко съ

---

(149) *Помѣщена въ подл. на 64 л. Представилъ* «Микита Богдановъ сынъ Коситцкой.»

(150) *За симъ въ подл. прибавлено*: «И тотъ де Гамко съ женою съ Овгинбицею съ Петровою дочерью да съ дѣтми съ Обрамкомъ да съ Ивашкомъ да съ Офроскою да съ Анницею служатъ у матери его и у него, а Ларивонко де сынъ его бѣгаетъ.»

(151) *Помѣщена въ подл. на 46 л. Представлена лицами, означенными въ примѣч. 76.*

женою и съ дѣтми да братъ его Тимошка Малютины дѣти, да Неждавко съ женою съ Машкою, да Колыванъ съ женою и съ дѣтми. А прикащики въ изустной памяти Костентинъ Ивановъ сынъ да Еремей да Григорей да Степанъ да Дмитрей Скобелцыны. Изустную писалъ Дмитрей самъ своею рукою, лѣта 7083 ([152]).»

—

2.—([153]) *1577.* «Изустная память. Микитова жена ([154]) Ивановича Колычова Орина дала сыну своему Олферью мужа своего людей своихъ приданыхъ Микулку да Ѳетку да Истомку Васюкова да Ѳеонку съ женою съ Некраскою съ Васюковою дочерью и съ ихъ дѣтми съ Худячкомъ да съ Зуемъ да съ Ѳедосикомъ съ Дементьевымъ да съ его дочерми съ Татьянкою да съ Галкою, съ Татьянкоюжъ да сына Ѳеонку. Да Степанужъ дала сыну своему Вещняка Суворова сына да Степанка Тонкого Якушева сына да Офросѣньицу Замятнину дочь. Да сыну своему Олексѣю дала Васку Яругу Суворова сына да дѣвку Настаску Замятнину дочь да Ондронка Трешку Якушева сына да Первушку Полуехтова да дѣвку Марьицу Гара-

---

(152) *За симъ въ подл. прибавлено:* «И по той де изустной памяти Власко Олферовъ умеръ, а жена его Татьянка съ сыномъ Самсонкомъ служатъ у него у Ѳедора, а Самсонко де женатъ на Огаѳьицы на Васюковѣ дочери; а у Самсонка дѣтей сынъ Еустратко, а Ромашко де умеръ, а жена его Лукирьица, прозвѣще Нелюбка, Прокофьева дочь, съ дочерью съ Василискою, прозвѣще Досадка, служатъ у него, а Ромашкова де жена Нелюбка выдана аа мужъ за Михалка за Панфильева сына Собакина, служатъ у него; а Ромашкова де дочь Досадка выдана за Васку Тотаринова, а отецъ де былъ у Васки Татаринъ Казанского полону, Ѳеткомъ звали, умеръ у нихъ въ холопствѣ, и Васка де служитъ и съ женою съ Досадкою у Ѳедора, а братъ Ромашковъ Тимоха Малютинъ бѣгаетъ, а жена де его Маланьица Ларіонова дочь, прозвѣще Епишова, и съ дѣтми съ Еремейкомъ да съ дочерми съ дѣвкой съ Улкой да съ Каткой, служатъ у него у Ѳедора; а Неждавко Гришинъ съ женою съ Манкою и съ дѣтми съ Любавкой да съ Катеринкой бѣгаютъ.»

(153) *Помѣщена въ подл. на 92 л.*

(154) *Въ подл. вмѣсто* Микитова жена *или* Микитина жена *ошибкою написано*: Микиты ва жина.

симовыхъ дѣтей. Да Степанужъ да Олексѣю дала вопче Поташку Пронина съ женою съ Ѳедосьицею съ Сусловою дочерью и съ ихъ дѣтми да Иванка Русинка Севрюкова сына да Степанка Псковитина да Онисима да Ѳоника Мясоѣда Глобневыхъ, да Онпкейка Мордвинка Ивова сына Ѳедорова да Петрушку Ѳедорова сына Сорокина да Микулку Якушева. А у духовной сѣдилъ отецъ еѣ духовной Гдовского монастыря священникъ Паисецъ да Арханъелской священникъ Щѣпетцкого погоста Павелко Семеновъ; а у духовной руки ихъ. А память писалъ Арханъелской дьячокъ Щѣпетцкого погоста Трофимко Костянтиновъ, лѣта 7085 ([155]).

—

3.—([156]) *Безъ означенія года.* «Настасья Олексѣевская жена Назимова, а во иноцѣхъ инока Онусья благословила дѣтей своихъ придаными людми: Ивана Степанидкою Сидоровою дочерью да ей мужа Сенку съ дѣтми, да сынажъ своего Степана Марьицею Захарьевою дочерью да ей мужа Ивашка. А изустную память писалъ Опоцкого монастыря дьячекъ Гриша Гавриловъ сынъ Ларишинъ. На изустной памяти (рука?) Опоцкого монастыря игумена Корнилья и въ дочери его духовной мѣсто инока Анисьи ([157]).»

---

(155) *За симъ въ подл. находимъ слѣдующее дополненіе объ отказанныхъ по духовной людяхъ*: «Ѳедосьица (Суслова дочь) нынѣ у племянниковъ его за ихъ же холопомъ за Поташомъ за Прокопьевымъ, а дѣтей у нихъ Сенка, прозвище Другашко, бѣгаетъ; да у Поташажъ деи и у Ѳедосьицы дочь Марьица да сынъ Ѳонка съ отцомъ и съ матерью живутъ у племянниковъ его Алексѣевыхъ; да у племянниковъ же деи Алексѣевыхъ нынѣ въ холопствѣ Степанко Степановъ сынъ Чюхновъ, прозвище Псковитинъ, да... холопъ Вешнячко Суворовъ бѣгаетъ.»

(156) *Помѣщена въ подл. на 39 л. Представилъ для записки*: «Олексѣй Назимовъ въ дѣтей своихъ мѣсто.»

(157) *За симъ въ подл. прибавлено*: «И по той де изустной памяти люди бѣгаютъ.»

IX.

РАЗДѢЛЬНЫЯ.

1.—([158]) *1562*. «Дѣловая запись. Олферей да Степанъ да Олексѣй Микитины дѣти Лошакова подѣлили межъ собя отца своего людми и материными, и Степану да Олексѣю досталися люди отца его Мордвѣнъ да Корепанъ Пивовы дѣти, Русинъ Себрюковъ сынъ, Васка да Вешнякъ Суворовы дѣти, Псковко Степановъ сынъ съ женою и съ дѣтми Онисимкомъ, да Өонка Глыбневы дѣти, Өоноско Чюдиновъ сынъ, Сенка съ женою, полоненика Нѣмецкого полону, да Пентихъ, да дѣвка Анка, да дѣвка Молчанка Нѣмецкого же полону; а Олферью въ люди не вступатца. Послуси въ дѣловой и у дѣловой руки Мосѣя Иванова сына Овцына да Ондрѣя Юрьева сына Пушкина да Семена Григорьева сына Квашнина руки у дѣловой нѣтъ. А запись писалъ Данило Өедоровъ сынъ Благово, лѣта 7070. На дѣловой рука Олферьева.»

—

2.—*1564*. «Олферей да Степанъ да Олексѣй Микитины дѣти Лошакова подѣлили межъ собя отца своего людми и матерьними; досталися имъ люди тѣже, которые писаны въ прежней записи, а толко въ прежней записи не писанъ Сорока Дементьевъ сынъ съ женою и съ дѣтми. Послуси въ дѣловой и у дѣловой руки Микиты Тимоөеева сына Бутурлина да Степана Өедорова сына Боброва да Чюлка Ондрѣева сына Пустошкина. А запись дѣловую писалъ Архангелской дьячекъ Щепецкого погоста Иванецъ Ондрѣевъ сынъ Тарбаева, лѣта 7072. На дѣловой рука Олферьева, что ему дѣлъ любъ.»

—

3.—([159]) *1595, въ декабрѣ*. «Дѣловая запись. Ондрѣй Юрьевъ сынъ Косицкой да Данило да Максимъ Богдановы дѣти

---

(158) *Помѣщена рядомъ съ слѣдующею за симъ дѣловою же на л. 91 подлинника.*

(159) *Помѣщена въ подл. на лл. 58 — 59. Представилъ* «Ондрѣй Юрьевъ сынъ Коситцкой.»

Косяцкого подѣлили межъ собя полюбовно людей своихъ полныхъ и докладныхъ и кабалныхъ, и Ондрѣю досталися половина въ людехъ: Матюша Григорьевъ съ женою и съ дѣтми, да Ѳетка Истоминъ съ женою и съ дѣтми, да Степанко Борисовъ съ женою и съ дѣтми, Сергѣйко Орефинъ съ женою и съ дѣтми, Левошка Лукинъ съ женою да сынъ его Игнатко, да Тишко да Мосѣйко Михалкинъ съ женою и съ дѣтми, да вдова Ѳедорка Дементьева дочь, да дѣвка Фенка Степанова дочь; а которые люди досталися племянникомъ его Данилу да Максиму, Данилу досталися: Томилка Остафкинъ съ женою и съ дѣтми да Митка Никитинъ съ женою, да внукъ его Савка Васильевъ, да Демешка Литвинъ съ женою, да дѣвка Парасковьица Захарьина дочь, и ту дѣвку отдалъ матери своей Варварѣ противъ Миткины жены Офросиньицы да вдова Настаска Тишинская жена; а Максиму досталися: Куземка Левошкинъ сынъ съ женою и съ дѣтми и съ пасынкомъ съ Мишкою съ Томилнымъ сыномъ, Ларивонко Ивановъ, прозвѣще Богдашко, съ женою и съ дѣтми, да Иванко Латышъ съ матерью Анницею Латышкою жъ, да Петрушка Исаковъ съ женою и съ дѣтми. А кто учнетъ впередъ передѣливать и государю бити челомъ, и на томъ сто рублевъ. Послуси въ дѣловой, а рукъ ихъ у записи нѣтъ, Мосѣй Борисовъ сынъ Евсіевъ да Иванъ Микитинъ сынъ Скобелцынъ да Путило Петровъ сынъ Косицкого, лѣта 7102 декабря. Запись дѣловую писалъ Троицкой попъ Григорей Игнатьевъ въ Ондрѣево мѣсто Коситцкого. Къ дѣловой записи Крячко Коситцкой руку приложылъ да Максимъ и Данило руки свои приложыли.»

X.

РЯДНЫЯ.

1.—(160) *1562.* «Василей Михайловъ сынъ Сназина сговорилъ за Володимера Ляпунова сына Коситцкого племянницею

---

(160) *Помѣщена въ подл. на 50 л. Представилъ* «Гаврило Володимеровъ сынъ Коситцкой и въ Наука Коситцкого мѣсто.»

своею Яковлевою дочерью Михайлова сына Снозина Ульяною, а за нею людей женку Кунку Өедорову дочь, да дѣвку Дунку Быкову дочь Поварова, да дѣвку Досадку Васюкову дочь Тишина, да дѣтину Богдашка Васюкова сына Тишина. Рядную писалъ Николской дьячокъ Опоцкой Петрушка Исаковъ, лѣта 7070. Въ Васильево мѣсто Сназина отецъ его духовной Опоцкой попъ Малахѣй руку приложылъ. Да на рядной же написано: Отходя сего свѣта Ульяна Яковлева дочь Снозина отказала сыну своему Гаврилу своихъ приданыхъ людей, а подписалъ отецъ сй духовной Николской попъ Ондрѣй Малахіевъ (161).»

—

2.—(162) *1589, въ октябрѣ.* «Сговорилъ Великопустынского монастыря строитель старецъ Зосима Завалишинъ за Ивана Меженина сына Мяхково сестру свою Ульяну Клементьеву дочь Терентьевскую жену Әевалова, а за нею дати въ приданые четыре головы людей: жонку Полашку да сына её Наумка Левонтьева сына да дву дѣвокъ, дѣвку Степашку да дѣвку Утишку. Послуси въ рядной Иванко Петровъ сынъ мясникъ да Ерасимко Филатовъ. Рядную писалъ Гаврилецъ Олексѣевъ, лѣта 7098. На рядной рука Зосимова. Да на рядной же подписано: Ивана приданые люди дошли сполна, подписалъ Иванко Трофимовъ, лѣта 7098 октября (163).»

---

(161) *За симъ въ подл. прибавлено:* «И по той де рядной служытъ у него Пашко Ивановъ да Якушъ Елизарьевъ да бѣгаютъ де отъ него по рядной Еремка Овдокимовъ съ дѣтми.»

(162) *Помѣщена въ подл. на 83 л. Представилъ для записки* «Иванъ Петровъ сынъ Мяхково.»

(163) *За симъ въ подл. прибавлено:* «И онъ де Иванъ Степанидку выдалъ за Левку Өөонасьева, и Левка де съ женою бѣгаютъ.»

III.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ СТАТЬИ

КЪ

СУДЕБНИКУ ЦАРЯ ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА,

ИЗДАВАЕМЫЯ ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ

ПО СПИСКУ ЭРМИТАЖНОЙ БИБЛІОТЕКИ.

СООБЩЕНЫ

А. Ө. Бычковымъ.

Не смотря на отчетливое изданіе Археографическою Коммиссіею дополнительныхъ статей къ Судебнику Царя Іоанна Васильевича, напечатанныхъ ею по разнымъ спискамъ въ «Актахъ историческихъ (смотр. т. I №№ 154 и 221, т. II № 85 и т. III № 92),» въ составъ ихъ не взошли тѣ дополнительныя статьи, которыя не льзя было опредѣлить въ точности относительно года и мѣсяца ихъ составленія. Нѣтъ однако никакого основанія исключать подобные матеріалы изъ числа памятниковъ Исторіи Русскаго законодательства, особенно когда есть какая-либо возможность указать по крайней мѣрѣ на извѣстный періодъ времени, въ теченіи котораго они могли имѣть практическую обязательную силу въ томъ видѣ, какъ они до насъ дошли. Но таковы именно неизвѣстныя доселѣ нашимъ юристамъ дополнительныя статьи къ Царскому Судебнику, находящіяся между другими, напечатанными уже статьями, въ одномъ сборникѣ, принадлежащемъ Эрмитажной библіотекѣ (въ С.-Петербургѣ). Получивъ тщательно сдѣланную копію съ этихъ статей отъ *А. Ѳ. Бычкова* вмѣстѣ съ описаніемъ рукописи, откуда онѣ заимствованы, мы считаемъ себя обязанными напечатать ихъ въ нашемъ изданіи, цѣли котораго онѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ своимъ содержаніемъ. Но прежде предложимъ отчетъ о самомъ упомянутомъ сборникѣ Эрмитажной библіотеки и о находящихся въ немъ вообще матеріалахъ въ сличеніи ихъ съ разными изданіями древнихъ Русскихъ памятниковъ, руководствуясь при этомъ тѣми свѣдѣніями, какія намъ сообщены ученымъ нашимъ археографомъ.

«По содержанію своему, говоритъ г. Бычковъ, сборникъ, которымъ я пользовался долженъ быть названъ *юридическимъ*. Онъ писанъ на бумагѣ, въ 4-ю долю листа, скорописью XVII столѣтія, на 109 листахъ, и хранится въ Эрмитажной библіотекѣ въ шкапѣ 2, на полкѣ 3-й, подъ № 80. Сборникъ заключаетъ въ себѣ: a) л. 1 и далѣе: Оглавленіе Судебника и дополнительныхъ къ нему статей (всѣхъ статей изчислено 189); b) л. 12 и д. Судебникъ Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича. Этотъ списокъ былъ употребленъ для варіантовъ при изданіи Судебника, напечатанномъ въ «Актахъ историческихъ» т. I № 153, гдѣ разнорѣчія его обозначены подъ цифрою 5. Но варіанты иногда подведены неправильно. Такъ, на прим., при статьѣ 77 сказано, что ее не находится въ рукописи, между тѣмъ какъ она помѣщена въ ней далѣе подъ № 148; c) л. 41 и д. Дополнительныя статьи къ Судебнику (начиная съ 100-й статьи по счету предыдущихъ статей самого Судебника), числомъ 90. d) л. 76 и д. «Книга Розбойного Приказу уставная» 1631 года августа 31, напечатанная въ «Актахъ историческихъ» т. III № 167». За тѣмъ г. Бычковъ приводитъ заглавія всѣхъ статей какъ самого Судебника, такъ и дополнительныхъ къ нему въ томъ порядкѣ, какъ онѣ слѣдуютъ одна за другою въ Эрмитажномъ сборникѣ съ указаніемъ на соотвѣтствующія имъ статьи, отпечатанныя не только въ «Актахъ историческихъ», но также въ «Актахъ Археографической Экспедиціи» и въ 1-й части «Указателя Максимовича». Изъ этого сличенія оказывается, что статьи, находящіяся въ Эрмитажномъ сборникѣ въ числѣ дополнительныхъ къ Судебнику подъ №№ 167 и 169 — 188 доселѣ еще не были нигдѣ напечатаны. Но первая изъ нихъ есть ничто иное какъ перечень Московскихъ Митрополитовъ и патріарховъ, оканчивающаяся патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ, почему она собственно не относится ни къ Судебнику, ни къ дополнительнымъ его статьямъ. Вотъ она въ томъ видѣ, какъ запи-

сана въ Эрмитажномъ сборникѣ: «Митрополья Московская: 1) Петръ митрополитъ. 2) Өеогностъ митрополитъ, а лежитъ у Пречистой въ предѣлѣ у Петра и Павла. 3) Алексѣй митрополитъ чюдотворецъ, лежитъ въ Чюдовѣ монастырѣ. 4) Миртя (*), Великого Князя духовникъ Донскаго, и какъ онъ поѣхалъ въ Царьгородъ и на его дворѣ не сталѳ; а съ нимъ былъ посланъ съ Дворца Спаской архимаритъ Пиминъ, и въ Митяево мѣсто онъ сталъ въ митрополиты по упрошенію которые съ нимъ были посланы, и какъ онъ пришолъ къ Москвѣ, и Князь (**) Великій Дмитрей Донской положилъ на него опалу, а велѣлъ ему быти въ Чюдовѣ монастырѣ, а въ его мѣсто взяти на митрополія изъ Кіева Кипреяна митрополита, а лежитъ у Пречистой. 5) Митрополитъ Өотей, лежитъ въ Пречистой. 6) Митрополитъ Іона чюдотворецъ, а поставленъ на митрополію на Москвѣ. 7) Митрополитъ Исидоръ, и за еретичество ушелъ безвѣстно (***). 8) Митрополитъ Өеодосей, отосланъ. 9) Митрополитъ Өилипъ, лежитъ въ Пречистой. 10) Митрополитъ Геронтей, лежитъ въ Пречистой. 11) Митрополитъ Изосима и Саватей, и отосланъ. 12) Митрополитъ Симонъ, лежитъ въ Пречистой. 13) Митрополитъ Варламъ (****). 14) Митрополитъ Данилъ, оставленъ. 15) Митрополитъ Іосифъ, самъ отставилъ. 16) Митрополитъ Макарей, преставился. 17) Митрополитъ Аөонасей. 18) Митрополитъ Өилипъ, на Соловкахъ лежитъ. 19) Митрополитъ Кирилъ. 20) Митрополитъ Онтоней, отставилъ. 21) Митрополитъ Деонисей. 22) Митрополитъ Іевъ: тотъ (*****) митрополитъ поставленъ въ патріархи, лежитъ въ Старицы. 2) Патріархъ Игнатей. 3) Патріархъ Ермогенъ. 4) Патріархъ великій господинъ и государь Филаретъ Никитичь

(*) *Такъ въ подл. вмѣсто* Митяй.

(**) *Въ подл. за симъ прибавлено неумѣстно*: и.

(***) *Въ подл.* беcтвестно.

(****) *Въ подл. за симъ прибавлено*: о томъ (?).

(*****) *Въ подл. прибавлено*: лежитъ.

Московскій и всеа Русіи.» За исключеніемъ этой статьи всѣ прочія чисто юридическаго содержанія; притомъ, какъ имѣющія своимъ главнымъ предметомъ воровство, смертоубійство и другія преступленія, онѣ должны быть помѣщены въ числѣ источниковъ нашего древняго уголовнаго права. Въ этомъ отношеніи онѣ отличаются и отъ статей самого Судебника и отъ прочихъ дополнительныхъ къ нему постановленій, которыя принадлежатъ къ области гражданскаго права или же касаются преступленій по службѣ, ограничиваясь однако преимущественно судопроизводствомъ, между тѣмъ какъ настоящія статьи имѣютъ очевидно главною цѣлью опредѣленіе самихъ пеней и вообще наказанія за тѣ или другія преступленія. Такимъ образомъ онѣ, по содержанію своему, гораздо ближе подходятъ къ Русской Правдѣ и при сличеніи съ ея статьями могутъ подать поводъ къ любопытнымъ выводамъ. Но кромѣ Русской Правды есть еще одинъ памятникъ, именно Литовскій Статутъ, гдѣ встрѣчаются статьи, имѣющія поразительное сходство съ нѣкоторыми издаваемыми нами статьями Эрмитажнаго сборника. Стóитъ только прочесть изъ числа этихъ послѣднихъ статьи о воровствѣ разнаго рода, о цѣнѣ животныхъ и въ особенности статью «о борти и озерахъ и о сѣножатіи», равно какъ и другія въ сличеніи съ соотвѣтствующими имъ по содержанію статьями Литовскаго Статута, чтобы до наглядности убѣдиться въ такомъ сходствѣ. Неосновательно было бы однако, утверждаясь на немъ, рѣшить окончательно, что упомянутыя здѣсь и другія постановленія заимствованы составителемъ дополнительныхъ статей или даже писцомъ Эрмитажнаго сборника непосредственно изъ Литовскаго Статута. Въ опроверженіе такого предположенія можно указать не только на краткость нѣкоторыхъ изъ нашихъ статей въ сравненіи съ подходящими къ нимъ статьями Статута, но также на различіе цѣнъ, означенныхъ притомъ вездѣ въ нашихъ статьяхъ Великорусскою монетою. Сверхъ того не

должно забывать, что если вообще между одновременными памятниками древнихъ законодательствъ встрѣчается большее или меньшее сходство относительно разныхъ предметовъ судопроизводства и особенно относительно преступленій и положенныхъ за нихъ пеней, то тѣмъ значительнѣе должно быть это сходство между такими же памятниками двухъ законодательствъ, въ основѣ коихъ лежатъ, безъ сомнѣнія, одни и тѣже начала, общія всѣмъ законодательствамъ народовъ великаго Славянскаго племени. Впрочемъ, еслибъ даже можно было доказать особенное вліяніе Литовскаго Статута на составленіе издаваемыхъ нами дополнительныхъ статей, такъ точно какъ онъ былъ принятъ въ число источниковъ редакторами Уложенія, тѣмъ не менѣе, имѣя въ виду сказанное выше, оно должно быть признано естественнымъ вліяніемъ законодательства, родственнаго намъ по своей основѣ; почему и не слѣдуетъ означенныя статьи ставить на ряду съ такими, которыя были бы заимствованы безсознательно изъ чужеземныхъ источниковъ. Но переходя отъ сличенія этихъ статей съ статьями Литовскаго Статута къ сличенію ихъ съ содержаніемъ Уложенія Царя Алексѣя Михайловича, мы не можемъ не замѣтить, что многія изъ нихъ не взошли въ это послѣднее; не считаемъ однако за нужное распространяться здѣсь о причинѣ такого опущенія ихъ составителями Уложенія, надѣясь имѣть случай говорить подробнѣе объ отношеніи этого законодательнаго памятника къ предшествующимъ ему источникамъ права въ другомъ мѣстѣ.

За разсмотрѣніемъ вообще содержанія издаваемыхъ нами статей, намъ остается сказать, что онѣ писаны въ самомъ сборникѣ весьма неисправно; почему мы почли долгомъ исправить въ текстѣ или примѣчаніяхъ нѣкоторыя явныя описки, указывая однако всегда на чтеніе того или другаго слова въ самомъ подлинникѣ на основаніи копіи, сдѣланной съ него въ точности г. Бычковымъ. Въ дополненіе же къ статьямъ

мы прилагаемъ: 1) Перечень статей Царскаго Судебника и дополнительныхъ къ нему въ томъ порядкѣ, какъ онѣ помѣщены въ Эрмитажномъ Сборникѣ, съ указаніемъ подъ чертою текста на разныя изданія, гдѣ онѣ напечатаны. 2) Указаніе на статьи, соотвѣтствующія въ древнихъ юридическихъ памятникахъ дополнительнымъ статьямъ къ Судебнику настоящаго изданія.

Редакторъ.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ СТАТЬИ КЪ СУДЕБНИКУ 1550 ГОДА.

1 (*).—О бортномъ деревѣ и о ловѣхъ и о пустыняхъ. Кто чьевы у кого половилъ насилствомъ въ чее пустыни, и тому за насилство 20 рублевъ денегъ; а сколко звѣрей половилъ, и тому всякому указъ звѣрю:

2 (**).—За зубря 12 рублевъ; за лось 6 рублевъ; за олень или за лань 6 рублевъ; за медвѣдя 3 рубли; за вепрей или за свинью рубль; за козу 25 алтынъ; за рысь 3 рубли.

3 (***).—О борти и озерахъ и о сѣножатіи. Кто будетъ въ чюжую пустыни (1): у которыхъ есть борти свои въ нашемъ жалованьѣ, которые имѣютъ борти свои владѣти; или кто имѣетъ озера или сѣножати при тѣхъ угодьяхъ, входы при тихъ пустыни, (и) ему (2) къ озеру съ неводомъ ѣхати волно, а собаки ему са собою не имати, ни рогатины, ни какого ружья, чтобъ ему звѣря въ чюжемъ угодьѣ не убить и вонъ не выгонять. А кто будетъ сѣножати въ чужой вотчинѣ имѣетъ, и ему тѣмъ владѣти, а новыхъ имъ не припускати; а будетъ старые его сѣножати заросли, ему свои рос(чис)тить (3) мочно. А будетъ кто имѣетъ борти въ чужой пустыни, и борт-

---

(*) *Въ подл. статья эта означена цифрою*: 169, *т. е. составляетъ статью* 169-ю *въ числѣ статей Судебника и статей дополнительныхъ.*

(**) *Въ подл. статья эта означена цифрою* 170.

(***) *Въ подл. означена цифрою* 171.

(1) *Такъ въ подл.*: въ чюжую пустыни, *вмѣсто* въ чужой пустыни.

(2) *Въ подл.*: в́ходы при тихъ пустыниему. *При неясности какъ должно правильно читать это мѣсто, мы оставляемъ его въ нашемъ изданіи безъ исправленія, дополнивъ только частицею* и, *помѣщенною въ скобкахъ.*

(3) *Въ подл.* ростить.

никомъ (*къ ?*) тѣмъ бортямъ ходити волно, а собакъ имъ съ собою не имати, ни рогатины и никакісй стрѣлбы, чтобъ звѣрю порухи не было; а по томъ ему съ собою пешню, чѣмъ дѣлати борти, носити волно; а къ сѣножатемъ (4) своимъ одинъ носити топоръ розчыстить заростели да косу, чѣмъ косити. А которые озера имѣютъ въ чьѣ пустыни, и коли придутъ къ тѣмъ озерамъ зимою, рыбу волочыть имъ волно, и дровъ имъ (съ) тое пустыни къ банямъ своимъ взяти (5) и корыто выдѣлати на рыбу. А тѣмъ, которые въ чей (6) пустыни сѣножати свои имѣютъ и не имѣютъ имъ на скирды и на стоги, чѣмъ ихъ огородити, изъ того лѣсу взяти волно. А бортнику на всякое надобья къ бортямъ, что ему на себѣ снесть, а не лошедью везть, взяти что мочно. А которое дерево въ которомъ бортномъ ухожьѣ со пчелами или безо пчелъ повалитца, ему пчелы выпущать то дерево волно вывезть и верховые, а корень оставити; а стоячее де дерево на надобье и на дрова изъ чужой пустыни имати не волно. А будетъ кто ниву розчыщалчы дерево бортное, на борты удѣлано, безо пчелъ или со пчелами окололъ или пожаромъ палилъ, и то будетъ дерево засохнетъ, и за то ему дерево платить со пчелами пол-2 рубли, а безо пчелъ 25 алтынъ; а недѣлное бортное дерево 12 алтынъ 4 денги. А кто будетъ кому по недружбѣ дерево которое со пчелами сожжетъ, или хоти въ которомъ деревѣ (7) пчелы бывали знамено высѣкъ или огнемъ выжегъ, и про то обыщется доприямо, и тому онъ повиненъ чье дерево платить за сосну или за дубъ, въ которомъ пчелы бывали полтора рубли (*).

---

(4) *Вмѣсто*: а къ сѣножатемъ *въ спискѣ, доставленномъ въ Редакцію Архива А. Ѳ. Бычковымъ стоитъ*: а и сѣножати тѣмъ.

(5) *Вмѣсто*: и дровъ имъ (съ) тое пустыни къ банямъ своимъ взяти *въ спискѣ г. Бычкова стоитъ*: и дровъ и ытое пустыни и банямъ своимъ взяти.

(6) *Вмѣсто* въ чей *въ спискѣ г. Бычкова* о чей.

(7) *Въ подл. за симъ прибавлено опять*: хоти.

(*) *Вся эта статья въ подл. писана весьма безграмотно и нетолково. Примѣч. А. Ѳ. Бычкова.*

4.— (*) А кто будетъ у кого пчелы выдралъ не подлаживаючы, а дерево не портилъ, тому повиненъ будетъ платить за всякіе пчелы по полутора рубли. А кто будетъ у кого во дворѣ или въ пасецѣ пчолы выдралъ и въ томъ его уличатъ людми или крестнымъ цѣлованьемъ, и тому (8) платить три рубли, а, окромѣ того, кого поймаютъ съ поличнымъ, и того казнити смертною казнью.

5.—(**) А кто привады птичьии порубитъ и про то сыщетца въ правду, на томъ взяти виноватомъ 6 рублевъ. А будетъ кто у кого привады злымъ умышленіемъ попортитъ или подсѣчетъ и въ томъ его уличатъ въ правду, и на томъ виноватомъ доправити исцу 3. рубли денегъ. Или кто украдетъ шатеръ птичей, и на томъ доправити 3. рубли жъ денегъ.

6.—(***) О гнѣздѣ сокольѣ и о лебединомъ и о перевѣсѣхъ. Кто у кого гнѣздо соколье испортитъ или подсѣчетъ, или сокола на гнѣздѣ помкнетъ, или изъ гнѣзда соколы молоды покралъ, и въ томъ его уличатъ въ правду, и за то гнѣздо испорченое взяти исцу на виноватомъ 6 рублевъ; а за то лебединое гнѣздо, кто у кого съ гнѣзда яица поберетъ и гнѣздо испортитъ, и за то лебединое гнѣздо взяти на томъ 3. рубли денегъ. Или кто у кого перевѣсы подсѣкъ и сѣть перевѣсную украдетъ, и на томъ виноватомъ взяти исцу 6. рублевъ денегъ.

7.—(****) О покраденіи. Кто у кого садъ покрадетъ, и про то обыщетца въ правду, что онъ кралъ, или его того саду съ поличнымъ приведетъ, и на томъ виноватомъ доправити 12 рублевъ. Или кто въ саду дерево, которое пригодитца садить, хоти отростокъ, изъ саду украдетъ, и на томъ виноватомъ доправити пол-3. рубли.

(*) *Въ подл. статья эта означена цифрою* 172.
(8) *Въ подл. по списку А. Ѳ. Бычкова:* и то ему.
(**) *Въ подл. статья эта означена цифрою* 173.
(***) *Въ подл. статья эта означена цифрою* 174.
(****) *Въ подл. статья* 175.

8. — (*) Цѣна работнымъ лошадемъ: за мерина или за кобылу 25 алтынъ, за третьяка жеребца робочыхъ 25 алтынъ; да за кобылу за третьяку полтина; за лонское жеребья 12 алтынъ 3 денги; за селѣтокъ двѣ гривны.

9.—(**) Цѣна всякой животинѣ: за вола 30 алтынъ безъ гривны; за вола за стадного, которой не валишенъ 30 алтынъ безъ гривны; за корову полтина; за яловицу четыре гривны; за молодого быка, которой въ плугѣ не ходитъ четыре гривны; за телицу 12 алтынъ 3 денги; за теля лонское 2 гривны, а за селѣтка тожъ; за вепра за кормного полтина; за некормного вепря 13 алтынъ 3 денги; за пороска 4 гривны; за свинью 2 гривны; за подсвинку гривна; за поросенка 10 денегъ; за овцу 5 алтынъ; за борана 4 алтына; за валышоного барана 2 гривны: за ягня полгривны; за козла 12 алтынъ 3 денги; за козу 2 гривны; за козленка полгривны.—Цѣна птицамъ домовымъ: гусь 2 алтына; пѣтухъ валышеной 2 алтына; курица 3 денги; утка грошъ; селезень 2 денги; голубь 2 денги; утка, которая сидитъ на кругу, 6 рублевъ; пава или павъ 2 рубли съ четвертью; лебедь домовой 2 рубли съ четвертью.

10.—(***) О птицахъ ловчыхъ держаныхъ: кречетъ красной 12 рублевъ; бѣлой кречетъ 10 рублевъ; сѣрой кречетъ 6 рублевъ; соколъ 6 рублевъ; ястребъ болшой 3 рубли; балобанъ 2 рубли; за ястребца или за чеглока рубль; за дерлика полтина.

11.—(****) Цѣна собакамъ: за задворную собаку 3 рубли; за звѣриную, которая ходитъ за звѣрми 6 рублевъ; за гончую 2 рубли съ четвертью; которая ходитъ собака за враномъ 2 рубли съ четвертью; за ищею, которая ходитъ за ястребомъ 2 рубли съ четвертью; за подпищалную 3 рубли; за постелную 6 рублевъ; за меделянскую 6 рублевъ; за хорта 6 рублевъ.

12.—(†) Коли кого собака съ которого двора непривязаная укуситъ, и тотъ человѣкъ пойдетъ къ воеводѣ и бьетъ челомъ,

---

(*) *Въ подл. статья эта означена цифрою* 176.

(**) *Въ подл. статья* 177.

(***) *Въ подл. статья* 178.

(****) *Въ подл. статья* 179.

(†) *Въ подл. статья* 180.

и воевода ему дастъ судъ; а онъ на него станетъ бити челомъ, что онъ съ того двора собакою травилъ и въ томъ дати вѣра, что онъ того не дѣлалъ; цѣловати не похочетъ, и ему платить безчестья, смотря по человѣку, какъ бы ранилъ самъ своею. А будетъ кто собаку умысляетъ на неѣ пришолъ, а не отъ руки забилъ или застрѣлилъ, и за ту собаку платить по указу, что каковѣ собакѣ положена цѣна. А будетъ та собака кинулась на него и хотѣла его съѣсть и онъ боронячысь тоѣ собаку ушибъ изъ руки, а не шибкомъ и не застрѣлилъ еѣ, и тотъ за тое собаку не платитъ ничего.

13.— (*) А которая будетъ животина или собака въ сусѣднѣ дѣлѣ дурно сдѣлаетъ , что блудитъ у сусѣда, или гдѣ отшедъ, а тотъ господинъ еѣ, тое животины (9) или собаки, то вѣдаетъ, а еѣ не привяжетъ и животины не запираетъ своей, и о томъ ему сусѣди говорили, и въ томъ его тотъ истецъ уличытъ людми,—повиненъ будетъ все платить, чего онъ на немъ ищетъ: что заблудитъ собака или животина, то и платитъ.

14.— (**) Кто украдетъ что ни есть на дворѣ и въ томъ его уличатъ людми: хоти что не стоитъ 6 алтынъ 2 денегъ, а вымутъ его лицемъ, и ему за татбу уши обрѣзати; а будетъ тотъ же тать въ другій покрадетъ што на дворѣ, а то краденое не стоитъ гривны денегъ, и его приказнити смертною казнію.

15.—(***) А которой убьетъ или ранитъ слуга государя своего, и тотъ повиненъ смерти злой; а будетъ хоти дерзнулъ на государя своего рукою до ружія, и ему за то рука отсѣчь.

16.—(****) Кто убьетъ до смерти отца или матерь, или кто хоти сродича своего убьетъ, и тому дати сыну муку: въ торгу его возити и тѣло клещами рвати, и по тому посадити (10) на него собаку, куря и ужа и кота, и то все вмѣстѣ собравши,

---

(*) *Въ подл. статья* 181.

(9) *Въ спискѣ г. Бычкова*: тое животину.

(**) *Въ подл. статья* 182.

(***) *Въ подл. статья эта означена цифрою* 183.

(****) *Въ подл. статья* 184.

(10) *Въ спискѣ г. Бычкова*: и потому посатити.

съ нимъ въ водѣ затопить. А которая дочь отца убьетъ или матерь, и указъ тотъ же. А которои съ нимъ были въ заговорѣ, что отца его убить или матерь, и ихъ казнити смертною ([11]) казнію.

17.—(*) А которой отецъ или мать убьетъ сына или дочерь до смерти, и отцу за то или матери сидѣть въ башнѣ въ городѣ годъ и шесть недѣль, и послѣ того приходити къ соборной церкви и постъ держати и грѣхъ свой объявляти предо всѣми людми.

18.—(**) А которой братъ брата убьетъ до смерти или сестра брата, или братъ сестру, или шуринъ зятя, или зять шурина, или ближняго своего пріятеля, и тотъ по тому же повиненъ смерти.

19.—(***) А кто на кого ([12]) на городѣ засѣлъ на подсадѣ, и тотъ истережетца и его и самого убьетъ, и тотъ, которой забилъ отъ себя, бороняся, а преже сего съ нимъ былъ въ поборанкѣ не было, и ему пріѣхати въ городъ вскорѣ извѣстити въ съѣзжей избѣ воеводѣ, что тотъ убійца на него былъ засѣлъ, иль онъ бороняся отъ него убилъ его до смерти, и скажетъ передъ воеводою по государеву крестному цѣлованью вправду, и онъ свободенъ будетъ отъ головщины и отъ приставьства.

20.— (****) А кто дѣвку разтлитъ насилствомъ, а та дѣвка будетъ въ томъ насилствѣ его кричала, и будетъ люди пришли, и она имъ про то насилство сказывала по что еѣ изнасилничелъ, а не, по еѣ воли, и въ томъ своемъ позорѣ била челомъ воеводѣ и слалась въ своемъ насилствѣ на тѣ люди, и по еѣ сылкѣ тѣ люди сказали, и за то насилство казнити его смертною казнію да изъ прожитковъ живота его взяти безчестія дѣвкѣ, смотря по безчеству ея; а будетъ она похочетъ итти за него за мужъ, и то будетъ на обѣ воли.

---

(11) *Въ спискѣ г. Бычкова:* смертную.

(*) *Въ подл. статья* 185.

(**) *Въ подл. статья* 186.

(***) *Въ подл. статья эта означена цифрою* 187.

(12) *Въ подл.* вмѣсто па кого — какого.

(****) *Въ подл. статья* 188.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Оглавленіе Судебника 1550 года и дополнительныхъ къ нему статей по списку С. Петербургской Эрмитажной библіотеки (*).

---

1. — О судѣ: какъ судити бояромъ, и околничимъ, и дворецкимъ, и казначеемъ и дьякомъ (1).
2. — Которой бояринъ, или дворецкой, или казначей, или дьякъ просудится, а обвинитъ кого не по суду, безъ хитрости (2).
3. — Которой бояринъ, или дворецкой, или казначей, или дьякъ, взявъ посулъ, да не по суду обвинитъ (3).
4. — Которой дьякъ, безъ боярскаго, или безъ дворецкаго и безъ казначеева вѣдома, запишетъ дѣло или нарядитъ списокъ, взявъ посулъ не по суду (4).
5. — Которой подьячей безъ дьячьего приказу запишетъ дѣло, посулу для, не по суду (5).
6. — Кто виноватой солжетъ на боярина, или на околничего, или на дворецкаго, или на казначея, или на дьяка или подьячего (6).

(*) Приводя оглавленія статей какъ самого Судебника, такъ и изданныхъ къ нему въ разное время дополненій по списку Эрмитажной библіотеки, въ томъ порядкѣ, какъ онѣ въ немъ одна за другою помѣщены, полагаемъ при этомъ не безполезнымъ указать здѣсь на самыя статьи, къ которымъ относятся перечисляемыя нами оглавленія. Эти статьи, большею частію нѣсколько разъ изданныя, мы будемъ означать цифрами, подъ коими онѣ напечатаны въ «Актахъ Историческихъ, изданныхъ Археографической Коммиссіей», какъ въ послѣднемъ самомъ полномъ и самомъ исправномъ изданіи Судебника и дополнительныхъ къ нему статей. *Примѣч. А. Ѳ. Бычкова.*

(1) Акт. Ист. т. I N 153 ст. 1.—(2) ibid. ст. 2.—(3) ibid. ст. 3.— (4) ibid. ст. 4.—(5) ibid. ст. 5.—(6) ibid. ст. 6.

7.— О жалобникахъ: которой жалобникъ къ боярину, или къ дворецкому, или къ казначею, или къ дьяку пріидетъ его приказу (7).

8.— О пошлинѣ: что имати пошлинъ боярину, или дворецкому, или казначею, или дьяку, или подьячему (8).

9.— Досудится до поля, да не ставъ у поля, помирится (9).

10.— У поля ставъ помирится (10).

11.— Побьются на полѣ въ заемномъ дѣлѣ или въ бою (11).

12.— Побьются на полѣ въ пожегѣ и въ душегубствѣ, или въ разбоѣ, или въ татбѣ (12).

13.— О околничемъ и о дьякѣ, коли къ полю пріѣдутъ (13).

14.— О полщикехъ (14).

15.— А посланъ на послуси въ заемномъ дѣлѣ по кабалѣ или безкобално, или въ каковѣ дѣлѣ нибудь (15).

16.— Котораго послухъ опослушествуетъ въ бою или въ грабежѣ или въ заимьихъ (16).

17 — Противъ послуха наймитъ, а послуху (*въ подл.* послуха) наймита нѣтъ, или которому послуху самому битись не мочно, ино ему наймитъ (17).

18.— Послухъ передъ судью не пріидетъ, остьли за нимъ рѣчи или нѣтъ (18).

19.— Которому ищеѣ самому не мочно на полѣ битись, ино ему наймитъ, а отвѣтчику наймитъ же (19).

20.— Кто взыщетъ человѣкехъ на трехъ или на четырехъ по жалобницѣ, а пишетъ въ жалобницѣ людей болши того (20).

21.— На кого ѣздокъ накинетъ срочную на одного, а онъ въ срочной не одинъ, и тотъ срочные тое товарыщемъ своимъ не скажетъ (21).

22.— Которые люди учнутъ искать на намѣстникахъ или на волостеляхъ и на ихъ людяхъ по жалобницамъ, и намѣстники и волостели за своихъ людей не (*въ подл.* имъ) за всѣхъ учнутъ отвѣчати (22).

23.— Которыхъ людей тѣ исцы учнутъ приписывати въ сыски къ намѣстничимъ или къ волостелинымъ людемъ городскихъ или волостныхъ людей (*въ подл.* и намѣсникомъ и волостелинымъ людемъ городскимъ, или волостелинымъ людемъ) (23).

---

(7) Акт. ист. т. I N 153 ст. 7.—(8) ibid. ст. 8. — (9) ibid. ст. 9.—(10) ibid. ст. 10. — (11) ibid. 11. — (12) ibid. 12. — (13) ibid. 13. — (14) ibid. 14. — (15) ibid. 15.— (16) ibid. 16.— (17) ibid. 17.— (18) ibid. 18.— (19) ibid. 19.— (20) ibid. 20. — (21) ibid. 21.—(22) ibid. 22.— (23) ibid. 23. —

24.— Которые люди иногородцы учнутъ бити челомъ на намѣстниковъ или на волостели о обидахъ (24).

25.— Кто взыщетъ бою и грабежу и отвѣтчику скажетъ билъ, а не грабилъ, или грабилъ, а не билъ (25).

26.— О безчестьѣ и о увѣчьѣ (26).

27.— Которой чюжеземецъ взыщетъ на чюжеземцѣ, или кто здѣшняго государства взыщетъ на чюжеземцѣ (27).

28.— О судѣ: которые дѣла судитъ Царь и Великій Князь, или дѣти Царя и Великаго Князя, и тѣ судные дѣла дьякомъ держати у себя (28).

29.— Судные дѣла велѣти дьякомъ записывати передъ собою, а исцомъ у записки не быть (29).

30.— О смѣсномъ судѣ (30).

31.— Кто поимаетъ кого приставствомъ, да на судъ итти не похотятъ (31).

32.— А недѣлщику на судѣ послуховъ не просити и самому недѣлщику посуловъ не имати (32).

33.— О пошлинѣ что имати отъ правые грамоты боярину, или дворецкому или казначею отъ печати, а дьяку отъ подписи и подьячему (*въ подл.* подьячемъ), которой правую грамоту пишетъ (33).

34.— Что имати съ докладнаго списка боярину и дворецкому и казначею отъ печати и дьяку отъ подписки и подьячему, которой на спискѣ напишетъ (34).

35.— Что имати боярину или дворецкому или казначею отъ печати съ холопа и съ робы отъ правые грамоты, а отпускные отъ печати, а дьяку отъ подписи, а подьячему отъ писма (35).

36.— Что имати дьяку отъ срочныхъ и отъ подписи и отъ подписныхъ срочныхъ и подьячему, которой на отсрочныхъ срокъ отпишетъ (36).

37.— Съ Царева и Великаго Князя суда и дѣтей Царя и Великаго Князя пошлинъ съ суда (37).

38.— А Цареву и Великаго Князя печатнику и дѣтей Царя и Великаго Князя печатнику отъ печати имати (38).

39.— А съ докладнаго списка Царя и Великаго Князя докладу и дѣтей Царя и Великаго Князя докладу печатнику имати пошлинъ (39).

---

(24) Акт. ист. т. I N 153 ст. 24. — (25) ibid. 25. — (26) ibid. 26. — (27) ibid. 27.— (28) ibid. 28.— (29) ibid. 29.— (30) ibid. 30.— (31) ibid. 31.— (32) ibid. 32.—(33) ibid. 33. — (34) ibid. 34.— (35) ibid. 35.— (36) ibid. 36.— (37) ibid. 37.— (38) ibid. 38.— (39) ibid. 39. —

40.— А съ холопа и съ рабы отъ правые грамоты имати печатнику (40).

41.— О срочныхъ отъ подписи имати дьяку (41).

42.— Безсудные и правые давати которымъ днемъ и что съ нихъ имати пошлинъ печатнику отъ печати и дьяку отъ подписи и подьячему отъ писма (42).

43.— Что имати пошлинъ ото лготные грамоты и отъ уставные и отъ полѣтные печатнику отъ печати и дьяку отъ подписи и подьячему отъ писма (43).

44.— Что имати съ приставныхъ у недѣлщиковъ пошлинъ печатнику, печатнику отъ печати и дьяку отъ подписи (44).

45.— О недѣлщиковѣ хоженомъ и о правдѣ (45).

46.— А ѣзду сколко отъ Москвы до котораго города ѣзду (46).

47.— А недѣлщику съ приставными ѣздити и на поруки давати и ѣздоковъ посылати, а людей имъ своихъ съ приставными не посылати (47).

48.— Пріѣдетъ недѣлщикъ или ѣздокъ въ которой городъ или въ волость съ приставною, и ему явить приставная тому намѣстнику или волостелю (48).

49.— О каковѣ дѣлѣ недѣлщикъ дастъ кого на поруки, и ему исцовъ и отвѣтчиковъ не волочити (49).

50.— О проѣсти и о убыткахъ кто по кого пошлетъ пристава, а самъ къ сроку не пріѣдетъ (50).

51.— О пересудѣ и правомъ десяткѣ (51).

52.— Приведутъ кого съ поличнымъ въ первые (52).

53.— О посланіи недѣлщику по татей и по разбойниковъ (53).

54.— А котораго недѣлщика сидятъ тати (54).

55.— О татехъ: поимаютъ его съ татбою въ первые, опричь церковные и головные татбы (55).

56.— О томъ же татѣ, поимаютъ его съ татбою въ другоредь (56).

57.— На кого тать возмолвитъ (57).

58.— На кого возмолвятъ дѣти боярскіе и крестьяне, что онъ тать (58).

59.— Доведутъ на кого розбой, или душегубство, или ябедничество, или подписку, или иное кое дѣло (59).

---

(40) Акт. ист. т. I N 153 ст. 40.—(41) ibid. 41.—(42) ibid. 42.—(43) ibid. 43.—(44) ibid. 44.—(45) ibid. 45.—(46) ibid. 46.—(47) ibid. 47.—(48) ibid. 48.—(49) ibid. 49.—(50) ibid. 50.—(51) ibid. 51.—(52) ibid. 52.—(53) ibid. 53.—(54) ibid. 54.—(55) ibid. 55.—(56) ibid. 56.—(57) ibid. 57.—(58) ibid. 58.—(59) ibid. 59.—

60.— Доведутъ на кого татбу, или иное какое лихое дѣло, опричь розбою (60).

61.— О Государскомъ убойцѣ и о градцкомъ сдавцѣ, и о кормленикѣ, и о церковномъ и о головномъ татѣ, и о подметчикѣ, и о зажигалникѣ (61).

62.— О намѣсникѣхъ за которыми кормленье съ боярскимъ судомъ (62).

63.— О боярскомъ судѣ (63).

64.— Какъ судити намѣстникомъ дѣтей боярскихъ (64).

65.— Что имати намѣстнику отъ правые грамоты пошлинъ (65).

66.— О намѣстникахъ и о волостелѣхъ за которыми кормленье безъ боярскаго суда (66).

67.— О намѣстничьихъ тіунахъ какъ имъ давати правые грамоты (67).

68.— О старостахъ и о цѣловалникѣхъ: въ которыхъ волостяхъ напередъ того старостъ и цѣловалниковъ не бывало, кому въ судѣ судить, и нынѣ въ тѣхъ волостяхъ старостъ и цѣловалниковъ учинити (68).

69.— О намѣстничьихъ и о волостелиныхъ о судныхъ и о докладныхъ спискахъ (69).

70.— Кого намѣстничьи и волостелины люди учнутъ давати на поруку и по комъ поруки не будетъ (70).

71.— Намѣстникомъ и волостелемъ и ихъ (*въ подл.* имъ) тіуномъ тата и душегубца и всякаго лихаго человѣка безъ докладу не продати, ни казнить, ни отпустить (71).

72.— Намѣстникомъ и волостелемъ судити всякихъ людей обыскивая по ихъ (*въ подл.* коихъ) животомъ (72).

73.— Кто скажетъ кто у кого (*въ подл.* того) взялъ чюжой животъ (73).

74.— На которомъ городѣ два намѣстника, или на волости два волостеля (74).

75.— Кто пошлетъ приставы по намѣстника или по волостеля и по ихъ людей (75).

76.— О холопствѣ: судъ отпускныхъ (76).

77.— Какъ на волныхъ людей имати кабалы за ростъ служити, и о старыхъ кабалахъ (*въ подл.* отъ старыхъ кабалъ по которымъ кабаламъ за ростъ служити) (77).

---

(60) Акт. ист. т. I N 153 ст. 60.—(61) ibid. 61.— (62) ibid. 62.—(63) ibid. 63.— (64) ibid. 64.— (65) ibid. 65.— (66) ibid. 66.— (67) ibid. 67.— (68) ibid. 68.— (69) ibid. 69.— (70) ibid. 70.— (71) ibid. 71.— (72) ibid. 72.— (73) ibid. 73.— (74) ibid. 74.— (75) ibid. 75.— (76) ibid. 76.— (77) ibid. 78.

78.— Положать на одного холопа двѣ полные или двѣ докладные (78).
79.— Холопа рать полонитъ (79).
80.— Дѣтей боярскихъ и ихъ дѣтей въ холопи не пріимати (80).
81.— Кто на кого кабалу возметъ въ ростъ, и тѣхъ людей у себя не держати (81).
82.— О найнитехъ, которой не дослужитъ у Государя уроку (*въ подл.* уруку) (82).
83.— Судъ о земляхъ о помѣстныхъ (83).
84.— Судъ о вотчинахъ (84).
85.— О огородѣ промежъ селъ и деревень, о отхожихъ пожняхъ (85).
86.— О переораной межѣ и о сѣченьѣ гранемъ (86).
87.— О крестьянскомъ отказѣ и о выходѣхъ и о поженныхъ (пожилыхъ?) пошлинахъ (87).
88.— Котораго крестьянина въ лихомъ дѣлѣ на полѣ убьютъ (88).
89.— О купцѣ, у котораго товаръ утеряется безхитростно, или которой купецъ своимъ безуміемъ истеряетъ товаръ (89).
90.— О судѣ: которые питаются отъ церкви Божія или которые питаются не отъ церкви и взыщетъ на церковномъ причетѣ (90).
91.— Которой человѣкъ умретъ безъ духовные грамоты (91).
92.— Кто купитъ на торгу ношено (92).
93.— Кто купитъ на Москвѣ или въ Московскомъ уѣздѣ лошедь (93).
94.— Кто купитъ лошедь или вымѣнитъ въ городѣ или въ волости, гдѣ намѣстникъ или волостель (94).
95.— О лошедяхъ непродажныхъ и доморощеныхъ (95).
96.— О судныхъ дѣлѣхъ оконченныхъ (*въ подл.* оканиченныхъ) и дѣлѣхъ суженыхъ, а не конченныхъ и не осуженныхъ дѣлѣхъ прежъ сего Судебника (96).
97.— Которые дѣла въ семъ Судебникѣ не написаны (97).
98.— Да велѣти прокликати по торгомъ на Москвѣ и во всѣхъ городѣхъ про посулы и про послушество (98).
99.— О судныхъ дѣлѣхъ съ Удѣлными Князьми (99).

---

(78) Акт. ист. т. I N 153 ст. 79.—(79) ibid. 80.—(80) ibid. 81.—(81) ibid. 82.—(82) ibid. 83.— (83) ibid. 84.— (84) ibid. 85.— (85) ibid. 86.— (86) ibid. 87.—(87) ibid. 88.— (88) ibid. 89.— (89) ibid. 90.— (90) ibid. 91.— (91) ibid. 92.—(92) ibid. 93.— (93) ibid. 94.— (94) ibid. 95.— (95) ibid. 96.— (96) ibid. 97.—(97) ibid. 98.— (98) ibid. 99.— (99) ibid. 100.—

100.— Которые люди учнуть у кого служити доброволно безъ крѣпости (100).

101.— Шлются съ суда на обыскъ и посылаютъ въ обыскъ (101).

102.— Пошлется ищея или отвѣтчикъ въ слухъ и въ видѣніе и въ вѣдомо (102).

103.— А которые люди ищея или отвѣтчикъ тяжутся передъ бояры и во всѣхъ приказѣхъ (103).

104.— А скажутъ въ обыскѣхъ обыскные люди не однѣ рѣчи (104).

105.— А скажутъ поровну въ обыску (105).

106.— А которые люди въ обыскѣхъ въ одномъ дѣлѣ двои рѣчи говорятъ (106).

107.— А пошлется въ судъ истецъ или отвѣтчикъ въ слухъ (107).

108.— А пошлется ищея или отвѣтчикъ на боярина (108).

109.— А пошлется ищея или отвѣтчикъ изъ виноватаго (109).

110.— А свѣдаетъ бояринъ или дьякъ и всякой приказной человѣкъ (110).

111.— А старостамъ татинымъ и розбойные избы дѣла дѣлати (111).

112.— А учнутъ старосты татиные и разбойные дѣла дѣлати и обыскивати (112).

113.— А посылати къ старостамъ и къ цѣловалникомъ грамоты (113).

114.— А досудится (въ) дѣлѣ до поля, а станетъ бить челомъ отвѣтчикъ (114).

115.— А учнетъ бити челомъ ищея (115).

116.— Которому холопу дадутъ отпускную съ боярскаго докладу (116).

117.— А хощетъ кто ищетъ полоненика въ холопи (117).

118.— По духовной судъ которая жена умретъ (118).

119.— Архіепископомъ и епископомъ и монастыремъ безъ Царя и Великаго Князя вѣдома и безъ докладу вотчинъ у князе(й и) у дѣтей боярскихъ не покупати (119).

120.— Которые люди напередъ сего и по ся мѣста вотчины свои въ монастыри давали (120).

121.— А которые Царевы и Великаго Князя помѣстные черные земли задолжали (121).

---

(100) Акт. Историч. т. I N 154, IV.—(101) ibid. V.—(102) ibid.—(103) ibid.—(104) ibid.— (105) ibid. — (106) ibid.— (107) ibid.— (108) ibid.— (109) ibid. — (110) ibid — (111) ibid. — (112) ibid.— (113) ibid.— (114) ibid. — (115) ibid.— (116) ibid.— (117) ibid.— (118) ibid. — (119) См. Максимовича «Указат. Росс. зак.» т. I, стр. 79, ст. 122. — (120) ibid. статья 123. — (121) ibid. стр. 80 ст. 124. —

122.— А которые села и всякія угодья послѣ Великаго Князя Василія бояре подавали въ монастыри (122).

123.— А которые монастыри будутъ въ ругахъ (123).

124.— А которые милостины будутъ напередъ сего времени шли (*въ подл. прибавл.* или) которымъ церквамъ (124).

125.— А что изстари по уложенію Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи (125).

126.— Кто вскупаетъ вотчину подъ лѣсомъ и подъ рощами (126).

127.— Кому сколко въ исцовыхъ искехъ (*въ подл.* исцехъ) стояти на правежѣ (127).

128.— На служилыхъ людей правити долги денежные и хлѣбные по кабаламъ и по паметямъ (128).

129.— У кого служилые учнутъ заимывати денги въ ростъ и хлѣбъ въ насыпь (129).

130.— Которые заимщики не учнутъ платити по годомъ (130).

131.— Впередъ до урочныхъ лѣтъ досталной долгъ правити (131).

132.— Которые люди будутъ на службѣ или въ отъѣздѣ въ тѣ урочные лѣта (132).

133.— На комъ будетъ (*въ подл.* будутъ) долгу на служилыхъ людѣхъ сто рублевъ (133).

134.— Поряднымъ грамотамъ правити (134).

135.— Неслужилымъ людемъ въ долгѣхъ стояти на правежѣ (135).

136.— Не на служилыхъ людѣхъ долги правити (136).

137.— Которые люди неслужилые учнутъ заимывати денги въ ростъ и хлѣбъ въ насопь (137).

138.— Кто у кого возметъ денги въ займы безкабално и безпаметно или что на ссуду (138).

139.— О закладныхъ вотчинахъ (139).

140.— Кто у кого вотчину свою заложитъ за ростъ пахати (140).

141.— О крестномъ цѣлованіи: кто въ полону неволею крестъ поцѣлуетъ (141).

142.— Кто въ полону посломъ посланъ или гостемъ пошелъ, да по своей волѣ крестъ цѣлуетъ (142).

---

(122) Указ.Рос. зак. т. I стр. 80 ст. 125.—(123) ibid. стр. 81 ст. 126.—(124) ibid. ст. 127.—(125) ibid. ст. 128.—(126) Акт. Истор. N 154, VI.—(127) ibid. III.—(128) ibid. VII.— (129) ibid.— (130) ibid.— (131) ibid.—(132) ibid.—(133) ibid.—(134) ibid. — (135) Акт. Ист. N 154, VII. — (136) ibid. — (137) ibid. — (138) ibid. — (139) ibid. IX. — (140) ibid. — (141) ibid. — (142) Максимовича «Указат. Росс. зак.» т. I стр. 102, второй столбецъ, статья 141, 22. Эрмитажный списокъ представляетъ значительные варіанты.—

А се главы которые дѣла послѣ сего Судебника вновь приговорены :

---

(143) Указ. Рос. зак.т. I ст. 142, 22. —(144) ibid. ст. 143,22.—(145) ibid. стр.104, второй столбецъ, статья: «о крестномъ цѣлованіи... молитвы имъ не давати». Эрмитажный списокъ представляетъ варіанты. — (146) ibid. ст. 145, 22. — (147) Максимовича «Указат. Росс. зак.» т. I стр. 104, второй столб., ст. 147, 22. Эрмитажный списокъ представляетъ многіе варіанты, какъ на прим.: въ началѣ у Максимовича: «аще кто на правдѣ у нужи»; въ Эрмит. сп. «Аще кто на правежѣ на своемъ правѣ у нужи...»—(148) Акт. Ист. т. I N 153 ст. 77. Здѣсь недостаетъ того же мѣста , какъ и въ спискѣ, обозначенномъ въ А. Ист. N 7. — (149) ibid. N 154, XIV. — (150) ibid. — (151) ibid. — (152) ibid.— (153) ibid. XII.— (154) ibid.—

155.— А кто на кого положитъ служилую кабалу, а будетъ тотъ человѣкъ сына боярскаго служилаго сынъ (155).

156.— Кто боярской человѣкъ понмаетъ на Москвѣ какого человѣка ни буди, а назоветъ его государя своего холопомъ, или скажетъ изымать кого по заказу чьему (156)

157.— Которые половяники которые земли ни буди и служилыхъ иноземцовъ дѣти крестився похотятъ кому въ службу бити челомъ, а государю тѣ новокрещены въ службу не пригодятся или отъ службы отставлены (157).

158.— А кто новокрещена пріиметъ къ себѣ въ службу и крѣпость на него возметъ безъ казначеева вѣдома; а которые люди новокрещенаго къ себѣ пріимали безъ докладу (158).

159.— Въ которой день у государя живетъ болшая понахида и въ тотъ день смертною и торговою казнью не казнити (159).

160.— Которые отпускные до сего Уложенія безъ боярскіе печати и безъ дьячей подписи (160).

161.— Которымъ людемъ Государь велѣлъ полѣтные давати въ долгѣхъ на пять лѣтъ по жеребьямъ безъ росту для того, что у нихъ дворы горѣли (161).

162.— На которыхъ людѣхъ ищутъ по кабаламъ заемныхъ денегъ за ростъ служити, а на иныхъ сносовъ (162).

163.— О земляхъ, которые за монастыри вотчины куплены и вкладываны (163).

164.— Вотчинникомъ вотчинъ своихъ по душамъ не давати (164).

165.— Которые крестьяне изъ бояръ и изъ за дворянъ и изъ за приказныхъ людей и изъ за дѣтей боярскихъ и изъ за всякихъ людей изъ помѣстей и изъ вотчинъ выбѣжали до 106 году за пять лѣтъ (165).

---

(155) Акт. ист. т. I N 154, XII.—(156) ibid. XIII.—(157) ibid — (158) ibid.— (159) ibid. XV.— (160) ibid. VIII.— (161) ibid. XVI.— (162) ibid.— (163) Акт. Арх. Эксп. т. I N 308.—(164) ibid. Обѣ эти статьи (163 и 164) напечатаны въ «Актахъ» съ неисправнаго списка. — (165) Акт. Ист. т. I N 221, III. Напечатана здѣсь безъ сличенія съ Эрмитажнымъ спискомъ.—

Во 110 году о крестьянскомъ выходѣ.

166.— О крестьянехъ, которые бѣжали въ 110 году и во 111 году и во 112 годѣхъ, и изъ за бояръ, и изъ за дворянъ, и изъ за приказныхъ, и изъ за дѣтей боярскихъ, и изъ за всякихъ людей, которые челобитчикомъ выдавати и въ которыхъ отказывать (166).
167.— О митрополіи Московской (167).
168.— О памети митрополичьимъ бояромъ (168).
169.— О бортномъ деревѣ и о ловяхъ и о пустыняхъ (169).
170.— О зубри и о лосѣхъ (170).
171.— О борти и озерахъ и о сѣножати (171).
172.— О пчелахъ, кто выдеретъ (172).
173.— О привадѣ птичьѣ, кто порубитъ (173).
174.— О гнѣздѣ сокольѣ и о лебединомъ и о перевѣсѣхъ (174).
175.— О покраденіи саду (175).
176.— О цѣнѣ работнымъ лошедемъ (176).
177.— О цѣнѣ всякой животинѣ (177).
178.— О цѣнѣ птицамъ ловчимъ держанымъ (178).
179.— О цѣнѣ собакомъ (179).
180.— О собакахъ, съ котораго двора собака непривязаная укуситъ человѣка (180).
181.— Которая будетъ животина или собака въ сосѣднѣ дѣлѣ дурно сдѣлаетъ, что сблудитъ (181).
182.— Кто украдетъ что ни есть на дворѣ (182).
183.— А которой убьетъ или ранитъ слуга государя своего (183).
184.— А кто убьетъ до смерти отца или матерь (184).
185.— А которой отецъ или мать убьетъ сына или дочь до смерти (185).

---

(166) Напечатана въ Актахъ Археогр. Экспедиціи т. II N 20. — (167) См. въ настоящемъ изданіи Предисловія стр. 75, гдѣ эта статья вполнѣ отпечатана. — (168) Акт. Историч. N 154, ст. XVII. — (169) См. настоящ. изданія дополнительныхъ статей ст. 1. — (170) ibid. ст. 2. — (171) ibid. ст. 3. — (172) ibid. ст. 4. — (173) ibid. ст. 5. — (174) ibid ст. 6.— (175) ibid. ст. 7. — (176) ibid. ст. 8.— (177) ibid. ст. 9.— (178) ibid. ст. 10.— (179) ibid. ст. 11.— (180) ibid. ст. 12.— (181) ibid. ст. 13.— (182) ibid. ст. 14.— (183) ibid. ст. 15. — (184) ibid. ст. 16. — (185) ibid. ст. 17.

186.— А которой братъ брата убьетъ до смерти, или сестра брата или сестру, или шуринъ зятя, или зять шурина, или ближняго своего пріятеля (186).

187.— А кто на дорогѣ на кого подсѣлъ на подсадѣ (187).

188.— А кто дѣвку растлитъ насилствомъ (188).

189.— 136 году генваря въ 11 день указъ Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи и отца Государева великаго государя святѣйшаго Филарета Никитича, патріарха Московскаго и всеа Русіи (189).

II.

Указаніе на статьи, соотвѣтствующія въ древнихъ юридическихъ памятникахъ дополнительнымъ статьямъ къ Судебнику настоящаго изданія.

1 (и 3). * Имъ соотвѣтствуютъ статьи:

въ Русской Правдѣ:

Академич. списка статья 30 **. «А въ княжѣ борти 3. гривнѣ любо пожгуть, любо изоудроуть; *(прибавл. въ Ростовск. сп.:)* а въ смерди 2 вгривнѣ (*чит.* гривнѣ)».

Троицкаго сп. ст. 63. «Аже будеть росѣчена земля или знаменіе, имъ же ловлено, или сѣть: то по верви искати татя, ли платити продажю».

Того же сп. ст. 64. «Аже разнаменаеть борть, то 12 гривенъ».

Того же сп. ст. 68. «Аже борть подътнеть, то 3. гривны продажѣ, а за дерево полгривны (*въ друг. спискахъ:* 3 гривны)».

---

(186) См. настоящ. изданія дополнительныхъ статей ст. 18. — (187) ibid. ст. 19. — (188) ibid. ст. 20. — (189) Акт. Истор. т. III N 92, ст. XII; напечатана здѣсь безъ сличенія съ Эрмитажнымъ спискомъ.

* Цифры эти указываютъ на дополнительныя статьи къ Судебнику настоящаго изданія.

** Статьи Русск. Правды обозначаются здѣсь цифрами на основаніи «Текста Русской Правды», изданнаго мною. *Примѣч. Редактора.*

въ Литовскомъ Статутѣ:

Редакціи 1529 года *, *Розд. IX, ст. 1, начало:* «Тежъ уставуемъ, хто бы чии ловы кгвалътом половилъ: тогды тому, в чие пущи будеть половилъ, маеть кгвалтъ платити дванадцать рублев грошей, а на господара противенъ маетъ заплатити подъ ценою который зверь будетъ половилъ, яко нижей написано.»

Редакціи 1588 года, Розд. X, артикула 1 начало: «Уставуемъ, хто бы чые ловы кгвалтомъ половилъ, тогды тому в чыей пущи будеть половилъ маеть кгвалту заплатити дванадцать рублей грошей, а зверу колко будеть уловилъ ценою якъ ниже описано маеть платити.»

Слич. также статьи, приведенныя ниже какъ соотвѣтствующія ст. 3-й.

въ Уложеніи 1649 года:

Главы X, ст. 218 и слѣд. (см. ниже).

2. Ей соотвѣтствуютъ статьи:

въ Литовскомъ Статутѣ:

Редакціи 1529 года, Розд. IX, ст. 2. «Тежъ уставуемъ цену зверомъ дикимъ: за зубра дванадцать рублевъ грошей, за лося шест рублевъ грошей, за оленя або за ланю три рубли грошей, за медведя три рубли грошей, а за вепра або за свиню рубль грошей, за серну полкопы грошей, за рысь рубль грошей.»

Редакціи 1588 года, Розд. X, арт. 2. «Уставуемъ цену зверомъ дикимъ, которые бы черезъ кого было убито у чужой пущы: за зубра дванадьцать рублей грошей, за лося шесть рублей грошей, за оленя або за ланю шесть рублей грошей, за медведя три рубли грошей, за коня або за кобылу дикую три рубли грошей, за вепра або за свинью рубль грошей, за сарьну копу грошей, за рыся три рубли грошей, за соболя два рубли грошей, за куну полъкопы грошей.»

---

* За неимѣніемъ подъ рукою Русскаго подлинника этой редакціи, мы пользовались текстомъ, помѣщеннымъ въ 18-й книгѣ «Временника, издаваемаго Московскимъ Обществомъ Ист. и древн. Росс.» Но Статутъ редакціи 1588 года мы имѣли въ современномъ печатномъ (Русскими буквами) подлинникѣ, принадлежащемъ О. М. Бодянскому. *Редакторъ.*

3. Ей соотвѣтствуютъ статьи:

въ Русской Правдѣ:

Академич. сп. ст. 30; *Троицк. стт. 64, 68 (см. выше)*; *ст. 69:* «Аже пчелы выдереть, то 3. гривны продажи, а за медъ, аже будеть пчелы не лажены, то 10 кунъ; будетъ ли олѣкъ, то 5 кунъ.»

въ Литовскомъ Статутѣ:

Редакціи 1529 года, Розд. IX, ст. 3: «И тежъ уставуемъ, которые маютъ борти свои въ пущи нашой господарской, або теж у князской, панской и в земянской которымъ обычаемъ маютъ бортей своихъ уживати. А то тымъ обычаемъ: хто мает борти свои або озера або сеножати, а при сеножатехъ и лазни у чией пущы: ку озеру ему ехати з неводомъ, а собаки ему не брати а ни рогатины а ни жадное стрелбы, чимъ бы мелъ зверу шкоду вчинити. А хто мает сеножати в чужой пущи, тотъ маетъ сеножатей своихъ старыхъ вживати, а новых не мает прибавляти; а естлибы старые сеножати заросли, то можетъ ихъ за ся ростеребити собе. А хто мает борти въ чией пущы, бортники, которые маютъ ходити къ ихъ бортям, не мают з собою псов брати, а ни рогатин а ни иное жадное стрелбы, чим бы мел шкоду зверу вчинити, але бортники толко маютъ мети секиру а пешню чимъ борти робити. А къ сеножатемъ не мают ни с чим ити, толко с косою а з секерою, чим заросли ростеребливати, а с косою чимъ ему косити. А вшакже тымъ, которые озера маютъ в чіей пущи, кгды придут зиме озер своихъ волочити, волно имъ дров с тое пущы къ лазнемъ своимъ взяти, а корыта на рыбу вделати. А тымъ, которые сеножати маютъ волност на стирту або на стогъ або на одрину вчинити, або огородити. А бортником волно лыкъ на лезиво або лубя на лазын и на иншые потребы, што бортникомъ на потребы ихъ бортницкие прислуша, иле им потреба будетъ, а што может на собе, а не возомъ вывезти, можеть с пущы чией колве, въ которой будетъ ихъ взяти. А кгды дерево въ которой борти ихъ будутъ опалить або со пчолами або безъ пчолъ, або хотя дерево и не опалит, волно имъ улей з бортью выпустити, а верховье и корен того дерева оставити въ пущы тому пану, чия пуща естъ. А дерева на будованье и дровъ за тыми входы нихто съ чужое пущы на потребы свои брати не маеть. А ведже хто маеть здавва озера, сеножати або борти в чией пущы, озера сеножатми, бортми чужое пущы взяти не можетъ; а тотъ въ чией пущы озера, сеножати и борти будуть, также тыхъ чужих входовъ у свою пущу отняти не можеть».

Тамъ же, статьи 4 начало: «А тотъ который пущу свою мает, а чужие борти у его пущы будуть, а кгды пущу свою розробливати всхочетъ, не маетъ бортемъ и дереву бортному жадное шкоды вчинити. А естлибы хто ниву розробливаючы чые дерево бортное або на борть въделаное кремленое або со пчелами або безъ пчолъ очер або пожаромъ опалилъ а шкоду которую тому дереву вчинилъ, съ чого бы мело тое дерево усохнути, тотъ тому, чиему дереву шкоду вчинит, за то повиненъ будеть платити подле тое уставы нашое ниже написаное.»

Тамъ же, ст. 14: «А хтобы дерево бортное чужое со пчолами сосну очеръ або пожогом ожогъ, або яко колве сказилъ, тотъ за тое дерево и за пчолы повиненъ будет платити тому, чие будет, копу грошей, а за дубъ потомужъ.»

Тамъ же, ст. 15: «А хто бы сосну пчолницу порубалъ або сказил, в которой пчолы бывали, хотя в тотъ часъ ихъ не будеть, повиненъ будеть платити за вее полкопы грошей, а за дуб пчолный, в котором пчолы бывали, потомужъ.»

Тамъ же, ст. 16: «А хто бы порубал або сказил сосну або дубъ бортный, в которомъ еще пчолы не бывали, або сосну кремленую, тотъ за такое дерево, колко ихъ будеть и сказит, повинен будет платити по пятнадцат грошей.»

Редакціи 1588 года, Розд. X, арт. 3: «Тежъ уставуемъ, которые мають борти свои в пущы нашой господаръской або тежъ князской, паньской и земяньской, которымъ обычаемъ мають бортей своихъ ужывати, а то тымъ обычаемъ: хто маеть борти свои, або озера або сеножати, або при сеножатехъ лазни у чыей пущы, тогды къ озеру зъ неводомъ ехати волно, а собаки ему не брати, а ни рогатины, а ни жадное стрелбы, чымъ бы мелъ въ зверу шкоду учинити; а хто маеть сеножати въ чыей пущы, тотъ маеть сеножатей своихъ старыхъ ужывати, а новыхъ не маеть прибавляти, а если бы старые сеножати заразли, тотъ может ихъ за се собе ростеребити; хто тежъ маетъ борьти у чыей пущы бортники которые мають ходити ку ихъ бортямъ не мають и з собою псовъ брати а ни рогатинъ, а ни жадное стрелбы, чымъ бы мелъ зверу шкоду вчынити, але бортники толко мають мети сокеру, а пешню, чымъ бы борть робити. А къ сеножатямъ ити толко зъ секерами, чымъ заросли ростеребити, а съ косою чымъ ее косити; а ведъже тымъ которые озера мають въ чыей пущи, кгды приедуть зиме озеръ своихъ волочити волно имъ дровъ съ тое пущы къ лазнямъ своимъ взяти и корыта на рыбу вделати, а тымъ которые сеножа-

ти мають вольно на стырьту албо на стогъ або отдърыну учынити, албо огородити, а бортникомъ волно па лезиво лыкъ албо лубья на лазъбень и на инъшые потребы што бортникомъ на потребы ихъ борътницкие прислухаеть, тыле иле имъ потреба будеть възяти што можеть на собе занести, а не возомъ вывести.

А кгды дерево, въ которомъ борть ихъ будеть, обалиться со пъчолами або и безъ пчолъ, волно имъ улей зъ бортью выпустити и вывести, а верховъе и коренье оставити въ пущы тому пану чыя пуща будетъ; а дерева на будованье и дровъ за тыми ихъ входы нихто съ чужое пущы брати не маеть, нижли хто маеть здавна озера, сеножати и борти въ чыей пущы, тогды озеръ сеножатми, а бортьми чужое пущи взяти не можеть.

А тотъ в чыей пущы озера, сеножати и боръти будуть такъ же тыхъ чужыхъ входовъ въ своей пущы отняти не можеть, а кгды пущу свою ростеребливати всхочеть, не маеть борътямъ и дереву борътному жадное шкоды чынити; а еслибы хто ниву розробливаючы чые дерево борътное або на боръть вделаное кремленое або со пчолами або и безъ пчолъ очеръ, або пожаромъ опалилъ и шкоду якую тому дереву учынилъ, съ чого бы тое дерево мело схнути, тотъ тому чыему дереву шкоду учинилъ, за то повиненъ будеть платити подле уставы нашое нижей описаное...»

Тамъ же, арт. 13: «Хто бы чужое дерево бортное со пчолами сосну або дубъ або иншое дерево бортное сказилъ, корень у земли урубалъ або пожаромъ ожогъ, або яко кольвекъ и неумыслне съ пригоды попсовалъ, тотъ за кождое дерево со пчолами будеть виненъ платити по две копе грошей, а за выробленое безъ пчолъ копу грошей, за кремъ полькопы грошей; а хто бы кгвалтовне умыслне вытискаючи кого зъ кгрунъту або зъ уходовъ звечныхъ албо тежъ злодейскимъ обычаемъ дерево борътьное очеръ або сжогъ або знамена вырубалъ, або огнемъ выжогъ, а то бы на него переведено, тогды маетъ тому пану чые дерево такъ платитъ: за борть со пчолами не подъбираными три рубли грошей, за дерево бортное, гдѣ первей пчолы были, хотя безъ пчолъ, за псованое по две копе грошей, за дерево на борть выробленое, где еще пчолы не были копу грошей, а за кремъ безъ борти, иле ихъ сказилъ, за кождый по полъкопы грошей.»

въ Уложенін 1649 года:

Главы X, ст. 218: «А будетъ кто въ чюжомъ же угодьѣ испортитъ бортное дерево, корень подсѣчетъ или подожжетъ или какимъ

нибудь обычаемъ какую поруху учинитъ нарочно, и въ томъ на него будутъ челобитчики и сыщется про то допряма, что онъ такое дѣло учинилъ, и за насильство на немъ по суду и по сыску доправить, за бортное дерево со пчелами три рубли, а безо пчелъ, въ которомъ деревѣ напередь того пчелы были, полтора рубли, а въ которомъ деревѣ борть была сдѣлана, а пчелъ не бывало, и за то дватцать пять алтынъ; за кряжь невыдѣланой по двѣнатцати алтынъ по три денги сколько ихъ ни испортитъ *.

Тамъ же, ст. 239: «А будетъ у кого бортные ухожьи, или рыбные ловли, озера, или сѣнные покосы въ государевѣ или въ помѣщиковѣ или въ вотчинниковѣ лѣсу, и тѣмъ людемъ тѣми своими бортными ухожьи и озеры и сѣнными покосы владѣти по старымъ межамъ, и сѣнныхъ покосовъ за межею вново на чюжей землѣ не прибавливати; а будетъ тѣ старые сѣнные покосы лѣсомъ заросли, и имъ тѣ сѣнные покосы росчищати въ своихъ межахъ, а за межами отнюдъ на чюжей землѣ лѣсу не росчищати и сѣнныхъ покосовъ не прибавливати.

А будетъ въ томъ лѣсу бортное его дерево повалится со пчелами или безо пчелъ и похочетъ онъ изъ того дерева пчелы или улей безо пчелъ высѣчи, и ему тѣ пчелы съ ульемъ изъ лѣсу вывезти волно, а верховья и коренья оставити въ лѣсу тому, чей тотъ лѣсъ, а бревенъ никакихъ ни дровъ изъ того чюжаго лѣсу не возити никоторыми дѣлы и въ тотъ чюжой лѣсъ не вступатся и своимъ лѣсомъ не называти.

Также и тѣмъ людемъ, чей тотъ лѣсъ, чюжимъ бортнымъ ухожьемъ и рыбными ловлями и сѣнными покосами насильствомъ не владѣти и въ тѣ угодья не вступатся никоторыми дѣлы.»

Тамъ же, ст. 240: «А будетъ тѣ люди, чей тотъ лѣсъ, похотятъ тотъ лѣсъ росчищати, и имъ, росчищаючи тотъ лѣсъ, бортному деревью никоторые порухи не учинити; а будетъ кто лѣсъ росчищаючи чюжое бортное дерево со пчелами или безо пчелъ обсѣчетъ или огнемъ обожжетъ, или будетъ кто чюжое бортное дерево у себя на полѣ на пашнѣ сохою подпашетъ, и тѣмъ бортнымъ де-

* При статьяхъ 218 и 239 въ подлинномъ Уложенiи отмѣчено, что онѣ взяты изъ Литовскаго Статута; но изъ сличенiя ихъ съ соотвѣтствующими имъ дополнительной статьей къ Судебнику и статьями Литовскаго Статута очевидно, что по денежному штрафу онѣ ближе подходятъ къ первой, нежели къ послѣднимъ. Впрочемъ очевидно также, что редакторы Уложенiя имѣли при этомъ въ виду и подлинный Статутъ.

ревьямъ поруху учинитъ, и въ томъ на нихъ будутъ челобитьчики и съ суда сыщется про то допряма, и на нихъ велѣть за то бортное деревье доправити указная цѣна и отдать исцомъ.»

Тамъ же, ст. 241: «А будетъ кто свой лѣсъ весь росчиститъ и роспашетъ, а въ томъ его лѣсу будутъ чюжіе озера и сѣнные покосы, и ему въ тѣ чюжіе озера и сѣнные покосы потомуже не вступатися никоторыми дѣлы и тѣхъ людей, чьи тѣ озера или сѣнные покосы отъ тѣхъ озеръ и отъ сѣнныхъ покосовъ не отбивать и дорога имъ къ тѣмъ угодьямъ дать, а тѣмъ людемъ, чьи тѣ угодья будутъ, ходя къ тѣмъ своимъ угодьямъ пашни и сѣнныхъ покосовъ не топтати и никоторыхъ убытковъ не чинити.»

Тамъ же, ст. 242: «А будетъ кто въ своемъ лѣсу чюжіе озера выловитъ или сѣнные покосы покоситъ насилствомъ, и въ томъ на него будутъ челобитчики и съ суда про то сыщется допряма, и на немъ велѣти исцу убытки доправити по сыску.»

4. Ей соотвѣтствуютъ статьи:

въ Русской Правдѣ:

Троицкаго сп. ст. 69. (см. выше).

въ Литовскомъ Статутѣ:

Редакціи 1529 года, Розд. IX, ст. 17: «А хто кому выдерет пчолы нелажовые, чинячи школу, а дерева не сказить, тогды повинен будеть за кождые пчолы нелаженые и колко ихъ будеть и выдереть, по полукопю грошей, а за лажоные по пятнадцати грошей.»

Редакціи 1588 года, Розд. X, арт. 14: «Хто бы кому пчолы выдралъ неподлажоные, а дерева не сказилъ, тогды повиненъ будеть за каждые таковые пчолы заплатити две копе грошей; хтобы кому въ дому албо въ пасеце албо въ лесе на дереве зъ улья або съ кореника поставеного пчолы выдралъ албо зъ ульемъ взялъ, а дошли бы его копою албо якою просокою, тогды маеть заплатити три рубли грошей, окромъ если бы кого зъ лицомъ поймано, такового мають сказати яко злодея на горло; а хто бы свепетъ въ чыемъ лесе умысльне порубалъ и медь выбралъ, тотъ маеть за то шесть рублей грошей заплатити.»

въ Уложеніи 1649 года:

Главы X, ст. 219: «А будетъ кто у кого пчелы выдеретъ, а бортей не испортитъ, и на немъ за всякіе пчелы доправити по по-

лутора рубли; а будетъ кто у кого въ дому или во пчельникѣ, или въ лѣсу покрадетъ ульи со пчелами и сыщется про то допряма, и на немъ доправити за всякой улей по три рубли, да ему же за то учинити жестокое наказанье, бити кнутомъ; а будетъ кто въ чьемъ лѣсу умысломъ подсѣчетъ дуплястое дерево со пчелами и медъ изъ того дерева выдеретъ, и на немъ за то доправити шесть рублевъ и отдати исцу.» *

5. Ей соотвѣтствуютъ статьи:

въ Русской Правдѣ:

Троицк. сп. ст 74: «Аже кто подотнеть вервь въ перевѣсѣ (*Карамз. сп. ст. 92*: Аще кто посѣчеть версю, или вервь перетнетъ въ перевѣсѣ), то 3. гривны продажи, а господину за вервь (*Карамз:* за верею и за вервь) гривна кунъ.»

въ Литовскомъ Статутѣ:

Редакціи 1529 года, Розд. IX, ст. 12: «Хто бы кому принады порубал, а то бы на него переведено правом, тотъ мает заплатити чии принады двананадцать рублев грошей, а господару его милости противен толко жъ.»

Тамъ же, ст. 13: «А хто бы принады злодейским обычаем чии показил, дегтем або чосноком подмазалъ, а переведено бы то на него правом: тогды мает заплатити тому чии принады три рубли грошей. И теж тым обычаем хто бы кому шатер украл, тот мает заплатити три рубли грошей.»

Редакціи 1588 года, Розд. X, арт. 11. «Хто бы учынилъ принады на птахи на своемъ кгрунте власномъ, а другий бы тые принады кгвалтовне порубалъ и попсовалъ, або птахи принажоные отогналъ, або на готовыхъ чужыхъ принадахъ помъкнулъ половилъ, а то бы на него слушне въ праве переведено, тотъ маетъ тому заплатити чые принады шесть рублей грошей, и птахи половленые заплатити ценою въ семъ статуте описаною.»

---

* Въ подлинномъ Уложеніи отмѣчено, что эта статья взята изъ Литовскаго Статута; изъ сличенія же ея съ соотвѣтствующими ей дополнительной статьей къ Судебнику и статьей Статута видно, что редакторы Уложенія руководствовались и тою и другою, но при этомъ назначенное въ нихъ наказаніе за воровство съ поличнымъ—смертную казнь—замѣнили торговою («бити кнутомъ»).

Тамъ же, арт. 12: «Тежъ хтобы чые прынады злодейскимъ обычаемъ показилъ, дегтемь або чоснокомъ подьмазалъ, або чымъ кольвекь попсовалъ, а переведено бы то на него правомъ, тогды маеть заплатити тому чые принады тры рубли грошей; тымъ же обычаемъ хтобы кому шатерь тетеричый або сеть куропатнюю на прынадахъ укралъ, тоть маеть заплатити винь три рубли грошей, а за шатеръ тетеричный заплатитъ три рубли грошей, а за куропатюю сеть рубль грошей.»

въ Уложенiи 1649 года:

Главы X, ст. 216: «*А* кто сдѣлаетъ въ своемъ угодьѣ птичью приваду и у той привады птицъ прикормитъ, а иной кто по недружбѣ ту птичью приваду испортитъ и птицъ отъ той привады отгонитъ или у той привады учнетъ птицы ловити насильствомъ, или учнетъ стрѣляти, а тотъ, чья та привада, учнетъ на него бити челомъ Государю, и съ суда сыщется про то его насильство допряма, и на немъ велѣти исцовъ искъ доправити по сыску и отдати исцу.»

Тамъ же, ст. 217: «*А* будетъ кто такую птичью чюжую приваду испортитъ, измажетъ дегтемъ или чеснокомъ или инымъ чѣмъ нибудь и тѣмъ птицъ отъ тоя привады отгонитъ, или кто тетеревиной шатеръ или куропотную сѣтку украдетъ, и въ томъ на него будутъ челобитчики, и съ суда про то сыщется допряма, и на немъ за то доправить исцу за шатеръ тетеревиной три рубли, а за куропотную сѣть рубль; а за то, что онъ ту птичью приваду испортитъ, учинить ему наказанье, бить батоги нещадно, чтобы ему и инымъ такимъ неповадно было впредь такъ дѣлать» *.

6. Ей соотвѣтствуютъ статьи:

въ Русской Правдѣ:

Троицк. сп. ст. 74 (см. выше).

Карамз. сп. ст. 93: «Аще кто украдеть въ чеемъ перевѣсѣ чии песъ или ястребъ или соколъ, то 3. гривны продажи, а господину гривну.»

---

* Объ этой статьѣ Уложенія слѣдуетъ замѣтить тоже, что и о предыдущей: денежный штрафъ (опредѣленный въ Лит. Статутѣ за порчу привады)—шесть рублей—замѣненъ въ ней наказаніемъ батогами.

въ Литовскомъ Статутѣ:

Редакціи 1529 года, *Розд. IX*, *ст. 9*: «И теж уставуем, хто бы кому соколье гнездо сказил, або порубалъ, або умыслне сокола под гнездом помкнул, або з гнезда соколы молодыи покрал: тогды мает тому заплатити, чие гнездо, дванадцат рублев грошей, если бы то на него переведено. И теж если бы хто лебединое гнездо сказилъ або покрал: тогды также дванадцать рублев грошей. И также хто бы перевес чужий порубал, або шост с перевеся скрал дванадцать рублевъ грошей.»

Редакціи 1588 года, *Розд. X*, *арт. 8*: «Уставуемъ, хто бы кому соколье гнездо сказилъ, або подрубалъ, або умысльне соколы подъ гнездомъ поткнулъ, або зъ гнезда соколы молодые побралъ, а то будетъ на него водле права слушне переведено, тогды тому въ чыей пущы тое гнездо скажено маеть заплатити шесть рублей грошей; тымъ же обычаемъ кгды бы хто зъ лебидиного гнезда яйца побралъ, або гнездо розметалъ, тогды за лебединое гнездо хто сказилъ маеть заплатити три рубли грошей; а хто бы перевесъ кому другому порубалъ, або сеть перевесную скралъ, маеть заплатити шесть рублей грошей, а за сеть копу грошей заплатити.»

7. Ей соотвѣтствуютъ статьи:

въ Литовскомъ Статутѣ

Редакціи 1529 года, *Розд. IX*, *ст. 19*: «Хто бы шляхтичу сад покралъ, а на него было бы переведено або з лицом поймано, тотъ маеть заплатити дванадцат рублев грошей, а мужику три рубли грошей.»

Редакціи 1588 года, *Розд. X*, *арт. 16*: «Тежъ хто бы шляхтичу садъ овощовый пры дворе стоячый, кгвалтовне потресъ пощыпалъ, а на него бы тотъ кгвалтъ слушне былъ переведенъ, тотъ маеть заплатити дванадцать рублей грошей, а покрадетъ ли, тогды ус880кожоному за доводомъ маеть быти заплачоно шесть копъ грошей, а того мають доводить врядники, або тивунове, звваща въ небытности пановъ своихъ. А если бы хто въ саду дерево прищепеное кгвалтовне або таемнымъ обычаемъ порубалъ, або щепъ выкопавшы въ саду взялъ, тотъ маеть кгвалтъ заплатити дванадъцать рублей грошей, а за дерево порубаное або выкопаное тры рубли грошей. А хто бы на чыемъ кгрунте у поли овоцъ який въ загороде пощыпалъ або потресъ, тогды за то вины маеть заплатити тры рубли грошей.»

въ Уложенiи 1649 года:

Главы X, ст. 221. «А будетъ кто у кого въ саду съ яблоней яблока ощиплетъ насильствомъ или ночью покрадетъ, и въ томъ на него будутъ челобитчики, и съ суда сыщется про то допряма, и на немъ взяти исцу убытки по его сказкѣ. А будетъ кто у кого въ саду какое дерево ссѣчетъ насильствомъ или украдетъ, а съ суда про то сыщется допряма, и на немъ за всякое дерево доправити по три рубли.»

Тамъ же, ст. 222: «А будетъ кто у кого въ огородѣ какой овощъ насильствомъ пограбитъ или покрадетъ, а сыщется про то допряма, и на немъ за такой овощъ велѣти исцу доправити денги, смѣтя по овощю, да ему же за насильство или за кражу учинити наказанье, смотря по дѣлу.»

8 и 9. Имъ соотвѣтствуютъ статьи:

въ Русской Правдѣ:

Академич. сп. ст. 25: «А за княжь конь иже той съ пятномъ 3. гривнѣ, а за смердѣй 2 гривнѣ.»

Тамъ же, ст. 26: «За кобылу 60 рѣзанъ; а за волъ гривну; а за корову 40 рѣзанъ; а третьякъ 15 кунъ; а за лоньщину полгривнѣ; а за теля 5 рѣзанъ; за яря ногата; за боранъ ногата.»

Тамъ же, ст. 35: «А въ голубѣ и въ куряти 9 кунъ.»

Тамъ же, ст 36: «А въ уткѣ и въ гусѣ и въ жеравѣ и въ лебеди 30 рѣзанъ, а продажи 60 рѣзанъ.»

Тамъ же, ст. 40: «Аже украдуть овцу или козу или свинью, а ихъ будеть 10. одину овьцу укралѣ, да положать по 60. рѣзанъ продажи.»

Троицкаго сп. ст. 40: «Паки ли лиця не будеть, а будеть былъ княжь конь, то платити зань 3. гривны, а за инѣхъ по 2 гривны.»

Тамъ же, ст. 41: «Аже за кобылу 7 (*въ Карамз.* 60) кунъ, а за волъ гривна, а за корову 40. кунъ, а за третьяку 30. кунъ, за лоньщину полгривны, за теля 5 кунъ, а за свинью 5 кунъ, а за порося ногата, за овцю 5 кунъ, за боранъ ногата, а за жеребець, аже не всѣдано нань, гривна кунъ, за жеребя 6 ногатъ, а за коровие молоко 6 ногатъ: то ти уроци смердомъ, оже платять князю продажю.»

Тамъ же, ст. 76: «А за голубь 9 кунъ, а за куря 9 кунъ, а за утовь 30 кунъ.»

Тамъ же, ст. 77: «А за гусь 30 кунъ, а за лебедь 30 кунъ, а за жеравль 30 кунъ.»

Тамъ же, ст. 80. «А кто пакощами конь порѣжеть или скотину, продажѣ 12 гривенъ, а (за) пагубу господину (гривьпа) урокъ платити.»

въ Псковской Судной грамотѣ *:

«Боранъ присужати 6 денегъ, а за овцу 10 денегъ государю, а судьи 3. денги и старая правда; за гусакъ и за гусыню присужати по двѣ денги государю, а судьи 3. денги; за утицу и за селезня и за курицу и за кокошь (кочетъ) присужати по двѣ денги.»

въ Литовскомъ Статутѣ:

Редакціи 1529 года, Розд. IX, ст. 2 (см. выше).

Тамъ же, Розд. XII, ст. 9: «А хто бы в кого украл вола або корову, свиню або вепра, або овцу, або козу, ино тому цена: за вола пятдесят грошей, за корову по сороку грошей, за вепра полкопы грошей, за теля дванадцат грошей, за свинью петнадцать грошей, за порося три гроши, за ягне три грошы, за подсвинка шест грошей, за кнороза полкопы грошей. А хто бы въ кого пограбилъ с тыхъ скота, а штобы умерло, тогды мает з навезкою реч платити.»

Тамъ же, ст. 13: «За гусь три гроши, за каплуна шест грошей, за курицу шесть грошей, за утку два гроши, за селезня грошъ, за голуба грошъ. А естли бы хто круговую утку украл, што на крузе седят, дванадцат копъ, за паву хто украдеть три копы грошей, а за лебедя домоваго, хтобы также вбилъ або вкралъ, десет копъ грошей.»

Редакціи 1588 года, Розд. XIII, арт. 5:

Цена конемъ робочымъ доморослымъ:

За коня або за свереву две копы грошей.
За третяка жеребца отъ робочыхъ сверепъ две копе грошей.
За третячку сверепу две копе грошей.
За лонъское жеребя копа грошей.
За сеголетнее жеребя сорокъ грошей.

---

* См. изд. *Мурзакевича*, стр. 17. Слич. «Запись Новгородск. о церковн. судѣ», напечат. въ Акт. Экспедиц., т. I, № 103, стр. 79—80.

Ведъже где бы который чоловекъ менилъ такие кони робочые быть купленые, тогды якъ дорого купилъ, на чомъ доводъ слушный учинить, плачоно быти маеть.» *Ср. съ этою статьею Стат. ред. 1529 г., Розд. XII, стт. 1—5.*

Тамъ же, арт. 6: «*Цена быдлу великому и малому доморослому*:

За вола две копе грошей.
За быка стадника полторы копы грошей.
За корову сто грошей.
За яловицу семъдесять грошей.
За быка неука копа грошей.
За телицу третячку сорокъ грошей.
За теля лоньское тридъцать грошей.
За теля сеголетъное дванадъцать грошей.
За вепря коръмного копу грошей.
За некормного полъкопы грошей.
За кнороза сорокъ грошей.
За свинью двадьцать грошей.
За подъсвинъка дванадцать грошей.
За порося сеголетънее пять грошей.
За овцу петнадъцать грошей.
За барана дванадцать грошей.
За скопца барана лонщака петнадцать грошей.
За ягне шесть грошей.
За козла четвертака або пегака сорокъ грошей.
За третяка полкопы грошей.
За лонщака двадцать грошей.
За козу двадцать грошей.
За козеня сеголетнее шесть грошей.»

Тамъ же, арт. 7: «*Цена птахомъ домовымъ*:

Гусь три грошы. Каплунъ шесть грошей.
Курица три грошы. Петухъ два грошы.
Утка два грошы Селезень два грошы.
Голубъ грошъ. Утка круговая три рубли грошей.
За пава албо павицу тры копы грошей.
За лебедя домового тры копы грошей.
За кура албо за курыцу калакуцкую двадцать грошей.

въ Уложеніи 1649 года:

Въ главѣ XXIV: «А чему въ исковыхъ челобитныхъ цены будетъ ненаписано, и тому цена положити по сему указу:

Конь восмь рублевъ.
Кобыла нагайская шесть рублевъ.
Жеребенокъ нагайской три рубли.
Меринъ четыре рубли.
Кобыла руськая три рубли.
Жеребенокъ руськой трехъ лѣтъ полтора рубли.
Кобыла руськая же трехъ лѣтъ полтора рубли.
Корова два рубли.
Быкъ два рубли.
Теленокъ годовой дватцать алтынъ.
Свинья или боровъ кормленой дватцать алтынъ.
Поросенокъ однолѣтней пять алтынъ
Овца шесть алтынъ четыре денги.
Боранъ пять алтынъ.
Боранъ молодой три алтына.
Козелъ четырехъ или пяти лѣтъ полтина.
Козелъ трехъ лѣтъ тринатцать алтынъ двѣ денги.
Козелъ годовикъ восмь алтынъ двѣ денги.
Коза восмь алтынъ двѣ денги.
Козленокъ молодой три алтына.
А хлѣбу всякому цѣну класти какъ въ которомъ году хлѣбъ учнутъ въ торгу купити.
Гусь живой три алтына двѣ деньги.
Гусь битой два алтына.
Утка живая два алтына.
Утка битая восмь денегъ.
Куря индѣйское шесть алтынъ 4. денги.
Курица руськая восмь денегъ.»

10. Ей соотвѣтствуютъ статьи:

въ Русской Правдѣ:

Академич. сп. ст. 37: «А оже украдуть чюжъ песъ, любо ястребъ, любо соколъ, то за обиду 3. гривны.»

Троицк. сп. ст. 75: «Аже кто украдеть въ чьемъ перевѣсѣ (*Карамз. приб.*: чии песъ,) ястребъ или соколъ, то продажѣ 3. гривны, а господиву гривна.»

въ Литовскомъ Статутѣ:

Редакціи 1529 года, Розд. XII, ст. 12: «Тежъ уставуем, хто бы кому вкрал сокола, кречета и болобана, ястреба великого чеглел, або ястребчика малого, або дремлю(га) за тым цена нижей напи-

сапа: за кречета красного дванадцать рублев грошей, за белого кречета десет рублевъ грошей, а за серого кречета шесть рублевъ грошей, за сокола дванадцат рублевъ грошей, за ястреба шесть рублевъ грошей, за чеглея три рубля грошей, за ястребца рубль грошей, за дремлюга рубль грошей.»

Редакціи 1588 года, Розд. XIII, арт. 8: «*Цена птахомъ хованымъ на мысливство*:

Кречотъ красный шесть рублей грошей.
За белого кречота пять рублей грошей.
Серый кречотъ тры рубли грошей.
Соколь тры рубли грошей.
Ястребъ великий две копе грошей.
За рагога две копе грошей.
За рабца, або крокгуйца пятьдесять грошей.
За дремлюга тридьцать грошей.

11. Ей соотвѣтствуютъ статьи:

въ Русской Правдѣ.

Академ. сп. ст. 37 (см. выше).
Карамз. сп. ст. 93 (см. выше).

въ Литовскомъ Статутѣ:

Редакціи 1529 года, Розд. XII, ст. 14: «Тежъ уставуем цену собакам, хто бы кому следника або набрешника вкрал або забил, дванадцать копъ грошей, за хорта пят коп грошей, за курча десет коп грошей, за кобеля пит копъ грошей, за узлайника три коп грошей, а за окгара три коп грошей, за меделянского пса дванадцать рублевъ грошей, а за осочного пса дванадцат рублевъ грошей, а за щайку три копы грошей, а за подстреленого пса десет коп грошей.»

Редакціи 1588 года, Розд. XIII, арт. 12: «За пса домового брехуна три копы грошей; за наследника и за набрешника зверанього три рубли грошей; за выжла две копе грошей; за курча и за хорта три копы грошей; за уланъника звериного три копы грошей; за щаю полторы копы грошей; за подстрелъчого пса три копы грошей; за пса обсочного три рубли грошей; за меделянъского пса три рубли грошей; за хорта подъсоколного три рубли грошей.»

12. Ей соотвѣтствуютъ статьи:

въ Литовскомъ Статутѣ:

Редакціи 1529 года, Розд. XII, ст. 15: «Тежъ уставуем, коли бы кого пес уел, щиего пощванья былъ бы о то до суда позванъ, а не зналбы ся ку пошеванью, таковому хочем и сказуем, иж таковый присягою своею телесъною невинность свою мает очищати. А естлибы сам не хотелъ присягнути: тогды жалобнику мает присягу допустити, тогды повинен будеть шляхтичу безчестье платити, а простому человѣку за рану. А еслибы хто кому пса забил в руки боронечися, таковый не мает ничого за него платити; еслижбы кинувшы забил, повинен ему платити.»

Редакціи 1588 года, Розд. XIII, арт. 13: «Тежъ уставуемъ: кгды бы кого песъ уелъ счыего присчъванья, а онъ бы ставшы за позваньемъ передъ судомъ къ тому посчванью ся не зналъ, таковому судъ маеть вскавати отприсегнутися, ижъ того не вчынилъ; а кгды бы присегнути не хотелъ, тогды жалобная сторона, кгды его въ томъ поприсягнеть, повиненъ его будеть навезати, яко бы его самъ своею рукою ранилъ. Пакъ ли бы хто кому пса умысльне, а не отъ руки забилъ, або застрелилъ, таковый будеть повиненъ оного пса платить водле цены вышеи описаные. Нижли естлибы его забилъ отъ руки киемъ албо якою бронею себе боронечы не пометомъ а ни стрелбою, таковыи за оного пса ничого платити не будеть повиненъ.»

въ Уложеніи 1649 года:

Главы X, ст. 281: «А будетъ кто на кого пуститъ собаку нарочнымъ дѣломъ, и та его собака того, на кого ея пуститъ, изъѣстъ или платье издеретъ, и въ томъ на него будутъ челобитчики, и съ суда сыщется про то допряма, и на немъ велѣти иcцу доправити бесчестье и увѣчье и убытки вдвое; а будетъ про то сыскати будетъ нѣчимъ, и имъ въ томъ съ суда дати вѣра крестное цѣлованіе.»

Тамъ же, ст. 282: «А будетъ кто у кого собаку убьетъ нарочнымъ дѣломъ, и на немъ по сыску велѣть за ту собаку доправя указную цѣну отдати иcцу.»

Тамъ же, ст. 283: «А будетъ кто у кого собаку убьетъ ручнымъ боемъ, не изъ ружья, бороняся отъ себя, и ему за ту собаку цѣны не платить и въ вину ему того не ставити.»

13. Ей соотвѣтствуютъ статьи:

въ Литовскомъ Статутѣ:

Редакціи 1529 года, Розд. XII, ст. 16: «Теж уставуем, иж колибы чий пес коня, вола або иншого якого другого уелъ, або ему тым которую шкоду вчинилъ, за таковое быдло господарь будет повиненъ отказывати.»

Редакціи 1588 года, Розд. XIII, арт. 14, начало: «Уставуемъ, естлибы въ кого песъ домовый албо быдля якую шкоду у околицы чинило, а тотъ домовый государъ о томъ ведаючы оного быдлятя стеречы, а пса на привези держати имети не хотелъ, тогды таковый будеть повиненъ всю шкоду въ суседъстве черезъ такое быдля або пса вчыненую платити и оправити на што слушныи доводъ будеть вделанъ; если же бы быдля такое человека образило, тогды тое быдля тому кого образилъ выдано быти масть ..»

въ Уложеніи 1649 года:

Главы X, ст. 284. «А будетъ у кого собака на люди мечется или животина: корова, или быкъ, или козелъ, или боранъ людей или животину бьетъ, а онъ такія собаки на привези держати и животины беречь не учнетъ, и его небреженіемъ отъ той его собаки или отъ животины кому какое дурно или убытки учинятся, и въ томъ на него будутъ челобитчики и сыщется про то допряма, и на немъ тѣ всѣ убытки велѣть доправя отдати исцу, а о томъ приказати ему накрѣпко, чтобы онъ впредь ту собаку держалъ на привези, а животину въ запорѣ, чтобы отъ той его животины впередъ никому никакого дурна не было; а будетъ онъ ту свою собаку на привези и животины въ запорѣ держати не учнетъ, и отъ той его собаки или отъ животины кому какое дурно учинится, и въ томъ на него будутъ челобитчики, и на немъ велѣть тѣмъ челобитчикомъ иски ихъ правити по ихъ сказкамъ безъ суда, и ту животину, взявъ у него, отдати челобитчикомъ»

14. Ей соотвѣтствуютъ статьи:

въ Русской Правдѣ:

Академич. сп. ст. 29: «А иже крадеть любо конь, любо волы, или клѣть, да аще будеть единъ кралъ, то гривну и тридесятъ рѣзанъ платити ему; или ихъ будеть 18, то по три гривнѣ и по 30. рѣзанъ платити мужеви.»

Троицк. сп. ст. 37: «Аже крадеть кто скотъ въ хлѣвѣ или клѣть, то же будеть одинъ, то платити ему 3. гривны и 30. кунъ; будеть ли ихъ много, всѣмъ по 3. гривны и по 30. кунъ платити.»

въ Уставной Двинской грамотѣ 1398 года *.

«А татя впервые продати противу поличного, а въ другіе уличатъ, продадутъ его не жалуя, а уличатъ въ третьіе, ино повѣсити: а татя всякого пятнити.»

въ Псковской судной грамотѣ **.

«Чтобы и на посадѣ покрадется, ино двожды е (татя) пожаловати; а изличивъ казнити по его винѣ; и въ третій рядъ изличивъ, живота ему не дати.»

въ Губномъ наказѣ 1549 г. сент. 27 ***.

«Которого татя поимаютъ на первой татбѣ, а досулите (губные старосты) до вины, и выбъ на томъ татѣ доправя исцовы иски, отдавали исцемъ. а въ продажѣ тотъ тать намѣстнику и волостелемъ и ихъ тіуномъ; и какъ намѣстники и волостели и ихъ тіуни на татѣ продажу свою учинятъ, и выбъ старосты губные тѣхъ татей велѣли, бивъ кнутьемъ да выбити ихъ изъ земли вонъ. А поимаютъ тогожъ татя съ другою татбою, а доведутъ на него другую татбу, и выбъ на томъ татѣ велѣли исцевы иски доправити изъ его животовъ и статковъ, да того татя велѣли бивъ кнутьемъ да отсѣчь у него руку; а въ продажѣ бы того татя отдавали волостелемъ и ихъ тіуномъ, и какъ тому татю волостели и ихъ тіуни продажу свою учинятъ, и вы бъ старосты губные того татя велѣли выбити изъ земли вонъ. А поимаютъ тогожъ татя съ третьею татбою съ поличнымъ, и доведутъ на него третью татбу, и будетъ тотъ тать вѣдомой лихой, и выбы исцевы иски дали исцемъ изъ его животовъ и статковъ; а что тѣхъ татиныхъ животовъ останется у исковыхъ исковъ, и выбъ досталь тѣхъ татиныхъ животовъ отдавали волостелемъ и ихъ тіуномъ за ихъ пошлину, а того бы

* См. Акт. Экспедиц. т. I, № 13, стр. 8.
** Изданіе Мурзакевича, стр. 2 текста.
*** См. Акт. Экспедиц. т. I, № 224, стр. 215.

естя татя велѣли бивъ кнутьемъ да казнивъ смертною казнью повѣсити въ тѣхъ мѣстѣхъ, гдѣ которого татя поимаютъ съ татбою.»

въ Эклогѣ Леона и Константина *.

Зачала 16. ст. 34: «Крадяй на иномъ мѣстѣ града, въ первыхъ убо творяй сіе, аще свободенъ есть и можетъ на устроеніе украденаго по семъ сугубо украденаго цѣну да подастъ; аще ли не имовитъ есть, да біенъ будетъ и заточенъ; второе же аще сотворитъ, да усѣкнутъ ему руцѣ.»

Тамъ же, ст. 24: «Разбиваяй и присѣданія творя и убивая, на немъ же мѣстѣ ятъ будетъ, да востокнутъ его на древо.»

Слич. Градскаго закона грани 39, ст. 54 и 15.

въ Литовскомъ Статутѣ:

Редакціи 1529 года, Розд. XIII, ст. 23: «А хто бы што украл на дворе господарскомъ, што бы стояло меньше полукопья, которая бы речь не о шыю пришла, а то бы на него переведено або вынято, таковому маютъ ушы обрезати.»

Редакціи 1588 года, Розд. XIV, арт 22: «Тежъ хтобы на дворе нашомъ господаръскомъ што вкралъ, а то бы стало меншъ двухъ копъ грошей, а шла бы тая речь не о горло и правомъ бы то на него переведено альбо лицо вынято, таковому маютъ ухо одно урезати, а потомъ естли бы што вкралъ, бы тежъ краденая речъ и десети грошей не стояла: тогды вжо горломъ маетъ быти карань, ведже и въ тотъчасъ за слушнымъ поконаньемъ правнымъ.»

въ Уложеніи 1649 года:

Главы 3, ст. 9: «А будетъ кто Царьского Величества во Дворѣ украдетъ что нибуди впервые и сыщется про то допряма, и того бити кнутомъ. А будетъ тогоже татя съ краденымъ въ Государевѣ Дворѣ поимаютъ въ другіе, и того бити кнутомъ же да вкинути на полгода въ тюрму. А будетъ тотъ же тать пойманъ будетъ съ краденымъ въ Государевѣ Дворѣ въ третьие, и ему за то отсѣчь рука, чтобы на то смотря инымъ неповадно было воровати въ Государевѣ Дворѣ красти.»

---

* См. печатной Кормчей гл. 49.

Главы 21, ст. 9: «А приведутъ татя, а доведутъ на него одну татьбу, и того татя пытать и въ иныхъ татьбахъ и въ убійствѣ, да будетъ съ пытки въ иныхъ татьбахъ и въ убійствѣ не повинится, а скажетъ, что онъ кралъ впервые, а убійства не учинилъ, и того татя за первую татьбу бить кнутомъ и отрѣзать ему лѣвое ухо и посадити его въ тюрму на два года, а животы его отдати исцомъ въ выть и изъ тюрмы вымая его посылать въ кайдалахъ работать на всякія издѣлья, гдѣ Государь укажетъ; а какъ онъ два года въ тюрмѣ отсидитъ, и его послать въ украинные городы гдѣ Государь укажетъ и велѣть ему въ украинныхъ городѣхъ быти въ какой чинъ онъ пригодится и дать ему писмо за дьячьею приписью, что онъ за свое воровство въ тюрмѣ урочныя годы отсидѣлъ и изъ тюрмы выпущенъ.»

Тамъ же, ст. 10: «А будетъ того же татя изымаютъ на другой татьбѣ, и его потому же пытать и въ иныхъ татьбахъ, да будетъ онъ повинится толко въ дву татьбахъ, а убивства онъ не учинилъ же, и его послѣ пытки бить кнутомъ и урѣзавъ у него праваго уха посадить въ тюрму на четыре года, а изъ тюрмы вымая его посылать на всякія государевы издѣлья потому же въ кайдалахъ; а какъ онъ въ тюрмѣ урочныя лѣта отсидитъ, и его сослать въ украинные же городы гдѣ Государь укажетъ и дать ему писмо, что онъ и за другую татбу урочные годы въ тюрмѣ отсидѣлъ и изъ тюрмы выпущенъ.»

Тамъ же, ст. 12. «А приведутъ татя, а доведутъ на него татбы три или четыре или больши, и того татя пытавъ казнить смертью, хотя онъ и убійства не учинилъ, а животы его отдать исцомъ въ выть.»

Тамъ же, ст. 13. «А будетъ тать учинитъ и на первой татьбѣ убійство, и его казнить смертью.»

15. Ей соотвѣтствуютъ статьи:

въ законѣ градскомъ:*

Грани 39, статьи 37-й начало: «Огневи предаются раби иже на животъ господей своихъ совѣщавше...»

въ Литовскомъ Статутѣ:

Редакціи 1588 года, Розд. XI, арт. 9: «Тежъ уставуемъ, естлибы

---

* См. печатной Кормчей главу 48.

который слуга взеиши передъ себе злый умыслъ пана своего забилъ а боронилъ, таковый маеть сроско горломъ каранъ быти яко здрадца четвертованьемъ; а естлибы не забилъ а ни ранилъ, одно брони противъ пану своему добылъ, таковый руку тратить».

въ Уложени 1649 года:

Главы 22, ст 8: «А будетъ чей нибудь человѣкъ помыслитъ смертное убійство на того, кому онъ служитъ, или противъ его выметъ какое оружье, хотя его убити, и ему за такое его дѣло отсѣчь рука.»

Тамъ же, ст. 9 «А будетъ чей человѣкъ того, кому онъ служитъ, убіетъ до смерти, и его самого казнити смертію же безо всякія же пощады.»

16. Ей соотвѣтствуютъ статьи:

въ Псковской Судной грамотѣ: *

«А гдѣ учинится головшина, а доличать коего головника, ино князю на головникохъ взяти рубль продажи. А штобы сынъ отца убилъ, или братъ брата, іно князю продажа.»

въ Градскомъ Законѣ:

Главы 48, ст. 35: «Убивый восходящаго по роду или съходящаго или сродника, огневи предавъ будетъ.»

въ Литовскомъ Статутѣ:

Редакціи 1588 года, Розд. XI, арт 7 начало: «Уставуемъ, кгды бы сынъ або дочка отца або матку свою умыслне зъ якое запометалости забилъ и якимъ кольвекъ обычаемъ родича своего о горло приправилъ, тогды таковый сынъ або девка, которая причиною своею о горла родича своего приправитъ не толко горломъ маеть быти каранъ, але и почтивость и вси именья и маености стратить на иньшую братью, сестры або близкихъ своихъ звлаща того учинку невинъныхъ, а такою карностью смертью ганебною маеть каранъ быти: по рынку возячи, клещами тело торгати. а потомъ въ мехъ скуряный всадивши до него пса, кура, ужа, котку, и тое все посполу въ мехъ всадивши и зашить и где наглубей

---

* Изд. Мурзакевича, стр. 15 текста.

до воды упустити. Тымже тежъ обычаемъ и помочники его, которыхъ онъ поволаеть, або на нихъ правомъ переведено будеть, мають быти карани.»

въ Уложенiи 1649 года:

Главы 22, ст. 1: «Будетъ которой сынъ или дочь учинитъ отцу своему или матери смертное убiйство, и ихъ за отеческое или за матерне убiйство казнити смертiю же безо всякiя пощады.»

Тамъ же, ст. 2: «А будетъ которой сынъ или дочь отцу своему или матери смертное убiйство учинятъ съ иными съ кѣмъ, а сыщется про то допряма, и по сыску тѣхъ, которые съ ними такое дѣло учинятъ казнити смертiю же безо всякiя пощады.»

17. Ей соотвѣтствуютъ статьи:

въ Градскомъ законѣ:

Главы 48, ст. 35 (см. выше).

въ Литовскомъ Статутѣ:

Редакцiи 1588 года, Розд. XI, арт. 7 окончанiе: «А если бы се трафило родичомъ дитя свое забити не съ пригоды а ни за вину, але умысльне, тогды таковый отецъ и матка мають быти карани за тое годъ и шесть неделъ на замку нашомъ седети у вежи; а выседевши годъ и шесть недель маеть еще до году чотыри кроть при церкви при костеле якого набоженства християньского будеть покутовати и вызнавати явный грехъ свой передъ всими людми собранья християнского...»

въ Уложенiи 1649 года:

Главы 22, ст. 3: «А будеть отецъ или мати сына или дочь убiетъ до смерти, и ихъ за то посадить въ тюрму на годъ, а отсидѣвъ въ тюрмѣ годъ, приходити имъ къ церкви Божiи и у церкви Божiи объявляти тотъ свой грѣхъ всѣмъ людемъ въ слухъ; а смертiю отца и матери за сына и за дочь не казнити.»

18. Ей соотвѣтствуютъ статьи:

въ Градскомъ законѣ:

Главы 48, ст. 53 (см. выше).

въ Литовскомъ Статутѣ:

Редакціи 1529 года, Розд. VII, ст. 15: «А хто бы брата або сестру забилъ въ надею именья на него приходячого, таковый отходит оного именья правомъ прирожовым на себе спадываючого, которое именье по тых забитых какъ по отцу, такъ и по матце або тежъ по брате и по сестре на иншую братю або на сестры приходити и спасти мает, а естлибы другое братьи а ни сестръ не было, тогды тое именье на инших кревных, близкость прирожоную к тому маючих, мает спасти, а таковый сам горлом мае каран быти.»

Редакціи 1588 года, Розд. XI, арт. 8: «Уставуемъ, хто бы брата або сестру забилъ въ надею именья або маетности рухомое, або якою кольвекъ направою о горло приправилъ, а то бы на него доволомъ слушнымъ переведено было: тогды таковый маеть быти каранъ горломъ, а тое именье, которое бы на него и на дети его приити мело, спадываеть на иньшую братью або на сестры, або тежъ на стрыевъ и близскихъ въ томъ дому; тымъ же тежъ обычаемъ естли бы зять забилъ шурина своего, тогды жона его, сестра того забитого, дѣти ее до именей по брате своемъ не маеть мети ничого, а тотъ хто забилъ маеть горломъ каранъ быти; тоежъ право и на тыхъ хтобы кровного своего забилъ хотя и далекого въ роду.»

въ Уложеніи 1649 года.

Главы 22, ст. 7: «А будетъ кто убіетъ до смерти брата или сестру самъ или по его велѣнію кто иной ихъ убіетъ, а сыщется про то допряма, и ихъ за то самихъ всѣхъ казнити смертію же.»

19. Ей соотвѣтствуютъ статьи:

въ Литовскомъ Статутѣ:

Редакціи 1529 года, Розд. VII, ст. 16: «Теж естли бы который шляхтичъ кому иному дорогу заселъ, або заступилъ хотя не одному самому, хотячи их зранити або злупити, або забити, а в том тот, который доброволную дорогу заседал, через которого оныхъ, на которыхъ ся кинулъ, забит былъ и естли бы ближніи того забитого хотели на том присягнути, иж оный его забил за его початком, тогды маеть головщину платити; а естлибы ближніе не хотели присягнути, иж есмо при том не были, тогды тот ся мает отприсягнути сам третей з двема шляхтичы, то есть хотя бы слуги его были, одноб были шляхтичы, и не будет таковый головщины платити. А ведже пакъ иж тую головщину вчинилъ боронячы жи-

вота своего за початкомъ того забитого, от вины и головщины прожень (прощенъ).»

Редакціи 1588 года, Розд. XI, арт. 22: «Кгды бы хто умыслне зъ зуфалства, опилства и якого иного злого умыслу будь где въ дому въ господе, на улицы и на дорозе и где колвекъ зваду съ кимъ почалъ, а тотъ другии, противъ кому звада почата, боронечы здоровъя своего оного забилъ и таковый припадокъ за разомъ бы людемъ стороннымъ, а потомъ и на вряде нашомъ судовомъ на близшомъ оповедалъ, а кгды до права о тое забойство притягненъ будеть, тогды онъ маеть высветъчыти се людми добрыми, веры годными, которые при томъ были и то видели ижъ се то неумыслне але въ обороне стало и при таковомъ высветченью еще самъ тотъ маеть самотреть присегу на томъ учынити ижъ тое забойство неумыслне за початкомъ оного забитого и въ обороне учынилъ, а по присязе отъ горла и везенья воленъ будеть, толко предъ се головщину повиненъ будетъ заплатити; лечъ естли бы тотъ же хто зваду почнеть кого забилъ противъ тому при забитомъ доводъ стороне жалобной маеть быти допущонъ, то есть при оповеданью людемъ сторонънимъ и въ ряду и при инъшыхъ поступкахъ правныхъ самотретему на присегу.»

въ Уложенін 1649 года:

Главы X, ст. 200: «А будетъ тотъ къ кому... умышленіемъ пріѣдутъ, боронясь отъ себя и домъ свой обороняя, кого изъ нихъ убьетъ до смерти и привезетъ тѣхъ побитыхъ къ судьямъ и сыщется про то допряма, что онъ то убійство учинилъ по неволѣ отъ себя боронясь, и ему того въ вину не ставить; а кого онъ убьетъ, и ему то убойство учинится отъ себя: не пріѣжжай на чюжей домъ насильствомъ.»

Тамъ же, ст. 201: «А будетъ кто самъ кого задеретъ и учинится межь ими бой, и на томъ бою того, кто напередь задеретъ кто ранитъ, и онъ на того кто его ранитъ учнетъ бити челомъ въ увѣчьѣ, а тотъ, на кого онъ учнетъ бити челомъ въ томъ не запрется и скажетъ, что онъ его ранилъ отъ себя боронясь, а сыщется про то допряма, что тотъ бой почался отъ того челобитчика отъ самого, и отвѣтчика въ томъ бою не винити и за увѣчье на немъ раненому ничего не указывати, потому что тотъ раненой самъ неправъ.»

20. Ей соотвѣтствуютъ статьи:

въ Градскомъ законѣ:

Главы 48, ст. 66: «Нужду сотворивъ отроковицѣ и растливъ ю, носа урѣзаніе да подиметъ, давъ ей третію часть имѣнія своего.»

Тамъ же, ст. 67. «Растливый дѣвицу прежде возраста, спрѣчь прежде трехнадесяти лѣтъ времене, носа урѣзаніе подиметь и половину имѣнія своего да вдастъ растлѣннѣй отроковицѣ.»

Слич. Эклоги Леона и Конст. зач. 16 гл. 10.

въ Литовскомъ Статутѣ:

Редакціи 1529 года, Розд. VII, ст. 6: «Теж уставуем, естли бы хто невесту або девку зкгвалтовалъ, буд какого колвекъ стадла. почоншы от вышъшого аж до нижшого, а оная невеста або девка волала кгвалту своего за оным вчинкомъ, а люди бы некако прибегли на оный кгвалтъ, а она бы перед ними вказывала, а потом бы оного ку праву привела двема або трема светками пересветчила, а к тому при оных светкох телесною присягою присягнула: тогды таковый мает быти каран горлом. А естли бы она хотела его собе за мужа мети, тогды у ее воли. А естли бы она невеста або девка кгвалту волала, а люди оные слышали, нижли на кгвалтъ не прибегли, а впакже по оном кгвалте скоробы была волна выпущона, а оповедалася тым людем, а за се оного ку праву притягнула, а тыми людми пересветчила, тогды тымже обычаемъ мает каранъ быти, яко выше описано.»

Редакціи 1588 года, Розд. XI, арт. 12: «Тежъ уставуемъ, естлибы хто девку албо учтивую невесту якого кольвекъ стану усильствомъ зкгвалтовалъ, а оная девъка або невеста за онымъ учынкомъ волала кгвалту, за которымъ воланьемъ люди бы прибегли на оный кгвалтъ, а она бы передъ ними знаки кгвалту указала, а потомъ бы оного ку праву притягнула и двема албо трема светками знаки кгвалъту пресветъчила, а къ тому пры оныхъ светкахъ на томъ кгвалъте своемъ на того сама присегнула, тогды таковый маеть быти каранъ горломъ, а навезка маеть быти з выменья водле стану якого будеть; вакли бы оная девка або невеста кгвалъту волала, а люди оные слышели нижли на кгвалтъ не прибегли, а ведже по ономъ кгвалте скоро бы была волно пущона, а оповедала се бы тымъ людямъ, а за се оного ку праву притягнула, и тыми людми осветьчила и знаки кгвалту оказавшы прысягу тежъ на томъ кгвалте учынила, тымъ же обычаемъ маеть каранъ быти яко вышеи описано. А естли бы она хотела его собе за мужа мети, то будеть на ее воли. А естли бы на таковомъ местъцу кгвалтъ такий сталъ се где бы люди волавье могли слышеть, а девка албо невеста кгвалту бы не волала, а потомь бы то людемъ оповедала, тогды тое оповеданье за кгвалтъ розумено быти не можеть, и тотъ помовеныи отъ кгъвалту воленъ быти маеть.»

IV.

СПИСОКЪ

БОЯРЪ, ОКОЛЬНИЧИХЪ И ДРУГИХЪ ЧИНОВЪ,

СЪ 1578 ГОДА

ДО ЦАРСТВОВАНІЯ ѲЕОДОРА АЛЕКСѢЕВИЧА.

СООБЩЕНЪ

Ѳ. П. Глѣбовымъ-Стрѣшневымъ.

Издаваемый нами списокъ «бояръ, окольничихъ и другихъ чиновъ» есть лишь одинъ изъ числа множества принадлежащихъ къ тому же разряду списковъ, хранящихся какъ въ публичныхъ библіотекахъ и архивахъ, такъ и въ рукахъ частныхъ лицъ. Не смотря на то, мы не рѣшились отложить его изданіе на неопредѣленное время по слѣдующимъ причинамъ. Сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ подобные списки еще не были издаваемы, за исключеніемъ одного (впрочемъ въ другомъ видѣ), напечатаннаго въ Древней Россійской Вивліоѳикѣ, и мы опасаемся, что имъ даже трудно будетъ найти издателей, какъ сухимъ перечнямъ, не представляющимъ, по видимому, особаго интереса для изслѣдователей древней Русской Исторіи. Съ другой стороны такое же предположеніе можетъ удержать многихъ изъ частныхъ владѣльцевъ подобныхъ матеріаловъ сообщать ихъ тѣмъ, которые могли бы употребить ихъ съ пользою для науки. Но спрашивается: дѣйствительно ли для послѣдней эти списки не имѣютъ никакого другаго значенія, никакой другой важности, кромѣ того, что даютъ свѣдѣнія объ извѣстныхъ лицахъ, бывшихъ въ такихъ-то годахъ и въ такихъ-то именно чинахъ? Мы позволяемъ себѣ думать иначе, и вотъ наше мнѣніе.

Матеріалы, о коихъ идетъ рѣчь, суть извлеченія изъ такъ называемыхъ «Розрядовъ» или «Розрядныхъ списковъ», гдѣ подъ отдѣльными годами записывались въ свое время тѣ назначенія и измѣненія, какія дѣлались относительно службы и чиновъ главныхъ въ Государствѣ и ближайшихъ къ Государю лицъ. Если однако это справедливо и если, съ другой стороны, нельзя утверждать, что

уже съ XVII-го вѣка такія извлеченія стали составляться для научной цѣли, то очевидно, что имѣлось при этомъ въ виду какое-либо другое, а именно практическое ихъ назначеніе. Было бы впрочемъ недостаточно предположить, что это назначеніе состояло въ удобности, пользуясь такими списками, справляться кто въ какомъ былъ чинѣ въ извѣстномъ году или по крайней мѣрѣ въ извѣстное царствованіе. Чтобы убѣдиться въ противномъ, довольно сличить издаваемый нами «списокъ» съ тѣмъ спискомъ, который напечатанъ въ древней Вивліоѳикѣ *. Различіе между тѣмъ и другимъ заключается не только въ томъ, что въ нашемъ спискѣ всѣ лица, бывшія въ извѣстное царствованіе въ высшемъ чинѣ писаны подъ рядъ, а въ спискѣ Вивліоѳики такіе перечни сдѣланы по годамъ; но также въ томъ, что многія изъ лицъ, упоминаемыхъ въ послѣднемъ, недостаютъ въ нашемъ спискѣ, и на оборотъ нѣкоторыя имена, встрѣчающіяся въ нашемъ перечнѣ, не находятся въ спискѣ Вивліоѳики. Хотя, правда, послѣдній составленъ и изданъ довольно небрежно, но нельзя однимъ этимъ обстоятельствомъ объяснить всѣхъ опущеній; тѣмъ труднѣе объяснить ихъ въ нашемъ спискѣ, который, очевидно, весьма исправенъ. И такъ мы рѣшаемся предполо-

---

* См. ч. XX, стр. 1—131 и 421—442. Заглавіе его слѣдующее: «Послужной списокъ старинныхъ Бояръ и Дворецкихъ, Окольничихъ и нѣкоторыхъ другихъ придворныхъ чиновъ съ 6970 по 7184 (то есть съ 1462 по 1676 годъ), и такъ чрезъ 214 лѣтъ продолжающійся, изъ полнаго, съ повторяемыми чрезъ всѣ годы всѣми именами, сообщеннаго Вольному Россійскому Собранію, отъ госпожи вдовы Марьи Петровны Шереметевой, чрезъ сына ея Владиміра Ѳедоровича Шереметева, приономъ Собраніи сокращенъ такимъ образомъ, что изъ сего сокращенія, естьли кто пожелаетъ, самой тотъ полной удобно возстановить и вновь сочинить можетъ». Сокращеніе это, по видимому, состояло въ томъ, что вмѣсто начисленія всѣхъ лицъ, записанныхъ въ подлинникѣ подъ извѣстнымъ годомъ, о тѣхъ, кои были въ тѣхъ же чинахъ въ предъидущемъ году, сократитель отмѣчалъ: «Бояре, Окольничіе, Дворецкой, и пр. тѣжъ». Но въ сокращеніи встрѣчаются важныя ошибки, не говоря уже о томъ, что нѣкоторыя имена и фамиліи прочтены невѣрно. См. слѣд. примѣч.

жить, что опущенія дѣлались составителями подобныхъ списковъ не совсѣмъ случайно, и что напротивъ, выбирая ихъ изъ Разрядовъ, они могли при этомъ руководствоваться своими цѣлями, къ числу коихъ особенно должны были принадлежать служебныя, мѣстническія и родственныя отношенія. Что именно для различныхъ назначеній по службѣ велись списки придворнымъ чинамъ по должностямъ ихъ, не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, такъ какъ многіе изъ нихъ намъ даже извѣстны. Таковы, на прим., списки чиновныхъ лицъ, «которые видаютъ Государевы очи на Свѣтлое Христово Воскресенье», хранящіеся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Таковы списки, составлявшіеся конечно заранѣе, чинамъ, присутствовавшимъ при извѣстной церемоніи, на прим. встрѣчѣ пословъ, и т. д. Подобные списки могутъ быть названы официіальными, между тѣмъ какъ списки мѣстническіе и семейные принадлежатъ скорѣе къ матеріаламъ частнымъ или фамильнымъ. Что касается въ особенности до этихъ послѣднихъ, то о первыхъ изъ нихъ упоминается въ дѣлахъ мѣстническихъ, и что они были въ употребленіи подтверждается свидѣтельствомъ нѣсколькихъ изъ такихъ списковъ, которые также сохранились до нашего времени. Существованіе же списковъ, которые бы заключали въ себѣ изчисленіе родственниковъ и свойственниковъ извѣстнаго лица можетъ быть подкрѣплено указаніями на фамильныя родословныя, которыя ведутся еще и донынѣ и для каждаго изъ дворянскихъ родовъ имѣютъ, какъ извѣстно, весьма важное значеніе; изъ нихъ-то для бо̀льшей наглядности конечно составлялись иногда служебные перечни предковъ по годамъ и царствованіямъ. На этомъ основаніи мы думаемъ, что владѣльцы разнаго рода списковъ чиновнымъ лицамъ (и чѣмъ древнѣе эти списки, тѣмъ лучше) принесли бы пользу наукѣ, сообщая ихъ для изданія, и что съ своей стороны издатели матеріаловъ не должны ими пренебрегать какъ перечнями лицъ, болѣе или

менѣе знаменитыхъ въ Русской Исторіи, имѣющими каждый свое отдѣльное значеніе и свои, можетъ быть, весьма любопытныя особенности. Прибавимъ къ этому еще одно замѣчаніе касательно порядка, въ какомъ записаны лица, имѣвшія тотъ или другой чинъ, въ дошедшихъ до насъ спискахъ. Порядокъ этотъ не совсѣмъ произвольный. Такъ, на пр., въ нашемъ спискѣ родные братья, бывшіе всѣ боярами, окольничими или въ другихъ одинаковыхъ чинахъ, поставлены бо̀льшею частію не рядомъ, а въ разныхъ мѣстахъ перечня, относящагося къ одному и тому же царствованію. Кромѣ того замѣтно, что лица, имѣвшія извѣстный чинъ при отцѣ новаго Государя, поставлены часто впереди; въ спискѣ Вивліоѳики они вычисляются также во главѣ всѣхъ другихъ вновь пожалованныхъ сановныхъ или должностныхъ лицъ. И такъ было бы весьма любопытно и важно рѣшить вопросъ: какому именно основанію слѣдовали при изчисленіи въ извѣстномъ порядкѣ должностныхъ лицъ, размѣщали ли ихъ по времени назначенія въ то или другое званіе, или же по старшинству вообще, которое, какъ извѣстно, опредѣлялось тогда еще другими отношеніями. Полагаемъ, что результатъ такого изслѣдованія, сдѣланнаго на основаніи многихъ списковъ, подобныхъ нашему и другихъ матеріаловъ не былъ бы лишенъ интереса и для науки. Вотъ еще слѣдовательно другая причина, почему изданіе различныхъ списковъ служебнымъ чинамъ по отдѣльнымъ царствованіямъ кажется намъ весьма заслуживающимъ вниманія.

Скажемъ теперь два слова въ особенности о спискѣ г. Глѣбова-Стрѣшнева, который нами издается.

Предложеннымъ выше указаніемъ на списки чиновъ, составленные для различныхъ практическихъ цѣлей, мы хотѣли только объяснить несходство между разными матеріалами такого рода относительно ихъ полноты и включенія въ одни изъ нихъ тѣхъ лицъ, которыя не встрѣчаются въ другихъ. Но, имѣя въ виду въ особенности

издаваемый нами списокъ, мы думаемъ, что онъ только отчасти могъ быть составленъ на основанiи подлинника, извлеченнаго для какой нибудь подобной цѣли изъ Разрядовъ 1578-го и послѣдующихъ годовъ, какъ видно изъ заглавiя его: «Выписано изъ списковъ розрядныхъ прошлыхъ лѣтъ 7086 году кто написаны при прежнихъ Великихъ Государехъ Царехъ и Великихъ Князѣхъ въ боярехъ и въ околничихъ и во иныхъ чинѣхъ.» Напротивъ, полный составъ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ, указываетъ ясно лишь на желанiе сохранить его какъ памятникъ старины. Подтвержденiемъ этому служитъ особенное прибавленiе къ списку, который нами издается, списка чиновныхъ лицъ, бывшихъ при Царяхъ Iоаннѣ и Петрѣ совершенно въ томъ видѣ и порядкѣ, какъ онъ напечатанъ въ Древней Россiйской Вивлiоѳикѣ; почему мы его и не помѣщаемъ въ нашемъ изданiи *. Притомъ полнота списка относительно

* См. Др. Рос. Вивлiоѳ. ч. XX, стр. 421—442. Считаемъ однако долгомъ указать на неисправности, оказавшiяся въ этомъ спискѣ при сличенiя его съ нашимъ. На стр. 423 (изданiя Вивлiоѳики), въ спискѣ Бояръ, за словами: «Ларiонъ Семеновичь Милославской. Ѳедоръ Аврамовичь» пропущено: «*Лопухинъ. Мартемьянъ Кириловичь*». Тутъ же за словами: «Петръ меньшой Аврамовичь Лопухинъ» пропущено: «*Князь Борисъ Алексѣевичь Голицынъ. Петръ болшой Аврамовичь Лопухинъ*». На той же стр. вмѣсто: «(Василiй Аврамовичь) *Лупухинъ*» должно читать — «*Лопухинъ*». На слѣдующей 424 стр, въ спискѣ Окольничихъ, за словами: «Андрей Васильевичь Толстой. Богданъ Ѳедоровичь» пропущено: «*Полибинъ. Иванъ Ѳедоровичь*». Тамъ же вмѣсто: «(князь) *Дититрiй* (Неѳедьевичь Щербатой) должно читать—«*Дмитрей*»; вмѣсто «(князь Ѳедоръ Львовичь) *Волынской*» должно читать—«*Волконской*». На стр. 425 вмѣсто «*Левъ* (Демидовичь Голохвастовъ)» должно читать — «*Iевъ*». Тамъ же за словами: «Ѳеодоръ Тихоновичь Зыковъ» пропущено: «*Князь Иванъ Никитичь Засѣкинъ*». На стр. 426, въ спискѣ *Думныхъ Дворянъ*, за словами: «Петръ Савичь Хитрой» пропущено: «*Василей Лаврентьевичь Пушечниковъ*». На стр. 427 «*Панкратей Богдановичь Сумароковъ*» поставленъ ошибкою въ числѣ «думныхъ дьяковъ»; въ нашемъ спискѣ онъ названъ «стряпчимъ съ ключемъ» Царя Петра Алексѣевича, и это вѣрно, ибо подъ заглавiемъ «Стряпчiе съ ключемъ» въ спискѣ Вивлiоѳ. поставленъ только «Леонтiй Богдановичь Плохой»—стряпчiй Царя Iоанна. На стр. 434 вмѣсто: «(Василiй Ивановъ сынъ) *Соймоновъ*»

исчисляемыхъ въ немъ различныхъ чиновъ даетъ поводъ думать, что составитель его дѣлалъ выписки изъ Разрядовъ для всѣхъ придворныхъ чиновъ и должностей разныхъ царствованій, а не единственно для тѣхъ, какіе принадлежали лицамъ, имѣвшимъ почему либо особенное для него значеніе. Рукопись, въ коей находится только одинъ этотъ матеріалъ, судя по почерку, XVIII-го вѣка; она писана въ 4-ку, на 36 листахъ, съ киноварными заглавіями, которыя мы въ нашемъ изданіи замѣняемъ курсивнымъ шрифтомъ. Самый списокъ печатается безъ всякихъ сокращеній и дополненій, за исключеніемъ одного слѣдующаго: при отдѣльныхъ именахъ и фамиліяхъ лицъ, тамъ, гдѣ ихъ подъ однимъ общимъ заглавіемъ (какъ-то: бояре, окольничіе, и проч.) исчисляется болѣе пяти, мы позволили себѣ поставить цифры, не находящіяся въ подлинникѣ, которыя, по нашему мнѣнію, могутъ облегчать желающихъ воспользоваться нашимъ изданіемъ какъ для своихъ разысканій, такъ и прямо для справокъ.

Редакторъ.

должно читать — « *Самсоновъ* ». На стр. 439, вмѣсто: «У Шальнаго дѣла», какъ напечатано въ Вивліоѳ., въ нашемъ спискѣ стоитъ: «*У шаднаго дѣла*»; на стр. 440, вмѣсто: «*Быльные* (и старые, т. е. дьяки)» въ нашемъ спискѣ — « *больные* ». На стр. 441 за словами: « въ Тоболску Артемонъ Тимоѳѣевъ» пропущено «*Алексѣй Протопоповъ*». Замѣтимъ также (во избѣжаніе недоразумѣній), что слова (см. Вивл. стр. 435): «Изъ Дворца дворянинъ Зотъ Ивановъ сынъ Полозовъ» въ нашемъ спискѣ помѣщены подъ общимъ киноварнымъ заглавіемъ «*на Житномъ Дворѣ*» съ словами: «Семенъ Ивановъ сынъ Козминъ. Сафонъ Матвѣевъ сынъ Карповъ»; почему Полозовъ, по видимому, долженъ быть отнесенъ къ числу чиновниковъ Житнаго Двора. Наконецъ не безполезно, можетъ быть, указать, что фамиліи: Шаховской, Апраксинъ, Солтыковъ, Великогогагинъ (какъ напечатаны онѣ въ Вивліоѳ.), въ нашемъ спискѣ постоянно писаны: Шеховской, *О*праксинъ, Салтыковъ, Великогагинъ». Подобные пропуски, неисправности чтенія и опечатки встрѣчаются также въ спискѣ собственныхъ именъ и фамилій, напечатанномъ на стр. 1—131 Вивліоѳики. Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ множества такихъ ошибокъ. На стр. 130, въ спискѣ бояръ, вмѣсто (князь Юрья Михайловичь) *Одоевской*» напечатано—«*Одшевской*». Тамъ же вмѣсто: «(Петръ) *Ивановичь* (Прозоровской)» читаемъ—«*Михайловичь* »; на стр. 80 въ числѣ Окольничихъ поставленъ « Василій Яковлевичь Щелкаловъ» ; въ нашемъ спискѣ вмѣсто «*Щелкаловъ*» написано—«*Щенковъ*», и т. п.

СПИСОКЪ

БОЯРЪ, ОКОЛЬНИЧИХЪ И ДРУГИХЪ ЧИНОВЪ.

При державѣ блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича, всеа Росіи Самодержца.

Бояре:

1. Князь Иванъ Ѳедоровичь Мстиславской.
Князь Василей Ивановичь Мстиславской.
Князь Семенъ Даниловичь Пронской.
Князь Андрей Ивановичь Ногтевъ.
Петръ Васильевичь Морозовъ.
6. Князь Иванъ Юрьевичь Голицынъ.
Князь Василей Андреевичь Ситцкой.
Никита Романовичь Юрьевъ.
Князь Василей Юрьевичь Булгаковъ.

Околничіе:

Ѳедоръ Васильевичь Шереметевъ.
Василей Ѳедоровичь Воронцовъ.
Князь Тимоѳѣй Ивановичь Долгорукой.
Борисъ Васильевичь Шеинъ.
Князь Димитрей Ивановичь Хворостининъ.

Дворецкой:

Князь Ѳедоръ Ивановичь Хворостининъ.

Казначей:

Петръ Ивановичь Головинъ.

Соколничей:

Иванъ Ивановъ сынъ Бобрищевъ-Пушкинъ.

Ловчей:

Иванъ Михайловъ сынъ Пушкинъ.

Царь Иванъ Васильевичь преставися 7092 году, марта въ 18 день.

При державѣ блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Θеодора Ивановича, всеа Росіи Самодержца, въ царство его 93-го году.

Бояре:

1. Степанъ Васильевичь Годуновъ.
Князь Никита Романовичь Трубецкой.
Князь Иванъ Михайловичь Глинской.
Князь Петръ Ивановичь Татевъ.
Князь Θедоръ Михайловичь Троекуровъ.
6. Князь Θедоръ Дмитреевичь Шастуновъ.
Князь Андрей Ивановичь Шуйской.
Князь Θедоръ Михайловичь Трубецкой.
Дмитрей Ивановичь Годуновъ.
Бояринъ и Конюшей Борисъ Θедоровичь Годуновъ.
11. Бояринъ и Дворецкой Григорей Васильевичь Годуновъ.
Князь Тимоѳѣй Романовичь Трубецкой.
Θеодоръ Никитичь Романовъ.
Князь Григорей Андреевичь Куракинъ.
Князь Иванъ Васильевичь Ситцкой.
16. Степанъ Васильевичь Годуновъ.
Иванъ Васильевичь Годуновъ.
Князь Василей Θедоровичь Скопинъ-Шуйской.
Богданъ Юрьевичь Сабуровъ.

Кравчей:

Князь Дмитрей Ивановичь Шуйской.

Околничіе:

Князь Борисъ Петровичь Засѣкинъ.
Князь Θедоръ Ивановичь Хворостининъ.
Андрей Петровичь Клешнинъ.

Кравчей:

Александръ Никитичь Романовъ.

Казначей:

Иванъ Васильевичь Траханіотовъ.
Товарыщь ему Деменша Ивановъ сынъ Черемисиновъ.

Постелничей:

Истома Осиповичь Безобразовъ.

Дворяне въ Думѣ:

Романъ Михайловичь Пивовъ.
Игнатей Петровичь Татищевъ.

Стряпчіе съ ключемъ:

Семенъ Володимеровъ сынъ Безобразовъ.
Елизарей Ташлыковъ сынъ Старого *.

Царь и Великій Князь Өеодоръ Ивановичь, всеа Росіи Самодержецъ, преставися во 106 году генваря въ 6 день. А Царь Борисъ Өеодоровичь преставися во 113 году апрѣля въ день. Ространа былъ со 113 съ іюня мѣсяца и убитъ во 114-мъ году маіа въ день; а съ того маіа былъ Царь Василей Ивановичь по іюнь.

При державѣ блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Василья Ивановича, всеа Росіи Самодержца, 115 году.

Бояре:

Князь Данило Борисовичь Пріимковъ.
Аөонасей Александровичь Нагово.

Околничіе:

1. Князь Иванъ Дмитрѣевичь Хворостининъ.
Князь Володимеръ Ивановичь Клубковъ-Масалской.

* Любопытно сравнить этотъ списокъ чиновъ въ царствованіе Өеодора Іоанновича съ росписью членовъ «Тайнаго Совѣта» или Думы того времени, сообщаемой однимъ иностраннымъ писателемъ и перепечатанной съ поправками исторіографомъ Миллеромъ въ его «Ежемѣсячн. сочин.» 1761 г., генв., стр. 41—43.

Князь Григорей Борисовичь Долгорукой.
Князь Александръ Өедоровичь Жировой-Засѣкинъ.
Василей Яковлевичь Щенковъ.
6. Иванъ Петровичь Головинъ.

Околничіе и Казначеи:

Василей Петровичь Головинъ.
Иванъ Өедоровичь Крюкъ-Колычевъ.
Князь Дмитрей Васильевичь Туренинъ.
Михайло Игнатьевичь Татищевъ.

Дворяне въ Думѣ:

Яковъ Васильевичь Зюзинъ.
Иванъ Михайловичь Пушкинъ.
Василей Борисовичь Сукинъ.
Иванъ Филиповичь Стрѣшневъ.

Стряпчей съ ключемъ:

Иванисъ Григорьевъ сынъ Ододуровъ.

Дьяки думные:

Григорей Григорьевъ сынъ Желябужской.
Тимоөѣй Андреевъ сынъ Витовтовъ.
Василей Григорьевъ сынъ Телепневъ.
Григорей Елизаровъ.

Царя Василья Ивановича ссадили съ царства во 118 году іюня въ 18 день, а выбранъ во 114 году по лѣту.

119 году —

Бояре:

1. Князь Андрей Васильевичь Трубецкой.
Князь Василей Васильевичь Голицынъ.
Князь Андрей Васильевичь Голицынъ.
Князь Андрей Петровичь Куракинъ.
Князь Юрья Никитичь Трубецкой.
6. Князь Иванъ болшой Никитичь Одоевской.
Михайло Глѣбовичь Салтыковъ.
Михайло Борисовичь Шеинъ.

Князь Михайло Өедоровичь Кашинъ.
Иванъ Никитичь Салтыковъ.
11. Иванъ Никитичь Романовъ.
Иванъ Михайловичь Салтыковъ.
Михайло Өедоровичь Нагово.
Богданъ Яковлевичь Бѣлской.
Князь Өедоръ Тимоөѣевичь Долгорукой
16. Михайло Александровичь Нагово.
Князь Михайло Самсоновичь Туренинъ.
Василей Петровичь Морозовъ.
Князь Андрей Андреевичь Телятевской.
Василей Петровичь Головинъ.
21. Никита Дмитреевичь Вельяминовъ.
Князь Григорей Петровичь Ромодановской.

Околничіе:

1. Степанъ Степановичь Годуновъ.
Никита Васильевичь Годуновъ.
Князь Василей Өедоровичь Масалской.
Князь Юрья Дмитреевичь Хворостининъ.
Князь Василей Андреевичь Звенигородской.
6. Князь Өедоръ Андреевичь Звенигородской.
Иванъ Васильевичь Головинъ.
Князь Өедоръ Өедоровичь Мещерской.
Дмитрей Елеѳерьевичь Крабовъ.
Тимоөѣй Васильевичь Грязной.
11. Иванъ Никитичь Ржевской.
Михайло Андреевичь Молчановъ.
Сибирской Царевичь Андрей Кучумовъ.

Оружейничей:

Левъ Аөонасьевичь Плещеевъ.

Казначей и думной Дворянинъ:

Өедоръ Ивановичь Андроновъ.

Дворяне въ Думѣ:

Прокофей Петровичь Ляпуновъ.
Григорей Никитичь Ржевской.

Ловчей и думной Дворянинъ:

Иванъ Романовичь Безобразовъ.

Печатникъ и думной Дьякъ:

Иванъ Тарасьевичь Граматинъ.

Постелничей:

Кузма Осиповичь Безобразовъ.

Дьяки Думные:

Василей Яновъ.
Иванъ Чичеринъ.
Евдокимъ Витовтовъ.
Томило Луговской.
Степанъ Соловецкой.

Во 121 году, при державѣ блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Θеодоровича, всеа Росіи Самодержца, были —

въ Боярехъ:

1. Князь Θедоръ Ивановичь Мстиславской.
Князь Иванъ Михайловичь Воротынской.
Князь Иванъ Васильевичь Голицынъ.
Иванъ Никитичь Романовъ.
Князь Дмитрей Тимоѳѣевичь Трубецкой.
6. Князь Иванъ Семеновичь Куракинъ.
Князь Иванъ Борисовичь Черкаской.
Князь Иванъ Ивановичь Шуйской.
Князь Дмитрей Ма(м)стрюковичь Черкаской.
Князь Иванъ меншой Никитичь Одоевской.
11. Θедоръ Ивановичь Шереметевъ.
Князь Юрья Яншѣевичь Сулешевъ.
Князь Иванъ Семеновичь Куракинъ.
Князь Дмитрей Михайловичь Пожарской.
Василей Петровичь Морозовъ.
16. Михайло Борисовичь Шеинъ.
Князь Борисъ Михайловичь Лыковъ.

Борисъ Михайловичь Салтыковъ.
Князь Алексѣй Юрьевичь Сицкой.
Князь Андрей Васильевичь Хилковъ.
21. Князь Володимеръ Тимоѳѣевичь Долгорукой.
Князь Борисъ Александровичь Рѣпнинъ.
Князь Володимеръ Ивановичь Бахтеяровъ.
Матвѣй Михайловичь Годуновъ.
Андрей Александровичь Нагой.
26. Михайло Александровичь Нагой.
Князь Аѳонасей Васильевичь Лобановъ-Ростовской.
Князь (Иванъ?) Андрѣевичь Хованской.
Князь Алексѣй Юрьевичь Сицкой.
Петръ Петровичь Головинъ.
31. Князь Григорей Петровичь Ромодановской.
Князь Данило Ивановичь Мезецкой.
Князь Иванъ Ивановичь Одоевской.
Семенъ Васильевичь Головинъ.
Князь Андрей Васильевичь Сицкой.
36. Князь Андрей Васильевичь Хилковъ.
Князь Аѳонасей Васильевичь Лобановъ-Ростовской.
Борисъ Ивановичь Морозовъ.
Князь Петръ Александровичь Рѣпнинъ.
Князь Иванъ Ивановичь Шуйской.
41. Иванъ Петровичь Шереметевъ.
Князь Юрья Мамстрюковичь Черкаской.
Князь Никита Ивановичь Одоевской.
Василей Петровичь Шереметевъ.
Михайло Михайловичь Салтыковъ.
46. Князь Юрья Андреевичь Сицкой.
Князь Иванъ Андреевичь Голицынъ.
Иванъ Васильевичь Морозовъ.
Лукьянъ Степановичь Стрѣшневъ.
Князь Алексѣй Михайловичь Львовъ; а въ 100 (134?) году пожалованъ во Дворецкіе.
51. Глѣбъ Ивановичь Морозовъ.

Окольничіе:

1. Никита Васильевичь Годуновъ.
Князь Ѳедоръ Ивановичь Лыковъ.
Князь Семенъ Васильевичь Прозоровской.
Ѳедоръ Васильевичь Головинъ.
Григорей Гавриловичь Пушкинъ.

6. Князь Өедоръ Ивановичь Лыковъ *.
Өедоръ Леонтьевичь Бутурлинъ.
Артемей Васильевичь Измайловъ.
Князь Григорей Костентиновичь Волконской.
Князь Данило Ивановичь Долгорукой.
11. Левъ Ивановичь Долматовъ-Карповъ.
Өедоръ Васильевичь Волынской.
Степанъ Матвѣевичь Проестевъ.
Князь Андрей Өедоровичь Хогвитовъ-Масалской.
Князь Василей Петровичь Ахамашуковъ-Черкаской.
16. Миронъ Андреевичь Вельяминовъ.

въ Кравчихъ:

Князь Василей Енщеевичь Сулешевъ.
Князь Семенъ Андреевичь Урусовъ.

Чашникъ:

Иванъ Аөонасьевичь Плещеевъ.

въ Казначеехъ:

Никифоръ Васильевичь Трахапіотовъ.
Павелъ Ивановичь Волынской.
Богданъ Миничь Дубровской.

въ Постелничихъ:

Костентинъ Ивановичь Михалковъ.
Степанъ Лукьяновичь Хрущовъ.
Өедоръ Ивановичь Игнатьевъ.
Иванъ Ивановичь (справиться объ немъ съ Мастерскою Полатою, въ которомъ году пожалованъ) **.

Печатникъ:

Иванъ Тарасовичь Грамотинъ; а преже сего онъ же былъ Печатникъ и Думной Дьякъ.

---

* *Повторено въ другой разъ въ подлинникѣ.*

** Такъ въ подл.; въ Вивліоөикѣ (XX ч. стр. 100) вмѣстѣ съ предыдущими Постельничими упоминается подъ 1643-мъ и слѣдующими годами «Иванъ Михайловичь Овчиковъ.»

Думные Дворяне:

Сокольничей и Думной Дворянинъ Гаврило Гавриловичь Пушкинъ.
Козма Миничь.
Томило Юдичь Луговской.
Иванъ Васильевичь Биркинъ.

Думные Дьяки:

1. Сыдавной Васильевъ.
Петръ Третьяковъ.
Иванъ Гавреневъ.
Ефимъ Григорьевъ сынъ Телепневъ.
Иванъ Грязевъ.
6. Михайло Даниловъ сынъ Ѳефилатьевъ.
Григорей Васильевъ сынъ Львовъ.
Михайло Дмитреевъ сынъ Волошениновъ.

Московской Ловчей:

Иванъ Ѳедоровъ сынъ Леонтьевъ.

Яселничей:

Богданъ Матвѣевичь Глѣбовъ.
Баимъ Ѳедоровъ сынъ Балтинъ.

При державѣ блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михаиловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца, со 154-го.

Бояре:

1. Князь Алексѣй Никитичь Трубецкой.
Никита Ивановичь Романовъ.
Василей Ивановичь Стрѣшневъ.
Князь Яковъ Куденетовичь Черкаской.
Иванъ Ивановичь Салтыковъ.
6. Князь Ѳедоръ Семеновичь Куракинъ.
Ѳедоръ Степановичь Стрѣшневъ.
Князь Михайло Михайловичь Темкинъ-Ростовской.
Князь Юрья Петровичь Буйносовъ-Ростовской.
Борисъ Петровичь Шереметевъ.

11. Князь Семенъ Васильевичь Прозоровской.
Бояринъ и Оружейничей Григорей Гавриловичь Пушкинъ.
Лаврентей Дмитреевичь Салтыковъ.
Князь Петръ Ивановичь Пронской.
Князь Михайло Петровичь Пронской.
16. Илья Даниловичь Милославской.
Князь Юрья Алексѣевичь Долгорукой.
Өедоръ Борисовичь Долматовъ-Карповъ
Князь Иванъ Никитичь Хованской.
Князь Өедоръ Өедоровичь Волконской.
21. Князь Иванъ Васильевичь Хилковъ.
Князь Григорей Семеновичь Куракинъ.
Князь Иванъ Петровичь Пронской.
Бояринъ и Дворецкой Василей Васильевичь Бутурлинъ.
Князь Өедоръ Юрьевичь Хворостининъ.
26. Никита Алексѣевичь Зюзинъ.
Василей Борисовичь Шереметевъ.
Князь Дмитрей Петровичь Львовъ.
Князь Иванъ Андреевичь Хилковъ.
Князь Василей меншой Григорьевичь Ромодановской.
31. Князь Семенъ Андреевичь Урусовъ.
Семенъ Лукьяновичь Стрѣшневъ.
Князь Өедоръ Никитичь Одоевской.
Петръ Васильевичь Шереметевъ; а со 190 году Бояринъ и Оружейничей.
Князь Иванъ Семеновичь Прозоровской.
36. Князь Григорей Санчелѣевичь Черкаской.
Иванъ Андреевичь Милославской.
Князь Иванъ Ивановичь Ромодановской.
Петръ Михайловичь Салтыковъ.
Князь Иванъ Борисовичь Рѣпнинъ.
41. Князь Иванъ Андреевичь Хованской.
Князь Өедоръ Өедоровичь Куракинъ.
Князь Иванъ Ивановичь Лобановъ-Ростовской.
Князь Иванъ Никитичь Одоевской.
Князь Иванъ Алексѣевичь Воротынской.
46. Князь Алексѣй Андреевичь Голицынъ.
Князь Юрья Ивановичь Ромодановской.
Князь Григорей Григорьевичь Ромодановской.
Бояринъ и Гетманъ войска Запорожскаго Иванъ Мартиновичь Брюховецкой; во 176 году измѣнилъ

Аѳонасей Лаврентьевичь Ординъ Нащокинъ; а во 184 году Бояринъ, Дворецкой и Оружейничей.

51. Богданъ Матвѣевичь Хитрой.
Иванъ Богдановичь Милославской.
Князь Михайло Юрьевичь Долгорукой.
Князь Юрья Никитичь Борятинской.
Князь Дмитрей Алексѣевичь Долгорукой.
56. Князь Юрья Петровичь Трубецкой.
Кирила Полуехтовичь Нарышкинъ.
Князь Борисъ Ивановичь Троекуровъ.
Артемонъ Матвѣевичь Сергѣевъ (Сергѣевичь Матвѣевъ?).

Окольничіе:

1. Князь Дмитрей Петровичь Львовъ.
Князь Петръ Ѳедоровичь Волконской.
Никифоръ Сергѣевичь Собакинъ.
Петръ Тихоновичь Траханіотовъ.
Борисъ Ивановичь Пушкинъ.
6. Михайло Матвѣевичь Бутурлинъ.
Князь Семенъ Романовичь Пожарской.
Князь Ѳедоръ Андреевичь Хилковъ.
Князь Василей Петровичь Львовъ.
Степанъ Гавриловичь Пушкинъ.
11. Тимоѳѣй Ѳедоровичь Будурлинъ.
Василей Александровичь Чоглоковъ.
Прокофей Ѳедоровичь Соковнинъ.
Михайло Алексѣевичь Ртищевъ.
Князь Веленикть Андреевичь Оболенской.
16. Князь Семенъ Петровичь Львовъ.
Петръ Петровичь Головинъ.
Князь Петръ Алексѣевичь Долгорукой.
Иванъ Васильевичь Олферьевъ.
Алексѣй Дмитреевичь Колычовъ.
21. Князь Данило Степановичь Великогагинъ.
Семенъ Артемьевичь Измайловъ.
Иванъ Аѳонасьевичь Гавреневъ.
Князь Тимоѳѣй Ивановичь Щербатой.
Ѳедоръ Кузмичь Елизаровъ.
26. Жданъ Васильевичь Кондыревъ.
Андрей Васильевичь Бутурлинъ.
Князь Ѳедоръ Ѳедоровичь Долгорукой.
Иванъ меншой Ѳедоровичь Стрѣшневъ.

Ѳедоръ Михайловичь Ртищевъ.
31. Никита Михайловичь Бабарыкинъ.
Василей Михайловичь Еропкинъ.
Князь Никита Ивановичь Лобановъ.
Князь Иванъ Дмитреевичь Пожарской.
Михайло Семеновичь Волынской.
36. Князь Осипъ Ивановичь Щербатой.
Ѳедоръ Яковлевичь Милославской.
Осипъ Ивановичь Сукинъ.
Князь Никита Яковлевичь Львовъ.
Петръ Димитреевичь Скуратовъ.
41. Князь Василей Богдановичь Волконской.
Постелничей Иванъ Михайловичь Аничковъ; а послѣ того был въ Думныхъ Дворянехъ.
Григорей Ивановичь Ртищевъ; а послѣ того былъ въ Думѣ.
Ѳедоръ Алексѣевичь Полтевъ.

Думные Дворяне:

1. Богданъ Ѳедоровичь Нарбѣковъ.
Аѳонасей Осиповичь Прончищевъ.
Иванъ Ѳедоровичь Еропкинъ.
Ѳедоръ Ѳедоровичь Лихачовъ.
Прокофей Кузмичь Елизаровъ.
6. Иванъ Ивановичь Баклановской.
Григорей Михайловичь Оничковъ.
Семенъ Ѳедоровичь Полтевъ.
Замятня Ѳедоровичь Леонтьевъ.
Григорей Борисовичь Нащокинъ.
11. Яковъ Тимоѳѣевичь Хитрой.
Богданъ Ивановичь Ординъ-Нащокинъ.
Ларiонъ Дмитреевичь Лопухинъ.
Яковъ Павловичь Саловцовъ.
Аѳонасей Ивановичь Нестеровъ.
16 Ѳедоръ Полуехтовичь Нарышкинъ.
Аврамъ Никитичь Лопухинъ.
Думной Дворянинъ и Московской Ловчей Аѳонасей Ивановичь Матюшкинъ.
Василей Никитичь Панинъ.
Лукьянъ Тимоѳѣевичь Голосовъ.
21. Печатникъ Алмазъ Ивановъ.

Думные Дьяки:

1. Назарей Ивановъ сынъ Чистой.
   Александръ Степановъ сынъ Дуровъ.
   Гарасимъ Семеновъ сынъ Дохтуровъ.
   Ларіонъ Ивановъ сынъ Ивановъ.
   Семенъ Семеновъ сынъ Титовъ.
6. Григорей Карповъ сынъ Богдановъ.
   Ѳедоръ Михайловъ.

Стряпчей съ ключемъ:

Иванъ Кузминъ сынъ Кузминъ.

Московской Ловчей:

Аѳонасей Соѳонтьевъ сынъ Заболоцкой.

Яселничей:

Ѳедоръ Яковлевъ сынъ Вышеславцовъ.

При державѣ блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца.

Бояре:

1. Бояринъ и Оберегатель князь Василей Васильевичь Голицынъ.
   Князь Петръ Семеновичь Урусовъ.
   Князь Юрья Михайловичь Одоевской.
   Князь Петръ Ивановичь Прозоровской.
   Михайло Ивановичь Морозовъ.
6. Родіонъ Матвѣевичь Стрѣшневъ.
   Иванъ болшой Ѳедоровичь Стрѣшневъ.
   Князь Михайло Андреевичь Голицынъ.
   Иванъ Богдановичь Хитрой.
   Князь Семенъ Андреевичь Хованской.
11. Василей Семеновичь Волынской.
   Иванъ Михайловичь Милославской.
   Князь Иванъ Андреевичь Голицынъ.

Князь Иванъ Петровичь Борятинской.
Князь Володимеръ Дмитреевичь Долгорукой.
16. Князь Михайло Алегуковичь Черкаской.
Князь Иванъ Борисовичь Троекуровъ.
Князь Өедоръ Григорьевичь Ромодановской.
Иванъ Васильевичь Бутурлинъ.
Князь Петръ Ивановичь Хованской.
21. Петръ Васильевичь Шереметевъ.
Князь Михайло Григорьевичь Ромодановской.
Князь Никита Семеновичь Урусовъ.
Бояринъ и Дворецкой князь Василей Өедоровичь Одоевской.
Семенъ Ивановичь Заборовской.
26. Князь Өедоръ Семеновичь Урусовъ.
Князь Петръ Семеновичь Прозоровской.
Князь Юрья Семеновичь Урусовъ.
Бояринъ и Оружейничей Иванъ Максимовичь Языковъ.
Григорей Никифоровичь Собакинъ.
31. Князь Андрей Григорьевичь Ромодановской.
Князь Иванъ Григорьевичь Куракинъ.
Князь Михайло Яковлевичь Черкаской.
Князь Борисъ Ивановичь Прозоровской.
Алексѣй Семеновичь Шеинъ.

Кравчей:

Князь Борисъ Алексѣевичь Голицынъ.

Околничіе:

1. Иванъ болшой Савостьяновичь Хитрой.
Александръ Савостьяновичь Хитрой.
Князь Александръ Ивановичь Лобановъ-Ростовской.
Аөонасей Самойловичь Нарбѣковъ.
Василей Никифоровичь Собакинъ.
6. Иванъ Павловичь Матюшкинъ.
Князь Степанъ Өедоровичь Львовъ.
Илья Ивановичь Чириковъ.
Иванъ Ивановичь Ржевской.
Петръ Тимоөѣевичь Кондыревъ.
11. Андрей Ивановичь Чириковъ.

Яковъ Ивановичь Волконской.
Иванъ Ивановичь Чаадаевъ.
Иванъ Аѳонасьевичь Прончищевъ.
Семенъ Тимоѳѣевичь Кондыревъ.
16. Князь Иванъ Михайловичь Корходиновъ.
Павелъ Петровичь Языковъ.
Романъ Ѳедоровичь Бабарыкинъ.
Князь Борисъ Васильевичь Горчаковъ.
Князь Яковъ Васильевичь Хилковъ.
21. Кирило Осиповичь Хлоповъ.

Чашникъ:

Иванъ Семеновичь Языковъ.

Казначей:

Иванъ Богдановичь Комынинъ.

Думные Дворяне:

1. Василей Яковлевичь Голохвастовъ.
Ѳедоръ Обросимовичь Лодыженской.
Іевъ Демидовичь Голохвастовъ.
Василей Яковлевичь Дашковъ.
Иванъ Петровичь Лихаревъ.
6 Иванъ Петровичь Кондыревъ.
Григорей Степановичь Карауловъ.
Тимоѳѣй Петровичь Савеловъ.
Богданъ Васильевичь Яковлевъ.
Ѳедоръ Алексѣевичь Полтевъ.
11. Никита Ивановичь Акинфовъ.
Сергѣй Матвѣевичь Заборовской.
Василей Михайловичь Тяпкинъ.
Ѳедоръ Савичь Нарбѣковъ.
Иванъ Богдановичь Ловчиковъ.
16. Ѳедоръ меншой Григорьевичь Хрущовъ.

Думные Дьяки:

Данило Леонтьевъ сынъ Полянской.
Василей Григорьевъ сынъ Семеновъ.

Аверкей Степанов сын Кирилов.
Иван Савинов сын Горохов.
Емельян Игнатьев сын Украинцов.

Укладничей:

Иван Петров сын Чаплыгин.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ПРИГОТОВИТЕЛЬНЫЯ СВѢДѢНІЯ

ДЛЯ

СЛОВАРЯ ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКАГО

СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ И ТЕХНИЧЕСКИХЪ ТЕРМИНОВЪ,

ВСТРѢЧАЮЩИХСЯ

ВЪ ДРЕВНИХЪ РУССКИХЪ ПАМЯТНИКАХЪ.

II.

ПИСАТЕЛИ РУССКОЙ ИСТОРІИ XVIII ВѢКА (*).

1. МАНКІЕВЪ.

Въ 1770 году было издано Миллеромъ «Ядро Россійской Исторіи» и приписано издателемъ князю Андрею Яковлевичу Хилкову, неизвѣстно на какихъ основаніяхъ. Миллеръ издалъ книгу съ трехъ списковъ; но послѣ отыскались древніе списки, въ которыхъ посвященіе было подписано буквами А. М., въ слѣдствіе чего стали думать, что книга сочинена не самимъ Хилковымъ, а секретаремъ его или переводчикомъ, находившимся съ нимъ вмѣстѣ въ Шведскомъ плѣну (1). Изъ описанія рукописей графа Толстаго оказалось, что имя сочинителя Ядра было *А. Манкіевъ*, что̀ и утверждено Востоковымъ въ Описаніи Румянцевскаго Музея (2). Посвященіе Петру Великому Миллеръ не приложилъ къ своему изданію, отговариваясь тѣмъ, что «оно сочинено темно и нескладно, или частымъ переписываніемъ испорчено». Вотъ это посвященіе, какъ оно читается въ рукописи Румянцевскаго Музея:

Всемилостивѣйшый Царь Государь;

Вашего Царскаго Величества всюду пространно и высоко славимое имя дало мнѣ вину, дабы дерзнуть сей убогій мой трудъ, въ которомъ Исторіа Руская собрана, Вашему Величеству восписать; а особно повелѣло мнѣ то славныхъ Вашего Царскаго Величества дѣлъ и надъ непріятелми побѣдъ великолѣпіе, которыми свою высокую и вседражайшую Персону Ваше Величество украсилъ, и свою державу въ надежности поставило; такъ, что Вашего Величества

(*) Отрывокъ изъ большаго сочиненія о писателяхъ Русской Исторіи вообще. Здѣсь обозрѣваются только писатели XVIII вѣка, и притомъ *Русскіе*.

(1) См. Митроп. *Евгенія* Словарь Русскихъ свѣтскихъ писателей, т. II, стр. 239.

(2) № CCLXX, стр. 391.—

держава Россія своимъ гербомъ, си есть, орломъ, который отъ ядовитыхъ зміевъ угрызенія себя и своихъ птенцовъ хранячи, на крутыхъ высокихъ и неприступныхъ каменныхъ горахъ гнѣздиться обыклъ, здѣсь пріосѣненна, полными усты воспѣть долженствуетъ: *in Petra*, или лучше, *in Petro secura*, въ Петрѣ безопасна и надежна стала, зане великодушіемъ, бдѣніемъ, попеченіемъ и храбростію Вашего Царскаго Величества Вседражайшей Персоны, отъ всякихъ непріятелскихъ ядовитыхъ язвъ и нападеній защищена, и обидъ отомщена, въ надежности, какъ орелъ на горѣ жительствуетъ.—Что о Исторіяхъ обще належитъ, когда я природу Исторій помышляю, весма помышляю, что они великіе видѣнію человѣческому приносятъ ползы; понеже въ нихъ, какъ въ чистѣйшемъ зеркалѣ, прежде жившихъ бытія, совѣты, рѣченія и дѣла такъ добрые, какъ злые видимъ.—Сіе разсуждая, славный овъ Василій Кесарь, 45 послѣ Константина Великаго, Константинополскій къ Леону сыну своему державы наслѣднику предрагое ово политическое увѣщаніе писалъ: чрезъ Исторіи ити не откажи. Тамо бо обрящеши безъ труда, яже иніи собраша съ трудомъ, и оттуду изчерпнеши, и благихъ добродѣтели и злычестивыхъ пороки, житія человѣческаго различная измѣненіа и вещей въ немъ обращенія; міра сего непостоянство, к нечестивыхъ стремглавные падежи и, да единѣмъ обыму словомъ, злыхъ дѣяній казни и благихъ почести. Изъ нихъ же тѣхъ отбѣгнеши, да не въ правоты божія руцѣ впаднеши. Сія обымеши, да почести яже съ ними ходятъ, улучиши. Сіе я однакъ убогое мое дѣлце Вашему Царскому Величеству, Моему Всемилостивѣйшему Царю Государю, приношу, не съ тѣмъ мнѣніемъ, чтобъ оно было какого особливаго помышленія, или Вашему Величеству надобное; понеже довolно вѣдаю, что Ваше Величество свыше всякими вѣдѣніи освѣщенно и искуствы надѣлено; а къ тому многихъ иныхъ подданыхъ, которые много сотъ кратъ лучше такія вещи выроботать могутъ, во власти содержитъ. Но знаючи быть должно и прилично, чтобъ всякій мой хотя бы бѣднѣйшый трудъ былъ, тотъ бы моему Всемилостивѣйшему Государю подлежалъ. Того ради я его подъ Вашего Царскаго Величества ноги, со всепокорнѣйшымъ почтеніемъ, подлагаю.

Вашего Царскаго Величества
Моего Всемилостивѣйшаго
Царя Государя
нижайшый рабъ

Вестеросъ, апріля
въ 7 день 1715 году.

А. М.

Здѣсь авторъ говоритъ, что посвятить трудъ Государю особенно побудила его слава дѣлъ и побѣдъ послѣдняго: «особно повелѣло

мнѣ то славныхъ В. Ц. В. дѣлъ и надъ непріятелми побѣдъ великолѣпіе». Миллеръ, не понявъ этого мѣста, пишетъ: «Одно обстоятельство изъ сего приношенія привесть достойно. Пишетъ князь Хилковъ, *что имѣлъ на сей трудъ повелѣніе, а особливо, чтобъ описать главныя Его Царскаго Величества дѣла, и надъ непріятелями побѣдъ Его великолѣпіе*. Сіе *повелѣніе*, кажется, разумѣть должно о знатнѣйшихъ его въ полону сотоварищахъ, князь Иванѣ Юрьевичѣ Трубецкомъ, и о прочихъ, которые, по видимому, его почтили за способнѣйшаго къ исполненію сего, а, можетъ быть, его и снабдили потребными на то Россійскими лѣтописцами, да розрядными и родословными списками сверхъ тѣхъ, которые чаятельно князь Хилковъ самъ привезъ изъ Москвы.» Миллеръ говоритъ также, что исправилъ во всей книгѣ тѣ мѣста, которыя искажены переписчиками; но при этомъ исправленіи онъ иногда перемѣнялъ и смыслъ, и даже пропускалъ иное. Правописаніе и многія слова, попадающіяся въ рукописи заставили Востокова признать въ авторѣ Малороссіянина; мы, съ своей стороны, готовы подтвердить это, основываясь на внутреннихъ качествахъ слога, ярко обличающихъ Малороссіянина.

Чтобъ оцѣнить значеніе Ядра въ Русской исторической литтературѣ, необходимо обратиться къ ея состоянію въ то время. Попытки къ составленію учебныхъ книгъ по Русской исторіи, или сколько-нибудь стройнаго, связнаго извлеченія изъ лѣтописей, мы видимъ на Москвѣ еще въ XVII вѣкѣ: такъ въ 1676 году извѣстный дьякъ Ѳедоръ Грибоѣдовъ сочинилъ *Сокращеніе Россійской Исторіи* въ 36 главахъ, отъ св. Владиміра до вступленія на престолъ Царя Ѳеодора Алексѣевича; но книга эта, написанная, какъ видно, для Царскаго употребленія исключительно, не была издана. Въ южной Руси потребность учебника Русской Исторіи, въ слѣдствіе давно уже распространеннаго школьнаго ученія, должна была явиться ранѣе, и вотъ мы видимъ тамъ, въ 1674 году, изданіе Гизелева Синопсиса; слѣд. для оцѣнки Ядра мы можемъ сравнивать его только съ Синопсисомъ, которымъ авторъ могъ пользоваться. Ядро, такъ какъ и Синопсисъ, начинается произведеніемъ Русскаго народа отъ Мосоха, сына Афетова, при чемъ авторъ особенно настаиваетъ на то, что народъ Русской ведетъ свое происхожденіе отъ человѣка, а не отъ ложныхъ боговъ, какъ другіе народы: «Наши Русскіе, Славяне и прочіе народы Сарматскіе, не летаютъ по поднебесію для произведенія предковъ своихъ, но истинною своею добродѣтелію не отъ боговъ, но отъ человѣка явно начало свое производятъ» (1). Русскіе народы, по автору Ядра, назывались

(1) Стр. 10.

прежде отъ Мосоха Яфетовича Мосхами, Мосохами, Месехами, Модоками, Моссенами, Мосхонкоиками; потомъ «ради смѣшенія иныхъ народовъ и порубежности, или для различныхъ туда и индѣ походовъ и войнъ, старое свое прозваніе пренебрегше, званы и писаны были отъ князя своего Русса, который отъ Мосоха произведеніе свое велъ, Руссіаны, Роксоляны, Роксаны, Руѳоны, Россіаны и держава ихъ Россія» (1). Здѣсь разница отъ Синопсиса, гдѣ приводятся разныя производства Руссовъ отъ города Роси, отъ рѣки Роси, отъ русыхъ волосъ, но авторъ считаетъ самымъ достовѣрнымъ и приличнымъ производствомъ отъ разсѣянія (см. Стрыйковскаго, т. 1, стр. 108 и слѣд. изд. 1846 г.); оба, и авторъ Синопсиса, и авторъ Ядра, смѣшиваютъ Сарматъ съ Славяно-руссами, и производятъ имя Славянъ отъ *славы,* которую предки наши заслужили воинскою храбростію (2), при чемъ авторъ Ядра опровергаетъ мнѣніе тѣхъ писателей, которые имя Славянъ смѣшиваютъ въ значеніи съ Италіанскимъ *schiavo* или *sclavo*, невольникъ, и ссылается на разсужденіе eruditissimi Vossii кн. 2 de vitiis sermonis, гдѣ онъ говоритъ, что слово *sclavo* происходитъ отъ плѣнныхъ Славянъ; потомъ слѣдуетъ перечень подвиговъ Славянскихъ въ древности, гораздо пространнѣе, чѣмъ въ Синопсисѣ; прибавлены, между прочимъ, побѣды Русскихъ надъ Шведами; повторено о помощи Славянъ Филиппу Македонскому и сыну его Александру (3), который далъ имъ грамоту, золотыми словами писанную; авторъ Ядра прибавляетъ, что эта грамота и нынѣ хранится въ архивѣ Султана Турецкаго. Основателей Кіева (Кія и брат. его) Ядро, согласно съ Синопсисомъ, ведетъ отъ Мосоха: «Правителей Россіяне изстари надъ собою имѣли князей и вождей, но за тѣмъ, что тѣ народы, больше въ войнѣ и непрестанныхъ походахъ упражняясь, и паче мечами своими по непріятельскимъ головамъ и шеямъ пишучи, грамоты, или писать встарину не знали, подлиннаго ихъ и порядочнаго послѣдованія изъявить и описать не можно» (4). Согласно съ Синопсисомъ, Радимъ, Вятко и Дулѣбъ названы полководцами Кія, Щека и Хорива, равно какъ Аскольдъ и Диръ у обоихъ названы потомками Кія (см. Стрыйк. стр. 112). Призваніе Варяговъ-руси описывается одинаково съ Синопсисомъ, т. е. Стрыйковскимъ (стр. 113): Гостомыслъ убѣждаетъ призвать трехъ извѣстныхъ братьевъ; авторъ Синопсиса Варяговъ называетъ Славянами и чрезъ нѣсколько строкъ говоритъ, что Князья Варяжскіе пришли *отъ Нѣмецъ*; авторъ Ядра умалчиваетъ о народности

---

(1) стр. 11.—(2) стр. 14.—(3) стр. 20.—(4) стр. 22.

Варяговъ, и Рюрика производитъ отъ «сѣмени Прусса, двоюроднаго брата Кесаря Августа, и ихъ предковъ пришествіе изъ Италійскихъ странъ было купно съ Палемономъ или Публіемъ Ливономъ, княземъ Римскимъ, въ котораго дружинѣ было 250 благородныхъ Римскихъ лицъ, и четыре рода первѣйшихъ, Урсины, Коломны, Кесарины и Кентаври, въ корабляхъ моремъ Средиземнымъ около Гишпаніи и Франціи, чрезъ Атлантическій и Британскій Океанъ тѣснотами Зундскими и чрезъ Балтійское море дивнымъ жребіемъ Божіимъ въ полуночныя мѣста, гдѣ нынѣ Жмудь, Лифляндія и Курляндія» (1). Сомнѣнія на счетъ этого преданія авторъ Ядра отстраняетъ слѣдующимъ образомъ: «Пусть судятъ какъ хотятъ, то истинная правда, что Палемонъ со многими князи Римскими въ полуночныя страны приплылъ; о чемъ многіе исторіописатели твердятъ, и всѣ лѣтописцы Русскіе и Литовскіе, хотябъ ихъ кто тысячу одни съ другими спустить хотѣлъ, объявляютъ» (2). (См. Стрыйковскаго, 1 стр. 57 и 114, изд. 1846 года).

Синопсисъ не объявляетъ ничего о бездѣтной смерти Синеуса и Трувора; Ядро говоритъ, что, по смерти Синеуса, Бѣлозерская волость досталась младшему брату Трувору, по смерти котораго, вмѣстѣ съ Изборскою волостію, перешла уже къ Рюрику (3). Въ Синопсисѣ повторено сказаніе начальнаго Кіевскаго лѣтописца о томъ, что Аскольдъ и Диръ были мужами Рюрика, у котораго отпросились идти въ Царьградъ, тогда какъ прежде сказано было, что Аскольдъ и Диръ были потомками Кія; желая согласить оба свидѣтельства, авторъ Синопсиса оговаривается такъ: «Бѣста у Рурика, Князя Великоновгородскаго, нѣкая два нарочита мужа, о нихже не бѣ тамо извѣстно, аще идоша отъ колѣна основателя и перваго Князя Кіевскаго Кія» (4). Въ Ядрѣ мы не находимъ такого неловкаго соглашенія: здѣсь Аскольдъ и Диръ постоянно являются потомками Кія, самостоятельными Князьями Полянъ, безо всякаго отношенія къ Рюрику (см. Стрыйк. стр. 115). Согласно съ Синопсисомъ, т. е. слово въ слово по Стрыйковскому, авторъ Ядра такъ отзывается объ нихъ: (5) «И такъ наслѣдіе *законныхъ* Князей Русскихъ Кіевскихъ, отъ колѣна Яфетова и Мосохова происшедшихъ, въ Оскольдѣ и Дирѣ, обманомъ Олега убитыхъ, скончалося, а изъ *иностранныхъ* Князей иные государи на владѣніе и престолъ всея Россіи пришли Рурикомъ и сыномъ его Игоремъ.» Въ обоихъ сочи-

---

(1) стр. 27.—(2) стр. 29.—(3) стр. 31. Изборскъ въ Синопсисѣ иначе назыв. Своpцами, по Стрыйковск.—(4) стр. 24.—(5) стр. 33.—

неніяхъ, по слѣдамъ Стрыйковскаго (стр. 117), Ольга названа правнукою Гостомысловою; въ обоихъ подробно разсказывается поведеніе Ольги относительно Древлянъ и въ Константинополѣ, но не упоминается о ея внутреннихъ распоряженіяхъ; при этомъ въ Ядрѣ помѣщено *политическое разсужденіе о супружествѣ государей владѣтельныхъ* (1); для образца приведу отзывъ автора Ядра объ Ольгѣ: «Ольга паче мужественныхъ монарховъ мужественною показалася, какъ богатырыня, которая Вавилонской Семирамидѣ и Іудейской Юдиѳѣ, Артемизіи Карійской и Галикарнаской, Аглинской Елисаветѣ и прочимъ героинямъ сравняться по достоинству можетъ; понеже непріятелей крѣпко побивъ, вѣрою христіанскою Россію просвѣтивъ, молода послѣ мужа оставшись, чисто и честно живъ, и за другаго, хотя Царя Греческаго, который того искалъ, посягнуть не хотѣвъ, такого вмѣненія удостоилася, и сына Святослава родила храбраго, многажды Грековъ спѣсивыхъ послѣ того побившаго». Слѣдующія княженія описаны одинаково съ Синопсисомъ, т. е. съ Стрыйковскимъ, почти исключительнымъ источникомъ и Синопсиса и Ядра. При исчисленіи женъ Владиміровыхъ въ Ядрѣ мать Бориса и Глѣба названа княжною Болгарскою (2), тогда какъ въ Синопсисѣ и у Стрыйковскаго сказано просто: отъ Болгарыни. Послѣ описанія побѣды Русскаго богатыря надъ Печенѣжскимъ, авторъ прибавляетъ: «Кромѣ сего Яна многіе иные храбрые и славные богатыри были у В. Князя Владиміра: Илія Ивановичь Муромецъ, котораго тѣло даже донынѣ въ пещерахъ Кіевскихъ лежитъ нетлѣнно; Рогдай, который на 300 непріятелей одинъ вооруженъ напущалъ; Александръ Поповичь, Андріянъ Доблянковъ, Добрыня, и прочіе» (3).

Въ слѣдъ за описаніемъ крещенія земли Русской авторъ Ядра приводитъ свидѣтельство Стрыйковскаго (см. Стрыйков. стр. 130) о гербѣ *Россійскаго самоначальства* надъ Пропонтидою съ надписью, содержащею похвалу св. Владиміра; потомъ сказку о происхожденіи *Холопьяго городка,* найденную въ старыхъ Русскихъ лѣтописцахъ и у Герберштейна. При раздачѣ волостей сыновьямъ Владиміра читаемъ, что Тмутаракань нынѣ называется Астрахань; что Смоленскъ данъ Станиславу, которому Владиміръ «нарекъ по смерти своей владѣть Кіевомъ и Берестовымъ Княженіями» (4). (У Стрыйков. стр. 152 прибавлено: Судиславу Псковъ; а Позвизду Волынь; имъ же, какъ младшимъ, по смерти своей, Кіевъ и Берестовъ назначилъ). Объ Ярославѣ Новгородскомъ говорится, по Стрыйковскому,

---

(1) стр. 47.—(2) стр. 60.—(3) стр. 64.—(4) стр. 79.

что онъ «не бывъ удѣломъ своимъ, отъ отца даннымъ, доволенъ, на прочіихъ братій своихъ княжества нападать началъ»; потомъ нанялъ Варяговъ и Печенѣговъ изахватилъ съ ними нечаянно Кіевъ; Владиміръ, узнавъ объ этомъ, выслалъ сына своего Бориса противъ Печенѣговъ, а самъ между тѣмъ умеръ въ Берестовѣ; по смерти Владиміра, Святополкъ и Борисъ поразили Ярослава, послѣ чего Святополкъ занялъ Кіевъ и замыслилъ братоубійство (1). Раздѣленіе волостей между сыновьями Ярослава въ Ядрѣ показано правильно, тогда какъ въ Синопсисѣ, по Стрыйковскому, Игорю данъ Смоленскъ и Владиміръ, а Вячеславу Псковъ и Великій Новгородъ (2). О событіяхъ по смерти Ярослава Великаго въ обоихъ сочиненіяхъ неправильно: въ Синопсисѣ Всеславъ Полоцкій названъ Вышеславомъ, Княземъ Польскимъ; въ Ядрѣ онъ смѣшанъ съ Вячеславомъ Ярославичемъ Смоленскимъ. Въ Ядрѣ смѣшанъ также Ростиславъ Владиміровичь, внукъ Ярослава Великаго, съ Ростиславомъ Всеволодовичемъ, братомъ Мономаха, и Володарь съ Василькомъ являются дѣтьми послѣдняго (3). О Владимірѣ Мономахѣ авторъ Ядра отзывается слѣдующимъ образомъ: «Многія смятенія и междоусобія, между Князьями Русскими удѣльными бывшія, усмирилъ; иныхъ войною, иныхъ грозою и совѣтомъ въ союзство привелъ, и тѣмъ государство Русское, бѣдствующее и отъ несогласія, убивствъ и междоусобныхъ войнъ сыновъ и наслѣдія Владиміра Великаго, Самодержца Россійскаго, всю Россію святымъ крещеніемъ просвѣтившаго, раззоренное воздвигнулъ. Поистиннѣ онъ отъ погибели своимъ мечемъ всѣ княженія Русскія разорванныя, храбростію и промысломъ своимъ паки въ едино тѣло и самодержавство совокупилъ, несогласныхъ Князей укротивше (4).» Послѣ Мономаха авторъ перечисляетъ его потомковъ, отъ старшаго сына Мстислава, описываетъ судьбу Галицкой Руси; потомъ перечисляетъ потомство втораго сына Мстислава Великаго, Ростислава Смоленскаго; преемство Князей въ Кіевѣ, по смерти Мономаха, обозначено въ короткихъ словахъ до Юрія Долгорукаго; при описаніи княженія послѣдняго автору «не безъ дѣла быть показалося, коротко и обще дать вѣдать о Уложеніи, котораго нынѣ всѣ Европскіе народы употребляютъ, и имъ правятся, откуда оно взято: и зане въ сіи времена, сіесть во время владѣнія въ Кіевѣ Ярополка Владиміровича, сына Мономахова, то вѣдѣніе приказнаго дѣла Римскаго въ Италіи,

---

(1) стр. 80.—(2) Впрочемъ Стрыйковскій оговаривается, что, по Мѣховію, Игорю достался Владиміръ, Вячеславу Смоленскъ.—(3) стр. 96.—(4) стр. 100.

въ году отъ Р. Х. 1135, свершилось, и потому здѣсь о томъ помянуть достойно мнится (1).» Послѣ краткой исторіи Римскаго права авторъ опять обращается къ Русскимъ Князьямъ, которые «къ властолюбію будучи чрезмѣрно склонны, въ покоѣ сами ужиться не могли, и инымъ также покоя не давали (2).» Но какъ ни странны иногда отступленія автора Ядра, какъ ни ошибочны бываютъ иногда его показанія, все онъ несравненно выше автора Синопсиса, который, слѣдуя постоянно Литовскимъ и Польскимъ источникамъ, преимущественно Стрыйковскому, перемѣшиваетъ Князей и событія, опуская главное, выставляя незначущее, сопоставляя разнорѣчивыя свидѣтельства объ одномъ и томъже событіи; такъ, напр., говоритъ, что Владиміръ Мономахъ добылъ цѣпь, поясъ и шапку княжую отъ старосты Каѳинскаго, котораго поборолъ на поединкѣ, и на другой же страницѣ говоритъ, что всѣ эти вещи были присланы Мономаху изъ Византіи; Романъ Ростиславичь Смоленскій смѣшанъ съ Романомъ Мстиславичемъ Волынскимъ; о сѣверной Руси мы не находимъ ничего въ Синопсисѣ, и послѣ взятія Кіева Батыемъ авторъ прямо переходитъ къ описанію Мамаева побоища; это описаніе занимаетъ слишкомъ 50 страницъ (тогда какъ во всей книгѣ только 224 страницы); потомъ, послѣ Мамаева побоища, авторъ обращается опять къ Батыю, къ его походамъ на западъ; перечисляетъ Князей сѣверныхъ и южныхъ, говоритъ о перенесеніи митрополичьяго престола изъ Кіева прямо въ Москву(!), о взятіи Кіева Гедиминомъ, о раздѣленіи митрополіи, объ учрежденіи патріаршества въ Москвѣ, о превращеніи княжества Кіевскаго въ воеводство, о присоединеніи Кіева къ Москвѣ—кратко, въ общихъ чертахъ, и оканчиваетъ свою книгу Чигиринскимъ походомъ. Но авторъ Ядра послѣ разсужденія о Римскомъ правѣ, обращается къ сѣверной Руси, куда видитъ перенесеніе Всероссійскаго престола, и приводитъ причину этого перенесенія: «Главнѣйшій престолъ Всероссійскій изъ Кіева въ городъ Владиміръ перенесенъ такимъ случаемъ, что какъ о Кіевѣ, начальнѣйшемъ Русскомъ княженіи, не по наслѣдству, но силою Князи побочные добиваться, а особно Князи Переяславскіе, съ помощію иныхъ какъ большой Руси, такъ и Волынскихъ Князей, доставать того стали, Князь Андрей Юрьевичь Боголюбскій, хотя отъ того, что онъ боголюбивъ былъ, прозвище такое принялъ, и былъ благодушенъ, зѣло однаго пылая властолюбіемъ, и желая сдѣлать себя надъ всею Россіею Самодержцемъ, престолъ себѣ во Владимірѣ утвердилъ (3).» Послѣдующія событія на сѣверѣ показаны

(1) стр. 110.—(2) стр. 120.—(3) стр. 122.—

вѣрно, кромѣ двухъ мѣстъ: въ одномъ Князь Михаилъ Юрьевичь названъ Княземъ Московскимъ (1), въ другомъ Князю Ивану Всеволодовичу данъ въ удѣлъ Стародубъ Сѣверскій (2). Второе нашествіе Татаръ описано неправильно: Великимъ Княземъ вмѣсто Юрія названъ Андрей, битва при Сити помѣщена прежде взятія Владиміра, и т. п. Послѣ разсказъ событій по княженіямъ почти вездѣ правиленъ; приведемъ отзывъ автора объ Іоаннѣ III, котораго онъ называетъ Грознымъ: «Іоаннъ Васильевичъ, сей Великій Князь Московскій, за великія свои добродѣтели, бдѣніе и попеченіе за соблюденіе государства, паче всѣхъ своихъ предковъ хваленія удостоился, и съ великимъ онымъ Владиміромъ Святославовичемъ, всея Россіи Монархомъ, по справедливости сравниться достоинъ; зане изъ подъ неволи и ига Татарскаго, подъ которымъ прежніе Русскіе Князи стенали, себя и Русь всю попеченіемъ и промысломъ своимъ высвободилъ, а воздаятельно Золотую Орду подъ свое послушаніе покорилъ, Казань, Пермь, Лаппонію, Югорію, Болгары на Волгѣ, Заволжскія страны на востокъ солнца даже до моря Хвалынскаго, себѣ часть подъ послушаніе, часть подъ власть привелъ; съ Шведы, а особно съ Лифляндцами и Финнами, щастливую войну велъ; отъ Литовскаго Княжества съ 70 городовъ великихъ и малыхъ возвратилъ подъ Русскую державу, и завоевавъ Великій Новгородъ и прочія Русскія Княженія, въ одно Монархіи Россійской тѣло привелъ и совокупилъ. Въ своемъ государствѣ излишнія пированія, а особно пьянство, имяннымъ своимъ указомъ запретилъ. И толь великими добродѣтельми, которыми отъ природы одаренъ былъ, сталъ всѣмъ окрестнымъ сосѣдямъ страшенъ: послѣ котораго самоначальство Русское весьма утвердилось и пришло въ цвѣтущее состояніе (3).» Для образца, какъ авторъ сокращаетъ извѣстія, можно привести разсказъ его о семейныхъ распоряженіяхъ Ивана III: «Первому сыну своему, Князю Іоанну Іоанновичу, которой отъ первой его супруги Маріи Михайловны (т. е. Борисовны), князя Михаила (т. е. Бориса) Тверскаго дочери, ему родился, далъ во удѣлъ Тверское Княженіе, который какъ преставился, отецъ князь Іоаннъ Московскій престолъ назначилъ дать въ удѣлъ сыну его, а своему внуку, Димитрію Іоанновичу. Но какъ о семъ увѣдомилась вторая его супруга Софія Ѳомична, къ мужу своему ласковыми словами приступила, и испросила у него, чтобъ онъ сына Василія, отъ нея перворожденнаго, вмѣсто внука Димитрія, на главнѣйшій престолъ Московскій посадилъ. И такъ Великій Князь Василій Іоанновичь еще при жизни отца своего Москвою владѣть вмѣстѣ съ отцемъ началъ (4).»

---

(1) стр. 125.—(2) стр. 128.—(3) стр. 216.—(4) стр. 217.—

Причиною жестокости Іоанна IV, выставлено поведеніе бояръ во время его малолѣтства: «Владѣли государствомъ бояре, которыхъ несоюзство, зависть и ненасытное мздоиманіе и лихоимство дало причину, что какъ Великій князь Іоаннъ Васильевичь потомъ возмужалъ, и въ лѣты и разсужденіе пришелъ, и такія неправости разсмотрѣлъ, нѣсколько жестоко и чрезъ обычаи свирѣпо къ нимъ, а послѣ того и къ прочимъ своимъ подданнымъ поступалъ (1).» Въ Ядрѣ встрѣчаемъ, при описаніи царствованія Грознаго, первое извѣстіе о *Поганой* книгѣ: «Царь Іоаннъ Васильевичь, на мѣсто искорененныхъ въ Новѣгородѣ во время того разоренія дворянскихъ многихъ родовъ, выбралъ нѣсколько семей изъ княжескихъ и первѣйшихъ боярскихъ дворовъ, ихъ людей; и на побитыхъ помѣстья въ Новогородскомъ уѣздѣ поселилъ, сдѣлавъ ихъ дворянами Новгородскими. Ихъ имена записаны въ книгѣ, называемой *Поганая,* которая есть въ Москвѣ на Государевѣ Каменномъ дворѣ, и въ Новѣгородѣ въ Приказѣ (2).» Князь Щербатовъ подтверждаетъ это извѣстіе, прибавляя, что Поганая книга написана дьякомъ Китаевымъ (3). О поступкахъ Бориса Годунова встрѣчаемъ въ Ядрѣ слѣдующее любопытное извѣстіе: «Какъ Царь Ѳеодоръ Іоанновичь въ томъ же году ходилъ въ Троицкій монастырь, въ его отсутствіи Москва, по наученію Бориса Годунова, зажжена, и которыхъ дворы сгорѣли, тѣхъ Борисъ чрезъ совѣтниковъ своихъ научилъ, чтобъ били челомъ о вспоможеніи ему Борису, а не Царю Ѳеодору Іоанновичу, и тѣхъ всѣхъ Борисъ наградилъ и надѣлилъ, а все то дѣлалъ задобряя себѣ народъ, чего ради и со всѣмъ родомъ Шуйскихъ, за которыхъ народъ его хотѣлъ убить, примирился, но для виду только, и ласково съ ними поступилъ, чрезъ что у нихъ сдѣлалъ, что они въ народъ дали знать себя довольными быть Бориса Годунова дружбою (4).» Здѣсь же встрѣчаемъ подтверждаемое нѣкоторыми хронографами извѣстіе о сценахъ при избраніи Годунова, напр. о мочени глазъ слюнями вмѣсто слезъ (5). Встрѣчаемъ также извѣстіе, что Князь Василій Шуйскій обличалъ Лжедимитрія въ самозванствѣ въ самый день въѣзда его въ Москву (6). При описаніи царствованія Шуйскаго упоминается о какомъ то козацкомъ полковникѣ *Истомѣ,* который, въ началѣ царствованія, нагналъ сильный страхъ на Москву; Болотниковъ названъ Попутникомъ (7). При описаніи поступковъ Сигизмунда III съ Московскими послами, Филаретомъ и Голицынымъ, читаемъ: «Держалъ ихъ девять лѣтъ въ земляныхъ

(1) стр. 227.—(2) стр. 244.—(3) Ист. рос. VIII, стр. 227.—
(4) стр. 238.—(5) стр. 264.—(6) стр. 292.—(7) стр. 316, 317.—

тюрьмахъ великою жестокостію, не давъ пить и ѣсть, и для того тогда они простой воды ведро по 5 рублевъ купили (1). При описаніи междуцарствія помѣщено извѣстіе о побѣдѣ Полянскаго; вотъ какъ читается все мѣсто: «Поляки (по убіеніи втораго самозванца), съ совѣтомъ и помощію Михаила Салтыкова, достальныхъ ратныхъ людей Русскихъ съ Москвы по городамъ разослали, рѣшетки по улицамъ разрубили, Русскимъ людямъ съ саблями и съ пищальми ходить не велѣли, и дровъ толстыхъ, а особно бревенъ къ Москвѣ возить запретили. Сами Поляки, по улицамъ ходя, Московскихъ гражданъ рубили и мучительски побивали, такъ что Русское трупье по улицамъ валялося, ряды всѣ и домы гражданъ выграбили, Москву многажды зажигали, и такое дѣлали утѣсненіе, что Русскимъ людямъ отъ нихъ нанесеннаго страданія описать не можно. По уѣздамъ и по другимъ городамъ такоежъ разореніе и грабежъ отъ нихъ былъ, котораго Русскіе стерпѣть не могли, самихъ Поляковъ и ихъ начальниковъ множество, обороняя себя, побивали. Въ тожъ время одного воеводу изъ Русскихъ князей, который у Поляковъ и Русскихъ измѣнниковъ былъ приводцемъ, такъ поразилъ и разбилъ Иванъ Васильевъ сынъ Полянскій, что онъ насилу самъ съ нѣсколько своихъ ратныхъ людей къ Москвѣ ушелъ (2).» Потомъ съ большими подробностями разсказываетъ авторъ о взятіи Новгорода Делагарди: причина тому заключается въ тогдашнемъ положеніи цѣлаго Русскаго народа, боровшагося со Шведами, и въ положеніи самого автора въ особенности: настоящая вражда заставила живѣе припомнить непріязнь древнюю; описавъ неправды Шведскаго полководца, авторъ продолжаетъ: «На тѣ грабленныя имѣнія Новогородскія де ла Гардіе въ Стокгольмѣ превеликія палаты, мѣдью покрытыя, гдѣ нынѣ арсеналъ и кирка или церковь св. Іакова, на Нордермалмѣ, построилъ; за то однакъ обманство и сребролюбіе такъ отъ Бога сердцевидца наказанъ сталъ, что когда уже церковь помянутая совсѣмъ отдѣлана была, а онъ смотрѣть ее приходилъ, какъ изъ нее вышелъ, въ томъже мгновеніи ослѣпъ. Тѣмъ же грабленнымъ Новогородскимъ имѣньемъ де ла Гардіе построилъ великій и богатый каменный замокъ не далече отъ Стокгольма, который отъ его имени называли прежде сего Якобсъ-Даль, а нынѣ Улриксъ-Даль называется, и чрезъ то награбленное въ Руси богатство де ла Гардіевы потомки въ Швеціи очень цвѣли и въ знать вышли. Часто помянутый де ла Гардіе въ грабленіе Новогородцевъ и иныхъ Русскихъ городовъ жителеіі вводившись, и святыя мѣста,

(1) стр. 334.—(2) стр. 340.—

церкви и монастыри грабить, а разграбивъ жечь велѣлъ, гдѣ и посвященнымъ сосудамъ не щажено; зане потири и дискосы браны были грабительными руками, и не только украшенія иныя церковныя и оклады луплены были, но и свѣчи восковыя изъ церквей и монастырей взяты и вывезены въ Швецію, какихъ двѣ толстыя въ Вестероскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ графа Пипера, зовомой Энгшю, 2 мили отъ Вестероса, въ церкви тамошней я самъ въ году отъ Р. Х. 1714 видѣлъ, изъ которыхъ на одной около верховья надписано Русскими словами: «Лѣта 7113, генваря въ 7 день, Кирилъ Кириловъ сынъ, стрѣлецкій пятидесятникъ въ Рядовѣ на Крестцѣ въ Великомъ Новѣгородѣ, по обѣщанію своему, поставилъ въ дому Пресвятыя Богородицы Благовѣщенія свѣчу мѣстную на краскахъ, 1 съ половиною пуда вѣсомъ.» На другой: «Лѣта 7117, іюня въ 30 день, на Встрѣтенкѣ, пятидесятникъ въ Стрѣлецкой слободѣ, въ Великомъ Новѣгородѣ, Чудинцовѣ монастырѣ Великомученицы Параскевы, нареченные Пятницы, свѣчу мѣстную на краскахъ поставилъ, вѣсомъ 1 съ половиною пудъ (1)... Нынѣ, читатель благохотный, правду и истинну Шведскаго народа передъ Русскими разсудишь, когда подумаешь, какъ господа Шведы въ такое смутное время на помощь противъ Поляковъ призваны, и такъ публично, сіесть уступленіемъ Корѣлы города и уѣзда, какъ и приватно отъ Царя Василія Шуйскаго богатыми поминки самъ де ла Гардіе и его войска надарены, сами враждебно противъ Руси войну подняли; и разсмотришь, имѣли ли причину Государи Русскіе по времени сіе отомстить, и войну праведную противъ Шведской короны во отмщеніе двигнуть, а особно когда примѣчаемъ оное политическое правило, что неправедно отнято и владѣно было, то праведнымъ оружіемъ отыскать и возвратить достоитъ... Сіи то теперь помянутыя подлинныя и вѣдомыя съ Шведской стороны Руси дѣланныя обиды суть ближайшая вина войны, которую Царь Петръ Алексіевичь въ году отъ Р. Х. 1700 противъ Шведской земли поднялъ, желая неправду праведнымъ оружіемъ отсудить; и для того Богъ его праведное оружіе частыми надъ непріятелемъ побѣдами увѣнчать изволилъ.»

Въ остальномъ разсказѣ, доведенномъ до 1712 года, не находится ничего особенно замѣчательнаго; мы приведемъ только послѣднія строки, въ которыхъ заключается отзывъ о Петрѣ Великомъ: «Сей Государь Царь Петръ Алексѣевичь своимъ неусыпнымъ промысломъ державу Русскую отъ непріятелей оборонилъ; народъ не-

(1) стр. 334 и слѣд.

ученый, который всякими свободными науки прежде брезговалъ, въ ученость привелъ; а чтобъ то удобнѣе сдѣлалъ, самъ, какъ выше сказано, въ иные государства странствовалъ, и молодыхъ господъ изъ подданныхъ своихъ въ Италію, Францію, Германію и индѣ посылалъ; училища многія въ Руси завелъ, всякихъ художествъ, какъ гражданскихъ, такъ и воинскихъ, подданныхъ своихъ научиться привелъ, и однимъ словомъ сказать, всю Русь художествы и вѣдѣніемъ просвѣтилъ, и будто снова переродилъ. Воистинѣ, по преславнымъ и всему свѣту удивительнымъ дѣламъ Его Величества, какъ въ гражданскомъ управленіи, такъ и въ многотрудныхъ войнахъ, и надъ непріятелями побѣдахъ, похвальныхъ въ старинѣ Навуходоносоровъ Вавилонскихъ, Кировъ Персихъ, Александровъ Великихъ Македонскихъ, Улиссовъ Греческихъ и славныхъ ихъ дѣлъ превосходитъ, почемубы и исторію о семъ государѣ подробно изслѣдовать и по достоинству описать надлежало: но меня отъ того по сіе время удержало, что, будучи въ Швеціи въ плѣну подъ жестокимъ арестомъ, едва вышеписанное къ объявленію сыскать могъ, а больше извѣстій и записокъ не имѣя, принужденнымъ нахожуся перо покинуть, и прочее для описанія преславнаго нашего Монарха безсмертныхъ дѣлъ другимъ оставить».—Къ сочиненію приложено описаніе гербовъ державы Россійской, и уѣздовъ, въ ней содержимыхъ.

Обративъ вниманіе на средства автора Ядра Россійской Исторіи, и сравнивъ это сочиненіе съ предшествовавшимъ ему опытомъ, Синопсисомъ Гизеля, мы не усумнимся дать ему почетное мѣсто въ нашей исторической литтературѣ: исключая древнѣйшій періодъ, событія переданы въ немъ беззатѣйно, обстоятельно, почти безошибочно; не забудемъ, что и послѣ, когда начали появляться болѣе обширныя сочиненія по части Русской Исторіи, то они касались обыкновенно древнѣйшихъ ея періодовъ, и Ядро оставалось относительно самымъ полнымъ руководствомъ къ изученію Руской исторіи: этимъ объясняется то, что оно достигло четырехъ изданій (1770,1784,1791,1799).

II. ВАСИЛІЙ НИКИТИЧЬ ТАТИЩЕВЪ.

Чтобъ понять характеръ дѣятельности Татищева, нужно обратиться къ характеру той знаменитой эпохи, къ которой принадлежалъ онъ, эпохи преобразованія. Великій Царь созидалъ все, и самъ безъ устали работалъ надъ всѣмъ, чтобъ удовлетворить вдругъ, какъ можно скорѣе потребностямъ юнаго государства. Петръ нуждался въ многочисленномъ сонмѣ сотрудниковъ даровитыхъ; онъ набралъ ихъ, но эти сотрудники не были приготовлены къ извѣст-

нымъ, опредѣленнымъ родамъ дѣятельности; онъ послалъ ихъ приготовляться, учиться за границу, но дѣлъ было больше, чѣмъ людей, и потому систематическое распредѣленіе занятій было невозможно: взявшись за одно дѣло, видѣли, что съ нимъ соприкасается нѣсколько другихъ необходимыхъ приготовительныхъ занятій, за которыя нужно было также взяться; одна работа вела къ другой, и одинъ дѣятель долженъ былъ удовлетворять вдругъ нѣсколькимъ потребностямъ; призванъ ли, приготовленъ ли былъ къ нимъ дѣятель?— на эти вопросы, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, нельзя было обращать большаго вниманія: ревность и талантъ должны были замѣнять приготовленіе. Мы знаемъ, чѣмъ долженъ былъ заниматься Ломоносовъ, призванный собственно къ занятію одними естественными науками. Ломоносова сравниваютъ, въ этомъ отношеніи, съ Петромъ Великимъ. Но многообразіе дѣятельности необходимо проистекало для всѣхъ тогдашнихъ дѣятелей изъ состоянія юнаго общества, было необходимо по множеству дѣла, по недостатку даровитыхъ и образованныхъ дѣятелей: развѣ одинъ Ломоносовъ подвергся этой участи? его многообразная дѣятельность только виднѣе вслѣдствіе высокой степени его таланта; ни одинъ ученый, ни одинъ писатель того времени не могъ быть спеціалистомъ. Туже участь должны были раздѣлять и цѣлыя учрежденія: Академія, по словамъ самого устава, долженствовала быть и Академіею Наукъ, и Университетомъ, и Гимназіею. Таковъ былъ характеръ эпохи.

Общая участь постигла и Татищева. Онъ былъ два раза отправляемъ Петромъ за границу для изученія горнаго дѣла; какъ онъ воспользовался своимъ пребываніемъ за границею, какими обладалъ способностями, и какъ развилъ эти способности трудомъ, свидѣтельствуютъ важныя услуги, оказанныя Татищевымъ горному дѣлу въ Россіи. Но если Татищевъ былъ человѣкъ дѣятельный и даровитый, то онъ, въ эпоху преобразованія, не могъ ограничиться однимъ какимъ нибудь занятіемъ, и вотъ горный чиновникъ, въ послѣдствіи Астраханскій губернаторъ, является первымъ собирателемъ и критикомъ матеріаловъ Русской исторіи. Какъ же это случилось? Быть можетъ, Татищевъ чувствовалъ въ себѣ измлада призваніе къ историческимъ трудамъ, измлада любилъ посвящать имъ свои досуги? быть можетъ, онъ родился историкомъ, и только по служебнымъ обязанностямъ долженъ былъ заниматься горнымъ дѣломъ? Нисколько. Татищевъ самъ разсказываетъ, что графъ Брюсъ, подъ начальствомъ котораго онъ служилъ, занимался составленіемъ полной и вѣрной Русской Географіи; сперва Татищевъ только помогалъ Брюсу въ этомъ дѣлѣ, а потомъ долженъ былъ одинъ взять на себя географическіе труды. Ставши разбираться въ нихъ хозяиномъ,

Татищевъ замѣтилъ, что безъ полной и вѣрной исторіи нельзя успѣть въ составленіи полной и вѣрной географіи — и вотъ онъ начинаетъ заниматься Русскою исторіею, собираетъ лѣтописи, дѣлаетъ выписки изъ Нѣмецкихъ и Польскихъ историческихъ книгъ, потому что самъ знаетъ эти два языка; изъ книгъ же, написанныхъ на языкахъ, ему неизвѣстныхъ, заставляетъ переводить все, относящееся къ Россіи. Легко понять, какого труда стоило это Татищеву, нисколько не приготовленному къ своему новому занятію; но Татищевъ былъ человѣкъ даровитый, труда не боялся, и понималъ высокое значеніе своего новаго занятія, что̀ видно изъ слѣдующихъ словъ его: «Причина начатія сего моего труда хотя отъ графа Брюса: но въ продолженіи такъ многому снисканію и произведенію главнѣйшее было желаніе воздать должное благодареніе вѣчной славы и памяти достойному Государю, Его Императорскому Величеству Петру Великому за его высокую ко мнѣ показанную милость, якоже къ славѣ и чести моего любезнаго отечества.» Цѣлью Татищева, какъ человѣка умнаго, понимавшаго свои средства и способности, вовсе не было написаніе прагматической Русской исторіи: онъ хотѣлъ только собрать матеріалы и разобраться въ нихъ; разсмотримъ же, какъ онъ это сдѣлалъ, и какъ въ его трудахъ отражается вѣкъ съ своими понятіями и состояніе тогдашняго общества.

Предложивъ во введеніи понятіе исторіи, подъ которою разумѣетъ *дѣянія* въ смыслѣ всѣхъ явленій и приключеній, а не однихъ только дѣлъ человѣческихъ; предложивъ раздѣленіе исторіи на священную, церковную, политическую и ученую, Татищевъ переходитъ къ пользѣ Исторіи. Изъ сочиненій другихъ писателей видно, какъ встрѣчены были науки у насъ въ эпоху преобразованія, какъ ученые и писатели должны были, сообразуясь съ понятіями вѣка, настаивать на *полезность* наукъ; было много людей, которые толковали о безполезности вообще всѣхъ наукъ; но такъ какъ очевидный опытъ показалъ пользу нѣкоторыхъ наукъ для удобствъ житейскихъ, то, не будучи въ состояніи спорить противъ пользы всѣхъ наукъ вообще, обратились противъ тѣхъ, которыя не удовлетворяли прямо матеріальнымъ потребностямъ; въ числѣ этихъ послѣднихъ наукъ, разумѣется, была исторія; вотъ почему Татищевъ говоритъ: «О пользѣ исторіи не потребно бы толковать, которую всякъ видѣть и ощущать можетъ: однакожъ какъ нѣкоторые не обыкли о вещахъ внятно и подробно разсматривать и разсуждать, много кратъ отъ поврежденія ихъ смысла полезное вреднымъ, а вредное полезнымъ поставляютъ, слѣд. въ поступкахъ и дѣлахъ погрѣшаютъ, какъ то мнѣ такихъ о безполезности исторіи не безъ

прискорбности разсужденія слышать случалось, и для того я за полезно разсудилъ о томъ кратко изъяснить.» Какъ же Татищевъ разсуждаетъ о пользѣ исторіи? Разумѣется, согласно съ понятіями вѣка, онъ разсуждаетъ о ея полезности, выставляетъ ея значеніе, какъ науки опыта только, а не какъ науки народнаго и человѣческаго самопознанія: по его мнѣнію богословъ, юристъ, медикъ, администраторъ, дипломатъ, вождь не могутъ съ успѣхомъ исполнять своихъ должностей безъ знанія исторіи. Не могши возвыситься до понятія объ исторіи, какъ науки народнаго и человѣческаго самопознанія, Татищевъ и его современники не могли опредѣлить точно значенія и пользы отечественной исторіи. Вычисливъ пользу исторіи, какъ науки опыта, для разныхъ званій, Татищевъ говоритъ: «Что собственно о пользѣ Русской исторіи принадлежитъ, то равно какъ о всѣхъ прочихъ разумѣть должно, и всякому народу и области знаніе своей собственной исторіи и географіи весьма нужнѣе, нежели постороннихъ.» Это почему? не сказано, да и не слѣдуетъ изъ предыдущаго, если исторія есть только наука опыта, и полезна только въ этомъ одномъ отношеніи.

Не будучи въ состояніи, въ слѣдствіе господствовавшихъ понятій вѣка, выказать ясно пользу отечественной исторіи, Татищевъ, упомянувъ объ этой пользѣ слегка, переходитъ къ пользѣ изученія Русскимъ иностранной, а иностранцамъ Русской исторіи, собственно для лучшаго обработанія науки исторической; но это уже совершенно другой вопросъ. Здѣсь онъ показываетъ, что одни отечественные источники недостаточны для составленія вполнѣ безпристрастной исторіи, потому что отечественные писатели, въ своихъ сужденіяхъ, могли руководствоваться любовію или страхомъ. Западно-европейскіе историки безъ знанія Русской исторіи никакъ не могутъ уяснить себѣ исторіи древнихъ народовъ, обитавшихъ въ областяхъ нынѣшней Россіи; притомъ иностранцы только чрезъ изученіе Русской исторіи могутъ получить средства опровергнуть ложь, сочиненную нашими врагами. Здѣсь же, между прочимъ, Татищевъ сообщаетъ извѣстіе о понятіяхъ Русскихъ, своихъ современниковъ объ отечественной исторіи. Въ это время для Русскихъ чужое было доступно, свое скрыто: исторію чужихъ народовъ было легко изучить; свою невозможно; свое прежнее являлось все болѣе и болѣе во враждебномъ видѣ, потому что представители его, старое поколѣніе людей, своимъ сопротивленіемъ новому порядку, своими выходками противъ просвѣщенія, все болѣе и болѣе вооружало противъ себя новое поколѣніе, которое, враждуя, смотря съ презрѣніемъ на представителей, не могло не враждовать, не смотрѣть съ презрѣніемъ и на время, ими представляемое; старина была синонимомъ не-

вѣжества, тьмы; твердили, что только съ начала XVIII вѣка появился свѣтъ и разогнана тьма; отсюда необходимо низкое мнѣніе о прошедшемъ, мнѣніе, что у нашихъ предковъ не могло быть ничего порядочнаго, какъ было у другихъ народовъ; отсюда понятны намъ слѣдующія слова Татищева: «Хотя насъ Европскіе историки тѣмъ порицають, яко бы мы исторій древнихъ не имѣли, и о древности своей не знали, для того что они о томъ, какія мы исторіи имѣемъ, неизвѣстны; а хотя нѣкоторые, сочиня выписки краткія или какое либо обстоятельство перевели, то другіе, думая, что мы лучше оныхъ не имѣемъ, и для того оную презираютъ: *сему нѣкоторые наши невѣдущіе согласуютъ,* а нѣкоторые, не хотя въ древности потрудиться, и не разумѣя подлиннаго сказанія, яко бы для лучшаго изъясненія, но паче для потемнѣнія истины, басни сложа, внесли и сущую правость сказанія древнихъ закрыли.» Второе было необходимымъ слѣдствіемъ перваго.

Разсужденіе свое о пользѣ исторіи Татищевъ заключаетъ обычнымъ въ то и позднѣйшее время указаніемъ нравственной пользы отъ исторіи: «Сія то есть потребность Исторіи, но что всякому человѣку нуждно знать, то можно легко уразумѣть, что въ исторіи не токмо нравы, поступки и дѣла, но изъ того происходящія приключенія описуются, яко мудрымъ, правосуднымъ, милостивымъ, храбрымъ, постояннымъ и вѣрнымъ честь, слава и благополучіе, а порочнымъ, несмысленнымъ, лихоимцамъ, скупымъ, робкимъ, превратнымъ и невѣрнымъ безчестіе, поношеніе и оскорбленіе вѣчное послѣдуютъ: изъ котораго всякъ обучаться можетъ, чтобъ первое колико возможно пріобрѣсти, а другаго избѣжать».—За этимъ слѣдуетъ указаніе вспомогательныхъ наукъ для исторіи, раздѣленіе ея по содержанію (общія, пространныя, участныя, особенныя исторіи), по времени; потомъ разсужденіе о качествахъ, необходимыхъ для историка; здѣсь читаемъ: «Одни мнятъ, что непотребно болѣе, какъ довольное читаніе и твердая память, а къ тому внятной складъ; другіе мнятъ, что невозможно. не во всей философіи обученому Исторію писать; но я мню сколько первое скудно. столько другое избыточественно; однакожъ обоихъ кратко отвергнуть нельзя, поневеже подлинно писателю много книгъ, какъ своихъ, такъ иностранныхъ читать, и что читалъ, то памятовать нуждно; но сіе еще недостаточно, властно какъ человѣкъ домовитый къ строенію дому множество потребныхъ припасовъ соберетъ и въ твердомъ хранилищи содержитъ, дабы, когда что потребно, могъ взять и употребить, но къ тому потребно *смыслъ,* чтобъ прежде начатія опредѣленіе о распорядкѣ строенія и употребленія по мѣстамъ пристойнымъ припасовъ положить, а безъ того строеніе его будетъ или

нетвердо, нехорошо, непокойно; тако къ писанію Исторіи весьма нужно свободный смыслъ, къ чему наука Логика много пользуетъ; другое сужденіе, чтобъ яко строитель могъ разобрать припасы годные отъ негодныхъ, гнилые отъ здоровыхъ, тако писателю Исторіи нужно съ прилѣжаніемъ разсмотрѣть, чтобъ басенъ за истину, и неудобныхъ за бытія не принять, а паче беречся предразсужденія, и о лучшемъ древнемъ писателѣ, для котораго науку критики знать не безнужно; третье, какъ всякое строеніе требуетъ украшенія, такъ всякое сказаніе краснорѣчія и внятнаго въ немъ сложенія, которому наука Риторика наставляетъ». За разсужденіемъ о качествахъ историка слѣдуютъ правила исторической критики. Здѣсь, говоря о преимуществѣ своихъ писателей предъ иностранными, Татищевъ замѣчаетъ, что для послѣднихъ большимъ препятствіемъ служитъ языкъ: «понеже многихъ обстоятельствъ иногда не выразумѣвъ и безъ пристрастія легко погрѣшить можетъ, а паче имены людей, мѣстъ, и проч. Въ нашей Исторіи и Географіи весьма для сего три языка, Татарскій, Сарматскій (Финскій) и Словенскій достаточно знать нужно, а по малой мѣрѣ лексиконы полные или переводчиковъ для помощи искусныхъ имѣть».

Послѣ изложенія правилъ исторической критики Татищевъ перечисляетъ источники Русской Исторіи, раздѣливъ ихъ: 1) на общіе или генеральные, къ которымъ относитъ a) Несторовъ временникъ, b) Степенную книгу, c) Хронографъ, d) Синопсисъ съ продолжателями; 2) Предѣльные, т. е. мѣстныя лѣтописи; 3) Акты; 4) Участные, т. е. біографіи, описанія отдѣльныхъ событій, житія Святыхъ. Краткіе отзывы объ разныхъ перечисленныхъ источникахъ вообще правильны; между матеріалами Татищевъ упоминаетъ и о такихъ сочиненіяхъ, которыя были извѣстны ему только по имени, и которыхъ, не смотря на всѣ старанія, онъ нигдѣ не могъ достать; таковы: лѣтопись Смоленская, Луговскаго—описаніе походовъ Царя Алексѣя и судъ надъ Никономъ, Лихачева — жизнь Царя Ѳедора Алексѣевича. Но если самъ Татищевъ откровенно говоритъ, какія книги у него были и какія онъ знаетъ только по имени, подробно разсказывая, какія изъ нихъ находились у кого изъ извѣстныхъ людей, то, видя такую добросовѣстность, имѣемъ ли право обвинять его въ искаженіяхъ, подлогахъ, и т. п.? Еслибъ онъ былъ писатель недобросовѣстный, то онъ написалъ бы, что все имѣлъ въ рукахъ, все читалъ, все знаетъ. Мы имѣемъ полное право въ его сводѣ лѣтописей принимать одно, отвергать другое, но не имѣемъ никакого права въ неправильности нѣкоторыхъ извѣстій обвинять самого Татищева. Непонятно, какъ смотрѣли на исторію Татищева позднѣйшіе писатели, позволявшіе себѣ выставлять его,

какъ выдумщика ложныхъ извѣстій? Какъ видно, они пренебрегли первымъ томомъ, не обратили вниманіе ни на характеръ, ни на цѣль труда, и взявшись прямо за второй томъ, смотрѣли на его содержаніе, какъ на нѣчто въ родѣ Исторіи Щербатова, Елагина, Эмина. Мы же, съ своей стороны, должны произнести о Татищевѣ совершенно противоположный приговоръ: важное значеніе его состоитъ именно въ томъ, что онъ первый началъ обработываніе Русской Исторіи, какъ слѣдовало начать, первый далъ понятіе о томъ, какъ приняться за дѣло, первый показалъ, что̀ такое Русская Исторія, какія существуютъ средства для ея изученія; Татищевъ собралъ матеріалы и оставилъ ихъ неприкосновенными, не исказилъ ихъ своимъ крайнимъ разумѣніемъ, но предложилъ это свое крайнее разумѣніе поодаль, въ примѣчаніяхъ, не тронувъ текста.

Сперва Татищевъ началъ было сочинять исторію «историческимъ порядкомъ, сводя изъ разныхъ мѣстъ къ одному дѣлу, и нарѣчіемъ такимъ, какъ нынѣ наиболѣе въ книгахъ употребляемъ.» Но ясный смыслъ, къ счастію, заставилъ Татищева перемѣнить свое намѣреніе: онъ нашелъ въ спискахъ лѣтописи разногласія, при чемъ, сочиняя исторію, разумѣется, долженъ былъ выбирать; кромѣ того списки находились въ разныхъ рукахъ, отъ чего затериваются, ссылаться на нихъ нельзя, «и естьлибъ, по словамъ Татищева, нарѣчіе и порядокъ ихъ перемѣнить, то опасно, чтобъ и вѣроятности не погубить.» Это заставило Татищева свести всѣ списки «тѣмъ порядкомъ и нарѣчіемъ, каковыи въ древнихъ находятся, собирая изъ всѣхъ полнѣйшее и обстоятельнѣйшее въ порядокъ лѣтъ, какъ они написали, не перемѣняя, ни убавливая изъ нихъ ничего, кромѣ ненадлежащаго къ свѣтской лѣтописи, яко житія святыхъ, чудеса, явленія, и проч., которыя въ книгахъ церковныхъ обильнѣе находятся, но и тѣ по порядку нѣкоторыя на концѣ приложилъ: такожъ ничего не прибавливалъ, развѣ необходимо нужное для выразумѣнія слово положить, и то отличалъ вмѣстительною». Потомъ думая, что такой сводъ будетъ невразумителенъ для большинства читателей, и особенно неудобенъ для перевода на иностранные языки, Татищевъ перевелъ его на употребительный въ его время языкъ, подлинникъ же отдалъ въ Академію Наукъ.

Послѣ исчисленія матеріаловъ Татищевъ предлагаетъ раздѣленіе своего труда на четыре части: первая заключаетъ извѣстія о лѣтописяхъ и описаніе трехъ главныхъ народовъ — Скиѳовъ, Сарматовъ и Славянъ, до 860 года; вторая заключаетъ сводъ лѣтописныхъ извѣстій отъ 860 года до нашествія Татаръ; третья отъ Татаръ до

Іоанна III; четвертая отъ Іоанна III до Царя Михаила. Татищевъ хотѣлъ остановиться на избраніи Царя Михаила во-первыхъ потому, что событія, начиная съ этого времени, еще въ свѣжей памяти, и писать исторію новой династіи никому не будетъ трудно; во-вторыхъ, потому что «въ настоящей исторіи явятся многихъ знатныхъ родовъ великіе пороки, которые естьли писать, то ихъ самихъ или ихъ наслѣдниковъ подвигнуть на злобу, а обойти оныя, погубить истинну и ясность исторіи, или вину ту на судившихъ обратить, еже было съ совѣстью несогласно.» При этомъ Татищевъ говоритъ, что книгъ, могшихъ служить ему руководствомъ, собралъ онъ болѣе 1000; жалуется на недостатокъ искусныхъ переводчиковъ, на неправильность Польскихъ сочиненій, искажавшихъ древнія имена переводомъ ихъ на новыя; говоритъ, что принесли ему пользу лексиконы — Буддеевъ всеобщій историческій, Гесіусовъ или Мартиньеровъ географическій, Байлевъ исторіи критическій, но жалуется, что относительно Русской исторіи въ нихъ нѣтъ ни одного вѣрнаго извѣстія, ибо иностранцы не знаютъ Русской исторіи и географіи: «и они въ томъ невинны, прибавляетъ Татищевъ, когда того и у насъ нѣтъ.»

Введеніе свое Татищевъ заключаетъ указаніемъ причины всѣхъ приключеній и дѣяній: эта причина по его мнѣнію, есть умъ, или отсутствіе его, глупость; расчету ума слѣд. Татищевъ подчиняетъ все: отсюда сухость, жесткость въ приговорахъ о нѣкоторыхъ явленіяхъ, непониманіе, неумѣнье оцѣнить нѣжнаго нравственнаго чувства, которое иногда заставляетъ человѣка дѣйствовать вопреки расчетамъ ума (1). Этотъ взглядъ объясняетъ намъ также нѣкоторые поступки автора, о которыхъ сохранились преданія (2).—Умъ просвѣщенный называетъ Татищевъ разумомъ; въ исторіи онъ замѣчаетъ три способа всемірнаго умопросвѣщенія: изобрѣтеніе буквъ, пришествіе Іисуса Христа на землю, изобрѣтеніе книгопечатанія (3).

Таково содержаніе Введенія. Такъ какъ первымъ способомъ умопросвѣщенія Татищевъ положилъ изобрѣтеніе письменъ, то первая глава первой части заключаетъ разсужденіе *о древности письма Славянъ*. Здѣсь Татищевъ вооружается противъ писателей, ко-

(1) Такою жесткостію отличается сужденіе, помѣщенное въ примѣчан. 213, 214.—(2) См. у Голикова анекдоты о Петрѣ В. 104, 105.

(3) Надобно замѣтить, что Татищевъ размѣщаетъ эти способы не по важности, а по времени.

торые утверждали, что письменность на Руси началась очень поздно; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заподозриваетъ свидѣтельство западныхъ Славянскихъ лѣтописцевъ о древности письменъ Славянскихъ; согласенъ впрочемъ допустить, что Русскіе Славяне имѣли письмена до Кирилла: къ этому побуждаетъ его древній законъ Русскій (Русская Правда), въ которомъ, по его мнѣнію «рѣченія и обстоятельства включены, которыхъ за долго до Владиміра и нигдѣ у Славянъ во употребленіи уже не было, но были въ самой древности.» Если были письмена, то могла быть и исторія: у Нестора Татищевъ находитъ слѣды, что лѣтописецъ имѣлъ передъ собой книги, иначе онъ не могъ знать о пришествіи Славянъ на Дунай, о нашествіи Волоховъ, и проч.; договоры съ Греками со словъ такъ порядочно написаны быть не могли, по словамъ автора.

Такъ какъ второй способъ умопросвѣщенія есть Христіанство, то вторая глава заключаетъ разсужденіе *О идолослуженіи бывшемъ*, «ибо, по словамъ автора, порядокъ требуетъ показать, что̀ прежде прiятiя закона Христова было, ибо, не зная зла, не можно внятно о добрѣ разсудить, или не представя чернѣйшаго, не легко можно познать разность бѣлизны». Миѳологія Славянъ и въ наши времена представляетъ самую недостаточную, необработанную часть Славянскихъ древностей, слѣд. мы не имѣемъ права ожидать отъ Татищева большаго проясненія этого предмета; замѣтимъ одно любопытное мнѣніе, которое повторилось въ наши времена: Татищевъ думаетъ, что божества Кіевскія, поименованныя у начальнаго лѣтописца, не были Славянскія, но Сарматскія (Финскія) или Варяжскія. Въ наши времена тѣ изслѣдователи, которые держатся односторонняго мнѣнія объ исключительности Скандинавскаго вліянія въ древнѣйшій періодъ нашей исторіи, объясняютъ всѣ явленія его изъ Скандинавской національности, дошли необходимо до мысли, что и богослуженіе Руссовъ было не Славянское. — Въ слѣдующей (третьей) главѣ Татищевъ разсуждаетъ о крещеніи Славянъ и Руси, замѣчаетъ о проповѣди Апостола Андрея, что если Апостолъ водрузилъ крестъ на горахъ Кіевскихъ, то еще не слѣдуетъ предполагать проповѣди и крещенія народа, о которыхъ ни слова не говоритъ преданіе.

Глава IV заключаетъ знаменитую Іоакимовскую лѣтопись. И за эту лѣтопись, какъ за нѣкоторыя мѣста въ сводѣ, неотысканные въ извѣстныхъ намъ спискахъ, Татищева обвинили въ сочиненіи, въ подлогѣ, тогда какъ его нельзя упрекнуть даже и въ недостаткѣ критики, потому что онъ обязанъ былъ сводить всѣ извѣстія, бывшія у него подъ руками. Татищевъ разсказываетъ подробно, какимъ образомъ досталась ему Іоакимовская лѣтопись, и въ какомъ

видѣ. Отыскивая повсюду историческія рукописи, онъ обратился съ вопросомъ къ свойственнику своему, Мелхиседеку Боречову, архимандриту Бизюкова монастыря, нѣтъ ли чего и у него въ обители? Мелхиседекъ отвѣчалъ, что нигдѣ въ извѣстныхъ ему монастыряхъ нѣтъ никакихъ рукописей, но что одинъ монахъ Веніаминъ набралъ по монастырямъ и частнымъ домамъ много книгъ, и изъ своего собранія удѣлилъ ему, Мелхиседеку, три тетради, которыя онъ и отсылаетъ Татищеву. «Сіи тетради, говоритъ послѣдній, видно, что изъ книги сшитой выняты по разметкѣ 4, 5 и 6, письмо новое, но худое, складъ старый, смѣшенной съ новымъ, но самой простой, и нарѣчіе Новогородское: начало видимо, что писано о народахъ какъ у Нестора съ изъясненіями изъ Польскихъ, но много весьма неправильно, яко Славянъ Сарматами и Сарматскіе народы Славянами именовалъ, и не въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ надлежало, клалъ, въ чемъ онъ, вѣря Польскимъ, обманулся. По окончаніи же описанія народовъ и ихъ поступковъ, зачалъ то писать, чего у Нестора нѣтъ, изъ которыхъ я выбралъ токмо то, чего у Нестора не находится, или здѣсь иначе положено.» По внимательномъ разсмотрѣніи отрывка оказывается, что онъ составленъ въ позднѣйшія времена, но составитель имѣлъ въ рукахъ начальную Новгородскую лѣтопись, съ именемъ Епископа Іоакима, или хотя и безъ имени, но съ ясными указаніями, что она написана этимъ епископомъ. — Въ разсказѣ о походѣ Аскольда на Царьградъ и слѣдствіяхъ его недостаетъ двухъ листовъ, на сторонѣ замѣтка: «утрачены въ лѣтописцѣ два листа.» Оканчивается отрывокъ описаніемъ разсылки сыновей Владиміровыхъ: «Прочихъ женъ и дочерей даде въ жены ближнимъ своимъ, неимущимъ женъ, и запрети да всякъ..» — Получа отрывокъ, Татищевъ послалъ къ Мелхиседеку съ просьбою доставить самую книгу, откуда выдрана лѣтопись; но въ отвѣтъ получилъ извѣстіе, что Мелхиседекъ умеръ, и пожитки его расхищены или запечатаны. Послѣ этого Татищевъ просилъ своихъ пріятелей освѣдомиться о монахѣ Веніаминѣ у келейниковъ Мелхиседека; нашелся монахъ Веніаминъ, бывшій казначей покойнаго архимандрита: этотъ Веніаминъ никакихъ книгъ не собиралъ, но объ искомой книгѣ объявилъ, что она была у Мелхиседека, который разсказывалъ, что списалъ ее въ Сибири, а иногда говорилъ, что чужая и никому не показывалъ; на книгѣ переплета не было, но тетради связаны и обернуты кожей; послѣ въ пожиткахъ его книги не нашлось. Узнавъ изъ этихъ подробностей, что книга принадлежала самому Мелхиседеку, который берегъ ее какъ рѣдкость, Татищевъ и написалъ въ первомъ примѣчаніи «Веніаминъ монахъ токмо для закрытія вымышленъ.» И что же? Критики

наши на этой замѣткѣ основали мнѣніе о подлогѣ, и обвинили въ немъ самого Татищева! Такой умный человѣкъ, какъ Татищевъ, сочиня лѣтопись и всѣ обстоятельства, какъ она ему попалась, вдругъ самъ признается, что онъ выдумалъ имя монаха Веніамина для закрытія! Теперь мы этимъ критикамъ предложимъ вопросъ: для чего было Татищеву сочинять Іоакимову лѣтопись? Богатый и знатный сановникъ съ какою цѣлію могъ прибѣгнуть къ такому средству? Для подтвержденія своихъ любимыхъ мыслей? Но какія его любимыя мысли подтверждаетъ Іоакимова лѣтопись? Развѣ въ примѣчаніяхъ онъ не опровергаетъ нѣкоторыхъ ея мѣстъ? напр. въ 3 примѣчаніи вооружается противъ братства Славена и Скиѳа; потомъ Татищеву хотѣлось бы, чтобъ Аскольдъ былъ сынъ Рюрика, пасынокъ его второй жены, матери Игоря; но въ Іоакимовой лѣтописи этого нѣтъ, и Татищевъ принужденъ прибѣгнуть къ натяжкѣ (примѣч. 29). Можно какъ угодно цѣнить такъ называемую Іоакимовскую лѣтопись, принимать ея извѣстія въ соображеніе при изслѣдованіяхъ или не принимать, — это другое дѣло; но никакъ не должно обвинять Татищева за то, что онъ сохранилъ намъ отрывокъ, во всякомъ случаѣ любопытный, или приписывать ему самому подлогъ; надобно только удивляться осторожности Татищева, благодарить его за подробное описаніе отрывка и обстоятельствъ, при которыхъ онъ ему достался, потому что онъ могъ бы внести извѣстія Іоакимовой лѣтописи въ текстъ свода, и въ примѣчаніяхъ ссылаться на нее, точно такъ какъ ссылается на Раскольничій списокъ и другіе, намъ неизвѣстные; но вотъ что онъ самъ говоритъ объ этомъ: «Я намѣренъ былъ все сіе въ Несторову дополнить, но разсудя, что мнѣ ни на какой манускриптъ извѣстный сослаться нельзя, и хотя то вѣрно, что сей архимандритъ, яко мало грамотѣ изученъ, сего не сложилъ, да и сложить все неудобно, ибо требуется къ тому человѣка многихъ книгъ читателя, и въ языкѣ Греческомъ искуснаго; къ тому много въ ней находится чего я ни въ одномъ древнихъ Несторовыхъ манускриптахъ не нахожу, а находится въ прологахъ и Польскихъ исторіяхъ, которыя, какъ Стрыковскій говоритъ, изъ Русскихъ сочинили... Сего ради я сію выписку особною главою положилъ (1).»

(1) Елагинъ свидѣтельствуетъ (Опытъ Нов. о Россіи, стр. 101), что «Крекшинъ открылъ древнюю рукопись Іоакима, перваго Новгородскаго Епископа, изъ которой потомъ рачительный господинъ Татищевъ, *не могшій цѣлыя достать*, оставилъ намъ перечень въ первой части своей лѣтописи.»

Въ главѣ V помѣщено изслѣдованіе о Несторѣ. Татищевъ положилъ начало изслѣдованіямъ о Несторѣ, первый утвердилъ за нимъ начальную Кіевскую лѣтопись: «Безсумнѣнно есть, что Несторъ творецъ тоя лѣтописи»; первый указалъ мѣсто, гдѣ Несторъ долженъ былъ остановиться; первый указалъ на позднѣйшія вставки, и хотя указанныя имъ мѣста болѣе принадлежатъ начальному лѣтописцу, чѣмъ другія; но здѣсь важны пріемы, взглядъ на дѣло, а не частныя замѣчанія, которыя могутъ быть невѣрны, или спорны. Въ главѣ VI говорится о послѣдовавшихъ Нестору лѣтописателяхъ; въ VII—о рукописяхъ, употребленныхъ при сводѣ: подробное описаніе всѣхъ списковъ которыми пользовался Татищевъ, уничтожаетъ всякое подозрѣніе въ недобросовѣстности; въ VIII—о счисленіи времени и началѣ года: здѣсь объясняются запутанности въ нашихъ лѣтописяхъ, происшедшія отъ разнаго времясчисленія; въ IX—о происхожденіи, раздѣленіи и смѣшеніи народовъ. Здѣсь видно, какъ Татищевъ возвышался надъ своими современниками, съ презрѣніемъ отвергая старанія выводить Руссовъ отъ библейскаго Роса, и т. п.; здѣсь же Татищевъ отозвался съ похвалою о нашихъ лѣтописцахъ за отсутствіе у нихъ генеалогическихъ басенъ. Оставляя въ сторонѣ всѣ этнографическіе толки, Татищевъ прямо приступаетъ къ тремъ народамъ, которые, по его мнѣнію, имѣютъ непосредственное отношеніе къ Русской исторіи—Скиѳамъ, Сарматамъ, подъ которыми разумѣетъ Финновъ, и Славянамъ; но такъ какъ первое, что останавливаетъ историка при подобныхъ вопросахъ—это разнорѣчивыя показанія и смѣшенія именъ народныхъ у разныхъ авторовъ, то X главу Татищевъ посвящаетъ объясненію *Причинъ разности званій народовъ*, изслѣдованіе, по тому времени, превосходное. Въ главѣ XI заключается изслѣдованіе объ имени и жилищахъ Скиѳовъ; въ XII изложены извѣстія Геродота о Скиѳахъ, Сарматахъ и другихъ народахъ. Главы эти снабжены поясненіями и замѣчаніями Татищева; между ними попадаются любопытныя извѣстія изъ жизни современнаго автору общества; напр. въ 24 примѣчаніи къ IV главѣ, по поводу сна Гостомыслова, Татищевъ говоритъ: «Намъ такихъ вымысловъ отъ суевѣрныхъ пустосвятовъ, льстецовъ и лицемѣровъ слыхать нерѣдко случалось, каковыхъ моглъ бы я много съ довольнымъ доказательствомъ привести, да едино токмо вспомяну, которое многимъ вѣдомо, а никому въ обиду быть не можетъ. Дворъ Царицы Праскевы Ѳедоровны отъ набожности былъ госпиталь на уродовъ, юродовъ, ханжей и шалуновъ: между многими такими былъ знатенъ Тимоѳей Архиповичь сумазбродной подъячей, котораго за святаго и пророка суевѣрцы почитали, да не токмо при немъ какъ послѣ его

предсказанія вымыслили: онъ Императрицѣ Аннѣ, какъ была Царевною, провѣщалъ быть монахинею, и называлъ ея Анфисою, а послѣ какъ Анна Императрицею учинилась, сказывали, якобы онъ ей задолго корону провѣщалъ.» Въ примѣчаніи 50 къ главѣ XII, по поводу Геродотовыхъ извѣстій о превращеніяхъ Невровъ, Татищевъ замѣчаетъ: «У насъ многіе и не весьма глупые, но отъ неученія суевѣрствомъ обладанные сему твердо вѣрятъ. Я не весьма давно отъ одного знатнаго, но неразсуднаго дворянина слышалъ, якобы онъ самъ нѣсколько времени въ медвѣдя превращался, что слышащіе довольно вѣрили. Въ 1714 году, ѣдучи я изъ Германіи чрезъ Польшу, въ Украйнѣ заѣхалъ въ Лубны, къ фельдмаршалу графу Шереметеву, и слышалъ, что одна баба за чародѣйство осуждена на смерть, которая о себѣ сказывала, что въ сорόку и дымъ превращалась, и оная съ пытки въ томъ винилася. Я хотя много представлялъ, что то неправда, и баба на себя лжетъ, но фельдмаршалъ нимало мнѣ не внималъ; я просилъ его, чтобъ позволилъ мнѣ ту бабу видѣть, и ея къ покаянію увѣщать, по которому послалъ онъ со мною адъютантовъ своихъ». Татищеву удалось усовѣстить вѣдьму, и она призналась, что все взвела на себя напрасно, и ни въ чемъ не виновата, кромѣ обмановъ и леченія нѣкоторыми травами.

Въ главѣ XIII помѣщены извѣстія Страбона; въ XIV—Плинія; въ XV—Птоломея; въ XVI—Константина Порфиророднаго, послѣднія по Байеру, съ примѣчаніями Татищева; въ XVII Сѣверные писатели по Байеру; въ XVIII—Остатки Скиѳовъ, Турки и Татара; отсюда ясно, кого разумѣлъ Татищевъ подъ именемъ Скиѳовъ — племена Турецкія; здѣсь Татищевъ хозяинъ, и ни въ чьей помощи не нуждается; въ главѣ XIX разность Скиѳовъ и Сарматъ; въ XX Сарматъ имя, произшествіе и обиталище; въ XXI Сарматы по Русской и Польской исторіямъ; въ XXII—оставшіе Сарматы; здѣсь съ Финскимъ племенемъ смѣшано Латышское; въ XXIII о Гетахъ, Готахъ и Гепидахъ: Татищевъ отличаетъ Гетовъ отъ Готѳовъ; послѣднихъ причисляетъ къ Сарматамъ, первыхъ, вмѣстѣ съ Ѳраками, Даками и Енетами, къ Славянамъ. Къ этой главѣ Татищевъ почелъ за нужное присоединить слѣдующее примѣчаніе: «Въ Польскихъ историкахъ есть главная и всѣмъ имъ общая погрѣшность, что Хронологіи и Географіи въ ихъ сказаніяхъ не наблюдали, и тѣмъ немалое смятеніе наносятъ, а отъ недостатка достаточныхъ публичныхъ библіотекъ нерѣдко авторовъ неисправно приводятъ, для котораго есть небезопасно ихъ приводамъ вѣрить, но нужно тѣхъ самыхъ авторовъ смотрѣть». Въ XXIV—О Кимбрахъ и Киммерахъ; въ XXV—о Болгарахъ и Хвалисахъ, у древнихъ Аргипеи и Исседони; Тати-

щевъ не хочетъ допустить мнѣнія, что Болгары получили свое названіе отъ Волги (Волгары), потому что Русскимъ не нужно мѣнять букву *в* на *б*, и потому производитъ имя Болгаръ отъ имени главнаго ихъ города; Хвалисовъ считаетъ за одно съ Козарами. Въ XXVI—О Печенѣгахъ, Половцахъ и Торкахъ—всѣ три народа причисляются къ Сарматамъ; въ XXVII объ Уграхъ и Обрахъ: Угры принимаются за Гунновъ, Обры за Аваровъ, древнѣйшее ихъ имя—Исседоны; въ XXVIII—объ Аланахъ, Роксоланахъ, Рокаланахъ, Аланорсахъ и Литаланахъ: отвергается мнѣніе, что Роксоланы—Славяне и предки Русскихъ. Въ XXIX о древней Руси. Здѣсь разсматриваются Скандинавскія названія древней Руси, встрѣчающіяся въ сагахъ; въ этой главѣ обращаютъ наше вниманіе слова Татищева, гдѣ высказывается взглядъ его на нѣкоторыя извѣстія лѣтописи: опровергнувъ басню о войнѣ Скиѳовъ съ холопями, Татищевъ продолжаетъ: «Нѣкоторые наши писатели, неосторожно отъ иностранныхъ древностей взявъ въ Руcкіе вносили и присвояли, знатно думая, что другіе тѣхъ не знаютъ, и впредь знать не будутъ, подобно какъ старые и ветхіе лоскутья къ своему новому къ бѣлому платью для разпещренія пришивали, которое не токмо явно неправо, но и непристойно, яко избавленіе Милета Тразибуломъ изъ Геродота Бѣлуграду, Владиміру Мономаху поединокъ съ Корсунскимъ воеводою изъ Геродотажъ, и пр. Но я еще къ сей холопьей войнѣ нечаянно досталъ прочитать исторію града Ростова, и она не токмо ветха, но по письму и бумагѣ мню болѣе 200 лѣтъ писана; въ ней о семъ пространнѣе нежели индѣ находится: мѣсто тоже, что въ лѣтописи Муромской. Колязинъ монастырь разумѣетъ быть холопій градъ. Сказуетъ, что къ сраженію у вождей и у царей Скиѳскихъ были трубы, литавры и сурны, а у холопей одни свирѣли и рожки пастушьи; Скиѳъ предводители Стражиміръ, Громиславъ и Бедиславъ: у холопей Загуми, Разрывай и Угоняй; оружіе у царей самострѣлы и мечи обоюду остры; у рабовъ сабли и луки холопіи, и проч. Правда, что вымыселъ не худъ, какъ имена музыки и ружье по пристойности людей положилъ, токмо знатно онъ того не зналъ, что тогда литавръ, не говорю о самострѣлахъ, не было; другое, что Скиѳы не были Славяне, потому именъ Славенскихъ употреблять не могли. Сія погрѣшность у многихъ вымышляющихъ находится, какъ о Славенскихъ Князяхъ вымышленныхъ Новгородцами въ гл. I показано. Онъ же имя Ростова отъ роста производитъ, не справясь, оной градъ прежде въ тѣхъ мѣстахъ населившихся Славянъ былъ ли, а народъ въ томъ предѣлѣ былъ Сарматской Меря или Мордва, какъ Несторъ точно сказуетъ; такоже и другіе многія басни и чудеса внесъ, однакожъ

въ сей исторіи есть нѣколико и нуждняго, особливо какимъ порядкомъ оное княженіе Великимъ Князямъ пришло, и какіе въ томъ способы и распри съ Ярославскими Князи были, въ оной описаны, что въ дополненіе и для ясности третіей части весьма нужно.»

Въ главѣ XXX говорится о Руси, Рутенахъ, Роксаніи, Роксоланіи и Россіи: Руссы суть Сарматы или Финны; Русь по Сарматски значитъ *черный* или *красный;* у Финновъ былъ главный городъ *Старая Руса;* Славяне пришли въ Финскіе предѣлы, покорили тамошнее народонаселеніе, и построили *Новый Городъ;* Татищевъ отвергаетъ указаніе на библейское *Росъ,* принимая это слово въ значеніи *главы* или *верховности.* Глава XXXI содержитъ изслѣдованіе о Варягахъ: Рюрикъ есть князь Финляндскій; Руссы—Финны, они же могутъ быть причислены и къ Варягамъ вмѣстѣ съ Скандинавами, потому что это названіе промысла (разбойничества), а не народное; надобно замѣтить впрочемъ, что эта глава самая запутанная у Татищева; видно, что самъ авторъ не ясно еще опредѣлилъ для себя происхожденіе Варяговъ-Руси; гораздо яснѣе опровергнуто мнѣніе о происхожденіи призванныхъ Князей изъ Славянской Вагріи и изъ Прусъ. Глава XXXII содержитъ изслѣдованіе Байера о Варягахъ; къ этой главѣ, какъ видно по нумерамъ, были присоединены примѣчанія Татищева, но въ печатной книгѣ ихъ нѣтъ. Въ XXXIII главѣ говорится о Славянахъ: здѣсь выражена подтвержденная теперь мысль о древности Славянъ въ Европѣ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они до сихъ поръ обитаютъ: «Хотя подлинно о старости званія сего, сколько мнѣ извѣстно, прежде Прокопія не упоминается, но народъ безъ сумнѣнія такъ старъ, какъ всѣ прочіе; и хотя оное прежде за отдаленіемъ Римлянамъ знаемо не было, однакожъ то вѣроятно, что оное весьма древнее, и всѣмъ того языка или по малой мѣрѣ по Днѣстру и Днѣпру обще употребляемо было, да и на Сѣверъ не поздо перенеслось; а по удѣламъ каждый предѣлъ особно именовался, какъ въ Европѣ около Дуная и въ Азіи многихъ разныхъ Славенскихъ званій народовъ задолго прежде Прокопія находилось, что у древнѣйшихъ землеописателей находимъ». Дальнѣйшее разсужденіе, гдѣ авторъ отвергаетъ обычное тогда производство отъ Мосоха и прочія, можетъ служить, по тому времени, образцемъ здраваго смысла, яснаго взгляда на предметъ. Отвергнувъ производство Москвы отъ Мосоха, Татищевъ говоритъ: «Я правѣе разумѣю быть имя Москвы рѣки Сарматское *болотная,* ибо въ вершинѣ оной болотъ не мало, или *крутящаяся,* ибо весьма криво многими и великими излучинами течетъ, и отъ того оное произошло; и градъ Москва

построенъ въ 1154 году отъ рѣки имя получилъ, а до того о Москвѣ ничего у Русскихъ не упоминалося.»

Въ главѣ XXXIV говорится о древнихъ жилищахъ и прехожденіи Славянъ подъ разными именами: здѣсь Татищевъ увлекся авторитетомъ Ѳеофана Прокоповича (который Амазонокъ сдѣлалъ Славянами), и впалъ въ общую современную болѣзнь словопроизводства: доказывая пребываніе Славянъ въ Сиріи, Татищевъ хочетъ найти въ Еврейскомъ языкѣ Славянскія слова, и въ Славянскомъ Еврейскія, и Моисей объясняется чрезъ слова дочери Фараоновой *мой сей;* такъ и осторожный Татищевъ заплатилъ дань вѣку.— Въ XXXV главѣ говорится о Енетахъ: это переводъ третьей главы Бѣльскаго съ примѣчаніями и поправками Татищева; здѣсь, въ 11 примѣчаніи онъ говоритъ слѣдующее о происхожденіи Малороссійскихъ Черкасъ: «Оные прежде изъ Кабардинскихъ Черкесъ въ 14 стѣ въ княжествѣ Курскомъ, подъ властію Татаръ, собравши множество зброда, слободы населили, и воровствомъ промышляли, и для многихъ на нихъ жалобъ Татарскихъ губернаторомъ на Днѣпръ переведены, и градъ Черкасы построили, потомъ усмотря Польское безпутное правленіе, всю малую Русь въ Козаки превратили, гетмана или атамана избравъ, всѣ Черкесы именовались, а при Царѣ Іоаннѣ на Донъ съ княземъ Вишневецкимъ перешли, градъ Черкаской построили»; въ 14 примѣчаніи Татищевъ отвергнулъ существованіе грамоты Александра Македонскаго, данной Славянамъ.—Въ XXXVI главѣ—о Болгарахъ и Козарахъ: Болгаръ, пришедшихъ съ Волги, и поселившихся на Дунаѣ между Славянами, Татищевъ считаетъ однородцами послѣднихъ; для объясненія причины перехода Славянъ отъ Волги на Дунай Татищевъ приводитъ слѣдующее извѣстіе изъ степенной Новгородской книги, примѣняя это извѣстіе вмѣсто Ильменскихъ Славянъ къ Волжскимъ: «Увѣдавъ Славяне о утѣсненіи Славяномъ на Дунаѣ живущимъ отъ Грекъ и Волотовъ (Римлянъ), подъявшеся съ домы своими, идоша на помощь онымъ, побѣдиша Грекъ и Волотами обладаша».— Козаровъ Татищевъ считаетъ также Славянами.—Въ XXXVII главѣ говорится о Восточныхъ Славянахъ: здѣсь встрѣчаемъ попытку объяснить Птоломеевы народныя названія изъ Славянскаго языка, которую въ наше время повторилъ Шафарикъ. Въ XXXVIII главѣ говорится о южныхъ Славянахъ; въ XXXIX—о западныхъ; въ XL—о сѣверныхъ; въ XLI—о языкѣ Славянскомъ и разности нарѣчій; здѣсь замѣчателенъ отзывъ Татищева о Русскомъ языкѣ: «Мы хотя можемъ похвалиться, что нашъ языкъ многихъ полнѣе и плодовитѣе, и мню, что въ философіи, маѳематикѣ и прочихъ наукахъ не хуже Французскаго и Германскаго, но еще кратче изъ-

яснить можемъ, что нѣкоторые члены Руской Академіи изданіемъ преизрядныхъ книгъ засвидѣтельствовали, особливо господина профессора Ломоносова изрядная реторика и другое, якоже Тредіаковскаго и господина Сумарокова стихотворенія хвалы достойны; однакожъ много такихъ видимъ, которые никакого языка не знаютъ, ниже своего достаточно учились, а чужихъ словъ въ реченіи и письмахъ со избыткомъ употребляютъ; а какъ они силы ихъ не знаютъ, такъ часто неправильно оныя кладутъ, и не въ той силѣ ихъ разумѣютъ, на что господинъ Сумароковъ изрядную сатиру издалъ». Въ главѣ XLII говорится о умноженіи и умаленіи Славянъ и языка ихъ: здѣсь между прочимъ читаемъ: «Въ Греціи Славенской языкъ былъ въ такомъ употребленіи, какъ нынѣ въ Германіи Французскій; ибо не токмо министры и придворные знатные, но сами Императоры онымъ говорить не гнушались, особливо же Константинъ Порфирогенитъ оной разумѣлъ. Да слышалъ я отъ ученаго Грека, что Императоръ Василій Македонянинъ нѣкоторую книгу историческую Славенскимъ языкомъ писалъ, которая до днесь у Патріарха хранится; но сіе въ сумнительствѣ, что никто о томъ не воспоминаетъ. Изъ всѣхъ Славянскихъ областей Руские Государи наиболѣе всѣхъ распространеніемъ и умноженіемъ языка Славенскаго славу свою показали, и хотя Славянъ во всей Руссіи до Рюрика было много, но пришествіемъ Рюрика съ Варяги родъ и языкъ Славенской былъ уничиженъ; блаженная же Олга будучи сама отъ рода князей Славенскихъ, народъ Славенской возвысила и языкъ во употребленіе общее привела. Таже пріятіемъ крещенія чрезъ Болгаръ и книги Славенскія церковные наиболѣе утвердила, отъ чего чрезъ много лѣтъ великимъ тщаніемъ Государей завоеванные Сарматскіе и Татарскіе предѣлы языкъ Славенорускій приняли, а свой прежній забыли, и почитаются за Славянъ, слѣдственно все сіе великое государство отъ моря Ледовитаго къ югу до Меотиса, а съ запада отъ рѣки Двины и Днѣпра на востокъ до Восточнаго океана и моря Тихаго, не иначе какъ за государство Славенское почесться можетъ, хотя между тѣмъ идолопоклонниковъ и Магометанъ и непріявшихъ крещенія не мало; но довольно есть причинъ, что не въ продолжительномъ времени оные остатки свои законы и языки оставятъ».—Въ главѣ XLIII говорится о географіи вообще и о Русской; въ XLIV—о древнемъ раздѣленіи Руссіи: по Татищеву Великая Русь заключаетъ въ себѣ княжества: Новгородское, Псковское, Бѣлозерское, Полоцкое; Бѣлою Русью онъ называетъ Ростовско-Суздальскую область, или послѣ область Московскаго государства, говоря что древнѣйшія рукописи всю эту страну, кромѣ Смоленскаго княжества, Бѣлою

Русью именуютъ. Кромѣ Червонной Руси Татищевъ упоминаетъ еще о Черной, при чемъ ссылается на нѣкоторыя грамоты Царя Алексѣя Михайловича и на Стрыйковскаго.—Въ главѣ XLV—о древнемъ правительствѣ Русскомъ и другихъ въ примѣръ; здѣсь говорится о происхожденіи общества; первое общество — мужъ и жена, второе родовое — родители и дѣти, третье домовное — господинъ и слуги. Въ этомъ мѣстѣ находится важное для юристовъ указаніе на извѣстія патріарха Іова и Царя Василія Ив. Шуйскаго объ устройствѣ означеннаго общества. Четвертое общество, по мнѣнію Татищева, есть гражданство, имѣющее цѣлію взаимную защиту своихъ членовъ и раздѣленіе занятій. Выборъ лучшихъ для управленія дѣлами гражданства произвелъ аристократію; аристократы, не будучи между собою согласны, должны были поручить всю власть одному — явилась Монархія. Здѣсь опять встрѣчаемъ любопытное указаніе на собственную историческую дѣятельность Татищева и на одинъ важный древній актъ, для насъ потерянный: въ 1730 году Татищевъ подавалъ Верховному Тайному Совѣту письменное мнѣніе о необходимости возстановить монархическое неограниченное правленіе; при этомъ Татищевъ, по его собственнымъ словамъ, привелъ «достаточные приклады о монархіяхъ Ассирійской, Египетской, Персидской, Римской и Греческой, какъ правленія древнія и законы въ пользу общую хранили, дотолѣ власть ихъ почтенною и всѣмъ сосѣдамъ страшною представлялась; когдаже подданные дерзнули для собственнаго любоимѣнія или властолюбія власть монарховъ уменьшать, тогда вскорѣ государство съ крайнею бѣдою прежде подвластнымъ бывшимъ въ рабство подвергнулось, о чемъ Царь Іоаннъ Грозный рѣчью, княземъ подъ власть монарха покореннымъ, преизрядно изъяснилъ». Съ этой точки зрѣнія Татищевъ смотритъ и на всю Русскую исторію; надобно замѣтить, что какъ въ этомъ отношеніи, такъ и во всѣхъ почти другихъ, Татищевъ, болѣе чѣмъ кто либо другой изъ его современниковъ, былъ питомцемъ Петра Великаго, съ которымъ онъ вполнѣ раздѣлялъ эту жажду государственнаго порядка, строгой подчиненности; въ сочиненіяхъ Татищева видно вездѣ это благоговѣніе предъ государствомъ, которому, по мысли Петра, все долженствовало быть принесено въ жертву; безъ пощады преслѣдуетъ онъ въ исторіи всякое уклоненіе отъ общихъ государственныхъ интересовъ въ пользу интересовъ частныхъ; у Татищева есть любимое слово для означенія такихъ уклоненій — *безпутство:* безпутна въ его глазахъ древняя жизнь Новгородская, безпутны княжескія междоусобія, и т. д. —Что же касается до сочувствія къ Петру и его дѣлу, то Татищевъ сильно выражаетъ его въ слѣдующихъ словахъ: «Все, что имѣю — чины, честь, имѣніе, и главное надъ всѣмъ

разумъ, единственно все [illegible] милости Его Величества имѣю; ибо естьли бы онъ въ чужіе краи меня не посылалъ, къ дѣламъ знатнымъ не употреблялъ, а милостію не ободрялъ, тобы я не могъ ничего того получить». — Въ остальныхъ четырехъ главахъ перваго тома Татищевъ говоритъ о Русскомъ гербѣ, о родословіи Государей Русскихъ, о іерархіи, при чемъ, также согласно съ господствующими понятіями и направленіями вѣка, сильно вооружается противъ папской власти, и, между прочимъ, упоминаетъ о Спасскомъ училищѣ при Годуновѣ; въ послѣдней сорокъ девятой главѣ говоритъ о чинахъ и суевѣріяхъ древнихъ.

Таково содержаніе первой книги; остальныя заключаютъ сводъ [illegible]ъ извѣстій, снабженный примѣчаніями составителя; въ [illegible]чаніяхъ видѣнъ тотъ же здравый смыслъ и догадливо[illegible]ые обнаруживаются и въ приготовительномъ трудѣ; встрѣч[illegible] также любопытныя извѣстія о событіяхъ и памятникахъ, по другимъ источникамъ неизвѣстныхъ; приведемъ важнѣйшія изъ этихъ примѣчаній. Въ разсказѣ лѣтописца о раздѣленіи сыновъ Ноевыхъ, Татищевъ видитъ заимствованіе изъ Греческаго писателя (1); подъ Влахами, вытѣснившими Славянъ, разумѣетъ Римлянъ, побѣдившихъ при Траянѣ Даковъ (2); указаны хронологическія затрудненія въ жизни В. К. Игоря (3), также въ Олеговомъ договорѣ съ Греками (4), о которомъ произнесенъ вѣрный приговоръ: «По обстоятельствамъ тогдашнихъ временъ сумнительства о договорѣ семъ невидимо, сіе же видимо, что съ Греческаго переведенъ на Славенской, или паче на Болгарской тогдашней языкъ, и во всѣхъ спискахъ кромѣ описокъ согласенъ». Опровергнуто извѣстіе о сватовствѣ Императора Греческаго за В. К. Ольгу (5); [illegible]ѣрно замѣчено о различіи законныхъ и незаконныхъ дѣтей въ языческомъ и христіанскомъ бракѣ (6); сообщено любопытное извѣстіе о Ярославовой грамотѣ, данной Новгородцамъ: «О грамотѣ же уставной о податяхъ, въ которой Новгородцы сказуютъ, о вольности ихъ написано, видимъ, что великіе о ней споры были, и Князь Великій Іоаннъ Васильевичь оную, яко подложную, облича истребилъ, но удивительно, что съ нея списка нигдѣ не находится (7)»; въ примѣчаніи къ извѣстію о приглашеніи В. Княземъ Святополкомъ и Мономахомъ Олега Черниговскаго въ Кіевъ для полюбовнаго разобранія дѣлъ въ присутствіи духовныхъ властей и

---

(1) т. II [illegible] 349. — (2) стр. 331. — (3) стр. 365. — (4) стр. 377. — (5) стр. [illegible] (6) стр. 394. — (7) стр. 424. —

бояръ, Татищевъ сообщаетъ также любопытное извѣстіе относительно Никоновскаго дѣла: «Сіе сказаніе Никонъ Патріархъ неправильно ко утвержденію власти духовной надъ Государи употребилъ, что ему тогда же довольно вообразжено, еже сіе тогдашнее нареченіе *предъ Епископы* не значитъ, яко судіями, но при Епископахъ и боярахъ, какъ Олегъ и то за обиду почелъ, чтобъ они при томъ присутствовали, хотя его отвѣтъ неправой; ибо такія дѣла наилучше чрезъ повѣренныхъ, нежели самимъ Государямъ разбирать, но то ясно, что они не яко судіи, но яко повѣренные, къ разобранію безпристрастному ссоръ, опредѣлены быть имѣли, а не судіи надъ Государями (1)». Въ примѣчаніи къ извѣстію о примиреніи В. Князя Ярополка и братьевъ его съ племянниками Мстиславичами, послѣ чего Юрій Долгорукій возвратился въ *Бѣлую Русь*, Татищевъ говоритъ (2): «Бѣлая Русь въ семъ мѣстѣ первое въ раскольничьемъ и ростовскомъ манускриптахъ упомянута»; Татищева поражала странность этого названія для Сѣверной Руси, и потому онъ почелъ за нужное указать, въ какихъ спискахъ впервые находится это названіе: за такую осторожность его обвинили въ выдумкѣ, какъ будто ему была какая польза называть Сѣверную Русь Бѣлою. Не оставляя безъ объясненія почти ни одного явленія древней Русской жизни, Татищевъ такъ говоритъ о посадникахъ и тысяцкихъ (3): «Посадники сначала были отъ князей, которые потомъ намѣстники, нынѣ губернаторы именованы, съ начала же и намѣстники князи были, и для того надъ посадниками преимуществовали. Новгородцы по милости князей посадника себѣ сами изъ своихъ сущихъ гражданъ, или знатнѣйшаго шляхетства, выбрали, которой у нихъ во всемъ княженіи главный былъ, подобенъ консулу или бургомистру Римскому, первое мѣсто по князѣ имѣлъ; *какая же ему власть и сила была, того нигдѣ въ исторіяхъ не описано.* Во время войны бывали два посадника, и старшій войскомъ управлялъ, иногда же оба, но въ разныя мѣста съ войскомъ ходили. Ихъ время неопредѣленное; нѣкоторые чрезъ много лѣтъ до смерти управляли, и иногда ихъ народомъ скидывали и убивали, домы ихъ грабили. Тысяцкой же во всякомъ княженіи былъ одинъ, яко генералъ надъ войскомъ. Они обыкновенный знакъ гривну златую и цѣпь на шеи носили». Здѣсь замѣтимъ выраженіе: *«какая же ему власть и сила была, того нигдѣ въ исторіяхъ не описано»*; такъ не сталъ бы выражаться охотникъ до выдумокъ, осо-

---

(1) т. II, стр. 445. — (2) стр. 468. — (3) стр. 488. —

бено при такомъ удобномъ для нихъ случаѣ. Также объяснено званіе тіуна *судьею* по юридическимъ памятникамъ (1); слово бояринъ объяснено изъ Финскаго языка — *умная глава* или *умный человѣкъ* (2). Какъ внимательно Татищевъ сводилъ извѣстія разныхъ рукописей и добросовѣстно увѣдомлялъ читателей о разностяхъ, видно изъ примѣчанія къ извѣстію о борьбѣ Ольговичей съ Мономаховичами при В. Князѣ Всеволодѣ Ольговичѣ: «Здѣсь, говоритъ Татищевъ, я положилъ Печенѣги изъ Радивиловскаго и Раскольническаго, въ Никоновскомъ Черные Клобуцы, въ Голицынскомъ Торки, въ Новогородскомъ одномъ Берендеи (3)». Такая же осторожность и добросовѣстность видны въ примѣчаніи къ извѣстію о походѣ Смоленскихъ Князей на Полоцкихъ: «Сей походъ на Князей Полоцкихъ находится въ одномъ Голицынскомъ; но тутъ конецъ утраченъ, и на сторонѣ того же писца рукою отмѣчено: *здѣсь утрачено* (4)». Подъ 1197 годомъ замѣчено, что этимъ годомъ кончился манускриптъ Раскольничій, котораго конецъ утраченъ (5). Послѣ извѣстія о предложеніи Князя Романа Волынскаго замѣчено, что этого предложенія ни въ одной рукописи, бывшей въ рукахъ у Татищева не находится, а сообщено Хрущовымъ, который выписалъ его изъ древняго лѣтописца въ Новгородѣ, и только древній слогъ отрывка заставилъ Татищева внести его въ сводъ (6).

Таковъ трудъ Татищева, извѣстный подъ неправильнымъ названіемъ Исторіи Россійской. Изъ предложеннаго обзора видно его значеніе въ нашей исторической литтературѣ. Заслуга Татищева состоитъ въ томъ, что онъ первый началъ дѣло такъ, какъ слѣдовало начать: собралъ матеріалы, подвергъ ихъ критикѣ, свелъ лѣтописныя извѣстія, снабдилъ ихъ примѣчаніями географическими, этнографическими и хронологическими, указалъ на многіе важные вопросы, послужившие темами для позднѣйшихъ изслѣдованій, собралъ извѣстія древнихъ и новыхъ писателей о древнѣйшемъ состояніи страны, получившей послѣ названіе Россіи, однимъ словомъ, указалъ путь и далъ средства своимъ соотечественникамъ заниматься Русскою исторіею; кто посвятилъ себя научнымъ изслѣдованіямъ, тотъ знаетъ, какъ важны первыя указанія на предметъ, на его различныя стороны, какъ бы мнѣнія перваго указателя ни были неправильны, тотъ оцѣнитъ великіе услуги Татищева, какъ перваго указателя; не говорю уже о томъ, что мы обя-

---

(1) кн. III, стр. 489. — (2) кн. III, ibid. — (3) кн. II, стр. 472. — (4) кн. III, стр. 489. — (5) стр. 504. — (6) стр. 505. —

заны Татищеву сохраненіемъ извѣстій изъ такихъ списковъ лѣтописи, которые, быть можетъ, навсегда для насъ потеряны; важность же этихъ извѣстій для науки становится день ото дня ощутительнѣе.

Не смотря однако на такое важное значеніе труда Татищева трудъ этотъ былъ отвергнутъ современниками, и подвергся такой скорбной участи, какой, быть можетъ, мы не найдемъ еще другаго примѣра въ лѣтописяхъ науки. Что трудъ Татищева былъ отвергнутъ современниками, это объясняется самою важностію его, которой тогдашнее общество не могло еще понять; Татищевъ необходимо долженъ былъ очутиться между двухъ огней: одни изъ современниковъ его, имѣвшіе понятіе о древнихъ и новыхъ историческихъ трудахъ, нашли трудъ Татищева страннымъ [illegible]; видя въ текстѣ свода одну лѣтописную перечень событій, отсутствіе красиваго разсказа, разсужденій и выводовъ самого автора, заключили, что послѣдній *не имѣетъ философіи*, что слѣд. трудъ ничтоженъ. Другіе судили совершенно иначе: для нѣкоторыхъ объяснять лѣтопись, или, что еще хуже, опровергать [illegible] казалось дерзостію необычайною; послушаемъ самого Татищева о [illegible], который получила его рукопись: «Какъ скоро я исторію сію въ порядокъ привелъ, и примѣчаніями нѣкоторыя мѣста изъяснилъ, прибывъ въ 1739 году въ С.-Петербургъ, многимъ оную показывалъ, требуя къ тому помощи и разсужденія, дабы могъ что пополнить, а невнятное изъяснить, такъ скоро я принужденъ былъ [illegible] ныхъ разныя разсужденія слышатъ, иному то, другому [illegible] нравно было, что одинъ хотѣлъ, дабы пространнѣе и ясн[illegible] сать, то самое другой совѣтовалъ сократить или совсѣмъ [illegible] Одни предвергали недостатокъ во мнѣ наукъ, но тѣмъ я в[illegible] явленное (что преславные философы въ сочиненіи исторій погрѣшаютъ, и не науки полезныя сочиняютъ) къ моему извиненію представилъ, разсуждая, когда они болѣе науками преисполненны, тобъ сами за сіе весьма нужное отечеству взялись и лучше сочинили; другіе о порядкѣ и складѣ порицали, которымъ кратко симъ изъяснилъ: что я не новое и не для увеселенія читающихъ краснорѣчивое сложеніе сочиняю, но отъ старыхъ писателей самымъ ихъ порядкомъ и нарѣчіемъ собиралъ, какъ они положили, а притомъ если что для изъясненія отъ иноязычныхъ нужно было, то я такъ переводилъ, чтобъ сущей разумъ онаго писателя показать, дабы сущія дѣянія или приключенія ясны и доказательны были, а о сладкорѣчіи и критикѣ не прилежалъ, а какъ въ философіи не ученъ, для того я всѣ дивныя чудесныя и недовольно вѣроятныя дѣла мало, или весьма не толковалъ, опасаясь, дабы за недостат-

комъ оныхъ наукъ въ чемъ не погрѣшить. Вмѣсто же того прилежалъ, чтобъ необходимо къ гражданской исторіи нужныя обстоятельства, т. е. время — когда, мѣсто — гдѣ, и родъ государей или народовъ, о которыхъ сказуется, изъяснилъ; ежели же гдѣ моего мнѣнія или довода какая погрѣшность явится, то надѣюсь, что благоразумный можетъ легко презрить, разсуждая, что еще доднесь ни одна исторія, какимъ бы она мудрецомъ и въ наукахъ всѣхъ прославившимся сочинена ни была, никогда совсѣмъ совершенною не явилась, и отъ неученыхъ иногда полезное улучила. Чему въ примѣръ Несторъ преподобный: за его доброхотный къ отечеству трудъ вѣчной похвалы и благодаренія достоинъ; ибо естьли бы онъ начало не учинилъ, то бы можетъ и другой не скоро къ сочиненію онаго взялся. Для того какъ первыхъ, такъ другихъ не поносятъ, и порицать непристойно, но паче прилежать о томъ, чтобъ тѣ погрѣшности исправить и въ лучшее состояніе для пользы общей привести. Сихъ ради обстоятельствъ я меньше опасаюсь, чтобъ кто имѣлъ причину меня порицать, но паче надѣюсь, естьли кто изъ такихъ въ наукахъ превосходный, къ пользѣ отечества столько же какъ я ревности имѣющій, усмотря мои недостатки, самъ потщится погрѣшности исправить, темноты изъяснить, а недостатки дополнить, и въ лучшее состояніе привести, тотъ себѣ большее благодареніе, нежели я требую, пріобрѣсти имѣетъ. О предверженіи разсуждающихъ, яко бы мы древнихъ исторій довольно имѣемъ, переправлять оныя нѣтъ нужды, другіе разсуждаютъ, якобы древнихъ временъ исторій вновь лучше и полнѣе прежнихъ сочинить не можно, развѣ отъ себя что вымышлять, котораго ради, якобы все новосочиненное о древности, правымъ назвать не можно: но на сіе отвѣчаетъ сама сія собранная исторія, когда благосклонный читатель увидитъ дополненія, изъясненія и доказательства отъ такихъ древнихъ писателей, о которыхъ онъ прежде не думалъ, чтобъ въ такомъ отъ насъ отдаленіи о насъ или нашихъ предкахъ писали, да можетъ не токмо книгъ тѣхъ не читалъ, но именъ ихъ не слыхалъ, то онъ подлинно повѣритъ, что еще прилежному рачителю и въ другихъ потребныхъ къ тому языкахъ искусному болѣе сего обрѣсти, изъяснить и дополнить возможно, слѣд. сей мой трудъ, и познавъ причину моего начала, въ продерзость мнѣ не поставитъ».

Всѣ возраженія остались тщетными: Татищевъ не видалъ изданія своего труда; только въ 1769 году, при Императрицѣ Екатеринѣ II, было приступлено къ изданію его исторіи; явленіе любопытное, многозначительное для историка: только при Екатеринѣ II вспомнили о трудѣ одного изъ ревностныхъ сподвижниковъ Петра Ве-

ликаго; книгѣ Татищева прилична таже надпись, которую читаемъ на извѣстной скалѣ: «Петру I Екатерина II». Изданіе было поручено Миллеру: онъ напечаталъ три книги по списку, наполненному неисправностями, потому что подлинникъ сгорѣлъ немного спустя по смерти Татищева; четвертую книгу Миллеръ не согласился издавать, потому что нашелъ ее болѣе другихъ искаженною; она была издана уже въ С.-Петербургѣ, въ 1784 г. (1), и оканчивалась 1462 годомъ; догадывались, что, по расположенію Татищева, недоставало еще одной книги; она нашлась, и была напечатана Московскимъ Историческимъ Обществомъ въ издаваемыхъ отъ него «Чтеніяхъ». Остаются неизданными любопытныя записки о царствованіи Годунова, Лжедимитрія, Царей Михаила и Алексѣя Михайловича, хранящіяся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ.

Но злая судьба не переставала преслѣдовать трудъ Татищева: мало было того, что современники отвергли его при первомъ появленіи; мало было того, что его напечатали по смерти автора съ искаженнаго списка, и печатаніе было поручено человѣку, неспособному не только исправить искаженія, но даже уразумѣть настоящій смыслъ сочиненія, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ непонятой смыслъ предисловія къ Ядру Россійской Исторіи: труду Татищева предстояло еще вытерпѣть ученыя нападки, быть отвергнуту наукою, прежде чѣмъ явиться съ настоящимъ своимъ важнымъ значеніемъ для послѣдней. Тщетно лучшій представитель Русской науки во вторую половину XVIII вѣка, талантливый Болтинъ повторялъ, что писатели Русской исторіи должны подражать *достопамятному* нашему Татищеву въ пріуготовительныхъ пріемахъ; тщетно твердилъ, что «Татищевъ не изъ головы своей писалъ, ибо не примѣчено, чтобъ онъ единое слово, не только рѣчь или цѣлое бытіе отъ себя къ тексту повѣствованія гдѣ прибавилъ, но токмо исправлялъ погрѣшности и пополнялъ упущенія изъ другихъ лѣтописей; своижъ мнѣнія и разсужденія писалъ въ примѣчаніяхъ, а потому и повѣствованіе его достойно есть совершенныя довѣренности», юная историческая критика хотѣла на трудѣ Татищева испытать свои неопытныя силы, и вотъ объявлено *выдумкою* Татищева все то, что не согласовалось съ извѣстіями дошедшихъ до насъ списковъ лѣтописи. Явилась такъ называемая *скептическая школа*; заподозривая Нестора, скептики должны были заподозрить также Іоакима, за котораго поплатился Татищевъ:

(1) Первая часть первой книги издана при Московскомъ Университетѣ въ 1768 году, другая въ 1769; вторая книга въ 1773, а третья въ 1774.

съ непостижимою въ наше время невнимательностію пробѣжавъ опровергаемый памятникъ, глумились надъ Іоакимомъ, глумились и надъ Татищевымъ, ставили его на ряду съ Елагинымъ, Эминымъ! Но это было уже послѣднее испытаніе; защитники Нестора вооружились и за Татищева (1), а между тѣмъ наука возмужала: отдѣльныя изслѣдованія показали важность извѣстій, помѣщенныхъ въ сводѣ Татищева, и наступило время отдать должное знаменитому труженику. — Но, говоря о заслугахъ Татищева для Русской Исторіи вообще, нельзя не упомянуть также о заслугахъ его для исторіи Русскаго права; и здѣсь онъ является первымъ издателемъ памятниковъ и первымъ истолкователемъ ихъ; такъ приготовлены имъ къ изданію Русская Правда и Судебникъ Царя Іоанна съ дополнительными статьями (2). Въ примѣчаніяхъ къ Судебнику видимъ первую попытку объяснить наши древніе юридическіе термины; намъ не нужно распространяться о важномъ значеніи первыхъ попытокъ въ наукѣ; и здѣсь, какъ во введеніи и въ примѣчаніяхъ къ своду лѣтописей, разсѣяны любопытныя указанія на потерянные для насъ памятники и на современныя автору событія; такъ напр. читаемъ о мѣстныхъ законахъ (3): «Какъ Князь Великій Василій Темный Ростовскимъ боярамъ велѣлъ судить по ихъ старымъ законамъ, такъ Іоаннъ Великій, по просьбѣ Рязанскихъ бояръ, позволилъ судить по ихъ законамъ. Таковыхъ я у князя Голицына (Дм. Мих.) видѣлъ собрано книга не малая». — И здѣсь заслуга Татищева увеличивается при сравненіи его понятій съ понятіями современниковъ о предпринятыхъ имъ трудахъ; такъ онъ говоритъ въ предисловіи къ изданію Русской Правды и Судебника: «Не безъизвѣстно и сіе, что невѣдущіе пользы изъ того, оныя древности не токмо складомъ и нарѣчіемъ порицаютъ; но ихъ и печатать болѣе за вредъ и поношеніе, нежели за пользу и честь почитаютъ, говоря: когда мы ихъ въ судѣ употреблять не можемъ; то они останутся втунѣ, и что ихъ странное сложеніе и обстоятельства поносны. Да оное никто мудрый не скажетъ, развѣ невѣдущій древностей, не токмо иностранныхъ, но и своихъ. По сей причинѣ мню не въ избытокъ изъяснить, что всякая древность къ знанію полезна, для котораго многіе мудрые люди съ великимъ тщаніемъ прилѣжатъ древнія исторіи собирать, и для пользы всѣхъ

---

(1) Самый правильный взглядъ на труды Татищева находимъ у г. Буткова въ «Оборонѣ Несторовой лѣтописи». — (2) Напечатаны въ Продолженіи Древ. Росс. Вивліое. ч. I. — (3) ibid. стр. 6. —

издавать». — Наконецъ Татищеву же принадлежатъ и первые [illegible]ды по Русской Географіи (1). Такова громадная дѣятельность [illegible]тищева, которому, на ряду съ Ломоносовымъ, принадлежитъ [illegible] почетное мѣсто въ исторіи Русской науки въ эпоху начальныхъ трудовъ

III. М. В. ЛОМОНОСОВЪ.

При разсмотрѣніи дѣятельности Татищева мы видѣли, какъ [illegible] эпоху начальныхъ трудовъ не могло быть раздѣленія ученыхъ занятій, но всякій способный человѣкъ долженъ былъ заниматься вдругъ многими предметами, ибо дѣлъ было больше, чѣмъ способныхъ людей; мы видѣли, какъ горный чиновникъ Татищевъ отъ [illegible] географическихъ долженъ былъ перейти къ трудамъ историче[illegible] Таже участь постигла и Ломоносова: величайшій изъ пис[illegible] вѣка не могъ не коснуться великаго дѣла — *открыть свѣту [illegible]вность Россійскаго народа и славныя дѣла Государей*, хотя онъ [illegible]сколько не былъ приготовленъ къ занятію Русскою исторіею, [illegible] и для него, какъ для всѣхъ его современниковъ, исторія отече[illegible] была доступна менѣе всѣхъ другихъ знаній. Мы видѣли, что [illegible]тищевъ умѣлъ понять свои силы и средства и ограничился сводомъ лѣтописныхъ извѣстій, примѣчаніями къ нимъ и предварительными изслѣдованіями о древностяхъ. Татищевъ могъ такъ поступить, потому что онъ занимался Русскою исторіею не оффиціально, [illegible] какъ охотникъ только; но отъ Ломоносова были другія требованія: хотѣли, чтобъ онъ въ краснорѣчивомъ повѣствованіи представилъ событія древней Русской Исторіи. Самъ Ломоносовъ такъ понималъ свою задачу, т. е. смотрѣлъ на исторію съ чисто-литтературной точки зрѣнія, и такимъ образомъ явился у насъ отцомъ того литтературнаго направленія, которое послѣ такъ долго господствовало. Легко себѣ представить, каково должно было выйти произведеніе Ломоносова при отсутствіи цѣлостнаго изученія и слѣд. яснаго [illegible]нимаіія предмета, при отсутствіи живыхъ вопросовъ, которые бы заставили историка обратить особенное вниманіе на извѣстныя отношенія, при истекавшемъ отъ того неумѣньи схватывать особенности въ исторіи извѣстнаго народа, при стремленіи перевести лѣтопись на языкъ похвальнаго академическаго слова. Могучій талантъ Ломоносова оказался недостаточнымъ при занятіи Русскою

(1) См. Словарь Русскихъ свѣтскихъ писателей, т. II, стр. 190 и слѣд.

исторіею, не помогъ ему возвыситься надъ современными понятіями, и потому историческій трудъ его раздѣляется по достоинству на двѣ половины: въ первой части, въ изслѣдованіяхъ о древностяхъ, гдѣ нужно было только разобрать извѣстія писателей и вывести изъ нихъ заключеніе, тамъ иногда блеститъ во всей силѣ великій талантъ Ломоносова, и онъ выводитъ заключенія, которыя наука, послѣ долгихъ трудовъ, повторяетъ почти слово въ слово въ наше время; здѣсь Ломоносовъ стоитъ такъ высоко, потому что этотъ предметъ былъ ему вполнѣ доступенъ, послѣ тщательнаго изученія онъ могъ овладѣть имъ въ полномъ, по тогдашнему состоянію науки, объемѣ; вторая же часть, гдѣ Ломоносовъ приступаетъ къ изложенію событій, представляетъ не иное что, какъ сухой, безжизненный реторическій перифразисъ лѣтописи, подвергающейся иногда сильнымъ искаженіямъ, и легко понять, почему вторая часть такъ ниже первой: автору недоставало ни времени, ни средствъ изучить вполнѣ Русскую исторію; онъ началъ учиться, когда нужно было писать, и началъ учиться предмету, совершенно для него новому, не имѣвшему связи съ прежними его занятіями; историческія занятія были, какъ видно, чужды Ломоносову вообще, а уже тѣмъ болѣе занятія Русскою исторіею, которая, по необработанности своей, очень мало могла входить въ число приготовительныхъ познаній тогдашняго Русскаго человѣка; вотъ почему событія древней нашей исторіи должны были представляться ему отвлеченно, какъ событія всякой другой исторіи; разсматривая ихъ въ этой отвлеченности и отрывочности, Ломоносовъ искалъ въ нихъ только предметовъ для украшеннаго описанія.

Чтобъ показать понятія самого Ломоносова о своей задачѣ, мы приведемъ письма его къ Шувалову о сочиненіи Русской Исторіи. Въ одномъ письмѣ къ Шувалову, который, какъ видно, торопилъ его писать Русскую Исторію, Ломоносовъ отвѣчалъ: «Я бы отъ всего сердца желалъ имѣть такія силы, чтобъ оное великое дѣло совершеніемъ своимъ скоро могло охоту всѣхъ удовольствовать; однако оно само собою такого есть свойства, что требуетъ времяни. Коль великимъ счастіемъ я себѣ почесть могу, ежели моею возможною способностію древность Россійскаго народа и славныя дѣла нашихъ Государей свѣту откроются, то весьма чувствую. И читая отъ Вашего Превосходительства ко мнѣ писанныя похвалы, которыя мое достоинство далече превосходятъ, благодарю отъ всего сердца; и радуясь, по предпріятому моему намѣренію со всякою ревностію въ собраніи нужныхъ извѣстій стараюсь, безъ которыхъ отнюдь ничего въ исторіи предпріять невозможно. Могу Васъ, Милостиваго Государя, увѣрить въ томъ заподлинно, что перьвой томъ въ вы-

нынешнемъ году съ Божіею помощію совершить уповаю. Чтожъ до другихъ моихъ въ физикѣ и химіи упражненій касается, чтобы ихъ вовсе покинуть, то нѣтъ въ томъ ни нужды, ниже возможности. Всякъ человѣкъ требуетъ себѣ отъ трудовъ упокоенія: для того, оставивъ настоящее дѣло, ищетъ себѣ съ гостьми или съ домашними препровожденія времени, картами, шашками и другими забавами, а иные и табачнымъ дымомъ; отъ чего я уже давно отказался, за тѣмъ что не нашелъ въ нихъ ничего кромѣ скуки. И такъ уповаю, что и мнѣ на успокоеніе отъ трудовъ, которые я на собраніе и на сочиненіе Россійской исторіи и на украшеніе Россійскаго слова полагаю, позволено будетъ въ день нѣсколько часовъ времени, чтобъ ихъ вмѣсто бильяру употребить на физическіе и химическіе опыты, которые мнѣ не токмо отмѣною матеріи вмѣсто забавы, но и движеніемъ вмѣсто лекарства служить имѣютъ; и сверхъ сего пользу и честь отечеству конечно принести могутъ, едва меньше ли первой». Изъ другаго письма мы видимъ, сколькими занятіями былъ обремененъ Ломоносовъ, и слѣд. чего можно было требовать отъ занятій его Русскою исторіею: «Ежели кто по своей профессіи и должности читаетъ лекціи, дѣлаетъ опыты новые, говоритъ публично рѣчи и диссертаціи, и внѣ оной сочиняетъ разные стихи и проекты къ торжественнымъ изъявленіямъ радости, составляетъ правила къ краснорѣчію на своемъ языкѣ, и исторію своего отечества, и долженъ еще на срокъ поставить, отъ того я ничего больше требовать не имѣю, и готовъ бы съ охотою имѣть терпѣніе, когда бы только что путное родилось». — Какъ приготовлялся Ломоносовъ къ сочиненію Русской Исторіи, видно изъ рапорта его о своихъ занятіяхъ: подъ 1751 годомъ находимъ: «Читалъ книги для собранія матерій къ сочиненію Россійской Исторіи: Нестора, за нимъ Присіавли (?), большой лѣтописецъ Татищева первой томъ, Кромера, Нейселя, Гелмолда, Арсолда и другія, изъ которыхъ бралъ нужныя эксцепты или выписки и примѣчанія, всѣхъ числомъ 653 статьи, на 15 листахъ». Подъ 1752 годомъ: «Читалъ Кранца, Преторія, Мураторія, Іорнанда, Прокопія, Павла Дьякона, Зонара, Өеофана исповѣдника, Леона грамматика и иныхъ эксцептовъ нужныхъ на 3 листахъ въ 161 статьѣ». Подъ 1753: «1) Записки изъ упомянутыхъ прежде авторовъ приводилъ подъ статьи числами; 2) Читалъ Россійскіе академическіе лѣтописцы, безъ записокъ, чтобы общее понятіе имѣть пространно о дѣяніяхъ Россійскихъ».

Во вступленіи къ своему историческому труду Ломоносовъ излагаетъ свои понятія объ исторіи; какъ выше было сказано, онъ смотритъ на нее только со стороны искусства: «Всякъ кто увидитъ

въ Россійскихъ преданіяхъ славныя дѣла и героевъ Греческимъ и Римскимъ подобныя, унижать насъ предъ оньими причины имѣть не будетъ; но только вину полагать долженъ на бывшей нашъ недостатокъ въ искусствѣ, каковымъ Греческіе и Латинскіе писатели своихъ героевъ въ полной славѣ предали вѣчности». Не имѣя возможности изучить вполнѣ Русскую исторію, Ломоносовъ, разумѣется, не могъ уяснить себѣ ея хода, характера главныхъ явленій, опредѣляющихъ эпохи; вотъ почему онъ не могъ представить никакой системы, и удовольствовался, какъ выражается самъ, «нѣкоторымъ общимъ подобіемъ въ порядкѣ дѣяній Россійскихъ съ Римскими, гдѣ находитъ владѣніе первыхъ королей соотвѣтствующее числомъ лѣтъ и Государей самодержавству первыхъ самовластныхъ Великихъ Князей Россійскихъ; гражданское въ Римѣ правленіе подобно раздѣленію нашему на разныя княженія и на вольные городы, нѣкоторымъ образомъ гражданскую власть составляющему; потомъ единоначальство Кесарей представляетъ согласнымъ самодержавству Государей Московскихъ».— Послѣ такой странной системы читатель поражается блистательнымъ по тогдашнимъ средствамъ науки рѣшеніемъ нѣкоторыхъ частныхъ приготовительныхъ вопросовъ; такъ на пр. о Сарматахъ и Скиѳахъ читаемъ: «Славяне и Чудь по нашимъ, Сарматы и Скиѳы по внѣшнимъ писателямъ, были древніе обитатели въ Россіи. Единородство Славянъ съ Сарматами, Чуди со Скиѳами для многихъ ясныхъ доказательствъ неоспоримы». Это мнѣніе сильно поддерживается еще теперь учеными. Потомъ встрѣчаемъ превосходное замѣчаніе о составленіи народовъ: «Сихъ народовъ, положившихъ по разной мѣрѣ участіе свое въ составленіи Россійскаго, должно пріобрѣсти обстоятельное по возможности знаніе, дабы увѣдать оныхъ древность, и сколь много ихъ дѣла до нашихъ предковъ и до насъ касаются. Разсуждая о разныхъ племенахъ, составившихъ Россію, никто не можетъ почесть ей въ уничиженіе. Ибо ни о единомъ языкѣ утвердить невозможно, чтобы онъ сначала стоялъ самъ собою, безъ всякаго примѣшенія. Большую часть оныхъ видимъ военными несповойствами, пресселеніями и странствованіями въ такомъ между собою сплетеніи, что разсмотрѣть почти невозможно, коему народу дать вящшее преимущество». Не смотря на то, увлеченный современными отношеніями, Ломоносовъ не хочетъ признать Скандинавскаго происхожденія Варяговъ - Руси, выводитъ Рюрика изъ Пруссіи, и дѣлаетъ Прусаковъ Славянами. Ломоносовъ замѣтилъ дружинный составъ народовъ, являющихся въ началѣ Среднихъ Вѣковъ. «Къ доказательному умноженію Славянскаго могущества не мало служатъ походы отъ Сѣвера Готовъ, Вандаловъ и Лонгобардовъ. Ибо хотя

ихъ по справедливости отъ Словенскихъ поколѣній отдѣляю, однако имѣю довольныя причины утверждать, что не малую часть воинствъ ихъ Славяне составляли, и не токмо рядовые, но и главные предводители были Словенской породы». Въ главѣ «О дальней древности Славенскаго народа», Ломоносовъ повторилъ мнѣніе Татищева, которое въ наше время выражено почти въ тѣхъ же самыхъ словахъ и подтверждено Шафарикомъ: «Имя Славянское поздо достигло слуха внѣшнихъ писателей, и едва прежде царства Юстиніана Великаго, однако же самъ народъ и языкъ простирается въ глубокую древность. Народы отъ именъ не начинаются; но имена народамъ даются. Иные отъ самихъ себя и отъ сосѣдовъ единымъ называются. Иные разумѣются у другихъ подъ званіемъ, самому народу необыкновеннымъ, или еще и неизвѣстнымъ. Нерѣдко новымъ проименованіемъ старинное помрачается, или старинное, перешедъ домашніе предѣлы, за новое почитается у чужестранныхъ. Почему имя Словенское по вѣроятности много давнѣе у самихъ народовъ употреблялось, нежели въ Грецію или въ Римъ достигло, и вошло въ обычай. Но прежде докажемъ древность; потомъ поищемъ въ ней имени. Во-первыхъ о древности довольное и почти очевидное увѣреніе имѣемъ въ величествѣ и могуществѣ Славянскаго племени, которое больше полуторыхъ тысячь лѣтъ стоитъ почти на одной мѣрѣ; и для того помыслить невозможно, чтобы оное въ первомъ послѣ Христа столѣтіи вдругъ расплодилось до толь великаго многолюдства, что естественному бытія человѣческаго теченію и примѣрамъ возращенія великихъ народовъ противно... Правда, что Славяне отъ полунощной страны перешедъ за Дунай, въ Далмаціи и въ Иллирикѣ поселились въ началѣ шестаго вѣка. Но слѣдуетъ ли изъ того, чтобъ они, или ихъ единоплеменные тамъ прежде никогда не обитали? Не могло ли быть, чтобы Римскою силою утѣсненные Иллирическіе Славяне, во время войны, уклонились за Дунай къ полунощнымъ странамъ; потомъ, примѣтивъ Римлянъ ослабѣніе, старались возвратиться на прежнія свои жилища? Имѣемъ сего явственные у себя слѣды. Несторъ утверждаетъ, что въ Иллирикѣ, когда училъ Апостолъ Павелъ, жительствовали Славяне, и что обитавшіе около Дуная, убѣгая насильнаго владѣнія нашедшихъ и поселившихся межъ ними Римлянъ, перешли къ Сѣверу. Уже свидѣтельствъ довольно; но сверхъ того Плиній объявляетъ, что ему названія Иллирическихъ народовъ выговаривать трудно. Ясное доказательство, что ни отъ Греческаго, ни отъ Латинскаго языка взяты, въ коихъ онъ безъ сомнѣнія былъ искусенъ. Городы многіе издревле показываютъ Славенской голосъ съ дѣломъ согласной, и возводятъ вѣроятность на высочайшій степень. Признаки древняго имени Славянскаго явству-

ют[illegible]-первыхъ у Птоломея, подъ названіемъ Ставанъ. Свойство Греческаго и Латинскаго языка не позволяетъ, чтобы они выговорить могли Славянъ имя, ради того прежде Ставанами, послѣ Склаванами и Сфлававами называли. Алазоны или Алазонии, Славенской народъ, по Гречески значитъ [illegible]ловъ; видно, что сіе имя есть переводъ Славянъ, т. е. Славящихся, съ Славянскаго на Греческой». О словѣ Скиѳъ Ломоносовъ дѣлаетъ замѣчаніе, которое и теперь не потеряло еще силы между учеными: «Имя Скиѳъ по старому Греческому произношенію со словомъ Чудь весьма согласно; не происходитъ отъ Греческаго, и безъ сомнѣнія отъ Славянъ взято».

Послѣ такихъ любопытныхъ и [illegible] замѣчаній, тѣмъ рѣзче чувствуется переходъ собственно къ повѣствованію о событіяхъ Русской исторіи, тѣмъ сильнѣе подтверждается правило самого Ломоносова, что насильственные поступки съ Музами не остаются безнаказанны. Чтобъ показать характеръ и всѣ недостатки повѣствованія Ломоносова, мы приведемъ описаніе мести Ольгиной за Игоря: «По убіеніи Игоревѣ, приняла владѣніе Великая Княгиня Ольга, ради несовершеннаго возраста единаго сына своего Святослава. Древлянамъ показалось вдовство ея и младость Святослава по ихъ силамъ, чтобъ не токмо отъ подданства свободиться, но и князя своего возвести на владѣніе Кіевское, сочетавъ его съ Ольгою бракомъ, и тѣмъ взять большинство надъ Россами и Полянами. Отправленные для того въ Кіевъ двадцать человѣкъ знатныхъ пріѣхали водою, и пристали подъ Боровичемъ. Ольга, услышавъ о пріѣздѣ, *возмутилась печалію, видя наглость убивцевъ своего супруга. Слезамъ и плачу ея соотвѣтствовалъ весь народъ рыданіемъ и воплемъ* (1). По нѣкоторомъ утоленіи великой печали, предпріяла Великая Княгиня въ сердцѣ своемъ, отмстить Древлянамъ смерть супружню всевозможными способы». Потомъ, описавъ, какъ Ольга велѣла бросить пословъ Древлянскихъ въ яму, Ломоносовъ продолжаетъ: «И приближась, спросила: «довольноль пріятна имъ оказанная на сватовствѣ почесть? Древляне съ раскаяніемъ и страхомъ въ ямѣ кричали, что Игорева смерть не принесла имъ пользы, и что за ихъ злодѣяніе преданы достойной казни.» Это вмѣсто лѣтописнаго: Приникъши Ольга и рече имъ: «Добра ли вы честь? Они же рѣша: «Пущи ны Игоревы смерти». Какъ принималъ Ломоносовъ историческую критику, видно изъ того, что онъ разсказываетъ о мести Ольгиной безо всякой оговорки, но останавливается съ недоумѣніемъ на нѣкоторыхъ подробностяхъ: «Немедленно

(1) Напечатанныхъ курсивомъ словъ нѣтъ въ лѣтописи.

отправляются нарочные въ Древлянскую землю, чтобъ для совершенія сватовства присланы были отъ Древлянъ знатные люди, кои бы приняли и привели Ольгу къ своему князю съ должною честію, и чтобъ ее Кіевляне удобнѣе отпустили. Древляне, не видѣвъ отъ своихъ прежде посланныхъ для увѣренія ни единаго человѣка, о *сельская простота!* повѣрили. Пятьдесятъ правителей земли Древлянскія безъ укоснѣнія пріѣхали въ Кіевъ. Спросилъ ль о своихъ прежнихъ посланцахъ? Ничего о томъ не упоминается. Здѣсь что нибудь Несторомъ упущено; безъ того невѣроятна больше кажется Древлянская оплошность». Вотъ описаніе пріема, сдѣланнаго Древлянами Ольгѣ и тризны по Игорѣ: «Древляне въ праздничномъ платьѣ цвѣтно надѣвшись, выѣжжаютъ изъ города на встрѣчу, и принимаютъ ее (Ольгу) съ великою честію. На вопросъ о первыхъ и вторыхъ посланныхъ отвѣтствовано, что слѣдуютъ съ тяжкими возами великаго богатства княгинина, которое она уже больше Древлянамъ ввѣряетъ... Веселящимся и даже до отягощенія упившимся Древлянамъ казалось, что уже въ Кіевѣ повелѣваютъ всѣмъ странамъ Россійскимъ; и въ буйствѣ поносили Игоря передъ супругою его всякими хульными словами». Все это вмѣсто лѣтописнаго: «Они же (Древляне) то слышавше (т. е. что Ольга идетъ къ нимъ), съвезоша меды многи зѣло, възвариша... Посемъ сѣдоша Древляне пити, и повелѣ Ольга отрокомъ своимъ служити предъ ними; рѣша Деревляне къ Ользѣ: кдѣ суть дружина наша, ихъ же посла хомъ по тя? Она же рече: идуть по мнѣ съ дружиною мужа моего.»

Такъ, по понятіямъ перваго ученаго своего времени, удовлетворялась народная потребность знать свою исторію.

IV. В. К. ТРЕДЬЯКОВСКІЙ.

Профессоръ Химіи Ломоносовъ долженъ былъ писать Русскую исторію, чтобъ открыть свѣту древность Россійскаго народа и славныя дѣла Государей; профессоръ Элоквенціи Тредьяковскій долженъ былъ также писать разсужденіе въ пользу древности и превосходства Русскаго имени и народа (1). Вопросъ о происхожденіи Русскаго имени и народа былъ господствующимъ въ первой

(1) Эти разсужденія суть: 1) О первенствѣ Словенскаго языка предъ Тевтоническимъ; 2) О первоначаліи Россовъ; 3) О Варягахъ Руссахъ Славенскаго званія, рода и языка.

и въ началѣ второй половины XVIII вѣка; естественно было начать историческія изслѣдованія сначала, и Петръ Великій сносился съ Лейбницомъ на счетъ разрѣшенія этого вопроса; но господству его у насъ въ Россіи въ означенное время и послѣ благопріятствовали другія обстоятельства. Начальная лѣтопись наша указываетъ пришлецовъ изъ за моря, положившихъ основаніе Русскому Государству; отсюда вопросъ о происхожденіи этихъ пришлецовъ, едино-или-чужеплеменники они главному, Славянскому народонаселенію Государства? Признать чуждое происхожденіе этихъ главныхъ дѣятелей нашей начальной исторіи было оскорбительно для народнаго самолюбія; сюда присоединились еще два обстоятельства: признавъ, по извѣстнымъ указаніямъ лѣтописи, чуждое происхожденіе Варяговъ-Руси, нужно было согласиться, что они принадлежатъ къ Скандинавамъ; но въ это время съ Швеціею только что окончилась ожесточенная борьба, да и послѣ ея окончанія Шведы считались главными и самыми опасными врагами, готовыми воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ отнять у Россіи недавнюю ея добычу, — и вотъ надобно выводить изъ Швеціи первыхъ нашихъ Князей! Но этого мало: въ слѣдствіе тѣснаго сближенія съ западною Европою иностранцы, т. е. ближайшіе сосѣди наши — Нѣмцы принимаютъ дѣятельное участіе въ настоящихъ событіяхъ: въ Академію, для обработки между прочими науками, и Русской исторіи, призваны также Нѣмцы; они овладѣваютъ вопросомъ о происхожденіи, какъ самымъ доступнымъ для нихъ изъ всѣхъ вопросовъ нашей исторіи, и рѣшаютъ его въ пользу Скандинавскаго происхожденія. Но между Нѣмцами и Русскими въ Академіи загарается борьба, и вопросъ о происхожденіи Варяговъ-Руси вмѣшанъ въ нее: Русскіе ученые видятъ или хотятъ видѣть въ объявленіи Варяговъ-Руси Скандинавами посягательство на честь Русскаго имени, и стремятся дать силу мнѣнію противному, настоять на Славянское происхожденіе первыхъ нашихъ Князей. Тредьяковскій откровенно высказываетъ намъ главную причину спора, которую последователи его прикрываютъ именемъ науки: «Хотя нѣтъ ни одного, мню, въ истинныхъ Россіанахъ, собственно такъ называемыхъ нынѣ, который бы не всѣмъ желалъ сердцемъ, чтобъ преименитымъ Варягамъ Руссамъ, прибывшимъ къ [illegible] государствовать въ насъ, и бывшимъ достославными предк[illegible] преименитыхъ Самодержцевъ нашихъ, быть точно сими [illegible]шними и всегдашними Россіанами, произойти издревле отъ сего конечно Россійскаго корене, и говорить, съ самаго начала, симъ однимъ нашимъ языкомъ Славенороссійскимъ: однако, утвержденія иностранныхъ, и еще не безславныхъ писателей оныхъ, не токмо дѣ-

лаютъ наши желанія тщетными, но еще и всѣхъ намъ путей едва не пресѣкаютъ, чтобъ мощи́ сердцамъ нашимъ хотя только того желать уже съ основаніемъ. Сіе коль есть ни превосходное и твердое предразсужденіе о достоинствѣ первоначальныхъ нашихъ Государей, для того что писатели какъ на перерывъ другъ предъ другомъ присвояютъ ихъ къ разнымъ славнымъ и храбрымъ народамъ, однакожъ намъ нѣсколько предосудительное, какъ отъемлющее у насъ собственное наше и дражайшее добро, и чрезъ то лишающее насъ природныя нашея славы. Когдажъ инославныи писатели изобрѣли за должное, по единому самолюбію токмо, какъ мнится, повѣствовать о высокославныхъ Варягахъ, и водя своихъ читателей по степенямъ вѣроятности, потщались удостовѣрять ихъ, что будто сіи Варяги намъ чужеродныи и отъ насъ разноязычныи; то мы неободримся ль изобрѣсть за должнѣйшее, имѣя въ томъ преискреннѣйшее участіе, чтобъ намъ утверждающимся на самой, поскольку возможно достовѣрности, описать нашихъ началобытныхъ Самодержцевъ какъ единоязычными, такъ и тождеродными съ нами? Возможноль, говоря откровенно, и достолѣпноль пребыть своимъ бездѣйственнымъ при чужихъ прерѣкающемъ усильствіи, да и не стремиться къ исторженію отъемлемаго у насъ не по праву? Высота, свѣтлость и превосходство перьвенствовавшихъ верьховно у насъ Великихъ Князей къ тому насъ обязываютъ; а честь цвѣтущаго, всегда и нынѣ, Россійскаго народа, неумолкая возбуждаетъ. Должно, должно было давно уже намъ препоясаться силами, не токмо къ воспрепятствованію не весьма удостояющихся, въ разсужденіи сего, заключеній, но и къ утвержденію, и какъ будто ко вкореняемому насажденію свѣтозарныя истины и непоколебимыя правды». Кто же такіе были Варяги-Русь по Тредьяковскому? Варяги суть *предварители — аборигены;* Русь — Ружане Померанскіе. Такимъ образомъ впервые было научно высказано знаменитое мнѣніе о Рюгенскомъ отечествѣ Рюрика, котораго такъ сильно держатся поборники Славянскаго происхожденія Варяговъ-Руси, хотя при этомъ стараются прикрывать себя болѣе славнымъ именемъ Ломоносова. Какимъ же путемъ шелъ Тредьяковскій къ своимъ выводамъ? Путемъ, общимъ всѣмъ изслѣдователямъ того времени, путемъ внѣшнихъ филологическихъ сближеній; послушаемъ его разсужденія: «Единъ былъ съ самого начала у Іафетѳскихъ племенъ Скитѳскій съ Целтическимъ языкомъ, т. е. единъ былъ издревле, но по смѣшеніи, Словенскій. Доказываютъ сіе самыя первыя имена Скитѳовъ и Целтовъ. Чтоже знаменуетъ Скитѳъ? Скитѳъ есть Скитъ; и слѣд. Скитѳы суть Скиты отъ скитанія, т. е. отъ свободнаго прехожденія съ мѣста на мѣсто: а слова *скитаніе* и *скитаться*, суть точныя Словенскія».

Кельты, по Тредьяковскому, суть Желты, т. е. свѣтлорусые; Гелонъ — Челонъ, т. е. челистый; Агатирсъ есть Окодыржъ, т. е. Окодержь отъ надсмотра или надзора. Геродотово извѣстіе о происхожденіи Скиѳовъ истолковано слѣдующимъ образомъ: «Отъ Таргитая, чрезъ преложеніе писменъ Дрогидая, Скитскаго вождя, какъ дающаго станицамъ своимъ дороги, или какъ водящаго ихъ по дорогамъ, родились три сына, именножъ: Липоксаисъ, Арпоксаисъ и Колаксаисъ. Первый есть Лѣпоша отъ лѣпоты, вторый Ярпеша отъ яраго или скораго пѣшеходства; третій Колаша отъ колесницы». Сарматы тоже Скиѳы и говорили по Славянски; ихъ имя происходитъ отъ За-ра-мати, или Царьметы; Амазоны суть Омужены, т. е. жены мужественныя; Гиспанія отъ Выспанія (Выспа — островъ); Лузитанія — Лишеденія отъ лишенія дня, какъ страна самая послѣдняя на западѣ; Британія — Бороданія отъ бородъ, или Братанія отъ братства; Каледонія—Хладонія отъ холода, и пр. и пр.— Мы привыкли смѣяться надъ такимъ словопроизводствомъ, наравнѣ съ другими странностями творца Телемахиды; но должно припомнить, что эта странность была общая тогда у изслѣдователей: Академикъ Байеръ, имя котораго съ благоговѣніемъ произносится особенно поборниками Норманскаго происхожденія Варяговъ, Байеръ былъ подверженъ той же странности, и Тредьяковскій сражался съ нимъ одинакимъ оружіемъ: Байеръ производитъ Москву отъ Моского, т. е. мужескаго монастыря; Псковъ отъ псовъ, городъ псовый; если Тредьяковскій впалъ въ крайность, производя все отъ Славянскаго языка, то подобную же крайность замѣчаемъ и у Байера, который въ имени Святославъ непремѣнно хочетъ видѣть Скандинавскій корень *свен;* во Владимірѣ Валдемера, въ Всеволодѣ — Визавалидура. Для насъ Тредьяковскій имѣетъ значеніе именно какъ противникъ Байера и Миллера, какъ основатель ученія, которое, съ немногими измѣненіями, продолжается до сихъ поръ: если мы сравнимъ изслѣдованія Тредьяковскаго съ изслѣдованіями современныхъ намъ поборниковъ Славянскаго происхожденія Варяговъ, то увидимъ, что у нихъ и методъ одинакій, и выводы тѣже.

V. КНЯЗЬ М. М. ЩЕРБАТОВЪ.

При Екатеринѣ II Россія отдохнула послѣ долгихъ и тяжкихъ трудовъ; новый путь, столь трудный прежде, былъ установленъ и уравненъ искусною правительственною рукою; блестящіе успѣхи во внѣшнихъ дѣлахъ, матеріальное могущество оправдали дѣло Петрово. Подобныя эпохи въ жизни народовъ бываютъ всегда бла-

гопріятны для развитія литтературы, и царствованіе Екатерины II не было въ этомъ отношеніи исключеніемъ. Но при усиленной литтературной дѣятельности отечественная исторія не могла остаться въ забвеніи: самый блескъ настоящаго уже придавалъ значеніе прошедшему, великій народъ долженъ быть великъ всегда, отъ самой колыбели своей. Руководимые примѣромъ свыше, отъ престола, Русскіе близко познакомились съ образцовыми произведеніями литтературъ иностранныхъ, древнихъ и новыхъ, и захотѣли испытать свои силы въ подражаніи иностраннымъ образцамъ во всѣхъ родахъ; разумѣется, что исторія не могла быть забыта: если были Русскіе Расины, Русскіе Буало, Русскіе Пиндары, Русскіе Лафонтены, то должны были быть Русскіе Юмы; если при Елисаветѣ чувствовали потребность открыть свѣту древность Россійскаго народа и славныя дѣла государей, то тѣмъ болѣе должна была чувствоваться эта потребность при Екатеринѣ. И вотъ явилась — Исторія Россійская отъ древнѣйшихъ времянъ, сочинена князь Михайломъ Щербатовымъ. Чего жъ мы должны ожидать отъ этого труда? Мы видѣли характеръ Исторіи Ломоносова, видѣли, что главный недостатокъ ея состоялъ во внѣшности взгляда, въ отсутствіи цѣлостнаго изученія и потому яснаго пониманія предмета, въ стремленіи перевесть лѣтопись на языкъ похвальнаго слова, въ преобладаніи реторическаго элемента надъ научнымъ, историческимъ; причины этихъ недостатковъ мы нашли въ неприготовленности Ломоносова къ историческимъ занятіямъ вообще и къ занятіямъ Русскою Исторіею въ особенности. Отъ Ломоносова до Щербатова прошло немного времени; взглядъ на науку не могъ перемѣниться, ближайшаго знакомства съ Русскою Исторіею не могло быть сдѣлано, и Щербатовъ вовсе не былъ изъ числа тѣхъ людей, которые бы одними своими трудами могли замѣнить труды многихъ; не покажется ли всякому смѣшною дерзостью, если бы кто вздумалъ хотя на сколько нибудь приблизить Щербатова къ Ломоносову относительно талантовъ? И не смотря на то исторіи Щербатова принадлежитъ почетное мѣсто въ нашей исторической литтературѣ. Князь Щербатовъ былъ человѣкъ умный, трудолюбивый, добросовѣстный, начитанный, былъ хорошо знакомъ съ литтературою другихъ народовъ, съ ихъ историческою литтературою; онъ не изучилъ всецѣло Русской Исторіи: вездѣ видно, что онъ сталъ изучать ее, когда началъ писать; онъ не уяснилъ для себя ея хода, ея особенностей; онъ понимаетъ ее только съ доступной ему, общечеловѣческой стороны, разсматриваетъ каждое явленіе совершенно отрѣшенно, ограничивается одною внѣшнею логическою и нравственною оцѣнкою, вѣроятно или невѣроятно, хорошо или дурно, собственно же

исторической оцѣнки онъ дать не въ состояніи. Но за то тамъ, гдѣ Ломоносовъ старается только украшенно передать извѣстіе лѣтописи, Щербатовъ думаетъ надъ этимъ извѣстіемъ; хорошо зная явленія всеобщей исторіи, онъ сравниваетъ ихъ съ явленіями Русской, замѣчаетъ особенности послѣдней и старается объяснить ихъ; разумѣется онъ не успѣваетъ въ этомъ нигдѣ вполнѣ, часто вовсе не успѣваетъ, ибо собственный ходъ Русской исторіи остается для него тайною; но, повторяемъ, онъ останавливается на явленіи, думаетъ надъ нимъ, старается объяснить его, а извѣстно, какую услугу наукѣ оказываетъ тотъ, кто первый обращаетъ вниманіе на извѣстное явленіе, первый начинаетъ объяснять его, хотя бы его объясненія были и неудовлетворительны; Щербатовъ не ученый, онъ занимается исторіею, какъ любитель; но онъ занимается исторіею для исторіи, сознаетъ, или, чтобъ не сказать много, предчувствуетъ въ исторіи науку, и потому трудъ его такъ возвышается и надъ трудомъ Ломоносова, и надъ трудами послѣдующихъ писателей, которые, пиша исторію, имѣли въ виду единственно краснописаніе.

Въ предисловіи къ своему труду князь Щербатовъ разсуждаетъ о различіи Русской исторіи отъ исторій другихъ народовъ, которые имѣютъ миѳическое начало: «и у насъ, говоритъ онъ, народная память должна была сохранять преданія о знаменитыхъ дѣлахъ и имена героевъ благодѣтелей: чего же ради въ Россійскихъ лѣтописцахъ таковыхъ басенъ не находится, которыя бы по крайней мѣрѣ могли многія древности объяснить? Сіе произошло отъ того, что Россія не такъ какъ другія страны, которыя по степенямъ изъ грубѣйшаго невѣжества выходили; но можно сказать, что вдругъ сдѣлала одинъ шагъ изъ самой грубости, каковую кочевой народъ можетъ имѣть, гораздо къ великому просвѣщенію, т. е. что принявши вдругъ христіанскій законъ, обще съ нимъ пріобрѣлъ смягченіе своихъ суровыхъ нравовъ и письмены, которыхъ конечно прежде не имѣлъ, и тогда воставшіе писатели, яко первый у насъ былъ преподобный Несторъ, не токмо не тщались сохранить баснословныя древнія идолопоклонническія преложеніи, но паче у неутвержденнаго въ христіанскомъ законѣ народа старались ихъ совсѣмъ изъ памяти изгнать.» — Такимъ образомъ видимъ уже попытку объяснить себѣ явленіе, останавливающее въ Русской исторіи человѣка, знакомаго съ исторіею другихъ народовъ; Татищевъ только хвалитъ Іоакима и Нестора за *лучшую совѣсть*, которая заставила ихъ отбросить басни; Щербатовъ понимаетъ значеніе этихъ басенъ въ исторіи, знаетъ, что онѣ могутъ многія древности объяснить, и объясняетъ, почему Несторъ не могъ внести миѳовъ

въ свою лѣтопись. Много дѣлаетъ чести смыслу Щербатова то, что онъ не любитъ вдаваться въ словопроизводныя объясненія, страстію къ которымъ были заражены предшествовавшіе и современные ему изслѣдователи; вотъ что говоритъ онъ объ этомъ предметѣ: «При сочиненіи сей исторіи о старобытныхъ народахъ, я не тщился обрѣтающіеся промежки догадками наполнять, и по знаменованію именъ изыскивать, какіе были языки тѣхъ народовъ, слѣдственно и самымъ нынѣ пребывающимъ націямъ начало отъ какого либо старобытнаго народа приписать, зная коль великаго сіе труда стоитъ, а со всѣмъ тѣмъ наконецъ читателей не можетъ удовольствовать; да и дѣйствительно по малому числу оставшихся намъ именъ, поврежденныхъ временемъ и неправильнымъ выговоромъ чужестранныхъ, которые намъ ихъ преложили, естьли ихъ знаменованіе и сходствуетъ на какой языкъ, весьма трудно заключить единоплеменство единаго народа съ другимъ. Приложимъ къ сему, что древніе писатели не токмо въ таковыхъ вещахъ ошибались, но также неподлинное ихъ званіе самыхъ именъ народовъ, которые они часто единые съ другими смѣсили, сіе затрудненіе пріумножаетъ. Однако я весьма отдаленъ охулять таковыя изысканія, которыя могутъ нѣкоторое просвѣщеніе въ мракѣ древнѣйшихъ временъ исторіи учинить; но какъ мое желаніе къ другому концу стремилось, т. е. чтобы не вступая ни въ какія неподлинныя системы, разныя состояніи, въ которыхъ было мое отечество, разныя его премѣны, и знатныя случившіяся въ немъ дѣла показать: того ради я сократяся на простое повѣствованіе бывшихъ приключеніи у старобытныхъ народовъ, оставляю тѣмъ, которые пожелаютъ взять на себя сей трудъ, выводить свои заключенія»

Одна изъ главныхъ трудностей для каждаго, начинавшаго заниматься Русскою исторіею, состояла въ генеалогіи Князей; Щербатовъ не обошелъ этой трудности, но предпринялъ, по его собственнымъ словамъ, *несказанныя* усилія для составленія родословныхъ. Мы видѣли странный разсказъ Ломоносова о событіяхъ нашей древней исторіи: онъ не умѣлъ отличить народныхъ преданій отъ несомнѣнныхъ фактовъ; у Щербатова встрѣчаемъ тоже неумѣнье; но за то у него нѣтъ такихъ странныхъ прибавокъ къ разсказу лѣтописца, какъ у Ломоносова, хотя и у Щербатова перифразисъ слишкомъ вольный, стирающій колоритъ съ лѣтописнаго разсказа, напр. въ описаніи сраженія съ Древлянами, гдѣ малолѣтный Святославъ первый бросилъ копьемъ: «въ бою Святославъ великіе опыты своей храбрости оказалъ, и принудилъ чрезъ сіе другихъ къ подражанію себѣ (1).» Щербатовъ не прошелъ молчаніемъ за-

(1) I, 218.

трудиительнаго мѣста о лѣтахъ Ольги (1), и, не догадываясь, что имѣетъ дѣло съ народнымъ преданіемъ, объясняетъ такъ разсказъ лѣтописца о хитрости Ольги относительно ея крестнаго отца — Греческаго Императора: «По крайней мѣрѣ ей было уже около семидесяти лѣтъ; слѣдственно какъ же было Императору влюбиться въ ея красоту? Чего ради не могши лучшаго рѣшенія дать, предлагаю мое мнѣніе, состоящее, что коль престарѣла Великая Княгиня Ольга во время своего крещенія ни была, но могла еще остатки прежней своей красоты сохранять, которая еще пріумножалась ея великою премудростію. Но мню, что болѣе всего воспламенилось сердце Императора тѣмъ, что взявъ ее себѣ въ жену, мнилъ наслѣдствомъ и всю пространную Россію имѣть, или по крайней мѣрѣ таковымъ супружествомъ, такимъ себѣ сдѣлать союзникомъ Святослава, что не токмо самъ не будетъ нападать на Грековъ, но и отъ другихъ враговъ сію уже ослабѣвающую имперію защититъ. Политическіе виды, которые конечно могутъ и престарѣлому лицу красоту придать, которыхъ не разумѣя, мню, тогдашніе писатели къ красотѣ Ольгиной приписали то, что единственно политика Императора Греческаго была.» Намъ кажется страннымъ такое объясненіе, потому что мы имѣемъ иной взглядъ на источники; при взглядѣ же автора или взятое отрѣшенно, объясненіе нисколько не странно. Непониманіе вѣка и характеровъ того времени повело Щербатова и къ слѣдующему ложному объясненію отвѣта Ольгина Императору, когда тотъ присылалъ требовать отъ нея даровъ: «Блаженная Ольга, смѣяся его корыстолюбію, отвѣчала, что она получила дары за то, что онъ былъ ея воспріемникъ; то естьли онъ въ такомъ состояніи, въ какомъ она предъ нимъ была, предъ нею былъ бы, и она ему даровъ не пощадитъ дать (2).» Но вѣрно выведено заключеніе о походѣ Святослава на Грековъ, понято, что противоположность Русскаго и Греческаго разсказа происходитъ отъ пристрастія: «И тако изъ сего всего я заключаю то, естьли походъ сей Святославовъ и не столь нещастливъ былъ, какъ Греки повѣствуютъ, но и не толь славенъ для него, какъ повѣствуютъ наши писатели; ибо съ обѣихъ сторонъ надлежитъ опасаться, чтобъ послѣдуя писателямъ, не впасть за ними въ тоже пристрастіе, каковое они каждые къ своей странѣ имѣли (3).» Не оставлена безъ объясненія и причина скораго принятія Христіанства Кіевлянами: все войско, по мнѣнію Щербатова, приняло

(1) I, 222. — (2) I, 224. — (3) I, 233. —

крещеніе въ Корсуни вмѣстѣ съ Владиміромъ: Кіевскіе язычники, боясь войска, не смѣли оказать никакого сопротивленія (1). Въ слѣдствіе неприготовленности своей, Щербатовъ никакъ не могъ сначала понять порядка престолонаслѣдія между Князьями, какимъ образомъ Князю наслѣдуетъ братъ, а не сынъ; такъ, начиная описывать княженіе Всеволода I-го Ярославича, онъ говоритъ (2): «Хотя сіе его восшествіе на престолъ и не совершенно порядочно является, потому что послѣ Изяслава остались сыновья уже въ довольномъ возрастѣ, дабы принять правленіе Княженія отца ихъ; однако по непослѣдовавшимъ отъ сего никакимъ смущеніямъ, и потому что упоминается, что Всеволодъ далъ Ярополку, сыну Изяславову, Владимеръ съ придачею еще Турова, мнится мнѣ, что сіе возведеніе его на Кіевской престолъ учинено въ слѣдствіе учиненнаго между имъ и Ярополкомъ какого договору, коему обычаю, чтобъ братъ послѣ брата въ престолахъ наслѣдовалъ, и впредь почти всегда послѣдовали, яко будемъ имѣть случай о семъ яснѣе предложить.» Но какъ бы ни было объяснено происхожденіе явленія, явленіе было подмѣчено, надъ нимъ задумались, его старались объяснить. Любопытно видѣть, съ какимъ трудомъ это характеристическое явленіе древней Русской исторіи принималось въ сознаніе писателя XVIII вѣка, впервые начавшаго всматриваться въ ея особенности: въ восшествіи Владиміра Мономаха на столъ Кіевскій мимо дѣтей Святополковыхъ Щербатовъ видитъ уже установленный порядокъ наслѣдства; не смотря на то требуетъ отъ лѣтописцевъ объясненія этого явленія, и опять предполагаетъ договоры между Мономахомъ и дѣтьми Святополка (3). Здѣсь, какъ и послѣ еще, мы будемъ имѣть случай замѣтить эту добросовѣстность Щербатова, который не можетъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока не объяснитъ явленіе, поражающее его своею странностію, добросовѣстность, которая, разумѣется, не можетъ не возбудить нашего полнаго сочувствія. Наблюдательность Щербатова, которая заставляла его отступать отъ показаній лѣтописи относительно причинъ явленій и характера дѣйствующихъ лицъ, видна въ отзывѣ его о Князѣ Вячеславѣ Владиміровичѣ (4), уступившемъ Кіевскій престолъ Всеволоду Ольговичу: «Хотя Россійскіе писатели единогласно приписываютъ таковое уступленіе Кіевскаго престола Вячеславомъ къ великому его человѣколюбію, и къ отвращенію *видѣть проливать* напрасно кровь человѣческую; но я не мню, чтобъ какая нравоучительная притчина могла справедливо воспрепятствовать закон-

---

(1) I, 263. — (2) II, 30. — (3) II, 87. — (4) II, 141. —

ному Государю, общимъ желаніемъ народа на престолъ посажденному, для избѣжанія пролитія крови справедливую защитительную войну производить, и отдать Богомъ врученной ему народъ во власть Государя, которой вооруженною рукою на него пришелъ. И тако мнится мнѣ, что не было ли къ тому и другихъ какихъ притчинъ, какъ является мнѣ оныя и примѣтить; первое въ томъ, что не могъ увѣриться на Кіевлянъ, которымъ почти также чуждъ былъ, какъ и Всеволодъ, и второе въ самой слабости его нрава, слабость, которая во всей его жизни, какъ въ слѣдствіи сего труда представится, довольно ясно является.»

Щербатовъ замѣтилъ и то различіе, которое обнаруживается въ нашей древней исторіи въ характерѣ явленій до Андрея Боголюбскаго и послѣ него, и потому, послѣ смерти Юрія Долгорукаго положилъ грань періодамъ, помѣстивъ *разсмотрѣніе о состояніи Россіи, ея законовъ, обычаевъ и правленій* (1) — первая попытка коснуться и внутренней исторіи общества. Здѣсь Щербатовъ опять обращается къ странному для него явленію, къ преемству престола, переходившаго къ старшему въ родѣ; онъ замѣчаетъ, что этотъ обычай не былъ утвержденъ закономъ, однако соблюдался и былъ главною причиною всѣхъ неустройствъ и раззоренія Россіи. Видно, какъ авторъ постоянно думалъ надъ этимъ явленіемъ, и не успокоился до тѣхъ поръ, пока не нашелъ слѣдующаго объясненія: «Притчина толикаго страннаго порядка въ наслѣдствѣ является была слѣдующая, что какъ тогда Россійскія народы обрѣтались въ безпрестанныхъ браняхъ, сами ли на сосѣдственныя земли чинили набѣги, или отъ сосѣдственныхъ народовъ оные претерпѣвали, и тако высочайшая добродѣтель въ государѣ тогда почиталась неустрашимая храбрость и мудрое предводительство войскъ, и всегда, или, по крайней мѣрѣ, по большей части государи сами оные предводительствовали, или въ противномъ случаѣ войски ослабѣвали; но какъ малолѣтнаго правленіе не могло бы для сего способно быть, и тако предупреждая сіе, дабы съ одной страны сохранить всегда престолъ крови царской, а съ другой отъ слабости малолѣтнаго избѣжать, явился полезнымъ и введся сей обычай, чтобъ престолъ отъ брата къ брату, а послѣ какъ всѣ братья онымъ владѣли, сыну старшаго переходилъ.» Щербатовъ понялъ, какое вліяніе подобный порядокъ вещей производилъ на отношенія между князьями и народонаселеніемъ: «Сіе же самое наслѣдство, какъ выше оно означено, приключало, что Россійской народъ не имѣлъ

---

(1) II, 253.—

особливой обязанности къ своему государю, которая бы и на сына его преходила, но обще ко всему роду Князей распростиралъ оную; а понеже сей родъ былъ весьма многочисленъ, то происходило изъ сего, что по мѣрѣ раздѣленія сей любви и обязанности къ толь великому числу лицъ, оная раздѣлялась, и царствующей Государь, не имѣя ничего болѣе предъ другими, окромѣ права владѣнія, не могъ совершенно ни въ вѣрности, ни въ усердіи привыкшаго къ премѣнамъ народа увѣренъ быть.»

Что касается характеристики государей, то у Щербатова, какъ и слѣдуетъ ожидать, не можетъ правильно опредѣляться значеніе того или другаго государя въ Русской исторіи, потому что авторъ не уяснилъ для себя хода этой исторіи; характеристики его суть характеристики отвлеченныя: такой то государь былъ добръ, уменъ, не любилъ войны, однако, гдѣ нужно, обнаруживалъ твердость, и т. п. Отъ недостатка уясненія для себя хода исторіи происходитъ у Щербатова и у послѣдующихъ за нимъ историковъ внѣшній взглядъ на событія, который породилъ столько трудныхъ къ искорененію заблужденій. Разумѣется, мы не станемъ обвинять въ этомъ Щербатова: таковъ былъ естественный и необходимый ходъ исторической науки; и послѣдующіе историки раздѣляютъ взглядъ и повторяютъ ошибки Щербатова. Щербатовъ первый произнесъ слѣдующій приговоръ объ Іоаннѣ III. «Онъ былъ великій Государь, и который первый положилъ основаніе величеству Россіи, и все сіе безъ великихъ кровопролитій, предпочитая всегда именованіе мудраго въ правительствѣ Государя наименованію непобѣдимаго.» Тотъ же приговоръ, хотя въ болѣе изящныхъ выраженіяхъ, встрѣчаемъ и у послѣдующихъ историковъ, у которыхъ Іоаннъ III является также творцемъ величія Россіи. Тоже сходство находимъ мы и въ приговорѣ о Василіи Іоанновичѣ: «Что касается до обычая сего Государя, то хотя не обрѣтаемъ мы въ немъ толь блистательныхъ качествъ, каковыми отличался его родитель, и которыми отличался его сынъ, Царь Іоаннъ Васильевичь; однако обрѣтаемъ въ немъ сіе набожіе несуевѣрное и на добродѣтели основанное, которое есть основаніе твердыхъ правилъ мудраго правительства; сію мудрость не спѣшащую дѣлами и жертвующую иногда тщетную славу для пользы государства; сію твердость, въ слѣдствіи дѣлъ, могущую довести до конца труднѣйшія предпріятія. Онъ всегда старался отбѣгать отъ войны, почитая ее всегда вредною государствамъ, а паче по тогдашнимъ обстоятельствамъ Россіи; однако въ случаѣ справедливаго защищенія себя никогда отъ нея не убѣгалъ, но твердо показывалъ, что онъ готовъ ее со всею бодростію производить», и проч. Характеризуя дѣятельность Іоанна

III, Щербатовъ замѣтилъ, какъ православіе много помогло этому Князю въ борьбѣ съ Новгородомъ и Литвою (1): «Можно еще сказать, что самая твердость его въ Греческомъ Католицкомъ законѣ много ему и въ политическихъ дѣлахъ послужила: ибо бывъ почитаемъ истиннымъ защитникомъ православной вѣры, ту часть Новгородцевъ, которые не хотѣли ради разности вѣръ поддаться Полякамъ и Литовцамъ, по самой обязанности къ вѣрѣ, въ доброжелательствѣ къ себѣ удержалъ, и когда началась брань съ Княземъ Александромъ Литовскимъ, тогда многіе Князья и съ вотчинами своими по единовѣрію подъ власть Великаго Князя Московскаго предались.»

Послѣ порядка престолонаслѣдія у древнихъ Князей ничто такъ не затруднило Щербатова, какъ объясненіе характера Іоанна Грознаго: какъ тамъ, такъ и здѣсь по нѣскольку разъ принимается онъ за объясненіе загадачной перемѣны въ поведеніи Царя. Къ чести Щербатова надобно замѣтить, что онъ обратилъ вниманіе на характеръ одного изъ главныхъ источниковъ исторіи Грознаго, на сочиненія Курбскаго, понялъ его пристрастіе, чего не хотѣли понять послѣдующіе историки. Вотъ какъ въ началѣ онъ объясняетъ перемѣну въ характерѣ и поступкахъ Царя (2): «Стараясь различать истинну отъ того, что озлобленный князь Курбскій могъ противу сего Государя писать, думаю со справедливостію сдѣлать слѣдующее заключеніе. Въ младенчествѣ своемъ зрѣлъ Царь Іоаннъ Васильевичь непокорство и смущенія бояръ; пріявъ владычество, оказаніемъ строгостей къ нѣкоторымъ изъ нихъ, хотя и справедливыхъ, пріучилъ, можетъ статься, болѣе къ милосердію сердце свое расположенное на жизнь подданныхъ своихъ устремляться. Таковой поступокъ хотя нѣкоторыхъ и устрашилъ, но еще сѣмена смущенія оставались въ сердцахъ многихъ, которыя и оказывались въ нѣкоторыхъ случаяхъ, яко въ бывшемъ смущеніи въ Коломнѣ во время походу его на Казань и въ другихъ случаяхъ, которые хотя милостію своею онъ тогда и прикрывалъ, однако чювствованіе въ сердцѣ его оставалось. Наконецъ, взявъ Казань, покоривъ многіе прежде подвластные сему царству народы, снабдя милостями своими всѣхъ вельможъ, со справедливостію надѣялся, что любовь и почтеніе къ себѣ и роду своему пріобрѣтетъ, и истребитъ мысли о его рожденіи, яко отъ живой супруги бракосочетавшійся Великій Князь Василій Іоанновичь его и брата его произвелъ. Но какъ въ болѣзни своей восхотѣлъ престолъ, малолѣтному сыну своему утвердить,

---

(1) V, 364. — (2) VII, 454. —

тогда предубѣжденіе о его рожденіи и малая преданность къ нему облаготворенныхъ имъ бояръ явно оказались не токмо сопротивленіемъ оныхъ по приказанію его сходственному съ правомъ рожденія присягу малолѣтному Князю его сыну, но и преклонностію ихъ возвести на престолъ двоюроднаго его брата Князя Владиміра Андреевича, обойдя не токмо сына его Царевича Димитрія, яко малолѣтнаго, но и брата его. Князя Георгія Васильевича. Тако съ единыя стороны огорченъ всѣми таковыми поступками, а съ другой отъ жестокости болѣзни имѣя нравъ свой перемѣненъ къ жестокости къ несчастію Россіи и ко вреду имени своего началъ преклоняться.» Но это объясненіе не могло успокоить Щербатова; не умѣя изъ предшествовавшихъ событій уяснить себѣ политической стороны явленія, мало обративъ вниманіе также и на разсказъ о воспитаніи Іоанна, Щербатовъ не могъ понять этой рѣзкости перехода, этой страшной крайности въ жестокостяхъ Іоанна (1): «Не могъ бы я никогда повѣрить, чтобъ сей Государь весьма строгій, но и разумный, который до сего во всякомъ случаѣ строгость свою умѣрялъ, сей Государь, именитый между Россійскими Государями, возмогъ такія безчеловѣчія чинить: но колико князь Андрей Михайловичь Курбскій ни былъ огорченъ на сего Государя, колико онъ ни желалъ очернить его память; однако не мню, чтобъ сей сановитый мужъ осмѣлился приписать убіеніе толикихъ знатныхъ особъ, когда они естественною смертію померли, или въ живыхъ находились. Сохраненные списки его лѣтописей не токмо въ приватныхъ домахъ, но даже въ государственныхъ архивахъ, наименованіе, приданное Царю Іоанну Васильевичу *Грозной*, общее согласіе всѣхъ окружныхъ народовъ, повѣствующихъ о его жестокостяхъ, повѣствіе князя Курбскаго вѣроятно чинятъ; а паче взятыя Російскимъ Государемъ поручныя грамоты со многихъ знатнѣйшихъ людей, чтобы они въ Польшу, Литву и въ другія чужестранныя области не отъѣзжали, грамоты подлинныя, хранящіяся въ государственныхъ архивахъ; а взятіе сихъ грамотъ уже предполагаетъ неудовольствіе отъ подданныхъ; число недовольныхъ, худобу и непорядокъ правленія. Правда, что изъ сихъ князь Иванъ Дмитріевичь Бѣльскій самъ чрезъ грамоту свою признается, что онъ имѣлъ переписку съ Сигизмундомъ, Королемъ Польскимъ, и опасную грамоту для ѣзды своей отъ него получилъ. Такое преступленіе, имѣющее видъ измѣны, подавало причины Государю всю монаршую строгость противу его употребить, и самыя жестокости государевы не могутъ его въ стро-

(1) VIII, 89. —

гомъ изысканіи нравственныхъ должностей гражданина и подданнаго оправдать: но естьли возмемъ въ примѣчаніе его санъ боярскій, знатность, въ какой весь его родъ находился, и которой конечно не могъ льститься имѣть при Польскомъ Дворѣ, разность вѣры, а паче, что она тогда же мѣшала въ Польшѣ и преимуществами многими пользоваться; то не можемъ мы представить, чтобъ онъ безъ важныхъ какихъ причинъ въ такое преступленіе покусился впадать.... Невѣроятно притомъ есть, чтобы многіе знатнѣйшіе бояре, привязанные любовію къ отечеству своему, къ родственникамъ и домамъ ихъ, могли желать его оставить и преселиться на вѣки во вражескую страну, естьлибы жестокимъ правленіемъ Государя къ тому побуждены не были: и тако самыя сіи взятыя поручныя грамоты съ нихъ и сохраненныя въ архивахъ суть свидѣтели жестокому начавшемуся правленію Царя Іоанна Васильевича и истиннѣ повѣствія князя Курбскаго.» Наконецъ князь Щербатовъ нашелъ, по его мнѣнію, удовлетворительное объясненіе перемѣны, происшедшей въ характерѣ Іоанна IV (1); «Колико сіе изслѣдованіе ни отвращаетъ меня отъ продолженія историческаго повѣствія приключеній, но я принужденнымъ себя нахожу, дабы возмогъ, елико возможно, вывести причины поступка Царя Іоанна Васильевича и истинну историческую проникнуть, еще размышленія мои продолжать, тѣмъ наипаче, дабы не могли меня обвинить, что я, не войдя во всѣ обстоятельства, якобы охотно хотѣлъ, послѣдуя его злодѣю Курбскому, во всѣхъ приписуемыхъ безчеловѣчіяхъ сего Государя обвинять. Но проникнемъ, ежели возможно, во внутренность, отъ чего сей Государь, до сего толико мудрый и великій, хотя строгій, но умѣющій горячность и строгость свою умѣрять, перемѣнился? Рѣшеніе на сіе кажется намъ можетъ дать самое повѣствованіе князя Курбскаго, по причинѣ убитія князя Михайла Петровича Репнина.... Естество вещей самое является истинну сего повѣствія утверждать; ибо сей Государь, лишась своей супруги, и бывъ въ крайнемъ оскорбленіи о ея кончинѣ, имѣлъ двоякихъ утѣшителей: единые ему представляли необходимость сего часа, и увѣщавали его повиноваться Божіему изволенію; тогда какъ другіе старались, упраздня его весельями, изгнать печаль изъ мысли его. Не токмо въ сѣверныхъ нашихъ краяхъ, но и въ полуденнѣйшихъ упиваніе виномъ, яко веселящее человѣка, входило во всѣ пиршествы; симъ и начали отвращать его огорченіе. Вышеименованный монахъ Сукинъ съ единымъ Шаховскимъ и съ Малютою Скуратовымъ примѣтя, что Государь ока-

---

(1) VIII, 91. —

валъ склонность къ таковой жизни, пріумножили свои старанія безпрестанно въ такихъ вредныхъ ему самому и государству забавахъ содержать, а пользуясь симъ изступленнымъ состояніемъ, употребили горячій и склонный къ суровостямъ нравъ государевъ для отмщенія недругамъ своимъ, или для погубленія всѣхъ тѣхъ, которыхъ имѣли причину страшиться; самъ же Государь, бывъ суроваго съ природы нрава, воспоминая прежде чиненныя ему огорченія отъ бояръ, въ изступленіи пьянства мнилъ дѣло глубокія политики истребить всѣхъ тѣхъ, которые могли ему какое сумнѣніе наводить.» По окончаніи повѣствованія о царствованіи Іоанна IV-го Щербатовъ не удержался, чтобъ опять не обратиться къ объясненію загадочной перемѣны въ характерѣ этого Государя, и сдѣлалъ еще слѣдующія дополнительныя замѣчанія: «Да не вопроситъ кто меня: чего ради Царь Іоаннъ Васильевичь не малое время, яко я и въ самой первой части его исторіи описалъ, не таковъ являлся! Отвѣтствую: расположеніе его сердца было таковоже; но чувствуя себя еще недовольно утвержденна на престолѣ, а къ тому имѣвъ мудрую и доброжелательную супругу Царицу Анастасію Романовну, сдерживалъ суровой свой обычай: но взятіемъ Казани, симъ полезнымъ завоеваніемъ, утвердивъ свою власть, въ болѣзни бывъ огорченъ боярами, не хотящими присягать малолѣтному сыну его Димитрію, а потомъ и лишась столь добродѣтельныя супруги, впадши въ разныя распутства далъ волю своему обычаю.» Должно прибавить, что Щербатовъ замѣтилъ высокую роль духовенства при печалованіи (1). Но при несомнѣнныхъ достоинствахъ, какими отличается повѣствованіе Щербатова о царствованіи Іоанна IV, оно отличается и недостатками, общими цѣлому труду его, а именно, странною разсѣянностію, неумѣньемъ вникать въ подробности извѣстій, объясняемыми впрочемъ громадностію труда, за который Щербатову суждено было первому приняться; отъ этой разсѣянности и неприготовленности мы видимъ въ первыхъ частяхъ труда смѣшеніе разныхъ, но одноименныхъ городовъ, напр. Владиміра Клязменскаго съ Волынскимъ, Переяславля Русскаго съ Залѣсскимъ; въ повѣствованіи о царствованіи Іоанна IV встрѣчаемъ еще болѣе непріятную ошибку: здѣсь Щербатовъ изъ одного знаменитаго Сильвестра сдѣлалъ двухъ, о которыхъ далъ самые противоположные отзывы: о Сильвестрѣ, могущественномъ совѣтникѣ царскомъ, онъ выражаетъ одностороннее мнѣніе, объясняющееся изъ извѣстныхъ понятій XVIII-го вѣка, господствовавшихъ между писателями (2): «Сей священникъ

---

(1) VIII, 110. — (2) VII, 449.—

былъ родомъ Новогородецъ, и хотя прiялъ священный чинъ, но мысли и душа его любочестiемъ исполнены были, подъ видомъ благочестiя и съ саномъ священника былъ льстивъ и пронырливъ, и сими толь часто къ несчастiю народовъ качествами толикую прiобрѣлъ себѣ милость отъ Царя Іоанна Васильевича, что онъ его не токмо духовнаго, но и гражданскаго совѣта соучастникомъ учинилъ, и съ такою силою, или, лучше сказать, съ такою къ нему повѣренностiю, что онъ, яко самовластитель въ обоихъ сихъ правленiяхъ, Митрополиту, Епископамъ и боярамъ повелѣвалъ. Сей коварный мужъ, притворяющiйся имѣть совершенное усердiе къ Государю, не оставлялъ тогда же пещись въ случаѣ каковой премѣны защитниковъ себѣ прiобрѣсти.» Но потомъ, когда нужно стало говорить о гоненiяхъ на Сильвестра по смерти Анастасiи, то авторъ позабылъ уже о прежнемъ могущественномъ Сильвестрѣ, коварномъ, по его мнѣнiю, мужѣ, и Сильвестръ гонимый является у него благочестивымъ и добродѣтельнымъ пресвитеромъ, духовникомъ Царя (1). Въ такую ошибку Щербатовъ былъ введенъ разнорѣчивымъ свидѣтельствомъ двухъ противоположныхъ источниковъ: въ Царственной книгѣ читаемъ отзывъ о Сильвестрѣ почти въ томъ же тонѣ, какъ и первый отзывъ Щербатова, у Курбскаго же Сильвестръ выставленъ совершенно въ другомъ свѣтѣ.

На Годунова Щербатовъ смотрѣлъ такъ, какъ смотрѣли лѣтописцы и какъ смотрѣли историки, послѣдовавшiе за Щербатовымъ: всѣ перемѣны предпринимаются Годуновымъ для достиженiя своей корыстной цѣли. Но Щербатовъ и здѣсь умѣлъ сдѣлать нѣкоторые любопытные вопросы, напр, говоря о томъ, что Годуновъ запретилъ поминать на ектенiяхъ царевича Димитрiя, авторъ спрашиваетъ (2): почему бояре не воспротивились этому? и объясняетъ, что боярамъ нравилась эта мѣра, что они могли надѣяться наслѣдовать бездѣтному Ѳеодору, съ успѣхомъ поспорить съ Годуновымъ, предъ которымъ у нихъ было много правъ. Важно также и слѣдующее заключенiе о Годуновѣ (3): «Не уповательно, чтобъ онъ, при самомъ началѣ царствованiя Царя Ѳеодора Іоанновича имѣлъ такiя мысли (наслѣдовать престолъ); но самое его возведенiе въ такое могущество сiи въ немъ возродило.» Другое вѣрное замѣчанiе встрѣчаемъ при описанiи слѣдственнаго дѣла о убiенiи царевича Димитрiя (4): «Единое его (Клешнина) присутствiе довольно было сдержать сего князя (Шуйскаго) отъ того, естьлибы онъ что-справедливое сдѣлать

(1) VIII, 86. — (2) XI, 237. — (3) XI, 254. — (4) XI, 300.

восхотѣлъ.» Въ описаніи избранія Годунова для красоты картины не пожертвовано замѣчательными подробностями, которыя показываютъ, что избраніе происходило вовсе не такъ единодушно и умилительно. Щербатовъ замѣтилъ, что Годуновъ, тотчасъ послѣ избранія, высылая войско противъ Крымскаго хана, назначалъ во всѣ полки воеводами Татарскихъ царевичей (1). Относительно Лжедимитрія Щербатовъ также проницательнѣе другихъ историковъ; такъ онъ говоритъ (2): «Когда, можетъ статься, онъ показалъ нѣкоторую къ сему (т. е. самозванству) преклонность, то небылоли еще кого изъ знатныхъ, который какъ по ненависти на Царя Бориса, такъ и для своего возвышенія, поелику легко считая возстановленнаго сего слабаго кумира низринуть, и самому его мѣсто занять, тайно его къ тому побуждалъ; ибо въ самомъ дѣлѣ не нахожу я почти возможности вѣрить, чтобъ сынъ боярской, бывъ менѣе двадцати лѣтъ юноша, и постриженный въ монашеской чинъ, могъ вздумать, а еще меньше самъ собою упорствовать въ такомъ великомъ предпріятіи.»

Надѣемся, что этотъ обзоръ исторіи князя Щербатова способенъ подтвердить сказанное нами въ началѣ о значеніи этого труда въ нашей исторической литтературѣ. Критика, благодаря особенно Болтину и Шлецеру, дала большія средства послѣдующимъ писателямъ превзойти Щербатова, преимущественно въ древней нашей исторіи; но относительно глубины взгляда на нѣкоторыя важныя явленія они не сдѣлали большаго шага впередъ. Уже не говоримъ о заслугѣ, оказанной Щербатовымъ приложеніемъ къ своей исторіи многихъ драгоцѣнныхъ, но до тѣхъ поръ неизвѣстныхъ актовъ, что такъ много облегчило трудъ послѣдующимъ писателямъ. Но почему же при такихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ, трудъ Щербатова не пользовался и не пользуется должнымъ уваженіемъ? Это явленіе объяснить не трудно: въ то время, когда въ исторіи всего болѣе цѣнили изящество формы, краснописаніе, трудъ Щербатова отличался противоположною крайностію, слогомъ крайне тяжелымъ, неправильнымъ; стоитъ прочесть выходки краснописца Елагина противъ Щербатова, чтобъ понять, почему трудъ послѣдняго такъ много проигрывалъ въ глазахъ современниковъ. Но этого мало: едва успѣлъ Щербатовъ выдать первыя части своего труда, какъ возсталъ противъ него Болтинъ, критикъ строгій, неумолимый, писатель съ дарованіемъ блестящимъ не обративъ вниманія ни на одно до-

---

(1) XIII, 23. — (2) XIII, 204.

стоинство автора, Болтинъ безпощадно выставилъ всѣ ошибки и небрежности его, обвинилъ въ неправильномъ пониманіи всей нашей древней исторіи, въ незнаніи историческихъ пріемовъ, въ неумѣньи разбираться въ фактахъ, распредѣлять ихъ по степени важности. Щербатовъ не нашелъ защитника противъ Болтина; его трудъ продолжалъ имѣть значеніе только какъ полнѣйшая Русская исторія, которую можно было съ пользою употреблять при замѣчаніяхъ Болтина; но явилась исторія Карамзина, въ которой съ полнотою соединялось безпримѣрное изящество формы — и трудъ Щербатова былъ забытъ.

VI. И. Н. БОЛТИНЪ.

Чтобы понять значеніе историческихъ трудовъ Болтина, необходимо обратить вниманіе на ту перемѣну во мнѣніи о наукѣ и просвѣщеніи, которая обозначилась со времени вступленія на престолъ Императрицы Екатерины II-й. Начиная съ эпохи преобразованія до этого времени на науку смотрѣли съ матеріальной точки зрѣнія: науку считали необходимою, старались о ея распространеніи, но единственно для того, чтобъ увеличить матеріальныя силы, матеріальное благосостояніе, хотѣли пользоваться плодами науки для удобствъ житейскихъ, старались умножать число ученыхъ, точно также какъ старались объ умноженіи числа полезныхъ ремесленниковъ, о нравственномъ же вліяніи науки на человѣка, о воспитаніи молодаго поколѣнія не заботились, или заботились очень мало, полагая главное въ ученьи, а не въ воспитаніи. Тщетно Кантемиръ въ безсмертныхъ своихъ сатирахъ указывалъ на это зло, тщетно указывалъ на необходимость воспитанія для улучшенія народной нравственности: благородный голосъ раздавался въ пустынѣ; даже самые ученые, и между ними самые талантливые, подчиняясь вполнѣ духу времени, выказывали пользу науки преимущественно съ матеріальной стороны. Но прошло полвѣка, и слѣдствія такого порядка вещей оказались явственно: съ распространеніемъ наукъ и внѣшняго образованія народная нравственность не улучшалась; замѣтно было даже явленіе противное,—и вотъ съ самаго вступленія на престолъ Екатерины II-й обнаруживается стремленіе поправить зло, дать наукѣ нравственное значеніе въ воспитаніи просвѣщенныхъ гражданъ, а не ограничивать ея дѣйствія только приготовленіемъ ученыхъ-ремесленниковъ. Раздался голосъ Бецкаго, который потребовалъ нравственнаго перерожденія общества посредствомъ воспитанія, указалъ на необходимость воспитаніемъ произвести *новую*

породу людей; рѣзкими словами высказалъ онъ перемѣну во взглядѣ на просвѣщеніе между предшествовавшею эпохою и своимъ временемъ: «Петръ Великій, говоритъ онъ Екатеринѣ, создалъ въ Россіи людей; Ваше Величество влагаете въ нихъ души.» Лучшіе люди сочувствовали требованіямъ Бецкаго и повторяли его слова, такъ напр. Фонъ Визинъ въ Недорослѣ представилъ урода, произведеніе прежняго, грубаго, физическаго воспитанія; но къ этому старинному воспитанію присоединено еще новое, какое требовалось въ первой половинѣ XVIII вѣка, воспитаніе формenное, слѣд. вполнѣ безполезное съ одной стороны, а съ другой страшно вредное по выбору воспитателей; прямо высказана господствующая мысль вѣка о воспитаніи въ разговорѣ Правдина и Стародума: *Правдинъ:* «Чтобъ въ достойныхъ людяхъ не было недостатку, прилагается нынѣ особливое стараніе о воспитаніи.» *Стародумъ:* «Оно должно быть залогомъ благосостоянія государства. Мы видимъ всѣ несчастныя слѣдствія дурнаго воспитанія. Ну, что̀ для отечества можетъ выйдти изъ Митрофанушки, за котораго невѣжды - родители платятъ еще и деньги невѣждамъ - учителямъ.» — Такой образъ мыслей не могъ не отразиться и во взглядѣ на Русскую Исторію: въ первой половинѣ XVIII вѣка борьба съ невѣжествомъ, злоупотребленіями и предразсудками, которые прикрывались именемъ старины, естественно производила вражду, презрѣніе къ этой старинѣ въ приверженцахъ новаго порядка вещей; они считали себя дѣтьми свѣта, возсіявшаго для Россіи съ начала XVIII вѣка, что прежде — то было мракъ, отъ котораго нужно какъ можно болѣе удаляться. Но во второй половинѣ вѣка стремленіе усвоить себѣ внѣшнее, формальное образованіе, это стремленіе признано недостаточнымъ, борьба перемѣнила характеръ: лучшіе умы стали вооружаться теперь уже не столько противъ вредныхъ слѣдствій стариннаго, допетровскаго быта, сколько противъ вредныхъ слѣдствій односторонняго стремленія ко всему новому и чужому: отсюда недовольство предшествовавшимъ направленіемъ; борьба съ нимъ нечувствительно влекла къ примиренію съ стариною, которая уже не возбуждала болѣе сильной вражды, ибо признала себя побѣжденною и прикрылась другимъ слоемъ, а на мѣсто ея явился другой, новый врагъ, болѣе опасный; въ борьбѣ съ недавнимъ зломъ нечувствительно стали бросать благопріятные взгляды на старину отдаленную, именно уже потому, что она была враждебна новому врагу, противъ котораго нужно было вооружиться всѣми средствами, нужно было показать его незаконное вторженіе на мѣсто прежняго, лучшаго, а между тѣмъ старина, въ слѣдствіе самаго отдаленія своего и неизвѣстности, начала представлять пріятные образы. Это недовольство направленіемъ, господство-

вавшимъ въ первую половину XVIII вѣка и примиреніе съ враждебною ему стариною допетровскою объясняетъ намъ взглядъ Болтина на древнюю Русскую исторію: въ то время, какъ неудовольствіе на дошедшее до крайности пристрастіе къ чужому сильно было уже возбуждено въ лучшихъ людяхъ, въ это время вышла въ Парижѣ извѣстная книга Леклерка: «Естественная, нравственная, гражданская и политическая исторія древней и нынѣшней Россіи,» гдѣ авторъ поверхностно и, по большей части, враждебно отзывался о нашемъ отечествѣ; книга явилась очень кстати, чтобъ дать случай высказаться новому взгляду и неудовольствію на предшествовавшее направленіе; Болтинъ нашелъ въ книгѣ Леклерка «ложь и клевету на Россію, пристрастіе, съ какимъ авторъ переиначиваетъ факты самые извѣстные, наглость, съ какою говоритъ о вещахъ совершенно ему неизвѣстныхъ, нелѣпость разсужденій, пустоту доводовъ, безчисленныя и грубыя во всѣхъ родахъ ошибки,» и написалъ опровержение. Слѣдя за Леклеркомъ, Болтинъ изучилъ всецѣло Русскую исторію, съ тѣмъ чтобъ защитить ее, чтобъ произнести надъ нею благопріятный приговоръ; слѣд. книга Болтина есть первый трудъ по Русской исторіи, въ которомъ проведена одна основная мысль, въ которой есть одинъ общій взглядъ на цѣлый ходъ исторіи; у Болтина мы не встрѣчаемъ толковъ о пользѣ исторіи, какъ науки опыта и примѣра, но у него перваго видимъ попытку смотрѣть на исторію, какъ на науку народнаго самопознанія, стараніе сдѣлать изъ исторіи прямое приложеніе къ жизни, отыскать живую связь между прошедшимъ и настоящимъ, задать вопросъ объ отношеніяхъ стараго къ новому. Ломоносовъ хочетъ только прославлять геройскіе подвиги дѣятелей нашей исторіи; Щербатовъ вглядывается въ отдѣльныя явленія, старается уяснить нѣкоторыя, особенно поразительныя для него явленія Русской исторіи, не связывая однако ихъ другъ съ другомъ; Болтинъ старается уяснить цѣлый ходъ Русской исторіи, какъ Русской исторіи, не похожей ни на какія другія, и показать живую связь между прошедшимъ и настоящимъ.

Болтинъ вооружается на Леклерка за представленіе нашихъ предковъ IX и X вѣка дикарями; вотъ знаменитыя положенія, выведенныя имъ изъ разсмотрѣнія договоровъ нашихъ первыхъ Князей съ Греками; говорю «знаменитыя,» потому что они повторяются еще и теперь въ нашихъ историческихъ изслѣдованіяхъ: «Изъ обстоятельствъ сего условія явствуетъ, что въ тогдашнее уже время имѣли Русскіе правленіе, на коренныхъ законахъ и на непремѣнныхъ правилахъ утвержденное; что народъ раздѣленъ былъ на разныя сословія, яко на бояръ, дворянъ, гостей, купцовъ, свободныхъ и рабовъ, кои не иные были какъ плѣнники; что каждое сословіе

пользовались особенными правами, преимуществами и отличностями; что всѣ вообще имѣли судъ и расправу; что успѣхи имѣли въ торговлѣ внутренней и внѣшней, мореплаваніи, художествахъ, ремеслахъ, и, въ разсужденіи тогдашняго вѣка, въ нарочитомъ просвѣщеніи. Но ясноли все сіе доказываетъ, что древніе Руссы иначе жили въ городахъ своихъ, нежели дикари въ лѣсахъ, о благоустройствѣ общежитія своего согласно пеклися, руководствуемы будучи здравымъ смысломъ и разсужденіемъ, на опытахъ основаннымъ; имѣли благонамѣренные виды, осторожность въ поступкахъ, мудрое предусмотрѣніе, искусство въ исполненіи своихъ намѣреній, и проч. (1).» Болтинъ заступается за Русскія лѣтописи, которыя Леклеркъ обвиняетъ въ сухости, недостаткѣ занимательныхъ извѣстій (2): «Еслибы г. Леклеркъ могъ читать Русскія лѣтописи, нашелъ бы онъ многое, чѣмъ пустоту временъ и недостатокъ любопытныхъ дѣяній, на которой онъ столь часто жалуется, дополнить: описанія характеровъ Государей, безсмертія достойныхъ, ихъ мудрыя разсужденія, благонамѣренные виды и попеченія, достойны суть преданія въ незабвенную память.» Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ (3): «Какое государство можетъ похвалиться, чтобъ въ толь короткое время имѣло у себя столько мудрыхъ, благоразумныхъ, мужественныхъ, храбрыхъ, добродѣтельныхъ, благосердыхъ, великодушныхъ и благотворительныхъ государей, каковы всѣ сказанные были, и коихъ Россія меньше нежели въ два вѣка видѣла надъ собою царствовавшихъ.» Въ исторіи смутнаго времени Болтинъ рѣзко выставляетъ противоположность поведенія Русскихъ и Поляковъ (4): «Г. Леклеркъ описываетъ ихъ (Поляковъ) побѣды, говоритъ онъ, но молчитъ о средствахъ, коими они тѣ одержали, и о дѣйствіяхъ, сопровождавшихъ оныя.» Болтинъ вооружается на Леклерка за то, что тотъ говоритъ, будто Уложеніе даетъ тиранскую власть мужу надъ женою (5); по этому поводу Болтинъ представляетъ картину семейнаго быта въ Россіи въ его время и доказываетъ, что, благодаря заграничнымъ людямъ, мужъ сталъ рабомъ жены: ясно замѣтно, что похвала старинѣ происходитъ въ авторѣ отъ недовольства новымъ. — Защитивъ нашихъ древнихъ Князей и показавъ, что древніе Короли Французскіе были гораздо хуже, Болтинъ доказываетъ, что Россіи не нужно принимать завоевательнаго характера, ибо природа такъ ее облагодѣтельствовала, что жителямъ

---

(1) Замѣч. на Леклерка I, стр. 75. — (2) I, стр. 270. — (3) I, стр. 275. — (4) I, стр. 416. — (5) I, стр. 469.

ея не нужно искать другихъ странъ и отнимать богатства у чужихъ народовъ. Потомъ Болтинъ заступается за Русскій языкъ (1); Леклеркъ говоритъ: «Почти для всего, что не имѣетъ тѣла и образа, для выраженія вещей, не подпадающихъ чувствамъ, недостаетъ въ Русскомъ языкѣ реченій.» Болтинъ возражаетъ: «Еслибы сіе было правда, то бы не могли быть переведены съ Греческаго языка на Славянскій столько твореній знаменитѣйшихъ Отцовъ Восточныя Церкви, изъ коихъ вся красота, пышность, чистота и великолѣпіе Еллинскаго витійства, и безъ заимства словъ чуждыхъ, пренесены въ языкъ Славянскій, и на ономъ поднесь чтутся не съ меншею ясностію, услажденіемъ и удивленіемъ, яко и на Греческомъ. Руской языкъ не столь богатъ какъ Славянскій, однакожъ и на него многія книги, важныхъ и глубокомысленныхъ творцовъ, переведены безъ потери ясности и красоты. Я не скажу того, чтобы всѣхъ языковъ слова въ Рускомъ языкѣ тождезначущія и равносильныя обрѣталися. Всякой языкъ имѣетъ нѣчто особенное и единому ему свойственное, и въ семъ разумѣ можно сказать, что и въ самомъ недостаточномъ найдутся такія слова, кои на самые изобильнѣйшіе однимъ словомъ не могутъ быть переведены. Правда и то, что въ Рускомъ языкѣ недостаетъ многихъ словъ относительныхъ до наукъ и художествъ, коихъ въ Россіи не было прежде. Но какой же языкъ можетъ тѣмъ похвалиться, чтобы вводя новую науку и художество, не заимствовалъ или не вводилъ и новыхъ реченій, употребляемыхъ въ той наукѣ или художествѣ? Но сіе есть явная клевета, якобы въ недостаткѣ реченій условныхъ, къ выраженію умоначертаній сложныхъ, принуждены были ввести въ языкъ природный безобразное смѣшеніе языковъ различныхъ. Всѣ знающіе языкъ Руской хорошо, согласятся со мною, что въ реченіяхъ сказанныхъ недостатку мы не имѣемъ, и что страннаго смѣшенія разныхъ нарѣчій въ языкѣ нашемъ никогда не бывало и нѣтъ. Авторъ слыхалъ, будучи въ Россіи, отъ Рускихъ жалобу, что въ разговорахъ употребляютъ много словъ иностранныхъ безъ нужды, и, не понявъ того, отнесъ оную къ недостатку языка. Жалоба ихъ вотъ въ чемъ состояла: въ царствованіе Императрицы Елисаветы введено было въ языкъ Руской множество словъ Французскихъ, не по нуждѣ, а по буйственному пристрастію ко всему, что называется Французскимъ; но лѣтъ съ двадцать странной сей вкусъ началъ выходить изъ употребленія, тѣмъ съ большею удобностію, что чуж-

---

(1) II, стр. 29.

дыя тѣ слова въ писаніе не были введены, понеже употребляли ихъ по большей части люди безграмотные. Не взирая однакожъ на всеобщее осмѣяніе и укоризну, довольно еще осталося такихъ, кои будучи воспитаны въ рукахъ Французскихъ, и научась отъ нихъ отъ юности все Руское презирать, не стараются или не хотятъ узнать природнаго своего языка, и по необходимости, не умѣя на немъ объясниться, мѣшаютъ въ разговорѣ своемъ половину словъ Французскихъ. Знающіежъ природный свой языкъ, кромѣ необходимости, иностранныхъ словъ въ разговорахъ не употребляютъ, а на письмѣ и того меньше. Можетъ быть г. Леклерку случилось таковыхъ Французо-рускихъ петиметровъ слышать разговаривающихъ между собою, а по ихъ разговорамъ заключилъ, что и всѣ такимъ же страннымъ языкомъ говорятъ какъ они.»—Леклеркъ утверждалъ, что въ старину «всякое сообщеніе съ чужестранными Рускимъ было запрещено, и считали за смертный грѣхъ разговаривать съ ними.» Болтинъ, возражая, приводитъ всегдашнюю необыкновенную терпимость Русскаго народа и правительства, и отвѣтъ послѣдняго Поссевину, требовавшему изгнанія Лютеранскихъ пасторовъ, «что въ Россійскомъ царствѣ всякихъ вѣръ люди живутъ по своимъ обычаямъ (1).» Удивляясь ошибкамъ Годара и Леклерка, Болтинъ между прочимъ замѣчаетъ (2): «О Россіи судить примѣняяся къ другимъ государствамъ Европейскимъ, есть тожъ, что шить на рослаго человѣка платье, по мѣркѣ, снятой съ карлы. Государства Европейскія, во многихъ чертахъ, довольно сходны между собою; знавши о половинѣ Европы, можно судить о другой, примѣняяся къ первой, и ошибки во всеобщихъ чертахъ будетъ немного; но о Россіи судить такимъ образомъ не можно, понеже она ни въ чемъ на нихъ не похожа, а особливо въ разсужденіи физическихъ мѣстоположеній ея предѣловъ.»—Наконецъ, возставая противъ утвержденія Леклерка, что въ старину запрещенъ былъ иностраннымъ ученымъ въѣздъ въ Россію, а Русскимъ выѣздъ за границу для науки, Болтинъ рѣзко выражаетъ мысль своего времени о необходимости нравственнаго, просвѣщеннаго, народнаго воспитанія, и о недостаточности средствъ предшествовавшей эпохи; образованность людей этой эпохи онъ прямо называетъ мнимымъ просвѣщеніемъ, говоритъ о нихъ, что они старое позабыли, а новаго не переняли, потому что слишкомъ спѣшили, строили зданіе безъ основанія; какое же основаніе предполагалъ Болтинъ, это видно изъ слѣдующихъ словъ его: «Позналъ

(1) т. II, стр. 115. — (2) II, стр. 152. —

Петръ Великій, что надобно начать хорошимъ воспитаніемъ, а кончить путешествіемъ, чтобъ видѣть желаемый плодъ. Нынѣ предпріемлются ко исправленію поврежденнаго благонадежнѣйшія средства, коихъ мудрое предрасположеніе подаетъ великую въ успѣхѣ надежду (1).»

Таково направленіе Болтина. Изъ собственно ученыхъ его замѣчаній приведемъ слѣдующія. Болтинъ отстаиваетъ родство Руссовъ съ Готѳами и опровергаетъ родство ихъ съ Гуннами; съ язвительною насмѣшкою вооружается противъ странныхъ словопроизводствъ, которыми отличалось и сочиненіе Леклерка: Болтинъ производитъ имя Славянскаго божества Лель отъ Арабскаго *леиль*—ночь, потому что утѣхи, которыхъ Лель былъ божествомъ, совершались подъ покровомъ ночи: «Почему мнѣ не выдумать такого производства, говоритъ онъ, если Леклеркъ произвелъ Гуронскаго божка Арескои отъ Русскаго слова — *орѣшки*» (2)? Происхожденіе козаковъ Болтинъ объясняетъ такъ (3): «Въ самую отдаленную древность, въ югѣ Россіи жили многія племена Татарскія, Сарматскія и Славянскія подъ разными именами, но жили городами, селеніями, имѣли правленіе, начальство. Изъ сихъ племенъ нѣкоторые, отдаляся отъ жилищъ въ степи, составили особенную шайку, питаяся звѣроловствомъ и разбоемъ. Сихъ бродягъ назвали Татара, по свойству ихъ состоянія и образа жизни, *козаками,* т. е. *бездомовными, бродягами*. Своевольная жизнь и привольныя мѣста были привадою всѣмъ распустнаго житья удальцамъ умножать ихъ общества.» Болтинъ почитаетъ и Половцевъ козаками, и имя ихъ производитъ отъ *поле* или *полонъ*. О Варягахъ утверждаетъ противъ Леклерка, что они не были просвѣщеннѣе призвавшихъ ихъ племенъ, но «живучи въ сосѣдствѣ, общія и одинакія имѣли съ ними познанія.» Утверждаетъ (4), что Россіи не слѣдуетъ страшиться участи древнихъ огромныхъ государствъ, которыя распались въ слѣдствіе своей громадности, доказываетъ, что составленіе частей Русскаго государства происходило особымъ образомъ. Необходимость возражать противнику, сравнивать безпрестанно состояніе другихъ Европейскихъ государствъ съ состояніемъ Россіи въ разныя времена для показанія, что тамъ было не лучше, если не хуже, чѣмъ у насъ, все это заставляло Болтина вникать глубже въ явленія Русской исторіи; такъ онъ говоритъ о значеніи Татаръ (5): «Въ Россійскомъ народѣ такихъ чувствительныхъ и

(1) II, стр. 253. — (2) I, стр. 111. — (3) I, стр. 339. — (4) II, стр. 143. — (5) II, стр. 295.

скорыхъ перемѣнъ, какъ сказано было о Европейскихъ государствахъ, исторія не представляетъ, понеже оный будучи тѣснимъ, разоряемъ и порабощаемъ, никогда отъ побѣдителей своихъ истребляемъ не былъ. Число его всегда оставалось превосходнѣйшимъ его побѣдителей, коихъ побѣдамъ и завоеваніямъ болѣе способствовало раздѣленіе и междоусобія Россіянъ, нежели слабость ихъ и безсиліе. Татары, завоевавъ удѣльныя княжества одно по одномъ, наложили на порабощенныхъ дани, оставили для взысканія сея своихъ баскаковъ и по городамъ войска, сами возвратилися во свояси. При владычествѣ ихъ управляемы были Руские тѣмижъ законами, кои до впаденія ихъ имѣли, и тѣжъ самые и по низверженіи ига ихъ непремѣнными при нихъ осталися. Нравы, платье, языкъ, названія людей и странъ осталися тѣжъ, какія были прежде, исключая малыя нѣкоторыя перемѣны въ общежительныхъ обрядахъ, повѣрьяхъ и въ нѣсколькихъ словахъ языка, кои мы заимствовали отъ Татаръ. Все сіе доказываетъ, что раззореніе и опустошеніе Россіи не столь было великое и повсемѣственное, какъ государствъ Европейскихъ.» — Среди болѣе или менѣе правильныхъ мнѣній, встрѣчаются иногда у Болтина и странности: подчиняясь понятіямъ своего времени, онъ иногда обвиняетъ Леклерка въ томъ, за что долженъ былъ бы благодарить, уже для того только, чтобъ быть послѣдовательнымъ въ своей главной мысли; такъ напр. на 60 страницѣ втораго тома встрѣчаемъ слѣдующее мнѣніе о народныхъ пѣсняхъ: «Въ старинныхъ пѣсняхъ, обносящихся между черни, каковы суть о Ильи Муромцѣ, о пирахъ Князя Володиміра и проч., въ пѣсняхъ подлыхъ безъ всякаго складу и ладу, находитъ авторъ (Леклеркъ) искры піитическаго духа, краткость мыслей и силу выраженій, и признаетъ ихъ за вѣрное изображеніе тогдашняго вкуса и нравовъ народа. Подлинно таковыя пѣсни изображаютъ вкусъ тогдашняго вѣка, но не народа, а черни, людей безграмотныхъ и, можетъ быть, бродягъ, кои ремесломъ симъ кормилися, что слагая таковыя пѣсни, пѣли ихъ для испрошенія милостыни. Сказанныя пѣсни такогожъ точно рода, какъ сіи нищенскія, называемыя стихами, и сочинены подобными авторами, слѣд. вкуса и нравовъ народа изображать не могутъ. Изображаютъ вкусъ и нравы народа тогдашняго вѣка лѣтописи Несторова, Іоакимова, законы Ярославовы и Изяславовы, договоры мирные, грамоты, изложенія духовныя и политическія, и подобныя симъ.»

Болтинъ, который, опровергая Леклерка, всецѣло подумалъ надъ Русскою Исторіею, Болтинъ не могъ съ одобреніемъ встрѣтить Исторіи Щербатова, въ которой именно недоставало этого всецѣлаго обдуманія, живой, связующей мысли и надлежащаго ученаго при-

готовленія; прибавимъ, что Болтинъ и талантомъ стоялъ гораздо выше Щербатова, обладая свѣтлымъ взглядомъ и особенною живостію ума, которая отразилась и въ слогѣ живомъ, стремительномъ. Болтинъ превосходилъ Щербатова и обширною начитанностію, знаніемъ языковъ древнихъ и новыхъ. Въ примѣчаніяхъ на Леклерка Болтинъ не разъ коснулся съ невыгодной стороны исторіи Щербатова; напр. въ одномъ мѣстѣ читаемъ (1): «Весьма тѣ ошибаются, кои думаютъ, что всякой тотъ кто, по случаю, могъ достать нѣсколько древнихъ лѣтописей и собрать довольное количество историческихъ припасовъ, можетъ здѣлаться историкомъ; многаго еще ему недостанетъ, если кромѣ сихъ ничего больше не имѣетъ. Припасы необходимы; но необходимо также и умѣнье располагать оными, которое вкупѣ съ ними не пріобрѣтается.» Подобные намеки и нападки на нѣкоторыя мнѣнія Леклерка, сходныя и съ мнѣніями Щербатова, заставили послѣдняго отвѣчать Болтину; этотъ отвѣтъ носилъ названіе: «Письмо князя Щербатова, сочинителя Россійской Исторіи, къ одному его пріятелю, въ оправданіе на нѣкоторыя сокрытыя и явныя охуленія, учиненныя его исторіи отъ Господина Генералъ-Майора Болтина.» Эта книжка замѣчательна тѣмъ, что въ ней предложены возраженія противъ подлинности Іоакимовой лѣтописи: Щербатову нужно было оправдаться въ томъ, что онъ умолчалъ объ ней. Болтинъ не замедлилъ написать отвѣтъ, который начинается стремительнымъ, немилосердымъ нападеніемъ: «Сочинитель письма извиняется предъ своимъ пріятелемъ въ темномъ и необстоятельномъ написаніи о произхожденіи Русскаго народа, незнаніемъ ученыхъ языковъ, несвѣдѣніемъ словъ разныхъ населяющихъ Россію народовъ и другихъ, и неимѣніемъ тогда довольной помощи... Положимъ, что пріятель его сочтетъ такое извиненіе достаточнымъ, относительно къ разысканію о произхожденіи Русскаго народа, однакожъ и при семъ случаѣ, по долгу дружества, долженъ будетъ ему сказать: «Но ктожъ принуждалъ васъ браться за дѣло выше своихъ силъ и возможности? Не лучшелибы, по неимѣнію сказанныхъ помощей, оставить вещи такъ, какъ онѣ были, нежели, писавъ изъ головы и безъ всякаго основанія, въ вящшую приводить ихъ темноту, запутанность и безобразіе....» Какоежъ можетъ сочинитель письма дать пріятелю своему объясненіе, ежели ему вздумается его вопросить: «На чемъ основываяся написали вы, что Сарматы, Гунны и Скиѳы суть соплеменны? Гдѣ написано, что на-

(1) I, стр. 268.

родъ Русской до крещенія былъ кочевной? Какое есть на то доказательство, что языкъ Славянской сходенъ былъ съ Русскимъ? Какая приличность была вамъ назвать Рурика съ братьями Нѣмцами, а Кія, Щека и Хорива Персіянами? Съ какой стати Гунновъ сдѣлали вы построителями Кіева, и заставили ихъ и Аваровъ говорить языкомъ Татарскимъ? и проч. и проч.» Болтинъ не ограничился здѣсь одними тѣми мѣстами, которыя опровергалъ въ примѣчаніяхъ на Леклерка, но прибавилъ еще и другія изъ исторіи Щербатова. Послѣдній отвѣчалъ на нихъ въ началѣ 10-й книги своего сочиненія, а Болтинъ на это издалъ два тома примѣчаній. Здѣсь важны для насъ слова автора, гдѣ онъ высказываетъ понятія свои объ обязанности историка (1): «Всякую исторію вновь здѣлать, а особливо здѣлать хорошо, очень трудно, и едвали возможно одному человѣку, сколько бы вѣкъ его ни былъ долгъ, достичь до исполненія намѣренія таковаго, при всѣхъ дарованіяхъ и способностяхъ къ тому потребныхъ. Ибо прежде чѣмъ начато будетъ зданіе исторіи, надлежитъ потребныя къ тому припасы пріискать, разобрать, очистить, образовать, а для сего требуется несравненно болѣе трудовъ и времени, нежели на совершеніе цѣлаго зданія.... Сіи самые способы употребляли всѣ историки къ достиженію цѣли своего намѣренія. Достопамятный нашъ Татищевъ тѣмъ же путемъ шествіе свое началъ.... К. Щербатовъ, устранясь сего труднаго пути, избралъ для себя другой несравненно легчайшій, т. е. началъ писать исторію, не заботясь нимало о предварительномъ снабдѣніи себя сказанными способами; разныхъ списковъ лѣтописи между собою не согласилъ, разбора между ними не учинилъ, къ пониманію разума сказуемаго ими себя не пріуготовилъ, а о Географіи ниже малѣйшаго вниманія употребить не хотѣлъ, и тѣмъ самымъ отверзъ свободный входъ въ свою исторію не токмо всѣмъ заблужденіямъ историковъ иностранныхъ и всѣмъ ошибкамъ, вкрадшимся въ наши лѣтописи отъ приписокъ, но и безчисленному множеству новымъ, происшедшимъ отъ собственныхъ недостатковъ и нерадѣнія.»

Болтинъ вооружается на Щербатова за достоинство нашей древней исторической литтературы, выставляетъ на видъ древность Нестора предъ лѣтописцами всѣхъ сосѣднихъ народовъ, вѣрность его сказаній, многочисленность лѣтописцевъ; оправдывая лѣтописцевъ, которыхъ Щербатовъ обвинялъ въ суевѣріи, Болтинъ дѣлаетъ колкое обращеніе къ самому Щербатову: «Едва ли можно изъ со-

---

(1) I, стр. 16.

временныхъ писателей Нестору найти другаго, который бы меньше его сему пороку былъ подверженъ. Чудесами и чрезъестественными явленіями наполнены лѣтописи Никоновская и Новгородская, однакожъ кн. Щербатовъ не оставилъ большой части написанныхъ въ нихъ чудесъ помѣстить въ свою исторію, не повѣря Нестору, что ихъ не бывало, и что прибавлены они отъ суевѣрныхъ невѣжъ сочинителей тѣхъ лѣтописей: таковы суть басни о идолѣ стенящемъ, и проч.»—Болтинъ отвергаетъ ссылки на Библію относительно происхожденія народовъ, потому что въ Библіи сказано только: «И разсѣя ихъ Господь по лицу земли;» слѣд. всѣ генеалогіи народовъ отъ сыновей Ноевыхъ суть позднѣйшія выдумки. О различіи древнихъ народовъ, населявшихъ Россію, выразился положительно (1): «Между Скиѳовъ, Славянъ и Сарматъ не менѣе разности во всемъ, сколько между Галловъ, Римлянъ и Грековъ.» Любопытно мнѣніе Болтина о призваніи Князей: мнѣніе это хотя невѣрно въ основаніи, но важно какъ попытка связать это событіе съ послѣдующими явленіями Новгородской исторіи (2). О платежѣ въ 300 гривенъ, которымъ были обязаны Новгородцы, Болтинъ думаетъ, что онъ назначался для Варяговъ заморскихъ (3). Болтинъ полагаетъ, что причиною скораго принятія христіанства было давнее знакомство съ нимъ въ Кіевѣ; о слѣдствіяхъ принятія христіанства онъ говоритъ (4), что для успѣшнѣйшаго дѣйствія новой религіи на нравы народа «потребно было ученіе, просвѣщеніе, примѣры и попеченія Государя и начальниковъ, многіе труды и немалое время. Вижу я въ послѣдствіи Владиміро попеченіе о томъ, средства надежныя, употребляемыя имъ на сей конецъ, но за неимѣніемъ достаточныхъ орудій, сумнѣваюсь о знатномъ въ намѣреніи его успѣхѣ. Цѣлаго государства перемѣнить нравы, смягчить жестокія сердца варваровъ, дикихъ, каковыми мнитъ быти авторъ (к. Щербатовъ) Руссовъ тогдашняго времени, въ толь короткое время было бы чудо несравненно бо́льшее, нежели стонаніе и рыданіе идола, влекомаго къ потопленію въ Кіевѣ, и другаго такогожъ въ Новгородѣ человѣческимъ гласомъ провѣщаніе.»

---

(1) I, стр. 66. — (2) I, стр. 176. — (3) I, стр. 203. — (4) I, стр. 2[illegible]. —

VII. Ѳ. А. ЭМИНЪ,

Въ то время, какъ Щербатовъ началъ задумываться надъ поразительными явленіями Русской Исторіи; въ то время, какъ онъ оказалъ важную услугу, познакомивъ Русскихъ впервые съ исторіею позднѣйшихъ временъ, начиная съ Іоанна III-го, и приложивъ къ своему сочиненію драгоцѣнные источники, хранившіеся въ архивахъ грамоты, статейные списки, и проч.; въ то время, какъ талантливый Болтинъ указалъ ошибки Щербатова, и такимъ образомъ далъ Русскимъ читателямъ необходимое дополненіе къ книгѣ послѣдняго, — въ это время *риторическое* направленіе продолжалось и достигло самыхъ непріятныхъ крайностей въ сочиненіяхъ Эмина и Елагина. Книга Эмина носитъ заглавіе: «Россійская Исторія — Жизни всѣхъ древнихъ отъ самаго начала Россіи Государей, всѣ великія и вѣчной достойныя памяти Императора Петра Великаго дѣйствія, его наслѣдницъ и наслѣдниковъ ему послѣдованіе и описаніе въ Сѣверѣ златаго вѣка во время царствованія Екатерины Великой въ себѣ заключающая.» Эминъ хвалится въ предисловіи, что оказываетъ услугу, очищая Русскую исторію отъ разныхъ несходныхъ съ правдою повѣствованій и отъ многихъ суевѣрій. Для этой очистки онъ беретъ Богъ знаетъ какіе источники, Богъ знаетъ какіе списки лѣтописей, и начинаетъ витійствовать, сочиняя факты и рѣчи дѣйствующихъ лицъ, не щадя никакихъ средствъ для достиженія своей цѣли, т. е. для украшенія разсказа. «Долженъ я всѣхъ увѣдомить, говоритъ онъ, что многія рѣчи, которыя въ сей исторіи разныя говорятъ лица, выдуманы; напр. рѣчь, которую говоритъ Гостомыслъ къ мятущемуся народу, уговаривая оный, дабы призвать Рюрика на владѣніе, ни въ одномъ нашемъ лѣтописцѣ не обрящется. Но если Гостомыслъ оной не говорилъ, то по малой мѣрѣ долженъ былъ говорить что-нибудь тому подобное, чтобы взволновавшійся гордый и ничего не разсуждающій народъ могъ усмирить, и привести къ здравому разсужденію. Естьлибы онъ такъ, какъ пишутъ наши лѣтописцы (т. е. авторъ Ядра) только сказалъ: мы всѣ потеряли разумъ; единства не знаемъ; должно намъ призвать изъ чужой земли Государя, — то за таковое увѣщаваніе онибъ его въ куски изрубили; но конечно онъ имъ говорилъ рѣчь, наполненную важными причинами и доказательствами, что умѣлъ ихъ склонить къ толь великому и странному предпріятію. Можетъ статься Гостомыслова рѣчь была важнѣе и гораздо трогательнѣе той, которая въ сей книгѣ изображена; но я сообразуясь съ тогдашнимъ временемъ, въ которое краснорѣчія, или лучше

сказать, протяженнаго и пухлаго штиля не знали, старался говорить языкомъ каждаго человѣка состоянію сроднымъ, составляя разныя рѣчи по большей части со всевозможной важности причинъ и обстоятельствъ. Такую вольность проститъ мнѣ каждый, когда я скажу, что всѣ историки думали, что имъ она не только дозволительна, но и необходимо нужна для того, чтобъ можно было исторію различить отъ сказки. Многія сказки имѣютъ въ себѣ много правды, но исторіею ихъ назвать нельзя, которой свойство состоитъ въ томъ, дабы не только человѣческое любопытство увѣдомлять о прошедшихъ дѣлахъ, но и важностію рѣчей и разными полезными разсужденіями научать тѣхъ, кои довольнаго просвѣщенія не имѣютъ. Когдаже бы только просто безо всякихъ поучительныхъ разсужденій историческія дѣйствія были описаны, то многіе, естьлибы имъ въ подобныя обстоятельства впасть случилось, не знали бы, какъ себѣ или другимъ помочь, и отъ оныхъ или свободиться, когда они вредныя, или онымъ слѣдовать, когда полезны.»

Говорить о религіи Славянскихъ племенъ Эминъ не хочетъ по слѣдующимъ причинамъ (1): «разные оные народы разныя имѣли вѣры, которыхъ описаніе былобы напрасно, какъ потому, что историки въ повѣствованіи о томъ весьма несогласны, такъ по той причинѣ, что читателямъ весьма бы противно было читать такія древнія обыкновенія, которыя нынѣ и ушамъ человѣческимъ противны; да и что за польза видѣть на письмѣ мерзость въ невѣжествѣ погруженнаго народа? Правда, что любопытство человѣческое и такія описанія довольствовать могутъ. Но не долженъ ли лѣтописецъ въ описаніи своемъ скромность въ высочайшей наблюдать степени?»— Несогласіе историковъ, удержавшее Эмина отъ миѳологическихъ изслѣдованій, не могло удержать его отъ вопроса о происхожденіи племенъ, и мы обязаны ему мнѣніемъ, что Авары были Славяне (2): «Изъ всѣхъ Славянскаго народа колѣнъ, говоритъ онъ, Обріи были жестокосердѣе и храбростію своею всѣхъ своихъ иноплеменцовъ превосходили.» Говоря о Чудскомъ племени, Эминъ не удержался, чтобъ не сказать о главномъ божествѣ его Юмалѣ; онъ измѣнилъ здѣсь своей привычкѣ не говорить о языческихъ божествахъ, потому что не хотѣлъ скрыть отъ своихъ читателей слѣдующей геніальной догадки (3): «Сей народъ (Чудь) поклонялся идолу Юмаллу. Ливонцы и Финцы тѣмъ именемъ Бога называютъ. Чаятельно, что нѣкоторые Африканцы въ то время въ Чудь по какому нибудь

---

(1) I, стр. 17. — (2) I, стр. 21. — (3) I, стр. 39.

случаю преселились, и отъ нихъ произошли нѣкоторыя знатныя Россійскаго дворянства фамиліи. Ибо между Готами множество Славянъ и Чуди воевало, а тѣ съ оружіемъ своимъ до Африки простирались. Константинъ Порфирогенитъ, Царь Греческой, въ Администраціи своей пишетъ, что Руссы и Чудь издревле даже до Египта ѣзжали моремъ. Почему неудивительно, что между Чюдами Рускими жили многіе Египтяне и Африканцы. Отъ сего произошло, что въ Чюдскомъ языкѣ не мало есть словъ Арабскихъ. *Я Алла* есть слово Африканское, или, лучше сказать, Арабское, которымъ то языкомъ всѣ Африканцы говорятъ. Арабы въ случаяхъ своего несчастія употребляютъ сіе восклицаніе: я Алла! т. е. о Боже! Статься можетъ, что въ Чюди поселившіеся Африканцы, употребляя въ своихъ злоключеніяхъ восклицательнымъ образомъ имя Божіе, были тому причиною, что Чюды, здѣлавъ себѣ идола, дали оному имя вмѣсто я Алла—Ямалла, а потомъ Финцы и прочіе народы тѣмъ именемъ Бога называть начали.»

Мы видѣли, что Эминъ въ предисловіи обѣщалъ заставить Гостомысла говорить рѣчь, сообразную духу того времени; вотъ эта рѣчь (1): «Вижу, что между нами единства нѣтъ. Каждый изъ насъ по своей мысли и прихоти править и судить хочетъ, не зная, что его правленіе немного продолжится, и что отъ частыхъ такихъ перемѣнъ земли наши разорятся. Непріятели къ намъ придутъ, поймутъ нашихъ женъ и будутъ творить съ ними по своей волѣ и похоти. Мы съ дѣтьми нашими будемъ привязаны по хлѣвамъ, и будутъ насъ продавать вмѣсто скота. А кто не имѣетъ воловъ, тотъ на хребтѣ нашемъ все потребное возить будетъ. Дѣвицы наши претерпятъ безчестное насиліе, и мы, зря чады наши стыдомъ и кровію покрыты, будемъ слезами обливаться, не могучи имъ сотворити никакого вспоможенія. Помыслите, друзья, о семъ, и ужаснитесь въ сердцахъ вашихъ,» и проч. Прибытіе Рюрика съ братьями описывается слѣдующимъ образомъ (2): «Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ со многочисленною свитою прибыли къ Славянамъ, которые, вышедъ изъ города нѣсколько верстъ, встрѣчали ихъ съ чрезмѣрною радостію. Гостомыслъ больше всѣхъ былъ радъ прибытію Князей, отъ которыхъ онъ надѣялся отрады и освобожденія [illegible] отъ междоусобія, которымъ оно многократно было угнетаемо. Князья — Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ столько къ народу показали благосклонности, сколько оный имѣлъ радости, увидя сихъ еди-

(1) I, стр. 59. — (2) I, стр. 70.

реннаго вида Князей.» — О бракѣ Игоря съ Ольгою читаемъ (1): «Бракосочетаніе ихъ было торжествовано съ великою радостію народа, и съ приличными такому случаю увеселеніями; ибо въ то время первый изъ Славянскихъ Князей въ Сѣверѣ владѣющихъ былъ Игорь, который торжественно съ Ольгою и при множествѣ народа во храмѣ Перуна вступилъ въ супружество. По той причинѣ радость и удивленіе народа думать можно, что были чрезвычайны.» — Нападеніе воиновъ Ольги на Древлянъ описывается такъ (2): «Яко разъяренные львы, которые долгое время не имѣя пищи, нашедъ какого либо звѣря, въ малыя онаго терзаютъ частицы; такъ Кіевцы долгое время слушая Древлянъ, поносящихъ бывшаго ихъ государя имя, и за то отмстить времени ожидая, съ чрезмѣрною на нихъ бросались яростію, и въ мѣльчайшія мечами своими ихъ разсѣкали частицы. Ольга паки взошедъ на могилу своего супруга, прослезясь, сіи промолвила слова: Пріими, любезный супругъ, сію жертву, и не думай, что она послѣдняя. Сколько силъ моихъ будетъ, стараться не премину о конечномъ убійцевъ твоихъ разореніи.» — Святославъ, на совѣты Ольги принять христіанство, отвѣчаетъ слѣдующею рѣчью (3): «Нелегко и недолговременную перемѣнить привычку; кольми паче трудно законъ истребить изъ памяти, къ коему человѣкъ привыкъ съ младолѣтства, и къ которому при началѣ нашей жизни родителями нашими почтеніе внушено. Я теперь намѣренъ испытать ту подданныхъ моихъ любовь, которой давно великіе вижу опыты. Естьли же теперь предъ моимъ походомъ стану ихъ принуждать, чтобы они отъ своего отступили закона, то любовь ко мнѣ въ сердцахъ ихъ погаснетъ. Положимъ, хотя бы они теперь и крестились; но я сегодня отправляюсь въ походъ; полки мои уже всѣ выступили въ поле. Въ одинъ день, ниже въ недѣлю, естьлибъ я и на столько хотѣлъ отложить свой походъ, христіанскому закону они обучиться не могутъ, а свой потеряютъ; въ такомъ случаѣ будутъ они со мною продолжать путь, не имѣя никакого закона. Чего же можно надѣяться отъ людей, звѣрямъ подобныхъ и никакого закона не знающихъ? и проч.» — Какое Эминъ самъ имѣлъ мнѣніе о своихъ заслугахъ, видно изъ слѣдующихъ словъ его: «Могутъ со временемъ такія сыскаться лѣтописи, которыя исторію мою или поправятъ, либо обогатятъ, и такія перà, которыя будутъ счастливѣе моего; но то сказать смѣю, что большую

---

(1) I, стр. 114. — (2) I, стр. 189. — (3) I, стр. 210.

половину тернистой и густотою суевѣрія, непросвѣщенія и противорѣчій заросшей дороги я имъ очистилъ, а индѣ и совсѣмъ новыя открылъ стези, которыя прежде моего писанія были неизвѣстны.» —

VIII. И. П. ЕЛАГИНЪ.

Риторическая школа еще не достигла своихъ крайностей въ сочиненіи Эмина: она достигла ихъ въ сочиненіи Елагина — *Опытѣ повѣствованія о Россіи*. Елагинъ, подобно Эмину, былъ литтераторъ, славился своимъ краснымъ слогомъ, и вотъ, на старости лѣтъ, счелъ за полезное посвятить этотъ свой красный слогъ отечественной исторіи. Елагинъ самъ объявляетъ на первыхъ строкахъ предувѣдомленія, что онъ принялся за сочиненіе Русской Исторіи такъ, отъ нечего дѣлать: «Не тщеславіе, но непривычка къ праздности и времени избытокъ суть виною сего сочиненія.» Риторическое направленіе Елагина высказалось въ его отзывѣ о предшествовавшихъ ему писателяхъ Русской Исторіи; онъ говоритъ, что «не нашелъ въ нихъ ничего дѣяніямъ достойнаго; нѣтъ въ нихъ ни слога приличнаго, ни описанія важности, ни верви, повѣствованію свойственной, ниже внимательнаго къ разбору дѣлъ и къ услажденію читателя старанія. Слабое въ лѣтописяхъ изображеніе лицъ дѣйствующихъ весьма недостаточно къ возбужденію страстей правилами витійства, отъ писателей требуемаго; и самыя предлагаемыя безъ причинъ и порядка дѣйствія недовольны къ удовлетворенію любопытства.» — «Повѣствователь, по мнѣнію Елагина, занимаетъ краткостію наше соображеніе и остротою разсудокъ. Онъ учитъ насъ любомудрію и политикѣ, но не вводитъ въ скучное училищъ преподаяніе. Се есть существенная его должность!» И вотъ, съ цѣлію научить любомудрію и политикѣ, Елагинъ объявляетъ, что въ Новгородѣ, во времена язычества, былъ Сенатъ, диктатура, Magister equitum, что посадникъ былъ вмѣстѣ и верховнымъ жрецомъ (1); въ Холмоградѣ, недалеко отъ Новгорода, Елагинъ почелъ необходимымъ помѣстить сѣдалище первосвященника, хранилище боговъ и капище идолослуженія (2). О религіи древнихъ Славянъ авторъ говоритъ, что «вѣра нашихъ предковъ ослѣпляла таже самая, какая въ Египтѣ, Греціи и Римѣ была: Сатиры или лѣшіе землю, Нимфы или русалки

---

(1) стр. 103. — (2) стр. 110.

воду, неугасимые по многимъ мѣстамъ огни, огнь и полетъ вѣщающихъ птицъ воздухъ у нихъ представляли (1).» Изъ упомянутаго описанія Новгородскаго устройства уже можно догадаться, на какія ходули будутъ подняты послѣдующія явленія: такъ напр. описывается состояніе Кіева при Олегѣ (2): «По прошествіи Угровъ до 902 лѣта упражнялся Олегъ въ благоустроеніи государства и въ утвержденіи въ подданствѣ народовъ покоренныхъ. Кіевъ подъ державою его вознесъ горделивую главу надъ пространствомъ земель обширныхъ и надъ множествомъ городовъ, ему подверженныхъ. Стеченіемъ отвсюду народа распространился сей престольный градъ, и Греческая въ зданіи домовъ красота являться въ немъ стала. Торговля привлекла Болгаровъ и прочихъ чужеземцевъ, и приносила въ него богатство; а Цареградцы, дѣющіе куплю, благонравіе поселяли.» Битву Кіевскихъ полковъ съ Древлянами, когда ребенокъ Святославъ пустилъ первое копье, упавшее къ ногамъ его лошади, Елагинъ описываетъ такъ (3): «Святославъ, подобно юному льву, первое стадо овецъ гонящему, летаетъ по рядамъ вражіимъ, и лютая смерть предъ пѣнящимся въ ярости конемъ его паритъ. Все падаетъ отъ мышцъ его размаховъ. Кони и всадники супостатъ пораженныхъ бугристый творятъ за нимъ помостъ; а противостоящихъ ему ни броня, ни отважность, ни самый бѣгъ отъ смертоносныхъ его ударовъ не спасаютъ. Ліющаяся струями окрестъ его кровь указуетъ его слѣды вождямъ и ратникамъ, безстрашно ему слѣдующимъ. Непріятель уступаетъ храбрости; облегчается бросаніемъ тяжкаго оружія и совершенному вдается побѣгу. Страхъ и мечь бѣгущихъ ко граду провождаютъ; одни тѣснятся во врата и затворяются въ стѣнахъ; другіе остаются за рвомъ, и въ жертву смерти на бранномъ предаются полѣ; а прочіе всѣ разными путями въ разные града свои удаляются. Тако кончился бой, и побѣда первыми Святослава увѣнчала лаврами. Безъ отдохновенія посылаетъ герой отряды войскъ своихъ на покореніе области и градовъ отдаленныхъ; а самъ облежаніе Искореста предпріемлетъ.»—Елагинъ довершаетъ свой трудъ достойнымъ образомъ, утверждая, что лѣтописное преданіе о присылкѣ къ Владиміру пословъ отъ разновѣрныхъ народовъ съ увѣщаніями было не иное что, какъ театральное представленіе, устроенное Гречанкою, женою В Князя (4).

---

(1) стр. 120. — (2) стр. 194. — (3) стр. 236. — (4) стр. 392.

IX. МИТРОПОЛИТЪ ПЛАТОНЪ.

Надъ сочиніемъ Эмина произнесъ строгой приговоръ Шлецеръ, надъ сочиненіемъ Елагина Митрополитъ Платонъ, котораго трудъ («Краткая церковная Россійская Исторія») съ честію заканчиваетъ въ нашей исторической литтературѣ XVIII-й и начинаетъ XIX-й вѣкъ. Подобно Елагину, и Платонъ занялся своимъ трудомъ въ преклонной старости, 68 лѣтъ, но, въ противоположность автору «Опыта,» запечатлѣлъ свое сочиненіе печатію могучаго, юнаго таланта. Мы приведемъ сперва отзывъ Платона объ Елагинѣ (1): «Не могу оставить при семъ, чтобъ не упомянуть о странномъ повѣствованіи писателя помянутаго Опыта, который, въ противность всѣхъ нашихъ лѣтописцевъ, не пріемлетъ, чтобъ къ Владиміру были посланные отъ разныхъ народовъ, склоняющіе его къ принятію каждый своея вѣры, а утверждаетъ, что сіе все представляла на театрѣ жена Владимірова.... Таковое суетное и изъ неочищеннаго духа произшедшее мечтаніе и опроверженія не требуетъ, яко съ перваго взгляду само собою странное. Какіе при Владимірѣ театры? Какія въ Греческихъ монастыряхъ у монахинь театральныя предславленія?... Мню, что сіе произошло отъ излишняго о себѣ самомъ мечтанія, и чтобъ блеснуть какою-нибудь новизною, можетъ быть увѣряя себя, что и другимъ таковымъ же, каковъ онъ, будетъ служить то къ увеселенію.... Я почитаю сіе плодомъ малопросвѣщеннаго, но высокомѣрнаго о себѣ воображенія; онъ, какъ бы любуясь, самъ себѣ говорилъ: *чего не знаю я?*» — Для образца собственныхъ взглядовъ Платона приведемъ сужденіе его о древней Славянской религіи, которое и теперь поражаетъ насъ своею свѣжестію и вѣрностію: «Примѣчанія достойно, что въ Руси едвали были храмы и жрецы. Лѣтописцы пишутъ, что Перуновъ идолъ стоялъ въ Кіевѣ на холмѣ; тотъ же Перунъ въ Новѣгородѣ, на берегу рѣки Волхова; въ Ростовѣ богъ Велесъ или Волосъ, на полѣ; а нигдѣ въ лѣтописцахъ нашихъ ни о храмахъ, ни о жрецахъ не упоминается. И кажется никакъ бы нельзя оставить, чтобъ гдѣ-нибудь лѣтописцамъ не помянуть, что при введеніи Христіанства храмы ихъ разрушены, или на церкви премѣнены, такъ какъ въ исторіяхъ

(1) I, стр. 27.

другихъ народовъ обыкновенно о семъ упоминается, особливо, когда повѣствуютъ о разрушеніи идоловъ: какъ же миновать, чтобъ о ихъ храмахъ ничего не воспомянуть, ежели они были? Поминается, что при разрушеніи идоловъ истребляемы были и *требища;* но требища не суть храмы, или капища, а жертвенники или особо устроенныя, открытыя мѣста, на коихъ жертвы приносимы были. Да и никакихъ нигдѣ въ Кіевѣ и другихъ мѣстахъ не найдено ни развалинъ, ни слѣдовъ, чтобъ тамъ были когда-либо языческіе прежнихъ Русскихъ храмы, хотя таковыя развалины во многихъ народахъ, гдѣ были храмы, и доселѣ видны. Но и о жрецахъ никакъ бы не могло быть опущено, чтобъ объ нихъ не помянуть гдѣ нибудь: особливо, что ежели кому, то жрецамъ должно было быть весьма прискорбно разрушеніе идолопоклонства и ихъ прежняго служенія и состоянія. И конечнобъ не оставлено было сказать, что они о томъ или негодовали, или противились, или какія представленія дѣлали, или при отправленіи жертвъ дѣйствовали. Но всего того ни въ какой нашей лѣтописи не примѣтно. Требовали, напр., Христіанина на закланіе богамъ: сіе бы весьма могло присвоено быть жрецамъ, по ненависти ихъ и злобѣ къ Христіанству; но сего нѣтъ. А сказано въ Несторѣ, что сего требовали *старцы,* т. е. старѣйшины, и князи, и народъ. Изъ сего можно заключить, что всякъ могъ жертву приносить идоламъ, на открытыхъ мѣстахъ стоящимъ, когдабъ по какимъ либо случаямъ заблагоразсудилъ. А потому едвали были какіе либо уставленные для празднованія дни, или для жертвоприношенія обряды. Всякъ, какъ хотѣлъ, и когда хотѣлъ, жертву приносилъ, и правиломъ служило обыкновеніе. Ежели сіе правда, что въ Руси ни храмовъ, ни жрецовъ не было, какъ то безъ дальняго сумнѣнія утвердить слѣдуетъ: то сіе можетъ почесться весьма примѣтнымъ знакомъ Рускаго народа, отличающимъ его отъ всѣхъ почти другихъ народовъ. Сіе особенное Русскаго народа свойство чему приписать? особенному ль просвѣщенію, что они почли обиднымъ для боговъ, чтобъ ихъ въ храмахъ, яко въ темницѣ заключать, а служить имъ на открытомъ воздухѣ, и всякому почитать себя жрецомъ боговъ, или крайнему невѣжеству и дикости? О семъ предоставляю другимъ разсуждать и заключать».— Знаменитый старецъ отступилъ передъ страшнымъ вопросомъ, о рѣшеніи котораго должны были завести горячій споръ последующія поколѣнія уже относительно всей нашей древней исторіи.

Нельзя также не привести мнѣнія Платона о Самозванцѣ. Уже князь Щербатовъ догадывался, что первый Лжедимитрій былъ орудіемъ для чужихъ замысловъ; Митрополитъ Платонъ также утверждаетъ, что Самозванецъ былъ подставленъ другими; вотъ его

слова: «Утверждая общее со всѣми нашими писателями, что Гришка не былъ царевичь Димитрій, но точный Самозванецъ, отваживаюсь изъявить мое новое мнѣніе, что сей первый самозванецъ не былъ и Гришка Отрепьевъ, дворянина Галицкаго сынъ, но нѣкто подставной, отъ нѣкоторыхъ хитрыхъ злодѣевъ выдуманный и подставленный, чужестранный или Россіянинъ; или, можетъ быть, и самый Гришка Отрепьевъ, Галицкаго мелкаго дворянина сынъ, но давно къ тому отъ злоумышленниковъ приготовленный, расположенный и обработанный; а не тотъ, котораго наши лѣтописцы выдаютъ; или и тотъ, но не такимъ образомъ все сіе дѣло происходило, какъ они описываютъ, утверждая свое описаніе только на однихъ наружныхъ и открывшихся обстоятельствахъ, а не проницая во глубину сего злохитраго и огромнаго замысла... (1). Мнѣніе же сіе утверждаю я нижеслѣдующимъ: совсѣмъ непостижимо, а потому и невозможно, чтобъ мелкаго дворянина сыну, въ дальнемъ и дикомъ Галицкомъ уѣздѣ воспитанному, и въ самой младости, 14 или 15 лѣтъ сущему, могло притти когда на мысль, чтобъ себя почесть и разглашать, что онъ царевичь Димитрій (2), и проч.» Платонъ приписываетъ подстановку Лжедимитрія Іезуитамъ.

Возвышаясь талантомъ, правильностію историческаго взгляда надъ современными историками, Митрополитъ Платонъ отличался отъ Елагина съ товарищи и скромностію, съ какою отзывался о своемъ незабвенномъ трудѣ: «О семъ моемъ сочиненіи я не велемудрствую, и не почитаю оное въ своемъ родѣ совершеннымъ, но еще можетъ быть и недостаточнымъ, а негдѣ, мню, и погрѣшительнымъ. Но по крайней мѣрѣ, по неимѣнію доселѣ никакой церковной Россійской исторіи, послужитъ оно въ духовныхъ училищахъ къ нѣкоторой пользѣ, хотя на время, а тѣмъ, кои просвѣщеннѣе, и съ большимъ въ сію матерію вниманіемъ взойдутъ, подастъ оно случай обстоятельнѣе и исправнѣе издать Россійскую церковную исторію. Почему отъ таковыхъ и ожидаю, что они недостатки мои своимъ благоразуміемъ дополнятъ и погрѣшности исправятъ, и въ большей полнотѣ и точности издадутъ повѣствованіе о дѣяніяхъ Россійской Церкви. А всѣхъ читателей прошу, дабы найдя какіе либо въ семъ изданіи недостатки, извинили меня моею старостію: ибо уже бывъ 68 лѣтъ въ сей трудъ вступилъ я».

С. Соловьевъ.

(1) стр. 168. — (2) стр. 172.

III.

ТОРКИ, БЕРЕНДѢИ И ЧЕРНЫЕ КЛОБУКИ.

На страницахъ нашихъ лѣтописей, съ конца X вѣка до начала XIII постоянно встрѣчаются имена *Торковъ* (Турпѣевъ), позже нѣсколько *Берендѣевъ*, и потомъ *Черныхъ Клобуковъ*. Первые изъ этихъ народцевъ (т. е. Торки) являются сначала, какъ союзники Руси, впослѣдствіи времени, какъ враги, дѣлающіе на нее набѣги и, разбитые Русскими князьями, исчезаютъ на нѣкоторое время; потомъ снова являются, и въ совокупности съ Берендѣями, не предпринимая ничего враждебнаго противъ Руси, служатъ ей своимъ оружіемъ; наконецъ, съ появленіемъ Черныхъ Клобуковъ, всѣ эти три народца постоянно помогаютъ нашимъ князьямъ въ войнахъ противъ Половцевъ, опустошавшихъ тогда южные предѣлы наши, и участвуютъ въ междоусобіяхъ южной Руси, служа князьямъ одной исключительно области Кіевской.

Внимательный наблюдатель, слѣдя постепенно за явленіемъ этихъ новыхъ дѣятелей, невольно спрашиваетъ самого себя, что это были за народцы, откуда и когда пришли, къ какому племени принадлежали, чѣмъ ознаменовали свое бытіе до того времени, въ которое начали принимать участіе въ происшествіяхъ Руси, какое наконецъ значеніе они имѣли въ отношеніи къ ней?

Къ сожалѣнію не такъ легко и даже невозможно отчетливо и ясно отвѣчать на всѣ эти вопросы.

Ни Византійскія, ни отечественныя лѣтописи не сообщаютъ намъ подробныхъ извѣстій о Торкахъ, Берендѣяхъ и Черныхъ Клобукахъ.

Въ Византійскихъ лѣтописяхъ мы не встрѣчаемъ извѣстій объ этихъ народцахъ, вѣроятно потому, что Греки не имѣли съ ними никакого соприкосновенія.

Въ нашихъ лѣтописяхъ мы находимъ скудныя извѣстія о Торкахъ, Берендѣяхъ и Черныхъ Клобукахъ, хотя въ періодъ удѣльный они являются безпрестанно на сценѣ дѣйствія. Не смотря на ихъ близкое сосѣдство и постоянное вмѣшательство въ дѣла южной Руси, лѣтописцы наши не сообщаютъ положительныхъ свѣдѣній ни о внутреннемъ бытѣ, ни о внѣшнемъ значеніи этихъ народовъ. Тѣмъ не менѣе относящіяся сюда извѣстія лѣтописей для насъ драгоцѣнны, какъ единственный источникъ: изъ нихъ только однихъ мы можемъ извлечь, хотя въ немногихъ чертахъ, сущность дѣла.

Желая по возможности дать себѣ нѣкоторое понятіе объ исчисленныхъ народцахъ, мы должны разсмотрѣть слѣдующіе пункты:

I. Были ли Торки, Берендѣи и Черные Клобуки различные народцы, или всѣ они составляли одинъ и тотъ же народъ, получившій различныя названія въ разныя времена и по различнымъ причинамъ?

II. Къ какому племени принадлежали эти народцы, откуда и когда пришли, гдѣ поселились?

III. Какое значеніе они имѣли въ отношеніи къ Руси?

IV. Какими особенностями отличался ихъ внутренній бытъ?

I.

Были ли Торки, Берендѣи и Черные Клобуки различные народцы, или всѣ они составляли одинъ и тотъ же народъ, получившій различныя названія въ разныя времена и по различнымъ причинамъ?

Слѣдя за постепеннымъ появленіемъ этихъ народцевъ въ нашей исторіи, мы сначала встрѣчаемъ Торковъ (1).

Въ первый разъ о нихъ упоминается подъ 985 годомъ. Владиміръ Святой идетъ на Болгаръ въ лодьяхъ, «*а Торъки* берегомъ приведе на конихъ и побѣди Болгары (2)».

Имя Берендѣевъ встрѣчается нѣсколько позже, подъ 1097 годомъ. Василько, открывая свои намѣренія иноку Василію, пришедшему отъ Давида, говоритъ... «яко приде ми вѣсть, яко идуть ко мнѣ *Берендичи* и Печенѣзи и Торци», и т. д. (3).

Далѣе Торки являются неразлучно съ Берендѣями и Черными Клобуками.

О Черныхъ Клобукахъ говорится въ первый разъ въ XII вѣкѣ, подъ 1146-мъ годомъ. По смерти Всеволода Ольговича Кіевляне, недовольные братомъ его Игоремъ, зовутъ Изяслава Мстиславича.... «и перейде Днѣпръ у Заруба; и ту прислашася къ нему *Черніи Клобуци* и все Поросье, и рекоша ему: ты нашъ Князь, а Олговичь не хочемъ; а поѣди вборзѣ, а мы съ тобою» (4).

(1) Иногда Торки наз. Турпѣями, такъ напр. въ Ипат. лѣт., 1150 г., стр. 50.
(2) Лавр. лѣт. стр. 36. — (3) Тамъ же, стр. 113. — (4) Ипат. лѣт., стр. 23.

Сличая различныя мѣста лѣтописей, въ которыхъ являются эти народцы, то вмѣстѣ, то по одиначкѣ, мы приходимъ къ слѣдующему заключенію: подъ именемъ Черныхъ Клобуковъ разумѣются то одни Берендѣи, то Торки, то Берендѣи и Торки вмѣстѣ, то Торки, Берендѣи и еще Печенѣги, то Торки, Берендѣи, также Ковуи и Печенѣги, и именно: сравнивая мѣста, гдѣ говорится объ однихъ и тѣхъ же фактахъ въ двухъ лѣтописяхъ, Лаврентьевской и Ипатьевской, мы видимъ: а) что̀ въ Лаврентьевской лѣтоп. говорится о *Берендѣяхъ*, то въ Ипатьевской разумѣется о *Черныхъ Клобукахъ*.

1. Лавр. лѣт. 1146 г.... «и перешедъ Днѣпръ пойде (Изяславъ Мстиславичъ), и приде къ нему Берендѣевъ нѣколико, и пришедъ ста на Желяни» (5).

Ипат. лѣт. 1146 г. ... «и перейде Днѣпръ у Заруба, и ту прислашася къ нему Черніи Клобуци и все Поросье... И пойде Изяславъ къ Дерновому, и совокупишася вси Клобуци и Поршане» (6).

2. Лавр. лѣт. 1152 г. Въ описаніи похода противъ Владимірка Галицкаго говорится: «приспѣвшю же Изяславу вборзѣ къ королеви съ Берендичи, а полкы свои остави назади съ братомъ своимъ Святополкомъ» (7).

Ипат. лѣт., подъ тѣмъ же годомъ: «Изяславъ (услышавъ о помощи короля Венгерскаго) съкупя всю свою дружину и пойде, поима съ собою Вячьславль полкъ весь, и вси Черніи Клобукы, и Кіяны лутшіи, и всю Рускую дружину» (8).

б) Что̀ въ Ипатьевской лѣт. говорится о *Черныхъ Клобукахъ*, то въ Лаврентьевской о *Торкахъ, Печенѣгахъ и Берендѣяхъ*.

Ипат. лѣт. 1152. «и ставше у Всеволожа, и ту отряди Изяславъ сына своего Мьстислава на Половци, съ полкы своими и съ всими *Черными Клобукы*» (9).

Лавр. лѣт. 1152.... «ставъ же у Всеволожа отряди сына своего Мстислава на Половци, *съ Берендѣи, и съ Торкы и съ Печенѣгы*, и съ нѣколикомъ дружины своея» (10).

Заключеніе наше подтверждается и тѣмъ, что въ *харатейныхъ* спискахъ сказано, что Мстиславъ ходилъ въ землю Половецкую съ *Торками, Берендѣями и Печенѣгами*, а въ *Ростовск.*, *Воскресенск.* и др. именованы только *Черные Клобуки* (11).

---

(5) Лавр. лѣт., стр. 136.—(6) Ипат. лѣт., стр. 23,—(7) Лавр. лѣт., стр. 143.
(8) Тамъ же, стр. 66. — (9) Ипат. лѣт., стр. 71. — (10) Лавр. лѣт., стр. 146.
(11) Истор. Гос. Рос. Карамзина, къ 2-му т. прим. 352. Изд. Эйнерл.

Соображая подобнаго рода мѣста въ каждой изъ этихъ двухъ лѣтописей (Лавр. и Ипат.), мы находимъ, что Черными Клобуками назывались

а) Торки.

1. Ипат. лѣт. 1190 г. «Святославъ я Кондувдыя *Торцького князя,* по обадѣ, и присла къ нему Рюрикъ сватъ жалуя про нь, зане бѣ мужь дерзъ и надобенъ въ Руси, и т. д.» Контувдѣй убѣжалъ къ Половцамъ и съ ними началъ дѣлать набѣги на Русь. «Тое же зимы сдумаша *лѣпшіи мужи въ Черныхъ Клобуцѣхъ,* и пріѣхаша въ Торцькый къ Ростиславу Рюриковичю, и рекоша ему: «се Половцы сеѣ зимы воюють ны часто, а не вѣдаемъ, Подунайци ли есмъ что ли, а отецъ твой далече есть; та ко Святославу безъ лѣпа не слемъ, нынѣ до насъ не добръ про Кунтувдѣя» (12). Если бы Черные Клобуки значили не одно и тоже, что и Торки, они не опасались бы гнѣва Святослава за Контувдѣя, князя Торческаго.

б) Берендѣи.

1. Ипат. лѣт. 1146. При Лерновѣ Изяславъ Мстиславичъ соединился съ Черными Клобуками и пошелъ къ Кіеву, но въ томъ же самомъ году, при осадѣ Кіева, въ войскѣ Изяслава Мстиславича встрѣчаются уже Берендѣи, между тѣмъ какъ о Черныхъ Клобукахъ не упоминается... «переѣхавше Берендичи черезъ Лыбедь и взяша Игоревы товары, передъ Золотыми вороты и подъ огороды» (13).

2. Ипат. лѣт. 1149. По пріѣздѣ Изяслава изъ Новгорода начали клеветать на Ростислава Юрьевича.... «много зла бяше замыслилъ, полъмолвилъ на тя люди, Берендичѣ и Кіаны...» Прогнанный въ слѣдствіе этого, Ростиславъ говоритъ отцу своему: «слышалъ есмь, оже хощеть тебе вся Руская земля и Черныи Клобукы, и тако молвять: и насъ есть обезчествовалъ» (14). Чѣмъ, спрашивается? Здѣсь, вѣроятно, говорится о томъ, что Изяславъ, повѣривъ клеветѣ, считалъ ихъ измѣнниками. Но въ первомъ случаѣ говорится о Берендѣяхъ, а во второмъ о Черныхъ Клобукахъ.

3. Ипат. лѣт. 1174. «Святославъ (Ольговичъ) съ братьею, и Михалко съ братомъ со Всеволодомъ и со сыновци, и Кыяны совокупивше, и Берендѣичѣ и Поросье и всю Рускую землю...» Это говорится о томъ ополченіи, которое собралъ Андрей Боголюбскій противъ Кіева для наказанія Ростиславичей. Мстиславъ Храбрый затворился въ Вышгородѣ, куда двинулись войска союзниковъ. 8 недѣль продолжалась осада. Прибытіе Ярослава Луцкаго окончило ее; сей послѣдній присталъ къ сторонѣ Мстислава Храбраго и пошелъ къ

(12) Ипат. лѣт., стр. 139 — 140. — (13) Тамъ же, стр. 24. — (14) Тамъ же, стр. 41.

Бѣлгороду, гдѣ соединились съ Рюрикомъ Ростиславичемъ. Союзники, опасаясь прихода Галичанъ и измѣны Берендѣевъ... «уже ся имъ всяко совокупити на ны съ Галичаны и съ Черными Клобукы», разбѣжались (15). Изъ этого видно, что Берендѣи назывались Черными Клобуками, ибо сначала сказано Берендичи и Поросье, а потомъ вмѣсто этихъ двухъ словъ — Черные Клобуки.

в) Черными Клобуками назывались Торки и Берендѣи вмѣстѣ:

Ипат. лѣт. 1172 г. «Пойде Мьстиславъ съ силою многою *къ Берендичемъ и ко Торкомъ* и съвъкупився пойде къ Трепелю и оттуда пойде Кіеву; и вшедъ въ Кіевъ веземъ ряды съ братьею... и съ Кіаны; *Торци же и Берендичи льстяху имъ*»; но когда увидалъ, что неудачи со всѣхъ сторонъ окружаютъ, Мстиславъ говоритъ: «се вои отъ насъ росшлися, а симъ помочи большіѣ приходять, а *Черный Клобукъ нами леститъ* (16)».

г) Подъ именемъ Черныхъ Клобуковъ разумѣются вмѣстѣ Торки, Ковуи, Берендѣи и Печенѣги.

Ипат. лѣт. 1151 г. Георгій перешелъ у Заруба, Князья Ростиславъ и Изяславъ хотятъ сразиться, «дружина же Вячеславля и Изяславля, и Ростиславля, и всихъ князій, утягывахуть отъ того, и Кіяне, наипаче же *Черніи Клобуци* отъ того утягоша, рекуче: «Княже, не мочно ти поѣхати къ нимъ, зане ратніи наши вси на конѣхъ суть, а ты къ нимъ поѣдеши, а онъ пойдеть передъ тобою ко Реи», и т. д... Вячеславъ, Изяславъ и Ростиславъ «послушавше дружины своея и Кіянъ и *Черныхъ Клобуковъ*, и тако отрядиша Володимера брата своего по вѣжѣ съ *Торкы*, *и съ Коуи и съ Берендѣи, и съ Печенѣгы...*» Просились Черные Клобуки, а онъ отпустилъ Торковъ, Коуевъ, и т. д. (17). И далѣе, когда Изяславъ отступилъ къ Кіеву вмѣстѣ съ Ростиславомъ, Вячеславомъ и Изяславомъ Давидовичемъ... «отъ Торчина... и Володимеръ приде съ всими Черными Клобукы, и съ вѣжами и съ стады и скоты ихъ, и многое множество, и велику пакость створиша, оно ратніи, а оно своѣ, и манастыри оторгоша, и села пожгоша, и огороды вси посѣкоша, Вячьславъ же, Изяславъ и Ростиславъ повелѣша Володимиру пойти съ Берендѣи, и съ вѣжами и съ стады ихъ пойти ко Олговѣ, и сташа мьжи дьбрьми отъ Олговы оли и въ огородъ святаго Іоана, а сѣмо оли до Щковицѣ, а Коуеве и Торчи и Печенѣзи туда сташа отъ Золотыхъ воротъ по тѣмъ огородомъ до Лядьскихъ воротъ, а оттолѣ оли и до Клова и до Берестоваго и до Угорьскихъ воротъ и до Днѣпра» (18). Черные Клобуки грабили, а между тѣмъ поставлены были у Олеговой могилы Берендѣи, и т. д.

Подъ тѣмъ же самымъ годомъ въ Лавр. лѣт. описано тоже самое происшествіе... «бѣша бо въ то время прибѣгли Берендичи и съ вежами, и Торци,

(15) Ипат. лѣт., 109 — 110. — (16) Тамъ же, стр. 101. — (17) Тамъ же, стр. 59—60. — (18) Тамъ же, стр. 60.

вси Чернія Клобуци ». Что здѣсь хотѣлъ выразить лѣтописецъ словомъ « вси Чернія Клобуци?» не толи, что здѣсь были Торки и Берендѣи, и проч., а можетъ быть, Ковуи и Печенѣги? »

Ипат. лѣт. 1162. Изяславъ овладѣлъ Кіевомъ, между тѣмъ « поиде Мьстиславъ изъ Володимиря полкомъ своимъ, съ Галичьскою помочью, а Рюрикъ поиде изъ Торцьского съ Володимеромъ съ Андреевичемъ, и съ Василкомъ съ Гюргевичемъ, и съ Берендѣи, и съ Куи, и съ Торкы, и съ Печенѣгы, и спяшася у Котелничи со Мьстиславомъ; и оттудѣ поидоша къ Бѣлугороду на Мутижиръ, и быша на Кучари. И начашася просити Чернія Клобуци у Мьстислава напередъ » (19). Пошли съ Куи и съ Торкы и съ Печенѣги, а просились итти напередъ Черные Клобуки, о которыхъ прежде не было упомянуто.

Изъ всего сказаннаго должно заключить, что Черные Клобуки не были особенный какой нибудь народъ, отличный отъ Торковъ и Берендѣевъ; что это названіе, равно какъ и названіе Черкасовъ (20) было общимъ названіемъ и для Торковъ и для Берендѣевъ и кромѣ того еще и для Ковуевъ и Печенѣговъ. Названіе Черные Клобуки было родовое по отношенію къ Торкамъ и Берендѣямъ (21).

Сдѣланный выводъ, подтверждается еще тѣмъ, что лѣтописецъ, если бы означенные народы были различны, въ первый разъ упоминая о каждомъ изъ нихъ, непремѣнно сказалъ бы откуда этотъ народъ пришелъ и когда, или къ какому племени принадлежалъ. Но мы видимъ, что онъ, въ первый разъ говоря о Берендѣяхъ и Черныхъ Клобукахъ, ни слова не сказалъ о томъ, упоминая о нихъ, какъ будто о народѣ уже извѣстномъ. Но съ другой стороны, употребляя названіе Черныхъ Клобуковъ, какъ имя народное, подъ которымъ разумѣются Торки и Берендѣи, лѣтописецъ нигдѣ не называетъ Торковъ — Берендѣями, а Берендѣевъ — Торками. Постоянное появленіе ихъ вмѣстѣ и совокупныя жилища заставляютъ насъ предполагать, что Берендѣи и Торки были одноплеменными народцами или же племенами одного и того же народа (22). Берендѣи могли быть тѣже самые Торки, получившіе это названіе или отъ

---

(19) Ипат. лѣт., стр. 90.

(20) И. Г. Р. Карамз. Къ 2 тому, прим. 218. «Сихъ же Черныхъ Клобуковъ называли Черкасами (см. Воскресен. лѣт. II, 21)».

(21) Тамъ же « Сіе имя было для нихъ общимъ и дано имъ, безъ сомнѣнія, отъ черныхъ шапокъ. Тоже значитъ имя нынѣшнихъ Каракалпаковъ, нѣкогда обитавшихъ, по собственному ихъ преданію, въ Россіи восточной».

(22) Вспомнимъ, что овчаръ Святополка, ослѣпившій Василька былъ « Торчинъ именемъ Беренди ». Лавр. лѣт. стр. 111, 1096 г.

имени начальника своего, или же по другой какой нибудь причинѣ, подобно тому, какъ принадлежавшіе къ Берендѣямъ Ковуи и Бастіи получили это названіе отъ своихъ начальниковъ (23).

То обстоятельство, что Черными Клобуками, кромѣ Торковъ и Берендѣевъ назывались также и Печенѣги (утратившіе въ половинѣ XII вѣка свое могущество и вмѣстѣ съ Торками и Берендѣями служившіе Русской землѣ) объясняется сказаніемъ Нестора, который считаетъ Печенѣговъ одноплеменными Торкамъ (24).

II.

Къ какому племени принадлежали Торки и Берендѣи, откуда и когда пришли и гдѣ поселились?

Въ рѣшеніи этого вопроса намъ должно ограничиться одними Торками, потому что въ этомъ отношеніи мы не имѣемъ никакихъ данныхъ о Берендѣяхъ (25). И такъ къ какому племени принадлежали Торки? Лѣтописецъ называетъ Торковъ одноплеменными Туркменамъ, Печенѣгамъ и Половцамъ: «исшьли бо суть си отъ пустыня Нитривьскыя, межю встокомъ и сѣверомъ; исшьли же суть ихъ колѣнъ 4: Торкмени и Печенѣзи, Торци, Половци»; и далѣе: «а Измаилъ роди 12 сына, отъ нихъ же суть Торкъмени, и Печенѣзи, и Торци, и Кумани, рекше Половци» (26).

Новѣйшіе писатели различно думаютъ о Торкахъ. Бюшингъ или Тунманъ полагаетъ, что они были остаткомъ Угровъ или Болгаръ (27). Стриттеръ (28), а за нимъ Карамзинъ, думаетъ что Торки были

---

(23) «Съ Ковуи и съ Бастіевою чадью». То и другое названіе дано было имъ отъ имени ихъ начальниковъ. И. Г. Р. Кар. 424 прим. къ 2-му т., также 425. О Ковуяхъ см. И. Г. Р. къ 2-му т. пр. 401, 424, къ 3-му т. пр. 69, 70, 118.

(24) Лавр. лѣт., стр. 99—100.

(25) Стриттеръ полагаетъ, что Берендѣи были Печенѣги, но это предположеніе опровергается тѣмъ, что мы встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ часто имя Берендѣевъ вмѣстѣ съ именемъ Печенѣговъ. Многія изъ мѣстъ, которыя мы имѣли случай представить въ нашемъ разсужденіи могутъ служить подтвержденіемъ сказанному нами.

(26) Лавр. лѣт., стр. 99—100.

(27) И. Г. Р. Карамз. т. I, прим. 437.

(28) Ист. Росс. Гос. Стриттера, ч. I. «Можетъ быть подъ именемъ Торковъ должно разумѣть Узы, кои по разрушеніи Казарскаго царства, подви-

Узы (29). Впрочемъ ни тотъ, ни другой не выдаютъ этого мнѣнія за подлинное, а предлагаютъ его въ видѣ догадки, которая опровергается доказательствами Фридр. Сума, что Узы были тоже, что Половцы (30).

Не имѣя другихъ данныхъ, мы не можемъ ни отвергать, ни отрицать извѣстія лѣтописца, который, какъ мы выше сказали, полагая Торковъ одноплеменными Туркменамъ, Печенѣгамъ, какъ бы означаетъ первоначальнымъ отечествомъ первыхъ Азію, откуда они, подобно своимъ единоплеменникамъ, вышли въ Европу. Судя по той незначительной роли, какую игралъ этотъ народъ въ то время, когда мы начинаемъ за нимъ слѣдить, можно думать, что это былъ остатокъ какого нибудь народа, пришедшаго изъ Азіи во времена самыя отдаленныя, во времена, въ которыя онъ не могъ быть внесенъ ни въ лѣтописи туземныя, ни въ лѣтописи иноземныя, покорившаго, можетъ быть, какой нибудь народъ. Въ свою очередь онъ, можетъ быть, подчинился вліянію другаго народа, нахлынувшаго изъ Азіи съ новыми силами, и былъ принужденъ искать покровительства у насъ на Руси. Половцы и Печенѣги даютъ право заключать по аналогіи и о Торкахъ.

Въ X вѣкѣ, когда въ первый разъ встрѣчается имя Торковъ, мы находимъ ихъ обитающими за Дономъ, по сосѣдству съ Болгарами. Въ походѣ Владиміра св. противъ Болгаръ, въ 985 г., Торки являются союзниками или наемниками Русскихъ и идутъ берегомъ конные (31). Владиміру, вѣроятно, было выгодно нанять толпы храбрыхъ Торковъ, близко кочевавшихъ, съ помощью которыхъ онъ и побѣдилъ Болгаръ. Послѣ этого имя Торковъ изчезаетъ изъ нашихъ лѣтописей почти на цѣлое столѣтіе.

Въ половинѣ XI столѣтія мы встрѣчаемъ Торковъ около Переяславской области, куда они, вѣроятно гонимые Половцами, были подвинуты изъ первоначальныхъ своихъ жилищъ (32). Въ 1080 г. говорится: «Заратишася Торци Переяславьстіи» (33).

Подъ годомъ 1105: «пришедъ Бонякъ зимѣ на Зарубѣ, и побѣди Торкы и

зались далѣе къ западу и наконецъ перешли къ Дунаю, гдѣ вели нѣсколько времени съ Печенѣгами кровопролитныя войны до тѣхъ поръ, пока напослѣдокъ около 1065 г. ими и Болгарами совершенно истреблены».

(29) «Если не ошибаюсь, то они (Узы) въ лѣтописи Нестора именуются Торками». Истор. Госуд. Росс., т. 1, примѣч. 90.

(30) Чтенія въ Имп. обществѣ Исторіи и Древн. Росс. при Москов. Университ. *Годъ третій N 8.* Историческое разсужденіе объ Уцахъ или Половцахъ, соч. П. Фр. Сума, 1848 г. — (31) Лавр. лѣт., стр. 36. — (32) Тамъ же, стр. 70, гг. 1054 и 1058. — (33) Тамъ же, стр. 87.

Береньдѣѣ (34)», а извѣстно, что Зарубъ былъ городъ на западномъ берегу Днѣпра противъ устья р. Трубежа (35). Изъ этого слѣдуетъ, что Торки обитали или близъ Переяславской области, или въ предѣлахъ ея.

Услышавъ о смерти Мономаха (1126) Половцы « присунушася къ Баручю, рекше : возмемъ Торкы ихъ ». Ярополкъ узнавъ объ этомъ « повелѣ гнати люди и Торкы въ Баручь (36)». Баручь находился въ окрестностяхъ Альты, стало быть въ Переяславской области (37).

Далѣе они живутъ въ предѣлахъ Русской земли. Въ 1093 г. Торки, какъ осѣдлый народъ обитаютъ въ Кіевской области, имѣя свой городъ Торческъ (38).

Въ 1120 г. Торки и Берендѣи бѣжали изъ Русской земли, по Лавр. лѣт., или, какъ говорится въ Ипат. лѣт., были изгнаны Владиміромъ Мономахомъ (39). Стало быть до своего изгнанія обитали на Руси

Въ 1116 г. Торки и Печенѣги два дня бились съ Половцами у Дона « и придоша въ Русь къ Володимеру » (40).

Послѣднее указаніе даетъ поводъ думать, что Торки, участвовавшіе въ этомъ дѣлѣ, или ходили на Донъ изъ Руси, или же составляли часть тѣхъ Торковъ, которые послѣ пораженія 1058 года не признали покровительства Русскихъ князей и, удержавъ независимость, обитали около Дона.

Какъ бы то ни было, но съ XII вѣка жилищами Торковъ и Берендѣевъ, являющихся подъ именемъ Черныхъ Клобуковъ, были отчасти южная полоса Кіевской области, главное мѣсто ихъ поселенія, а отчасти правый берегъ Днѣпра, по сосѣдству съ Переяславскою областію.

Въ слѣдующемъ отдѣлѣ, разсматривая отношенія Торковъ и Берендѣевъ къ Руси, увидимъ изъ приведенныхъ въ своемъ мѣстѣ фактовъ, что дѣйствительно они жили на вышеупомянутыхъ мѣстахъ.

---

(34) Лавр. лѣт., стр. 119. — (35) И. Г. Росс т. 2, примѣч. 174 и 336. (36) Ипат. лѣт., стр. 10. — (37) И. Г. Р., т. 2, примѣч. 244. — (38) Лавр. лѣт., стр. 93—94. — (39) Ипат. лѣт., стр. 8. Лавр. лѣт., стр. 128. — (40) Ипат. лѣт., стр. 8.

III.

Какое значеніе имѣли Торки и Берендѣи въ отношеніи къ Руси?

Въ двухъ предъидущихъ отдѣлахъ, по недостатку данныхъ, мы ограничились нѣкоторыми выводами, болѣе или менѣе близкими къ истинѣ, но не удовлетворяющими всѣмъ вопросамъ изслѣдователя. Приступая теперь къ рѣшенію вопроса болѣе важнаго, болѣе существеннаго въ нашемъ разсужденіи — о значеніи Черныхъ Клобуковъ въ отношеніи къ Руси, и имѣя болѣе данныхъ, а слѣдовательно и болѣе средствъ къ раскрытію этихъ отношеній, мы постараемся представить отвѣтъ на вопросъ нашъ въ болѣе вѣрныхъ чертахъ, основываясь на разныхъ мѣстахъ лѣтописей. Для полнѣйшаго разсмотрѣнія отношеній Торковъ и Берендѣевъ къ Руси, мы должны раздробить его на двѣ части: въ 1-й скажемъ объ отношеніяхъ Торковъ и Берендѣевъ до тѣхъ поръ, пока они находились въ совершенной независимости отъ Руси. Характеръ этихъ отношеній случайный — набѣги, грабежи, войны. Во 2-й — объ отношеніяхъ Торковъ и Берендѣевъ со времени ихъ зависимости отъ Руси. Эти отношенія имѣютъ болѣе опредѣленности. Когда именно окончились первыя отношенія и начались вторыя, не можемъ указать съ хронологическою точностію. Отношенія перваго рода мало по малу могли переходить въ отношенія втораго рода съ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, съ появленіемъ Половцевъ, которые, нахлынувши изъ Азіи безчисленными толпами, заставили Торковъ сдѣлать нападеніе на Русь. Отраженные нашими князьями, Торки бѣжали и, потерявъ свою силу, тѣснимые съ двухъ сторонъ Половцами и Русскими, отдались подъ покровительство послѣднихъ.

Отношенія перваго рода.

Торки по отношенію къ Руси являются сначала союзниками или наемниками. Именно они участвуютъ въ походѣ Владиміра Св. противъ Болгаръ въ 985 году (41).

Послѣ этого, въ XI уже столѣтіи, Торки являются врагами:

---

(41) Лавр. лѣт., стр. 36.

Въ 1054 г... «иде Всеволодъ на Торкы и побѣди Торкы» (42).

Въ 1060 г. Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и Всеславъ, «совокупивше вои безчисленны, поидоша на конихъ и въ лодьяхъ, безчисленно множьство, на Торкы. Се слышавше Торци, убояшася, пробѣгоша и до сего дне, и помроша бѣгаючи, Божьимъ гнѣвомъ гоними, ови отъ зимы, друзіи же гладомъ, инии же моромъ и судомъ Божьимъ, тако Богъ избави хрестьяны отъ поганыхъ» (43). Что было причиною этихъ походовъ, сначала предпринятыхъ однимъ Всеволодомъ, княземъ Переяславскимъ, а послѣ соединенными силами всѣхъ тогдашнихъ Князей Русскихъ, даже и Всеслава Полоцкаго? Появленіе Половцевъ въ слѣдующемъ послѣ втораго похода (1061 г.) году показываетъ причину этихъ походовъ. Половцы потѣснили Торковъ, Торки устремились на Русь, и какъ Переяславская область была пограничною тѣмъ мѣстамъ, откуда гнали Торковъ, то эти послѣдніе и напали на область князя Переяславскаго.

Въ 1080 г. новая попытка нападенія на Русь Торковъ: «заратишася Торци Переяславьстіи на Русь» (44). Всеволодъ послалъ сына своего Владиміра (Мономаха), который и побѣдилъ ихъ.

Въ послѣдствіи времени мы видимъ уже Торковъ и Берендѣевъ въ зависимости отъ Русскихъ Князей.

Въ 1093 г. Послѣ несогласія Святополка на миръ, предложенный Половцами, послѣдніе начали съ нимъ войну осадою Торческа, которая длилась 9 недѣль. Напрасно несчастные жители Торческа просили съѣстныхъ припасовъ у Святополка. Правда, онъ имъ не отказалъ, но привезенные припасы не могли быть доставлены: городъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Половцы наконецъ одолѣли; изнуренные голодомъ и жаждою Торки должны были сдаться. Половцы взяли городъ, зажгли его, а жителей увели въ плѣнъ (45).

Въ 1095 г. Владиміръ Мономахъ посылаетъ Торковъ похитить у Половцевъ сына своего Святослава, даннаго имъ аманатомъ, въ чемъ они и успѣли (46).

Все это показываетъ, что непріязненныя отношенія начали болѣе и болѣе исчезать; но изгнаніе Берендѣевъ изъ Руси Владиміромъ Мономахомъ и бѣгство Торковъ и Печенѣговъ даютъ знать, что такія отношенія еще не совсѣмъ изгладились, и возникали еще при Владимірѣ Мономахѣ, Князѣ довольно сильномъ (47). О послѣднемъ происшествіи говорится также и въ Лаврент. лѣт. годомъ ранѣе,

---

(42) Лавр. лѣт., стр. 70. — (43) Тамъ же, стр. 70. — (44) Тамъ же, стр. 87. (45) Тамъ же, стр. 94 — 96. — (46) Тамъ же, стр. 97. — (47) Ипат. лѣт., стр. 8. (1121 г.).

въ 1120 г., а именно сказано: «Бѣжаша Торци, Берендичи изъ Рускыѣ земли; и тако мятущеся сдѣ, ондѣ, и тако погыбоша» (48). Замѣчательно, что о погибели Торковъ и Берендѣевъ здѣсь говорится уже во второй разъ. Въ первый разъ сказано было о нихъ подъ 1060 г. Послѣ этого извѣстія, подобно какъ и послѣ втораго, Торки и Берендѣи являются снова чрезъ нѣсколько времени.

ОТНОШЕНІЯ ВТОРАГО РОДА.

Со времени зависимости Торковъ и Берендѣевъ отъ Руси, отношенія ихъ къ послѣдней становятся болѣе постоянными и опредѣленными. Какія же именно были эти отношенія? Обратимъ наше вниманіе на мѣста, гдѣ встрѣчаемъ Черныхъ Клобуковъ въ XII в. Мѣста эти находились въ южной части Кіевской области, особенно пространство по р. Роси и по правому берегу Днѣпра въ сосѣдствѣ съ Переяславскою областію Стало быть и отношенія Черныхъ Клобуковъ должны были ограничиться отношеніями къ Великому Князю Кіевскому и Князю Переяславскому. Но объ отношеніяхъ Черныхъ Клобуковъ къ Князьямъ Переяславскимъ встрѣчаются только два мѣста въ лѣтописи (49). По этому всѣ ихъ отношенія къ Русскимъ Князьямъ мы должны ограничить отношеніями къ В. К. Кіевскому. Мѣста, гдѣ сначала жили Черные Клобуки, были пограничныя, порубежныя, чаще подвергавшіяся нападенію хищныхъ сосѣдей— Половцевъ. Слѣдовательно и обитатели этихъ мѣстъ были постоянными стражами, всегда готовыми принять первое нападеніе непріятелей. Князья наши дали имъ эти мѣста, безъ сомнѣнія, съ условіемъ блюсти предѣлы ихъ княжествъ и извѣщать ихъ объ опасности. И дѣйствительно, слѣдя за фактами, мы видимъ, что Черные Клобуки, начиная съ XII до XIV в., то сами, то вмѣстѣ съ Русскими Князьями постоянно ведутъ войны противъ Половцевъ, которые въ набѣгахъ своихъ на Русь первые удары обращали на земли Черныхъ Клобуковъ.

---

(48) Лавр. лѣт., стр. 128, г. 1120.

(49) 1185 г. «Володимеръ же Глѣбовичъ, внукъ Юргевъ, ѣздяше напереду въ сторожихъ съ Переяславци, и Берендѣевъ было съ нимъ 2000 и 100 (Лавр. лѣт., стр. 167)».—1187 г. Святославъ съ Рюрикомъ идутъ на Половцевъ; «Володимеръ же Глѣбовичъ пріѣха къ нимъ изъ Переяславля, съ дружиною своею, испросися у Святослава и во Рюрика ѣздити напереди съ Чернымъ Клобукомъ (Ипат. лѣт., стр. 134)».

1152 г. Мстиславъ, сынъ Изяслава Кіев., ходилъ два раза въ землю Половецкую съ Черными Клобуками... «отряди Изяславъ сына своего Мьстислава на Половци, съ полкы своими и съ всими Черными Клобукы» (50).

1155 г... «Придоша Половци и воеваша Поросье; Василко же съ Берендичи спостигъ, изби ѣ, а другыя изоимаша и пріѣха къ отцю съ славою и честью» (51).

1159 г.. «Много ихъ (Половцевъ) изоимаша Берендичи и Гюргевци, а оно ихъ во Рси истопе» (52).

1160 г. Владиміръ Андреевичъ и Ярославъ Изяславичъ и Галичане избили Половцевъ: «межи Мунаревомъ и Ярополчемъ, и много душъ отполониша, иже бяхуть взяли Половци; тогда же и Берендицѣ избиша въ Облазнѣ» (53).

1162 г. «Торци же постигоша возы ихъ на Желяни, полкы же ихъ постигоша отъ Буличь, и ту начаша сѣчи я, а инѣхъ руками имати» (54).

Того же года... пришли Половцы къ Юрьеву и «взяша вѣжи многи по Роту и Вълибора убиша, иже бяше Изяслава убилъ; Черный же Клобукъ весь съвкупившеся ѣхаша по нихъ, и постигоша я на Рси и много биша ихъ, и полонъ весь отъимаша у нихъ, и самѣхъ изоимаша болѣ 500, яша же и два княжича Сатмазовича и ины княжичѣ» (55).

1170 г. Черные Клобуки участвують въ походѣ противъ Половцевъ, предпринятомъ Мстиславомъ Изяславичемъ «Бастіи же и инін мнози гониша по нихъ и за Въсколъ бьюче и, и толико взяша полона множьство, и т.д.» (56).

1169 г. Черные Клобуки, сражаясь за Кіевскаго князя противъ Половцевъ, съ особеннымъ усердіемъ предостерегаютъ его отъ опасностей со стороны послѣднихъ. Такъ они остановили Глѣба, князя Кіевскаго, хотѣвшаго итти на Половцевъ, не имѣя достаточной силы. «Берендѣеве же яша за поводъ, рекуще: «княже! не ѣзди; тобѣ лѣпо ѣздити въ велицѣ полку, еда совкупишися съ братьею, и т. д.», и въ другой разъ, когда безразсудные Переяславцы съ Михаиломъ Юрьевичемъ устремились на Половцевъ «Берендѣеве же яша князя за поводъ и не даша имъ ѣхати» (57).

1173. Въ княженіе Романа Ростиславича въ Кіевѣ «начаша Половьци пакость творити по Рьси...» Берендѣи и Торки участвують въ походѣ противъ нихъ (Половцевъ) съ Михаиломъ и Всеволодомъ Юрьевичами, за болѣзнію тогдашняго В. К. Глѣба принявшихъ начальство надъ войскомъ» (58).

1180. По занятіи Святославомъ Кіева, изгнанный Рюрикъ узнаетъ, что Половцы, пришедшіе къ Святославу на помощь, засѣли съ Игоремъ по Долобьску и «посла Мьстислава Володимерича съ Черными Клобуки» (59).

---

(50) Ипат. лѣт., стр. 71. И. Г. Р. Карамз. т. 2, прим. 332. — (51) Ипат. лѣт., стр. 77. — (52) Тамъ же, стр. 85. — (53) Тамъ же, стр. 86. — (54) Ипат. лѣт., стр. 90. И. Г. Р. т. 2, прим. 401.—(55) Ипат. лѣт., стр. 91. (56) Тамъ же, стр. 98. — (57) Лавр. лѣт., стр. 153—154. — (58) Ипат лѣт., стр. 106—107. — (59) Тамъ же, стр. 124.

1183. Игорь Святославичъ «поима съ собою братя своего Всеволода, и Святославича Всеволода и Андрея съ Романомъ, и нѣколко отъ Черного Клобука съ Кулдюремъ и Кунътувдѣемъ, и придоша къ рѣцѣ къ Хыріи» (60).

1187 г... «воева Ковцакъ по Рси съ Половци; посемъ же почаша часто воевати по Рси, въ Черниговьской волости» (61).

1190. По навѣтамъ Кунтувдѣя, Половцы напали на Чюрнаевъ и разорили его, поѣхали далѣе къ Борову, но услышавъ, что Ростиславъ Рюриковичъ въ Торческѣ «возвратишася къ ватагамъ своимъ. И оттуду же ѣздячи, и почаша часто воевати по Рси съ Кунтувдѣемъ» (62).

Того же года, Черные Клобуки, подъ начальствомъ Ростислава Рюриковича въ войнѣ съ Половцами... «стрѣлци же Рускыи и Черніи Клобуци ввертѣшася въ ня и яша ихъ живыхъ 606, а иныхъ избиша многоже; яли бяху Черніи Клобуцы Половецького князя Кобана» (63).

1193 г. В. Князь Святославъ Всеволодовичъ ходилъ съ Черными Клобуками на Половцевъ (64).

Вотъ всѣ мѣста, въ которыхъ говорится о войнахъ Черныхъ Клобуковъ съ Половцами. Изъ нихъ мы достаточно убѣждаемся, что главною обязанностію Черныхъ Клобуковъ было отраженіе Половцевъ и блюденіе предѣловъ Кіевскаго княжества; что въ войнахъ съ Половцами они участвуютъ въ числѣ другихъ войскъ или подъ начальствомъ самихъ Князей Кіевскихъ, или же иногда посылаются съ сыномъ Великаго Князя, какъ подъ годами 1152, 1155, 1190, или даже съ воеводою (1185 г.).

Но помогая Князьямъ Кіевскимъ въ войнѣ противъ поганыхъ, предостерегая ихъ въ случаѣ засадъ и не отказываясь итти даже въ землю Половецкую, Черные Клобуки въ тоже время, въ случаѣ крайней опасности, требуютъ помощи у Князя Кіевскаго. Такъ въ 1093 году Половцы осадили Торческъ. «И прислаша Торци къ Святополку, глаголюще: «аще не пришлеши брашна, предатися имамы». Святополкъ послалъ имъ (65). Такъ въ 1190 г., когда Половцы съ Кунтувдѣемъ безпрестанно опустошали Поросье, *лѣпшіе мужи* изъ Черныхъ Клобуковъ пріѣхали въ Торческъ къ Ростиславу Рюриковичу просить помощи противъ Половцевъ: «Се Половцѣ сеѣ зимы воюють ны часто, а не вѣдаемъ, Подунайци ли есмъ», и т. д. Ростиславъ исполнилъ ихъ желаніе (66).

---

(60) Ипат. лѣт., стр. 127.

(61) Тамъ же, стр. 134. Явная ошибка или лучше сказать пропускъ союза *и*: и въ Черниговской волости, потому что Рось находилась въ Кіевской волости. — (62) Ипат. лѣт., стр. 139—140. — (63) Тамъ же, стр. 140. — (64) Тамъ же, стр. 142.—(65) Лавр. лѣт., стр. 94.—(66) Ипат. лѣт., стр. 140.—

Мы видѣли, что главное дѣло Черныхъ Клобуковъ составляли войны съ Половцами, бóльшею частію оборонительныя, рѣдко наступательныя; но какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ Черные Клобуки дѣйствуютъ вмѣстѣ съ Князьями Кіевскими. Вещь понятная. Интересы Кіевскихъ Князей и Черныхъ Клобуковъ сходились, были общи. Половцы, нападая на волость Князя Кіевскаго, опустошали сначала земли Черныхъ Клобуковъ; Черные Клобуки, разумѣется, противились этимъ опустошеніямъ, грудью стояли за себя. Съ своей стороны, не желая, чтобы Половцы переносили театръ войны въ предѣлы самаго Княжества, опустошали и грабили самыя села и города мирныхъ обитателей, защита которыхъ была главною обязанностію Князя; опасаясь, чтобы они не проникли даже въ самый Кіевъ, Кіевскіе Князья всегда стремились уничтожить зло въ самомъ зародышѣ, прекратить войну въ самомъ началѣ, всегда спѣшили подать помощь своимъ вѣрнымъ пограничнымъ стражамъ. Но кромѣ случаевъ, представляющихъ частыя непріязненныя столкновенія Черныхъ Клобуковъ съ Половцами, въ нашихъ лѣтописяхъ встрѣчается множество мѣстъ, изъ которыхъ мы видимъ болѣе широкій кругъ дѣятельности Черныхъ Клобуковъ, болѣе близкія соприкосновенія съ Русью и особенный характеръ ихъ отношеній къ Русскимъ Князьямъ. Читая сказанія нашихъ лѣтописей съ половины XII го по XIII в., мы не можемъ не замѣтить, что Черные Клобуки принимаютъ сильное участіе въ усобицахъ Южной Руси. И въ то время, какъ Ольговичи подкрѣпляютъ свои права, добиваются своихъ цѣлей, опираясь часто на многочисленныя толпы Половцевъ, Черные Клобуки являются постоянно на сторонѣ Великихъ Князей Кіевскихъ, которые, какъ намъ извѣстно, были почти всѣ изъ рода Мономахова. Но отношенія Ч. Клобуковъ къ Кіевскимъ Князьямъ и въ этихъ междоусобіяхъ совсѣмъ иныя, чѣмъ Половцевъ къ Князьямъ Черниговскимъ. Половцы являются союзниками-наемниками; Черные Клобуки были сподручниками, болѣе подвластными, чѣмъ наемниками. Половцы пользуются всякимъ удобнымъ случаемъ пограбить даже у своихъ союзниковъ, Черные Клобуки напротивъ. Если вникнемъ въ тогдашнее состояніе Руси; если примемъ во вниманіе безпрестанныя усобицы нашихъ Князей между собою и споры ихъ то за право быть въ родѣ, то за право старѣйшинства, мы нисколько не будемъ удивляться участію Черныхъ Клобуковъ въ домашнихъ спорахъ нашихъ Князей, и насъ бы болѣе удивляло, если бы Кіевскіе Князья пренебрегли такою важною для себя помощью, какъ Черные Клобуки, и не воспользовались бы ихъ мужествомъ, закаленнымъ въ безпрестанныхъ бояхъ съ Половцами.

Подтвердимъ сказанное нами мѣстами лѣтописей.

1146 г. Святославъ Всеволодовичъ, услышавъ о заточеніи Игоря, брата своего, вооружился и просилъ помощи у Юрія Долгорукаго. Изяславъ Мстиславичъ, узнавъ объ этомъ.... «посла съ нима (съ Владиміромъ и Изяславомъ Давыдовичемъ) сына своего Мьстислава съ Переяславчи и съ Берендѣи» (67).

1147. Черные Клобуки участвуютъ въ походѣ Изяслава Мстиславича (тогдашняго В. Князя), противъ Святослава Черниговскаго. Того же года В. Князь Изяславъ послѣ нападенія Глѣба Юрьевича на Переяславль, «съвокупи дружину Берендѣи», стоялъ три дня подъ Переяславлемъ, покуда Глѣбъ Юрьевичъ не смирился (68).

1148. Берендѣи находятся въ войскѣ Вел. Князя Изяслава, въ походѣ на Князя Черниговскаго (69).

1149. Черныхъ Клобуковъ мы видимъ также на сторонѣ Великаго Князя въ битвѣ Переяславской Изяслава Мстиславича съ Юріемъ Долгорукимъ и Святославомъ Ольговичемъ (70).

1150. Послѣ неисполненія со стороны Юрія Долгорукаго заключенныхъ условій, Изяславъ Мстиславичъ начинаетъ войну. «Изяславъ пойде на Гольско Такупилю (?) въ Черныя Клобукы; и ту пріѣхаша къ нему вси Черніи Клобуци, съ радостію великою, всими своими полкы. Гюрги же того не вѣдаше, но творяшеть ако тако ту волость засѣ.... не утерпя быти въ Кіевѣ, и перебѣже за Днѣпръ и съ сынми своими, и бѣжа въ Городокъ въ Вострьскій». Того же года Изяславъ Мстиславичъ идетъ войною противъ Владимірка Галицкаго «пойде отъ Звенигорода къ Тумащю; и ту придоша къ нему Черніи Клобуци, жены своя и дѣти своя въ городѣхъ затворивше на Поросьи, а сами пріѣхаша къ Изяславу всими своими силами» (71).

1151. Черные Клобуки являются на сторонѣ Князя Кіевскаго при осадѣ Кіева Георгіемъ Долгорукимъ (72).

1152. Походъ Изяслава Мстиславича противъ Владимірка, «съкупя всю свою дружину и пойде, поимa съ собою Вячьславль полкъ весь, и вси Черніи Клобукы, и Кіяны лутшіи, и всю Рускую дружину» (73).

1153. Въ походѣ Великаго Князя Изяслава Мстиславича на Ярослава Галицкаго Черные Клобуки являются въ войскѣ перваго.... «сынъ его Мьстиславъ приде съ Переяславьскимъ полкомъ и вси Черніи Клобукы, и т. д.» (74).

1157. Великій Князь Георгій Долгорукій съ зятемъ своимъ Ярославомъ

---

(67) Ипат. лѣт., стр. 26.— (68) Тамъ же, стр. 37.— (69) Тамъ же, стр. 37. — (70) Тамъ же, стр. 43. — (71) Тамъ же, стр. 49 и 51.—(72) Тамъ же, стр. 51.— (73) Тамъ же, стр. 66. — (74) Тамъ же, стр. 73.—

Галичскимъ «съ сынъми своими и съ Володимеромъ съ Андреевичемъ, и съ Берендичи, къ Володимирю (пойде) на Мьстислава» (75).

1161. Изяславъ Давидовичъ съ Половцами напалъ па Кіевъ «и побѣгоша Берендичѣ къ Угорьскому, а друзія къ Золотымъ воротомъ». Великій Князь Ростиславъ Мстиславичъ удалился въ Бѣлгородъ (76).

1162. Черные Клобуки помогаютъ Ростиславу Изяславичу противъ Изяслава Давидовича и Половцевъ (77).

1169. Мстиславъ Изяславичъ, узнавъ о намѣреніи родственниковъ располагать его областью, собралъ войска и пошелъ къ Кіеву.... «приде къ Микулину, и ту придоша ему Берендичи вси, и Торци и Печенѣзи, и вьсь Черный Клобукъ, и водивъ ѣ ротѣ, и пусти брата своего предъ собою съ Берендичи, а самъ пойде по немъ» (78).

Участіе со стороны Черныхъ Клобуковъ въ отношеніи къ Кіевскимъ Князьямъ во время междоусобій, кромѣ одной помощи, выразилось еще въ слѣдующихъ чертахъ:

1. *Черные Клобуки въ междоусобіяхъ часто рѣшаютъ перевѣсъ одного князя надъ другимъ.*

1150. Сдѣлавшись Великимъ Княземъ, Юрій Долгорукій не хотѣлъ исполнить всѣхъ условій, которыя онъ заключилъ съ изгнаннымъ Изяславомъ Мстиславичемъ. Послѣдній вооружился.... «Изяславъ пойде на Гольско Такуниллю въ Черныя Клобукы; и ту пріѣхаша къ нему Черніи Клобуци, съ радостію великою, всими своими полкы. Гюрги же того не вѣдаше... оже уже Изяславъ вшелъ въ Черніи Клобукы. Гюрги же не утѣрпя быти въ Кіевѣ, и перебѣже за Днѣпръ и съ сынми своими, и бѣжа въ Городокъ въ Вострьскій» (79).

1159. Берендѣи и Торки передаются на сторону Мстислава Изяславича у Бѣлгорода и Изяславъ Давыдовичъ бѣжитъ (80).

2. *Черные Клобуки принимаютъ участіе въ избраніи Князя Кіевскаго наравнѣ съ жителями Кіева и другихъ городовъ Кіевской области.*

1146. «И не угоденъ бысть Кіяномъ Игорь, и послашася къ Переяславлю къ Изяславу, рекуче: «поиди, княже, къ намъ, хощемъ тебе». Изяславъ же се слышавъ и съвъкупи воя своя, пойде на нь изъ Переяславля.... и перейде Днѣпръ у Заруба; и ту прислашася къ нему Черніи Клобуци и все Поросье, и рекоша ему: «ты нашь князь, а Олговичь не хочемъ; а поѣди вборзѣ, а мы съ тобою». И пойде Изяславъ къ Дерновому, и ту совокупишася вси Клобуци и Поршане; томъ же мѣстѣ прислашась къ нему Бѣлогородьчи и Василевци» (81).

---

(75) Ипат. лѣт., стр. 80. — (76) Тамъ же, стр. 90. — (77) Тамъ же, стр. 91. — (78) Тамъ же, стр. 96. — (79) Тамъ же, стр. 49. — (80) Тамъ же, стр. 85. — (81) Тамъ же, стр. 23.

1169. По смерти Ростислава, «начаша слати по Мьстислава братья, Володимиръ Мьстиславичь, Рюрикъ, Давыдъ, и Кіяне отъ себе послаша, Черныи Клобукы отъ себе послаша» (82).

3. *Имѣя собственныхъ начальниковъ, Черные Клобуки признаютъ главнымъ своимъ повелителемъ Кіевскаго Князя.*

Это видно изъ того, что во всѣхъ предпріятіяхъ и походахъ Черные Клобуки находятся подъ начальствомъ или самихъ Кіевскихъ Князей или же князей, назначенныхъ княжить въ Торческѣ Велик. Княземъ Кіевскимъ, хотя и имѣютъ своихъ начальниковъ, что увидимъ ниже. Слѣдующія мѣста могутъ также подтвердить сказанное нами:

1154. Умеръ Изяславъ Мстиславичъ «и плакася по немъ вся Руская земля и вси Черніи Клобуци, яко по цари и господинѣ своемъ, наипаче же яко по отци» (83).

По смерти Изяслава, въ Кіевъ вступилъ братъ его Ростиславъ Смоленскій «и вся Руская земля, и вси Черніи Клобуци обрадовашася, оже Ростиславъ пришелъ въ Кіевъ» (84).

Прежде мы сказали, что Черные Клобуки принимаютъ участіе въ избраніи Князя Кіевскаго; еслибы они не признавали его главнымъ повелителемъ своимъ, то какое имъ было бы дѣло раздѣлять въ этомъ случаѣ интересы Кіевлянъ и жителей другихъ городовъ Кіевской области.

4. *Черные Клобуки оставляютъ Князя во время сраженія по собственнымъ своимъ интересамъ, напередъ объявляя Князю, что они не могутъ сражаться.*

1150. Стрѣлцемъ стрѣляющимъся о рѣцѣ о Стугну, поча приступати Володимерко съ силою своею; Берендѣеве же видѣвше силу его, убояшася и рѣша Изяславу: «поиде, княже, прочь, сила его велика, а у тебе дружины мало, да же не перейдеть на ны черезъ рѣку». Изяславъ не согласился, Кіевляне побѣжали и Берендѣи съ ними, и т. д. (85).

1151. Георгій съ союзниками переправился чрезъ Днѣпръ. Вячеславъ, Изяславъ, Ростиславъ «съзвавше братью свою и почаша думати». Изяславъ и Ростиславъ хотѣли непремѣнно сразиться, «дружина же Вячеславля и Изяславля и Ростиславля, и всихъ князій, утягывахуть отъ того и Кіяне, наипаче же Черніи Клобуци отъ того утягоша, рекуче: «княже! не мочно ти поѣхати къ нимъ, зане ратніи наши вси на конѣхъ суть, а ты къ нимъ поѣдеши», и т. д. (86).

---

(82) Ипат. лѣт., стр. 96. — (83) Тамъ же, стр. 74. — (84) Тамъ же, стр. 75. — (85) Лавр. лѣт., стр. 141. — (86) Ипат. лѣт., стр. 60.

Исчисливъ отношенія Черныхъ Клобуковъ къ Князьямъ Кіевскимъ, мы должны сказать также и о тѣхъ отношеніяхъ, какія Кіевскіе Князья съ своей стороны имѣли къ Чернымъ Клобукамъ. Эти отношенія, по свидѣтельству нашихъ лѣтописей, были слѣдующія:

1. *Кіевскіе Князья являются защитниками Черныхъ Клобуковъ противъ Половцевъ, никогда не отказывая въ просимой ими помощи.*

Доказательствомъ этому могутъ служить многія мѣста, которыя мы имѣли случай привести, говоря о войнахъ Черныхъ Клобуковъ съ Половцами. Такъ, напр., въ 1093, 1190 г., и др.

2. *Кіевскіе Князья посылаютъ Черныхъ Клобуковъ на помощь своимъ союзникамъ.*

1160 г. Послалъ... «Ростиславъ изъ Кіева помочь Рогъволоду, съ Жирославомъ съ Нажировичемъ, Торкъ 600, а ты померше голодомъ и придоша пѣши, не дождавше мира» (87).

3. *Кіевскіе Князья оказываютъ Чернымъ Клобукамъ свое особое довѣріе.*

1152. Въ войнѣ съ Владимiркомъ Галицкимъ Изяславъ оставилъ свое войско позади, а самъ поспѣшилъ съ одними Берендѣями (88).

1153. Изяславъ Мстиславичъ посылаетъ сына своего Мстислава съ Берендѣями на встрѣчу мачихи (89).

1169. Мстиславъ послалъ брата своего Ярополка съ Берендѣями впередъ (90).

IV.

Какими особенностями отличался внутренній бытъ Черныхъ Клобуковъ?

Изъ представленныхъ нами данныхъ мы можемъ заключить, что Торки и Берендѣи былъ народъ воинственный. Они любили наиболѣе храбрыхъ князей, какъ то: Изяслава Мстиславича и Мстислава Храбраго. Говоря о смерти Изяслава Мстиславича, лѣтописецъ прибавляетъ: «плакася по немъ вся Руская земля и вси Черніи Клобу-

---

(87) Ипат. лѣт., стр. 86. — (88) Лавр. лѣт., стр. 145. — (89) Ипат лѣт., стр. 73. — (90) Тамъ же, стр. 96.

ци, яко по цари и господинѣ своемъ, *наипаче же яко по отци*» (91). Сочувствіе Черныхъ Клобуковъ къ Мстиславу Храброму въ нашей лѣтописи выражено въ этихъ немногихъ, но прекрасныхъ словахъ: «Черніи Клобуци вси не могуть забыти приголубленія его» (92). Продолжительная осада Торческа Половц (1093) показываетъ также мужество Черныхъ Клобуковъ (93).

На войнѣ они являлись въ видѣ легковооруженныхъ войскъ, сражаясь большею частію конные. Такъ въ 985 г. въ описаніи похода Владиміра Св. говорится «Торъки берегомъ приведе *на кониихъ*» (94). Въ 1151 г. Черные Клобуки, удерживая Изяслава Мстиславича отъ сраженія съ Юріемъ Долгорукимъ, говорятъ ему: «княже! не мочно ти поѣхати къ нимъ, зане ратніи наши вси на *коньхъ* суть», и убѣждаютъ далѣе: «а ты къ нимъ поѣдеши, а онъ (Юрій Долгорукій) пойдеть передъ тобою ко Рси, а тобѣ будетъ оставяче своѣ пѣшьцѣ поѣхати же по немъ», и т. д. — отправить съ ними Владиміра Мстиславича: «займуче хочемъ вѣжѣ своѣ, и жены своѣ и дѣти своѣ и стада своя, и што своего всего, пойдемъ же къ Кіеву» (95). Изъ этого мы можемъ заключить, что Черные Клобуки въ случаѣ опасности забирали женъ, дѣтей и все свое имущество, и во вторыхъ, что они могли сражаться всѣ.

Въ другомъ мѣстѣ говорится, что они пошли на войну «жены своя и дѣти своя въ городѣхъ затворивше» (96).

Часто князья, оставляя свои войска позади, спѣшили съ одними Черными Клобуками, такъ, напр. въ 1152 г. «Приспѣвшю же Изяславу *вборзѣ* къ королеви *съ Берендичи, а полкы свои остави назади* съ братомъ своимъ Святославомъ» (97). А если князья предпринимали походъ и не съ одними Черными Клобуками, то эти послѣдніе постоянно находились въ передовыхъ отрядахъ.

1149... « а Черныя Клобукы и молодь свою пустиста напередъ до Переяславля » (98).

1169... «Мстиславъ пусти брата своего (Ярополка) предъ собою съ Берендичи» (99).

Иногда Черные Клобуки посылались впередъ жечь, грабить, что выражается такъ въ лѣтописи: *пустить на воропъ*.

---

(91) Ипат. лѣт., стр. 74. — (92) Тамъ же.стр. 121—г. 1179. — (93) Лавр. лѣт., стр. 94.— (94) Тамъ же, стр. 36. — (95) Ипат. лѣт., стр. 60.— г. 1151.— (96) Тамъ же, стр. 51 — (97) Лавр. лѣт., стр. 145. — (98) Ипат. лѣт., стр. 43. (99) Тамъже, стр. 96.

1169. «и пойде къ Вышегороду, а Берендичи пустивъ на воронъ: и на болоньи отъ Днѣпра зажгоша дворъ тысячкого Давыда» (100).

Сражались саблями, «въѣхаша Берендици взадъ полку (Игоря) съ саблями и почаша я сѣчи» (101).

Подъ годомъ 1151 Черные Клобуки называются стрѣльцами «и пустиша по нихъ *стрѣлцѣ своя* Черныя Клобукы и Русь (102). Также подъ г. 1157.

Черные Клобуки считаютъ плѣнниковъ своею неотъемлемою собственностію:

Въ 1153 году Половцы пріѣхали къ Юрію Долгорукому просить плѣнныхъ, взятыхъ Берендѣями; Берендѣи не дали, говоря: «мы умираемъ за Рускую землю съ твоимъ сыномъ, и головы своя складаемъ за твою честь». Георгій не могъ принудить Берендѣевъ отдать плѣнныхъ и, одаривъ Половцевъ, отпустилъ ихъ (103).

1190. Въ войнѣ съ Половцами подъ начальствомъ Ростислава Рюриковича, Черные Клобуки взяли въ плѣнъ Половецкаго князя Кобана, но остерегаясь Ростислава, они не привели къ нему плѣнника, а взявъ съ него выкупъ отпустили (104).

Хотя Черные Клобуки признавали верховнымъ своимъ повелителемъ Князя Кіевскаго; но у нихъ были и свои начальники, которые предводительствовали ими на войнѣ или управляли ими во время мира. Исторія сохранила имена двухъ такихъ начальниковъ: Кульдюра и Кунтувдѣя. Имена ихъ встрѣчаются подъ годомъ 1183. Въ походѣ противъ Половцевъ были... «и нѣколко отъ Черного Клобука съ *Кулдюремъ* и *Кунтувдѣемъ*» (105). Болѣе о первомъ нигдѣ не упоминается. Что касается до Кунтувдѣя, то мы можемъ сообщить нѣсколько подробностей. *Кунтувдѣй, Торцькый князь*, «*бѣ мужь дерзъ и надобенъ въ Руси*» (106). По приказанію Рюрика, Кунтувдѣй съ 6000 войска преслѣдовалъ Кончака (107). Чрезъ пять лѣтъ послѣ этого, въ 1190 году «Святославъ я Кондувдыя, Торцького князя, по обадѣ (по клеветѣ)». По ходатайству свата своего Рюрика, Святославъ взялъ клятву съ Кунтувдѣя и отпустилъ его (108). Но этимъ дѣло не окончилось; Кунтувдѣй никакъ не могъ забыть нанесенной ему обиды, бѣжалъ къ Половцамъ къ Хану Тоглыю и началъ воевать противъ Руси съ Половцами, служа имъ совѣтами. Наконецъ, по просьбѣ Рюрика, Половцы пріѣхали къ нему съ Кунтувдѣемъ. Заключивши съ ними миръ, Рюрикъ оставилъ у себя Кунтувдѣя «да ему городъ на Рси, Дверенъ, Рускоѣ землѣ дѣля» (109).

---

(100) Ипат. лѣт., стр. 96. — (101) Тамъ же, стр. 24. — (102) Тамъ же, стр. 63. — (103) Тамъ же, стр. 78. — (104) Тамъ же, стр. 140. — (105) Тамъ же, стр. 127. — (106) Тамъ же, стр. 139. — (107) Тамъ же, стр. 129. (108) Тамъ же, стр. 139. — (109) Ипат. лѣт., стр. 141.

Если дѣйствительно Ковуи и Бастiи принадлежали къ числу Черныхъ Клобуковъ, то мы имѣемъ еще одного предводителя ихъ *Ольстина Олексича*, начальника Ковуевъ, принимавшаго участiе въ войнахъ противъ Половцевъ. Наконецъ самого Бастiя (110).

До того времени, когда Черные Клобуки были принуждены искать убѣжища въ предѣлахъ Руси, они, по всей вѣроятности, вели жизнь кочевую, переходили съ одного мѣста на другое. Съ конца XI в., съ поселенiемъ ихъ въ предѣлахъ южной Руси, мало по малу они переходили въ жизнь осѣдлую. Частые набѣги Половцевъ заставили ихъ построить города, куда бы они могли укрываться въ случаѣ внезапнаго нападенiя. Главнымъ изъ городовъ былъ *Торческъ*. Въ 1093 г. Торческъ осаждали Половцы 9 недѣль, послѣ чего городъ былъ взятъ и сожженъ (111). Въ послѣдствiи Торческъ былъ мѣстопребыванiемъ князя, который княжилъ надъ всѣмъ Поросьемъ, т. е. мѣстами по р. Роси. Относительно князей, жившихъ въ Торческѣ и княжившихъ надъ Поросьемъ мы имѣемъ слѣдующiя данныя.

Въ 1155 г. Юрiй Долгорукiй отдалъ Поросье сыну своему Васильку (112).

Въ 1161 г. Мы видимъ въ Торческѣ Княземъ Рюрика Ростиславича, хотя Василько жилъ еще тамъ. Поросье, по всей вѣроятности, было отдано Рюрику еще въ 1159 г. во время восшествiя на Великокняжескiй престолъ Ростислава, отца Рюрикова (113). Время княженiя Рюрика Ростиславича можно положить отъ 1159 по 1169 г. (114). Съ утвержденiемъ Глѣба Юрьевича въ Кiевѣ (1169) въ Торческѣ княжитъ братъ его Михаилъ, отличавшiйся своимъ мужествомъ и смѣлостью, едва не поплатившiйся жизнiю за свою отвагу въ войнѣ съ Половцами (1172 г.). Только усердiе Черныхъ Клобуковъ спасло его. Они схватили за узду коня Михаила, когда онъ хотѣлъ съ немногими воинами броситься впередъ, и не пустили его (115). Въ 1173 г. по смерти Глѣба, въ замѣнъ Торческа, Михаилъ получилъ Переяславскую область. Но въ 1174 г. мы опять встрѣчаемъ Михаила въ Торческѣ вмѣстѣ съ братомъ Всеволодомъ (116). До 1186 г. не упоминается объ особомъ князѣ въ Торческѣ; въ это время, надо думать, Торческъ причислялся къ кiевскому княжеству. Съ 1186 г. мы встрѣчаемъ княземъ въ Торческѣ Ростислава Рюриковича (117). Послѣ этого Торческъ переходитъ изъ рукъ въ руки. Въ 1195 г. Торческъ вмѣстѣ съ другими городами (Каневомъ, Триполемъ, Корсуномъ, Богуславомъ) былъ отданъ тогдашнимъ В. Княземъ Рюрикомъ зятю своему Роману (Галицкому); но въ томъ же самомъ году Рюрикъ отдалъ эти самые города Великому Князю

(110) См. о немъ И. Г. Р. т. 2, прим. 420, 424, 425; т. 3, прим. 3. — (111) Лавр. лѣт., стр. 94—96. — (112) Ипат. лѣт, стр. 77. — (113) Ист. Г. Р. Карамз. т. 2, примѣч. 401. — (114) Лавр. лѣт, стр. 154—155. — (115) Ипат. лѣт., стр. 104; т. 3, И. Г. Р. прим. 9. — (116) И. Г. Р., т. 3, 2-го изд. стр. 22. — (117) Ипат. лѣт. стр. 129.

Всеволоду Юрьевичу по требованію его. Въ 1193 г. въ свою очередь Всеволодъ отдалъ Торческъ зятю своему Ростиславу Рюриковичю (118), который княжилъ здѣсь съ 1193 — 1204 г. (119). Ростиславъ Рюриковичъ, князь храбрый, отважный, еще съ самыхъ юныхъ лѣтъ гроза Половцевъ. Съ помощію Черныхъ Клобуковъ онъ нѣсколько разъ отражалъ нападенія ихъ, нѣсколько разъ ходилъ въ предѣлы Половецкой земли и всегда оставался побѣдителемъ.

Во время борьбы Всеволода Чермнаго съ Ростиславичами, Рюрикомъ и Романомъ, Торческъ былъ въ рукахъ послѣднихъ. Въ 1207 г. Мстиславъ Мстиславичъ храбро защищалъ Торческъ противъ Ольговичей (Всеволода Чермнаго и др.). Только крайняя необходимость принудила его сдаться (120). Упорная защита Торческа была началомъ славы Мстислава, которую онъ вскорѣ пріобрѣлъ и дѣлами Новгородскими и дѣлами Галицкими. Въ 1219 г. Мстиславъ Удалой по завоеваніи Галича, взявъ въ плѣнъ Каломана и его супругу, подъ крѣпкою стражею отослалъ ихъ въ Торческъ (121). Болѣе года Торческъ былъ для нихъ мѣстомъ ссылки. Около этого времени Торческъ долженъ былъ принадлежать Мстиславу Удалому; такъ въ 1220 г. онъ отсюда пошелъ на Галичь. Въ 1227 г. въ Торческѣ окончилъ свою бурную, походную жизнь Мстиславъ, сынъ Мстислава Храбраго, по всей справедливости названный нашими лѣтописями Удалымъ. Чувствуя приближеніе смерти, Мстислахъ постригся въ монахи, принялъ схиму, спѣшилъ въ Кіевъ, но уже не могъ, и скончался въ Торческѣ (122). Въ 1220 г. Торческъ взялъ на свою долю Даніилъ Галицкій и отдалъ его дѣтямъ Мстислава Удалаго, своимъ шурьямъ, сказавши: «за отца вашего добродѣянье пріимѣте и держите Торцькій городъ» (123).

Кромѣ Торческа говорится еще о другихъ городахъ, хотя безъ означенія ихъ названія. Изяславъ пошелъ отъ Звенигорода къ Тумащю. .. «и ту придоша къ нему Черніи Клобуци, жены своя и дѣти своя въ городѣхъ затворивше на Поросьи, и т. д. (124)».

Подъ 1177 г. говорится, что Половцы взяли «6 городовъ Береньдиць» (125).

Въ заключеніе мы должны сказать, что въ нашихъ лѣтописяхъ вездѣ Черные Клобуки отличаются отъ Руси, и самою главною чертою отличія выставляется то, что Черные Клобуки были поганые, т. е. не христіане.

Лѣтописецъ, повѣствуя о погибели Торковъ въ 1060 г. прибавляетъ, «тако Богъ избави хрестьяны отъ поганыхъ» (126).

1125 г. Половцы, услышавше о смерти Владиміра Мономаха «хотяче полонити Торкы проклятыя» (127).

---

(118) Ипат. лѣт., стр. 145. — (119) Тамъ же, стр. 329. — (120) Тамъ же, стр. 330. — (121) И. Г. Р. Карам. т. III, примѣч. 193. — (122) Лавр. лѣт., стр. 191.— (123) Ипат. лѣт., стр. 171.— (124) Тамъ же, стр. 51. — (125) Ипат. лѣт., стр. 118.— (126) Лавр. лѣт., стр. 70. — (127) Тамъ же, стр. 129.

После измѣны Берендѣевъ, когда они пустили въ Мстислава Изяславича стрѣлы, сей послѣдній говоритъ: «не дай Богъ поганому вѣру яти николиже» (128).

Въ началѣ XIII вѣка имя Черныхъ Клобуковъ совершенно изчезаетъ изъ нашихъ лѣтописей (129). Какая тому причина? Куда дѣвались Черные Клобуки? Изъ лѣтописей нашихъ ничего неизвѣстно. Не слились ли они съ другимъ какимъ нибудь извѣстнымъ въ Исторіи нашей народомъ, не усвоили ли себѣ его названія и не продолжали ли подъ нимъ своего существованія, утративъ собственное имя. Спустя почти два столѣтія на тѣхъ самихъ мѣстахъ, гдѣ жили Черные Клобуки, являются новые дѣятели —Козаки. Внезапное изчезновеніе народцевъ, имя которыхъ постоянно встрѣчалось два столѣтія сряду и явленіе на ихъ мѣстѣ Козаковъ, о происхожденіи которыхъ долго спорили и еще будутъ спорить, даютъ намъ поводъ думать, что Черные Клобуки, т. е. Торки и Берендѣи, могли быть однимъ изъ элементовъ козачества, которое, вѣроятно, получило начало свое еще въ древней Руси, хотя оно и не выразилось тогда въ такихъ яркихъ чертахъ, какъ въ послѣдствіи времени, когда тому способствовали и духъ вѣка и внѣшнія обстоятельства. Вспомнимъ, что Торки и Берендѣи сражались всегда конные, составляли передовые отряды войскъ, посылались впередъ жечь и грабить непріятельскія жилища и станы. Не сходны ли они въ этомъ съ козаками? Не потверждается ли наше предположеніе и тѣмъ, что Черные Клобуки назывались Черкасами? А намъ извѣстно, что въ послѣдствіи времени назывались Черкасами и Козаки.

П. Савчевскій.

(128) Ипат. лѣт., стр. 97.

(129) Послѣднія мѣста сюда принадлежащія въ лѣтоп.: Лавр. лѣт., стр 176. Рюрикъ идетъ войною на Романа Галичскаго и соединяется въ Кіевѣ съ Ольговичами, но Романъ предупреждаетъ его «*и Черніи Клобуци вси совкупившеся ѣхаша къ Роману*». 1206 г. Лавр. лѣт., стр. 180. Всеволодъ Чермный идетъ съ союзниками воевать Галичскую волость, *и Берендичи идоша съ нимъ*.

IIII.

НИФОНТЪ, ЕПИСКОПЪ НОВГОРОДСКІЙ.

Нифонтъ, епископъ Новогородскій, принадлежитъ къ числу наиболѣе замѣчательныхъ между древними нашими іерархами. Обстоятельства, которыми сопровождалась его историческая дѣятельность, имѣютъ еще тотъ интересъ, что въ нихъ заключаются черты, опредѣляющія направленіе и духъ нашей іерархіи въ XII столѣтіи вообще. Вотъ почему личность Нифонта заслуживаетъ обстоятельнаго разсмотрѣнія. Постараемся собрать въ одно мѣсто тѣ отрывочныя извѣстія объ немъ, которыя разсѣяны въ нашихъ лѣтописяхъ и, на основаніи ихъ, опредѣлимъ его историческое значеніе.

Неизвѣстно, когда родился Нифонтъ; лѣтописи начинаютъ говорить объ немъ съ 1130 года, въ которомъ Кіевскій митрополитъ Михаилъ II рукоположилъ его въ Новогородскаго епископа (1); прежде же онъ былъ постриженникомъ Печерскаго монастыря. Въ 1135 году митрополитъ Михаилъ наложилъ запрещеніе на Новгородъ. Такая строгость оскорбила Новогородцевъ, Князя ихъ Всеволода Мстиславича и епископа Нифонта. Отъ лица всѣхъ отправлены были къ митрополиту игуменъ Исаія и посолъ Якунъ Ивановичъ (2). Въ 1136 году Князь Святославъ Ольговичъ женился въ Новгородѣ и былъ вѣнчанъ своими священниками въ Никольской церкви: Нифонтъ же не хотѣлъ его вѣнчать, утверждая, что не слѣдуетъ князю жениться на избранной имъ невѣстѣ. Онъ даже запретилъ быть на

---

(1) «Въ лѣто 6638 (1129) отвьржеся архепископъ Іоаннъ Новагорода и поставиша архепископа Нифонта, мужа свята и зѣло боящася Бога; и приде Новугороду мѣсяця генваря въ 1-й день на Святого Василья на обѣдьнюю». Смотр. Новогород. I лѣтопись стр. 6, Новогород. II стр. 124, Новогор. III стр. 214, Новогор. IV стр. 3 и 4. Никонов. т. II, Кіевскую по каталогу Востокова подъ N CCLII. Я называю Нифонта епископомъ на томъ основаніи, что архіепископія въ Новѣгородѣ учреждена собственно въ 1165 году. Смотр. роспись или краткій лѣтописецъ Новогородскихъ владыкъ стр. 180.

(2) Никонов. II подъ 6643 годомъ.

княжеской свадьбѣ своему духовенству (3). Въ 1144 году, по приказанію Нифонта, были украшены живописью притворы Софійской церкви (4). Сказаніемъ о постройкѣ Нифонтомъ нѣсколькихъ церквей заключаются всѣ извѣстія лѣтописей объ немъ до 1147 года (5), который въ исторіи нашей іерархіи ознаменованъ весьма важнымъ событіемъ,— мы разумѣемъ постановленіе въ Кіевскіе митрополиты Климента, Смоленскаго уроженца, по волѣ Великаго Князя Изяслава Мстиславича. «Въ лѣто 6655, говоритъ Ипатьевская лѣтопись, постави Изяславъ митрополитомъ Клима Смолятича, выведъ изъ Заруба; бѣ бо черноризечь, скимникъ, и бысть книжникъ и философъ, такъ якоже въ Руской земли не бяшеть. Рече бо Черниговскій епископъ: «азъ свѣде, яко достоить съшедшеся епископомъ митрополита поставити». И снидошась Черниговьски епископъ Онофрій, Бѣлогородьскій епископъ Ѳеодоръ, Переяславьскій епископъ Еуѳимій, Гюргійскій епископъ Демьянъ, Володимерьскій Ѳедоръ, Новогородьскій Нифонтъ, Смоленьскій Мануилъ, рекоста: «не есть того въ законѣ, яко ставити епископомъ митрополита безъ патріарха, но ставить патріархъ митрополита; а не поклонивѣ ти ся, ни служивѣ съ тобою, зане не взялъ еси благословенія у Святоѣ Софьи, ни отъ патріарха; аще ли ся исправиши, благословишися отъ патріарха, и тогда ти ся поклонивѣ: мы взяли отъ Михаила отъ митрополита рукописаніе, яко не достоить намъ безъ митрополита въ Святѣй Софьи служити» (6). Онъ же (Климъ) на ня про то тяжко сердце имѣя. Онофрій же Черниговьскій рече: «азъ свѣде, достоить ны поставити, а глава у насъ есть Святаго Климента, якоже ставять

---

(3) Новогород. I, стр. 7. Подробности этого дѣла не извѣстны.

(4) «Въ тоже лѣто (6652) испьсаша честно притворы вся въ Святѣи Софіи Новѣгородѣ архіепископъ Нифонтъ». Нов. I, стр. 9.

(5) Новогород. I, стр. 9, Новогород. III, стр. 214, 215.

(6) Митрополитъ Михаилъ II уѣхалъ въ Константинополь въ 1146 году. Когда онъ умеръ, неизвѣстно; по крайней мѣрѣ съ большою вѣроятностью можно заключить, что послѣ 1156 (или въ 1156), въ которомъ онъ присутствовалъ еще на Соборѣ, бывшемъ въ Константинополѣ противъ еретика Сотериха. Смотр. Oriens Christianus I, pag. 1264.

Примѣчаніе. Подъ *рукописаніемъ* должно разумѣть письменное исповѣданіе вѣры, которое, по законамъ Юстиніана, долженъ былъ давать вновь поставленный епископъ и митрополитъ. Ordinaturum ab ordinando libellum petere oportet, qui plenissimam ejus fidem et testimonium contineat — гласитъ 123 Новелла.

Греци рукою Святаго Ивана». И тако сгадавше епископи, главою Святаго Климента поставиша митрополитомъ» (7). Такъ разсказываетъ Ипатьевская лѣтопись Тоже самое мы находимъ и въ Никоновской, только съ слѣдующею прибавкою: «мнози же убо о семъ негодоваху и от епископовъ и от прочихъ священныхъ и от иночествующихъ и от мірскихъ, паче же на князя Изяслава Мстиславича Кіевскаго негодоваху, глаголюще: «яко сей попудилъ есть тако сотворити не по благословенію святаго патріарха Костянтиноградскаго и священнаго собора; законъ бо есть Рускимъ митрополитомъ поставлятися от святаго патріарха и от священнаго собора, тамо сущаго во святеи Софеи» (8).

Но есть поводъ думать, что Нифонтъ не былъ лично на соборѣ, а протестовалъ изъ своей епархіи, ибо въ Новогородской 1-й лѣтописи, подъ 6657 годомъ, сказано слѣдующее: «иде архепископъ Нифонтъ *въ Русь*, позванъ Изяславомъ и Климомъ митрополитомъ; ставилъ бо его бяше Изяславъ съ епископы *Русьскыя области*, не славъ Царю-граду, а Нифонтъ тако мълвяше: недостойнѣ есть сталъ, оже не благословенъ есть отъ великаго сбора, ни ставленъ; а онъ про то небързо отрядивъ ѐго, нъ посади и въ Печерьстѣмъ манастыри» (9). Названія «*Русь*», «*Русьская область*», какъ извѣстно, собственно давались только южнымъ областямъ; Новгородъ же не назывался Русью. Такимъ образомъ, если здѣсь сказано, что Изяславъ ставилъ митрополита съ епископами Русской области, то само по себѣ слѣдуетъ, что на Соборѣ не было Нифонта. При томъ Новогородская лѣтопись опредѣлительно говоритъ, что Нифонта вытребовали въ Кіевъ въ 1149 году (слѣдовательно спустя два года послѣ Собора), и что онъ по пріѣздѣ былъ заточенъ въ Печерскомъ монастырѣ. Если бы Нифонтъ былъ на соборѣ, то Климентъ тогда же бы заточилъ его, имѣя на него «*тяжко сердце*», какъ говоритъ лѣтопись.

Далѣе по лѣтописямъ мы знаемъ, что Нифонтъ въ 1150 году былъ освобожденъ изъ заточенія Юріемъ Долгорукимъ (10). По возвращеніи въ Новгородъ, онъ не измѣнилъ своего образа мыслей касательно Климента.

---

(7) Ипатьевская лѣт., стр. 29, 30.

(8) Никонов. II, подъ 6653 г.

(9) Новогород. I, стр. 10.

(10) «Въ лѣто 6658 приде архепископъ Нифонтъ изъ Кыева, пущенъ Гюргемъ княземъ, и ради быша людье Новѣгородѣ». Новогород. I, стр. 11.

Въ 1154 году скончался Изяславъ Мстиславичъ. По кратковременномъ княженіи Ростислава Мстиславича, въ 1155 году Кіевомъ овладѣлъ Юрій Владиміровичъ. Климентъ былъ теперь беззащитенъ. Юрій, согласно съ мыслію Нифонта, отвергъ его и требовалъ митрополита отъ руки Цареградскаго патріарха. Пришло извѣстіе, что въ Кіевѣ будетъ митрополитъ Константинъ, родомъ Грекъ, рукоположенный Цареградскимъ патріархомъ. Тогда снова поднялись всѣ противники Климента и Великаго Князя Изяслава. Въ 1156 году прибыли въ Кіевъ епископы Полоцкій и Смоленскій (11). Пріѣхалъ и Нифонтъ; но онъ не дождался Константина; его постигла смерть 15 апрѣля, о которой Ипатьевская лѣтопись подъ 6664 годомъ сообщаетъ слѣдующее: «приде блаженый епископъ Новгородьскій Нифонтъ, жда митрополита Костянтина изъ Царягорода, бяшеть бо ему вѣсть, яко уже пошелъ есть митрополитъ; и постиже и болѣзнь; болѣвшю бо ему 13 дній, и тако успе съ миромъ мѣсяца априля въ 15 день порозноѣ (на свѣтлой) недѣлѣ въ суботу, и положенъ бысть у Печерьскомъ манастыри у Ѳедосьевѣ печерѣ, бѣ бо имѣя велику любовь къ Святѣй Богородици и къ отцю Ѳедосью...»; далѣе лѣтопись продолжаетъ: «то бо Нифонтъ епископъ бысть поборникъ всей Руской земли, бысть бо ревнивъ по божественѣмъ; его же Климъ понуживаше служити съ собою, онъ же ему тако молвяшеть: «нѣси пріялъ благословенія отъ Святѣй Софьѣ и отъ святаго великаго сбора, и отъ патріарха, тѣмъ же не могу съ тобою служити, ни въспоминати тебе въ святѣй службѣ, но поминаю патріарха»; оному же мучащюся съ нимъ и научающю нань Изяслава и своя поборники, не може ему успѣти ничтоже. Патріархъ же присла къ нему грамоты, блажа и, и причитая ко святымъ его; онъ же болѣ крѣпляшеться, послушивая грамотъ патріаршь» (12). Въ Новогородской лѣтописи по случаю смерти Нифонта сказано слѣдующее: «тои же

---

(11) Ипатьев. лѣтоп., стр. 80.

(12) Все это удивительно сходно съ рукописными патериками: «абіе же слыша (Нифонтъ), яко отъ Вселенскаго патріарха въ Русію Костянтинъ митрополитъ, радости духовныя исполнися, помысли въ себѣ, яко да овое съвръшитъ въ дому Пречистыя и преподобнымъ поклонится и отъ святителя благословеніе пріиметъ, и таковыя ради вины пріиде къ Кіеву въ лѣто 6654 (1136). И пребывающу ему ожидающи митрополита пришествія, бяше бо ему вѣдомо, яко, извѣстно, отъ царствующаго града выде митрополитъ. Тогда же Климъ митрополитъ столъ святительскій пріимъ не патріаршимъ благословеніемъ Цариграда. Сего блаженнаго епископа Нифонта принуждаше

веснѣ (6664) преставися архепископъ Нифонтъ априля въ 21, шьлъ бяше Кыеву противу митрополита, инiи же мнози глаголаху, *яко полупивъ святую Софiю пошьлъ Цареграду; и много глаголаху нань*, нъ собѣ на грѣхъ. Семъ бы разумѣти комуждо насъ, которыи епископъ тако украси святую Софiю? притворы испьса, кивотъ створи и всю извъну украси, а Пльсковѣ святого Спаса церковь създа камяну, другую въ Ладозѣ святого Климента; мьню бо, яко не хотя Богъ по грѣхомъ нашимъ дати намъ на утѣху гроба его, отведе и Кыеву, и тамо преставися» (13).

Когда прiѣхалъ въ Кiевъ Константинъ, то противники Климента благословили князя Юрiя; вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожены были всѣ Климентовы распоряженiя. Но разсудивъ, дозволили служить его ставленникамъ (14). Такъ разсказываютъ о Нифонтѣ наши лѣтописи. Постараемся теперь опредѣлить его историческое значенiе.

Прежде всего насъ поражаетъ несогласiе, обнаружившееся при избранiи въ митрополиты природнаго Русскаго, безъ вѣдома Цареградскаго патрiарха. Мы видимъ двѣ стороны: одни изъ духовныхъ изъявляли готовность исполнить волю князя Изяслава; другiе были противъ него. Стороны эти разнились не только во мнѣнiяхъ, но между ними существовала открытая непрiязнь, даже взаимная нетерпимость. Такъ, пока живъ былъ князь Изяславъ Мстиславичъ,

---

Климъ служити съ собою; онъ же глаголаше ему: «понеже не прiялъ еси благословенiя отъ Святого Вселенскаго патрiарха Цариграда, за сiе не хощу служити съ тобою, ни вспоминати тебе во святѣй службѣ, но поминаю святаго Царьградскаго патрiарха». Климу же вельми принуждающу его, научающу нань князя Изяслава и своя поборники и не възможе ему зла сотворити ничтоже. Патрiархъ же Цариграда, слышавъ сiе, присла къ нему посланiе, сице блажа его о величествѣ разума и крѣпости и причитаа его къ прежнымъ святымъ, иже твердѣ о православiи ставшихъ. Онъ же, патрiарше посланiе прочетъ, зѣло вельми крѣпостiю себе утверждаше». — Смотр. Патерикъ Румянц. музея по каталогу Востокова подъ N CCCV, писанный 1462 года, и также рукописный патерикъ Императорской публичной библiотеки N 271 (196).

(13) Новогород. I, стр. 12.

(14) «И тако испровергъше Климову службу и ставленiя и створивше божественую службу и благословиша князя Дюргя Володимiровича; а потомъ (попомъ?) и дьяконом ставленiе отда, иже бѣ Климъ ставилъ митрополитъ: писаша бо къ нему рукописанiе на Клима». Ипатьев. лѣт., стр. 80. Тоже самое говоритъ Воскресенская лѣтопись.

Климентъ съ ожесточеніемъ преслѣдовалъ своихъ противниковъ; не успѣвъ поколебать непреклоннаго Нифонта, онъ заточилъ его въ Печерскомъ монастырѣ. По всему вѣроятію таже участь ожидала и Мануила, епископа Смоленскаго, ибо онъ принужденъ былъ скрываться отъ Климента (15). Когда же не стало Изяслава Мстиславича, тогда торжествующіе противники не только отвергли Климента, но еще уничтожили всѣ его распоряженія.—Различіе это во мнѣніяхъ не ограничивалось только духовными, но касалось и свѣтскихъ лицъ. Такъ Никоновская лѣтопись говоритъ, какъ мы видѣли: «мнози же убо о семъ негодоваху от епископовъ и от прочихъ священныхъ и от иночествующихъ и отъ *мірскихъ*».

Оппозиціею Изяславу руководили Мануилъ и Нифонтъ да еще Полоцкій епископъ, о которомъ, впрочемъ, Ипатьевская лѣтопись не говоритъ, что онъ былъ также на соборѣ, по случаю избранія Климента въ митрополиты; но онъ, какъ мы видѣли, былъ также одинъ изъ первыхъ, явившихся въ Кіевѣ по смерти Изяслава и дѣйствовавшихъ противъ Климента. Что Мануилъ былъ противъ Изяслава, это еще понятно: онъ пріѣхалъ изъ Греціи; можетъ быть, самъ былъ природнымъ Грекомъ (16). Греки же ничего такъ не желали и всѣми силами поддерживали, чтобы право утвержденія митрополита всея Руси постоянно оставалось за Цареградскимъ патріархомъ, потому что (*) при такомъ только условіи возможна была прочность греческаго вліянія на Русскую іерархію Но почему Нифонтъ съ такою горячностью стоялъ за право Цареградскаго патріарха? Вотъ вопросъ, который едва ли возможно рѣшить совершенно удовлетворительнымъ образомъ.

Мы видѣли изъ лѣтописей, что Нифонтъ пользовался любовію не только своей паствы, но еще снискалъ себѣ имя «*поборника всей Руской земли*». Заботливость его о благолѣпіи церковномъ также

---

(15) Въ Ипатьевской лѣтописи про Мануила сказано: «иже бѣ бѣгалъ передъ Климомъ». Стр. 80.

(16) «Въ лѣто 6645 (1137) поставленъ бысть скопець Мануйло епископомъ Смоленьску, пѣвець гораздый, иже бѣ пришелъ изъ Грекъ самъ третій къ благолюбивому князю Мьстиславу». Ипатьев. лѣт., стр. 14.

(*) Поддержаніе вышеозначеннаго права Патріарха Цареградскаго основывалось главнымъ образомъ на 28 правилѣ Халкидонскаго Собора, въ которомъ опредѣлено: «Митрополиты областей Понтійскія, Асійскія и Ѳракійскія должны быть поставляемы Константинопольскимъ Архіепископомъ».

Примѣч. Редакціи.

не осталась незамѣченною нашими лѣтописцами. Онъ былъ пастырь просвѣщенный, свѣдущій въ каноническомъ правѣ, знающій обычаи, существовавшіе въ Греческой Церкви. Къ нему обращались съ вопросами о разныхъ случаяхъ въ Церкви, которые могли быть рѣшены не столько каноническимъ правомъ, сколько знаніемъ обыкновеній, принятыхъ Греческою Церковію. Нифонтъ разрѣшалъ всѣ предложенные ему вопросы съ свойственною ему опытностію Кромѣ того, въ отвѣтахъ его насъ поражаетъ еще одна черта, которая чрезвычайно возвышаетъ его. Такъ, на примѣръ: въ одномъ вопросѣ Кирикъ говоритъ: «а иже се, рѣхъ: идуть въ сторону, въ Ерусалимъ къ святымъ, а другымъ азъ бороню, не велю ити: сдѣ велю доброму ему быти. Нынѣ другое уставихъ, есть ли ми, владыко, въ томъ грѣхъ? Велми, рече, добро творити: да того дѣля идеть, абы порозну ходяче ясти и пити; а то ино зло, борони, рече» (18). Такъ въ то время, какъ Римское духовенство поддерживало страсть къ пилигримству, Греческое вооружалось противъ странствованій, когда они были безполезны для души и вредны для общества. Нифонту въ этомъ отношеніи принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ.

Но какъ ни велико было уваженіе къ Нифонту, все же есть поводъ думать, что были люди, недовольные имъ. Новогородская 1-я лѣтопись, какъ мы видѣли, говоритъ: «иніи же мнози глаголаху, яко *полупивъ святую Софію пошьлъ Царю-граду, и много глаголаху нань*». Изъ словъ этихъ мы прямо заключаемъ, что были люди, питавшіе нелюбовь къ Нифонту, что нелюбовь эта происходила изъ за привязанности его къ Цареградскому патріарху. Кто же были эти недовольные Нифонтомъ, утверждавшіе, что онъ, *полупивъ святую Софію, пошелъ Царю-граду?* Очевидно — это были всѣ тѣ, которые были противъ вліянія на Русь Константинопольскаго патріарха, которые и къ Нифонту по той же причинѣ питали недовѣріе. Хотя это нерасположеніе не имѣло относительно Нифонта дальнѣйшихъ послѣдствій, потому что знаменитый пастырь украшенъ былъ многими личными достоинствами, все же оно не можетъ быть оставлено не замѣченнымъ, потому что хорошо характеризуетъ то время. И такъ Нифонтъ имѣетъ то значеніе въ исторіи нашей іерархіи, что былъ *самымъ настойчивымъ защитникомъ правъ Царяградскаго патріарха на Русскую Церковь.* За такую ревность, какъ мы видѣли,

---

(18) Памятники Россійской Словесности XII вѣка стр. 176.

патріархъ особенно *ублажалъ* его и даже *причислилъ* къ лику святыхъ еще при жизни его.

Всматриваясь въ стремленія нашего духовенства, мы замѣчаемъ, что почти общею характеристическою чертою природныхъ Русскихъ іерарховъ было стараніе высвободиться изъ-подъ вліянія Греческаго. Въ XII столѣтіи это рѣзко обнаружилось при избраніи въ митрополиты Климента. Подобное стремленіе обнаруживалось почти всегда, какъ скоро главою іерархіи являлся природный Русскій. Такъ Кириллъ III, митрополитъ, управлявшій Русскою Церковію послѣ Монгольскаго погрома, на созванномъ имъ соборѣ прямо высказалъ мысль противъ Греческаго вліянія· «Тѣмь бо азъ Кюрилъ смѣреныи митрополитъ всея Роуси, говорилъ онъ, многа оубо видѣніемь и слышаніемь неоустроіеніе церквахъ, ово сице дьржаща, ово инако, несьгласія многа и гроубости или неоустроіеніемь пастоушьскымь или обычаемь неразоумія, или неприхоженіемь епископъ или отъ неразоумныхъ правилъ церковьныхъ. *Помрачени бо бѣахоу прежь сего облакомь моудрости Елиньскаго языка*» (19). Въ словахъ этихъ прямо выражалось нерасположеніе къ Греческому вліянію. Да и могъ ли иначе чувствовать человѣкъ, горячо любящій свое отечество, съ прискорбіемъ взиравшій на холодность Греческихъ духовныхъ ко всему Русскому? Противодѣйствіе Греческому вліянію рѣзче стало обнаруживаться со временъ Московскихъ, когда главою Русской іерархіи чаще бывали природные Русскіе и притомъ избранные Русскимъ клиромъ.

Нифонтъ былъ *ревностнымъ поборникомъ вліянія Греческаго на Русь*. Какъ же объяснить эту привязанность? Сознаніемъ ли духовныхъ правъ? стремленіемъ ли поставить іерархію въ совершенную независимость отъ свѣтской власти? — быть можетъ, онъ потому противился Клименту, что тотъ былъ поставленъ по волѣ великаго князя Изяслава. Въ словахъ: «аще ли ся исправиши, благословишися отъ патріарха, тогда ти ся поклонивѣ», — быть можетъ, заключается тотъ смыслъ, что хотя Климентъ избранъ и княземъ, но это избраніе недѣйствительно безъ верховнаго изволенія патріарха. — Но не былъ ли Нифонтъ родомъ Грекъ? — Не безъ вѣроятія можно допустить и эту гипотезу (20), а именно·

---

(19) Русскія достопамятности, часть I. Смотр. Правило Кирилла митрополита.

(20) Трудно допустить эту гипотезу, потому что Нифонтъ былъ постриженъ въ монашество въ Кіевопечерской Лаврѣ, а не въ Греціи. А подроб-

Вникая въ отвѣты Нифонтовы на вопросы Кирика, мы замѣчаемъ въ немъ основательныя знанія обычаевъ Греческой Церкви. Иногда онъ прямо разрѣшаетъ сомнѣнія Кирика отвѣтомъ, что такъ дѣлается въ Греціи. Такъ, на примѣръ, на вопросъ: достоить ли попу своей женѣ молитва творити всякая или въ селѣ или сдѣ? Нифонтъ отвѣчалъ: «по всей Грьчьстѣй земли и области не даютъ своимъ женамъ попове; аже не будеть иного попа близь, а сътворити» (21). На вопросъ: «оже будеть кый человѣкъ и крещенъ въ Латиньскую вѣру и въсхощеть приступити къ намъ?» Давши наставленіе, что нужно дѣлать въ такомъ случаѣ, Нифонтъ оканчиваетъ свой отвѣтъ слѣдующими словами: «самъ написахъ и оконо тако молвяше: «(въ) Цариградѣ, рече, толко въ лентьи станеть, коли мажють и мюромъ, а масломъ, рече, не мазати» (22).

А. Зернинъ.

IV.

СПИСКИ СУДНЫЕ И ДОКЛАДНЫЕ И ГРАМОТЫ ПРАВЫЯ И БЕЗСУДНЫЯ ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

Для опредѣленія формъ и значенія *списковъ судныхъ и докладныхъ* и *грамотъ правыхъ и безсудныхъ* необходимо напередъ хотя сколько нибудь опредѣлить тотъ порядокъ судебнаго дѣлопроизводства, который далъ начало симъ дѣловымъ бумагамъ. Мы не можемъ

ности нѣкоторыхъ обрядовъ и обыкновеній Цареградскихъ Нифонтъ могъ знать отъ людей, бывавшихъ въ Царѣградѣ. *Примѣч. Редакціи.*

(21) Памятники XII вѣка, стр. 178.

(22) Тамъ же, стр. 176.

прямо и ясно указать время, когда начался таковый судебный порядокъ на Руси; но нѣтъ сомнѣнія, что онъ уже существовалъ въ XIV столѣтіи, ибо въ уставной Двинской грамотѣ, данной В. К. Василіемъ Дмитріевичемъ въ 1398 году, упоминается о правыхъ и безсудныхъ грамотахъ, и даже положены пошлины за приложеніе печати и за письмо грамотъ: «А отъ печати, сказано въ грамотѣ, намѣстникомъ по три бѣлки, а дьякомъ отъ писма отъ судные грамоты двѣ бѣлки» (1). Почти такое же указаніе мы находимъ въ Псковской судной грамотѣ, гдѣ также упоминается и о безсудныхъ и правыхъ грамотахъ, которыя по Псковскому порядку судебнаго дѣлопроизводства можно было писать и княжому писцу и не княжому, а равнымъ образомъ прикладывать или княжую печать, или печать Троицкой соборной церкви: «А княжей писецъ взъметъ по силѣ истцово отъ позовницы или отъ безсудной грамоты, а захочетъ не по силѣ, ино волно индѣ написати, а князю запечатать. А не запечатаетъ князь, ино у святѣй Троицы запечатать (2)». Или въ той же грамотѣ назначены и пошлины отъ письма и печати правыхъ и безсудныхъ грамотъ, изъ коихъ первыя тамъ названы судницами: «А княжой писецъ иметъ писати судницу о земли, ино ему отъ судницы 5 денегъ, а отъ печати денга, а отъ безсудной и отъ приставной все то имъ имати.. по денги. А толко княжой писецъ захочетъ не по силѣ; ино индѣ волно написати, а князю запечатать. А не запечатаетъ князь, ино у святѣй Троицы запечатать (3)». А въ судной Новгородской грамотѣ 1471 года мы уже находимъ хотя неполныя свидѣтельства какъ о правыхъ и безсудныхъ грамотахъ и о судныхъ и докладныхъ спискахъ и ихъ значеніи, такъ частію и о судебномъ порядкѣ, какъ сіи акты составлялись. Во 1-хъ, въ Новгородской грамотѣ есть прямое свидѣтельство, что судныя или правыя грамоты выдавались оправданному, какъ судебный документъ, утверждающій и охраняющій его право; въ грамотѣ сказано: «а кто кого утяжетъ въ землѣ и судную грамоту возметъ, ино ему ѣхать на свою землю по судной грамотѣ, да и володѣть ему тою землею». Во вторыхъ, въ этой же грамотѣ мы находимъ указаніе, что судные списки записывались дьяками при самихъ судьяхъ и къ нимъ для удостовѣренія прикладывались печати разкащиковъ, т. е. тѣхъ лицъ, изъ чьихъ показаній составля-

(1) Акт. Арх. Экспедиц. т. I, N 13.
(2) Псковск. грам. по изд. Мурзакевича, стр. 9.
(3) Тамъ же стр. 13.

лось судное дѣло. По словамъ грамоты: «Судьямъ, какъ росказщики укажутъ, ино коему ни есть судьѣ велѣти своему дьяку тое дѣло записать, а роскащикомъ къ тѣмъ спискомъ свои печати приложить». Въ 3-хъ, судъ по Новгородской грамотѣ начинался у тіуна въ одринѣ, а потомъ для окончательнаго рѣшенія переносился къ докладу во владычню комнату; у тіуна на судѣ были по приставу отъ истца и отвѣтчика, а во владычнѣ комнатѣ судьями были отъ каждаго Новгородскаго конца по боярину и по житьему, и съ ними же сидѣли судные мужи, бывшіе въ судѣ съ тіуномъ и приставы. «А въ тіунѣ одринѣ, говоритъ грамота, быти по приставу съ сторону людемъ добрымъ, да судити имъ въ правду. А докладу быти во владычнѣ комнатѣ; а у докладу быть изъ конца по боярину да по житьему, да кои люди въ судѣ сидѣли да и приставомъ, а иному никому же у доклада не быть». Въ 4-хъ, таже грамота свидѣтельствуетъ и о судныхъ пошлинахъ отъ судной и безсудной грамотъ: «взять судьямъ отъ судной грамоты четыре гривны, а отъ безсудной двѣ гривны (4)».

Далѣе Судебникъ 1497-го года представляетъ слѣдующія свидѣтельства о порядкѣ суда и о значеніи разбираемыхъ судебныхъ актовъ. По сему Судебнику судъ былъ трехъ видовъ: судъ намѣстничій, судъ боярскій и судъ Великаго Князя: въ боярскомъ судѣ при боярахъ непремѣнно долженъ былъ присутствовать дьякъ; въ судѣ Великаго Князя также долженъ былъ участвовать дьякъ и сверхъ того печатникъ, прилагавшій княжескую печать; въ судѣ намѣстника или волостеля участвовали дьякъ, дворскій, или староста и выборные лучшіе люди; безъ нихъ ни намѣстникъ, ни волостель не имѣли права судить; въ иныхъ дѣлахъ вмѣсто намѣстника или волостеля производили судъ ихъ тіуны, но въ присутствіи тѣхъ же судныхъ мужей, которые должны были сидѣть въ намѣстничьемъ или волостелинѣ судѣ. Въ Судебникѣ 1497 года уже подробнѣе нежели въ вышеприведенныхъ грамотахъ упоминается о судныхъ и докладныхъ спискахъ, о правыхъ и безсудныхъ грамотахъ. Такъ, во 1-хъ, здѣсь сказано: «А съ списка съ суднаго пересуда нѣтъ, а списокъ обољживитъ кто, да пошлется на правду, ино въ томъ пересудъ». Во 2-хъ, о докладномъ спискѣ Судебникъ говоритъ: «А докладной списокъ боярину печатати своею печатію, а дьяку подписывати; а имать боярину отъ списка съ рубля по алтыну, а діаку отъ подписи съ рубля по четыре денги, а подьячему, которой на спискѣ

(4) Акты Арх. Экспед. т. I, N 92.

напишетъ съ рубля по двѣ денги», и въ 2-хъ, о правыхъ и безсудныхъ грамотахъ: «А отъ правые грамоты имати отъ печати съ рубля по девяти денегъ, а діаку отъ подписи съ рубля по алтыну, а подьячему, которой грамоту напишетъ правую, имати съ рубля по три денги. А отъ безсудныя грамоты имати отъ печати съ рубля по алтыну, а діаку отъ подписи по алтыну же съ рубля, а подьячему имать съ рубля по двѣ денги» (5).

Наконецъ болѣе опредѣленныя извѣстія о порядкѣ суда и о выдачѣ и значеніи судебныхъ бумагъ мы находимъ въ Царскомъ Судебникѣ, изданномъ въ 1550 году. Виды суда по этому Судебнику были тѣже, какъ и по Судебнику 1497 года, т. е. судъ Царя и Великаго Князя, судъ боярскій и судъ намѣстника и волостеля; лица, составлявшія тотъ или другой судъ также были прежнія. Что же касается до самаго порядка судебнаго дѣлопроизводства, то изъ Царскаго Судебника мы получаемъ слѣдующія свѣдѣнія: во 1-хъ, Судебникъ требуетъ, чтобы на судѣ у намѣстниковъ и ихъ тіуновъ судный списокъ или записку суднаго дѣла писалъ земскій дьякъ, а дворскій или староста и цѣловальники прикладывали свои руки къ суднымъ спискамъ; а противни или списки съ судныхъ дѣлъ слово въ слово писать намѣстничьимъ дьякамъ, а намѣстникамъ къ тѣмъ противнямъ прикладывать свои печати; далѣе, подлинныя записки или списки судныхъ дѣлъ, которые писаны земскимъ дьякомъ и за руками дворскаго или старосты и цѣловальниковъ, держать намѣстникамъ у себя, а противни съ тѣхъ дѣлъ или копіи, писанныя намѣстничьимъ дьякомъ и за печатьми намѣстниковъ, отдавать дворскому или старостѣ и цѣловальникамъ. Судный списокъ, писанный земскимъ дьякомъ подписывать тѣмъ старостамъ и цѣловальникамъ, которые умѣютъ грамотѣ; а тѣмъ, которые не умѣютъ грамотѣ, хранить у себя, на случай спора, противни съ судныхъ списковъ, писанные намѣстничьимъ дьякомъ и за намѣстничьею печатью (6). Во 2-хъ, когда судный списокъ намѣстнича или волостелина суда посылается къ докладу въ боярскій судъ, или когда тіунъ судный списокъ своего суда представляетъ къ докладу намѣстнику или волостелю, то по Судебнику требуется, чтобы при судномъ спискѣ у доклада находились истецъ и отвѣтчикъ, а также дворскій или староста и цѣловальники, бывшіе на судѣ у намѣстника или волостеля, или у ихъ тіуна. И если у доклада на вопросъ судьи истецъ и отвѣтчикъ скажутъ, что судъ таковъ былъ, какъ

(5) Акты истор. т. I, N 105.

(6) Судебн. ст. 62.

написанъ въ судномъ спискѣ, то судья рѣшаетъ дѣло по судному списку. А если истецъ или отвѣтчикъ скажутъ, что судъ имъ былъ да не таковъ, какъ въ судномъ спискѣ написанъ, то судья спрашиваетъ, чтобы дворскій и староста и цѣловальники подали противень списка, писанный намѣстничьимъ дьякомъ и за намѣстничьею печатью. Какъ скоро противень окажется слово противу слова съ суднымъ спискомъ, и судные мужи скажутъ, что судъ таковъ былъ и руки у списка ихъ, то судья тѣмъ самымъ и обвиняетъ того, кто оболживилъ списокъ, и подписываетъ списокъ на него (7). Въ 3-хъ, дьякъ по Судебнику долженъ держать судные списки у себя за печатью; а отдавая ихъ переписывать подьячему на бѣло долженъ скрѣплять всѣ бумаги по «ставамъ», или склейкамъ, своею рукою. А какъ подьячій перепишетъ, то дьякъ долженъ самъ повѣрить переписанное, и приложить къ списку свою руку и держать за печатью у себя. Еслиже списокъ найденъ будетъ у подьячаго не за дьячьею рукою и печатью, то искъ и всѣ пошлины доправить на дьякѣ, а подьячаго бить кнутомъ и «выкинуть» изъ подьячихъ и впередъ никуда не принимать (8). Если дьякъ составитъ судный списокъ не по суду, то судъ начинать снова (9). Въ 4-хъ, безсудною грамотою по Судебнику называлась та, которую судъ выдавалъ истцу вмѣсто правой грамоты, если отвѣтчикъ къ положенному сроку не являлся на судъ. А посему дьякъ, который давалъ безсудныя грамоты, долженъ былъ напередъ срочныя пересмотрѣть, и когда окажется, что по срочнымъ срокъ уже истекъ, то на седьмой день послѣ сроку (если «ѣзду» или разстоянія отъ его жительства до мѣста суда 100 верстъ) приказывалъ подьячему написать безсудную грамоту, въ которой прописывалось, что неявившійся на срокъ въ судъ тѣмъ и теряетъ свое право или обвиняется, что не явился на срокъ (10). Правыя грамоты выдавались по Судебнику самимъ Царемъ, боярами, у которыхъ въ вѣдѣніи были разные Приказы съ подвѣдомыми имъ городами, намѣстниками и волостелями, которые имѣли право суда, а также ихъ тіунами отъ ихъ имени и на основаніи сдѣланнаго имъ доклада (11). О докладныхъ спискахъ настоящій Судебникъ говоритъ тоже, что сказано и въ первомъ Судебникѣ, т. е. что къ докладнымъ прикладывалась боярская или Государева печать, и на спискѣ подписывался дьякъ, и за печать и подпись докладнаго списка взимались положенныя закономъ пошлины (12). Сверхъ того въ Царскомъ Судебникѣ на-

---

(7) Судебн. ст. 69. — (8) Тамъ-же ст. 28. — (9) Тамъ-же ст. 2. — (10) Тамъ-же ст. 41.—(11) Тамъ-же стт. 33, 42, 63.—(12) Тамъ-же стт. 34, 39.

ходимъ извѣстіе, что докладные списки въ дѣлахъ о крѣпостяхъ на холопей выдавались тому, за кѣмъ записывался холопъ; почему холопи, на которыхъ господину выдавался докладной списокъ, назывались *докладными* (13).

Въ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича мы также находимъ указанія на разбираемые нами судебныя бумаги. Такъ о запискѣ судныхъ дѣлъ и *о судныхъ грамотахъ* 11-я статья X главы говоритъ: «А судные дѣла въ приказѣхъ записывати подьячимъ, а черненья бы и межъ строкъ приписки и скребенья въ тѣхъ запискахъ не было. А какъ судъ отойдетъ, и исцу и отвѣтчику къ тѣмъ запискамъ прикладывати руки, а которые грамотѣ не умѣютъ, и въ тѣхъ мѣсто прикладывати руки, кому они вѣрятъ. А какъ подьячей съ тоя записки судное дѣло напишетъ на бѣло, и дьяку, справя то дѣло съ прежнею запискою, закрѣпити своею рукою, а прежнюю записку подьячему, за исцовою и за отвѣтчиковою рукою, держати у себя впредь для спору. А какъ судное дѣло вершится, и та записка за исцовою и за отвѣтчиковою рукою подклеити подъ судное же дѣло впредь для спору же». *О безсудныхъ грамотахъ* намекаетъ тойже главы Уложенія 120-я статья, гдѣ сказано: «а сыщется допряма, что отвѣтчики впрямъ по тремъ Государевымъ грамотамъ учинилися непослушны, на поруки не далися, и по такихъ отвѣтчиковъ посылати съ Москвы приставовъ, и велѣть ихъ изъ городовъ привозить къ Москвѣ, и на Москвѣ тѣмъ ихъ винити, исцовы иски и недѣлщиковъ ѣздъ править на нихъ безъ суда». *Докладные списки* въ Уложеніи, кажется, уже названы приговорами; такъ въ 23 статьѣ той же X главы сказано, на случай если бояръ въ судѣ не будетъ, «а исцы на отвѣтчиковъ въ то время будутъ бить челомъ о судѣ — и въ то время судити исцовъ со отвѣтчики товарищемъ ихъ (бояръ), которые будутъ на Москвѣ въ Приказѣхъ. А вершить то дѣло по суду и по сыску судьямъ всѣмъ вопче. А будетъ и у вершенья того суднаго дѣла кого изъ нихъ (судей) за болѣзнью или за инымъ какимъ нужнымъ недосугомъ въ Приказѣ не будетъ, и то дѣло вершить товарищемъ, которые будутъ въ Приказѣ, и въ приговорѣ писать свои имена. А кого у вершенья того дѣла не будетъ, и того въ приговоръ не писать». *О правыхъ грамотахъ* свидѣтельствуетъ 58 статья XVIII главы Уложенія, которая гласитъ: «А кому даны будутъ правыя грамоты всякимъ людемъ, о вотчинахъ и о всякихъ дѣлахъ и изъ Холопья Приказу въ холопствахъ, а написано будетъ

---

(13) Судебн. ст. 63.

въ грамотахъ все судное дѣло подлинно, и тѣ грамоты печатати Государевою печатью, а печатные пошлины имать по указу».

Такимъ образомъ изъ свидѣтельства дошедшихъ до насъ законодательныхъ памятниковъ, начиная отъ Двинской судной грамоты В. К. Василія Дмитріевича до Уложенія Царя Алексѣя Михайловича, мы видимъ во 1-хъ, что разбираемыя нами формы судебныхъ бумагъ частію были уже извѣстны въ Московскомъ Государствѣ въ XIV столѣтіи; во 2-хъ, что къ нѣкоторымъ изъ сихъ формъ уже тогда прикладывались печати судей, и взимались за печати и за написаніе пошлины; въ 3-хъ, изъ тѣхъ же свидѣтельствъ мы узнаемъ, что правыя и безсудныя грамоты выдавались оправданному въ доказательство или въ охраненіе его правъ, именно правыя грамоты выдавались тогда, когда на судѣ были на лицо истецъ и отвѣтчикъ, и когда дѣло рѣшено по разсмотрѣніи всѣхъ доказательствъ, представленныхъ отъ обѣихъ тяжущихся сторонъ; безсудныя же грамоты давались тогда, когда одна изъ тяжущихся сторонъ въ назначенный срокъ къ суду не явилась, и притомъ по первому Судебнику съ осмаго дня послѣ срока. Отличительная черта безсудныхъ грамотъ отъ правыхъ состояла въ томъ, что въ нихъ обвинялась одна сторона не по суду, т. е. не по разсмотрѣнію представленныхъ доказательствъ, а по неявкѣ въ судъ. Сверхъ того правыя грамоты отъ безсудныхъ отличались тѣмъ, что въ нихъ прописывались лица, бывшія на судѣ, и прикладывались печати судей; безсудныя же грамоты выдавались хотя и за печатью судьи и за подписью дьяка, но безъ прописанія лицъ, которыя были на судѣ. Въ 4-хъ, судные списки по тѣмъ же свидѣтельствамъ записывались на судѣ съ словъ исца и отвѣтчика и ихъ свидѣтелей и по представленнымъ ими письменнымъ документамъ. Таковыхъ списковъ всегда было два: одинъ, писанный земскимъ дьякомъ и одписанный судными мужами, т. е. старостами и цѣловальниками, бывшими на судѣ, отдавался намѣстнику или волостелю, а другой, называвшійся противнемъ, списывался съ перваго намѣстничьимъ или волостелинымъ дьякомъ и утвержденный намѣстничьею или волостелиною печатью передавался суднымъ мужамъ. Изъ сихъ же свидѣтельствъ мы видимъ, что судный списокъ, писанный земскимъ дьякомъ и подписанный судными мужами представлялся отъ намѣстниковъ и волостелей въ докладъ боярамъ или Государю, при чемъ посылались къ докладу и тяжущіеся, и бояре или Государь у доклада, по прочтеніи передъ тяжущимися суднаго списка, спрашивали ихъ,—былъ ли имъ таковъ судъ? и если тяжущіеся отвѣчали, что имъ таковъ судъ былъ, то приказывали писать на судномъ спискѣ свое рѣшеніе или приговоръ суда, а потомъ составлять

и докладной списокъ. Послѣдній собственно состоялъ изъ суднаго списка и написаннаго на немъ приговора, сказаннаго боярами или Государемъ; къ нему прикладывалась печать Государева или того боярина, у котораго былъ докладъ, и за печать и за подпись дьяка, равно какъ и за письмо подьячаго взимались узаконенныя пошлины. Въ 5-хъ наконецъ, изъ свидѣтельствъ, почерпнутыхъ въ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича открывается, что съ измѣненіемъ порядка въ судебномъ дѣлопроизводствѣ утратили свое значеніе нѣкоторыя изъ разбираемыхъ нами формъ судебныхъ бумагъ: такъ съ судныхъ списковъ по Уложенію уже не требовалось противней, и писались они уже не земскими дьяками, а приказными подьячими, а на случай споровъ черновые подписывались тяжущимися. Докладные списки въ Уложеніи уже называются приговорами, но въ нихъ еще по прежнему прописывались судьи, участвовавшіе въ рѣшеніи дѣла. Безсудныя грамоты по Уложенію болѣе уже не выдавались исцамъ или вообще тяжущимся, ибо за неявкою одного изъ тяжущихся къ сроку на судъ хотя неявившійся къ сроку и обвинялся неявкою и безъ суда доправлялись на немъ иски противника и разныя пошлины; но тѣмъ не менѣе его самого за приставомъ послѣ срока приводили на судъ; слѣдовательно и выдавать безсудную грамоту не было нужды. Но правыя грамоты по Уложенію остались въ прежнемъ своемъ значеніи; въ нихъ, по свидѣтельству 58-й статьи XVIII главы, прописывалось все судное дѣло подлинно, и по утвержденіи ихъ государевою печатью, онѣ выдавались тяжущемуся, оправданному судомъ, какъ документъ, свидѣтельствующій и ограждающій его право.

По разсмотрѣніи свидѣтельствъ, представляемыхъ древними законодательными памятниками о значеніи и содержаніи разбираемыхъ нами списковъ и грамотъ, перейдемъ къ образцамъ самихъ актовъ этого рода. Дошедшіе до насъ образцы судныхъ и докладныхъ списковъ и безсудныхъ и правыхъ грамотъ не только подтверждаютъ предложенныя выше свидѣтельства, но еще болѣе ихъ объясняютъ и открываютъ важныя характеристическія черты, отличающія одну форму отъ другой, которыхъ мы не могли замѣтить въ законодательныхъ памятникахъ.

Начнемъ съ дошедшихъ до насъ образцовъ правымъ грамотамъ. Вотъ, на примѣръ, правая грамота по спорному дѣлу между Ѳерапонтовымъ монастыремъ и крестьянами Южской волости, писанная между 1485 и 1505 годами (14). Разберемъ составныя части этой

(14) Акты юридич., изд. Археогр. Коммисс., N 3.

грамоты. Она начинается такъ: «По Осподаря своего грамотѣ В. К. Ивана Васильевича всея Руси, си судъ судили судьи Великого Князя Ивана Васильевича всея Руси, Михайло Дмитреевъ сынъ Шапкина, да Иванъ Голова Семеновъ сынъ, да Захаръ Микулинъ сынъ. Ставъ на пустошѣхъ (такихъ то) такъ рекъ Өерафонтьевской старецъ Кирило: то, господине, пустоши монастырьскіе Өерафонтьевскіе, а покосили у насъ тѣ пустоши В. К. крестьяне Южскіе волостные, Салтыкъ да Вислъ Степановы дѣти Трушевы. И судьи спросили Салтыка да Висло: отвѣчайте. И Салтыкъ да Висло такъ ркли: то, господине, пустоши В. К. вашіе волости Южьскіе; а косили, господине, тѣ пустоши мы, а старци, господине, сего лѣта на пустоши на Михайловской поставили избу да клѣть силнѣ». Далѣе слѣдуютъ вопросы судей и отвѣты и разныя доказательства тяжущихся, вообще весь порядокъ первоначальнаго суда на мѣстѣ. По изложеніи всѣхъ доказательствъ обѣихъ тяжущихся сторонъ, но безъ приговора, въ концѣ сказано: «О семъ судьи рели се доложити Государя Великого Князя. А на судѣ были на пустошѣхъ на Сарьскихъ: Зиновъ Захаровъ Арбожевецъ да Южскіе хрестьяне, Сергѣйко Нестеровъ да Палка Петрушинъ», и проч. И далѣе сказано: «Передъ княземъ Даниломъ Васильевичемъ судьи, Михайло Дмитреевъ сынъ Шапкина, да Иванъ Голова Семеновъ сынъ, да Захаръ Микулинъ, сесь списокъ положили и обоихъ истцевъ поставили». Здѣсь очевидно, что все начало настоящей правой грамоты до словъ: «а на судѣ были Зиновъ Захаровъ Арбожевецъ», и проч. составляетъ судный списокъ судей Михайла Шапкина съ товарищами; въ немъ на концѣ и имена судныхъ мужей отъ обѣихъ тяжущихся сторонъ, какъ того требовалъ Судебникъ 1497 года; и въ самой грамотѣ это начало прямо названо спискомъ: «сесь списокъ положили». Но въ настоящемъ началѣ правой грамоты приговора еще не написано, а изложено одно первоначальное судопроизводство на мѣстѣ изъ доказательствъ обѣихъ тяжущихся сторонъ; слѣдовательно судный списокъ вообще состоялъ только изъ первоначальнаго дѣлопроизводства судебнаго безъ судейскаго приговора. Далѣе въ грамотѣ прямо послѣ суднаго списка написано: «Передъ княземъ Даниломъ Васильевичемъ судьи... сесь списокъ положили и обоихъ истцевъ у доклада поставили. И князь Данило, выслушавъ списокъ, спросилъ исцовъ: былъ ли вамъ таковъ судъ, какъ въ семъ спискѣ писано? И обои исцы сказали, что имъ судъ таковъ былъ, какъ въ семъ спискѣ писано»; послѣ чего въ настоящей грамотѣ изложены новыя доказательства, не помѣщенныя въ судномъ спискѣ, по разсмотрѣніи которыхъ, какъ сказано въ грамотѣ: «Князь Данило Васильевичь, поставя передъ Великимъ Княземъ обоихъ истцовъ,

докладъ свой сказалъ Великому Князю. И Великій Князь, выслушавъ докладъ княжь Даниловъ, велѣлъ князю Данилу велѣти судьямъ Михайлу Шапкину... ищей оправити, а земли велѣлъ присудити крестьяномъ Южьскіе волости... а старца Кирила велѣлъ обвинити, потому что Данило Блинъ тѣхъ земель передъ княземъ Даниломъ по грамотамъ не очистилъ, у княжи у Михайловы грамоты у жаловалные печать не княжа Михайлова, подписалъ и запечаталъ грамоту княже Михайлову бояринъ его Григорей Ѳедоровичь. — И по Великого Князя слову, князь Данило Васильевичь велѣлъ судьямъ... крестьянъ... оправити, а земли... присудити крестьяномъ Южьскіе волости... а старца Ѳарафонтьевского монастыря велѣлъ обвинити; а подписалъ Великого Князя дьякъ Никифоръ Кобелевъ». Ясно, что эта вторая часть настоящей грамоты составляетъ докладной списокъ, какъ она и названа здѣсь докладомъ: «Князь Великій, выслушавъ докладъ княжъ Даниловъ». При томъ же, согласно съ свидѣтельствомъ Судебника, судья въ началѣ сей части спрашиваетъ тяжущихся: «былъ ли вамъ таковъ судъ»?; на концѣ же отмѣчено: «а подписалъ Великого Князя дьякъ Микифоръ Кобелевъ». А по Судебнику, какъ мы уже знаемъ, въ началѣ доклада тяжущіеся спрашивались, былъ ли имъ таковъ судъ», и докладной списокъ подписывался дьякомъ и утверждался печатью боярина или Государя. Здѣсь конечно о печати не упоминается; но это потому, что въ правыхъ грамотахъ помѣщалась только копія съ докладнаго списка, подлинный же списокъ получали и оставляли у себя судьи, которымъ по приговору, написанному въ докладномъ спискѣ приказывалось чинить исполненіе. Такимъ образомъ мы теперь ясно видимъ, что докладной списокъ состоялъ изъ суднаго списка, къ которому приписывался приговоръ или рѣшеніе суда. Наконецъ послѣдняя часть настоящей правой грамоты состоитъ изъ сдѣланнаго первыми судьями исполненія по докладному списку или приговору; она начинается такъ: «И потому судьи Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, Михайло Дмитреевъ сынъ Шапкина... крестьянъ Южьскіе волости, Висла да Салтыка... въ землахъ въ пустоши... оправили и присудили къ Южской волости хрестьяномъ... а старца Ѳарафопьевского монастыря Кирила обвинили, потому что», и проч. какъ въ приговорѣ; а на концѣ грамоты печати судей. Такимъ образомъ послѣдняя часть правой грамоты представляетъ главное и единственное отличіе ея отъ докладнаго списка, въ которомъ не пишется исполненіе по приговору. Слѣдовательно правая грамота не есть копія съ рѣшенія или съ докладнаго списка, а представляетъ собою свидѣтельство о приведеніи рѣшенія или приговора въ исполненіе, и состоитъ изъ трехъ

частей: изъ суднаго списка, изъ докладнаго списка и изъ свидѣтельства о приведеніи приговора въ исполненіе. Эти три части и даже съ названіями суднаго и докладнаго списка еще яснѣе видны въ правой грамотѣ 1507 года по дѣлу между Симоновскимъ и Кириловскимъ монастыремъ, которую мы для большей наглядности, какъ еще нигдѣ ненапечатанную, прилагаемъ отдѣльно отъ настоящей статьи въ полномъ ея составѣ (N 4). Первая часть сей грамоты есть также судный списокъ; онъ начинается словами: «По Осударевѣ В. К. Василья Ивановича всеа Русіи грамотѣ, сій судъ судилъ Михайло Губа, Микулинъ сынъ Стогинина. Ставъ передъ судьею въ Добрецкихъ исадѣхъ тягался Симоновского монастыря слуга», и проч. и конецъ списка: «И о семъ судья рекся доложити Государя Великаго Князя или человѣка старишаго». Вторая часть или докладной списокъ начинается такъ: «Передъ княземъ Васильемъ Ивановичемъ Голенинымъ въ судьяно мѣсто Губы Стогинина, человѣкъ его Лопырь сей списокъ положилъ и обоихъ исцовъ, ищею Симоновского монастыря слугу Михаля Микитина да отвѣтчика Кириловскаго старца Іону поставилъ», а оканчивается словами: «И князь Василей Ивановичь Голенинъ къ списку (т. е. докладному) и печать свою приложилъ лѣта 7015 марта. А на спискѣ подпись Великого Князя дьяка Семена Племянникова». Послѣдняя часть или исполненіе по рѣшенію начинается словами: «И по судному списку и по докладу князя Василья Ивановича Голенина Великого Князя судья Михайло Губа Микулинъ сынъ Стогинина ищею Симоновского монастыря слугу Михаля Микитина оправилъ», и далѣе до конца, гдѣ сказано: «А коли грамоту правую далъ, а тогды были тѣже мужи (судные) да Угримъ Ѳедоровъ сынъ Кутуeова. А къ сей правой грамотѣ печать свою приложилъ». Тѣ же три составныя части встрѣчаются во многихъ правыхъ грамотахъ (15); но не во всѣхъ. Такъ въ иныхъ грамотахъ недостаетъ докладнаго списка; это очевидно оттого, что одинъ и тотъ же судья начиналъ и кончалъ дѣло; т. е. судьею былъ самъ князь или бояринъ, имѣвшій право рѣшать дѣло. Такъ, на примѣръ, правая грамота Князя Михаила Андреевича, данная Кириловскому игумену Трифону, помѣщенная ниже подъ N 2, начинается по обычаю суднымъ спискомъ или изложеніемъ суда, произведеннаго прямо самимъ Княземъ: «Си судъ судилъ Князь

---

(15) Акт. юрид. NN 5, 6, 7, 13, 14, 16 (въ грамотѣ, напечатанной подъ этимъ нумеромъ ясно названы первая часть грамоты суднымъ спискомъ, а вторая докладнымъ подписнымъ), 20, 21, 22, и многія другія.

Михайло Ондрѣевичь. Тягался Левъ Ивановичь и за свою невѣстку Гаврилову жену Ивановича Овдотью, и за своего брата Дмитрея Ивановича съ Игнатьемъ старцомъ Кирилова монастыря. Тако рекъ Левъ: жалоба ми, господине, на игумена на Трифова». Далѣе слѣдуютъ доказательства, представленныя отъ обѣихъ тяжущихся сторонъ, послѣ которыхъ прямо помѣщено заключеніе или послѣдняя часть грамоты, начинающаяся словами: «И по тѣмъ грамотамъ отца своего Князя Ондрѣя Дмитреевича, Князь Михайло Ондрѣевичь игумена Трифона... оправилъ, а Льва Ивановича и... обвинилъ, и придалъ ту деревню къ Кирилову монастырю съ судомъ и съ данью. А сю грамоту правую велѣлъ подписать Князь Михайло Ондрѣевичь попу Іеву печатьнику.» Точно такая форма и тѣже составныя части и на томъ же основаніи встрѣчаются въ правыхъ грамотахъ, напечатанныхъ въ Актахъ юридическихъ подъ NN 1 и 8. Въ послѣдней изъ этихъ грамотъ (неправильно названной суднымъ спискомъ) первая часть составляетъ полное изложеніе доказательствъ, представленныхъ истцомъ и отвѣтчикомъ, или судный списокъ; а послѣдняя часть, начинающаяся словами · «И Григорей Романовичь отвѣтчиковъ Неврася... оправилъ...» составляетъ заключеніе, представляющее въ себѣ и приговоръ и исполненіе по приговору. Основаніе таковаго порядка и состава частей въ этой грамотѣ заключается именно въ томъ, что судъ начатъ и оконченъ однимъ судьею, Костромскимъ писцомъ Григорьемъ Романовичемъ Застолбскимъ, какъ это ясно доказываютъ начальныя слова первой и послѣдней части грамоты. Дѣйствительно, первая часть начинается словами: «Сей судъ судилъ В. Князя писецъ Костромской Григорей Романовичь», именемъ котораго начинается и послѣдняя часть (16)

Такимъ образомъ изъ разсмотрѣнія образчиковъ дошедшихъ до насъ правыхъ грамотъ мы ясно видимъ, что судные и докладные списки были составными частями правыхъ грамотъ. Но иногда докладные списки встрѣчаются и отдѣльно отъ правыхъ грамотъ, чему замѣчательный образчикъ мы находимъ въ докладномъ спискѣ Князя Михайла Андреевича, который также помѣщаемъ въ дополненіе къ нашей статьѣ (N 1). Здѣсь же представимъ разборъ этого списка для

---

(16) Сюда же относятся, по своимъ составнымъ частямъ, порядку, въ какомъ эти части другъ за другомъ слѣдуютъ и по основанію такого состава и порядка правыя грамоты, напечатанныя въ «Акт. юрид.» подъ NN 9, 10, 11, 12, 15, 18, 19, 25 и 26.

болѣе яснаго уразумѣнія его составныхъ частей. Онъ начинается прямо докладомъ Князю, въ которомъ только упоминается о предшествовавшемъ судѣ княжаго тіуна. Вотъ подлинныя слова списка: «Се билъ челомъ Князь Михайлу Ондрѣевичу старецъ Игнатей Кирилова монастыря, а рькучи такъ: «судилъ, господине, твой княжъ Михайловъ Ондрѣевича тіунъ Ѳедоръ Карачаровъ меня, господине, Игнатья съ Назаромъ съ Кивойскимъ о Петровьской пустоши. А ту, господине, пустошь Петровскую далъ Пречистой въ Домъ Кирилову монастырю Григорей Львовичь». Далѣе прописывается отводная грамота Григорьева, а за грамотою рѣшеніе Князя въ слѣдующихъ словахъ: « И по тому Князь Михайло Ондрѣевичь Игнатья черньца старца оправилъ, а Назара обвинилъ, а ту землю Петровьскую присудилъ старцу Игнатью Кирилову монастырю. А коли старецъ Игнатей стоялъ съ Назаромъ передъ Княземъ Михайломъ Андрѣевичемъ у доклада, а туто были бояре Олександръ Григорьевичь, Василей Ондрѣевичь. А подписалъ дьякъ княжь Михайловъ Ондрѣе(вича) Иванъ Котовъ». На концѣ списка княжая печать. Форма настоящаго докладнаго списка почти вполнѣ соотвѣтствуетъ той идеѣ, которую можно было составить о докладномъ спискѣ по свидѣтельствамъ Судебника и по разнымъ правымъ грамотамъ. Въ немъ только упоминается о предшествовавшемъ судѣ тіуна, а самый судъ не прописывается, даже не прописывается челобитная истца, а представляются только окончательныя доказательства, и по нимъ Князь даетъ рѣшеніе. Въ концѣ рѣшенія, согласно съ правилами судной Новгородской грамоты, Судебниковъ и даже Уложенія прописываются имена лицъ, сидѣвшихъ у доклада, и наконецъ списокъ подписанъ дьакомъ и закрѣпленъ княжою печатью, какъ того именно требуютъ статьи перваго и втораго Судебниковъ о докладномъ спискѣ.

Судныхъ списковъ отдѣльно отъ правыхъ грамотъ мы нигдѣ не встрѣчали, да ихъ конечно не могло и быть, ибо они не выдавались тяжущимся, а при докладѣ на нихъ прямо подписывалось рѣшеніе суда: такимъ образомъ они обращались въ докладные списки. Впрочемъ могутъ еще встрѣтиться противни съ судныхъ списковъ, которые по Судебнику за печатью судьи, писанные рукою дьяка, выдавались суднымъ мужамъ, сидѣвшимъ на судѣ, для повѣрки, на случай если бы подлинный судный списокъ при докладѣ стали лживить истецъ или отвѣтчикъ.

Теперь намъ остается сказать о безсудныхъ грамотахъ. Значеніе ихъ мы уже знаемъ по свидѣтельству перваго и втораго Судебниковъ; для нагляднаго же уразумѣнія формы, въ числѣ другихъ образцовъ къ настоящей статьѣ прилагается неизвѣстная доселѣ безсудная грамота,

выданная Кн. Михайломъ Андреевичемъ какому то Гридѣ Аѳонасьеву (см. N 3). Эта грамота начинается такъ: «Се билъ челомъ Князю Михайлу Ондрѣевичу Гридка Оѳонасьевъ и въ отца своего мѣсто Оѳонасьева, а ркучи такъ: учинилъ ты, Осподарь, срокъ словесной сборъ, отцю моему Аѳонасью да и мнѣ Гридкѣ съ Ушакомъ Варбожовскимъ. А искати было, господине, Ушаку на моемъ отци на Оѳонасьи да и на мнѣ на Гридьки земли и поженъ». Далѣе говорится, что Ушаку должно было явиться на срокъ самому и представить свои документы, но онъ не сдѣлалъ ни того, ни другаго. За тѣмъ прописывается окончательное рѣшеніе Князя. «И Князь Михайло Ондрѣевичь въспамятовалъ тотъ срокъ словесной, и по тому сроку Гридю и отца его Оѳонасья оправилъ, а Ушака обвинилъ, и присудилъ .. земли и пожни Офонасью и его сыну Гридѣ, и велѣлъ дати Гридѣ и его отцю Оѳонасью грамоту правую безсудную по сроцѣ на третей день. А подписалъ дьякъ княжь Михайловъ Ондрѣевича Кудлуръ». На концѣ княжая печать. Эта форма настоящей безсудной грамоты вполнѣ согласна съ идеею безсудныхъ грамотъ, указанною въ Судебникахъ: здѣсь нѣтъ никакихъ объясненій дѣла и доказательствъ со стороны тяжущихся; явившійся на срокъ обвиняетъ неявившагося только тѣмъ, что онъ не явился, и на этомъ одномъ обвиненіи основывается все рѣшеніе, по которому явившаяся сторона оправдывается, а неявившаяся обвиняется именно тѣмъ, что не явилась. Грамота подписана дьякомъ и утверждена Княжескою печатью, какъ того именно требуютъ Судебники. При томъ она выдана на третій день послѣ срока, что также требуется Судебниками, гдѣ на сто верстъ положено выдавать въ седьмой день по срокѣ, а дальше или ближе по расчету.

Изслѣдуя здѣсь формы и значеніе судныхъ и докладныхъ списковъ и безсудныхъ и правыхъ грамотъ, я хотѣлъ только объяснить, чѣмъ они отличаются другъ отъ друга въ судебноадминистративномъ значеніи. Въ самихъ актахъ названіе ихъ не всегда выставляется; почему издающіе ихъ въ наше время нерѣдко даютъ имъ произвольное названіе, а это для начинающихъ заниматься исторіею нашей древней администраціи иногда можетъ послужить поводомъ къ ошибкамъ и недоразумѣніямъ. Другихъ вопросовъ, на которые могутъ навести сіи памятники, я не касался.

И. Бѣляевъ.

V.

ОБРАЗЦЫ СПИСКОВЪ ДОКЛАДНЫХЪ И ГРАМОТЪ ПРАВЫХЪ И БЕЗСУДНЫХЪ (*).

1.

ДОКЛАДНЫЙ СПИСОКЪ XV ВѢКА.

Се билъ челомъ князь Михаилу Ондрѣевичю старецъ Игнатей Кирилова монастыря, а рькучи такъ: «Судилъ, господине, твой княжъ Михаиловъ Ондрѣевича тіунъ Ѳедоръ Карачаровъ меня, господине, Игнатія съ Назаромъ съ Кивойскимъ о Петровьской пустоши. А ту, господине, пустошь Петровьскую далъ Пречистой въ домъ Кирилову монастырю Григорей Львовичь. А се, господине, грамота Григорьева отводная». И князь Михайло Ондрѣевичь възрѣлъ въ грамоту въ отводную, аже въ грамотѣ пишетъ: «Се язъ Григорей Львовь сынъ, что далъ есми Петровьскую пустошь въ Кивойци Пречистой въ домъ Кирилову монастырю, и далъ есми имъ отводщика Ѳедюка Черньца Онтонова, старого ключника и посельского отца моего. И Ѳедюкъ отвелъ ту землю Кирилову монастырю Игнатію отъ рѣки отъ Кивоя подлѣ курганъ врагомъ къ лѣсу, лѣсомъ къ великому мху, великимъ мхомъ къ великому бору, съ великого мху долкомъ поперекъ бору къ грановитой соснѣ, отъ грановитой сосны на долокъ прямо, долкомъ на мошокъ къ рѣкѣ къ Кивои, по рѣкѣ по Кивои внизъ до того жъ врага, что течетъ подлѣ курганъ.» И потому князь Михайло Ондрѣевичь Игнатья черньца старца оправилъ, а Назара обвинилъ; а ту землю Петровьскую присудилъ старцу Игнатью Кирилову монастырю. А коли старецъ Игнатей стоялъ съ Назаромъ передъ княземъ Михайломъ Ондрѣевичемъ у доклада, а туто были бояре Олександръ Григорьевичь, Василей Ондрѣевичь. А подписалъ дьякъ княжь Михайловъ Ондрѣе(вича) Иванъ Котовъ.

(*) Сообщены *И. Д. Бѣляевымъ* въ копіяхъ, снятыхъ имъ съ подлинниковъ, которые хранятся въ Архивѣ Старыхъ Дѣлъ, въ Москвѣ.

Примѣч. Редактора.

2.

Правая грамота XV вѣка.

Си судъ судилъ князь Михайло Ондрѣевичь. Тягался Левъ Ивановичь и за свою невѣстку Гаврилову жену Ивановича Овдотью и за своего брата Дмитрея Ивановича съ Игнатьемъ, старцемъ Кирилова монастыря. Тако рекъ Левъ: «Жалоба ми, господине, на игумена на Трифона Кирилова монастыря и на его братью; отнимають, господине, у насъ отъ суда да отъ дани въ нашей отчинѣ въ Кистемѣ деревню Михалевьскую Горкаваго, а та, господине, деревня изстарины тянетъ судомъ къ намъ: еще, господине, отецъ нашь Иванъ судилъ ту деревню и дань на нейималъ; а послѣ, господине, отца нашего судили мы ту деревню съ своею братьею и дань на ней имали есмя.» И князь Михайло Ондрѣевичь вьспросилъ Игнатья, старца Кирилова монастыря: «Отвѣчаешь ли ты за игумена за Трифона и за всю свою братью?» И Игнатей старецъ тако рекъ: «Язъ, господине, отвѣчаю за игумена за Трифона и за всю братью. И ставъ, Игнатей старецъ тако рекъ: « Ту, господине, землю далъ намъ къ монастырю Арсеней чернець Микитинъ сынъ въ домъ Пречистые Богородицы, а подавалъ намъ, господине, и грамоты тое деревни, что, господине, еще грамота купчая прабабы его Офимьина па ту деревню, да грамота, господине, жалованая отца твоего князя Ондрѣя Дмитріевича къ его дѣду къ Ондрѣю Кормилицыну и къ его отцу къ Микитѣ Ондрѣеву, что ихъ Бѣлозерскимъ намѣстникомъ и Кистемьскимъ бояромъ не судити ни въ чемъ, ни въсылати къ нимъ въ ту деревню ни по что; а се, господине, грамоты передъ Богомъ да передъ тобою.» И князь Михайло Ондрѣевичь возрѣлъ въ грамоты отца своего князь Ондрѣя Дмитріевича. Ажо въ грамотахъ писано, что тое деревни Бѣлозерскимъ намѣстникомъ и Кистемскимъ бояромъ не судити ни въ чемъ, ни дани съ тое деревни не имати, ни всылати въ ту деревню ни по что. И по тѣмъ грамотамъ отца своего князя Ондрѣя Дмитріевича, князь Михайло Ондрѣевичь игумена Трифона Кирилова монастыря и старца Игнатья и ихъ братью оправилъ, а Льва Ивановича и его брата Дмитрея Ивановича и его невѣстку Гаврилову жену Ивановича Овдотью обвинилъ, и придалъ ту деревню къ Кирилову монастырю съ судомъ и съ данью. А сю грамоту правую велѣлъ подписать князь Михайло Ондрѣевичь попу Іеву печатьнику.

3.

Безсудная грамота XV вѣка.

Се билъ челомъ князю Михаилу Ондрѣевичю Гридька Өеонасьевъ и въ отца своего мѣсто Өеонасьево, а ркучи такъ: «Учинилъ ты, осподарь князь Михайло Ондрѣевичь, срокъ словесной сборъ отцю моему Өеонасью да и мнѣ Гридкѣ съ Ушакомъ Варбожовскимъ; а искати было, господине, Ушаку на моемъ отци на Өеонасьи да и на мнѣ на Гридьки земли и поженъ на усть рѣчки Вашкици да Саврасовьскіе пустоши, а зоветъ, господине, Ушакъ тѣ земли своими землями; а то, господине, земли отца моего Өеонасьевы да и мои. А Ушаку было, господине, передъ тобою на сборъ стати, а цьтя своего Микифора Горбова поставити той земли на очищенье, да и грамота купчая на ту землю положить на Саврасовьскую пустошь, а сказываетъ, господине, что купилъ ту землю у Елизарка у Совраcова. И язъ, господине, Гридка и въ отца своего мѣсто въ Өеонасьево на срокъ передъ тобою княземъ Михайломъ Ондрѣевичемъ Ушаку отвѣчивати сталъ, а Ушакъ, господине, на срокъ передъ тобою искати на моемъ отци и на мнѣ не сталъ, ни цьтя своего Микифора не поставилъ, ни грамоты купчіе не положилъ.» И князь Михайло Ондрѣевичь въспамятовалъ тотъ срокъ словесной и по тому сроку Гридю и отца его Өеонасья оправилъ, а Ушака обинилъ, и присудилъ тѣ земли и пожни на усть рѣчки Вашкици противу Ушакова двора и Саврасовьскую пустошь Өеонасью и его сыну Гридѣ, и велѣлъ дати Гридѣ и его отцю Өеонасью грамоту правую безсудную, по сроцѣ на третей день. А подписалъ дьякъ княжь Михайловъ Ондрѣевича Кудлуръ.

На оборотѣ грамоты надпись: По сей грамотѣ князь Михайло Ондрѣевичь Өеонасья Внукова оправилъ, а Ушака обинилъ, а подписалъ... Щербина.»

4.

Правая грамота 1507 года.

По Осударевѣ Великого Князя Василья Ивановича всеа Русіи грамотѣ сій судъ судилъ Михайло Губа Микулинъ сынъ Стогинина. Ставъ передъ судьею въ Добрецкихъ Исадѣхъ, тягался Симоновского монастыря слуга ихъ Михайло Митинъ съ Кириловского монастыря старцомъ съ Іоною, а Кириловской старецъ Іона отвѣчи-

валъ въ Кириловскихъ крестьянъ мѣсто въ Пасонково и въ Наумково. Тако рекъ Михайло: «Жалоба ми, господине, па Кириловскихъ крестьянъ на Насонка и на Наумка: то, господине, земля, на которой стоишь Добрецкіе Исады, пожне и лѣсъ изстарины земля Симоновского монастыря къ деревнямъ къ Пачую да къ Добрецу да къ Безносовской, и тѣ, господине, Кириловскіе крестьяне Насонко и Наумко изъ Кириловскихъ деревень изъ Чюравскихъ изъ за рѣки изъ за Шексны, перелѣзши, господине, на нашу сторону за Шоксну сего лѣта за межу пожни покосили и лѣсъ посѣкли силне нашего монастыря Симоновского. А восе, господине, передъ тобою лѣсъ посѣченъ ново и не посохлъ, а на томъ, господине, пеньѣ стоишь.» И судья вспросилъ Кириловского монастыря старца Іоны: «Ты ли отвѣчиваешь въ Кириловскихъ крестьянъ мѣсто въ Насонково и въ Наумково?» И старецъ Іона тако рекъ: «Язъ, господине, за нихъ отвѣчиваю.» Тако рекъ Іона: «То, господине, земля, лѣсъ и пожни Пречистые чудотворца Кирила Чураскихъ деревень Кирилова монастыря; а какъ, господине, ту землю пашомъ изъ Чуравскихъ деревень, тому лѣтъ съ шестдесятъ.» И судья спросилъ старца Іоны: «Кто же тотъ лѣсъ сѣклъ ново и пожни косилъ?» И старецъ Іона тако рекъ: «Тѣ, господине, пожни косили и тотъ лѣсъ сѣкли наши крестьяне монастырскіе изъ Чуравскихъ деревень.» И судья вспросилъ Михаля Митина: «Почему же ты называешь ту землю Добрецкіе Исады Симановского монастыря?» И Михаль тако рекъ: «Тѣ, господине, земли и пожни Добрецкіе Исады далъ князь Михайло Ондрѣевичь въ домъ Пречистые Богородицы и чюдотворцу Николѣ къ деревнямъ къ Пачѣ да въ Добрецу да къ Безносовской; а се, господине, передъ тобою съ грамоты съ даные списокъ.» И судья возрилъ въ списокъ, и въ спискѣ пишетъ: «Пречистые ради Богородицы и честнаго ея успенія и святого дѣля чюдотворца Николы и отца своего дѣля Геронтея митрополита всея Руси и своего дѣля спасенія, се язъ князь Михайло Ондрѣевичь пожаловалъ Симоновского монастыря архимандрита Симеона сь братьею или кто по немъ иный архимандритъ будетъ, далъ есми ему въ домъ Пречистые Богородицы и чюдотворцу Николѣ въ своей отчинѣ на Бѣлѣозерѣ въ Стаѳьевской слободки три деревни: Паче, да Добрецъ, да Безносовская, и что къ тѣмъ деревнямъ потягло изстарины малые поженки до Курножа съ малыми поженками опричь Нестеровскіе пожни да Полупоша, тѣхъ есми двухъ пожень имъ не далъ; а волостели мои Остаѳьевскіе слободки въ тѣ деревни у нихъ не вступаются». «А межа, господине, Симоновской землѣ съ усть Крутого ручья внизъ по рѣцѣ по Шокснѣ по правой сторонѣ до усть рѣки Змѣйки.» И

судья вспросилъ Михаля: «сверхъ того кому то у тебя вѣдомо, что та земля Симоновского монастыря?» И Михаль тако рекъ: «Вѣдомо то, господине, у меня старожилцомъ людемъ добрымъ Слободцкіе волости Горлу Костину, Губѣ Тимоѳѣеву, Холопу Митину сыну Лодыгина, Сиверу Тимоѳѣеву, Микулѣ Окатову, Соболю Михалеву, Карпу Костину, Ларіону Акушову, Губѣ Шонбину, Акиму Ульянову: на тѣхъ, господине, и шлюсь.» И судья вспросилъ Кирилова монастыря старца Іоны: «А у тебя кому вѣдомо, что та земля Кирилова монастыря, а пашете сказаешь изъ Чюравскихъ деревень 60 лѣтъ.» И старецъ Іона тако рекъ: «У меня то, господине, вѣдомо Кириловскимъ крестьяномъ изъ Чюравскихъ деревень: Кельѣ Кузмину, Ивашку Онтропову да Ивашку. И праведчикъ передъ судьею правду (*). И судья вспросилъ Симановскихъ старожилцовъ Горла Костина и его товарищовъ: «Скажите въ Божью правду, чья то земля, на которой стоимъ?» И Горло и его товарищи тако ркли: «Язъ, господине, помню 60 лѣтъ, а отецъ мой, господине, Костя жилъ 90 лѣтъ; а то, господине, земля словетъ Добрецкіе Исады Симановского монастыря. А межа, господине, тѣмъ землямъ съ усть Крутого ручья внизъ по рѣцѣ по Шокснѣ по правой сторонѣ до усть рѣки Змѣйки. А какъ, господине, далъ ту землю въ домъ Пречистой Богородицы князь Михайло Ондрѣевичь, такъ, господине, отъ тѣхъ мѣстъ до сякого времени не видали, господине, на тѣхъ земляхъ Кириловскихъ крестьянъ никакого. А язъ, господине, Губа помню за 30 лѣтъ. А язъ, господине, Холопъ помню 40 лѣтъ.. А язъ Якимъ Уліановъ помню 60 лѣтъ. И намъ то, господине, всѣмъ вѣдомо, что тѣ земли Симоновского монастыря, словутъ Добрецкіе Исады, къ тѣмъ деревнямъ потягли изстарины къ Добрецу да къ Пачусу да къ Безносовской. А поѣди, господине, за нами и мы тебѣ и межу укажемъ». И повели къ усть Крутого ручья къ рѣцѣ къ Шокснѣ до усть рѣчки Змѣйки. Да ставъ тако ркли: «Направѣ, господине, земля рѣки Шоксны до усть рѣки Змѣйки земля и лѣсъ и пожни Симановского монастыря; а на лѣвѣ, господине, рѣки Шоксны земля и лѣсъ и пожни Кирилова монастыря.» И судья вспросилъ Кириловскихъ старожилцовъ Келью Кузмина и его товарищовъ дву Ивашковъ: «А вы скажите жъ, братьи, въ Божью правду, чья то земля, на которой стоимъ?» И Келья тако рекъ: «Язъ, господине, помню 60 лѣтъ, что то земля, на которой стоимъ Кирилова монастыря Чуравскихъ

(*) *Здѣсь, по видимому, пропущено:* поставилъ.

деревень. А поѣди, господине, за мною, язъ тебѣ и межу укажу.» И повелъ по рѣцѣ по Шокснѣ съ верхнюю сторону противъ рѣки Судбицы ручей, а палъ въ Шоксну, да внизъ по рѣцѣ по Шокснѣ ручей же да по тому ручью вверхъ на плоской камень, да на вострой камень, да на чистой мохъ на кривую сосну. Да ставъ, тако рекъ: «По тā, господине, мѣста межа Кириловской землѣ съ Симоновскою землею, межа, куды тебя велъ язъ.» А товарищи его Ивашко да Ивашкожъ тако ркли: «Мы, господине, помнимъ за 60 лѣтъ, что межа Кириловской землѣ съ Симоновскою землею по рѣчку по Змѣйку съ усть Крутого ручья внизъ по рѣцѣ по Шокснѣ, куды вели Симоновского монастыря старожилцы Горло Костинъ съ товарищи, а не ту, куде велъ нашъ товарищь Келья Кузминъ.» — И о семъ судья рекся доложити Государя Великого Князя или человѣка старѣйшого. — Передъ княземъ Васильемъ Ивановичемъ Голенинымъ въ судьино мѣсто Губы Стогинина человѣкъ его Лопырь сей списокъ положилъ и обоихъ исцевъ, ищею Симоновского монастыря слугу Михаля Микитина да отвѣтчика Кириловского старца Іону поставилъ. И князь Василей Ивановичь, выслушавъ списокъ, спросилъ обоихъ исцовъ: «Былъ ли вамъ таковъ судъ, какъ въ семъ списку писано?» И обои исци сказали, что имъ судъ таковъ былъ, какъ въ семъ списку писано. И по Великого Князя слову Василья Ивановича всея Русіи, князь Василей Ивановичь Голенинъ по сему списку велѣлъ судьи ищею Симоновского монастыря слугу Михаля Микитина оправити, а отвѣтчика Кириловского старца Іону велѣлъ обвинити, потому что ихъ же два старожилца Ивашко да Ивашко же сказали, что межа Кириловской землѣ Симоновского монастыря (съ) землею куда вели Симоновского монастыря старожилцы Горло Костинъ съ товарищи, и велѣлъ судьѣ по сему списку учинити имъ межу, куда вели Симановского монастыря старожилцы Горло Костинъ съ товарищи внизъ по рѣцѣ Шокснѣ къ усть Крутого ручья до рѣчки до Змѣйки. И князь Василей Ивановичь Голенинъ къ списку и печать свою приложилъ, лѣта 7015 марта. А на спискѣ подпись Великого Князя дьяка Семена Племянникова. И по судному списку и по докладу князя Василья Ивановича Голенина Великого Князя судья Михайло Губа Микулинъ сынъ Стогинина ищею Симановского монастыря слугу Михаля Микитина оправилъ, а отвѣтчика Кириловского старца Іону обвинилъ, потому что ихъ же старожилцы Ивашко да Ивашко сказали, что межа Кириловской землѣ Симанова монастыря (съ) землею, куда вели Симановского монастыря старожилцы Горло Костинъ съ товарыщи. А земли, пожни и лѣсъ усть Крутого ручья внизъ по рѣцѣ Шокснѣ на правой сторонѣ рѣки Шоксны до рѣчки

до Змѣйки присудилъ Симановскому монастырю и грамоту правую ему далъ. А на судѣ были мужи Череповецкіе волости: Истома архимандричь Васьяновъ, да Яковъ Поповъ сынъ Степановъ, да Тевризъ Елинъ, да Баса Горло, да Симановской крестьянинъ. А коли грамоту правую далъ, а тогды были тѣже мужи да Угримъ Ѳедоровъ сынъ Кутусова. А къ сей правой грамотѣ печать свою приложилъ.

VII.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАМѢЧАНІЕ О ПРАВЫХЪ ГРАМОТАХЪ.

Правая грамота давалась тому изъ тяжущихся, который былъ оправданъ судебнымъ рѣшеніемъ, и притомъ не иначе какъ по его особенной о томъ просьбѣ. Это замѣчаніе сдѣлано г. Кавелинымъ (*) на основаніи одной правой грамоты, гдѣ сказано, что «исцы старцы... *били челомъ*, чтобъ имъ съ судного дѣла да и съ приговору... *дать правая грамота* (**)», и на основаніи 61 статьи XVIII главы Уложенія («а съ монастырскихъ слугъ и со крестьянъ Троицы Сергіева и Спаса нового монастыря же, которые *станутъ* имати государевы грамоты въ своихъ искѣхъ, и съ нихъ пошлины имати по указу»), изъ коей ясно слѣдуетъ, что если оправданный и не обязывался брать правой грамоты, то во всякомъ случаѣ долженъ былъ просить объ ея выдачѣ, когда желалъ имѣть у себя такой актъ. Къ двумъ этимъ свидѣтельствамъ считаемъ здѣсь не безполезнымъ присовокупить еще слѣдующіе два, которыми, по нашему мнѣнію, окончательно подтверждается выводъ г. Кавелина: 1) Въ правой граматѣ, помѣщенной въ «Актахъ юридическихъ, изданныхъ Археографическою Коммиссіею» подъ N 11, исцы между прочимъ говорятъ судьѣ: «И князь Василей, господине, насъ велѣлъ

(*) См. въ разсужденіи его «Основн. начала Русск. судоустройства и гражданск. судопроизводства отъ Уложенія до учрежд. о губерніяхъ, 1844 г.», стр. 107.

(**) Акты юрид. изд. Арх. Ком. N 26 на стр. 71.

оправити и *грамоты* намъ, господине, *правые велѣлъ просити у судьи*, у Михайла у Гнѣваша; и мы, господине, у Гнѣваша правые грамоты просили, и онъ намъ, господине, правые грамоты не далъ». 2) Въ правой грамотѣ, данной Аврамію Палицыну по спорному дѣлу съ Анисьею Катуниной, напечатанной въ «Дополненіяхъ къ актамъ историческимъ (т. 1, N 157)», помѣщена даже челобитная Палицына (на стр. 275), въ которой онъ проситъ о выдачѣ ему правой грамоты: «И у сказки старецъ Аврамей *билъ челомъ* бояриму... чтобъ ему по государеву указу... и по своему приговору на тое вотчину велѣли дати правую грамоту. И бояринъ князь... старца *Аврамьево челобитье велѣлъ записати*... и въ челобитной пишетъ: «Царю Государю и Великому Князю Василью Ивановичю всеа Русіи бьетъ челомъ нищей твой Государевъ богомолецъ Троицкого Сергіева монастыря чернецъ Аврамьищо Палицынъ. Билъ я челомъ тебѣ, Государю, въ старомъ вотчинномъ дѣлѣ о вершеньи и, по твоему Царьскому указу, твой бояринъ... да дьякъ... дѣло вершили и меня нищего твоего богомолца оправили... Милостивый Государь Царь и Великій Князь Василей Ивановичь всеа Русіи! Пожалуй меня нищего своего богомолца, вели мнѣ дати свою Государеву Царьскую правую грамоту. Царь Государь смилуйся!» И бояринъ Князь... *выслушавъ* старца Аврамьева *челобитную... велѣлъ дати правую грамоту, по чему* ему *впередъ тою вотчиною владѣти;* и велѣлъ на старцѣ Аврамьѣ съ той правой грамоты съ закладной кабалы съ двадцати рублевъ, съ рубля по гривнѣ, взяти государевы пошлины.» За тѣмъ въ грамотѣ слѣдуетъ челобитная Палицына объ освобожденіи его отъ пошлины за правую грамоту. И такъ этимъ свидѣтельствомъ не только подтверждается выводъ, что просьба истца о выдачѣ ему правой грамоты считалась необходимымъ условіемъ для ея полученія, но оно знакомитъ насъ и съ формою такихъ челобитныхъ. Кромѣ того, вмѣстѣ со многими другими данными, предложенная здѣсь выписка не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что правыя грамоты считались крѣпостнымъ актомъ въ рукахъ того, на чье имя онѣ были выданы.

У Татищева, въ примѣчаніяхъ его къ Царскому Судебнику, находится замѣчаніе, что правая грамота давалась и обвиненному, если «судомъ недоволенъ и хочетъ о пересудѣ просить.» (*) Это указаніе впослѣдствіи повторено было гг. Саларевымъ (**) и

(*) Стр. 12.

(**) Въ статьѣ: «Описаніе разнаго рода Росс. грамотъ» въ Вѣстникѣ Европы.

Васильевымъ (*); впрочемъ послѣднiй ссылался уже не на Татищева, а на правую грамоту 1539 г., изданную Сандуновымъ. Мы не знаемъ однако никакого основанiя какъ въ этой грамотѣ, такъ и въ другихъ актахъ, которыми могли бы подкрѣпить выводъ Татищева. Онъ же, имѣя въ виду 42 статью Судебника, дѣлаетъ заключенiе, что присудственное мѣсто не только давало правую грамоту или безсудную тѣмъ, которые именно о томъ просили, но также посылало и обвиненному заочно объявлять «чтобы вѣдалъ».

Сообщ. Д. С.

VIII.

ОКОЛЬНИЧIЙ.

О происхожденiи слова: «Окольничiй» существуютъ различныя мнѣнiя. Карамзинъ производитъ его отъ «около» и думаетъ, что Окольничими назывались вообще чиновники, находившiеся *около государя* (1). Но, выраженное въ такомъ видѣ, производство это не можетъ быть признано вѣрнымъ, ибо: 1) если бъ званiе Окольничихъ происходило прямо отъ «*около*,» то скорѣе бы назвали ихъ *Окольниками*, такъ точно какъ отъ слова: *столъ* произошли *Стольники*, а не Стольничie; 2) еслибъ въ самомъ дѣлѣ таково было происхожденiе этого названiя, то чинъ Окольничихъ явился бы гораздо ранѣе, нежели упоминается объ немъ въ источникахъ: около Князей и Государей всегда были близкiя къ нимъ лица, которыя однако назывались и прежде и послѣ не Окольничими, а ближними мужами, боярами, и т. п.; 3) мы имѣемъ ясное свидѣтельство, что по крайней мѣрѣ въ XVII вѣкѣ приближенныя къ Царю лица, получившiя званiе Окольничихъ, отличались названiемъ *Окольничихъ комнатныхъ* и *ближнихъ* (2).— Другое мнѣнiе кажется намъ гораздо вѣрнѣе. Оно принадлежитъ Татищеву, который въ примѣчанiяхъ къ Судебнику Царя Iоанна Васильевича,

---

(*) Въ «Историческомъ Обозрѣнiи актовъ и судебныхъ бумагъ въ Россiи» въ Трудахъ Общ. И. и древн. Росс. г. V, кн. I. стр. 279.

(1) Ист. Гос. Рос. т. V, примѣч. 47.

(2) См. ниже примѣч. 7.

названіе «Окольничій» связываетъ съ словомъ «околичность» (1). Чтò дѣйствительно «Окольничій» происходитъ отъ «окольній» или «околичный», т. е. приставленный къ извѣстному дѣлу, къ извѣстной должности, подтверждается съ одной стороны тѣмъ, что въ древнихъ актахъ Окольничіе называются иначе «*Околичниками*», названіе, очевидно, указывающее на слова «околичный, околичность» (2), а съ другой стороны значеніемъ слова «околичность» въ смыслѣ обязанности, дѣла. Такъ въ Уставѣ временъ Царя Θеодора Алексѣевича о боярскихъ степеняхъ, относительно должности «боярина и двороваго воеводы» между прочимъ говорится, что онъ долженъ остерегать *о всякихъ воинскихъ околичностяхъ*, сирѣчь смѣту ратемъ и устроеніе и пріуготовленіе оружія», и проч. (3). На этихъ основаніяхъ можно заключить, что, по словопроизводству, Окольничіе получили свое названіе отъ порученія имъ какихъ либо особыхъ опредѣленныхъ обязанностей въ противоположность общимъ обязанностямъ другихъ чиновниковъ. Къ такимъ особымъ назначеніямъ принадлежала между прочимъ, какъ достовѣрно извѣстно, и такъ называемая *околичность дорогъ*. Она заключалась въ томъ, чтобы во время походовъ, предпринимаемыхъ Государемъ, ѣхать напереди, наблюдать, чтобы вездѣ по дорогѣ было чисто и безопасно, исправлять мосты, занимать дворы, заготовлять подводы и на станахъ держать все въ готовности. Но было бы несправедливо, какъ дѣлаетъ исторіографъ Миллеръ, отъ одной *околичности дорогъ* или *пути* производить вообще званіе Окольничихъ. Въ извѣстныхъ намъ источникахъ о такомъ назначеніи Окольничихъ упоминается гораздо позже, нежели встрѣчается это званіе съ изчисленіемъ уже другихъ обязанностей, какія поручались Окольничимъ (4).

Кромѣ приведенныхъ мнѣній, сюда же принадлежитъ одно мѣсто въ сочиненіи Котошихина о Россіи, гдѣ онъ говоритъ, что Царь

---

(1) «Окольничій, имя отъ околичности. Они имѣли въ смотрѣніи границы и судъ пограничный, какъ въ наказѣ губныхъ старостъ написано, что имъ въ пограничные суды не вступать, а отсылать къ Окольничьимъ и они имѣли власть съ заграничными имѣть переписку; они же присутствовали при полевомъ бою или при поединкахъ, потомъ введены въ Палату или Сенатъ и имѣли мѣсто по боярахъ выше думныхъ дворянъ.» См. изд. Судебника Миллера, 1786, М. стр. 8—9.

(2) Акт. Экспед. т. I. № 48 стр. 36.

(3) Архива истор.-юрид. свѣд. кн. I, Отдѣл. II, № 2, стр. 25.

(4) Древн. Росс. Вивліоθ. 2-го изд. ч. XX, стр. 196—197.

жалуетъ иногда въ званіе Окольничихъ «меншихъ родовъ дѣтей» изъ Спальниковъ, по своему разсмотрѣнію. Отсюда видно, что это званіе давалось Спальникамъ, какъ повышеніе. Но такъ какъ его могли получать не одни Спальники, и даже напротивъ для нихъ это считалось особенною милостью; притомъ такъ какъ въ памятникахъ Окольничіе упоминаются ранѣе, чѣмъ Спальники, то ясно, что вообще чинъ Спальника нисколько не былъ необходимымъ условіемъ для полученія званія Окольничаго. Впрочемъ свидѣтельство Котошихина важно для насъ въ томъ отношеніи, что, согласно съ нимъ, званіе Окольничаго давалось въ XVII вѣкѣ независимо ни отъ опредѣленной должности, ни отъ близости къ особѣ Государя. Котошихинъ прямо упоминаетъ, что Окольничіе, получавшіе это званіе изъ Спальниковъ, въ отличіе отъ другихъ назывались Окольничими *комнатными*, а «въ посольственныхъ письмахъ *ближними*, потому что *отъ близости* пожалованы» (1).

Когда и кѣмъ установлено званіе Окольничаго — изъ извѣстныхъ намъ памятниковъ не видно и даже до 1341 года не упоминается объ немъ ни слова. Въ этомъ году названіе «Околничей» встрѣчается въ договорной грамотѣ В. К. Симеона Гордаго съ братьями, при имени одного изъ свидѣтелей (2). Отсюда можно только заключить, что Окольничіе были уже извѣстны прежде означеннаго времени. Второй изъ древнѣйшихъ актовъ, гдѣ встрѣчается названіе «Околничій» есть жалованная грамота В. Князя Рязанскаго Олега Іоанновича Ольгову монастырю (3). Здѣсь Окольничимъ именованъ одинъ изъ бояръ великокняжескихъ, чѣмъ самымъ подтверждается первоначальное значеніе Окольничаго, какъ чиновника съ особенною «околичностью». Поэтому самому въ обоихъ приведенныхъ актахъ на ряду съ Окольничимъ поставлены тысячьскій, княжескій дядько и чашникъ. Съ конца XIV вѣка названіе Окольничій встрѣчается въ памятникахъ уже постоянно; но какъ болѣе опредѣлительныя свѣдѣнія объ немъ находятся въ источникахъ, принадлежащихъ къ царствованію Алексѣя Михайловича и его преемниковъ, то на основаніи ихъ мы разсмотримъ съ возможною подробностію значеніе Окольничихъ до самого уничтоженія этого сана. Что же касается до матеріаловъ предшествующаго времени, то изъ нихъ мы воспользуемся только данными относительно

---

(1) О Россіи въ царствов. Алексія Михайловича, С. П. Б. 1840, стр. 18—19.

(2) Собр. госуд. грам. и догов. т. I. № 23, стр. 37.

(3) Акт. историч. т. I. № 2, стр. 2.

должностныхъ обязанностей и службы Окольничихъ вообще. Эти общія замѣчанія и составятъ первую половину нашей статьи.

Вмѣстѣ съ древнѣйшими свидѣтельствами въ памятникахъ объ Окольничихъ, имъ приписываются уже военныя должности. Карамзинъ говоритъ, что еще до Іоанна III по части военной главными чиновниками были бояре и *Окольничьи* (1). И впослѣдствіи на Окольничихъ лежали постоянно военныя обязанности, чему въ источникахъ находимъ множество примѣровъ. На основаніи ихъ Окольничіе составляли всегда *вторую степень* между княжескими чиновниками, коихъ значеніе и важность, какъ сначала, такъ и впослѣдствіи, опредѣлялись преимущественно правами и обязанностями военными. Въ примѣненіи же къ отдѣльнымъ случаямъ Окольничіе отправляли иногда тѣ же самыя военныя должности, какія исполнялись боярами. Такъ, въ 1584 году на Черемисскихъ мятежниковъ посланы были воеводами Окольничіе князь Дм. Елецкой и князь Ив. Ноготковъ. Такъ въ царствованіе Годунова были отправлены въ Грузію для строенія крѣпостей Окольничіе Бутурлинъ и Плещеевъ (2). Такъ въ 1631 году посланы были «въ городы разбирать дворянъ и дѣтей боярскихъ» въ Рязань бояринъ Годуновъ, а въ Калугу и Тулу Окольничіе, въ первую князь С. В. Прозоровской, а во вторую князь К. Г. Волконской (3).

Кромѣ военныхъ дѣлъ, Окольничимъ, по свидѣтельствамъ памятниковъ, уже рано поручаемы были и должности гражданскія. Такъ они посылались намѣстниками сперва въ города новопостроенные, а потомъ и въ завоеванные. При этомъ имъ давали, какъ и вообще намѣстникамъ, права гражданскія. Но въ особенности о порученіи Окольничимъ въ завѣдываніе судебныхъ дѣлъ независимо отъ должности намѣстника, упоминается въ источникахъ XV и XVI вѣка. Въ жалованной грамотѣ В. Князя Василія Іоанновича жителямъ Смоленскимъ, въ 1514 году, между прочимъ говорится: «а отъ ябедниковъ нашему (т. е. Великокняжескому) Намѣснику и *нашимъ Околничимъ* бояръ и мещанъ и черныхъ людей беречи; а котораго ябедника *утяжутъ*, и они его казнятъ по его винѣ.» Впрочемъ въ этой же грамотѣ судебныя права Окольничихъ ограничиваются слѣдующимъ положеніемъ: «а хто человѣка держитъ въ денгахъ, и онъ того своего человѣка судитъ самъ, а Околничіе въ то у него не вступаютца (4).» Въ Судебникѣ Іоанна Вас III, а впослѣдствіи

---

(1) Ист. Гос. Рос. 2-го изд. т. V. стр. 391.

(2) Ист. Гос. Рос. т. X. примѣч. 30; т. XI, 2-го изд., стр. 60.

(3) Дворцовые Разряды, т. II. стр. 187.

(4) Собр. гос. грам. и догов. т. I. № 148, стр. 412—413.

и въ Судебникѣ Царя Іоанна Васильевича Окольничіе положительно упоминаются въ числѣ органовъ судопроизводства (1); сверхъ того, на основаніи этихъ памятниковъ, въ томъ же значеніи, на нихъ возложена была особенная обязанность — присутствовать при судебныхъ поединкахъ и ими завѣдывать вмѣстѣ съ приставленными къ тому дьяками, за что они и получали опредѣленную (полевую) пошлину (2). На судебную обязанность Окольничихъ указываетъ также порученіе, данное Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Адашеву въ тотъ самый день, когда онъ его пожаловалъ въ санъ Окольничаго. «Алексіе, сказалъ онъ ему, вручаю тебѣ челобитныя пріимати у бѣдныхъ и обидимыхъ, и назирати ихъ съ разсмотрѣніемъ... вся испытно разсмотряти и къ намъ истину приносити .. (3).»

Начиная съ Іоанна III, когда Дворъ Великаго Князя Московскаго дѣлается Дворомъ Государственнымъ, мы встрѣчаемъ Окольничихъ постоянно въ числѣ придворныхъ государственныхъ сановниковъ. Они сопровождаютъ Царя повсемѣстно, а со времени Іоанна Грознаго участвуютъ и въ Царской Походной Думѣ. Но этого мало: какъ чиновниковъ придворныхъ, слѣдоват. приближенныхъ къ Государю, ихъ употребляютъ съ тѣхъ поръ очень часто для особыхъ важныхъ порученій, какъ по дѣламъ собственно придворнымъ, такъ и государственнымъ. Приведемъ въ доказательство нѣсколько примѣровъ. Елена, сестра Іоанна III, спрашивала чрезъ Окольничаго у пословъ Литовскихъ о здоровьи своего жениха; а при отъѣздѣ ея въ Литву въ числѣ провожавшихъ ее находились и Окольничіе. Іоаннъ IV посылалъ Окольничихъ ѣздить по Россіи, чтобъ видѣть всѣхъ дѣвицъ, какія могли быть ему представлены (4). Окольничій Морозовъ возводилъ на Казанскій престолъ царя Еналея; а Окольничій князь Петръ Шуйскій изслѣдовалъ въ Псковѣ дѣло по жалобѣ Псковитянъ о злоупотребленіяхъ тамошняго намѣстника (5). Въ актѣ «чинъ вѣнчанія Царя Θеодора Іоанновича» сказано, что при входѣ Царя въ соборную церковь «по обоимъ странамъ идутъ *околничіе* и прочіе чиновники, множество много,

---

(1) См. въ Судебникѣ Іоанна III начало, а въ Судебникѣ Іоанна IV стт. 1, 2 и 32.

(2) См. въ Судебникѣ Іоанна III статью «о полевыхъ пошлинахъ», а въ Судебникѣ Іоанна IV статьи 9—14.

(3) Ист. Гос. Рос. т. VIII примѣч. 184.

(4) Ист. Гос. Рос. т. VI, 2-го изд., стр. 249 и 253; т. VIII, стр. 92 и примѣч. 164.

(5) Ibid. 2-го изд. т. VII, стр. 33 и 156.

съ великимъ вниманіемъ и украшеніемъ, кождо по своему чину». И далѣе: «Тогда же Царя и В. Князя Околничіе и прочіе чиновники ходятъ по всей церькви и уставляютъ народы, чтобы стояли со всякимъ молчаніемъ, и кротостію, и целомудріемъ и вниманіемъ» (1). Царь Михаилъ Θеодоровичь, уѣзжая изъ Москвы, поручалъ ее въ завѣдываніе бояриву, *Окольничему* и разрядному дьяку (2). Изъ этихъ немногихъ примѣровъ достаточно видно, какія разнообразныя порученія дѣлались Окольничимъ по части гражданской. Но въ особенности постоянными должностными обязанностями Окольничихъ могутъ быть названы слѣдующія три порученія, которыя возлагались по преимуществу на чиновниковъ, имѣвшихъ этотъ санъ: 1) отправленіе дѣлъ посольскихъ за границей; 2) пріемъ въ Россіи иностранныхъ пословъ, особенно въ Царскомъ Дворцѣ; 3) распоряженія во время Царскихъ путешествій и походовъ. О порученіи имъ дѣлъ посольскихъ упоминается въ первый разъ подъ 1503 годомъ, когда, по случаю распрей между Еленою и Александромъ, послами въ Литву отправлены были Окольничіе. Впослѣдствіи посольскія обязанности давались имъ часто и въ разныя мѣста. Такъ Окольничій Заболотскій былъ отправленъ посломъ въ Тавриду къ Хану; Окольничій Морозовъ, вмѣстѣ съ Дворецкимъ, былъ посланъ съ перемирною грамотою въ Краковъ; Окольничій Поплевинъ ѣздилъ посломъ въ Казань для перемирія; Окольничій Лятскій былъ посыланъ къ Польскому Королю Сигизмунду, и проч. Посольскую должность Окольничіе удержали за собою почти до самого уничтоженія этого сана. Что касается до участія ихъ при пріемѣ чужеземныхъ пословъ, то В. К. Іоаннъ III поручалъ имъ слѣдующія должности: одинъ Окольничій долженъ былъ ѣхать за посломъ въ то мѣсто (на подворье), гдѣ онъ останавливался и вмѣстѣ съ нимъ пріѣзжать ко Двору, а другой долженъ былъ встрѣчать его у Дворца, на нижней ступени лѣстницы. Другіе Окольничіе сидѣли вмѣстѣ съ боярами вокругъ Царя, когда онъ принималъ пословъ (3). Объ участіи Окольничихъ въ путешествіяхъ и походахъ Царскихъ, сохранилось много указаній въ источникахъ. Такъ, на прим., на основаніи Разрядовъ царствованія Θеодора Іоанновича, въ 1590 г., когда Царь былъ въ походѣ противъ Шведовъ «передъ Государемъ ѣздили *дворовъ занимать* околничей князь П. С. Лобановъ да думной дворянинъ Пивовъ.» Въ Разрядахъ

(1) Собр. госуд. грам. и догов. т. II № 51, стр. 74.

(2) Дворц. Разр. т. II стр. 79—81.

(3) Ист. Гос. Рос. т. VI, стр. 308 и примѣч. 345; VII, прим. 14 и стр. 7, 114, 143; X, прим. 58 и стр. 187.

царствованія Михаила Θеодоровича, подъ 1619 годомъ, читаемъ: «Августа въ 22 день... Государь Царь пошелъ съ Москвы на Унжу, къ Макарію Желтоводскому чюдотворцу, молиться... а передъ Государемъ были *для становъ* околничіе: Θ. В. Головинъ да И. И. сынъ Бѣгичевъ.» Тамъ же, подъ 1635 годомъ генваря 18, говорится о походѣ Царя къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь, при чемъ «передъ Государемъ *по станомъ*» были окольничіе князь Волконской да Яновъ (1).

Такова была служебная дѣятельность Окольничихъ въ періодъ времени до Царя Алексѣя Михайловича: она разнообразна и давала имъ важное значеніе. Но не смотря на это, Окольничіе, какъ и прочіе чиновники, считались *слугами Государя*, почему Іоаннъ Грозный и казнилъ ихъ вмѣстѣ съ другими лицами. Такъ изъ памятниковъ мы знаемъ, что Окольничіе Петръ Зайцевъ, Григорій Собакинъ, князь Тулуповъ и Никита Борисовъ были казнены наравнѣ съ прочими (2). Однако, по своему значенію, они стояли выше другихъ чиновниковъ, какъ видно изъ того, что судъ надъ ними производилъ самъ Государь, а не поручалъ его ни боярамъ, ни Думѣ (3). Со временъ Θеодора Іоанновича нѣкоторые Окольничіе вступаютъ въ число самыхъ близкихъ лицъ къ Царю: они занимаютъ мѣсто за царскимъ столомъ вмѣстѣ съ ближними боярами, а отсюда и сами получаютъ названіе *ближнихъ Окольничихъ*, которое давало право пользоваться особенною милостію Государя и имѣть къ нему свободный доступъ. Впрочемъ ближнихъ Окольничихъ было немного и такое званіе давалось рѣдко (4).

Въ связи съ приведенными данными о значеніи Окольничихъ вообще, мы должны сказать о выраженіи, которое часто встрѣчается въ памятникахъ: «*въ Околничаго мѣсто*». Новиковъ въ своей Вивліоѳикѣ говоритъ (т. XX, стр. 197), что иногда въ небытность Окольничихъ должность ихъ отправляли и Стольники; «но въ запискахъ при томъ писано, что то дѣлали они *въ Околничаго мѣсто*.» На этомъ основаніи можно полагать, что Стольники замѣняли или заступали мѣсто Окольничихъ, когда ихъ не было,— мнѣніе вполнѣ справедливое, которое ясно подтверждается

---

(1) Др. Росс. Вивліоѳ. т. XX, стр. 196—197. Дворцов. Разр. т. I, стр. 414, т. II стр. 410.

(2) Ист. Гос. Рос. т. IX стр. 268. прим. 484.

(3) Ibid. т. VII прим. 483.

(4) Ист. Гос. Рос. т. X, прим. 111, 359. Древн. Росс. Вивліоѳ. XX, стр. 201.

самими памятниками. Такъ, на прим., изъ словъ: «*Околничіе*, которые передъ Государемъ шли: Григорей Колычовъ, да *въ Околничаго мѣсто* князь Иванъ Козловскій (1)» очевидно, что послѣдній вполнѣ замѣнялъ Окольничаго, на чтó указываетъ даже множественное число: «Околничіе», между тѣмъ какъ въ настоящемъ случаѣ Окольничій былъ собственно одинъ. Но кажется, что Окольничіе имѣли и свои особыя мѣстà, преимущественно во Дворцѣ, которыя имъ были назначены отъ Государя. Это можно подтвердить тѣмъ, что когда посолъ Гарабурда былъ представленъ Царю, то «въ Палатѣ сидѣли .. *бояре*... а *Сибирской Царевичь на Околничемъ мѣстѣ на болшомъ* (2)». Выраженіе «*на Околничемъ мѣстѣ*» прямо указываетъ на то, что у Окольничихъ были свои мѣста; а слово «*на болшомъ*», что мѣстà ихъ были неравны.

Имѣя въ виду служебную дѣятельность Окольничихъ съ самаго перваго появленія ихъ въ памятникахъ до временъ Царя Алексѣя Михайловича, постараемся рѣшить слѣдующіе два вопроса: 1) Было ли какое нибудь различіе между Окольничими? 2) Всякій ли изъ нихъ могъ занимать всѣ должности?

На первый вопросъ отвѣчать очень легко. Источники ясно говорятъ о различіи Окольничихъ по ихъ должностямъ. Такъ одни были «Государевы Околничіе», которые равнялись «Патріаршему боярину» (3); другіе имѣли чинъ «Окольничаго и Дворецкаго (4)»; третьи назывались Окольничій и Оружничій, и наконецъ четвертые, вступая въ должность намѣстника или воеводы какого нибудь города, удерживали также и званіе Окольничаго (5). Такое различіе между Окольничими по должностямъ, какія они занимали, дѣлали ихъ неравными между собою, такъ что одни стояли выше, другіе ниже. Впрочемъ по правамъ, какими пользовались Окольничіе, находившіеся въ изчисленныхъ должностяхъ, можно сказать, что это были высшіе чины между ими. Кромѣ ихъ были еще другіе Окольничьи, имѣвшіе чины или должности низшіе. Къ этимъ

---

(1) Ист. Гос. Рос. т. IX, примѣч. 412.

(2) Ibid. X примѣч. 69.

(3) Выраженіе, встрѣчаемое въ памятникахъ «боярянъ и околничей», собственно принадлежитъ боярамъ, которые такъ назывались потому, что отправляли въ одно время и боярскую должность (у Патріарха) и Окольничаго (у Государя). См. Др. Рос. Вивліоѳ. XX, стр. 133.

(4) Ист. Гос. Рос. VII прим. 154: «били есма челомъ... и Околничему и Дворецкому Ивану Андреевичу.»

(5) Ист. Гос. Рос. т. X, прим. 330: «къ намъ писали съ Тарки Околничей и воевода князь... Хворостининъ съ товарищи.»

послѣднимъ Голиковъ относитъ: *Ловчихъ*, *Сокольничихъ*, *Ясельничихъ*, *Постельничихъ*, *Крайчихъ* и *Казначеевъ* (1). Должности ихъ были придворныя. Такъ Ловчіе завѣдывали всѣмъ, что касалось до охоты Государевой; Сокольничіе преимущественно соколиною охотою; Ясельничіе смотрѣли за упряжью и лошадьми, назначенными для Государевой ѣзды; Постельничіе имѣли надзоръ за опрятностію Государевой постели вообще и за людьми, служившими при спальнѣ; Крайчіе наблюдали за всѣмъ, что относилось до Государева стола: за посудой, напитками, и проч; Казначеи смотрѣли за Государевою казною, и въ особенности охраняли Государево платье отъ волшебствъ и чародѣйствъ (2). Всѣ эти должности могли быть отправляемы, а многія даже и отправлялись Окольничими.

Что касается до втораго вопроса, т. е. всякій ли Окольничій могъ занимать извѣстную должность, то источники отвѣчаютъ на него обстоятельно. Такъ, на примѣръ, нигдѣ не упоминается въ нихъ, чтобы Крайчій, въ званіи Окольничаго, былъ и воеводою въ полку; напротивъ извѣстно, что Окольничіе занимали должности и Сокольничихъ и Ловчихъ вмѣстѣ, или Оружничихъ и Дворецкихъ (3). Такъ какъ эти должности были придворныя, то отсюда слѣдуетъ заключить, что одни Окольничіе занимали одну, другіе — другую должность, но что одинъ и тотъ же Окольничій только въ томъ случаѣ могъ занимать два разные мѣста, когда они относились къ одному и тому же разряду должностей. На прим. Окольничій, бывъ Ловчимъ, могъ также сдѣлаться и Сокольничимъ (4); но какъ первая, такъ и послѣдняя должность принадлежали къ одному и тому же роду службы — къ охотѣ Государевой. Что касается до обязанностей судебныхъ, то ихъ большею частію отправляли Окольничіе придворные, именно въ соотвѣтственныхъ занимаемымъ ими должностямъ Приказахъ. На прим. Казначей присутствовалъ въ Казенномъ Приказѣ, Ясельничій въ Конюшенномъ (5), и т. п.

Относительно производства въ Окольничіе нельзя сказать ничего положительнаго. Срока для выслуги не было назначено; но должно полагать, что онъ былъ очень продолжителенъ. Такъ, на прим.,

---

(1) Дополн. къ дѣян. Петра В. III, стр. 300, 309.

(2) О стар. степ. чин. въ Россіи стр. 32. Доп. къ дѣян. Петра В. Голикова III, 301, 303, 305, 310, 311.

(3) Древ. Росс. Вивліоѳ. XX, 186. Ист. Гос. Рос. т. IX, прим. 25.

(4) Древн. Росс. Вивліоѳ. т. XX, стр. 186.

(5) О стар. степ. чин. стр. 35. Доп. къ дѣян. Петра В. III, стр. 303, 310.

извѣстно, что Θедоръ Мих. Наумовъ служилъ до званія Окольничаго 25 лѣтъ (1). Самый порядокъ производства въ Окольничіе былъ довольно разнообразенъ. Въ это званіе жаловались изъ Ловчихъ, Сокольничихъ, Оружейничихъ, Казначеевъ, Думныхъ Дьяковъ, а иногда и прямо изъ Спальниковъ и Стольниковъ, но въ этихъ двухъ послѣднихъ случаяхъ производство въ Окольничіе считалось особенною Царскою милостію (2).

Множество должностей, какія давались Окольничимъ, заставляетъ думать, что ихъ было значительное число, которое однако вообще опредѣлить трудно. Въ частности мы знаемъ, что Василій Темный оставилъ своему сыну одного Окольничаго. Іоаннъ III въ 1480 году имѣлъ ихъ уже 9, и наконецъ при немъ число ихъ увеличилось до 21 человѣка; въ началѣ княженія Василія Іоанновича оставалось ихъ 7, а послѣ при немъ же ихъ было 31; при вступленіи на престолъ Царя Іоанна Васильевича былъ только одинъ Окольничій, но въ теченіи 50-лѣтняго государствованія его ихъ насчитывалось 74; по принятіи престола Царемъ Θеодоромъ Іоанновичемъ оставалось ихъ 5, и впослѣдствіи число ихъ не превышало 12; при Борисѣ Годуновѣ считалось ихъ 17; при Самозванцѣ—18; въ Междуцарствіе—13; въ 1616 году—6 (3).

Жалованье Окольничимъ давалось различное, смотря по тому кто какую занималъ должность; но и въ этомъ отношеніи опредѣлить съ точностію его количества мы не можемъ. Самое большое содержаніе, какое получали Окольничіе до временъ Царя Алексѣя Михайловича простиралось до 300 рублей. Впрочемъ не всѣмъ выдавалось жалованье, а напротивъ бо̀льшая часть Окольничихъ служила безъ денежнаго оклада; но въ замѣнъ этого нѣкоторые изъ нихъ получали извѣстное количество помѣстной земли (4).

Болѣе подробныя и любопытныя свѣдѣнія объ Окольничихъ встрѣчаются въ памятникахъ со временъ Царя Алексѣя Михайловича. Въ нихъ мы находимъ такіе факты, которые прямо указываютъ на Окольничихъ, какъ на необходимые органы правленія. Приведемъ нѣсколько примѣровъ въ подтвержденіе этихъ словъ. Въ Уложеніи 1649 года сказано, что изъ пяти человѣкъ, трудившихся

---

(1) Ист. Гос. Рос. т. VI, 2-го изд. стр. 347; Др. Рос. Вивліоѳ. XX. 185.

(2) Др. Рос. Вивліоѳ. XX, 185, 186, 183, 184. Доп. къ дѣян. Петра В. III, стр. 281, 278.

(3) Карамз. Ист. Гос. Рос. VI, 347. Древн. Рос. Вивліоѳ. XX, 199, 200. Доп. къ дѣян. Петра В. III, 298.

(4) Древн. Росс. Вивліоѳ. XX, 200, 189.

надъ его составленіемъ одинъ былъ Окольничій (кн. Θедоръ Волконскій); далѣе во всѣхъ важныхъ случаяхъ, при сношеніяхъ съ иностранными Дворами, присутствовали Окольничіе, на прим. при заключеніи мира съ Швеціею, Польшею, Ханами Крымскими и Малороссіею. Наконецъ, они были присутствующими и въ Тайной Думѣ Царской, гдѣ имѣли мѣсто только одни избранные Государемъ. Само собою разумѣется, что не всѣ Окольничіе участвовали въ этой Думѣ — ихъ было для того слишкомъ много — а только ближніе, т. е. тѣ, которые пожалованы изъ Спальниковъ въ Окольничіе, или «которымъ приказано бываетъ приходить», какъ пишетъ Котошихинъ. Но далѣе онъ же прибавляетъ: «а иные бояре и околничіе и думные люди въ тое полату, въ думу и ни для какихъ нибуди дѣлъ не ходятъ, развѣе Царь укажетъ (1).» Имѣя въ виду это общее замѣчаніе, разсмотримъ теперь въ особенности тѣ различныя обязанности, какія поручались Окольничимъ со времени Царя Алексѣя Михайловича. Онѣ были слѣдующія:

1) Окольничіе, какъ мы сей часъ видѣли, сидѣли съ Царемъ, боярами и Думными людьми въ Думѣ, въ которой разсуждалось «о иноземскихъ и о своихъ государственныхъ дѣлѣхъ (2).» На этомъ основаніи Окольничіе должны были участвовать въ рѣшеніи всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ, какія только могли быть въ тогдашней Россіи.

2) Они были главными судьями въ Приказахъ. Чтобы разсмотрѣть въ этомъ отношеніи дѣятельность Окольничихъ, необходимо сказать о тѣхъ Приказахъ, которые, на основаніи источниковъ, были подъ ихъ вѣдомствомъ. Сюда относятся: a) *Приказъ Розрядной*. Въ немъ производились военныя дѣла, т. е. относящіяся до строенія городовъ, крѣпостей, починки оружія, наградъ за службу и жалованья. b) *Приказъ Помѣстный*. Сюда принадлежали всѣ дѣла, касавшіяся до продажи и покупки земли частными лицами; здѣсь же вѣдались дѣла о дачѣ вотчинъ и помѣстьевъ. c) *Приказъ Большой Приходъ*. Онъ имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи доходы съ лавокъ, гостинныхъ дворовъ, погребовъ, также таможенныя пошлины, мытъ, перевозъ, мостовщину. d) *Приказъ Новая Четверть*. Сюда поступали деньги съ кружечныхъ дворовъ, которые были на «вѣрѣ» и откупу во многихъ городахъ и селеніяхъ; сюда же приводили для наказанія всѣхъ тѣхъ, кто продавалъ тайно вино

---

(1) О Россіи въ царств. Алексія Мих., соч. Гр. Кошихина, стр. 19.
(2) Ibid.

или табакъ. e) *Оружейный Приказъ* завѣдывалъ всѣми дворами, гдѣ дѣлалось оружіе. f) *Приказъ золотаго и серебрянаго дѣла*. Ему подчинены были всѣ мастера, занимавшіеся золотыми и серебряными издѣліями для Церкви или Царя. g) *Монастырскій Приказъ*. Въ немъ разбирались и рѣшались всѣ дѣла̀, относившіяся до духовныхъ властей и низшихъ лицъ духовнаго вѣдомства; сюда же поступали всѣ подати, которыя должны были платить крестьяне, принадлежавшіе духовнымъ властямъ и монастырямъ. h) *Приказъ челобитный*. Въ этотъ Приказъ поступали всѣ челобитныя, какія подавались лично Царю; сверхъ того здѣсь судились приказные люди, дьяки, подьячіе, сторожа̀ и ходаки. Во всѣхъ этихъ Приказахъ Окольничіе были главными начальниками и судьями. Но должно еще упомянуть о двухъ Приказахъ, именно о *Приказѣ Большаго Дворца*, который имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи дворы Сытенный, Кормовой, Хлѣбный и Житенный, и о *Приказѣ Разбойномъ*, гдѣ разсматривались и судились, какъ въ высшей инстанціи, уголовныя дѣла,— въ коихъ также присутствовали Окольничіе; но въ нихъ они были главными судьями только тогда, когда здѣсь не присутствовалъ бояринъ, главный ихъ начальникъ: въ такомъ случаѣ они должны были замѣнять его (1). Всѣ эти Приказы находились подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Окольничихъ. Но такъ какъ каждый Приказъ имѣлъ свои особенныя дѣла̀, которыя могли быть весьма разнообразны, то и судебная дѣятельность Окольничихъ была также разнообразна: они рѣшали дѣла̀ и гражданскія и уголовныя въ полномъ значеніи этихъ словъ.

Судъ свой Окольничіе должны были отправлять честно и справедливо, ибо въ противномъ случаѣ ихъ ожидало наказаніе, которое состояло въ денежной пенѣ и лишеніи званія Окольничаго. Такъ въ Уложеніи (2) сказано: «А будетъ которой... околничей... исца или отвѣтчика по посуломъ или по дружбѣ или по недружбѣ праваго обвинитъ, а виноватаго оправитъ, а сыщетца про то допряма... взяти (на немъ) исцовъ искъ втрое и отдати исцу да и пошлины и пересудъ и правой десятокъ взяти на государя (на

(1) О Россіи, соч. Кошихина, стр. 69, 74, 84, 86, 88, 70. Опредѣляя въ главныхъ чертахъ предметъ вѣдомства каждаго изъ начисленныхъ выше Приказовъ, мы имѣли въ виду почти исключительно это сочиненіе, предполагая, что столь важный отдѣлъ древняго Русскаго права, не смотря на нѣкоторыя относящіяся къ нему статьи новыхъ писателей, требуетъ особаго подробнаго изслѣдованія.

(2) Главы X, статья 5.

немъ же), да за тужъ вину у... околничего *отняти честь.*» Впрочемъ отсюда нельзя заключать, чтобы званіе Окольничаго было ничтожно, когда за неправый судъ онъ могъ лишаться своего званія, не льзя заключать потому, что такому же наказанію подлежали, въ случаѣ пристрастнаго рѣшенія дѣла, всѣ судьи, въ томъ числѣ и бояре (1): Царь Алексѣй Михайловичь сдѣлалъ для всѣхъ органовъ суда это строгое постановленіе, желая, чтобы всѣ они судили справедливо и честно. Но съ другой стороны, Окольничимъ, наравнѣ съ боярами дано было важное право, находясь воеводами въ Сибири и Астрахани, казнить воровъ, разбойниковъ и иныхъ злочинцевъ изъ простаго народа, безъ указу Царскаго; о преступникахъ же высшаго сословія они должны были писать въ Москву (2). Относительно суда по ихъ собственнымъ дѣламъ, они пользовались привиллегіей не платить пошлинъ за грамоты и указы, какія посылались по ихъ челобитью изъ Москвы въ разные города. Замѣтимъ кстати, что въ своихъ помѣстьяхъ они были освобождены отъ платы мыта, перевоза и мостовщины (3).

3) Окольничіе, занимая мѣсто воеводы въ извѣстномъ городѣ, завѣдывали всѣми дѣлами этого города. Подтвержденіемъ тому служатъ многіе дошедшіе до насъ наказы и грамоты, полученные Окольничими — воеводами при Алексѣѣ Михайловичѣ и въ позднѣйшія царствованія. Здѣсь встрѣчаются самыя разнообразныя обязанности, какія лежали на Окольничихъ относительно управленія ввѣренныхъ имъ городовъ и уѣздовъ. Не говоря объ ихъ дѣятельности по части гражданской, укажемъ на различныя порученія, которыя они должны были исполнять въ отношеніи военномъ. Такъ они обязаны были смотрѣть за крѣпостями, чтобы онѣ находились въ исправности, въ случаѣ нападенія непріятеля; строили вновь остроги и другія укрѣпленія; высылали ратныхъ людей на службу, когда этого требовалъ Государь; собирали для нихъ хлѣбные и другіе припасы и деньги; отводили имъ помѣщеніе; наконецъ имъ же давался наказъ о верстаніи во всѣхъ городахъ дѣтей боярскихъ и недорослей, способныхъ въ службу, помѣстьями и денежнымъ окладомъ (4). Но относительно суда дѣятельность ихъ была ограничена съ одной стороны изъятіемъ отъ завѣдыванія ихъ различныхъ общинъ и отдѣльныхъ лицъ, свѣтскихъ и духовныхъ, а съ

---

(1) Улож. гл. X, ст. 5. и Котоших. стр. 93.
(2) Ibid. стр. 98.
(3) Уложеніе, главы XVIII ст. 56. Полн. собр. закон. т. I, 13.
(4) Полн. собр. закон. I, 257, 419, 277, 346, 546, 264.

другой — правиломъ, что они, какъ и прочіе судьи, не должны судить дѣла тѣхъ людей, отъ кого подано на нихъ подозрѣніе (1).

4) Окольничіе присутствовали при пріемѣ Государемъ иностранныхъ пословъ. Въ этомъ отношеніи они должны были, при первой аудіенціи посламъ, передавать имъ Царскую рѣчь, которая состояла въ томъ, что Царь спрашивалъ о здоровьѣ иностраннаго Государя. Точно также и при отпускѣ чужеземныхъ пословъ за границу Окольничіе, вмѣсто Царя, говорили имъ рѣчь. Кромѣ того, вмѣстѣ съ другими сановниками, они принимали «въ отвѣтъ» въ Посольскомъ Приказѣ, посланниковъ, которые пріѣзжали въ Россію (2).

5) Окольничіе отправляли и сами должность пословъ. Впрочемъ они посылались не во всѣ Государства, а только въ болѣе значительныя: къ Королю Шведскому, Польскому, къ Шаху Персидскому. При отпускѣ ихъ за границу, имъ давалось «Царское жалованье денежное по окладу ихъ на 2 года, да чѣмъ подняться на службу противъ одного года. да соболей на 400. или на 300, или на 250, а иногда и на 200 рублей, да въ дорогѣ Царское жалованье, съѣстные припасы и разные напитки.» Если же посылаемые Окольничіе были только что пожалованы въ это званіе и еще не обзавелись наряднымъ платьемъ или конскою сбруею, то имъ давались Царскія лошади со всею «службою, а къ платью и на шапки запоны»; но по пріѣздѣ своемъ въ Россію Окольничіе все это возвращали въ Царскую казну. Когда такимъ образомъ они были готовы къ отъѣзду, имъ давался наказъ, какъ ѣхать дорогой, что̀ говорить съ чужеземнымъ Государемъ и его приближенными, что̀ отвѣчать и даже что̀ дѣлать. За удачное исполненіе посольскаго порученія Царь дарилъ Окольничихъ «собольими шубами, крытыми золотнымъ бархатомъ или атласомъ», также давалъ имъ вотчины или деньги на покупку вотчинъ (3).

6) Наконецъ объ Окольничихъ слѣдуетъ замѣтить, что иногда Царь бралъ ихъ съ собою въ походъ по назначенію; на время же своего отсутствія оставлялъ свой Дворъ и Москву для обереженія одному боярину и двумъ Окольничимъ съ нѣсколькими думными людьми, — фактъ очень важный, потому что онъ ясно указываетъ

---

(1) Полн. собр. зак. I, 553. Улож. гл. X ст. 3.
(2) Котоших. стр. 51, 49, 52, 53.
(3) ibid. стр. 33, 37, 42, 58.

на значеніе этихъ сановниковъ и на особенное отношеніе и довѣріе къ нимъ Царя (1).

Сверхъ всѣхъ исчисленныхъ обязанностей были еще другія, или, лучше сказать, встрѣчаются въ памятникахъ отдѣльные случаи, въ коихъ нѣкоторыя обязанности исполнялись также Окольничими независимо отъ ихъ прямыхъ должностей. Такъ они ставили иногда на Царскій столъ яства, когда при Дворѣ бывали чужеземные послы; отвѣдывали кушанье и отпускали его къ Царю; но кажется, что на эти временныя назначенія должно смотрѣть какъ на придворную пышность. Съ другой стороны поручалось иногда Окольничимъ, вмѣстѣ съ боярами, пересматривать Стольниковъ, Стряпчихъ, Дворянъ Московскихъ и Жильцовъ и брать у нихъ сказки, чтобъ знать сколько за кѣмъ состоитъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ; уравнивать службою и податьми людей разнаго чина; собирать деньги на жалованье ратнымъ людямъ. Изъ актовъ, относящихся къ 1680 году извѣстно, что они, вмѣстѣ съ боярами, завѣдывали дѣлами Приказа Большой Казны, Московскою таможнею, Помѣрною и Мытною избами; отсюда видно, что около этого времени и финансовая часть взошла въ составъ предметовъ ихъ вѣдомства (2).

Въ заключеніе обзора дѣятельности Окольничихъ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, остановимся на правѣ ихъ присутствовать, вмѣстѣ съ боярами и думными людьми, въ Расправной Палатѣ, гдѣ они слушали судныя дѣла, переходившія сюда изъ разныхъ Приказовъ, также въ нѣкоторыхъ случаяхъ принимали челобитныя и дѣлали по нимъ рѣшенія (3). Основываясь на этомъ фактѣ, можно сказать, что все судопроизводство въ высшей инстанціи было въ рукахъ бояръ, Окольничихъ и Думныхъ людей, потому что дѣла, поступавшія на ихъ рѣшенія изъ Приказовъ могли быть чрезвычайно разнообразны и сложны.

Когда Царевна Софія сдѣлалась Правительницею Государства, то она указала боярамъ и Окольничимъ докладывать себѣ о всѣхъ дѣлахъ (4). Въ памятникахъ этого времени упоминается особенно о слѣдующихъ обязанностяхъ Окольничихъ: а) Они приводили въ исполненіе Царскіе указы. Такъ, по указу Царей Іоанна и Петра, Окольничій Засѣкинъ съ товарищи велѣлъ взять на воинно-

---

(1) Котоших. стр. 24.
(2) Ibid. стр. 20, 61. Полн. собр. зак. т. II, 89, 381, 199, 267.
(3) Полн. собр. зак. т. II, 281.
(4) Ibid. стр. 401.

плѣнныхъ записи и на вольноотпущенныхъ людей, изъ Холопьяго Приказа, кабалы; такъ Окольничій Ржевскій объявилъ Приказу Большой Казны о выборѣ въ городахъ, гдѣ нѣтъ посадскихъ, къ таможеннымъ питейнымъ сборамъ въ головы и цѣловальники изъ служилыхъ людей (1). b) По случаю избранія новаго гетмана въ Малороссію, они въ числѣ другихъ чиновъ присутствовали на Радѣ. Въ это же время первоначальная ихъ дѣятельность какъ военныхъ начальниковъ, является въ полной силѣ. Они не только договариваются съ чужеземцами, какъ военные чиновники, но также посылаются на войну главными воеводами. Такъ Окольничій Неплюевъ былъ назначенъ въ Крымскій походъ главнымъ воеводой; такъ шертная запись Калмыцкаго Тайши дана была при Окольничемъ князѣ Щербатовѣ; въ договорахъ между Россіею и Польшею всегда участвовали Окольничіе (2).—Что касается до значенія Окольничихъ, какъ придворныхъ сановниковъ, то въ этомъ отношеніи упоминается о нихъ какъ при вѣнчаніи Царя Θеодора Алексѣевича (впереди и позади его шли Окольничіе до Грановитой Палаты, а оттуда и до собора), такъ и при вѣнчаніи Царей Іоанна и Петра (Окольничіе несли ихъ скипетры). Впрочемъ «Крайчій съ путемъ» писался выше Окольничаго; но именно потому, какъ сказано въ памятникахъ, «что онъ тою честію пожалованъ съ путемъ (3).» Въ замѣнъ того приведемъ одинъ указъ, выставляющій высокое значеніе Окольничихъ того времени: этимъ указомъ (4) дьякамъ предписывается спрашивать у Окольничихъ объ уступкѣ и мѣнѣ помѣстій въ ихъ домахъ, а не въ Приказахъ, т. е. дьяки не должны были вызывать Окольничихъ въ Приказы, но обязаны были ѣхать къ нимъ въ домъ, какъ къ знатнымъ сановникамъ Государства. Нѣтъ однако никакого сомнѣнія, что Окольничіе должны были подчиняться всѣмъ государственнымъ распоряженіямъ наравнѣ съ другими подданными. Такъ, на примѣръ, всѣ они, за исключеніемъ только находившихся на службѣ, обязаны были собирать съ своихъ крестьянъ деньги на жалованье ратнымъ людямъ, и если кто изъ нихъ не платилъ этихъ денегъ, то съ него взыскивалось вдвое; земли ихъ измѣрялись и описывались, какъ и всѣ прочія; въ случаѣ же препятствія тому брали по 50 рублей съ человѣка штрафа; такъ

---

(1) Полн. собр. зак. II, стр. 589, 944.
(2) Ibid. II, 905, 80, 168.
(3) Ibid. II, 288, 47, 50, 417, 138. Др. Рос. Вивліоθ. XX, 183.
(4) См. Полн. собр. зак. II, 104.

они должны были участвовать въ крестныхъ ходахъ, иначе подвергались аресту или запрещенію съѣзжать на извѣстное время со двора (1). За вѣрную службу Царямъ Окольничіе щедро награждались. Награды, которыя они получали, состояли въ вотчинахъ, деньгахъ и кафтанахъ, а иногда въ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. За службу противъ Турецкаго Султана они пожалованы были каждый 300 четвертями (земли); за сохраненіе спокойствія въ Малороссіи и за успѣшныя дѣйствія противъ Турокъ и Крымцевъ, Окольничіе получили въ награжденіе «кафтанъ атласъ золотной на соболяхъ, кубокъ золоченъ съ кровлею, да денежныя придачи 70 руб.»; за подвиги въ войнѣ съ Польшею имъ дано по 300 четвертей и денежной прибавки по 70 рублей; а по случаю мира съ нею, Окольничіе, участвовавшіе при его заключеніи, получили по кубку серебряному вѣсомъ въ 3 фунта, по кафтану атласному на соболяхъ, цѣною въ 150 рублей, къ прежнимъ окладамъ придачи по 120 рублей, да на вотчины по 3000 ефимковъ; за Крымскій походъ имъ пожаловано по кафтану золотному на соболяхъ, по кубку съ кровлею серебряныхъ золоченыхъ, да денежной придачи по 80 рублей. Всѣ эти награды давались большею частію за военныя подвиги; поэтому онѣ важны для насъ въ томъ отношеніи, что указываютъ на военную дѣятельность Окольничихъ, какъ на первоначальную и главную. За прочія службы, кромѣ изчисленныхъ наградъ, Окольничіе получали иногда незаселенныя земли (2).

Жалованье Окольничимъ въ послѣднее время чрезвычайно увеличилось: начиная отъ 300 и 570 рублей, оно доходило даже до 1000 (3).

Что касается до числа Окольничихъ, то при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ ихъ было 31 человѣкъ; при вступленіи на престолъ Ѳеодора Алексѣевича 12; въ малолѣтство Петра Великаго, въ 1686 году, 30; до 1692 г. прибыло ихъ 45, а въ 1692 году осталось 61; въ 1705 году ихъ было 18 человѣкъ; наконецъ въ 1711 году ноября 4, Государь, будучи въ городѣ Элбингѣ, пожаловалъ изъ Стольниковъ въ Окольничіе Алексѣя Александровича Юшкова, со смертію котораго это званіе и прекратилось (4).

Н. Калугинъ.

(1) Полн. собр. зак. т. II, 198, 615, 641.

(2) Ibid. т. II, 315, 618, 787, 803, 894, 32.

(3) Древн. Рос. Вивліоѳ. XX, 200.

(4) Ibid.

VIII.

ЗАМѢЧАНІЯ О СЛОВѢ «ДУМА».

I.

Дума въ старину не принималась въ значеніи Государственнаго Совѣта, и слово это не происходитъ отъ *думать, разсуждать*, хотя съ нимъ однокоренное; *Дума* означала *верхъ* въ смыслѣ Двора, Дворца Государева, какъ послѣ «*быть на верху*» означало быть во Дворцѣ. *Дом, дым, дум* означаетъ первоначально возвышеніе, нѣчто возвышающееся: отсюда *домъ* — зданіе, *дымъ* — ѳиміамъ, восходящій къ небу, вверхъ; отсюда и *дума* — гордость, возвышеніе въ нѣкоторыхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, и *дума*—актъ мышленія, ибо, мысля, существо человѣка возносится на верхъ, живетъ головою. Чтò *Дума* означала не иное что, какъ зданіе Дворца или Дворъ Государевъ, лучшимъ доказательствомъ служитъ слѣдующее мѣсто въ Статейномъ спискѣ посольскихъ сношеній Польскаго Короля Сигизмунда и Литовской Рады съ Московскимъ Великимъ Княземъ Іоанномъ Васильевичемъ (см. «Акты, относящіеся къ Исторіи Западн. Россіи», т. II, № 175, стр. 252): «А Князь Великій сидѣлъ въ брусяной избѣ, а у него бояре, и околничіе, и дворецкіе, и *дѣти боярскіе, которые живутъ въ Думѣ*, и дѣти боярскіе прибылные, *которые не живутъ въ Думѣ*».

С. Соловьевъ.

II.

Соглашаясь съ напечатаннымъ выше мнѣніемъ ученаго автора о словѣ «*Дума*» относительно первоначальнаго его значенія, я предложу здѣсь свое замѣчаніе объ немъ, какъ о *терминѣ юридическомъ* въ томъ смыслѣ, какое оно имѣло на Руси по крайней мѣрѣ въ XVII вѣкѣ. Извѣстно, во-первыхъ, что часто встрѣчающіяся въ древнихъ памятникахъ выраженія: «Дворяне *въ Думѣ*, дьяки *въ Думѣ*, или также *думные* дворяне, *думные* дьяки и вообще *думные люди* означали именно не тѣхъ, которые жили во Дворцѣ или на Дворѣ Государевомъ, а тѣхъ, которые присутствовали (все равно гдѣ бы они ни жили) въ засѣданіи, назначенномъ для совѣщаній о государ-

ственныхъ дѣлахъ и для соединенныхъ съ этими совѣщаніями занятій. Такъ Котошихинъ прямо говоритъ: «И какъ Царю лучится сидѣти съ бояры и *думными людми въ думѣ о иноземскихъ и о своихъ государственныхъ дѣлѣхъ*, и въ то время бояре и околничіе и думные дворяне... *о чемъ лучится мыслити, мыслятъ съ Царемъ, яко обычай и индѣ въ Государствахъ*» (1). Такую Думу можно назвать общею, *Большою*, или Думою въ обширномъ смыслѣ, ибо въ ней принимали участіе всѣ бояре, окольничіе и думные люди. Въ этомъ смыслѣ, всѣ получавшіе званіе боярина, окольничаго или думнаго дворянина, думнаго дьяка eo ipso получали право находиться въ Думѣ; почему они въ то же время давали слѣдующую присягу: «А что пожаловалъ Государь Царь и Великій Князь мнѣ... быти у себя Государя *въ Думѣ*, и мнѣ Государю своему.. служити и прямити во всемъ и *его Царскіе думы и боярского приговору* никому не проносити и его Государскіе и земскіе всякіе дѣла дѣлати» (2). Во-вторыхъ, что упомянутое выше засѣданіе думныхъ людей называлось *Думой* — также свидѣтельствуетъ Котошихинъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ объ особенной или *Тайной Думѣ*: «А какъ Царю лучится о чемъ *мыслити тайно*, и *въ той Думѣ* бываютъ тѣ бояре и околничіе ближніе, которые пожалованы изъ спалниковъ, или *которымъ приказано бываетъ приходить*» (3). Напротивъ сомнительно, называлась ли именно *Думой* та «Палата» во Дворцѣ, гдѣ происходили означенныя засѣданія: Котошихинъ въ приведенномъ сей часъ мѣстѣ выражается объ ней такъ: «а иные бояре, и околничіе, и думные люди *въ тое полату въ Думу* и ни для какихъ нибуди дѣлъ не ходятъ, развѣе Царь укажетъ.» Въ другомъ мѣстѣ, говоря о Стряпчихъ, онъ замѣчаетъ: «чинъ ихъ таковъ: какъ Царю бываетъ выходъ въ церковь, или въ походъ на потѣхи, или въ *полату въ Думу*, и для обѣдовъ, и въ то время несутъ передъ нимъ скифетръ» (4).

Н. Калачовъ.

---

(1) См. соч. Котошихина: о Россіи въ царств. Алексія Михаиловича, стр. 19.

(2) Древн. Росс. Вивліоѳики, изд. 2-го, ч. VIII, стр. 62, 63, 64, 71, 74, 75, 91.

(3) Котоших. стр. 19.

(4) Ibidem стр. 20.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно читать:*
Предислов.			
II	26	десталены	доставлены
—	27	другое	другое отъ
XII	3 *снизу*	божествамъ	божествамъ:
XIII	33	къ пей	къ ней
XXVIII	10 *снизу*	мѣстà	мѣстà,
LX	15	требуютъ	требуетъ
Отд. I.			
5	17 и 18	λαῖκὸν ἔτι ὄνῖα	λαϊκὸν ἔτι ὄντα
7	13	πεσκήςων	πεσκήσιον
—	—	χοράζων	χοράζιον
15	6	εἶρήνην	εἰρήνην
—	9 и 10	ἄνῶδεν... συνηνέιαν	ἄνωθεν... συνηθείαν
16	2	В. К. Московскіе	В. К. Московскіе и В. К. Литовскіе
19	3 и 2 *снизу*	прозванный	прозванный
141	1 *снизу*	Срезневскаго ;	Срезневскаго);
Отд. II.			
52	12	Малахіева	Малахіева.
56	2 *снизу*	оложилъ	положилъ
63	10	еына	сына
116 и др.	19 и др.	*Главы 48,*	*Грани 59,*
Отд. III			
61	3	сващенника	священника
79	2 *снизу*	В Князя	В. Князя
85	14	Черніи	Черніи
94	14	областію	областію.
102	5	Половц	Половцами
105	22	шурья мъ	шурьямъ
117	10 *снизу*	подробнѣе	подробнѣе,
121	13 *снизу*	одписанный	подписанный
135	7 *снизу*	помѣщенноп	помѣщенной
137	3 *снизу*	г. V,	т. V,
149	10	веровъ,	воровъ,

Примѣчаніе. Во II-мъ Отд. на стр. 139, строкѣ 1-й, годъ «184» означенъ, кажется, въ подлинникѣ невѣрно (слич. Др. Рос. Вивл. ч. XX, стр. 124, строки 9—12). Тамъ-же, на стр. 140, строкѣ 13, слово: «Постелничей» въ подл. кажется невѣрно отнесено къ одному «Аничкову»; оно должно быть замѣнено словомъ: «*Постелничіе*» и относиться также къ «Ртищеву» и «Полтеву» (слич. Др. Рос. Вивл. ч. XX, стр. 112, 120, 122, 124).